

СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»

Дорогой моей Лере
с благодарностью
за помощь всю жизнь
(и с этой книгой тоже),
с любовью и преданностью

[illegible]

20 октября 1985 года

Лера — Валерия Леоновна Лейбович

Документы
и материалы

В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЬ

СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА

ТОМ I

ЗАПИСКИ И ПИСЬМА

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство
1985

Издание подготовлено
Н. В. ЗЕЙФМАН,
В. П. ШАХЕРОВЫМ

Ответственный редактор
С. В. ЖИТОМИРСКАЯ

Рецензент *Э. А. Павлюченко*

Надо быть равнодушным ко всему,
чтобы не пострадать с неравнодушными.

В. И. Штейнгейль

ДЕКАБРИСТ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ШТЕЙНГЕЙЛЬ

В. И. Штейнгейль вошел в Северное общество декабристов за год до восстания. В свои 42 года он был значительно старше большинства других декабристов. Человек государственного ума, с богатым жизненным опытом, убежденный патриот, знаток социальных и экономических проблем России и автор многочисленных проектов ее переустройства, ученый и, наконец, обладатель редкостного литературного таланта, чьи сочинения и эпистолярия достойны занять место в ряду памятников русской литературы,—таким предстанет В. И. Штейнгейль со страниц этой книги. Трезвый критик Конституции Н. Муравьева, участник подготовки восстания 14 декабря 1825 г., автор обличительных писем к царю и мемуаров о восстании, под конец жизни печатавшийся на страницах герценовских изданий, — всем этим В. И. Штейнгейль вписал свое имя в историю движения декабристов.

Творческое наследие В. И. Штейнгейля обширно: его мемуарные сочинения, письма, политические записки и научные труды займут два тома в серии «Полярная звезда». Впервые собранные вместе, эти материалы представят декабриста во всем своеобразии его судьбы и личности и вместе с тем расширят источниковую базу для изучения общественно-политической мысли и освободительного движения в России первой половины XIX в.

Целостное представление о жизни и деятельности

В. И. Штейнгейля еще не сложилось. Широко известны лишь некоторые наиболее важные его произведения, сам же он, как историческое лицо, остается в тени. Написанный еще в 1905 г. биографический очерк В. И. Семевского до сих пор считается опорным в историографии декабриста. Он предварял публикацию Записок В. И. Штейнгейля, выполненную П. Е. Щеголевым[1], и по существу позиции биографа не выходил за их рамки. Семевский использовал также дело III Отделения по наблюдению за В. И. Штейнгейлем[2] и кратко пересказал некоторые сочинения декабриста.

Современная историческая литература о Штейнгейле представлена либо краткими недокументированными биографическими справками[3], либо работами, посвященными отдельным периодам его жизни[4] или некоторым аспектам его мировоззрения, деятельности и творчества[5].

---

[1] Семевский В. И. Барон Владимир Иванович Штейнгейль.— В кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. т. 1, с. 281—320; Записки барона В. И. Штейнгейля. /Под ред. П. Е. Щеголева.— Там же, с. 321—474 (далее: Общественные движения).

[2] ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70 (далее: ДШ, Дело Штейнгейля).

[3] Такой биографией снабжена недавняя перепубликация Записок декабриста и его писем из крепости царю, осуществленная В. А. Федоровым.— В кн.: Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981, с. 147—254, 348—352 (далее: Мемуары декабристов). Публикации «Сибирских сатрапов» В. И. Штейнгейля предшествует его биография, составленная С. Ф. Ковалем.— В кн.: Дум высокое стремленье. Иркутск, 1975, с. 19—22. Мы имеем в виду и разделы, посвященные В. И. Штейнгейлю в тематических исследованиях, например: Штрайх С. Я. Моряки-декабристы. М.; Л., 1946, с. 177—187; Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь. Томск, 1962, с. 157—158, и др. Блистательный, но не во всем справедливый портрет Штейнгейля, принадлежащий Л. Рейснер, является только беллетристическим переложением Записок декабриста и биографического очерка Семевского.— Рейснер Л. М. Портреты декабристов. Барон Штейнгейль.— Красная новь, 1926, № 2, с. 119—126.

[4] Барановская М. Ю. Деятельность В. И. Штейнгейля в Москве после Отечественной войны 1812 года.— В кн.: Декабристы в Москве. М., 1963, с. 243—247; Шахеров В. П. Сибирь в жизни и творчестве В. И. Штейнгейля.— В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1981, вып. 2, с. 56—77.

[5] Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 154—166 (далее: Дружинин); Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 204—207; Русін В. І. Декабрист В. І. Штейнгейль — учений, мислитель, вільно-

Из-за отсутствия научной биографии В. И. Штейнгейля и компактного издания его произведений в литературе бытует много необоснованных суждений о нем и фактических ошибок. Мы надеемся, что настоящее издание поможет составить полное представление о личности и деятельности В. И. Штейнгейля и приблизит этого замечательного человека к широкому читателю.

О нелегких днях детства, юности и молодости Штейнгейля мы узнаем из его Автобиографических записок, которые читатель найдет в этом томе[6]. Отец декабриста Иоганн Готфрид Штейнгейль (Steinheil), сын министра Ансбах-Байрейтского маркграфства, получил образование в Лейпцигском университете, однако захотел быть военным и в 1772 г. явился служить в Россию. Военная карьера не удалась, но в Байрейт он не вернулся, а силою обстоятельств оказался на Урале, женился в 1781 г. на купеческой дочери Варваре Марковне Разумовой и служил сначала капитан-исправником, потом городничим в г. Обва Пермского наместничества. Здесь родился у него 13 апреля 1783 г. сын Владимир. В 1784 г. И. Штейнгейль был назначен капитан-исправником Нижнекамчатской округи, где и прошло раннее детство будущего декабриста. С того времени, как начал помнить себя, он был свидетелем бесконечных столкновений отца с «толпой безнравственных невежд», управлявших Камчаткой и грабивших край. Наконец отцу удалось перебраться в Иркутск. О хорошем образовании для маленького Штейнгейля в Сибири нельзя было и думать: читать он выучился у полуграмотного

дум.— В кн.: Проблеми філософії. Міжвід. наук. зб. Київ, 1971, вип. 21, с. 107—113; Майстров Л. Е. Новаторский труд В. И. Штейнгейля по времяисчислению и астрономии.— В кн.: Декабристы и русская культура. Л., 1975, с. 341—347; Большаков Л. Н. Отечеству драгие имена. Челябинск, 1975, ч. 2; он же: Отыскал я книгу славную. Челябинск. 1983, с. 223—250; Зейфман Н. В. Письма В. И. Штейнгейля к Г. С. Батенькову.— Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 261—270; Селиванова С. А. К вопросу об общественно-политических взглядах В. И. Штейнгейля.— В кн.: Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981, с. 88—98.

[6] Цитируя Записки или используя сведения, почерпнутые из них, мы не даем отсылок на соответствующие страницы настоящего издания: Записки построены по хронологическому принципу, и читатель легко в них сориентируется. При упоминании или цитировании писем Штейнгейля мы отсылаем читателя к номеру письма.

дьячка (отец плохо знал русский), затем год учился в иркутской губернской школе. Забота о будущности сына на фоне преследований, которым подвергался отец, да еще материальные затруднения — все это вынудило родителей воспользоваться оказией и отправить восьмилетнего ребенка в Петербург. Штейнгейль навсегда расстался с домом. Он не был свидетелем бесчеловечных унижений, через которые прошла семья после его отъезда, — описание их и сейчас нельзя читать без волнения, — но, безусловно, знал обо всем.

В 1792 г., в возрасте девяти лет, Штейнгейль был зачислен в Морской кадетский корпус в Кронштадте и в 1799 г. закончил его в чине мичмана с определением в Балтийский флот [7]. Будучи «первым по успехам», он сам ни разу не подвергся в корпусе телесному наказанию, но быт кадет произвел на него такое тяжелое впечатление и он так мрачно описал его в Записках, что вызвал со стороны официального историка корпуса обвинение в «сгущении красок»[8]. В 1799—1800 гг. Штейнгейль плавал у берегов Англии и Голландии. Уже в этом возрасте он серьезно задумывался над предназначением человека и умел соответственно распорядиться своей судьбой. Пример отца звал его, к тому же он надеялся ему помочь [9]. Оставив Балтику, Штейнгейль «предпочел пуститься в Камчатку» и взял назначение в Охотский порт. С 1802 по 1806 г. он командовал транспортом в Охотском море. О присущей ему уже тогда потребности отдавать себя и об ищущей выхода мыслительной энергии говорит такой факт: в Охотске он, привязавшись к сироте, штурманскому сыну, прочел ему полный кадетский курс наук, включая навигацию и астрономию.

Охотская служба кончилась тем, что Штейнгейль, как, бывало, его отец, оскорбленный «явным притеснением» начальства, наговорил «грубостей» и был отослан в Иркутск. Здесь он произвел хорошее впечатление на губер-

---

[7] Сведения о его службе взяты в основном из формулярного списка в его следственном деле.— Восстание декабристов. Документы. М., 1976, т. 14, с. 148—149 (далее: ВД).

[8] Кротков А. Морской кадетский корпус: Краткий исторический очерк. СПб., 1901, с. 95.

[9] Штейнгейль В. И. (псевд. Тридечный 2). Что прежде было и что теперь.— Маяк, 1841, т. 17—18. Проза, с. 39. В том же 1802 г. отец Штейнгейля был восстановлен в правах.

натора Н. И. Трескина, продемонстрировав ему свое умение составлять служебные записки, и в мае 1807 г. получил задание привести в порядок иркутское адмиралтейство. Тут впервые сказался его организаторский талант: он придал адмиралтейству «совершенно новый вид», чем даже заработал себе прозвище «байкальского адмирала». В это время Штейнгейль готов был снова круто повернуть свою жизнь: он подружился с возвращавшимся из кругосветного путешествия российским посланником Н. П. Резановым, и только смерть Резанова помешала ему перейти на службу Российско-Американской компании и уехать с ним в Америку (об этом мы узнаем из мельком брошенной фразы). Возможно, именно тогда он и стал членом компании [10].

В 1809 г. Штейнгейль впервые попал в Нерчинский край — он обозревал его реки вплоть до Амура, видел весь Забайкальский край и Кяхту. Как когда-то отец составлял (на немецком языке) проекты переустройства Камчатки, так теперь сын обдумывал свой первый проект — о возможности разведать Амур, не потревожив китайцев. Как только представился случай (через несколько лет [11]), он попытался реализовать проект, сообщив «свою мысль» сенатору адмиралу Н. С. Мордвинову. В 1811 г. он делился с И. Ф. Крузенштерном мыслями о Камчатке [12].

В Кяхте Штейнгейль нашел себе жену — Пелагею Петровну Вонифатьеву, дочь директора Кяхтинской таможни: надо думать, обаяние его было велико, если он сумел понравиться суровому и деспотичному старику, фактическому хозяину целого края [13].

В ноябре 1809 г. В. И. Штейнгейль вновь был переведен в Балтийский флот, но в Петербурге явился с реко-

---

[10] Дум высокое стремленье, с. 38.

[11] В Автобиографических записках Штейнгейль относит этот эпизод к 1812 г., а в письмах называет 1814 и 1811 гг. (письма 62 и 157).

[12] Письмо 169.

[13] Ф. Ф. Вигель, оставивший в своих Записках портрет П. Д. Вонифатьева и описание его семейного уклада, рассказывает, что гр. Ю. А. Головкин, проезжавший с посольством Кяхту, пытался выручить дочерей Вонифатьева из домашней неволи, выдав их замуж за кого-нибудь из своей свиты. Вонифатьев, поклонившись, сухо ответил послу: «Нет, Ваше сиятельство, ни один из них не годится мне в зятья» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891, ч. 2, с. 176).

мендацией Н. И. Трескина к сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю, добился определения к нему «по особым поручениям» и в феврале 1810 г. был командирован обратно в Иркутск. Однако, женившись, он по настоянию тестя вынужден был в чине капитан-лейтенанта выйти в отставку (14 декабря 1810 г.).

Следующий этап в жизни В. И. Штейнгейля начался с Отечественной войны 1812 г. Он был уже в Петербурге, в Министерстве внутренних дел ему приготовили место (по протекции дяди — финляндского генерал-губернатора Ф. Ф. Штейнгейля), жена ждала второго ребенка. Но он «явился в ряды защитников отечества» (3 августа 1812 г. зачислен в 4-ю дружину Петербургского ополчения). Участвовал в сражениях под Полоцком, Чашниками и Березиной, затем в осаде Данцига. Первое дошедшее до нас (в перлюстрационной копии) его письмо написано как раз под Данцигом. «Истребить» — начертал на нем Александр I[14], потому что Штейнгейль, отдавая дань победителям Наполеона, скорбел о напрасных жертвах в неудачной атаке, язвительно отзывался об экипировке русских солдат и сочувствовал бедствиям осажденных. Еще до Данцига Штейнгейль начал записки о походе, а вернувшись, первым делом завершил описание подвигов Петербургского ополчения в двухтомных Записках[15].

После войны в Москву был назначен новый главнокомандующий — А. П. Тормасов. Штейнгейля ему представили, и он понравился генералу первым же своим смелым и живым ответом. 29 сентября 1814 г. Тормасов взял его к себе адъютантом по кавалерии, 4 октября поручил ему военную канцелярию, а в мае следующего года, перепробовав несколько кандидатур, — и гражданскую. Практически Штейнгейль стал хозяином всей военной и гражданской жизни столицы. Для него наступила пора «изумительной деятельности», когда «сердцем и трудами» он участвовал в воссоздании Москвы «из пепла и в осушении слез у разоренных и бедных»[16]. Действуя совершенно в духе будущих установок Союза благоденствия,

---

[14] Письмо 1.

[15] Штейнгейль В. И. Записки касательно похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов отечества. СПб., 1814, 1815, ч. 1—2.

[16] Письмо 132.

Штейнгейль «употребил особое старание, чтобы не было повода к хождению по подаваемым просьбам», и «достиг исполнения самого скорого к удовлетворению всякого, кто имел дело до канцелярии». В его обязанности, среди прочего, входило руководство составлением проекта застройки древней столицы и оказание помощи разоренным. Он привлек к работе известных архитекторов, в том числе О. И. Бове, которому Москва во многом обязана своим послепожарным обликом. Результаты забот Штейнгейля и сейчас перед нашими глазами: гигантский Манеж, построенный всего за шесть месяцев, Александровский сад («вместо рва со всякою нечистотою») и многое другое [17]. В это короткое и самое счастливое время своей жизни Штейнгейль и для себя построил дом, маленький деревянный особняк, поныне стоящий в одном из Арбатских переулков [18]. Его заслуги были отмечены чином подполковника (30 августа 1816 г.). В 1817 г. по представлению А. П. Тормасова он был избран в почетные члены Московского общества любителей коммерческих знаний [19]. Своим сочленом хотели видеть его и московские масоны.

Обладая большой административной властью, Штейнгейль объявил бой злоупотреблениям не только в двух своих, но и в параллельных ведомствах. В частности, он мешал новому обер-полицмейстеру А. С. Шульгину наживаться на скудных городских доходах. Естественно, это продолжалось недолго: глубоко укоренившаяся система всеобщего воровства не могла терпеть неподкупности распорядителя городских кредитов. Штейнгейль обзавелся могущественными врагами, главным из которых был Шульгин. Заявив, что он «сшибет» Штейнгейля, Шульгин нанес ему два удара с помощью клеветы. Через начальника Главного штаба П. М. Волконского он донес до царя

---

[17] Архитектор Ф. К. Соколов, отмечая позднее заслуги Штейнгейля в сохранении и обновлении столицы, писал: «<...> сколько сберег он древности, преследуемый дерзостными, насмешливыми, обуянными злом людьми, не чтущими того, что сохранить надобно для отечества» (Барановская М. Ю. Указ. статья, с. 247).

[18] Басманов А. Е. Особняк с потайной дверью. М., 1981. Дом № 15 по бывш. Гагаринскому пер., ныне ул. Рылеева. Основанием для переименования, видимо, было ошибочное предположение, что именно в этом доме Штейнгейль зимой 1824 г. принимал Рылеева (см., например: Земенков Б. С. Памятные места Москвы. М., 1959, с. 128). Дом к тому времени был давно продан.

[19] Глебов И. Т. История Московской Практической академии коммерческих наук. М., 1860, с. 61.

клевету «о противозаконном стяжании» Штейнгейля[20], а специально для Тормасова распустил слух о том, что в глазах общества Штейнгейль «им владеет и знает, что хочет»[21]. Удары были рассчитаны верно. Царь, естественно, поверил и навсегда закрыл Штейнгейлю дорогу к государственной службе[22]. Тормасов и не поверил бы, но слух был для него самого столь оскорбителен, что отношение его к ближайшему помощнику невольно переменилось. Штейнгейль был выше клеветы, но чувство собственного достоинства не позволяло ему работать без полного к себе доверия. Едва заметив в Тормасове перемену, он немедленно и без колебаний попросил увольнения. Так, опрокинув одним движением уже, казалось, возведенное здание своей карьеры, Штейнгейль снова, на этот раз роковым образом, круто повернул русло своей жизни.

Шла осень 1817 г.[23] Главная особенность темперамента Штейнгейля заключалась в невозможности пребывать в бездействии. Потеряв с Москвой, с которой «столь усердно нянчился»[24], выход своей редкостной энергии, он обратил ее на чтение, размышления, занятия наукой и на составление социально-политических проектов. Не вдаваясь в их подробный анализ, мы обратимся здесь к ним, как к вехам биографии декабриста. За первый проект, «Рассуждение о наказаниях», он взялся уже в конце 1817 г., когда узнал о работе в Москве тайного комитета, обсуждавшего по предложению царя вопрос об отмене кнута. До нас дошел только второй вариант этого проекта, написанный после того, как Штейнгейль узнал от чле-

---

[20] Автобиографические записки А. Д. Боровкова — Рус. старина, 1898, № 11, с. 342.

[21] ВД, т. 14, с. 157.

[22] Н. И. Греч писал об этом: «Он попал в разряд тех, при имени которых в тайном государевом реестре помечено было: «Не давать ходу» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930, с. 507—508). Шульгин — будущий петербургский обер-полицмейстер, тот самый, по приказу которого после восстания 14 декабря раненых наравне с убитыми полиция топила в специально сделанных прорубях во льду Невы. См. о нем: Попов М. М. Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 года.— В кн.: О минувшем. СПб., 1909, с. 110 и след.

[23] Мы предполагаем, что Штейнгейль получил увольнение в сент. 1817 г.: 19 окт. 1818 г., ходатайствуя за Штейнгейля, Ф. К. Соколов писал, что он не служит «целый год и более» (Барановская М. Ю. Указ. статья, с. 247).

[24] Письмо 194.

на комитета Н. Н. Новосильцева подробности обсуждения вопроса. В Автобиографических записках Штейнгейль называет его «О наказаниях вообще», а рукопись, по которой он опубликован, озаглавлена им «Нечто о наказаниях»[25].

Протест Штейнгейля против кнута проникнут буржуазным духом гарантии и адекватности: фактическая мера наказания кнутом, по Штейнгейлю, определяется не числом ударов, назначенных судом в меру тяжести преступления, а усердием подкупленного палача — в меру мзды, полученной им. Предложения Штейнгейля сводились к усилению роли общественно-морального воздействия («позорная казнь») при снижении роли телесных наказаний.

Этот проект через Новосильцева был подан царю. Тот надписал: «читал», а в просьбе Новосильцева отдать ему Штейнгейля, «как человека со способностями», отказал. Вряд ли Александру I понравился уверенный тон и негодующие интонации автора записки («кнут, которого одно название дает иностранцам идею варварства и жестокости бесчеловечной<...>»).

Весной 1818 г. Штейнгейль закончил большой труд о календаре, до нашего времени не потерявший своего научного значения и даже в своем роде непревзойденный[26]. В нем он объяснял «неверность старого стиля и необходимость рано или поздно по примеру всех просвещенных народов принять стиль новый»[27]. Летом он занимался правкой сочинения[28]. Нужно было везти его в Петербург, в духовную цензуру. Штейнгейль вообще подумывал о переезде в Петербург: «В Москве меня поставили в винительный падеж, <...> я надеюсь там быть в другом падеже, токмо не в дательном...»[29] В Петербурге он встретился с А. А. Аракчеевым, до увольнения всегда с ним любезным, а после — «затворившим двери»[30]. Штейнгей-

[25] Сб. ист. материалов, извлеченных из архива первого отделения с.е.и.в. канцелярии. СПб., 1876, вып. 1, с. 292—306.

[26] Штейнгейль В. И. Опыт о времесчислении. Опыт полного исследования начал и правил Хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля. СПб., 1819. См. о нем указ. статьи Л. Е. Майстрова и В. И. Русина.

[27] Письмо 11.

[28] Письмо 8 и 9.

[29] Письмо 9.

[30] Письмо 8.

лю, видимо, удалось убедить Аракчеева в своей невиновности. Сопоставляя сведения позднейшего мемуариста, из которых явствует, что любивший говорить о своих добродетелях Аракчеев выставил себя перед Штейнгейлем защитником «невинных»[31], с благодарственным пафосом новогоднего поздравления, посланного Аракчееву Штейнгейлем 1 января 1819 г.[32], можно сделать вывод, что ему была обещана служба. Наверное, обещания были настолько определенны, что Штейнгейль решился продать свой дом и ехать в Петербург. Последнее письмо его из Москвы помечено январем 1819 г., следующее, дошедшее до нас, написано 28 октября 1819 г. уже в Петербурге. Вместе с ним Штейнгейль подносил Аракчееву свое новое политическое сочинение, написанное ранее в Москве: «Некоторые мысли и замечания относительно законных постановлений о гражданстве и купечестве в России»[33].

В этой записке Штейнгейль осмысливал свой трехлетний опыт руководства жизнью возрождающейся Москвы. Он предлагал ввести основные буржуазные нормы социально-экономической жизни в городах, смело замахиваясь при этом на сословные разграничения, как существенное препятствие для развития экономического потенциала деловой части городского населения. Обращает на себя внимание особенное негодование Штейнгейля на паразитизм дворянства, не желающего принимать участия в общественной жизни, к тому же окружившего себя дворовыми людьми, которых «ужасная бездна». В единой логической цепи выступают у Штейнгейля вопросы совершенствования структуры городской экономики, военной службы горожан и рекрутского набора, судопроизводства и личной неприкосновенности.

Бумаги Штейнгейля были ему возвращены при кратком холодном письме Аракчеева по «ненадобию в оных»[34].

---

[31] Зиновьев А. З. К биографии В. И. Штейнгейля.— Моск. ведомости, 1862, 7 окт., № 218.

[32] Письмо 10.

[33] Нам известно содержание только заключительной части этой записки — благодаря пересказу В. И. Семевского (Общественные движения, с. 287—289).

[34] Об ошибке в публикации этого письма Аракчеева, вследствие которой вся история несостоявшегося сотрудничества с ним Штейнгейля в литературе отнесена к 1817 г., см. примеч. 1 к письму 12.

На том отношения с Аракчеевым закончились. Переезд в Петербург был напрасен.

Одновременно с предыдущей запиской Штейнгейль написал «Рассуждение о законе на богохульников». Оно невелико и имеет дату: 21 августа 1819 г.[35] В этой записке Штейнгейль развил мысли, возникшие у него еще во время службы в связи с судебным делом о раскольнике, допустившем богохульство. Тогда он вмешался и спас от кнута и вечной каторги «бедного отца пятерых детей». Теперь он доказывал необходимость смягчения соответствующих законов. Записка была передана министру духовных дел А. Н. Голицыну и последствий не имела.

Последнее сочинение этого времени названо Штейнгейлем на следствии: «Патриотическое рассуждение о причинах упадка торговли»[36]. Эту записку он подал в 1819 г. сенатору Н. С. Мордвинову, тот высоко ее оценил и счел необходимым передать министру финансов Д. А. Гурьеву.

Текст «Патриотического рассуждения» считается неизвестным. Правда, В. И. Семевский обратил внимание на сочинение под названием «Рассуждение о внешней Российской торговле», опубликованное анонимно среди документов архива Мордвиновых[37], и высказал осторожное предположение об авторстве Штейнгейля[38], но с тех пор эта гипотеза не получила развития. Нам же авторство Штейнгейля представляется несомненным фактом. Текст записки не оставляет ни малейшего повода для колебаний. Помимо стилевой тождественности, «Патриотическое рассуждение» обнаруживает тесное родство с содержанием остальных публицистических трудов Штейнгейля. Особенно сильна перекличка с первым письмом из крепости царю[39]: в обоих документах до мелочей совпадает содержание целых разделов[40].

---

[35] Записка не опубликована (сведения В. А. Федорова о ее публикации, как и датировка, ошибочны.— См.: Мемуары декабристов, с. 349). Она хранится среди бумаг И. И. Пущина в архиве Якушкиных.— ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, ед. 247, л. 1—11 (список, датированный 7 янв. 1825 г.).

[36] ВД, т. 14, с. 161.

[37] Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902, т. 6, № 1204, с. 357—393.

[38] Общественные движения, с. 290.

[39] Письмо 24.

[40] Ограничимся только одним примером почти буквального повторения. В письме автор говорит о Городовом положении, отме-

В публикации текст датирован 1823 г., однако есть веские основания отождествить его с «Патриотическим рассуждением» 1819 г.[41] Тот же В. И. Семевский указал на возможную связь опубликованного документа с деятельностью комиссии, созданной московским купечеством в 1822—1823 гг. для рассмотрения причин ухудшения его экономического положения[42]. Как член Московского общества любителей коммерческих знаний, к тому же занимавшийся в то время частными торговыми делами, Штейнгейль должен был знать о работе комиссии. Конечно, он не мог пройти мимо благоприятной возможности вернуть к жизни свое старое сочинение, по тематике в точности отвечающее профилю работы комиссии. «Сладостно питать надежду,— писал он,— что сие рассуждение <...> может быть *на сей раз* [курсив наш.— *Н. З.*] неизлишним и удостоится благосклонного внимания»[43]. Возможно, что текст сочинения был несколько обновлен автором применительно к задачам, поставленным перед комиссией, но это не мешает нам возвратить ему название, данное Штейнгейлем первоначально.

«Патриотическое рассуждение» обладало большой разоблачительной силой, поскольку демонстрировало полную несостоятельность экономической политики правительства. Оно широко распространялось в списках, было у К. Ф. Рылеева (очевидно, от самого Штейнгейля), у П. И. Пестеля. Другой руководитель Южного общества,

---

ченном «такою притом особенностью в отношении к первым (речь идет о купцах.— Н. З.), каковой едва ли есть что-либо подобное в других государствах, а именно тою, что права, облагораживающие особу гражданина, даны не лицу, а капиталу». В «Патриотическом рассуждении»: «Таковы наши гражданские законы, что все права, облагораживающие некоторым образом купца, приписаны к его капиталу, чему едва ли есть где-либо из благоучрежденных государств пример» (Архив гр. Мордвиновых, т. 6, с. 391).

[41] Название, данное в публикации, мало соответствует содержанию документа — вопрос о внешней торговле занимает в нем второстепенное место.

[42] Общественные движения, с. 290. Это находит убедительное подтверждение в тексте «Патриотического рассуждения»: Штейнгейль предлагает учредить в Москве Мануфактурный совет, а как следует из примечания к публикуемой вслед за сочинением Штейнгейля записке члена комиссии купца О. Л. Свешникова, такое предложение вошло в итоговую записку комиссии (Архив гр. Мордвиновых, т. 6, с. 393).

[43] Архив гр. Мордвиновых, т. 6, с. 361.

М. П. Бестужев-Рюмин, использовал его в агитационных целях, называя «известной речью»[44].

Инициатива Н. С. Мордвинова, передавшего «Патриотическое рассуждение» Гурьеву, видимо, совпала во времени с обращением Штейнгейля к последнему по поводу вакантного места директора Варшавской таможни. Гурьев его «обласкал, как нельзя более». В надежде на получение места Штейнгейль вышел в отставку (4 декабря 1819 г.) «для определения к статским делам»[45]. Он уже был готов ехать в Варшаву[46], как Александр I, несмотря на уговоры Гурьева, назначил на это место другого. Тогда Штейнгейль обратился через А. Н. Голицына к царю с письмом, в котором умолял не отказать в «справедливости невинному», и только тут узнал, что все его попытки были заранее обречены на провал. Ему рекомендовали «о службе и не помышлять». Это было весной 1820 г.[47]

Наверное, впервые в жизни Штейнгейль растерялся. Возможно, ему хотелось скрыться и в тишине пережить эту внезапную личную катастрофу; во всяком случае, он согласился на первое же предложенное ему частное занятие — управлять винокуренным заводом П. И. Чебышева в с. Фурсово под Тулой[48].

Через год Штейнгейль с семьей вернулся в Москву. Он

---

[44] Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов.— ЛН, т. 59, ч. 1, с. 629—630, 672. Азадовский приводит еще одно название записки Штейнгейля: «Рассуждение об упадке торговли, финансов и публичного кредита в России», но текст сочинения ему тоже неизвестен.

[45] ВД, т. 14, с. 148—149.

[46] В Варшаве еще с 1818 г. хлопотали за него друзья, близкие к вел. кн. Константину Павловичу,— П. А. Колзаков, Л. И. Гинц и др. (письма Л. И. Гинца к В. И. Штейнгейлю, 1818—1822 гг.— ИРЛИ, ф. 591, № 9292.7).

[47] Он, однако, и позже продолжал добиваться места на государственной службе. Последняя известная нам попытка была сделана весной 1825 г. Штейнгейль писал тогда, что употребил «все человеческие усилия, чтобы возвратиться на ту стезю, куда глас чести и неугасшего честолюбия» его призывали (письмо 20). Еще раз он пробовал оправдаться перед Александром I письмом от 24 июня 1825 г. (см. об этом в письме 21).

[48] Письма 15 и 16. Материальное положение Штейнгейля, не служившего уже больше двух лет, было тяжелым. На следствии он упомянул, что составляет «единую опору и надежду» трех семейств (ВД, т. 14, с. 162). Нам известно, что, кроме младшей сестры Марии, которая жила в его семье, он помогал старшей, Т. И. Яковлевой. Когда после осуждения декабристов собирались сведения об имущественном положении их родственников, она сообщила, что

приехал с решением открыть частный пансион для юношества — это тоже была форма служения отечеству, и можно было надеяться ее реализовать. Еще осенью 1818 г. через Ф. К. Соколова Штейнгейль просил попечителя Московского учебного округа А. П. Оболенского о разрешении открыть при доме пансион или дать ему место в дирекции училищ[49]. Разрешение на пансион было получено, но тогда осуществлению этого намерения помешали надежды на получение службы у Аракчеева и переезд в Петербург. В июле 1821 г. проспект нового учебного заведения вышел из печати[50]. Глубоко продуманный и тщательно разработанный в деталях, он многое говорит о своем авторе. В зеркале предельной регламентации быта и учебного процесса отразились коренные свойства личности Штейнгейля. Неукротимая энергия — в крайне насыщенной учебной программе, предусматривающей даже использование каникулярного времени для организованных занятий и повторений. Полнокровное ощущение жизни — в отрицании зубрежки, в обещании «на ум и понятие учеников действовать более посредством очевидности и впечатления». Высокое нравственное чувство, огромное значение, придаваемое воспитанию личного достоинства, — в гарантии «самого нежного обращения», при котором «ничего, что похоже на действие страстей, как-то: гнев, грубые порывистые слова и тому подобное, не может иметь места». Не вспоминал ли Штейнгейль Морской корпус, когда писал эти положения проспекта? И, конечно, думал о том, каким хотел бы видеть учебное заведение для своих сыновей. Замечательным было его намерение стереть по возможности сословные разграничения: во-первых,

---

«осужденный ее брат Штейнгейль доставлял ей с тремя малыми детьми и семейством на содержание кроме одежных вещей деньгами ежегодно до тысячи рублей и ныне <...> терпят они недостаток в пропитании и в воспитании детей чрез потерю означенного пособия брата ее» (ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 315, л. 218—218 об.). Кроме того, очевидно, Штейнгейль содержал тещу, Акулину Григорьевну Вонифатьеву, о которой в упомянутых сведениях сказано, что живет в Москве «и находится в крайней бедности» (там же, л. 230 об.). У самого Штейнгейля в 1820 г. было 5 детей, в конце 1825 г.— 8 детей.

[49] Барановская М. Ю. Указ. статья, с. 247.

[50] Частное заведение для образования юношества. Подполковника и кавалера барона Владимира Штейнгейля. В Москве, у Покровских ворот, против Чистых прудов в доме господ Акуловых. М., 1821. Цензурное разрешение — 2 июля 1821 г.

объявлялось, что «кроме дворянских детей, принимаемы будут также дети других сословий, коих родители известны по своему званию», во-вторых, провозглашалась необходимость «совершенного единообразия и равенства в одежде и в употребительных вещах» — для предохранения детей от зависти, «кичения» и суетности (подробный перечень вещей завершал проспект).

О научном кругозоре Штейнгейля свидетельствует обширный курс наук с подробными правилами для каждой ступени обучения, сочетавший в себе элементы классического и реального образования. Обещаны были «известнейшие» учителя. Однако то ли плата за обучение была назначена слишком высокая (2000 рублей в год), то ли необычная серьезность заведения отпугивала, но нужного числа учеников не набралось.

Летом того же 1821 г. Штейнгейль редактировал книгу военного историка Н. Ф. Смирного о М. И. Платове[51] и вложил в нее много бескорыстного труда, судя по письмам к нему автора, с восхищением и «сердечным восторгом» его благодарившего[52].

В августе или сентябре 1821 г. вместе с семьей Штейнгейль уехал в Астрахань по приглашению тамошнего губернатора В. С. Попова, в качестве его личного секретаря. Есть свидетельство, что одновременно он взялся вести дела купца А. П. Сапожникова, владевшего богатейшими рыбными промыслами на Каспии. Но надежды «упрочить там свое благосостояние» не оправдались[53]. Через восемь месяцев Штейнгейль вновь оказался в Москве и вернулся к устройству своего пансиона. В июне 1822 г. он безуспешно съездил в Петербург все с той же целью — искать службу[54]. А в июле[55] преуспевающий тогда поставщик

---

[51] Смирной Н. Ф. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. М., 1821, ч. 1—3.

[52] Рус. старина, 1888, № 10, с. 165. Судя по письмам Смирного, друзья искали учеников для пансиона Штейнгейля и в других городах.

[53] Зиновьев А. З. Указ. статья.

[54] Он сообщил об этом в письме к старому другу, астраханскому помещику Н. Коробке, 7 июля 1822 г. (см. ответное письмо Н. Коробки от 9 авг. 1822 г.— ИРЛИ, ф. 591, 9292.9). Отголоском его хлопот звучит и благодарность за участие в письме к А. С. Шишкову от 27 июля 1822 г. (письмо 17).

[55] Н. Коробка в упом. выше письме от 9 авг. 1822 г. уже знает от кого-то, что Штейнгейль нашел себе «хорошее место».

армии В. В. Варгин, прославившийся своими бескорыстными усилиями во время войны 1812 г. (энергии его Штейнгейль не мог не симпатизировать)[56], предложил ему «на очень выгодных условиях» заняться его делами, и Штейнгейль согласился.

Материальное благополучие наконец наступило. «Независимый кусок хлеба, трудами нажитый, право, имеет свою приятность,— писал он своему племяннику Ф. И. Герману. — На многое начинаю смотреть другими глазами — и смеюсь тому, за чем гонялся. <...> Я нынче стараюсь знать только то, что ближе относится к моему собственному владенью, состоящему из жены и пятерых детей. Прочее — фантасмагория!»[57].

Так Штейнгейль мог написать только близкому человеку, понимающему, что это — не более, чем горькая шутка. Всего лишь две недели назад, 5 февраля, Штейнгейль вновь обратился к царю с очередным проектом: «О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми[58]. Еще в Астрахани он услышал, что на Макарьевской ярмарке перепродают крепостных в рабство кочевникам[59] — этот невольничий рынок воплощал в себе наиболее одиозное проявление крепостничества: продажу людей, как скота, в розницу. Ссылаясь на то, что этот «предмет» всегда был «близок сердцу» царя[60], Штейнгейль предложил систему постановлений, разумеется не затрагивающих ни в коей мере собственно крепостного права, но регулирующих продажу крепостных таким образом, чтобы крестьяне при этом не могли быть оторваны от земли; для дворовых предусматривалось приписывание к земле (в том числе путем их перепродажи) или обязательное освобождение в течение десяти лет. С пометой Александра I: «читал» записка уже 13 февраля была похоронена среди бумаг с. е. и. в. канцелярии.

Эта записка вместе с ранее упомянутым «Патриотиче-

---

[56] См. о нем: Лясковский В. Н. В. В. Варгин.— Рус. архив, 1882, кн. 2, с. 97—122.

[57] Письмо 19.

[58] Письмо 18. Записка опубл.: Сб. ист. материалов, извлеченных из архива первого отделения с.е.и.в. канцелярии. СПб., 1895, вып. 7, с. 193—196.

[59] ВД, т. 14, с. 162.

[60] Известен был ряд высказываний и акций Александра в этом духе — см., например, примеч. 23 и 24 к письму 24.

ским рассуждением» была последней легальной попыткой Штейнгейля воздействовать на власть. Приближалось лето 1823 г., Штейнгейль собирался в очередной раз по делам Варгина в Петербург—там его ждала встреча с К. Ф. Рылеевым, определившая всю его дальнейшую судьбу.

Подойдя к этому важнейшему в жизни Штейнгейля рубежу, биограф вправе подвести определенные итоги и дать беглый очерк духовного облика будущего декабриста и его идейных устремлений. Основой жизненной позиции Штейнгейля всегда были строгие этические нормы, недаром в показаниях на следствии он выделил, как «любимых авторов», стоика Эпиктета и Ларошфуко[61]. С этикой стоицизма особенно созвучны такие черты его самосознания и общественной позиции, как обостренное чувство собственного достоинства, утверждение принципа личной неприкосновенности, стремление постоянно творить добро и, наконец, установка на обязательную общественную значимость своего дела. Две последние установки, которым он придавал значение главной цели и смысла жизни, поначалу сливались для него с понятием государственной службы: «<...> без службы человек — *зарытый талант*; можно ли со спокойной совестью жить в обществе <...> и оставаться в бездействии; мы *друг друга тяготы носим*, и служба есть верный способ благотворный — делать ближнему добро»[62]. И пока он состоял на государственной службе, он находился в согласии с собой. Вместе с тем в эти же годы он более, чем кто-либо из декабристов, «<...>имел возможность узнать Россию и приглядеться ко всему, что препятствует благосостоянию народному». Конечно, он «раздражался и скорбел сердцем от всего, что видел и слышал» [63], но чтобы от живых впечатлений перейти к политическим выводам, ему нужна была дистанция, нужно было перестать чувствовать себя деятельной частицей государственного аппарата.

---

[61] ВД, т. 14, с. 177. Анализируя поступки Штейнгейля и их мотивы на протяжении всей его жизни, можно прийти к выводу о том, что этический кодекс стоицизма вообще сыграл большую роль в формировании его личности, а духовные коллизии, переживавшиеся декабристом на разных этапах, могут быть глубже поняты в свете различных интерпретаций стоических максим.

[62] Штейнгейль В. И. (псевд. Тридечный 2). Что прежде было и что теперь, с. 33.

[63] ВД, т. 14, с. 156.

Уход от Тормасова в конце 1817 г. раз и навсегда изменил весь уклад жизни Штейнгейля[64]. Его внутренний мир потерял главную опору и защиту. Весной 1818 г. мы видим признаки наступавшего отрезвления: «Впрочем, ныне от многого, коли пристально посмотришь, ум за разум зайдет»[65], — а свидетельства начала 1820-х гг. позволяют нам увидеть Штейнгейля уже удивительно похожим на обобщенный портрет декабриста, нарисованный Ю. М. Лотманом[66], по крайней мере во внешней манере поведения. 23 апреля 1823 г. будущий профессор, а пока адъюнкт латинского языка Московского университета И. М. Снегирев занес в дневник рассказ своего приятеля Н. Н. Нефедьева «о затеях Штейнгейля, который хочет, по его словам, уничтожить тиран[ию] и преобразовать государство»[67]. Где, в чьем обществе Штейнгейль позволял себе говорить об уничтожении тирании, мы не знаем, но, видимо, он при этом не очень-то считался с опасностями. Н. И. Трескин, знавший его еще по Сибири, услышав об аресте Штейнгейля, гадал, «почему взяли его», и, не зная о его участии в восстании, решил, что «за нескромность в словах; он любит щеголять красивым словцом и без разбора»[68].

Еще на службе у Тормасова Штейнгейль получил возможность ознакомиться с почти недоступной тогда литературой: он читал произведения Радищева, следственное дело Н. И. Новикова[69]. Он имел собственный экземпляр «Рассуждения о непременных государственных законах» Д. И. Фонвизина (вступление к конституционному проек-

---

[64] В конце жизни, оценивая значение этого поворотного момента, Штейнгейль в письме к А. З. Зиновьеву скажет: «<...> куда бы я попал, если бы значенье мое при возведеньи Москвы из пепла повело меня к почестям столь обманчивым, столь пустозвучным» (Зиновьев А. З. Указ. статья).

[65] Письмо 8.

[66] Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. Бытовое поведение как историко-психологическая категория.— В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 25—74.

[67] Снегирев И. М. Дневник. 1822 — 1852. С предисловием А. А. Титова. М., 1904, т. 1, с. 17.

[68] ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 470, л. 82 (перлюстрационная копия письма от 9 янв. 1826 г.).

[69] Круг своего чтения Штейнгейль очертил в следственных показаниях.— ВД, т. 14, с. 176—177.

ту Фонвизина-Панина)[70]. Летом 1822 г. Штейнгейль передал экземпляр «Рассуждения» Ф. И. Герману, и со слов последнего мы знаем[71] о сложившихся к этому моменту политических воззрениях будущего декабриста: он был убежденным сторонником конституционного ограничения монархии[72]. Уже тогда он «не мог не прилепиться мыслью к изящности такого правления, которое <...> само в себе заключало бы гарантию незыблемости государственных постановлений»[73]. Герман, сам много и глубоко размышлявший о возможности политического переустройства России, считал, напротив, что она еще не созрела для каких-либо гражданских свобод. Это его мнение, высказанное в устной беседе, возбудило «весьма жаркое прение со стороны Штейнгейля, ибо он, — как пишет Герман, — быв весьма умным человеком, владел разговорным языком в совершенстве». Опасаясь продолжать разговор с разъяренным собеседником (недаром Герман причислял Штейнгейля, как и себя, к числу «электрических голов», которые «кружатся над суеверием свободы»[74]), Герман счел за лучшее дать обещание, что он изложит свои соображения письменно. Можно поверить Герману, что споры их были «без всякого, без малейшего предположения действий <...>, без всякой другой цели, как только убить свободное время и занять праздность не картами и не шахматами», за которыми у них проходили целые дни[75],—

---

[70] Базанов В. Г. Федор Герман и муравьевский вариант «Рассуждения» Д. И. Фонвизина.— Рус. литература, 1964, № 1, с. 109—123.

[71] Ф. И. Герман был арестован в 1831 г. по доносу о чтении им «Рассуждения», и мы располагаем его следственным делом. В. Г. Базанов приписывает Штейнгейлю намерение «приблизить» Германа к тайному обществу, «исподволь готовить» его к «восприятию декабристских идей» (там же, с. 119), не учитывая, что Штейнгейль в это время еще даже не знал о существовании общества.

[72] В. Г. Базанов делает неправомерный, на наш взгляд, вывод, что в своем «Ответном рассуждении», адресованном Штейнгейлю, Герман доказывал неподготовленность России к республиканским преобразованиям (там же, с. 121), из чего, в свою очередь, заключает, что Штейнгейль стремился именно к республике. Однако это никак не следует из слов Германа: он говорит только о возможности ограничения самодержавия (там же, с. 115—117).

[73] ВД, т. 14, с. 156.

[74] Базанов В. Г. Указ. статья, с. 115, 117.

[75] Там же, с. 118. По нашим расчетам, Штейнгейль тогда еще не начал служить у Варгина.

но как раз это мучительное время «недеятельности, бесполезной для отечества»[76], и было для Штейнгейля временем созревания политических убеждений, приведших его в тайное общество, о существовании которого он через два с половиной года услышал с «удовольствием»[77]. Пример Штейнгейля как нельзя лучше подтверждает слова П. Г. Каховского: «Мы не составлялись в обществе, но совершенно готовые в него лишь соединялись»[78].

Вернемся к лету 1823 г. Последующий период жизни В. И. Штейнгейля почти не документирован его письмами: с февраля 1823 по май 1825 г. не сохранилось ни одного, а с мая до восстания — только три. Поэтому реконструировать историю его вступления в Северное общество и деятельность в обществе вплоть до восстания приходится главным образом на основании известных источников: Записок и показаний на следствии. Но и эти источники освещают интересующие нас события далеко не полно и с ограниченной достоверностью. Штейнгейль был одним из тех декабристов, кто с первого же допроса активно боролся со следствием и не сдавался без боя. Его главным оружием была заранее подготовленная версия своего якобы неучастия в делах общества: он старался представить себя сторонним наблюдателем, всячески затушевывая революционное содержание своих действий. В тех же случаях, когда под давлением чужих показаний или заранее опасаясь разоблачения, Штейнгейль вынужден бывал отступать от проводимой им версии, его признания все равно представляют собой полуправду, рассчитанную на отвлечение внимания следствия от главных компрометирующих моментов.

Полуправда и умолчания о действиях самого Штейнгейля как члена тайного общества пронизывают и его Записки. Обращаясь к ним за биографическими сведениями, приходится учитывать, что и здесь Штейнгейль продолжает придерживаться той версии, которая была орудием его самозащиты на следствии. Это не снижает ценности Записок как исторического источника, которая

---

[76] Письмо 20.

[77] ВД, т. 14, с. 156.

[78] Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. /Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, с. 10.

определяется прежде всего уникальными сведениями о работе штаба декабристов в дни подготовки восстания, развернутым анализом взаимосвязи зарождения и развития планов восстания с историей междуцарствия, хроникой дня 14 декабря, описанием следствия и суда.

Итак, встретившись с К. Ф. Рылеевым в Петербурге летом 1823 г., Штейнгейль вступил в новый, исторический этап своей жизни. Едва познакомившись, они уже были друзьями: Рылеев «обворожил» Штейнгейля «совершенно». О дальнейших этапах их сближения вплоть до зимы 1824 г. нам ничего не известно. Штейнгейль в Записках умалчивает и о том, что в декабре 1824 г. Рылеев останавливался у него на неделю в Москве (2—9 декабря) проездом, возвращаясь в Петербург после двухмесячного пребывания в воронежском имении жены[79]. Вряд ли это было бы возможно, если бы их отношения после первой встречи прервались на полтора года: они, несомненно, развивались.

Ко времени приезда в Москву Рылеев был уже одним из руководителей Северного общества[80] и активно работал над его расширением, сплачивая вокруг себя наиболее радикальные его силы. Штейнгейль должен был все больше привлекать внимание Рылеева как потенциально полезный член общества. Нет сомнения, что за неделю в Москве Рылеев еще ближе познакомился с возможностями Штейнгейля, как государственного реформатора, прочтя у него дома все его проекты. Часть их Рылеев, видимо, тогда же решил использовать в агитационных целях общества[81]. К решительному же разговору о вступлении в тайное общество домашняя обстановка («куча детей») не располагала. Зная, видимо, о предстоящей поездке Штейнгейля в Петербург, Рылеев отложил разговор.

---

[79] Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934, с. 846. Из письма Рылеева к жене от 14 дек. 1824 г.: «Супруга Владимира Ивановича барона Штейнгейля просит, чтобы ты, во время проезда своего через Москву, остановилась в их доме, она обещает показать тебе все любопытное. Я у них был принят как родной, и это врезалось в сердце моем» (там же, с. 476).

[80] Рылеев был принят в общество И. И. Пущиным в октябре 1823 г.— Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956, с. 411.

[81] По крайней мере, «Патриотическое рассуждение» и «Рассуждение о законе на богохульников» (переписанное в начале января 1825 г., несомненно, по просьбе Рылеева).

Через несколько дней они встретились в Петербурге. Штейнгейль остановился в доме Российско-Американской компании, где жил и Рылеев, управлявший тогда ее делами. Вскоре в ресторане «Лондон» между ними состоялся разговор, в ходе которого Рылеев открыл Штейнгейлю существование тайного общества и предложил вступить в него[82].

До настоящего времени вопрос о членстве Штейнгейля в Северном обществе оставался неясным. Первым, кто его запутал, был сам Штейнгейль, который в показаниях на следствии и в Записках тщательно прятал факт своего вступления в общество, что давало основания сомневаться в его формальной к нему принадлежности. Однако принципиального значения этот вопрос не имеет. Штейнгейль пользовался неограниченным доверием ведущих деятелей общества, в первую очередь Рылеева и Пущина, а через них — и всех остальных, был в курсе важнейших структурных, идеологических и тактических секретов общества, а также принимал участие в его деятельности на решающем этапе. Этого достаточно, чтобы совершенно стереть всякую формальную границу между ним и остальными членами тайного союза, про которых точно известно, кем и когда они были приняты.

Но и с формальной точки зрения вопрос о членстве Штейнгейля не вызывает колебаний. Самый убедительный пример: он не подвергал в показаниях ни малейшему сомнению свое право принимать новых членов[83], а это было бы совершенно невозможно, если бы он сам не был принят с соблюдением процедуры, предусмотренной уставом. И другие декабристы, судя по следственным показаниям, видели в нем полноправного члена общества (Рылеев, например, заочно использовал его право голоса при

---

[82] Изложенная здесь последовательность событий и связанная с ней наша датировка упомянутого разговора второй половиной декабря 1824 г. подтверждается тем, что, по словам Штейнгейля, в тот свой приезд он вместе с Рылеевым занимался разбором злоупотреблений в правлении компании. Известно, что это расследование происходило в конце 1824 — начале 1825 г. Таким образом, разговор, который Штейнгейль относит к 1824 г., мог состояться только по возвращении Рылеева в Петербург во второй половине декабря.

[83] ВД, т. 14, с. 152—153, 166. Правда, он никого не принял, потому что не желал «кому бы то ни было объявлять о принадлежности своей к обществу» (там же, с. 167).

выборе Трубецкого диктатором[84]). Наконец, Пущин свидетельствовал, что Штейнгейль «был принят на совещании»[85].

Остается уточнить, когда именно Штейнгейль был принят в Северное общество. Первый разговор в «Лондоне», возможно, и не завершился его вступлением, как он о том пишет в Автобиографических записках. Но из его показаний на следствии видно, что содержание этого разговора (или серии подобных разговоров) далеко выходило за рамки, очерченные в Записках. Рылеев раскрыл Штейнгейлю «сокровенную цель» общества — требовать конституцию, обрисовал основные этапы его развития, дал главные сведения о его структуре. Обсуждались даже различия в идеологии Северного и Южного обществ (конституции монархическая и республиканская). Более того, именно тогда Рылеев поставил перед Штейнгейлем задачу: заняться расширением социальной базы общества за счет привлечения представителей московского купечества. Кажется совершенно невероятным, чтобы обсуждение проблем движения с такой откровенностью могло происходить после отказа Штейнгейля от вступления в общество. Таким образом, Штейнгейль был принят в общество в декабре 1824 г. Рылеевым[86]. Высказывание Пущина о том, что Штейнгейль «был принят на совещании», заставляет допустить, что в процедуре приема участвовал по меньшей мере еще один декабрист — это мог быть А. А. Бестужев, близкий друг Рылеева, живший в том же доме Российско-Американской компании.

Вовлечение Штейнгейля в общество именно в это время было для Рылеева крайне важным. Его замечания к конституции могли оказаться полезными при выработке ее окончательного варианта для обсуждения на объединительном съезде Северного и Южного обществ, назначенном на 1826 г. Однако текста конституции как раз в этот момент у Рылеева не было. После серии совещаний летом 1824 г., на которых был подвергнут критике первый вариант конституции, Никита Муравьев написал второй ее

[84] Там же, с. 170.
[85] Там же, с. 178.
[86] Неизвестно, как долго Штейнгейль пробыл тогда в Петербурге, но естественно предположить, что к рождеству он вернулся домой встречать его вместе с семьей. По этим соображениям мы отклоняем январь 1825 г. как возможное время его приема.

вариант. Рылеев получил его по возвращении в Петербург в декабре и сам сделал с него список, который начал немедленно использовать для составления свода критических замечаний. С этой целью список сначала находился у Н. А. Бестужева и К. П. Торсона, также только что принятых в общество, а затем Рылеев должен был передать его И. И. Пущину, уезжавшему после отпуска в Москву; последнему он был нужен для возрождения Московской управы общества[87]. Штейнгейль вполне мог ознакомиться с конституцией и в Москве, поэтому Рылеев снабдил его рекомендательным письмом к Пущину, которым, надо полагать, извещал последнего о принадлежности Штейнгейля к Северному обществу и о его задаче: дать замечания на конституцию.

Штейнгейль не замедлил выполнить поручение Рылеева. Информацию о состоявшемся знакомстве с Пущиным мы встречаем в единственном сохранившемся письме Рылеева к Штейнгейлю, написанном между 19 и 22 марта 1825 г.: «Спасибо за письма. Спасибо, что полюбил Пущина, я еще от этого ближе к тебе. Кто любит Пущина, тот уже непременно сам редкий человек»[88].

Итак, Штейнгейль явился к Пущину за конституцией в феврале—начале марта 1825 г.[89] На следствии он покажет, что вернул конституцию Пущину через день без замечаний[90]. На самом же деле он подверг текст конституции глубокому критическому анализу и сделал на полях документа более тридцати замечаний. Деятельность Штейнгейля как члена общества не богата событиями, но каждое из них наполнено глубоким идейным содержанием. Первым таким событием явилась критика конституции Никиты Муравьева. Она велась с позиций рылеевского крыла организации, т. е. с целью углубления демократических тенденций в идеологии общества.

Принадлежность замечаний Штейнгейлю установил Н. М. Дружинин, он же провел их всесторонний анализ[91]. Взгляды Штейнгейля выразились здесь в кон-

---

[87] Дружинин, с. 165—166.

[88] Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч., с. 490—492.

[89] Пущин вернулся в Москву в начале февраля (ВД, т. 2, с. 214).

[90] Там же, т. 14, с. 158.

[91] Дружинин, с. 154—166.

центрированном виде. Высказанные им ранее по разным поводам требования политического, экономического и социального характера, собранные воедино вокруг критикуемой конституции, могут рассматриваться в совокупности с ней как новый, более радикальный ее вариант. Принимая конституционную монархию как политическую основу будущего государственного строя, Штейнгейль шел значительно дальше Муравьева по пути ограничения прав императора, лишая его реальной власти. «Худо вверять такую силу человеку, — откомментировал он статью, согласно которой верховное командование армией и флотом вручалось императору, — с которым надобно быть в беспрестанной борьбе»[92]. Создается впечатление, что к выбору формы правления Штейнгейль подходил прагматически. Он вовсе не был принципиальным противником республики, ее он допускал «впоследствии, если бы уж то необходимо было нужно»[93], однако полагал, что «в России революция в республиканском духе еще невозможна» (с. 151 наст. изд.). Напомним, что даже накануне восстания вопрос о форме будущего правления оставался открытым, и его решение предоставлялось Великому собору.

Основное внимание Штейнгейль уделил тому конкретному содержанию законов, которое непосредственно касается каждого гражданина и тем самым формирует климат взаимоотношений между личностью и государством[94]. Он резко выступил против лежащего в фундаменте муравьевского проекта Конституции цензового подхода к гражданским правам. В глазах Штейнгейля, барона по титулу, разночинца — по существу, этот подход ущемлял достоинство гражданина и сужал содержание выборных форм правления: «Почему богатство только определяет достоинство правителей? Это несогласно с законом нравственным»[95]. Он настаивал на принятии основных буржуазных свобод, требовал введения подоходного налога

---

[92] Там же, с. 335.
[93] ВД, т. 14, с. 168.
[94] Вспомним еще раз его слова о необходимости «<...> такого правления, которое бы обеспечивало личную безопасность и достояние равно последнего гражданина, как и сильного вельможи, а с тем вместе само в себе заключало бы гарантию незыблемости государственных постановлений» (там же, с. 156).
[95] Дружинин, с. 327.

и гарантий неприкосновенности личности и имущества. Добиваясь либерализации общественного строя, Штейнгейль в равной степени заботился и о его стабильности на основе твердой власти и всепроникающей силе законов. Коснувшись вопроса о свободе организаций, он уронил знаменательную фразу: «Общества, но не тайные. Тайное все вредно»[96].

Эти слова написал человек, только что вступивший в *тайное* общество. Они указывают на глубокий внутренний конфликт, в котором отразились трагедия и сила Штейнгейля. Поставив некогда жизненной задачей служение отечеству путем укрепления его государственных и общественных институтов[97], Штейнгейль не мог безболезненно принимать, пусть очевидную, необходимость нелегальных форм борьбы. Преодолевать в себе это противоречие ему теперь приходилось непрестанно, и весьма вероятно, что именно здесь кроется причина отмеченной выше особенности Записок Штейнгейля: по возможности устраняя из их текста упоминания о своей личной причастности к тайной деятельности общества, он как бы вытравлял следы своей непоследовательности. В то же время принесение себя в жертву на алтарь справедливости и свободы вполне с этикой Штейнгейля согласовывалось, и этот мотив в Записках и особенно в письмах постепенно выступает на передний план.

Весна и лето 1825 г. прошли в частых встречах Штейнгейля и Пущина, о которых Штейнгейль писал Рылееву: «Мы, кажется, гармонируем чувствами и понятиями о вещах»[98]. При знакомстве с Пущиным Штейнгейль нашел «его в большом недоразумении о возможности привести намерение общества в исполнение»[99]. Это впечатление совпадает со свидетельством А. А. Бестужева в его показании о Пущине: «В обществе давно; прежде был весьма рассудителен и говорил, что начинать прежде 10 лет и подумать нельзя; что нет для того ни людей, ни

---

[96] ГБЛ, ф. 243, 4.54, л. 4. Последние слова прочтены Н. М. Дружининым неверно: «Тайные все вредны» (Дружинин, с. 324). В таком виде, принижающем значение высказывания Штейнгейля, эти слова и приобрели известность.

[97] Как впоследствии, из каземата, он и царя призывал «жить для отечества, то есть сделать его благополучным гражданскими учреждениями» (письмо 28).

[98] Письмо 21.

[99] ВД, т. 14, с. 150.

средств. В бытность мою в Москве (в мае [1825 г.—*Н. З.*]) он повторял то же самое»[100]. Со своей стороны и Штейнгейль уверял Пущина, что они с Рылеевым «в совершенном заблуждении насчет средств» общества[101]. Штейнгейль особенно опасался трудностей переходного периода. Он считал, «что Россия к быстрому перевороту не готова, что у нас и в самых городах нет настоящего гражданства, что внезапная свобода подаст повод к безначалию, беспорядкам и неотвратимым бедствиям и что для предупреждения всего того необходимо, чтобы конституция введена была законной властью»[102]. Опережая события, заметим, что последний тезис не помешал Штейнгейлю поддержать идею насильственного политического переворота, когда он представился возможным, а сам тезис при этом выродился в стремление к соблюдению внешне законных форм передачи власти.

Когда внезапно умер Александр I, Пущин «тотчас приехал в Петербург»[103]; Штейнгейль оказался там случайно. Между 4 и 7 октября[104] он привез в Петербург для определения в учебные заведения троих своих сыновей. Он снова остановился у директора Российско-Американской компании И. В. Прокофьева (на верхнем этаже; внизу была квартира К. Ф. Рылеева). Штейнгейль «тотчас увиделся» с Рылеевым и передал ему вопрос Пущина о состоянии дел в Петербургском отделении общества. Рылеев сообщил, что «общество действует и усиливается»[105]. Если верить следственному показанию Штейнгей-

---

[100] Там же, т. 1, с. 444.

[101] Там же, т. 14, с. 178. По словам Пущина, и все остальные московские члены единогласно придерживались того же мнения. Убедившись в их «недеятельности» после восстановления в феврале 1825 г. Московской управы Северного общества, он организовал из ее членов Практический союз с ближайшей узкой задачей — освобождения ими дворовых людей. С. М. Семенов в своих показаниях причислил Штейнгейля к этому союзу (там же, т. 18, с. 190), косвенно подтверждая тем самым его принадлежность к Московской управе (Штейнгейль крепостных не имел, однако цель союза была его излюбленной идеей, и он, как человек дела, конечно, способствовал усилиям Пущина).

[102] ВД, т. 14, с. 167.

[103] Это показывал А. А. Бестужев,— «и уже говорил наравне с другими, что такого случая упускать не должно» (там же, т. 1, с. 444).

[104] Санкт-Петерб. ведомости, 1825, 9 окт., первое прибавл. к № 81, с. 965.

[105] ВД, т. 14, с. 158—159.

ля, далее они виделись редко и коротко, не считая вечера у Я. И. Ростовцева, где читались политические стихи и где Штейнгейль познакомился с Е. П. Оболенским. Кончив с делами, Штейнгейль собрался в Москву. Однако 25 ноября в Петербурге было получено известие о болезни Александра I в Таганроге, а рано утром 27 ноября Рылеев поднялся к Штейнгейлю, чтобы срочно «поговорить о болезни государя», еще раз заходил днем сообщить, что болезнь смертельная, а вечером подробно рассказал о событиях, происходивших во дворце и Сенате при присяге цесаревичу Константину Павловичу, а главное — о присяге ему вел. кн. Николая Павловича[106]. По планам декабристов, смерть императора должна была служить сигналом для начала действий Северного и Южного обществ. Однако давно ходили слухи о том, что Константин отрекся от престола и что еще в 1823 г. Александр составил завещание, согласно которому корона должна была перейти к младшему брату, вел. кн. Николаю Павловичу; он же только что присягнул цесаревичу. Теперь все зависело от того, примет Константин корону или нет. Была надежда, что не примет, и тогда возникнет ситуация междуцарствия, которая значительно увеличила бы шансы на успех выступления. Штейнгейль отложил свой отъезд[107].

В обсуждении планов на случай разных вариантов событий он принимал непосредственное участие. В первые дни после присяги Константину обсуждался вопрос о том, что делать, если отречения не последует и Константин воцарится, или Константин отречется, но общество не успеет организовать своевременное выступление и воцарится Николай. Рылеев предлагал в любом из этих случаев истребить царствующую фамилию в Москве при коронации. Излагая на следствии этот план, П. Г. Каховский показал, что Штейнгейль внес свое уточнение: «Лучше

---

[106] Там же, с. 159.

[107] На следствии он показывал, что остался в Петербурге не для того, чтобы участвовать в подготовке восстания, а только ожидая воцарения Константина, с которым связывал свои надежды вернуться на государственную службу. Всем следственным показаниям Штейнгейля, касающимся его участия в делах общества, можно доверять лишь отчасти, тем более этой версии, столь понятной в устах обвиняемого. Тем не менее она дала начало расхожему мнению, что Штейнгейль был вовлечен в восстание «силою обстоятельств» (см., например, Дружинин, с. 157).

пред тем днем захватить их всех у всенощной в церкви Спаса за золотой решеткой»[108].

Штейнгейль был в числе тех немногих ведущих деятелей общества, которые приняли окончательное решение о начале непосредственной подготовки восстания. Об этом читаем в показании А. А. Бестужева: «Между тем после 6-го декабря стали уже в городе носиться слухи, что цесаревич отказывается от короны, тогда князь Трубецкой и Рылеев, а потом Оболенский, я, Арбузов и Одоевский, Штейнгейль и Якубович стали говорить, что сим надо воспользоваться, что солдаты не расположены к Николаю Павловичу, а цесаревича любят и что никогда не представится для России благоприятнейшего случая отыскать права, коими пользуются другие нации. С 9-го числа стали собирать членов и вербовать единомышленных в полках»[109].

Тем временем в штабе восстания продолжалось активное обсуждение политической программы переворота, стратегии выступления и оперативно-тактических вопросов действия войск[110]. Штейнгейль внес согласованное с Г. С. Батеньковым предложение «с войсками выйти на Пулкову гору; во-первых, из города стали бы недовольные присоединяться, а во-вторых, можно бы надеяться, что поселения (военные.— *Н. З.*) тотчас бы примкнули, и тогда можно было бы овладеть городом на аккорд без кровопролития»[111]. Отголоски этого предложения сохранились в резервном варианте: «в случае неудачи ретироваться на поселения»[112].

Наибольшее внимание привлекал план военной силой заставить Сенат принять Манифест о передаче власти

---

[108] ВД, т. 14, с. 172. Церковь «Спаса за золотой решеткой» — домашняя церковь, примыкающая к царским покоям в Московском кремле. Это показание грозило декабристу самыми тяжкими последствиями, поэтому ни с каким другим обвинением он не боролся так отчаянно. Но участие Штейнгейля в разработке этого плана подтверждает еще один свидетель, А. А. Бестужев, который даже, хотя и предположительно, приписывает Штейнгейлю саму идею захвата царской фамилии в Москве: «Не помню, он или Булатов сказал, что если теперь невозможно, то в Москве удобный случай в день коронации будет» (там же, т. 1, с. 445).

[109] Там же, с. 450—451.

[110] О подготовке и проведении восстания см. подробно: Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 г. М., 1975.

[111] ВД, т. 14, с. 171.

[112] Там же, с. 164.

Временному правительству, о созыве народных депутатов (Великого собора) и о введении основных конституционных положений. Штейнгейль предложил другой, более легкий с его точки зрения путь к той же цели: возвести на престол вдовствующую императрицу Елизавету Алексеевну — с намерением добиться от нее введения конституционной монархии или даже республики. Штейнгейль возлагал надежды на ее общеизвестное безразличие к атрибутам власти и ритуалам, связанным с императорским титулом, на отсутствие у нее наследников и на предполагаемые конституционные взгляды близкого к ней человека, ее секретаря Н. М. Лонгинова. Тактические преимущества этого плана Штейнгейль видел в том, что было бы значительно легче поднять войска, так как, освобожденные законным образом от присяги (цесаревич ее не принял), они безусловно повинуются призыву возвести на пустующий трон особу, имя которой они привыкли слышать на богослужениях вторым после императорского; главное же — соблюдалась полная преемственность законной власти на пути к конституции. На случай принятия его предложения Штейнгейль заготовил воззвание («Приказ войскам»): «Храбрые воины! Император Александр I скончался, оставя Россию в бедственном положении. В завещании своем наследие престола он предоставил великому князю Николаю Павловичу; но великий князь отказался, объявив себя к тому неготовым, и первый присягнул императору Константину I. Ныне же получено известие, что и цесаревич решительно отказывается. Итак, они не хотят. Они не умеют быть отцами народа; но мы не совсем осиротели: нам осталась мать в Елисавете. Виват! Елисавета *Вторая* и отечество!»[113]

Расчеты Штейнгейля были вовсе не беспочвенными, это прекрасно понимал Рылеев, обдумывавший предложение дня три (он даже вытвердил наизусть «Приказ войскам»). Но в конце концов Рылеев отклонил план на том основании, что не видел достаточных гарантий осуществ-

---

[113] Там же, с. 168. О Елизавете Алексеевне думали многие, в частности Трубецкой, Торсон, Батеньков. Что касается последнего, то вообще характер участия его и Штейнгейля в подготовке восстания, их взгляды на тактику выступления, конкретные предложения и в целом линия их поведения в этот период поразительным образом совпадают.— См., например: Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965, с. 138—143.

ления его второго этапа — собственно введения конституционного правления [114].

На завершающем этапе подготовки восстания Штейнгейль принял на себя функцию исключительной важности — написание Манифеста. На последнем перед выступлением совещании вечером 13 декабря было решено поручить написание Манифеста к русскому народу сразу троим — С. П. Трубецкому, Н. А. Бестужеву и К. Ф. Рылееву (сохранился только черновик Трубецкого). Оставшись «наедине», Рылеев и Штейнгейль продолжили обсуждение текста будущего документа. Штейнгейль вновь поднимал вопрос о необходимости снабдить Манифест такими оговорками, которые создавали бы впечатление полной законности действий Сената. «Что может быть благовиднее?» — говорил Штейнгейль, предлагая воспользоваться для вводных строк Манифеста несколько видоизмененным текстом «Приказа войскам»: «<...> когда оба великие князя не хотят быть отцами народа, то осталось ему самому избрать себе правителя, и <...> потому Сенат назначает до собрания депутатов Временное правительство» [115]. Разговор закончился тем, что Рылеев передоверил ему работу над Манифестом целиком, «почитая его способнейшим себя для написания акта подобного роду» [116].

М. В. Нечкина высказала предположение, что Штейнгейль писал только вводную часть к Манифесту, основной текст которого был написан Трубецким [117], однако ряд обстоятельств говорит о другом. Штейнгейль на следствии упорно отказывался воспроизвести содержание написанного им Манифеста, ссылаясь на провалы в памяти, однако то, что́ он о нем все-таки рассказал, полностью исчерпывает содержание, необходимое для преамбулы. Если бы он писал только преамбулу, то остается неясным, что же именно он так старался забыть? По словам Штейнгейля, «<...> в окончании было сказано, чтобы все учинили присягу Временному правительству, чтобы в течение 3-х месяцев избрали из каждого сословия в каждой губернии по 2 депутата и чтобы все оставались в повиновении постановленным властям и каждый при ис-

---

[114] ВД, т. 14, с. 168.
[115] Там же, с. 163.
[116] Там же, т. 1, с. 188.
[117] Нечкина М. В. День 14 декабря, с. 46

правлении своих дел»[118]; предполагалось даже поименно указать состав Временного правительства (он оставил место для имен). Это содержание уже никак не укладывается в преамбулу, и приходится предположить, что Манифест, написанный Штейнгейлем, представлял собой законченное, целостное произведение, в противоположность конспективному наброску Трубецкого. Отметим одно важное обстоятельство. Штейнгейль еще работал над Манифестом, сочиняя его «от лица общего присутствия Синода и Сената <...> в выражениях, приличных сим сословиям»[119], когда сенаторов давно уже не было в Сенате и принимать Манифест было некому (Николай Павлович, знавший от Я. И. Ростовцева о плане восстания, провел присягу Сената ранним утром). Это говорит как о намерениях декабристов, так и о настроении в этот момент Штейнгейля: он не испытывал особой надобности в сенаторах, чтобы опубликовать Манифест от Сената, а заодно и Синода. Кроме того, зная Штейнгейля, трудно поверить, что ему понадобилось полдня для того только, чтобы написать одну почти готовую преамбулу.

Свою работу над Манифестом Штейнгейль перемежал с дежурством в квартире Рылеева, где из всего штаба восстания оставался он один, и с инспекционными выходами на Сенатскую площадь. Судьба распорядилась так, что надобность в Манифесте отпала как раз в тот момент, когда Штейнгейль его дочитывал Рылееву и Пущину (около часу дня): «взошел молодой Ростовцев и сказал, что большая часть гвардии уже присягнула» новому царю. Так как расчет был именно на нелюбовь гвардии к Николаю, Штейнгейль счел дело проигранным: «Итак, теперь это уже не нужно»,— закончил он чтение Манифеста[120]. Свой долг он выполнил. «Не быв от природы холодным эгоистом и не считая любовь к отечеству простым идеалом, пригодным только на случай надобности»[121], он перешагнул через свои сомнения и опасения — и разделил с восставшими их судьбу.

Уничтожив Манифест, Штейнгейль пошел к Сенатской площади. Теперь он был только зрителем и в этом

[118] ВД, т. 14, с. 169.
[119] Там же.
[120] Там же, с. 163.
[121] Там же, с. 156.

видел свою новую миссию. Он наблюдал происходившее на площади в непосредственной близости и впоследствии как очевидец подробно изложил события этого дня в своих Записках. Вечером после поражения восстания Штейнгейль присутствовал на последнем заседании декабристов в квартире Рылеева[122].

Дальнейшее от них уже не зависело. Через два или три дня Штейнгейль присягнул новому самодержцу[123] и 20 декабря уехал в Москву, где информировал о восстании члена общества С. М. Семенова[124]. Приказ об аресте Штейнгейля был отдан 30 декабря, вечером 2 января он был арестован, 6 января доставлен во дворец[125], тут же допрошен царем и В. В. Левашовым[126] и отправлен в Петропавловскую крепость. Он был посажен в Никольской куртине в арестантский каземат № 7 «с строжайшим наблюдением, дабы он ни с кем никакого сношения иметь не мог»[127].

На следующий же день, 7 января, Штейнгейль испросил разрешение писать царю. Предваряя в прошении свое будущее письмо, он писал: «<...> цель изложения моих сведений имеет непосредственную связь с происшествием, ставшим нашею гибелью: ибо она есть — будущее благо отечества и слава монарха»[128]. Уже к 11 января был написан документ, который вошел в историю как знаменитое письмо В. И. Штейнгейля к Николаю I из крепости[129]. Нет нужды подробно останавливаться на содержании этого документа, давно ставшего хрестоматийным. Штейнгейль с беспощадной ясностью и на массе точных примеров показал в нем противоречивость и беспомощность внутренней политики Александра I, приведшей к упадку экономической, культурной и гражданской жизни страны, вскрыл механизм зарождения и распространения освободительных идей, продемонстрировав при этом, что тайное общество есть выражение тенденций, уже неис-

---

[122] Там же, с. 152, 170; Нечкина М. В. День 14 декабря, с. 326—327.

[123] ВД, т. 14, с. 155.

[124] Там же, с. 152.

[125] Пушкин Б. Арест декабристов.— В кн.: Декабристы и их время. М., 1932, т. 2, с. 408.

[126] ВД, т. 14, с. 150—153.

[127] ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 30, л. 298.

[128] Письмо 23.

[129] Письмо 24.

коренимо присущих обществу в целом. Письмо заканчивалось перечнем важнейших направлений, предлагаемых Штейнгейлем для будущей преобразовательной деятельности нового правительства, вытекающих из анализа четвертьвековой истории страны.

Это был апогей всей общественно-политической деятельности Штейнгейля. Он наконец получил реальную надежду быть услышанным и выступил от имени всего движения, можно сказать — от имени России, «высказав, что она начинает всматриваться и понимать, что́ ее теснит»[130]. В огромном письме нет ни слова о собственной судьбе, ни тени раскаяния, но зато прямо выражено осознание своей дерзновенной решимости «представить обнаженную истину», как «подвига». Незаурядный интеллект позволил Штейнгейлю выполнить работу в три дня без черновиков (они запрещались) и помарок. Он как будто пришел в крепость с готовым текстом. В некотором смысле так оно и было: недаром содержание письма обнаруживает тесную взаимосвязь с политическими записками Штейнгейля. «Читано ли это, произвело ли какое-либо действие и какое»[131], — Штейнгейль узнал только через 30 лет[132]. Мы же знаем, что письмо сразу стало распространяться в списках и современники считали, что «записка эта много повлияла на направление правительства в первый период царствования» (обширные дословные выдержки из письма А. Д. Боровков внес в «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства», с 1827 г. лежавший на столе у Николая I)[133]. Впервые письмо опубликовал А. И. Герцен в 1859 г., и его находили в списках среди других революционных документов еще и в начале 1860-х гг.[134] Без отсылок на него вплоть до нашего времени не может обойтись ни одно исследование, посвященное идеологии декабризма.

---

[130] См. с. 176.
[131] См. с. 166.
[132] Письмо 125.
[133] См. примеч. 1 к письму 24. Приведем еще свидетельство П. И. Бартенева, первого публикатора письма в России: «Император Николай Павлович внял благородному представлению узника, чему доказательством служит его правление до самого 1848 года» (Рус. архив, 1895, № 2, с. 161).
[134] ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, т. 1, д. 1064.

29 января Штейнгейль обратился к Николаю I с еще одним письмом[135]. В нем он советовал царю срочно заняться сбором «верных и точных сведений» о социально-экономическом положении основных слоев населения и предлагал свои услуги в написании соответствующего манифеста. Штейнгейль фактически утверждал, что царствующий дом не может руководить страной, так как не знает ее; кроме того, он призывал собирать сведения в обход существующего государственного аппарата, выражая ему недоверие. Такая постановка вопроса логически следовала из первого письма царю.

Личная характеристика, данная Штейнгейлем Николаю Павловичу в письменном показании, вызвала растерянность в Следственном комитете («Как вы смели писать такие мерзости против государя?»), и его попросили переписать текст, выпустив соответствующие слова; все это усугубило, конечно, тяжесть наказания, понесенного Штейнгейлем.

Подробно ход следствия мы здесь не рассматриваем[136]. Несмотря на принятую Штейнгейлем тактику самозащиты, ему прямо или косвенно пришлось признать основные факты, которых хватило для осуждения его по III разряду[137]. Этот разряд Верховный уголовный суд приговорил к вечной каторжной работе. Состав преступления Штейнгейля формулировался так: «Знал об умысле на цареубийство и лишение свободы с согласием на последнее, принадлежал к тайному обществу с знанием цели и участвовал в приуготовлении к мятежу планами, советами, сочинением Манифеста и приказа войскам»[138].

25 июля 1826 г. Штейнгейль вместе с Г. С. Батеньковым и В. А. Бечасновым был отправлен в финляндскую крепость Свартгольм[139]. Видимо, до отправки было сделано единственное известное нам описание его внешности: «Лицом бел, круглолиц, волосы на голове и бровях темнорусые с сединою, глаза светло-голубые, нос большой с

---

[135] Письмо 28.

[136] См. следственное дело Штейнгейля и пояснения к нему: ВД, т. 14, с. 147—181, 467—469.

[137] При всех усилиях А. Д. Боровкова, явно ему симпатизировавшего, максимально смягчить его вину (см. свод показаний на Штейнгейля — там же, с. 177—181).

[138] ВД, т. 17, с. 230.

[139] ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, св. 20, д. 266, л. 90.

горбиной, подбородок раздвоившийся», рост 2 аршина 5,5 вершка (167 см)[140]. На содержание в крепости отпускалось по 50 к. в день на человека[141], переписка и прогулки запрещались[142]. Выходить к общему обеду, в баню и гулять поодиночке было разрешено только в феврале 1827 г. 17 июня 1827 г. Штейнгейль, Бечаснов и И. С. Повало-Швейковский, «закованные в железа», отправились в сопровождении фельдъегеря Вельша и трех жандармов через Тобольск (прибыли туда 8 июля и вечером того же дня выехали[143], т. е. мчались безостановочно) и Иркутск (прибыли 4-го, выехали 7 августа) в Читинский острог, куда были доставлены 15 августа. 25 августа комендант Нерчинских заводов С. Р. Лепарский докладывал, что они уже «употреблены в работу»[144]. В Чите, где жили тесно, душно, ходили в кандалах[145], где были запрещены чернила, Пущин и Штейнгейль перевели Записки Франклина и переслали их родственнику своего соузника П. А. Муханова для опубликования[146].

23 сентября 1830 г. партия декабристов, с которой Штейнгейль шел из Читы, вступила в Петровский Завод. В Петровской тюрьме Штейнгейль занимался науками и языками, учил чему-то жену тюремного врача Е. Д. Ильинскую, составил для тюремных чтений «Записку о Сибири»[147] и записал со слов осужденного по делу Оренбургского тайного общества В. П. Колесникова историю

---

[140] Там же, св. 23, д. 389, л. 9 об.

[141] Там же, св. 20, д. 266, л. 125. Считалось, что «хорошее» содержание — это 1 р., а «строгое» — 50 к. (там же, оп. 5/848, св. 32, д. 46).

[142] Там же, оп. 4, св. 24, д. 416, л. 1—5.

[143] Декабристы на пути в Сибирь. Донесения сенатора князя Б. А. Куракина. 1827.— Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925, с. 119—120.

[144] ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, св. 24, д. 544, л. 102, 106, 117, 127.

[145] Кандалы сняли 30 авг. 1828 г. Штейнгейль перелил их в трость, на которой был написан этот год; с ней он не расставался всю жизнь. (См. об этом воспоминания его внука: Баронов Г. А. Декабрист В. И. Штейнгейль.— Омская область, 1939, № 6, с. 54—57).

[146] Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 201 (далее: Пущин). Перевод затерялся. Судя по словам Пущина, они делали еще и «другие переводы».

[147] Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. Кн. 1. Лондон, 1859, с. 76—100. Более известна под названием «Записка о сибирских сатрапах».

этого общества. Развернутое штейнгейлевское «Вместо вступления», предваряющее это сочинение, являет собой выдающийся образец беспощадной критики российского государственного аппарата и общества со времени Екатерины до периода, последовавшего за казнью декабристов. По разоблачительному пафосу, насыщенности словесной ткани и страстному негодующему тону этот текст Штейнгейля предвосхищает герценовские инвективы самодержавию [148].

По указу 8 ноября 1832 г. срок каторги для Штейнгейля был сокращен до 10 лет, а указом от 14 декабря 1835 г. он был обращен на поселение. Местом ссылки было назначено село Елань (Еланское) в 67 верстах от Иркутска. Видимо, место было выбрано не сразу, так как Штейнгейль выехал из Петровска только летом 1836 г. Дом и хозяйство в Елани Штейнгейль получил в наследство от декабриста А. И. Одоевского, уехавшего в июле 1836 г. на новое место поселения [149].

Первые же его письма, дошедшие до нас после десятилетнего тюремного молчания, показывают, что эти годы не изменили Штейнгейля. 17 июля из Иркутска [150] он отправляет корреспонденцию в «Северную пчелу», в августе и сентябре шлет переводы в «Библиотеку для чтения». Все это остается лежать в архиве III Отделения [151].

Дальнейшие передвижения Штейнгейля в Сибири обозначим кратко, пользуясь в основном его письмами. 7 октября 1836 г. он просил о переводе в Ишим, 25 декабря получил на него разрешение [152], в Ишим прибыл 11 марта 1837 г.[153] С сентября 1838 г. он несколько раз просил перевода в Тобольск, в январе 1840 г. разреше-

---

[148] Колесников В. П. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату.— Большаков Л. Н. Отечеству драгие имена, кн. 2. В этом издании «Вместо вступления» впервые опубликовано полностью.

[149] Котляревский Н. А. Декабристы. Князь А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский. СПб., 1907, с. 42—43.

[150] Можно предположить, что письмо написано проездом в Елань или уже оттуда (примеч. 2 к письму 30).

[151] Письма 30, 32, 33. Мы далее не касаемся вопросов, связанных с сибирским творчеством Штейнгейля, которое будет отражено в следующем томе.

[152] Письмо 34.

[153] Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905, с. 36.

ние было дано, и 7 марта 1840 г. Штейнгейль был доставлен в Тобольск[154]. В Ишиме «в безнадежности возврата»[155] у него появилась гражданская жена[156]: вдова чиновника — вот все, что мы о ней знаем со слов Штейнгейля. В Тобольске вскоре родились дети его «несчастия» — погодки Мария и Андрей[157].

В Тобольске Штейнгейль стал своим человеком в доме гражданского губернатора М. В. Ладыженского, давал уроки его дочери и, главное, составлял для него некоторые деловые бумаги. Не обошлось без доноса. На Штейнгейля обрушилось гонение ген.-губернатора Западной Сибири П. Д. Горчакова: он был обвинен в непозволительном влиянии на официальное лицо. 26 июля 1843 г. Штейнгейль получил распоряжение выехать в Тару в течение часа. Однако выпроводить его из Тобольска удалось только 15 сентября, после того, как пришло уведомление о высочайшем утверждении санкции Горчакова[158].

Отчаянное сопротивление Штейнгейля вторичной высылке и его борьба за возвращение в Тобольск представляют уникальную страницу в летописи сибирской ссылки декабристов. Немногие из них позволяли себе бросать вызов властям. Назовем М. С. Лунина, кончившего жизнь во вторичном заточении в Акатуе, А. Ф. Бриггена, воевавшего в судах и тем же П. Д. Горчаковым высланного из Кургана в Туринск, и Штейнгейля. Его письма в III Отделение в связи со вторичной высылкой не имеют аналогий по независимости и смелости тона, по бескомпромиссности в отстаивании своего человеческого достоинства[159]. «Не то что колодник, никто не смел в России разговаривать подобным языком», — писала об этих письмах Л. Рейснер[160]. Штейнгейль яростно нападал на Горчакова, призывал шефов III Отделения в защитники, напоминал им о христианских истинах и грядущем возмездии, позволял себе этические нравоучения и

---

[154] Письма 38—40.
[155] Письмо 190.
[156] Записки ОР ГБЛ. М., 1938, вып. 3, с. 35.
[157] Письмо 139. Возможно, фамилия жены была Петрова: под этой фамилией Андрей учился в Тобольской гимназии.
[158] Примеч. 1 к письму 43, а также письма 44—46.
[159] Кроме указанных выше, см. письма 48 и 53.
[160] Рейснер Л. М. Указ. статья, с. 126.

даже назидательные исторические анекдоты[161]. Первое письмо к Л. В. Дубельту Штейнгейль, намеренно пренебрегая своим статусом государственного преступника, закончил демонстративным «честь имею»[162]. Сам Бенкендорф, прочтя второе письмо его к Дубельту, велел напомнить в ответе, что лишь высочайшее милосердие спасло Штейнгейля от смертной казни, и пригрозить «строжайшими мерами», если он «на будущее время дозволит себе неприличные ему рассуждения и вмешательство в дела, до него не касающиеся»[163]. Следующее письмо Штейнгейля и его упорный отказ выехать из Тобольска вызвали у Бенкендорфа соображение, что Тарой он будет наказан недостаточно, и его следовало бы «переместить в одну из отдаленных деревень»[164]. Бенкендорф умер, Штейнгейль стал атаковать его преемника А. Ф. Орлова: «Есть же бог... вечность... потомство... Страшно посмеваться ими!..»[165] Ответом был окрик, что он останется в Таре, пока не переменит «беспокойный нрав свой»[166]. Только после этого Штейнгейль замолчал на пять лет, пока Горчакова не сменили. В Таре он прожил более восьми лет, лишь 9 января 1852 г. ему было дано разрешение вернуться в Тобольск, с оговоркой, что сошлют обратно, если «не оправдает милости»[167]. Штейнгейль вернулся в Тобольск в феврале 1852 г.[168] и прожил там до амнистии.

Жизнь Штейнгейля в Сибири представляет большой самостоятельный интерес, и публикуемые здесь 103 письма этого периода помогут ее будущему исследователю. Мы же коснемся лишь некоторых ее сторон. По определению самого декабриста, она проходила «между чувствами собственного достоинства и наглым натиском нужды»[169]. Однако во всех условиях Штейнгейль сохранял присущее ему жизнелюбие: «В отчаяние я никогда не приходил: других, напротив, нередко удавалось удерживать —

---

[161] См. письмо 50 к П. П. Штейнгейль, откровенно предполагающее вторым адресатом А. Ф. Орлова.
[162] Письмо 43.
[163] Примеч. 1 к письму 44.
[164] Примеч. 1 к письму 45.
[165] Письмо 53.
[166] Примеч. 1 к письму 53.
[167] Примеч. 2 к письму 61.
[168] Письмо 66.
[169] Письмо 72.

в прежней жизни служебной и в страдальческой последующей»[170]. По письмам Штейнгейля видно, что он без конца выступал ходатаем по делам друзей, знакомых и вовсе посторонних лиц — был звеном в системе взаимопомощи, существовавшей в декабристском кругу. В связи с вопросом о статусе декабристов в сибирском обществе надо отметить, что с ним искали дружбы и представители администрации, и духовные лица, и жандармские чины: за честь почитали пригласить его на семейные торжества, добивались его присутствия на обедах, звали «потолковать»; ближе к середине 1850-х гг. вновь назначенные чины приезжали к нему знакомиться. Обширный круг знакомств самому Штейнгейлю был нужен в основном для того, чтобы не терять чувства причастности к событиям в России и в мире, что ему удавалось вполне. Он был в курсе всех политических вопросов и вел их широкое обсуждение в разговорах и переписке, знал последнюю литературу, читал и подпольные сочинения.

В письмах Штейнгейля очень мало, почти совсем не отражена бытовая сторона его жизни, это характерно не только для сибирского периода; единственная бытовая подробность, которая присутствует в них неизменно, — это нужда. От родных Штейнгейль помощи ждать не мог, семью он оставил в бедственном состоянии[171]. Казенное пособие в 114 рублей серебром с копейками и ежегодная помощь декабристской артели не могли избавить его от необходимости постоянно искать дополнительные источники средств существования. Это были случайные заработки литературным трудом, «услугами пером» различным заказчикам (купцам, откупщикам), негласной службой у председателя губернского суда и т. д. Унизительная борьба с нуждой была до конца его жизни неравной. Нельзя без боли видеть одного из выдающихся людей России испрашивающим незадолго до смерти лишних 50 рублей пособия от артели на год, вынужденного при этом представлять отчет о своих скудных расходах и клясться в том, что не утаил ничего[172]. На исходе ссылки

[170] Письмо 194.

[171] Его жена наряду с другими родственниками декабристов с декабря 1827 г. получала пособие в 143 р. с. (ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 12956, л. 1, 4). В этой, производимой «без огласки» акции правительства скрыто намерение смягчить накал общественного мнения в связи с жестокой расправой над декабристами.

[172] Письмо 192.

он в отчаянии писал Пущину: «Меня «терзает» положение моих детей: уж не о воспитании речь — о том, чем одеть, накормить. В виду нет занятия, которое давало бы хоть бедный, но верный кусок хлеба, пока силы не совсем иссякли»[173].

Каковы были взгляды В. И. Штейнгейля на дело декабристов к концу 30-летнего пребывания в Сибири? Один из немногих, он начал писать Записки о восстании еще в Сибири, до Крымской войны, но не довел их до конца. В связи с Записками о восстании мы узнаем еще об одной драме Штейнгейля — открывшейся идейной чуждости ему его сына Вячеслава, успехам которого он постоянно радовался. Сын нанес Запискам непоправимый удар. «Пьесу, которой хотели продолжения,— писал Штейнгейль Пущину в конце 1855 г.,— я истребил. Люди не стоят того, чтобы передавать им истину. Сыну родному она не понравилась, что ж другим? К нему написал <...> — чтоб истребил. Мудрено людей переуверять и заставлять протереть глаза, отуманенные 30-летним пуфом»[174]. Горечь этих слов резко контрастирует со всем знакомым нам обликом Штейнгейля.

Оценка Штейнгейлем восстания как благородной жертвы, принесенной ради блага отечества, данная им еще на следствии, в четвертьвековой перспективе только еще более усилилась. Несмотря на то, что в высказываниях Штейнгейля о роли восстания в личной судьбе декабристов звучат ноты фатализма, ни в Записках о восстании, ни в письмах того времени (как и в более поздних) нет даже тени сожаления о происшедшем — восстание признается исторически необходимым («вынужденным»). Особо следует отметить единственную личностную оценку, имеющуюся в Записках о восстании: она дана К. Ф. Рылееву. Из контекста видно, что эта оценка вызвана не столько памятью о тесных дружеских отношениях с ним автора Записок, сколько признанием выдающейся роли и заслуг Рылеева в кульминационный момент движения декабристов. Человека, которому Штейнгейль во многом обязан как своим участием в обществе, так и понесенной карой, он называет «незабвенным, благородным» и призывает Россию вечно хранить память о повешенном государ-

---

[173] Письмо 116.
[174] Там же.

ственном преступнике, указывая для этого церковный день его памяти. Значение этого акта трудно переоценить.

По получении известия об амнистии Штейнгейль почти немедленно, 29 сентября 1856 г. выехал из Тобольска с оказией, бросив свои бумаги и книги на попечение друзей [175]. Еще до отъезда он начал борьбу с правительством за «полную эмансипацию» [176]. 22 сентября он обратился к Александру II с письмом [177], в котором благодарил за амнистию и в решительных тонах «дерзал испрашивать» разрешение на въезд в Москву, проживание в Петербурге [178] и возвращение ему медали 1812 г. Ответа на это письмо не последовало [179].

24 октября Штейнгейль подъехал к московской заставе и, добившись все-таки разрешения, пробыл неполных два дня в Москве. 25 октября он выехал в Тверь, где его встретили родные [180]. Не успевавшее следить за ним III Отделение только 3 ноября распорядилось об установлении за ним надзора в Твери [181], но в этот день он уже выехал в Колпино [182], где наконец после настойчивого ходатайства принца П. Г. Ольденбургского получил разрешение жить у сына Вячеслава, инспектора Александровского лицея. 27 ноября он приехал в Петербург [183].

Дошедшие до нас 73 письма послесибирского времени дают возможность понять, что пребывание в семье особых радостей старому декабристу не принесло. Его постоянно тяготило сознание того, что он стесняет сына, мешает его карьере, увеличивает материальные затруднения семьи. Родственная связь не заменяла духовной. Он строил планы переезда то в Москву, то в Нижний Новгород, иногда жил у любящего его свата П. Ф. Анжу. Вячеслав Штейн-

[175] Их разобрал по просьбе Штейнгейля Г. С. Батеньков, а увез из Сибири П. Н. Свистунов (письмо Г. С. Батенькова к В. И. Штейнгейлю от 15 янв. 1857 г.— Рус. старина, 1889, № 8, с. 348).

[176] Письмо 173.

[177] Письмо 132.

[178] О запрещении въезда в столицы, полицейском надзоре и т. п. см.: Сокольский Л. А. Возвращение декабристов из сибирской ссылки.— В кн.: Декабристы в Москве, с. 220—240.

[179] Оно повергло власти в некоторое замешательство. Решено было на уступки не идти, но прямо заявить об этом декабристу царь не решился (см. примеч. 2 к письму 132).

[180] Письмо 136.

[181] ДШ, л. 86.

[182] ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3139.

[183] Письмо 136.

гейль не скрывал, что оценивает жизнь отца, как «злополучную»[184]. Приведем два факта из их совместной жизни после возвращения декабриста: из ее начала и конца. Из секретной записки агента III Отделения, в которой возвращение декабриста из ссылки ставится в один ряд с заметными политическими событиями[185], мы узнаем, что Штейнгейль-сын, зная о намерении лицеистов устроить его отцу «шумную встречу», «чтобы избежать всякого скандала, принял отца ночью, когда все спали»[186]. А из доклада III Отделения царю о похоронах Штейнгейля известно, что сын «с намерением не публиковал о кончине и дне погребения своего отца, опасаясь какой-либо неуместной манифестации». А когда «манифестаторы» все-таки явились[187], не позволил им отслужить литию «против того места, где были повешены декабристы», не позволил нести дальше гроб на руках и «просил их удалиться»; остались лишь родные «и все затем было в совершенном порядке». Генерала Штейнгейля очень обязывали 541 р. 50 к., высочайше пожалованные ему на погребение отца[188].

Проследим вкратце последние годы жизни В. И. Штейнгейля по нескольким ведущим мотивам его переписки. Главная мучившая его забота — дети, оставшиеся в Сибири, особенно сын, которому надо было дать образование, так как только на него Штейнгейль мог возложить содержание его матери и сестры. 20 мая 1857 г. Штейнгейль обратился к царю с просьбой узаконить существование этих детей: дать им его отчество, фамилию Бароновы и права личного потомственного дворянства. Прошение было удовлетворено (однако дети не были признаны законными)[189]. С необходимостью содержать и учить сына были связаны трудные денежные хлопоты Штейнгейля[190]. Декабристская артель в лице И. И. Пущина, а

---

[184] Письмо 133, примеч. 1.

[185] «Агентурная записка со сведениями о возвращении из ссылки бар. Штейнгейля, о покушении на жизнь Наполеона III, о впечатлении, произведенном за границей подготовкой крестьянской реформы», от 14 янв. 1858 г.— ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, ед. 1979.

[186] Там же, л. 1 (подлинник на франц. яз.).

[187] Среди них были М. И. и В. И. Семевские и П. Л. Лавров.

[188] ДШ, л. 139—139 об.; Былое, 1925, № 5, с. 108. Могила В. И. Штейнгейля на Охтинском кладбище не сохранилась.

[189] Письмо 139.

[190] Письма 174 и 181.

после его смерти — Е. И. Якушкина продолжала ему помогать. Несколько раз он получал пособие от Литературного фонда (по ходатайству Н. А. Серно-Соловьевича[191] — подчеркиваем этот факт как свидетельство дружеской связи декабриста с представителем молодого революционного поколения, которого Штейнгейль назвал своим «внуком по духу»[192]).

«Хотелось бы остатки сил посвятить на пользу»[193] — похожие слова находим во многих письмах этого времени. Он искал занятия в Географическом обществе[194], делал переводы, его статьи и воспоминания появлялись в «Морском сборнике», «Северной пчеле», «Санкт-Петербургских ведомостях», в газете «Век»[195]. В «Русскую старину» он передал переписку Я. И. Ростовцева с Е. П. Оболенским по поводу давнего предательства Ростовцева[196], завершил Автобиографические записки.

Продолжил он и начатую еще в Тобольске борьбу за полную реабилитацию. 1 февраля 1858 г. он просил министра двора ходатайствовать перед царем о снятии с декабристов («с нас») «самого остатка кары»[197]. Следствием письма был вызов к начальнику III Отделения В. А. Долгорукову — «пристращать его нотациею, чтобы вел себя осторожнее». Разговор состоялся, Долгоруков доложил о нем царю и получил высочайшее повеление: на письмо Штейнгейлю ничего не отвечать[198]. В конце года Штейнгейль обратился уже прямо к царю все с тем же призывом: «довершить» прощение декабристов[199]. Результатом этого письма было снятие надзора с целого ряда декабристов, разрешение проживать в столицах[200], а

[191] Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909. СПб., 1909, с. 14.

[192] Письмо 167.

[193] Письмо 136.

[194] Письмо 135.

[195] Ченцов Н. М. Восстание декабристов. Библиография. М.; Л., 1929, № 3092—3096.

[196] Факт ранее неизвестный, так как при публикации имя Штейнгейля не упоминается, и только в указателе содержания журнала читаем: «Сообщил бар. В. И. Штейнгейль в 1862 г.» — Систематическая роспись содержания Русской старины, изд. 1885—1887. СПб., 1888, № 3412.

[197] Письмо 153.

[198] Там же.

[199] Письмо 166.

[200] Примеч. 4 к письму 166.

5 марта 1859 г. Штейнгейлю была возвращена медаль в память войны 1812 г.[201]

Так закончилось единоборство Штейнгейля с «принципом беспощадного преследования»[202], которого придерживалось правительство в отношении декабристов. Больше он царю не писал.

По письмам последних лет хорошо прослеживается круг общения декабриста. Особый смысл в его глазах имело восстановление старых дружеских связей, внимание однокашников, давно ставших «превосходительствами». В их отношении к себе он справедливо видел уважение к своему делу[203]. Одновременно с этим у него усиливается ощущение причастности к клану, к «нашим». Появляются и новые, молодые друзья, принадлежащие к разночинно-демократическому направлению, и среди них, благодаря Е. И. Якушкину, почти весь круг «Библиографических записок» и близких к нему литераторов: П. А. Ефремов, М. И. Семевский, П. В. Анненков, Н. М. Щепкин — тот круг, который, как установлено Н. Я. Эйдельманом, был основным поставщиком материалов для герценовских изданий[204]. Не вызывает сомнения и факт знакомства Штейнгейля с издателем «Библиографических записок» А. Н. Афанасьевым, хотя документально он не подтвержден. Именно с Афанасьевым связано сотрудничество Штейнгейля в Вольной русской печати.

В первой книжке «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне», вышедшей весной 1859 г., появились сразу два произведения декабриста: «Письмо барона Штейнгейля к имп. Николаю. 11 янв. 1826 г.» и «Записка о Сибири» («Сибирские сатрапы»). При жизни автора эти документы попали за границу, конечно же, с его согласия. Посредниками между Штейнгейлем и Герценом были, как нам представляется, Е. И. Якушкин и А. Н. Афанасьев[205]. Поскольку Афанасьев, как будет

---

[201] Примеч. 3 к письму 153.

[202] Письмо 170.

[203] См., например, письма 136 и 165.

[204] Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», с. 149—162.

[205] В списках, сделанных рукой А. Н. Афанасьева, известны три произведения, появившиеся благодаря ему в первой книжке «Исторического сборника», и среди них «Сибирские сатрапы» (Ист. сборник, кн. 3. М., 1971, с. 24, 42, 59, 68—69).

сказано ниже, переписывал Записки о восстании В. И. Штейнгейля, естественно предположить, что он готовил их для объявленной Герценом серии «Записок декабристов»[206]. В Вольной русской печати при жизни Штейнгейля появились еще его примечания к воспоминаниям М. А. Бестужева и упоминавшиеся выше Записки Колесникова[207].

Жизнь В. И. Штейнгейля подходила к концу. Две вещи занимали его теперь более всех остальных: судьба крестьянской реформы и судьба сына Андрея Баронова. Тема освобождения крестьян от «гнусного рабства» постоянно звучит в его письмах последних лет: «Как начал себя помнить, был сторонником этой идеи»[208]. При этом освобождение крестьян он рассматривал как прямое следствие восстания декабристов: в последнем своем письме, написанном Г. С. Батенькову незадолго до смерти, Штейнгейль радовался тому, «что дожил до утешительного результата нашего страдания»[209].

Последние свои слова: «Прошу, не оставьте моего сына Андрея», — умирающий декабрист произнести уже не мог — он их написал. Адресованы они были не семье, а одному из молодых друзей, которые почитали его как «патриарха славного, знаменитого братства»[210]. Он умер 20 сентября 1862 года 79 лет от роду.

Так прожил свою жизнь Владимир Иванович Штейнгейль. Его своеобразие как декабриста состоит в том, что главные свои усилия, направленные на социально-экономическое оздоровление государства, он предпринял задолго до вступления в тайное общество. Самое участие Штейнгейля в деятельности общества, в том числе в подготовке восстания, явилось логическим продолжением этих его усилий, а письмо из крепости суммировало и завершило их. Выступление декабристов Штейнгейль назвал «вынужденным, благородным восстанием»; это благоговение перед делом, для которого понадобилась и его жертва, он пронес до конца своих дней.

---

[206] Колокол, 1862, 1 сент., лист 143. В плане выпусков значились и Записки Штейнгейля. Серия, как известно, не осуществилась, были напечатаны только три автора.

[207] Полярная звезда, 1861, кн. VII.

[208] Письмо 202.

[209] Письмо 205.

[210] Приложения, письмо 1.

Выходящие в серии «Полярная звезда» два тома сочинений и писем В. И. Штейнгейля содержат почти все его наследие, известное к настоящему времени[211]. В представляемый читателям том входят Записки и письма декабриста, хронологически целиком охватывающие его жизнь и служащие непосредственным источником его биографии, которая и предваряет книгу. Следующий том составят остальные его мемуарные произведения, публицистические и научные труды, и им будет предпослана статья о его творчестве и мировоззрении.

Записки В. И. Штейнгейля входят в круг важнейших источников по истории движения декабристов. Он приступал к работе над ними трижды, с большими временными интервалами. I часть Автобиографических записок, посвященную жизни отца и своему детству, он написал в 1819 г. и довел ее до 1801 г.; II часть он писал по возвращении из Сибири, она охватывает его жизнь с конца 1790-х гг. до 1858 г. В последней, VII главе II части Штейнгейль повествует о своей личной судьбе в связи с участием в восстании.

В промежутке между написанием этих двух частей Автобиографических записок — в Сибири, в начале 1850-х гг., Штейнгейль, как упоминалось выше, пишет еще одни Записки, специально посвященные восстанию декабристов. В них подробно изложены причины и история междуцарствия, описаны подготовка восстания и события 14 декабря 1825 г., следствие и суд над декабристами, казнь пятерых, заключение в крепостях до 1827 г. Сопоставление этого мемуарного текста с Автобиографическими записками, точнее с VII главой II их части, посвященной той же теме, показывает, что это два совершенно разных по замыслу, содержанию и функциям мемуарных сочинения. В одном случае это специально предпринятое исследование, написанное от третьего лица, в котором судьба мемуариста — лишь часть общего потока событий. В другом — биография, изложенная от первого лица, где восстание рассматривается с точки зрения личной судьбы автора. Это дает нам право собственно жиз-

[211] Из-за большого объема в издание не включены «Записки касательно похода Санкт-Петербургского ополчения...», «Опыт о времесчислении», «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии» (Журнал Министерства внутренних дел, 1843, ч. 2).

неописание В. И. Штейнгейля (I часть — 1819 г., II часть — 1858 г.) объединить под названием Автобиографические записки, а тексту, написанному в Сибири, присвоить название Записки о восстании (в комментарии соответственно: АЗ и ЗВ).

Автобиографические записки впервые были опубликованы П. М. Кауфманом в 1900 г. в «Историческом вестнике» (№4—6) с рукописи, предоставленной внучкой декабриста Марией Вячеславовной Воеводской. В 1905 г. с текста «Исторического вестника» их переопубликовал П. Е. Щеголев[212]. К тому моменту Щеголев обладал и текстом Записок о восстании, полученным от Е. И. Якушкина, сына декабриста. Это была писарская копия с «собственными поправками» С. П. Трубецкого[213]. Судя по переписке Е. И. и В. Е. Якушкиных с В. И. Семевским[214], копия была владельцу возвращена, но ни в одной из рассеянных по разным хранилищам частей архива Якушкиных она нами не обнаружена.

Структура существующих публикаций Записок В. И. Штейнгейля неверна и берет начало от ошибки, допущенной П. Е. Щеголевым при первом полном их издании в 1905 г. Вслед за текстом Автобиографических записок он поместил Записки о восстании как их продолжение, в виде III части[215], при этом в предисловии к публикации он назвал эту III часть второй редакцией Записок. Такое соединение самостоятельных мемуарных текстов было неправомерным. К тому же Записки о восстании написаны до 1855 г., что исключает всякую возможность называть их второй редакцией Автобиографических записок, оконченных в 1858 г.

Спустя 76 лет после публикации П. Е. Щеголева Записки В. И. Штейнгейля снова появились в печати с биографическим очерком и комментариями В. А. Федорова («Мемуары декабристов»). В этом издании полностью воспроизведен текст публикации П. Е. Щеголева.

Вопрос, однако, не только в правильности компоновки текста; главный критерий ценности публикации — точное его воспроизведение. Что касается Автобиографических

---

[212] Общественные движения, с. 325—422.
[213] Там же, с. 323.
[214] Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, д. 805, л. 31.
[215] Общественные движения, с. 423—474.

записок, то другим текстом, кроме опубликованного впервые П. М. Кауфманом, мы не располагаем (рукопись Штейнгейля не найдена). Именно по этому изданию они публикуются в настоящем томе, поскольку Щеголев допустил при перепубликации более 60 искажений текста «Исторического вестника».

Иную проблему представляет публикация Записок о восстании. В Пушкинском доме (ИРЛИ), в архиве журнала М. И. Семевского «Русская старина» хранится список этого произведения, озаглавленный «Записки Штейнгейля»[216]. Это сшитая тетрадь в 4-ку, без обложки, на 38 листах[217]. Судя по бумажному штемпелю список мог быть сделан во 2-й пол. 1850-х — нач. 1860-х гг.[218] Произведенное нами сличение почерков показало, что тетрадь написана рукою А. Н. Афанасьева, корреспондента А. И. Герцена, работу которого над Записками Штейнгейля мы, как упоминалось выше, связываем с замыслом Герцена о серии «Записок декабристов». Сравнение текста Записок о восстании в списке А. Н. Афанасьева и в публикации П. Е. Щеголева выявляет в последней многочисленные ошибки (более 120), которые искажают, а зачастую и полностью устраняют смысл авторского высказывания. Все они механически повторены в издании В. А. Федорова[219], а оно, в свою очередь, не свободно от разночтений с текстом Щеголева (пропущены куски текста, заменены слова и т. д.). Кроме того, в списке Афанасьева есть отсутствующие в публикации Щеголева примечания С. П. Трубецкого. То, что афанасьевский список по происхождению авторитетен, не подлежит сомнению, вопрос только в точности воспроизведения им оригинала. Этот вопрос решается обращением к еще одному, писарскому списку Записок о восстании, хранящемуся в архиве

[216] ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 3127.

[217] По-видимому, текст готовился к печати, так как в том же фонде под следующим номером (№ 3128) хранится список с этой тетради с небольшой карандашной правкой и надписью: «Набирать».

[218] Клепиков С. А. Филиграни и штемпели. М., 1959, с. 102, № 41 (1855, 1861—1869 гг.).

[219] То же можно сказать о самой последней публикации Записок о восстании, произведенной к тому же с сокращениями.— В кн.: Верные сыны отечества: Воспоминания участников декабристского движения в Петербурге. Л., 1982, с. 326—350.

Н. К. Шильдера[220]. Наличие в этом последнем двух примечаний Трубецкого, отсутствующих в списке Афанасьева (они включены в текст настоящей публикации[221]), говорит о том, что он восходит не к афанасьевскому списку. Независимость этих списков друг от друга при совпадении их текста (не считая обычных писарских небрежностей у Шильдера) гарантирует аутентичность обоих. Таким образом, публикация Записок о восстании, осуществляемая здесь нами по списку Афанасьева, вводит в науку неповрежденный текст этого произведения В. И. Штейнгейля.

Перед читателями впервые предстанет в совокупности все выявленное ныне эпистолярное наследие В. И. Штейнгейля[222] — 205 писем, в том числе 132 письма, никогда прежде не появлявшиеся в печати. Из 73 писем, опубликованных ранее, 11 были изданы до революции[223], остальные — в наше время и, за исключением трех писем[224], в комплексах, связанных с двумя главными адресатами В. И. Штейнгейля: И. И. Пущиным и Г. С. Батеньковым[225]. Еще один его ближайший друг, М. А. Бесту-

[220] Происхождение списка нам неизвестно. Он датируется приблизительно сер. XIX в. (бумага не имеет опознавательных знаков).— ГПБ, ф. 859, к. 17, № 5, л. 3—26 об.

[221] Заметки С. П. Трубецкого на Записки о восстании В. И. Штейнгейля опубликованы в трех редакциях. —В кн.: С. П. Трубецкой. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983, т. 1, с. 293—310. Настоящая публикация прибавляет к ним семь ранее неизвестных замечаний Трубецкого из списка Афанасьева и одно — из списка Шильдера. Отметим, что в обоих этих списках отсутствует одно примечание Трубецкого, имеющееся в публикации Щеголева (с отсылкой на нее оно включено нами в текст).

[222] Нами обследованы архивы Москвы и Ленинграда. Насколько известно, в сибирских архивах писем Штейнгейля не обнаружено.

[223] Письма 1, 3, 14—16, 18, 24, 28, 67, 94, 149.

[224] Письма 19, 21 и 23. Письма 24 и 28, из крепости царю, несколько раз перепубликовывались, но даже в таком авторитетном издании, как ВД (т. 14, с. 181—193), встречаются неточности.

[225] Летописи Гос. Лит. музея. М., 1938, кн. 3 (25 писем к И. И. Пущину); Гапочко Л. В., Зейфман Н. В. Из переписки декабристов. Письма М. А. Фонвизина и В. И. Штейнгейля к И. И. Пущину.— Зап. ОР ГБЛ. М., 1975, вып. 36 (29 писем В. И. Штейнгейля к И. И. Пущину); Зейфман Н. В. Письма В. И. Штейнгейля к Г. С. Батенькову.— Археографический ежегодник за 1975 год (5 писем, с обзором всех 46, хранящихся в ГБЛ). В двух последних публикациях охарактеризованы отношения Штейнгейля с адресатами.

жев[226], является третьим основным адресатом писем[227]. Надо сказать, что даже в этих крупных группах писем есть много пробелов — иногда в целые годы, в зависимости от степени сохранности архива адресата. В целом, эпистолярия Штейнгейля носит либо дружеский, либо официальный характер. Единственное сохранившееся письмо к жене помечено Штейнгейлем номером 244[228]—его родственная переписка, конечно, была обширной. Но ни семейный, ни личный архив Штейнгейля до нас не дошли[229], хотя по многочисленным упоминаниям и цитациям видно, что бумаги тщательно им хранились[230].

Письма печатаются по автографам[231], сведения об их местонахождении, наличии копий и списков, а также публикации даются в комментарии к каждому номеру. Расположены они в хронологическом порядке, причем даты, независимо от их места в оригинале, проставляются всегда перед текстом. Под строкой помещаются пометы адресата или читателя письма, авторские примечания, перевод иностранных слов или пояснение архаичных русских и т. д.

При публикации Записок и писем В. И. Штейнгейля мы стремились сохранить по возможности орфографические и пунктуационные особенности авторского письма (Штейнгейль, например, ко конца жизни писал «сегодни», любил пользоваться точкой с запятой и придавал большое значение тире). Фамилию декабриста мы пишем

---

226 О душевной близости Штейнгейля и Бестужева см. письмо 31 и в кн.: Воспоминания Бестужевых. М., 1951, с. 301—305.

227 К Пущину адресовано 55 писем, к Батенькову — 49, к Бестужеву — 19; всего к трем этим адресатам — 123 письма. Единичны письма к другим декабристам: И. А. Анненкову, А. Ф. Бриггену, Д. И. Завалишину, В. К. Кюхельбекеру, К. Ф. Рылееву.

228 Письмо 50.

229 Ошибочно указание на его архив в кн.: Личные архивные фонды в хранилищах СССР. М., 1980, т. 3, № 8184 (за архив Штейнгейля были приняты при старом описании бумаги М. Ф. Бороздина).

230 Какая-то часть архива была сожжена сразу после восстания сестрой декабриста (см. об этом: Ист. вестник, 1900, № 4, с. 100). Некоторые письма к Штейнгейлю, взятые при его аресте, сохранил в своем архиве секретарь Следственной комиссии А. А. Ивановский (ИРЛИ, ф. 591), их публикацию частично осуществил еще В. Е. Якушкин: Рус. старина, 1888, № 10—11. Известны, кроме того, 8 писем Батенькова к Штейнгейлю (см. примеч. 1 к письму 55).

231 Исключение составляют только три письма (1, 3, и 94), подлинники которых нами не обнаружены.

с двумя «й»: Штейнгейль, а не Штейнгель, и считаем, что в будущих изданиях необходимо придерживаться правильного написания: это более точная транскрипция немецкого оригинала, и только так всю жизнь подписывался он сам[232].

Передачу им фамилий или имен приходилось, как правило, унифицировать, так как он сам их зачастую варьировал, написание названий в основном оставлено без изменений; в комментарии фамилии и названия даются в правильном написании. Пропущенные в оригинале слова и недописанные части слов заключены в квадратные скобки, утраченные или зачеркнутые — в угловые; подчеркнутый авторский текст передан курсивом (в примечаниях — разрядкой). В именном указателе курсивом выделена страница, на которой содержатся историко-биографические сведения о данном лице.

Текст Автобиографических записок В. И. Штейнгейля подготовлен к печати В. П. Шахеровым и Н. В. Зейфман, комментарий к ним (кроме VII главы) — В. П. Шахеровым. Остальные материалы тома подготовлены к печати и откомментированы Н. В. Зейфман.

В заключение приношу глубокую благодарность за советы и разыскания Ю. П. Благоволиной, С. В. Житомирской, Н. Н. Зубкову, С. В. Мироненко, В. П. Павловой, А. И. Плигузову, Н. Б. Тихомирову, Е. А. Тоддесу, А. Д. Червякову, Н. Я. Эйдельману. За многолетнюю поддержку при работе над книгой и сотрудничество в написании этой статьи благодарю К. К. Доррендорфа.

Н. В. Зейфман

---

[232] Совершенно неясно, на каком основании В. И. Семевский утверждал, что так он подписывался только «первоначально» . (Общественные движения, с. 283). Заметим, что такие авторитетные советские декабристоведы, как Б. Л. Модзалевский, А. А. Сиверс, Ю. Г. Оксман, М. К. Азадовский, С. Я. Штрайх, в своих публикациях дают правильное написание фамилии.

ЗАПИСКИ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

I

*Цель «Записок». — Дед и отец Штейнгейля. — Жизнь барона Ивана Штейнгейля в Аншпах-Байрейте. — Поступление его в русскую службу. — Служба в Пермской провинции. — Женитьба. — Рождение Владимира Ивановича Штейнгейля. — Переход барона И. Штейнгейля на службу в Сибирь капитан-исправником в Нижнекамчатске. — Городничий Орленков, судья Кох, капитан Шмалев. — Английская экспедиция; Шелехов. — Областной начальник Козлов-Угренин. — Экспедиция Лаперуза. — Лессепс. — Разрыв с Козловым. — Насильственные поступки и притеснения прапорщика Хабарова. — Экспедиция Биллингса. — Бедственное положение семьи Штейнгейлей. — Судьба Шелеховых**

Жизнь каждого человека, рассмотренная наблюдательным оком, есть наставление, а жизнь отца может назваться истинным поучением для детей. Если он благоразумен и добродетелен, поучение годится для подражания; если порочен — для предостережения от подобных пороков. Итак, внимайте, милые дети, долженствующие в свете носить мое имя и сохранять оное от пятна, дабы тень моя, по смерти, могла столь же любоваться вами, как теперь утешаюсь я вашею невинностью.

Отец мой, как то я сам от него слышал изустно, был сын первого министра маркграфа Аншпах-Байрейтского, барона ф[он] Штейнгейля**, происходящего от древней германской фамилии, получившей дворянство при императоре Оттоне I Великом, стало быть в десятом веке[1].

---

* Аннотации глав принадлежат редакции «Исторического вестника».

** Он был действительный тайный советник и кавалер Красного Орла. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

Это я сказал не для того, чтобы возбудить в вас кичливость насчет происхождения; вы увидите вскоре, что в сем отношении гордиться вам нечем, да и не советую. Воспитывался отец мой в Лейпцигском университете. Желание родителя его было образовать его для гражданской службы; оно и исполнилось: он всему тому научился, что на поприще гражданском знать нужно. Сверх познаний в правах, истории и словесности, он знал отлично металлургию, химию и физику. Металлургия и химия имели впоследствии великое влияние на обстоятельства жизни его.

Окончив воспитание, отец мой возвратился к родителю в Аншпах-Байрейт. Обрадованный старик пожелал представить его маркграфу. Итак, в назначенный день послал его к гофмаршалу, который должен был его представить принцу. Отец мой, идучи дорогою, вспомнил или знал уже, что это был день рождения маркграфа, и потому сочинил в мыслях приличное поздравление в стихах. Герцогу он и стихи его так понравились, что он приказал пригласить его к маршальскому столу и поздравить поручиком гвардии. Отец мой, от природы склонный более к военной службе, был тем чрезвычайно обрадован, но его родитель думал и чувствовал иначе. Едва узнал он о происшедшем, как воспылал на него гневом, укоряя, что он, верно, сам дал повод, а может быть, и просил об определении в военную службу. Сердце и гнев, однако ж, тем кончились, что старик сшил сыну своему мундир и повел его к маркграфу благодарить. Моему отцу было тогда не с большим 20 лет, и он в военном мундире зажил, как свойственно молодому, пылкому и рассеянному человеку. Это были красные дни его, но, увы, продолжались весьма недолго.

В 1770 году возгорелась война у России с турками[2]. Румянцев вскоре наполнил славою побед своих Европу. Имя его было уже в Пруссии известно со времени Семилетней войны[3]. Отец мой, видя, что в гвардии своего маркграфа он не много познакомится с военным делом, а еще менее может приобресть военной славы, воспламенился желанием служить под знаменами кагульского героя. Все убеждения, угрозы, просьбы и заклинания со стороны его родителя остались тщетны: он дышал войною — и в следующем году явился в стане Румянцева с рекомендательными письмами от имперского фельдмаршала Лас-

сия[4], с коих у меня хранятся копии. Батюшка меня уверял, что от маркграфа было письмо и к самой императрице, но что в этом пользы, вы это увидите.

Граф Румянцев, приняв отца моего весьма благосклонно, предоставил ему на волю выбрать для себя полк какой хочет. Отец мой, как не знавший русского языка, по необходимости, должен был выбрать полк, в котором более было иностранных офицеров — и этот полк был Астраханский карабинерный под командою князя Шаховского*. Граф Румянцев сам не советовал ему вступать в сей полк, потому что он был в отдельном корпусе графа Салтыкова[5], которого он не жаловал, но отец мой настоял в этом — и вот источник всех его несчастий!

Во все продолжение войны с турками 1772, 1773 и 1774 годов отец мой служил с отличием и храбростию, так что был особенно рекомендован от графа Салтыкова в реляции к императрице. В последнем же году при бывшем в Бухаресте конгрессе находился, по способности своей, в свите нашего министра Обрезкова[6]. В следующем 1775 году, находясь в Польше, был и при истреблении или разрушении так называемой Запорожской Сечи[7]. В сражениях он получил две контузии, но ни одной награды, ибо граф Румянцев, по предосудительной слабости, имея недоброжелательство к графу Ив[ану] П[етровичу] Салтыкову, не испросил у монархини наград тем, кои отличились под начальством последнего.

1776 и 1777 годы отец мой провел в Малороссии. В первом из сих годов случилось расформирование карабинерных полков, и при сем случае отец мой поступил в Кинбурнский драгунский полк с пожалованием ему следующего подпоручичьего чина.

В 1778 году он ездил в Москву за амунициею, которую в следующем году доставил исправно на Кубань.

В следующем 1780 году по собственному его желанию отправлен он был от полка курьером в С.-Петербург с секретным донесением военной коллегии; но главная цель его была выхлопотать себе справедливо заслуженную награду, которой лишила его распря военачальников.

Все, однако ж, старания его о сем, по прибытии в сто-

---

* Действительное определение его в службу по указу государственной военной коллегии корнетом случилось 26-го мая 1772 года. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

лицу, были тщетны. Как иностранец, он не знал, что без случая и без денег, в то время, как, может быть, и во всякое другое, мудрено было дождаться заслуженной одною честию справедливости. Это приводило его в отчаяние. С одной стороны, отец его, огорченный столь долговременною разлукою, настоятельно требовал его возвращения; с другой — возвратиться без всякой награды воспрещало честолюбие и боязнь, что на него будут указывать пальцами те самые товарищи, кои смеялись над его рыцарством тогда, как он предпринял поездку в Россию.

Между тем, живя в Петербурге, он познакомился с известным того времени поэтом Александром Петровичем Сумароковым[8], который ввел его в дом к генерал-поручику Евгению Петровичу Кашкину[9]. Сей известный по своим качествам муж назначен был императрицею к открытию Пермской губернии. Узнав способности моего отца и его обстоятельства, он предложил ему ехать с ним, обещая, что он вознаградит там все то, чего здесь тщетно стал бы доискиваться. Отец мой просил еще времени на размышление, как Кашкин доложил уже о нем государыне и испросил ее на определение моего отца в свою свиту соизволение. Однажды поутру, как отец мой взошел к Кашкину, сей встретил его сими словами: «Поздравляю, г. барон. Государыня мне вас подарила». Что оставалось делать, как не благодарить? При сем случае дан отцу моему чин поручика, и с ним он очутился под Уральским хребтом, вместо того, что отец его ожидал в Байрейт. Сие самое удаление, вопреки отцовской воле, навлекло на него не только гнев, но и самое проклятие отца; старик не хотел более о нем слышать, ниже признавать за своего сына. При смерти только своей он снял эту клятву с головы его; но опыт доказал, что это уже было поздно. Отец мой испил всю чашу зол за непослушание родителю своему и суетное последование гласу честолюбия. Разительный пример! Дети, обратите на него ваше внимание!

Вскоре по прибытии в Пермскую провинцию в 1781 году* отец мой, находясь в Екатеринбурге у приема рекрут, ознакомился с тою, которая дала мне от него

---

* Губерния открыта 12-го числа декабря 1781 года, отец мой исправлял при сем случае должность церемониймейстера. (П р и м е ч. В. И. Ш т е й н г е й л я.)

жизнь. Это было весьма щекотливое обстоятельство в жизни отца моего, и потому мне не удалось узнать подробно об оном. Итак, я расскажу, сколько знаю. Отцу моему была отведена квартира у купца Разумова. Не знаю и того, был ли он жив в это время; знаю только то, что отцу моему с первого взгляда понравилась хозяйская дочь, молодая, проворная, но скромная девушка, воспитанная в простоте естественной, свойственно времени и месту своего рождения и своему званию. Отец мой, по пылкости своей, которая была ему врожденною и во многих случаях причиняла ему впоследствии зло, забыв сердечные связи, сделанные в Германии и потом в России с девицами благороднорожденными и воспитанными, до того влюбился в сию девицу, что, увидя при всех стараниях своих непреклонность ее к непозволенной с ним связи, решился иметь ее своею женою. При сем случае оказался другой искатель ее руки, с коим доходило у них до дуэли, и отец мой, по военной теории, сделал наконец похищение своей любезной и потом обвенчался с нею.

В том же году, получив совершенное увольнение от военной службы, он в чине поручика был определен по открытии уже Пермского наместничества в город Обву [10] капитан-исправником, а потом ему же вверена была и должность городничего. Здесь первым плодом любви и брака его с девицею Варварою Марковною Разумовою были два близнеца*, коим при крещении даны имена Стефана и Феодора. Они оба вскоре после сего священного обряда скончались. А потом в 1783 г., апреля 13-го дня, в великий четверг, в 4 часа утра, в том же городе Обве, родился я — отец ваш. Меня воспринимал от купели заочно, 17-го числа, советник губернского пермского правления, коллежский советник Владимир Андреевич Тунцельман, в честь которого и мне дано имя Владимир. Лицо его представлял при моем крещении обвинский казначей. По матери, согласно с законом империи, я должен был принятым быть в лоно греко-российской церкви, несмотря на то, что отец мой был лютеранского закона. Спустя шесть недель по рождении моем провидение показало родителям моим, что я рожден для жизни и к чему-либо

---

* Они родились 23-го числа декабря в 4 часа утра. Восприемниками были бедные люди,— так сказано в записке отца моего. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

предназначен особенному. Я лежал спеленатый на постели, а батюшка с упомянутым казначеем у близ стоящего стола занимались привинчиванием кремней к заряженным уже пистолетам. От неосторожного [движения] казначея последовал выстрел, и весь заряд дробью попал в стену выше меня не более, как на два пальца. Можно представить себе страх отца и матери и потом радость и удивление их!

В Перми с открытия наместничества губернатором был Иван Варфоломеевич Ламб[11], известный потом в царствование императора Павла I вице-президент военной коллегии. Он весьма любил отца моего и называл даже его другом, в чем свидетельствуют оставшиеся в бумагах отца моего собственноручные его письма, кои вы сами можете со временем увидеть. Сие милостивое и дружеское расположение губернатора было причиною, что отец мой решился из Обвы последовать за Ламбом, когда он назначен был к открытию Иркутского наместничества губернатором же. Сие случилось вскоре по моем рождении, и меня грудным младенцем повезли в Иркутск*. Мать сама, по счастию, была моею кормилицею. При назначении в Иркутск отцу моему дали чин коллежского асессора. Сей чин, а паче расположение губернатора, известного со стороны благородного образа мыслей и правил, льстили, конечно, его честолюбию и обещали ему много; но, увы! отец мой не мыслил о нравоучении, которое находим мы в священном писании: «Не надейтеся на князи и на сыны человеческие, в них бо несть спасение».

Впрочем, конечно, отец мой, отчужденный своим отцом от места рождения, а новым союзом брачным от блистательных знакомств и связей в российских столицах, искал сам сего удаления, чтоб время отсутствия изгладило его из памяти тех, к сердцам коих он был близок и кои имели полное право осыпать его упреками. Бумаги отца моего свидетельствуют, что он в сие время именно решился остаться вечно в подданстве России.

С открытием Иркутской губернии долженствовали открыться также в Охотске область, а в Камчатском полуострове город Нижнекамчатск. Так как сей отдаленный край весьма еще мало был известен, то правительство,

---

* В Иркутск прибыл отец мой 31-го сентября 1783 года, в 7 часов вечера. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

желая иметь о нем лучшее сведение, имело нужду в чиновнике, имеющем отличные сведения, который бы решился туда ехать. В сем отношении Ламб обратил внимание на отца моего и уговорил его (несмотря на то, что он в сию неизвестность должен был, так сказать, влачить жену с грудным ребенком) туда отправиться в качестве капитана-исправника Нижнекамчатской округи. Отправление наше из Иркутска последовало в начале мая месяца 1784 года.

По Охотской дороге, по коей надобно было проехать 1014 верст, меня везла матушка около себя в берестяном коробе, обыкновенно там *тунтаем* именуемом, который в таком случае привязывается сбоку к седлу, и на нем делается сверху лучка для прикрытия покрывалом от овода и мошек, коих там бездна. В сем-то экипаже отец ваш, милые мои дети, по первому году от рождения путешествовал по одной из самых труднейших дорог, какие только есть в свете. В Охотск прибыли 1-го числа августа.

Окончив сию дорогу, из Охотска отец мой отправился через Охотское море на морском судне в Большерецк, куда прибыв 11-го сентября, вскоре вступил в отправление своей должности, приняв ее от бывшего там, после известного майора Бема[12], надворного советника Рейникина[13], который, наружно притворившись доброжелателем его, сделал ему между тем множество неприятностей.

В это же время городничим в Нижнекамчатск назначен был коллежский асессор Орленков[14], а в Охотске был временным начальником уездный судья коллежский асессор Кох[15], про коего и при мне жители охотские, спустя 20 лет, твердили две пословицы: «*Кох не бог, а все его боятся*» и «*у нас в Охотске с одной стороны море, с другой — горе; на небе бог, а на земле Кох — куда денешься?*» Они достаточны, чтоб дать понятие о сем человеке. Когда будет кстати, я расскажу вам, мои милые, его историю для примера, чтоб вы видели, как преследует небесное правосудие, когда отказываются от сего земные законы. Настоящим областным в Охотске начальником был определен полковник Григ[орий] Алекс[андрович] Козлов-Угренин[16]. Его портрет опишу вам в своем месте. Орленков был человек грубый, без воспитания; прочие подчиненные чиновники из отставных камер-лакеев, почтальонов, курьеров и тому подобных людей. К сим

причесть должно бывшего до того частным командиром в Тигиле капитана Шмалева[17], преемника потом отца моего, о невежестве коего можете судить из того, что он решился в Тигильской крепости сжечь одну камчадалку-старуху в срубе живую за колдовство, в коем ее подозревали. В мою бытность в Камчатке я еще находил людей, кои помнили сию историю и рассказывали за чудо, что при сем случае выползали из пламени разные гады и страшилища* и что в тот год, по предсказанию волшебницы, был от безрыбицы великий голод. Сей достойный варварских времен поступок, совершенный в царствование премудрой и человеколюбивой императрицы, сошел Шмалеву с рук даром. Глупцам часто сие удается. Поживете, то и сами в этом удостоверитесь.

Из сего изображения людей, коих отец мой имел несчастие сделаться сослуживцем, можете сами легко себе представить, какую роль досталось ему играть. Он не имел ничего с ними общего: по природе благородный германец, по воспитанию вежливый, просвещенный муж, по религии лютеранин, по языку немец, по душе честный человек, по сердцу пылкий, не в меру чувствительный и храбрый воин, мог ли он нравиться толпе безнравственных невежд, приехавших в Камчатку с единственною целию обогатиться и пожить на счет безгласных и угнетенных ее жителей. Вскоре увидели, что по правоте своей он встал на сторону беззащитных камчадал и отказался от их сообщества и правил. Ссора с первым Орленковым не замедлила возникнуть. Он, как городничий, сделался начальником всех отдельных казачьих команд, рассеянных по разным местечкам, и под сим предлогом выдавал себя за настоящего начальника Камчатки и вселял в камчадал, чтоб его одного слушали, и почитали, и боялись. Началась переписка. Отец мой, как иностранец, не знавший русского языка, должен был положиться на тамошних же писарей полуграмотных, кои были, вероятно, по духу его противников; а когда сам писал, то не обинуясь называл их ворами, грабителями и подлецами. Вот уже и преступление, как против закона, так и против правил общежития! Распря с Рейникиным при первой с ним

---

* Вероятно, сам Шмалев с сообщниками сделал столь сумасбродное разглашение легковерным и напуганным чародейством жителям. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

встрече удержала его в Большерецке и воспрепятствовала ему быть при открытии того суда в Нижнекамчатске, коего он был начальником. Это сочтено тоже преступлением и послужило к обвинению его в неповиновении и беспорядках.

Скучное и многими неприятностями исполненное отправление должности исправника отцом моим продолжалось до 1786 года. В сем году он, по крайней мере, имел то удовольствие, что принимал англичан, прибывших в Петропавловскую гавань на корабле «Ларк» с капитаном Петерсом, который доставил ему письмо от Кантонской компании с предложением торговли с Камчаткой[18]. Относительно этого сделаны были чрез отца моего взаимные переговоры с известным Шелеховым[19]. Отец мой утешался сим случаем немало. Он надеялся быть орудием к улучшению бедного положения того края и к доставлению отечеству новой торговой отрасли, и тем отличить себя. Все вышло пусто.

Явился на сцену сам областной начальник, о коем я сказал выше, Козлов-Угренин. Прибыв в Охотск в 1785 году, он принял от Коха начальство и тотчас вознамерился лично обозреть Камчатку. По наступлении зимы он предпринял путь вокруг Пензинского и Гижигинского заливов. Но прежде надобно представить вам его портрет. Вообразите малорослого человека, которого всякий француз с первого взгляда назвал бы: voila un bout d'homme! * с большими выкатившимися глазами, на коих коварство и злоба положили печать свою, с язвительною улыбкою на лице, скороговорящего, вспыльчивого, часто пьяного, дерзкого до безумия, следовательно, и высокомерного до нестерпимости. Вот тогдашний Козлов-Угренин, погубивший отца моего. Я видал его гораздо после уже в унизительном положении, как то расскажу вам в своем месте. Неприятели отца моего отнеслись к нему с жалобами, исполненными, конечно, низким ласкательством и раболепством. Мудрено ли, что человек таких свойств взял тотчас сторону их против честного и благородно себя чувствующего германца. Приехав в каменный Коряцкий острожек, он прислал к отцу моему увещательное предписание, убеждая его к миролюбию, как будто посланное еще из Охотска. И в то же самое время пред-

* вот коротышка (франц.).

ставил о нем к генерал-губернатору как о самом вредном и беспорядочном человеке. Не дождавшись еще разрешения, тотчас по приезде в Нижнекамчатск, он отрешил отца моего от должности, поручив оную угоднику своему Шмалеву, о коем я выше вам упомянул, предписав при том, чтоб Шмалев, возя отца моего по округе, производил исследование по разным на него жалобам, сделанным по их же наущению. Между тем отец мой оставался в Машурском острожке, где купил у таёна[20] дом. С этого времени я начал помнить себя и все то, что потом поважнее с нами случалось.

Сделав сие распоряжение, Козлов тем удобнее поехал вокруг всей Камчатки с огромною своею свитою, занимая у камчадал более ста собак, отчего весьма много их передохло. Такой вояж Козлова назвали камчадалы собачьею оспою, гибельнее которой они ничего не знали. Сам Козлов ехал в превеличайшем возке с своею любовницею, женою унтер-офицера Секерина, для коей оставил жену свою в Якутске*. От сей Секериной были у него две дочери, с коими я нашел ее в Камчатке, ибо он ее там бросил. Из Нижнекамчатска Козлов плыл вверх по реке Камчатке до Верхнекамчатска на нарочно устроенной яхте, которую тянули на себе бедные камчадалы от зари до зари, в поте лица своего, между тем как сей камчатский капрал пьянствовал и веселился с своею любезною. Мог ли отец мой смотреть на это равнодушно!

В августе месяце 1787 года пришли в Петропавловскую гавань корабль и фрегат, составлявшие известную экспедицию Лаперуза[21]. Козлов не допустил отца моего видеться с французами и тем нанес ему чувствительнейшую обиду. Что может быть мучительнее положения, в котором он тогда находился! Живя в отдаленности пустынной, где люди были для него вреднее самых зверей, слышать о приходе на малое время просвещенных иностранцев и быть лишенным возможности видеться с ними и кем же при том? — злейшим и сильным врагом своим. Лаперуз, отбыв из Камчатки, оставил тут Лессепса с депешами к королю своему. Лессепс, который был сыном французского консула в Петербурге, знал хорошо рус-

---

* С женою у него был после процесс, ибо он промотал блудно все ее имение, которое было значительно. Ее все там хвалили: она была женщина воспитанная, ученая и добросердечная, но совершенно мужем убитая. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

ский язык и потому в качестве переводчика, единственно для Камчатки и чтоб мог проследовать чрез Россию, был взят Лаперузом. Сей самый Лессепс издал описание Камчатки и своего путешествия, исполненное бесстыдной лжи, которое у нас, по переводе на русский язык, шесть раз уже было напечатано. Таково действие пристрастия и вкуса! Лессепс после заступил место своего отца; а когда Наполеон громил Россию, то сей вскормленник ее был при нем, а потом пропал без вести[22]. Козлов, как можно себе вообразить, осыпал Лессепса ласками и угодливостью. Проезжая по Камчатке, он истощил все, чтоб доставить удовольствие чувственности достойного своего гостя. Попойки, вечеринки, ночные похищения, насильства и тому подобные действия оставили надолго по себе память в Камчатке о Козлове и Лессепсе. Лессепс за то и после не забыл старого друга. Когда Козлов после суда был освобожден и вывезен из Иркутска генералом Лебедевым[23] и находился в самом бедном, в свою очередь, положении, то Лессепс, чрез бывшего при нашем дворе французского посланника Коленкура[24], добился того, что Наполеон писал о нем государю и испросил, чтоб ему за прием Лаперуза дана пенсия по смерть. Ах! Если б монархи могли знать, по каким связям испрашиваются у них награды! Лессепс расстался с Козловым перед каменным острожком, в коем коряки собирались убить Козлова, и он, убоявшись сего, не решился тогда ехать, что и Лессепс описывает в своем путешествии, но только с самохвальством, смеха достойным. Он, например, говорит, что по прибытии его к корякам все окружили его с ножами, но он, не теряя духа, сказал им, что он иностранец и едет по должности. При слове должность, восклицает Лессепс, у всех опустились руки!.. Вопрос: на каком языке он мог так убедительно разговаривать с коряками, что они разнежились?.. и это читают, и этому верят.

Лессепс, как француз, видевшись с отцом моим в Машуре, обласкал его и уверил в истинном своем участии, и после бросил несколько ласкательных слов об отце моем в своем сочинении. Но когда отец мой, положась на его ласковость, писал к нему после и, вероятно, жаловался на Козлова, то он ему отвечал прямо по-французски: «Monsieur le baron, j'ose prendre à caution votre amitié pour moi, que vous ne me refuserez point d'oublier dans notre future correspondance le nom de m-r Kosloff et les

détails de vos griefs envers lui. Cela ne sert qu'à vous aigrir d'avantage et j'ai entrepris de travailler à votre tranquillité» *.

Козлов, оставляя Камчатку, предписал выслать отца моего из Машурского острожка в Тигиль для выезда из Камчатки, и отец мой принужден был, бросив дом, с великою трудностью выехать из оного; но он отправился в Петропавловскую гавань, где прежде остановился в казенном доме. Однако вскоре во время зимы частный командир прапорщик Хабаров из сибирских казаков, достойный подчиненный Шмалева, выжил его из сего дома. Я помню, как это случилось. Ночью, когда все спали, услышали крик: «пожар» и «спасайтесь». Кто что мог накинуть, бежали вон и бросали из окошка вещи; между тем ворвавшиеся в дом люди сломали все печи, так что оставаться уже в сем доме было невозможно. Итак, перебрались в самую тесную избушку к одному камчадалу на так называемую кошку, т. е. на самый берег залива.

Хабаров же велел тотчас поправить печи и сам перебрался жить в сей дом. Этим наглый сей человек не удовольствовался; он после, пьяный, с ватагою казаков хаживал мимо наших окошек и, проходя, вслух говаривал: «Вот конура немецкой собаки». Сами судите, сколько надобно благородному человеку духа, чтоб выносить подобные поношения от подлого и самого низкого бездельника, который после и карьер свой тем кончил, что с каторжными обрабатывал Алданскую дорогу и, тех обокрав, попался под суд. Летом 1789 года сказали батюшке, что Хабаров получил на его имя письма и держит у себя. Лишаться утешения прочесть хоть строчку умную или дружескую в положении отца моего ему показалось уже верхом мучений; и так, не сказав нам ни слова, он накинул на себя свой белый плащ и, спрятав под полу саблю, вышел с нею и пошел прямо к Хабарову. Вскоре пришли нам сказать, что Хабаров бьет его. Мать и я при ней пустились в отчаянии бежать туда и нашли, что батюшка

---

* «Господин барон, осмеливаюсь воспользоваться как ручательством вашей ко мне дружбой, что вы не откажетесь не упоминать в нашей будущей переписке имя господина Козлова и все подробности ваших на него жалоб. Это только способствует озлоблению, я же принимаю меры к вашему спокойствию» (франц.).

Письмо из Верхнекамчатска от 21 января 1788 г. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

в передней комнате, полудышащий, лежит на полу, связанный казаками. Вопли отчаянные матери моей и мои если не устрашили, то наскучили злодею, и он велел его с нами отпустить. Мать умоляла отца, чтоб он оставил неуместную свою горячность. Мы узнали после, что Хабаров, увидя, что отец мой подходит к его дому, стал его из окошка ругать и дразнить. Отец мой тогда в азарте взошел в переднюю, но вдруг, когда он хотел броситься к Хабарову, тайно расставленные по углам казаки бросились на него с ружьями, и один, ударив его прикладом в грудь, свалил его с ног. Между тем отец, желая наказать Хабарова саблею, замахнулся на него с плеча и, задев за матицу[25] концом сабли, отломил оный и повредил несколько руку подсунувшемуся под удар казаку*. После сего случая мать моя неусыпно старалась смотреть за всеми шагами батюшки и никуда его одного не пускала. В сем мучительном положении без жалованья, без всякой услуги, так, что отец мой сам рубил дрова и топил печь, прожили мы в Петропавловской гавани до следующего 1790 года. Между тем осенью 1789 года пришел сюда известный капитан Биллингс[26] с капитанами Сарычевым[27] и Галлом**[28] на фрегате «Слава России». С прибытием его возродилась некоторая надежда быть, по крайней мере, под защитою людей благородных. Отец мой и мать отдохнули несколько в приятном их обращении, и мне, как ребенку, отменно любопытно было видеть корабль и все к оному принадлежности. Немало также утешил меня бывший с Биллингсом механик Иосиф Эдвардс своею книжкою, которая при каждом скором обращении листов показывала новые фигуры. Такие книжки я видел после у фокусников, но уже без забавы и удивления. Надобно вам сказать, что в это время было нас уже двое. В 1788 году, 5 июня, родился брат, которого наименовали Петром, я был его восприемником. По второму году он начал говорить и ходить и был чрезвычайно боек, понятлив и остер. Матушка внушила ему, что он русский и что нем-

---

* Сабля осталась в руках Хабарова и представлена была по начальству. Суд, смотрящий на действие, а не на причину, нашел в этом поступке ужасное преступление. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** С ними был еще капитан Беринг[29], добрый человек, но слишком придерживался правил старых моряков — всегда был пьян. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

цем быть не желает, и даже он говаривал отцу: «ты — немец, собака»! Такое начало в воспитании не много обещало доброго, и каково было смотреть умному отцу, но кто виноват! За всем тем отец его любил весьма нежно и называл единственным утешением, напротив, я уже был нелюбимый сынок.

Должно упомянуть здесь о самом Биллингсе. Он как наемник не столько думал о выполнении воли монаршей и о пользах отечества, сколько о своеугодливости. Он еще в Якутск привез с собою какую-то любовницу, матросскую жену, истратил для нее пропасть и по ее рекомендации раздавал якутским князькам медали. Эта матросская жена вышла тогда же, набогатившись, за бывшего в Якутске чиновника Горновского, родного брата того, который был при Потемкине[39], и много помогла ему по Иркутской губернии выйти в люди. С прибытием экспедиции в Камчатку началось явное бабничанье: вечеринки, попойки, зверские представления и пр[очее]. Денег они убили пропасть, а пользы на грош не наделали. Перед отбытием их из Охотска получено было повеление об остановке экспедиции, но Кох взялся услужить в этом случае. «Слава России» была уже на рейде, а «Доброе намерение», другой фрегат, был еще в реке. Привоз упомянутого повеления заставил поспешить выводом на рейд второго фрегата, несмотря на противную зыбь и маловетрие, вследствие чего прибило его к берегу и начало бить так, что принуждены были срубить мачты, и хотя весьма бы при следующей полной воде, как то мне по знанию местного положения известно, можно было спасти самый фрегат, но мешкать уже не смели; итак, несмотря на представления Галла, командира сего фрегата, в ту же ночь выгрузили его, обмазали еще смолою и зажгли, так что к утру ничего не осталось. Команду с сего судна поместили на «Славу России» и через несколько дней ушли, заставив Коха отрапортовать, что повеление их не застало*. Если б экспедиция была обращена, то, во-первых, труден был бы отчет в передержанных суммах и не получили бы по два чина, о коих Биллингс имел секретные повеления у себя. Этого, конечно, никто из бывших в экспедиции не написал и не сказывал; но кто же любит

* Все это я слышал от достоверных из жителей охотских после. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

грехи свои рассказывать? Но истина, знать вам это должно, не веки остается под спудом, и весьма часто или вообще скрытое для современников открывается для потомства. Известно, как щедро наградила императрица английского мичмана Биллингса. Он кончил жизнь русским барином в Крыму и бригадиром. А все его достоинство состояло в том, что он был в вояже с Куком[31], но Кук возил с собою и свиней...* Мне этот Биллингс особенно как-то гнусен. Я и маленький смотрел на него с отвращением. Теперь могу обсуживать, что он должен был быть самый гнусный человек. Судите по следующему его поступку.

Ему известно было несчастное, можно сказать, ужасное, бедственное положение отца моего. Он притворился принимающим живейшее участие в нас. Между тем, не помню под каким предлогом, убедил он отца моего, чтоб он поехал наперед в Тигиль, где зимовало судно, а матушка бы отправилась зимнею дорогою. Отлучив таким образом мужа от жены, он стал ежедневно учащать свои посещения к моей матери и наконец наглость свою простер до того, что заступление за отца моего пред императрицею и вообще освобождение его из Камчатки предложил ей купить ценою ее бесчестия, прикрывая сии скотские и преступные чувствования видом страстной любви своей. С омерзением и горькими слезами, о! я помню эту минуту, мать моя отвергла сие гнусное предложение. Тогда злодей переменил тон в извинение и удивление добродетели, которую он не перестанет почитать в моей матери никогда, и тогда в знак памяти предложил в подарок золотые часы, но когда матушка их отвергла, он дерзко повесил их на стенной гвоздок и скрылся. Отец мой, как бы предчувствуя ков[33], возвратился с дороги обратно, и когда матушка рассказала ему, каким образом Биллингс оставил ей часы, то батюшка пришел в бешенство, но Биллингса, если не ошибаюсь, не было уже в гавани, и делать было нечего. Однако ж батюшка тотчас отослал к нему часы при письме, о содержании коего легко можно судить всякому, кто знает, что должен чувствовать благородный человек к тому, который, будучи в чести и пользуясь несчастием бессильного, ищет его бесчестия.

---

* За выписку Биллингса правительство обязано послу (Сем[ену] Ром[ановичу]) гр. Воронцову[32], который многих подобных определил в наш флот. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

Здесь должен я отдать справедливость благородным чувствованиям Март[ына] Иван[овича] Соура*[34], который много утешал матушку в ее скорби и давал ей полезные советы, с честию сообразные, вместо того, что Биллингс думал сделать из него в сем деле посредника. Должен сказать и то еще, что при всех вакханальных пиршествах Биллингса никто столько не отличался кротостию и благонравием, как нынешний вице-адмирал Гаврило Андреевич Сарычев, и если б не он, то экспедиция сия столько же бы принесла славы и пользы России, сколько Калигулин известный поход против Британии славен был для Рима[35].

Зимою на 1790 год мы переехали по тигильскому берегу в Тигильскую крепость. Тут в ожидании лета отдали меня учиться читать часослов и псалтырь к безграмотному дьячку, который казался мне тогда великим мудрецом. И между тем я резвился с простыми казачьими и камчадальскими ребятишками, перенимая их наречия и навыки. Здесь однажды чуть было не лишился я жизни, подавившись черносливною косточкою, и спасением обязан я смелости и усилию, с каким матушка с братнинаю нянькою трудились от страху колотить меня по спине и по затылку. Косточка выскочила из горла с кровью, и я закричал, к их сердечной радости и успокоению; ибо сколько было меня жаль, а не менее того опасались внезапного прихода батюшки, который и от меньших гораздо причин удобно очень раздражался и гнев свой матушке иногда давал весьма неприятным образом чувствовать. Сей случай долго потом таили от отца моего.

II

Переезд Штейнгейлей из Камчатки в Иркутск. — Генерал-губернатор Якобий. — Жизнь в Иркутске. — Вице-губернатор Михайлов. — Губернатор Нагель. — Отправление Владимира Штейнгейля в Петербург и определение его в Морской корпус.— Процесс Штейнгейля-отца в Иркутске.— Попытка его бежать в Петербург.— Увольнение Нагеля по вступлении на престол императора Павла. — Военный губернатор Леццано. — Окончание процесса Штейнгейля-отца по восшествии на престол Александра I. — Покровительство барона Николаи. — Внезапная смерть Штейнгейля-отца. — Переселение семьи его на жительство в Пермь

---

* Он был секретарем у Биллингса и после, формально разбранившись с ним, был отослан в Иркутск. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

Наконец настало лето. Из Тигиля отправлялось судно, принадлежавшее известному покорителю Кадьяка купцу Шелихову. Должно было решиться на нем ехать в Охотск, ибо другого не было. Судно сие было под зависимостью родного брата Шелихова, Василия. Каков он был, можете судить из того, что за несколько лет пред тем старший брат вешал его на нок (конец) реи и больно сек публично линьками или плетьми за участие в намерении отравить его ядом. Это было в Охотске в правление Коха. Я слышал сей анекдот в бытность мою после в Охотске от самовидца Евстр[атия] Деларова[36], который был директором Американской компании, и от некоторых других особ. Вот что мне рассказывали: Шелихов, отправясь в Америку в 80-х годах, оставил жену свою в Охотске. Тут она не замедлила вступить в связь с одним из чиновников (забыл его фамилию), и так как между тем рассеяли, может быть, они же сами по Охотску верные слухи, что Шелихов, вышед из Америки в Камчатку, умер, то жена его и готовилась выйти за того чиновника замуж, чему и брат Василий способствовал. Но вдруг, вовсе некстати, получено письмо, что Шелихов жив и вслед за оным едет из Камчатки в Охотск. В сем-то критическом положении жена решилась по приезде его отравить. Но предуведомленный Шелихов едва приехал, как все искусно разыскал, обличил их обоих, жену и брата, чрез своих рабочих публично наказал. Сего не довольно, он хотел, по выезде в Иркутск, предать жену уголовному суду и настоять, чтоб ее высекли кнутом. Но в сем случае Баранов[37], известный потом правитель Америки, бывший тогда его приказчиком, убедил его пощадить свое имя и простить виновницу. Может быть, сие происшествие, которое не могло укрыться от иркутской публики, было причиною, что внезапная смерть Шелихова, последовавшая в Иркутске в 1795 году, была многими приписываема искусству жены его, которая потом, ознаменовав себя распутством, кончила жизнь несчастным образом, будучи доведена до крайности одним своим обожателем. Таков всегда бывает конец порока. Если богатство и случай прикрывают его пред людьми, то пред Провидением ничто укрыться не может.

К наибольшей неприятности отца моего, в это же время и на том же судне отправился и смертельный враг его Орленков, который и сам, при всей подлости своей пред

Козловым-Угрениным, не мог удержаться на месте и был сменен. Но так как он по характеру своему ближе был к Шелихову, нежели отец мой, то ему дали место в каюте, а нам отвели под палубою на балласте. Я помню, что во время самого плавания часто доходило до ужасного с обеих сторон ожесточения и брани. Наши и матушкины слезы едва могли удерживать батюшку. Впрочем, злодеи, смеясь над его бессилием, нарочно его дразнили. Плавание на сем дурном галиоте было очень продолжительно. Провизия наша издержалась, воду стали давать по порциям, словом, мы терпели и голод и жажду. Наконец, говоря выражением тамошних старых мореходов, перехватили землю верст за сорок к востоку от Охотска и тут заштилевали. Отец мой решился, чтоб скорее удалиться от всех неприятностей, идти в Охотск пешком. Итак, по просьбе его нас высадили на берег, и мы, т. е. батюшка, матушка с братом Петром за плечами, девка-камчадалка Акулина и один казак, пустились в путь по дикому морскому берегу, обитаемому медведями, на волю божию. Сделав переход более двадцати верст, мы пришли к речке Мариканке, чрез которую тщетно искав броду, решились ночевать под чистым небом, будучи измучены усталостью. Поутру на самом рассвете мы услышали человеческие голоса, и тотчас батюшка побежал смотреть, откуда они происходили. Радость наша была неописанна, когда узнали, что это была байдара, посланная от Григория Ивановича Шелихова к судну, на коей и на нашу долю послано было несколько булок, чаю и сахару. По просьбе батюшки переправили нас на байдаре через речку, и мы, утолив жажду и подкрепив силы чаем, пустились к Охотску, куда прибыли поздно по вечеру на Тунгусскую кошку, с которой, при спорной воде[38], переправились через устье Охоты в город и, остановясь в отведенной квартире, принесли богу благодарение.

В Охотске начальствовал опять Кох, ибо проказы Козлова-Угренина, о коих слух и самые жалобы на него дошли до начальства, заставили перевести его поближе, и потому, по возвращении из Камчатки, сделан он был начальником в Якутскую область. И тут пробыл он недолго. Вскоре принуждены были его отрешить и как за старые, так и новые его беспутства предать в Иркутске суду[39]. Примечания достойно, что два раза предписывали ему сдать команду, но он не слушался; в третий раз пос-

лали нарочного, если не ошибаюсь, коменданта Штевена, который сменил его силою. Точно так же силою сменен после и мой главный злодей Бухарин[40], о коем в своем месте расскажу вам. Итак, в Якутске нечего было опасаться.

В Охотске мы прожили столько, сколько нужно было, дабы нанять лошадей и изготовить вьюки. Мы отправились в сопровождении одного казака и одного или двух проводников из якутов. Брат Петр занял мое прежнее место около матушки, а меня посадили особо на лошадь, которая была поменее и посмирнее других. Пока я не привык, то казак вел мою лошадь под уздцы, а потом я уже сам ехал. Дорогу сию совершили мы благополучно. Один только неприятный случай мне очень памятен. Однажды поутру наехали мы на бадарак, так называют якуты грязное, тинистое и вязкое место. Казака послали вперед попробовать: его лошадь увязла, и пока все глядели на него, а батюшка поехал вокруг, моя лошадь по привычке идти за казаковой бросилась туда же, так что я не успел ее сдержать, тем более что завтракал в это время, кусая булку. Как скоро лошадь моя увязла обеими передними ногами, то и начала биться, выдергивая то ту, то другую ногу. От сего неправильного трясения лошади сперва полетели из рук моих булки, а потом и я упал боком в грязь на левую сторону лошади и так, что лицо мое пришлось возле самой ноги лошади, которая легко могла меня убить и втоптать в грязь, но вся беда кончилась тем, что она задела мне копытом за рот, не тронув, впрочем, зубов, так, однако ж, что от удара и опухоли рот мой покривился на левую сторону, и я с неделю был криворотым. Ни от чего я так не плакал потом, как от воображения, что навсегда таким останусь. Можно представить, в каком положении было сердце матери и отца, пока они видели меня в грязи подле ног бьющейся лошади. Проворству казака и якутов единственно обязан я спасением.

По прибытии в Якутск, где батюшка не располагался оставаться до зимней дороги, из особенной нежности к брату Петру, а может быть, и по предчувствию, поспешили привить ему оспу. Я помню, что у него было несколько оспинок на руках, на груди и на спине, и вообще опыт сей благополучно кончился. Меня же не думали предохранять, да и некогда было. Итак, отправились осенним

путем на тамошних лодках вверх по реке Лене. Однако ж едва отплыли за сто верст, как начались морозы, пошла мезга, или ледяное масло, по реке, и мы принуждены были, остановясь на Синей станции, ожидать зимней дороги.

Вдруг, к пущему огорчению, у девки нашей камчадалки, которую звали Акулиною, оказалась оспа. Ее тотчас отделили от нас и положили в бане. Однако ж она не выдержала болезни и умерла. Прежде еще ее смерти я занемог оспою, самою крупною, самою жестокою. Все тело без изъятия, не исключая подошв, было покрыто оспинами величиною с горошину. Матушка, не знаю, по какому правилу, веря симпатическим средствам, обвела мне около глаз три раза золотым кольцом с молитвою, и, подлинно, глаза остались неприкосновенными. Мне не давали никакого лекарства, но только когда оспа назрела и начался нестерпимый зуд, то батюшка, подогревая на ложке простое горячее вино, давал мне в руку губку, и я, обмакивая ее в теплое вино, примачивал те места, где особенно чувствовал зуд. Сим одним средством избавился я от рябоватости и от сей оспы так хорошо отделался, что при определении моем в корпус доктор Мендель, смотря на меня в лорнет, долго не хотел верить усиленной клятве моей, что на мне была оспа. Едва я стал оправляться, как, к великому изумлению родителей, с братом Петром оказались припадки, свойственные началу оспы. Во время жара он начал кидаться и бредить. «Вынесите меня отсюда, мне здесь страшно, я здесь умру», — говорил сей чудный ребенок слезно утешающим его родителям, не имея, конечно, понятия о смерти. Любя его, батюшка решился тотчас перебраться из дома, который один только и был в сем селении, в якутскую юрту, и, может быть, этим только ускорили потерю того, что удержать всячески старались. Надобно себе представить, что такое якутская юрта. Строение, сделанное из жердей, обмазанных глиною и коровьим калом, вокруг коего низкие внутри лавки, а в середине глиняный камин, чувалом именуемый, в котором для тепла огонь должен гореть беспрестанно, полу нет, голая земля, дверь одна прямо на улицу, окошки пузырные или ледяные. Можете судить, какое успокоение в сем неопрятном и вонючем здании при беспрестанном сквозном ветре из дверей в камин можно было дать ребенку, страдающему оспою, и самою жестокою. Это был горестный опыт, что прививная по тогдаш-

нему способу оспа не предохраняла от второй оспы натуральной. Оспа на брате Петре была столь крупна и повсеместна, что наконец слилась совершенно и представила из него безобразный труп. Глаза его от материи совсем заплывали. Я был свидетелем редкой материнской нежности. Без малейшей брезгливости матушка высасывала гной из глаз его и очищала оные языком до того, что он мог различать предметы. Тогда ему предлагали вопросы: видит ли отца, брата? — в чем они? — где? — и удовлетворительные ответы восхищали родителей несказанно. Но увы, наконец при всех усилиях матушки, оказалось, что братец лишился зрения. Вопль матери и отчаяние отца были неописанны. Наступила роковая ночь. Братец стал бредить и кидаться. К пущему страданию его, руки у него были связаны, ибо он царапался. «Съест меня, съест меня, — твердил он беспрестанно, — фу, какой ветер, затворите дверь», — хотя никто их не растворял; «съест меня, съест меня!» — принимался он паки повторять, терзая сердца предстоявших ему отца и матери. Напоследок, в самую полночь предсказание его сбылось, неумолимая смерть съела его. Он закрыл навеки вежды свои. Нет, тщетно хотел бы я изобразить вам то ужасное зрелище, которое в сию минуту происходило при бесчувственном трупе брата моего. Скажу вам только, что матушка с воплями отчаяния старалась вложить душу в охладевший прах сына своими объятиями и поцелуями. Батюшка то в ужаснейшем молчании становился на колени пред богом и просил, казалось, крепости к перенесению сего удара, то вдруг вскакивал в неистовстве, бил себя в грудь, рвал волосы и, воздымая сжатые кулаки, произносил ужаснейшую хулу против самого бога, желая, казалось, сразиться с самим небом. Мне было тогда 7 лет. Как ни молод я был, но картина сия глубоко вкоренилась в моей памяти и до гроба ее не забуду. Сколько, однако ж, ни терзались, все вопли остались тщетными; мертвые не оживают. Братца похоронили рядом с Акулиною около существовавшей там часовни. В проезд мой в 1806 году чрез Синюю станцию я оставил деньги и заказал сделать над ним крест с надписью. Здесь заклинаю вас, дети, если я того сделать не успею, закажите, кто из вас будет в состоянии, сделать чугунный памятник, на коем в краткой надписи изобразите сие печальное происшествие, и отправьте на Синюю станцию, чтоб поставили над

гробом брата моего, о коем я не перестаю сожалеть и теперь. Я очень помню, что матушка, в огорчении своем, говорила мне: «Лучше бы тебя бог прибрал», или: «Что? рад ты теперь, что кроме тебя некого любить?» Я не понимал тогда сущности сих слов, а теперь нередко завидую участи брата и, согласно с матушкою, часто говорю сам в себе: лучше бы меня бог прибрал. Но господь нас не слушает, а творит по своему изволению, что святой его воле угодно. Из сего происшествия можно представить вам разительное нравоучение, как несправедливо пред богом оказывать одному сыну пристрастную любовь против другого. Много подобных примеров бывает, но родители не исправляются. Благодарю бога моего, дети, что я ни за кого из вас не чувствую упрека в сердце моем. Я вас всех равно люблю. Не знаю, что будет после, когда вы, придя в возраст, будете отличаться характером, поведением, умом, познаниями. Это вы увидите и потолкуете между собою, когда меня не будет, над моею могилою.

Оставив на Синей станции столь драгоценный залог, мы пустились к Иркутску зимним путем и прибыли туда в декабре. В Иркутске уже ни Ламба, столь хорошо расположенного к отцу моему и столь много обещавшего ему, ни Якобия[41] не было; на месте первого был губернатором Михаил Михайлович Арсеньев[42], а правящим должность генерал-губернатора был Иван Алферьевич Пиль[43]. Звание наместников уже уничтожилось, может быть оттого, что, представляя царские портреты, они дозволять себе начали царское самовластие. Якобий жил в Иркутске истинно по-царски. По тогдашнему времени он проживал там несметную сумму — 35 тысяч рублей в год; одной прислуги было 75 человек. В Иркутске долго не могли забыть его праздников. Якобий сменен по доносам и предан был суду Сената. В числе доносчиков был секретарь его, выкравший его бумаги. Якобий после был оправдан императрицею. При сем случае состоялся известный высочайший указ, начинающийся сими словами: «Читано перед нами, — говорит императрица, — несколько тысяч листов под названием Иркутские дела, в котором мы ничего не нашли, кроме гнусной ябеды и сплетен и проч.» Якобий потом еще служил в царствование Павла I по военной части. Ламб при сем государе был возведен на степень вице-президента военной коллегии и пользовался от-

личною милостию государя, но, забыв отца моего, он не помог ему в его несчастии.

С прибытия отца моего в Иркутск, он должен был явиться к суду в уголовную палату. По незнанию русского языка он должен был сыскать себе наставника и защитника. В этом он положился на одного поляка Градковского, который ложною дружбою ввел его в новые беды и продал его неприятелям.

Между тем отец мой начал жить порядочно. Общество его составляли отличные в Иркутске люди, как-то: советник Дитмар, который вскоре потом умер, Дрозман, доктор Шеллер, штаб-лекарь Краг, профессор Лаксман, Фаберт и прочие, коих не помню[44]. Мы жили в доме купца Сибирякова[45], близ набережной, в приходе Харлампия. В этом доме вскоре после нового 1791 года, именно января 12 числа, родилась моя милая сестра Татьяна Ивановна. Я очень помню, что когда матушка уже мучилась ею и я начал плакать, то батюшка вывел меня в сени и тут со мною стоял, прислушиваясь к дверям. Когда уже услышан был крик младенца, то батюшка, вскричав: «а! дочь!» — отворил двери и бросился к матушке, вскоре и мне показали сестрицу. Я не мог понять, как батюшка, стоя за дверью, мог узнать, что родилась сестрица, а не братец.

Отец мой, сокрушаясь, что не может начать моего воспитания лучшим образом, отдал меня в губернскую школу, куда и ходил я целый почти год. Помню, что учение мне не весьма нравилось, и я часто, идучи в школу, ходил не прямо, а околицею. Однако ж, при случившемся экзамене, я говорил в первом классе речь, которой, конечно, и сам не понимал, и, получив приз, книжку за прилежание, был переведен во 2-й класс, где преподавали учение о должностях гражданина и человека, которым учили наизусть, как попугаев.

В лето 1791 года губернатор Арсеньев окончил жизнь и погребен в церкви Тихвинской божией матери. Отец мой с прочими нес гроб его при сей церемонии. Мне очень памятно, как меня поднесли к нему проститься, и я, поцеловав его, отшатнулся весьма порывисто назад из боязни, чтоб он меня не укусил.

У Арсеньева осталось большое семейство. Вице-губернатор Андрей Сидорович Михайлов был его зять и вместе с семейством своего тестя расположился оставить Ир-

кутск. Он был весьма честный и добродетельный человек, и отец мой столько нашел в нем, что он дал ему честное слово взять меня с собою для определения в корпус в С.-Петербург.

На место Арсеньева назначен в Иркутск губернатором генерал-майор Нагель, находившийся тогда в Кяхте для постановления нового договора с китайцами о торговле и для открытия оной вместе с назначенным директором таможни надворным советником Вонифатьевым, сделавшимся потом чрез 19 лет моим тестем[46]. Можно ли было тогда провидеть моим родителям, что будущая супруга моя находится в Кяхте на первом году жизни!

Я очень помню, как в октябре или ноябре месяце в Иркутске встречали Нагеля с великою церемониею на Крестовской горе[47]. Отец мой по дружеской с ним до того переписке ожидал для себя много добра: вышло напротив. Губернатор Нагель был уже не простой Нагель. Между тем как батюшка мой, наскучив медленностию, с какою приступали к его делу, решился по научению своих же приятелей послать просьбу в Сенат, то генерал-губернатор Пиль весьма за сие на него рассердился, как скоро те же приятели перенесли ему, что сделал отец мой. Я очень помню, как однажды, накануне какого-то праздника, прислали отца моего звать к столу, а как на другой день он явился, то адъютант Пиля, публично подошед к нему, просил извинения, что его позвали ошибкою. Отец мой принужден был с досадою возвратиться домой и понял, что это означало гнев великого сатрапа. И подлинно, с тех пор Пиль его не принимал. Нагель, узнав сии отношения отца моего с Пилем, принял его также сухо, и потом оба причинили ему множество огорчений и даже тиранств, как то вскоре вы увидите.

По первому зимнему пути Андрей Сидорович готов был выехать, и так меня снарядили в дорогу. Не понимая тогда, что мне делают единственное благодеяние, какое только родители в тогдашнем их положении могли мне оказать, я горько плакал при каждом напоминании о разлуке, а когда настал час оной, то насилу могли отлучить меня от матери. Батюшку мне не так было жаль. Дорогою мало-помалу я утешился. Меня снарядили очень хорошо и, можно сказать, богато; роспись всего отпущенного со мною у меня еще цела, и вы ее можете увидеть.

По прибытии в Москву мы остановились в доме Ар-

сеньевой на Малой Ордынке в приходе Екатерины Великомученицы. Взяли масленицу тут и на первой неделе поста говели в упомянутой церкви. К святой мы переехали в С.-Петербург и остановились на Васильевском острову в 10-й, помнится, линии. Я очень помню, что заутреню в первый день Пасхи мы слушали в полковой деревянной церкви, которая была в 13-й линии и давно уже сломана, а к обедне я ушел один в церковь Андрея Первозванного, где служил архиерей, и меня за сие самовольство порядочно побранили. Впрочем, почтенный мой благодетель Андрей Сидорович и супруга его Александра Михайловна поступали со мною как с сыном, без малейшего различия с своею дочерью. Ко мне приставлен был дядька гусар (они тогда были в моде), который весьма усердно за мною смотрел: чесал мне каждое утро голову, примачивая квасом, заплетал косу, заставлял молиться богу и посылал к ручкам моих благодетелей.

Еще я помню из тогдашнего времени, что благодетели мои весьма сердились, по крайней мере показывали то, что сердятся на меня за неупотребление вовсе за столом хлеба. И в самом деле меня не иначе, как силою, могли принудить есть хлеб. Может быть, младенческое воспитание в бесхлебной Камчатке на молоке и рыбе — тому причиною. Надобно еще, к удивлению вашему, сказать, что я до шестого года возраста не переставал сосать груди. Не знаю, для чего матушка моя это попускала.

Меня хотели сначала определить в артиллерийский корпус, но в том не успели. Но как директор Морского корпуса Иван Логгинович Голенищев-Кутузов [48] был Андрею Сидоровичу свойственник, и притом во флоте капитаном был двоюродный дядя мой [49], то и решились определить меня в Морской корпус, хотя мне очень не хотелось в оный. Не помню, кто-то в Москве, рассказывая мне про воспитание и приволье для кадет в сухопутном корпусе, при графе Ангальте действительно бывшее, воспламенил юную мою голову в пользу сего корпуса. Мне страшно хотелось быть армейским. Свидетельство, взятое в Иркутске о моем рождении, оказалось недостаточным, и потому списывались с дядею моим, который находился в Ревеле. Он прислал другое от эстляндского дворянства [50]. Итак, наконец перевезли меня в Кронштадт в июне месяце. Кадеты были уже в лагере. Меня поручили тогдашнему капитану, вскоре сделавшемуся майором, Макси-

му Петровичу Коробке. Я жил у него в доме и в лагерях в особой палатке вместе с его племянниками Николаем Коробкою и Тимофеем Яновским, с коими очень подружились. До августа я считался волонтером, а 14 августа 1792 года поступил в комплект в 3-ю кадетскую роту к капитану Павлу Васильевичу Чичагову[51], который, будучи сын знаменитого адмирала, не занимался вовсе ротою, оставя ее на попечение своего капитана-поручика Александра Петровича Кропотова. Прежде нежели представлю я вам любопытное описание тогдашнего корпуса и нашего вообще воспитания, я обращусь к положению, в каком находился отец мой в Иркутске во все время моего пребывания в корпусе, и расскажу вам, как сей несчастнейший из людей и вместе достойнейший лучшей участи окончил поприще жизни своей.

По отправлении моем отец мой, видя, что несмотря на подтверждение, сделанное от правительствующего Сената по его просьбе о скорейшем решении дела его, в палате уголовного суда не было никакого по оному движения, писал в Сенат другую просьбу об увольнении его в Петербург на 4 месяца*. Между тем, видно в ожидании разрешения, летом 1792 года он отправил матушку с дочерью в Екатеринбург. Надежда его осталась тщетна. Тогда по совету ближних друзей и, как то сам батюшка в оправданиях своих после показывал, по совету самого губернатора Нагеля он предпринял гибельное намерение уехать из Иркутска самовольно, для чего и решился составить фальшивую подорожную. Мысль его была та, что, добравшись до Петербурга, он может упасть к престолу и просить правосудия. Увы! едва доехал он до первого города Нижнеудинска, как и был — может быть, по предуведомлению — оподозрен, взят под стражу и возвращен под оною в Иркутск. Это случилось зимою 1793 года. Правящий должность генерал-губернатора предписал судить его за сей поступок. Между тем уже без всякого снисхождения и уважения к благородному рождению его и к чину начали содержать его на главной гауптвахте, где позволяли делать с ним всякого рода наглости, а когда он выходил из терпения и приходил в отчаянное бешенство,

* Побудительною причиною он поставил кончину своего отца и полученное им от родственников из Германии уведомление, что после него осталось имение, из которого и ему часть следует. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

тогда, называя его сумасшедшим, обременяли цепями и допускали солдат бить его, кому как и сколько вздумалось. В следующем 1794 году Пиль сделал представление Сенату, что отец мой, по близости гауптвахты к его дому, бешенством своим причиняет ему беспокойство, и потому сей любящий спокойствие и столь человеколюбивый правитель наместничества просил Сенат о разрешении судьбы моего отца или о дозволении выслать его туда, куда будет указано.

Между сим временем, видно желая решительно погубить отца моего, вознамерились сделать его сумасшедшим по форме; итак, по поручению губернского правления один из советников оного с штаб-лекарем Поддубным* имели за его действиями наблюдение и потом подписали свидетельство, что он совершенно лишился ума. К этому добавили, что и в лютеранской кирке видел его сам Пиль делающего разные кривлянья и телодвижения, несвойственные человеку с здравым рассудком.

При таких пособиях наконец дело палатою решено. По десяти обвинительным пунктам отец мой законами приговорен по лишении всех чинов и дворянства к смертной казни... Рука моя трепещет, начертывая сей бесчеловечный приговор низких и гнусных исполнителей воли самовластных владык тамошнего отдаленного края, готовых для угождения начальству на всякую мерзость, на всякое неистовство... О! я весьма хорошо знал их и потому не могу не ожесточаться, что невинность в лице моего отца облечена была сими порочными тварями во вретище порока, которое самим им более было прилично. Разве тем одним утешиться, что и сам Иисус Христос, божественный образ высочайшей добродетели, пострадал, как злодей, от рук невежд и злодеев. Но в одном ли этом пути Провидения непостижимы для нас, смертных!

Представляя приговор сей Сéнату, Пиль в мнении своем объяснил, что он, признавая отца моего лишившимся ума и не желая отяготить участь наказанного самою

---

* Сей Поддубный, по природе грубый малороссиянин и по воспитанию сущий невежда, не лучше и в знании медицины, был после главным оператором в Иркутске. Мне случилось обедать с ним у архиерея Вениамина[52], и когда я, доведя материю, упомянул, что он был в числе обвинителей отца моего, то он, не замешавшись, отвечал: «Что делать, наше дело невольное: велят подписывать, то и подписываешь!!» (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

судьбою, предает жребий его на уважение правительствующего Сената.

Сие верховное вместилище правосудия сделало заключение, что хотя вместо смертной казни отец мой подлежал телесному наказанию ... о правах дворянства тогда уже говорить не смели [53], а по случаю изданного 1793 года сентября 2 дня после замирения с Оттоманскою империею милостивого манифеста [54], токмо следовал к одной ссылке в работу без наказания; но как признан генерал-губернатором и губернатором в помешательстве ума, то и содержать его по лишении чинов и дворянства в Иркутской губернии, как о сумасшедших в законах предписано.

Сей приговор поднесен был императору Павлу I, издавшему вскоре по восшествии на престол строгое повеление о скорейшем решении дел, и сей государь, не будучи ни с которой стороны уведомлен об истинном положении дела отца моего, утвердил сей приговор 1797 года ноября в 21 день, начертав державною своею рукою: «Быть по сему» — и последний удар свершен.

Отец мой, желая в своем несчастии обратить на себя хотя сколько-нибудь внимание высшего правительства, написав на немецком диалекте проект о лучшем устройстве Камчатки, могущей приносить государству знатный доход, писал к тогдашнему генерал-прокурору князю Александру Борисовичу Куракину [55], чтоб он исходатайствовал ему дозволение явиться с сим проектом в Петербург, но сей по рождению только вельможа, занимавшийся более откупами, нежели зависящею от него судьбою многих честных, но несчастных людей, сделал ему вежливый отказ, что он до решения дела его в 5-м департаменте правительствующего Сената поступить на это не может, а просит, чтоб он прислал мысли свои на бумаге.

Впрочем, Куракина в бесчувственности сей к несчастиям ближнего и винить нельзя. Бывший друг отца моего Ламб, ни брат его двоюродный генерал-майор Штейнгейль [56], сделавшийся потом графом, не хотели или не могли для него ничего сделать. Я не говорю уже о другом брате, который был капитаном флота, он ничего сам по себе предпринять не мог. Он писал даже ко мне, в корпусе еще бывшему, чтоб я лично просил о несчастном отце моем государя или Куракина, и упрекал меня в бездействии и неимении сыновней любви. Он не хотел тогда

сообразить, что отлучаться из корпуса весьма трудно, а беспокоить государя почтено бы было преступлением. Впрочем, мне было тогда 14 лет от роду и что мог я рассудить, что предпринять обдуманно, когда они все не решались действовать, как должно истинным родным. Барон Николаи[57], который после оказал свое расположение к отцу моему как к своему двоюродному же брату по матери и который тогда пользовался отличною милостию императора, быв у него библиотекарем, тоже не предпринял тогда ничего в его пользу. Видно, надобно было, чтоб отец мой, вступивший в Россию в нарушение прещений родителя своего, был в ней на сей раз жертвою всех зол, оставленною от бога и людей.

Супруга одна не покинула его в сем несчастии и тем дала ему утешиться, что он для несчастий своих, коих не мог тогда предвидеть, женился весьма счастливо. Много ли жен, кои с мужьями своими решались переносить все бедствия и тогда, когда имели законное право без укоризны оставлять их!

Матушка, как скоро узнала о последствиях батюшкина побега из Иркутска, то и поспешила возвратиться в оный. Тут часто своими слезами, своими мольбами испрашивала она временную отцу моему свободу из-под стражи, которой вскоре злодеи его под каким-либо предлогом паки лишали. При сих случаях, когда вооруженные люди приходили брать насильно отца моего на гауптвахту, матушка в отчаянии, в беспамятстве, то умоляя извергов на коленях, то угрожая им казнию божиею, бросалась с воплями на самую улицу и за ним следовала; малолетняя дочь бегала за нею. Дом оставался пуст, а полицейские служители очищали все, что лежало поплоше, и делились с начальством. Батюшка и матушка уверяли меня, что весьма много вещей своих узнавали у бывшего тогда городничего Кондратова, который не имел не только никакого к участи моего отца сострадания, но, кажется, утешался его несчастием. После вы увидите нечто странное при самой кончине Кондратова, которую опишу я вам в своем месте. Когда судьба отца моего решилась и он увидал себя освободившимся от рук своих мучителей, кои один по одному по вступлении на престол Павла I из своих мест выбыли, то, пользуясь свободою жить в Иркутске, он купил себе маленький домик на Морской улице, против самого верстного столба. Я нарочно сие

описываю, дабы вы, если кому случится быть в Иркутске, знали, где дед ваш томился в несчастии и бедности.

Здесь приобретенные прежде отцом моим познания в экономии принесли ему пользу. Он делал различные настойки и водки и сеял табак, а матушка пекла пряники отличного вкуса и, продавая то и другое, тем себя и семейство свое содержали. При сем бедном положении богу угодно было, чтоб они имели еще двух дочерей. 1795 года ноября 24 дня родилась Екатерина и 1798 года января 6-го — Мария. После содержание семейства несколько облегчилось принятою отцом моим на себя должностию эконома в клубе, который завели в Иркутске в 1801 году[58], уже по кончине Павла I, не терпевшего подобных заведений. Я застал отца моего в сем положении, когда в 1802 году, проезжая Иркутск, имел счастие прижать его, матушку и сестриц к моему сердцу после 10-летней разлуки. Я никогда не забуду, с каким чувством сказал он мне о доме своем: «Вот, любезный сын, я имел соболью шубу, которая меня одного грела, я ее продал за 700 рублей и купил другую, которая нас теперь всех греет».

Я уже сказал вам, что неприятели моего отца один по одному выбыли из Иркутска. Пиль тотчас по вступлении на престол Павла I уволен, временно занял его место Нагель, но и сей по какому-то на него доносу чрез фельдъегеря вызван в Петербург, куда он ехал с трепетом, а еще более вострепетал, когда надобно было предстать пред грозного царя. Он ошибся, однако ж, его вместо наказания ожидало счастие в чертогах царских. При первом взгляде на него Павел, любивший щеголять памятью, признал в нем знакомые черты одного известного ему некогда гусара. «Не ты ли тот Нагель, — вскричал монарх, — который столько-то лет назад служил в таком-то полку, когда я смотрел его?» — «Я», — отвечал трепещущий губернатор, ожидая приговора. — «А! обними меня, друг мой, о! я тебя знаю, ты честный служивый; тебя оболгали мне, но я тебя награжу», — и тут же пожаловал ему орден Александра Невского, чин генерал-лейтенанта и место военного губернатора в Риге, если не ошибаюсь.

После Нагеля приехал в Иркутск военным губернатором (ибо генерал-губернаторы повсеместно были уничтожены) с линии Омской генерал, которого фамилию я забыл, но он был недолго[59]. Его сменил бывший до того у

города Архангельска генерал от инфантерии Борис Борисович Леццано[60]. Сей был истинный друг несчастных. В его правление все гонения пресеклись от местного начальства, и в незабвенную хвалу ему приписать должно, что в жестокое, можно сказать, царствование Павла, имея неограниченную власть, он не сделал ни одного несчастного. По восшествии вожделенного от всех Александра на престол представился Леццано случай удовлетворить вполне влечению своего сердца.

В 1801 году по высочайшему повелению составлена была нарочная в С.-Петербурге комиссия для пересмотра старых уголовных дел и для облегчения участи всех тех, кои в предыдущее царствование подпали несчастию. А как во время Павла о многих несчастных не имели и сведения, куда они посланы, то указом Сената повелено местным начальствам о всех, по суду или без суда наказанных и сосланных, доставить сведения. В это время многие сотни несчастных получили свободу и прежнее достояние. В том числе и моему отцу по высочайшей конфирмации доклада упомянутой комиссии в 21-й день августа 1802 года возвращены чины, дворянство и свобода возвратиться к своим родственникам. Почему он и выехал из Иркутска по первому зимнему пути того же года в свите генерала Шпренгпортена, осматривавшего тогда Сибирь. По приезде в Петербург он подал государю просьбу на французском языке с описанием всех своих бедствий, которую вы найдете в его бумагах, и по ходатайству барона Андрея Львовича Николаи высочайшим указом мая 22-го дня 1803 года дарован ему пенсион по смерть, состоящий из 400 рублей в год. С сим пенсионом барон Николаи принял его управителем своих отчин, пожалованных ему покойным государем в Тамбовской губернии Моршанской округи. Итак, в июне месяце 1803 года переехал он в главное поместье барона Николаи село Кулики, куда последовала за ним и матушка, оставя одну Танюшку, старшую дочь свою, у барона Николаи, который содержал ее вместо дочери, и этому обязана она, что одна из всего семейства приобрела немецкий язык.

Вскоре по прибытии в Кулики Провидение обрадовало родителей моих рождением сына Павла, но он жил весьма недолго и был предтечею в вечность отца моего. Весною 1804 года в одну ненастную ночь случился пожар. Отец мой поспешил на оный сам, не взяв в рассуж-

дении одежды никакой предосторожности; бежав же по улице, он упал в яму, приуготовленную для мешания извести и наполненную водою. Освободясь из нее, во время пожара то от нестерпимого жара, то от дождя и от ветра так себя расстроил, что получил на другой день горячку. Сперва казалось, что оная облегчится, но какое-то неудовольствие расстроило его паки, и он, не имея никакого медицинского пособия, но будучи пользуем одною матушкою по наставлениям разных старух, наконец кончил бедственную жизнь свою 14-го мая и погребен по греко-российскому обряду около церкви упомянутого села.

По сие время не удалось мне быть на его могиле, и если вопреки желаний моих не удастся и в будущее время жизни моей ни самому быть, ни памятник пристойный над ним соорудить, то возлагаю это на обязанность вашу, любезнейшие дети мои: утешьте тень деда вашего и вместе успокойте тень отца своего, коего священный долг вы тогда приведете в исполнение.

Матушка по смерти своего супруга имела неосторожность сжечь некоторые его бумаги, не знаю, по какой причине. В том числе истребила и вексель на 4 тыс. рублей, присланный к нему бароном Николаи для получения по нем денег. Это обстоятельство расстроило ее с бароном. При всем том, однако ж, сей почтенный человек из признательности к покойному за хорошее управление и умножение доходов его, исходатайствовав матушке моей по смерть половинный пенсион батюшки, предложил ей дом и услугу по смерть ее, равно как и принимал на свое попечение воспитание ее дочерей, но она не только от сего отказалась, но и Танюшку, к крайнему огорчению барона и его супруги, не соглашалась у них оставить. Взяла ее и удалилась в Пермь, где купила домик, похожий на хижину, и в нем поселилась. Я слышал от нее, что сей совет дал ей граф Штейнгейль, сказав о предложении барона Николаи: «Лучше щей горшок, да сам большой!» Не мое дело судить поступок в сем случае матери моей, но нельзя равнодушно принимать оный из любви к сестрам, кои по таковому ее на честолюбии основанному действию лишились воспитания, к которому предстоял самый благоприятнейший случай.

III

В. И. Штейнгейль в Морском корпусе. — Система воспитания в нем. — Обучение. — Производство в гардемарины. — Поход к Ревелю. — Барон И. Ф. Штейнгейль. — Летняя кампания 1796 года. — «Главное дежурство». — Восшествие на престол императора Павла и перевод корпуса из Кронштадта в Петербург. — Реформы, произведенные императором Павлом во флоте

Теперь послушайте, дети, собственную мою историю. Она будет для вас любопытна и поучительна, ибо я без закрышки представлю вам все сделанные мною ошибки, все свои недостатки, глупости и несчастия, а притом и распоряжение судьбы, которая, вопреки всем желаниям моим, давала мне всегда неожиданное направление. Повествуя о себе, я буду говорить и о современных обстоятельствах, от коих мое положение могло зависеть.

Выше я уже сказал, каким образом определили меня в Морской корпус. Директором корпуса был тогда адмирал Иван Логгинович Голенищев-Кутузов, который жил безвыездно в Петербурге и оставлял корпус на попечение подполковника. Это был флота капитан первого ранга Николай Степанович Федоров, человек грубый, необразованный, не имевший понятия ни о важности, ни о способах воспитания детей. Он наблюдал только свои счеты с гофмейстером корпуса Жуковым, а на него глядя, и капитаны большею частию держались того же правила. Содержание кадет было самое бедное. Многие были оборваны и босы. Учители все кой-какие бедняки и частию пьяницы, к которым кадеты не могли питать иного чувства, кроме презрения. В ученье не было никакой методы, старались долбить одну математику по Евклиду, а о словесности и других изящных науках вообще не помышляли. Способ исправления состоял в истинном тиранстве. Капитаны, казалось, хвастались друг перед другом, кто из них бесчеловечнее и безжалостнее сечет кадет. Каждую субботу подавались ленивые сотнями, и в дежурной комнате целый день вопль не прекращался. Один прием наказания приводил сердца несчастных детей в трепет. Подавалась скамейка, на которую двое дюжих барабанщиков растягивали виновного и держали за руки и за ноги, а двое со сторон изо всей силы били розгами, так что кровь текла ручьями и тело раздиралось в куски. Нередко отсчитывали до 600 ударов и более, до того, что нес-

частного мученика относили прямо в лазарет. Что ж от этого? Между кадетами замечательна была вообще грубость, чувства во многих низкие и невежественные. В это время делались заговоры, чтобы побить такого-то офицера или учителя, пили вино, посылали за ним в кабаки кадет же и проч. Не говорю уже о других студных[61] мерзостях. Вот доказательство, что тирания и в воспитании не делает людей лучшими.

Другой род наказания был *пустая*, т. е. тюрьма, смрадная, гнусная, возле самого нужного места, где водились ужасные крысы, и туда-то безрассудные воспитатели юношества сажали нередко на несколько суток 12- или 13-летнего юношу и морили на хлебе и воде. Самые учители в классах били учеников линейкою по голове, ставили голыми коленями на дресву и даже на горох: после сего удивительно ли, что кадеты сих гнусных мучителей ненавидели и презирали и нередко соглашались при выходе из классов вечерних, пользуясь темнотою, делать им взаимно различные пакости.

Зимою в комнатах кадетских стекла были во многих выбиты, дров отпускали мало, и, чтоб избавиться от холода, кадеты по ночам лазили чрез забор в адмиралтейство и оттуда крали бревна, дрова или что попадалось, но если заставали в сем упражнении, то те же мучители, кои были сего сами виновники, наказывали за сие самым бесчеловечным образом. Может быть, это тиранство одну только ту выгоду приносило, что между кадетами была связь чрезвычайная. Случалось, что одного пойманного в шалости какой-либо замучивали до последнего изнеможения, добиваясь, кто с ним был, и не могли иного ответа исторгнуть, кроме — «не знаю». Зато такой герой награждался признательностию и дружбою им спасенных. С этой стороны воспитание можно было назвать спартанским. Нередко по-спартански и кормили. Кадеты потому очень отличали тех капитанов, кои строго наблюдали за исправностию стола. В мою бытность в одном столе за ужином пожаловались капитану Быченскому, что каша с салом; удостоверившись в справедливости жалобы, он тут же приказал позвать Михайлыча — так вообще звали главного кухмистера — и велел бить его палками и вместе с тем мазать ему рожу тою кашею. Как ни глупо и ни смешно было такое зрелище во время стола благородных детей, но кадеты не смели смеяться, ибо Быченский был

сущий зверь и кровопийца, он и жизнь кончил, сойдя с ума; таких-то давали нам наставников в царствование премудрой северной Семирамиды!

Была еще одна особенность в нашем корпусе — это господство гардемаринов и особенно старших в камерах над кадетами. Первые употребляли последних в услугу, как сущих своих дворовых людей: я сам, бывши кадетом, подавал старшему умываться, снимал сапоги, чистил платье, перестилал постель и помыкался на посылках с записочками, иногда в зимнюю ночь босиком по галерее бежишь и не оглядываешься. Боже избави ослушаться! — прибьют до полусмерти. И все это, конечно, от призору наставников. Зато, какая радость, какое счастие, когда произведут, бывало, в гардемарины: тогда из крепостных становишься уже сам барином, и все повинуется!

Подполковник Федоров недолго при мне был в корпусе, место его заступил в 1794 году Петр Кондратьевич Карцов[62], потом сделавшийся директором, человек честный, добрый, но также суровый и о воспитании прямом не лучшее понятие имевший. При нем, однако ж, не только порядок, но и самый образ учения принял другой совсем вид. В последнем отношении сделалась важная перемена: вместо Эвклидовых стихов, кои учили наизусть по три года, особливо пятую книгу, предприняли преподавать математику по курсу Безу[63], начиная с арифметики, а не с геометрии, как прежде.

Я был в числе первых, кои начали учиться по новой методе. Меня записали в класс к Романову, учителю, знающему свое дело и прилежному. При начале я было сделался болен и опасно — корью с пробудным кашлем и болью глаз. Несмотря, что я был девятилетний ребенок, мне в один день отворили кровь и поставили две мушки на грудь и на затылок. Вышедши из лазарета, я нашел, что в классе читают уже деление, и меня хотели почесть отставшим, чтобы записать в другой класс, но с помощью приобретенного знания еще в губернской иркутской школе о четырех правилах арифметики, хотя без десятичных долей, я мог выдержать экзамен, остался в этом классе и вскоре сделался в нем первым и любимым учеником Романова. Понятие и память у меня были так хороши, что я не вел совсем записок, и учитель хотя выговаривал, но после не стал уже принуждать к оным. Зато я не прилежал уже нигде более. Языкам учился тупо. Немецкий

даже ненавидел, может быть, по внушению с детства и потому, что когда меня кто-либо из товарищей по фамилии вздумает дразнить немцем, то с торжественным удовольствием, бывало, возражал: «Врешь ты, я по-немецки и не говорю совсем». Географии, истории, грамматике и рисованию учили кое-как, заставляя твердить наизусть то, чего не понимали; таков был и успех!

При таком образе ученья я на третий год кончил кадетский курс и 1795 года мая 9-го дня по экзамену произведен в гардемарины, будучи 12 лет. Тогда флот назначался в Англию с вице-адмиралом Ханыковым[64], носившим всеобщее прозвание *душеньки*, ибо он имел привычку всех так называть. Гардемаринов назначали желающих: я мог быть в числе их, но по молодости и невежеству побоялся дальнего вояжа и чрез это потерял против товарищей, ибо те на следующий же год произведены в офицеры. Мы пошли в поход до Ревеля на трех кораблях. Я был на «Сысое Великом» у капитана Потапа Петровича Лялина, который славен был во всем Кронштадте своею глупостию и распутными дочерьми. Странное дело, этот корабль, конечно по предрассудкам, славился именем несчастного и в самом деле, когда стали мы перетягиваться на дальний рейд, свалились[65] с кораблем «Максимом Исповедником» и сломали у себя форбрам-стеньгу; а когда уже снялись с якоря, то вскоре, именно у Толбухина маяка, принуждены были за противным ветром бросить якорь; а потом при снятии с якоря изломали шпиль, и должно было за ним посылать в Кронштадт. Во многих вещах бывает так, что суеверие и предрассудки глупцов как бы нарочно подтверждаются опытами. Впрочем, мы благополучно пришли в Ревель. Здесь я в первый раз увидел дядю своего Ивана Федоровича Штейнгейля, к которому и перевели меня на корабль «Прохор». Отсюда с рейда мы ходили понедельно в крейсерство двумя кораблями для обучения гардемарин практике, не далее Дагерорта. А осенью наш корабль за ветхостию с двумя фрегатами назначен был в Кронштадт, почему всех гардемарин и разместили на сии суда.

Дядя мой имел в Ревеле за Рижскою горою мызу с большим огородом, и как оный, по тогдашнему обычаю, обрабатывали матросы, то и дразнили прохорскую команду капустниками, а самого дядю называли коляскою, ибо он, имея кривые ноги, ходя, как бы катился. Имел еще

ту странность, что всем, даже матросам, говорил учтиво: «вы-с» и ко всякому почти слову прибавлял эпитет своей вежливости «-с». Так, например, когда случалось наказать матроса, то он, выйдя на шканцы и потирая руками — это тоже была его привычка,— говорил: «Иван Иванов-с, извольте раздеваться-с, вас надобно-с посечь: вы вчера-с были пьяны-с», и подлинно, бывало, учтивым образом отпорет. Бывало, наказуемый молится:

— Помилосердуйте, не буду!..

— Не будете пить-с, — приговаривал мой дядя, — не станут бить-с. Прибавьте ему-с!

Дядя мой был малого роста, а жена его Афимья Антоновна из фамилии Бистром вдвое его выше и пресварливая, нередко ему доставалось от нее до слез. Офицеры нам рассказывали, что раз в воскресный день они пришли его с праздником поздравить и вдруг после шума увидели, что он выбегает с растрепанными волосами в зал, преследуемый женою, вооруженною голиком *. Последняя унялась кричать и спряталась, а дядя, приосанясь, нашелся сказать:

— Господа!.. извините-с, мы сегодня немножко с женою-с поразыгрались.

У него было тогда трое детей. Старшая дочь Луиза в двенадцать лет имела уже все ужимки кокетки, ибо чувствовала, что недурна собою.

Все сии обстоятельства вместе, а не менее и незнание немецкого языка и непривычка к немецким обычаям, не привязали моего к ним сердца, хотя, впрочем, дядя мой довольно был человек добрый и ласкал меня; даже на корабле приглашал меня обедать и обыкновенно, щупая у меня брюхо и лоб, шутя приговаривал:

— Вы мало кушали-с!...

Сие приглашение к столу сделало то, что я на всю жизнь получил отвращение от нюхания табаку, ибо дядя мой до того нюхал, что носовые нервы у него расслабли, и он не чувствовал, когда под носом скоплялись у него табачные капли. Однажды случилось за обедом, что пар из тарелки с супом выгнал из носа его подобную каплю скорее обыкновенного и она канула в суп... Это сделало такое на меня впечатление, что я не мог есть без омерзения.

---

* Голик — веник.

По возвращении из похода написали меня в гардемаринские классы и, между прочим, учиться навигации и астрономии у Балаболкина. Это была сущая балаболка, маленькая кривошея с пискливым и плаксивым голосом... и мы все, бывало, передразнивая его, кричали за ним: «Вот, вот истинный путь корабля!» Вообще дурно делают блюстители воспитания, когда поставляют учителей, имеющих телесные и нравственные недостатки. От нашего Балаболкина нередко чесноком припахивало. Я и в этом классе был из первых — и уверен, что если бы попался с сих лет на руки к какому-либо почтенному профессору математики, то мог бы со временем быть в сем роде наук человеком отличным, но судьба, или, лучше сказать, небрежение тех, коим власть вверила назидание над юными питомцами, расположили все иначе.

К маю будущего 1796 года я окончил навигацию, но в других классах успех был не лучше прежнего и если не был в числе ленивых, то оттого только, что был смирен и покорен учителям. Между прочими науками преподавание артиллерии и фортификации, предметов столь важных, было самое плохое: в том и другом классе, не сказав, что такое артиллерия, что фортификация, заставляли в первом не чертить, но скопировывать чертеж пушки, а во втором, по старому плану Вобана[66], учить одни названия полигона, бастионов, куртины и проч.

Для кампании я был написан на корабль «Изяслав» 66-пушечный, на котором капитаном был Шепинг*. Эскадра под командою контр-адмирала Скуратова, прозванного нежным адмиралом, долженствовала соединиться с эскадрою вице-адмирала Мусина-Пушкина[67] и под его начальством производить все лето для обучения молодых офицеров, гардемарин и служителей маневры.

Во всю кампанию ничего важного не случилось. Для примера, как должно молодым людям осторожным быть в словах, не лишнее будет, если расскажу вам случившееся у нас на корабле. В это время, не знаю, по какому-то непонятному правилу, на флот посылали духовных — большею частию пьяных и развратных, в наказание. Итак,

* Сей Шепинг охотник был до бостона. В 1798 году, шедши от города Архангельска к берегам Англии, он умер на корабле скоропостижно, сыграв накануне 13 в сюрах. Это происшествие сделалось между морскими бостонистами анекдотом и пословицею. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

можно сказать вообще, к священникам не было никакого уважения, и нередко молодые офицеры и гардемарины строили над ними разные насмешки и пакости. У нас на корабле было, однако ж, из сего правила исключение: к нам попался иеромонах очень скромный, трезвый и дело свое знающий; за всем тем, однако ж, офицеры, по привычке, не очень его уважали. Однажды двое мичманов Давыдов и Богданов повздорили из-за карт — таково всегда или часто бывает следствие игры, — и один другому сказал в кают-кампании при иеромонахе, что удивляется, как бог, на него глядя, не взбесится. Иеромонах вступился за сию дерзость, в минуту пошел к капитану и пожаловался со всею важностию и настоятельностью своего сана. Капитану ничего не оставалось делать, как уважить такую жалобу. Он приказал собрать всех офицеров в кают-кампанию и велел пред виновными прочесть клерку (корабельному секретарю) артикул, повелевающий за богохульство прожигать язык каленым железом, и потом до того умел настращать виновных, что они с искренними слезами раскаяния принуждены были просить священника простить их, и тот наконец, прослезившись, произнес с важностию: «Бог простит»; тем эта драма на сей раз и кончилась; иначе капитан обязан был бы представить к начальству, и шалуны могли бы пострадать жестоко. Из сего примера вы можете видеть и то, что всегда от человека зависит поддержать тот сан, который он на себе носит, как бы оный в общем мнении ни был уронен.

По возвращении к осени в корпус я, как двухкампанец, сделался уже из старших гардемарин и, несмотря что по малости роста едва мог таскать тесак, был назначаем на ротное и даже на главное дежурство; ибо капитан Кропотов меня любил и восхищался, что у него такой крошечный главный сержант. Между тем сделалось производство по корпусу в урядники — и меня обошли, ибо я по язычным классам оставался в нижних, то есть учил, или, лучше сказать, твердил без всякого понятия грамматику наизусть. Мне казалось чрезвычайною несправедливостью, что произвели некоторых в чиновные — так в корпусе назывались капралы, унтер-офицеры и сержанты, — таких, кои по математическим классам учились гораздо хуже меня. Одному из таких, Ростопчину по фамилии, я не хотел оказывать уважения и даже сделал над

ним насмешку — говоря корпусным языком, — подразнил его; он пожаловался дежурному поручику Новокщенову... и сей чуть-чуть не наказал меня розгами; но меня спасло чистосердечное признание и раскаяние; при том же Новокщенов знал Ростопчина за шалуна, и как был вспыльчив, то вскоре, сжалившись надо мною, обратил весь свой гнев на принесшего жалобу. Это был единственный случай, что я был приведен к дежурному офицеру как виновный и находился, так сказать, накануне розог.

Чтобы не скрыть от вас ничего, что относилось к моему тогдашнему воспитанию, я должен вам сказать, что такое значило у нас *стоять на главном*. В главное дежурство в каждую субботу на целую неделю вперед назначался капитан, капитан-поручик или поручик и подпоручик. Капитан назначал с собою из своей роты главного сержанта из чиновных или из гардемарин. Должность главного сержанта состояла в том, что он получал от ротных дежурных ежедневно сведения о числе наличных в ротах кадет и, по оным делая общее счисление, подносил с вечера подписывать капитану [с]ведение, сколько испечь к завтрашнему дню булок, он смотрел за исправностию кухни вообще; должен был наблюдать за порядком во время стола, именно: чтобы всем достало места, и потом, чтобы все серебро было со столов собрано; он же наблюдал за тишиною в классах. Что ж из этого выходило? Один от одного, как бы по наследству, перенимали прописывать лишние булки, из которых хлебник пек особые для сержанта хлебы и потом сушили сухари; сверх того, как всякий ротный дежурный прибавлял число порций, то главный, обыкновенно отпуская булки в роты, удерживал по нескольку как бы в процент и потом рассылал от себя своим приятелям, с кем дружнее, чрез своего любимого кадета. А чтобы в кухне не всякое лыко в строку, то Михайлыч (кухмистер), который воровал преисправно, давал сержанту сахар, изюм, чернослив и стряпал к его столу, который всегда был после кадетского стола, торты или другое пирожное... Короче, это была первая школа, как, служа, наживаться, кривить душою и грабить; ибо кто был смелее, дерзостнее обманывал своего капитана и более снисходил плуту Михайлычу, у того более после главного дежурства и оставалось. Впрочем, главный сержант был важное лицо в отношении к кадетам, не разбирая, кто какой роты, он над всеми имел

власть. По детству моему я очень утешался этою важностию и часто больших повес драл за уши; но как не мог иных доставать, то приказывал нагибаться, и мне повиновались. С этой стороны дисциплина была в самом высоком градусе.

Между тем как мы таким образом учились в кронштадтском корпусе, в России произошла важнейшая перемена: 7-го числа ноября ввечеру нас собрали после классов в церковь и прочитали манифест о последовавшей накануне кончине императрицы Екатерины и о восшествии на престол Павла I. Не далее как чрез три дня получено было сведение, что корпус наш переводится в Петербург, ибо сей государь, будучи наследником и генерал-адмиралом, знал положение корпуса и всегда с неудовольствием смотрел на то, что он в Кронштадте совсем не у места.

Вдруг последовало новое обмундирование корпуса, стали готовиться к перевезению кадет, и было уже всем не до ученья. Прежде нежели я опишу вам наше переселение, скажу в нескольких словах о том положении, в каком флот и морская служба, равно как и самый Кронштадт, в последнее время царствования Екатерины находились[68].

Число кораблей хотя значительно было, ибо, помнится, считалось до 40 линейных кораблей в Кронштадте и Ревеле, но они большею частию были ветхие, дурной конструкции, с таким же вооружением и не обшивались медью, от чего большею частию ходили дурно. Капитаны любили бражничать. Офицеры и матросы были мало практикованы; работы на кораблях производились медленно и с великим шумом. Далеко бывало слышно, когда корабль снимается с якоря: «шуми, шуми, ребята!» — была любимая команда вахтенного лейтенанта, когда вертели шпиль[69]. С рифами возились по получасу. Офицеры любили тоже куликать, и вообще людей образованных было весьма мало. Мундир на офицерах был белый с зелеными лацканами, а матросский зеленый камзол еще покроя времен Петра I. Форма не строго наблюдалась. Часто случалось встречать офицеров в мундире, в пестром нижнем платье, с розовым галстуком и в круглой шляпе. Едучи куда-либо, особенно капитаны, любили иметь за собою вестового, который обыкновенно нес шпагу и плащ: тогда носили большею частию белые плащи. В порте был во всем недостаток, и воровство было непомерное, как в

адмиралтействе, так и на кораблях. Кронштадт утопал в непроходимой грязи; крепостные валы представляли развалину, станки пушечные оказывались рассыпавшимися, пушки с раковинами, гарнизон — карикатура на войска; одним словом, эта часть вообще находилась в самом запущенном состоянии. Со вступлением Павла на престол все переменилось. В этом отношении строгость его принесла великую пользу.

Примечательные распоряжения Павла I по флоту состояли в следующем:

1) Мундиры даны зеленые с белым воротником и вместо башмаков сапоги.

2) Флот разделен на три дивизии по трем флагам, кои велено было и подымать на кораблях.

3) Синий и красный флаги были с гюйсами[70] в углу, а не с белым флагом, как при Петре и ныне.

IV

Исповедная старца, иже мертв бе и оживе

Морской корпус при императоре Павле. — Производство Штейнгейля в мичманы. — Участие его в кампании 1799 года. — Ожидание войны России с Англией. — Мысль о защите Камчатки. — Командировка Штейнгейля в Сибирь при капитане Башуцком. — Ссыльный Ивашкин, крестник Петра Великого. — Экспедиция Крузенштерна. — Ссора Штейнгейля с командиром Бухариным. — Посланник Резанов и его покровительство Штейнгейлю. — Ссора Резанова с Крузенштерном. — Губернатор Трескин. — Кн. В. Н. Горчаков и судьба его при императорах Павле и Александре. — Участь Бухарина. — Поездка Штейнгейля в Петербург и свидание с Пестелем. — Женитьба Штейнгейля на Вонифатьевой, рождение дочери Юлии. — Петербург

Воспитанник Морского корпуса 1790-х годов. На учебную скамейку сел рядом с Беллинсгаузеном[71] как бы для выражения судеб противоположных. С 1795 года гардемарин. В 1796 году на кронштадтском рейде, когда выстрелы возвещали о рождении «матушке» внука[72], радовался ребячески на шканцах корабля «Изяслав». О Массильоне еще не слыхивал; не знал текста «Се лежит сей на восстание и на падение многих во Израиле»[73].

Не стало «матушки», воцарился Павел Петрович, и переменилось с первых дней положение кадет Морского корпуса. Чрез месяц половина их была уже в Петербурге, и ничего похожего на спартанское не осталось, хотя

соединили с греками[74]. Государь отечески занялся заброшенными. Посещения были часты и внезапны. Заботливость гласная, разительная. «Логин! не обманываешь ли ты меня, всегда ли у тебя так хорошо?» — спросил государь однажды нашего генерала Кутузова во всеуслышание, пробуя хлеб в столовой зале.

Два года еще в этой новой жизни корпуса оставался я по малолетству и малому росту, завидуя своим товарищам. Юность не размышляет о пользе, а польза была явная; в это время началось преподавание высшей математики и теории кораблевождения. Преподавателем был незабвенный кротостию и добротою Платон Яковлевич Гамалея[75], у которого самый строгий выговор заключался в словах: «Экой ты, бгатец, печайной» *. Я у него был первым в классе и после, из старших унтер-офицеров, первым вышел и по выпуску.

Мичманом поступил на плененный у шведов корабль «Эмгётен», постройки знаменитого в свое время Чапмана[76]. Командиром корабля был благороднейший и просвещеннейший из капитанов того времени Н. А. Игнатьев, убитый впоследствии под Тенедосом. Корабль состоял в эскадре, назначенной с десантом к берегам Голландии. Она вверена была только что выпущенному из крепости контр-адмиралу Чичагову[77]. Едва успели в Гельдере высадить десант, надобно было принять его обратно. В это время я был при перевозке на английские суда раненых. Когда я шел у носилок тяжелораненого капитана Цвиленева, с холма из кучки офицеров послышался голос: «Этого куда? Он и дня не проживет». Судьба прошептала: «будет генералом!» и, конечно, не ошибалась[78]. «Эмгётен» отвез десант в Портсмут. На нем были фанагорийцы, дышавшие духом Суворова![79] Шефа их Жеребцова убили, им дан Мамаев, которого я застал в корпусе каптенармусом, отбиравшим у кадет белье. При входе на Спитгедский рейд выходил с него стопушечный корабль «Queen Charlotte» под флагом адмирала Кейта, чтоб сгореть на Ливерпульском рейде. На нем погиб русский волонтер Куличкин.

В зиму на 1800 год исправлялись от порта. При приемке материалов я был дядькою над шкипером. Эти господа тогда имели привилегию быть *ненадежными*. Капи-

* причиняющий печаль (искаж. плохим выговором).

тан замечал и любовался расторопностию и живостию офицера, офицер увлекался благородством своего капитана. Минуло 58 лет с того времени, и еще живо помнится, как этот капитан с умным навислым челом, ходя по шканцам и принюхивая свой гаре́*, с гордостию говорил: «Варвары, гальетчики, срамят только флаг!» Сарказм относился к смуглерам.

Юность впечатлительна: я усвоил на всю жизнь это надменное отвращение от всего унизительного. А это худой проводник к счастию!

Возвратились в Россию, объявлена Англии война[80]. В позднюю осень наложено было эмбарго на английские купеческие суда в Кронштадте. Все экипажи с них перевезены в Ораниенбаум, со всеми возможными «God damn»** с их стороны.

Катастрофою 1801 года и переговором Чичагова с Нельсоном чаша крови прошла мимо[81]. Приуготовленная защита стала ненужною, восторженное ожидание сразиться с Джеками, как тогда выражались, миновалось, и я поступил на вновь строящийся корабль «Смелый». Но вскоре предпочел пуститься в Камчатку, без поощрения, без наград, даже без удвоенного жалованья. Благо представился случай. Интересен повод к этому случаю.

В 1799 году объявлена была война Испании[82]. Родилась мысль о беззащитности наших восточных берегов. Послан из Иркутска Сомова полк для занятия Камчатки, Охотска, Гижиги и Удского острога[83]. Из С.-Петербурга отправлен капитан Бухарин в Охотский порт для приуготовления транспортов. Сомов привез в Камчатку тифозную горячку, которая уменьшила малое население ее на половину. Несчастие редко бывает без повторения, чтоб не забывалось: в это же время погибло компанейское судно «Феникс» с первым кадьякским архиереем Иоасафом и со всею его свитою[84]. Для защиты восточных берегов с моря предписано было вооружить оставшийся от Биллингсовой экспедиции корвет «Слава России», если еще годится. Для этого понадобились разного рода мастеровые и художники. Адмиралтейство отправило их с капитаном Л. Башуцким[85]. Я был к нему прикомандирован и от Москвы вел передовую партию. Путь назначен

---

* Сорт нюхательного табака (франц.).

** Черт возьми (англ.).

через Вятку, Пермь и Тобольск. Адмиралтейство не могло в других губерниях делать денежных ассигнований.

В лето 1802 года прибыли в Охотск, в старый Охотск, в котором кроме адмиралтейских и компанейских строений существовало не более 100 домов и помнилась еще поговорка: «В нашем Охотске с одной стороны море, с другой горе, на небе бог, а на земле Кох; куда денешься!» В этом приморском захолустье были тогда: вице-адмирал Фомин [86] — главным командиром на праве военного губернатора; полковник Пирожков — начальником гарнизона; капитан 1-го ранга Бухарин — начальником порта, и полный штат уездного города с городничим из поляков. Сколько элементов для взаимной ненависти и ссор, на первый случай, от нечего делать. В это же время подъехал новый комендант Камчатки Кошелев [87], намеренный гонитель тогдашних агентов Российско-Американской компании, считавшей 4-й год своего существования. Башуцкий сменил Бухарина; благоволя более к штурманам, он дал мне самый плохой из транспортов [88]. После дивились, как можно было на нем сделать рейс в Большерецк.

В Камчатке в то время было интересное лицо, любимое всеми камчадалами, под именем Матвеича; это Ивашкин [89], крестник Петра Великого. Офицер гвардии Анны Иоанновны, которого она благословляла на брак и которого потом, при восшествии на престол Елизаветы, высекли кнутом с ужасным вырезанием ноздрей. Лет 20 он прожил в Якутске и 40 в Камчатке. Я вскоре познакомился с этим интересным мучеником. Грешно было бы пройти молчанием анекдот, им рассказанный. Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату, которой внутренность старец описал с удивительною точностию, и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностию сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию Лукичу Долгорукову, взяла его за нос, — «нос был большой, батюшка», — пояснил старец, — и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды. Обведя кругом и остановясь против портрета Грозного, она спросила:

— Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

— Знаю, матушка государыня!

— Чей он?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну, так знай же и то, что хотя баба, да такая же буду, как он: вас семеро дураков сбиралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!

Старец знал и последствия[90].

Этого Матвеича в следующем году предписано мне было взять и доставить в Охотск. Он был прощен с возвращением чина и с дозволением выехать в Россию. Но ему было уже 96 лет, он ослеп и не захотел расстаться с Камчаткою; через год еще его уже не существовало.

В 1805 году мне был вверен новый транспорт «Охотск» и предписано доставить в Петропавловскую гавань провизию для корвета «Надежда», долженствующего возвратиться из Японии.

Вместе с тем посылались и депеши к капитану Крузенштерну[91], со включением ему первого ордена св. Анны 2-й степени. В этот раз я был самым радостным вестником, как об этом упомянуто и в путешествии Крузенштерна, хотя не во всем верно[92].

Посланника я уже не застал[93]. В качестве уполномоченного Российско-Американской компании он поспешил отправиться на ее корабле в Ситку, только что покоренную Барановым[94] при помощи «Невы» — другого корабля из кругосветной экспедиции. Моряки с обычною откровенностию рассказали всю подробность драмы[95], разыгранной здесь пред отправлением в Японию, которая осталась безгласною и впоследствии стоила жизни достойнейшему офицеру Петру Трофимовичу Головачеву.

Вышед из Петропавловской гавани 5-го сентября, я встретил ужасный шторм, продолжавшийся 17 дней. В это время как молодой человек уносился я мечтами к тем идеям, которые никогда меня не оставляли. Гораздо после, ознакомившись с Кяхтою и Нерчинским краем, я имел случай в С.-Петербурге в 1812 году сообщить адмиралу Мордвинову[96] свою мысль о возможности разведать Амур, не подав повода китайцам к подозрению и неудовольствиям. Адмирал признавал ее удобоисполнимою. Всему в мире есть, однако же, свое время, и тщетно упреждать ход судеб.

Прошед первым Курильским проливом и встретив постоянный NW уже со снегом, я вынужден был войти в

реку Воровскую, в которую никогда суда казенные не заходили. В острожке считалось только 12 изб, и здесь надо было провесть зиму. По счастию, я взял с собою одного сироту, Олесова, штурманского сына, которому в Охотске прочитал весь кадетский курс, а здесь окончил навигацию и астрономию. Этот сирота был после сам командиром судна и погиб, но перед погибелью своею успел порадовать своего благодетеля в несчастии, доставив ему доказательство, что сохранил благородные чувства. По наступлении зимы я немедленно отправил депеши Крузенштерну через Гижигу в Охотск; там между тем произошла перемена в управлении: Бухарин возвратился единственным начальником порта и всей приморской страны. Полагая, что он сохранил ко мне то расположение, с каким расстался, я написал к нему письмо и очень свободно передал все, что слышал на счет Резанова. Как же жестоко ошибся я!

Возвратясь в 1806 году в Охотск, я нашел в Бухарине высокомерного начальника, от которого все кричало — и служебное, и частное. Первые жаловались на жестокости, вторые — на притеснения и грабительство. Я вспомнил тогда своего благородного капитана и его слова.

Обойденный в С.-Петербурге при производстве в лейтенанты моих товарищей, я подал начальнику порта рапорт, в котором просил экзамена. Бухарин отвечал: «Начальство знает, когда вам дать экзамен». Оскорбленный этим явным притеснением, я наговорил ему лично грубостей, более соответственных своему о нем понятию, нежели дисциплине. Бухарин в это время взял тон человека удивленного и сожалеющего, повторяя: «Успокойтесь, успокойтесь, никто не думал вас притеснять. Подите и ожидайте предписания». Очень хорошо понял я значение этого незлобия. Пришед к себе и в себя, я ждал насильственной меры и всю ночь провел в приуготовлении лишить себя жизни. Господь помиловал! С наступлением утра мне принесли пакет, распечатал в трепете и, действительно, нашел предписание сдать транспорт и команду и отправиться в Иркутск, «где вы можете на меня жаловаться», сказано было в заключение. Я пал на колени и со слезами возблагодарил бога; но не прежде поверил, что это не сон, как когда уже увидал себя трясущимся на якутской лошади и услышал громкое «ходь, ходь!» якута по дороге в Якутск.

После узнал я, что по отъезде моем Бухарин сказал своим офицерам: «Обрадовался Штейнгейль, что выехал! В железах привезут, матрос будет и умрет под линьками!» Так говорил в нем дух злобы, но освобождением моим судьба готовила избавление края от него самого.

Впрочем, со стороны Бухарина это была не простая угроза; он донес министру, что я своевольно зазимовал в Камчатке и ввел казну в убыток, и просил меня предать суду. Министр готов был удовлетворить его желание, но государь повелел «арестовать на месяц со внесением в послужной список». Сердце царево в руце божией, — время креста не приспело еще.

Застав в Якутске Резанова, я, подстрекаемый любопытством видеть человека, аккредитованного важными поручениями, которого мне представляли более смешным и ничтожным, нежели уважения достойным, поспешил к нему явиться. К удивлению своему, я встретил ласковый прием с уверением, что много наслышан обо мне и рад познакомиться.

Удивление превратилось в полное замешательство, когда Резанов подал мне мое собственное письмо, писанное к Бухарину, наполненное сарказмами. Это был разительный урок! Я едва был в состоянии разговаривать: «Ваше превосходительство не должны ни удивляться, ни сетовать на меня, я не имел чести вас знать и передал то, что мне говорили люди, которым не мог не верить». «Очень знаю, — прервал Резанов, — нарочно взял это письмо из рук вашего недоброжелателя, чтобы лишить его возможности вам вредить. Я дал ему слово доставить его министру, и вот оно в руках ваших. Надеюсь, что вы перемените обо мне мысли». Таким благородным и столь обязательным для меня поступком он совершенно обворожил меня. Взаимно Резанов до того меня полюбил, что в Иркутске заставил меня почти всякий день быть у себя; удостоил меня полной своей доверенности по отчетам правительству и компании и открыл мне все, что писал в так называемой им Синей книге. С тем вместе он ввел меня к генерал-губернатору, ходатайствовал у него о моей защите и дал совет подать генерал-губернатору просьбу, что я и сделал. Этого мало, он написал в главное правление Российско-Американской компании, чтобы выпросили меня у министра в свою службу. Он дал мне слово, что возьмет меня с собою в Нью-Йорк для сопутствования

ему через Орегон в Калифорнию, в порт Сан-Франциско, где намерен был жениться на дочери коменданта. Провидение распорядилось иначе — он умер в Красноярске[97].

История Резанова слишком замечательна, чтобы пройти ее молчанием даже при самой намеренной краткости рассказа. Он так много претерпел во время пути до Камчатки, что по приходе в Авачинскую губу, вышед на шканцы* в первый раз после шестимесячного затворничества, в своей камергерской форме, он перекрестился и громко сказал: «Благодарю бога, наконец, я под защитою законов моего отечества!» Съехав на берег, он тотчас же отправил гонца в Нижнекамчатск к коменданту, требуя вооруженной помощи и аудитора для составления военной комиссии. Комендант генерал-майор Кошелев, который уже ожидал прибытия полномочного посла к японскому двору, поторопился явиться с ротою, не забыл и аудитора. Крузенштерн, как умный и далеко не злобивый человек, тотчас увидел, к чему это поведет, и потому не замедлил рассказать коменданту историю ссоры и убедить его войти в посредничество. Комендант не отказал и успел помирить и тем спасти капитана корвета от неприятных последствий, а экспедицию от бесславия. Лицо, обвиненное в первоначальном поводе к смутам, отправлено берегом обратно и возвратилось в Петербург, по выражению Чацкого, «алеутом»[98], а в свиту посла комендант выбрал своего адъютанта, родного своего брата и лучшего из своих офицеров капитана Федорова. Таким образом, посол решился опять сесть на корвет и отправиться в Нагасаки. С грустию, а нельзя не упомянуть, что из этого мира непосредственно произошла причина смерти вовсе ни в чем невинного офицера и одного из самых благородных моряков того времени — лейтенанта Головачева, о котором уже упоминалось выше; Резанов, жалуясь на все общество офицеров, выставил коменданту только одного Головачева, которого поведение не только не мог упрекнуть, но даже выхвалял особенно. С этой минуты на Головачева напала ипохондрия, он вообразил, что товарищи могут заподозрить его в ласкательстве; ипохондрия развилась до такой степени, что на возвратном пути в Петербург он застрелился. Прах его остался на острове

* Часть верхней палубы военного корабля, местонахождение вахтенных офицеров.

св. Елены, который через 10 лет потом принял на берега свои знаменитого смутника всей Европы[99].

Обращаюсь к себе. По отъезде Резанова, вскоре отправился и генерал-губернатор в Тобольск. Он уже и не возвращался. Умный и деятельнейший, чуть ли не из всех тогдашних губернаторов, Трескин[100] остался полным деятелем, с неограниченною доверенностию Пестеля[101], и в отношении к нему был истинный factotum*. Я имел случай вскоре обратить на себя его внимание.

Вот этот случай.

По отъезде Резанова из Охотска лейтенант Хвостов[102], командир компанейского корабля, на котором Резанов прибыл из Новоархангельска, по данной ему прежде инструкции отправился в губу Айнива для свидания с Давыдовым[103], командиром тендера «Авось», и там разорили японское селение, как им было предписано в инструкции, хотя потом и изменено, но не определительно. Когда они пришли в Охотский порт, Бухарин решился арестовать их. Они бежали из-под ареста в Якутск и с разрешения генерал-губернатора приехали в Иркутск. Губернатор, заметив превосходство Давыдова пред Хвостовым в образовании, потребовал от него сведений о нашей Америке и Камчатке. Удовлетворив его желание в отношении к первой, относительно второй Давыдов указал на меня, как более о ней сведущего. Доставленные мною сведения понравились и доставили мне свободный доступ в кабинет его превосходительства. В губернии, и еще в сибирской, это имеет свое значение, до возбуждения зависти.

В этот период времени мне довелось видеть решительный пример превратности судьбы, повторившейся после над губернатором и над самим мною. Я встретил тут в звании *посельщика Василия Горчакова*[104], бывшего военного губернатора в Ревеле. Князь Вас[илий] Ник[олаевич] Горчаков — любимец Павла I, который так гремел в 1800 году, когда мы, возвратясь из Англии, высаживали войска в Ревеле. Вот как он сам рассказывал мне свою интересную историю. Однажды, как он распоряжался, какой дать бал, что он делал часто, прискакал вдруг фельдъегерь с повелением немедленно отправиться на Дон и произвесть исследование о произведенной там казни над двумя братьями Грузиновыми. Собравшись тотчас

* доверенное лицо (лат.).

в дорогу, он решился заехать в Гатчино, где государь тогда находился, чтобы принять изустно его наставления. Как скоро явился во дворец, тотчас его позвали в кабинет; только что вошел в двери, как государь, ожидавший его у самой двери с левой стороны, схватив его за руки и подведя к образу, сказал: «Вот тебе матерь божия свидетельница, я не виновен; защити меня». Дело было в том, как государь объяснял ему, что Грузиновы судились за оскорбление величества, и наказной атаман Репин и, кажется, Денисов (настоящий) представили дело прямо к государю, когда бы следовало представить в аудиториат. Государь, заглянув в приговор, чтобы вразумить их, с негодованием написал карандашом «поступить по законам» и велел возвратить им на их счет. Те по недоумению и по недоверию к войсковому прокурору, который их останавливал, сочли это за утверждение сентенции, назначили на утро казнь, отрубили головы и донесли государю[105].

Князь Горчаков разыскал все, как следует; атаманы были выключены из службы; третьему оставшемуся брату Грузиновых было пожаловано 1000 душ, а князь Горчаков назначен инспектором всей кавалерии. В этом его положении новый государь вступил на престол и отверз врата за границу. Князь Горчаков вздумал этим воспользоваться. Деньги были, попросился, отпустили; приехал в С.-Петербург, проигрался; занимал у богатой тещи, та отказала, решился рискнуть. У него оставались векселя на банкирские дома в Европе, по должности интенданта корпуса принца Конде[106] в 1799 году. Он предъявил один *первый* банкиру Ливио, если не ошибаюсь, в 60 тысяч, получил их и отправился. Но вскоре, по ответу того дома, на который вексель был адресован, узнали, что эта сумма выплачена была по *второму* векселю и, следовательно, в предъявлении первого была явная фальшь. Тотчас послали арестовать и в Кенигсберге достигли, привезли в крепость, предали суду и хотя, по словам его, в числе судей были обыгравшие его, — осудили к лишению чинов и в ссылку на поселение. Он был поселен в Тунке и тут не потерялся: выучился по-монгольски, приобрел доверие бурят и на их имя содержал Кругоморскую дорогу[107], а после вошел в особенное расположение и самого губернатора, у которого был как бы церемониймейсте-

ром; никакой праздник не совершался без Василия Николаевича. За всем тем он кончил дни в Тунке.

Учащая посещать губернатора, однажды, при входе в кабинет его, я застал у него градского голову. «А кстати!— сказал Трескин. — А мы с Мих[аилом] Ив[ановичем][108] только что говорили о твоем приятеле!»

— О каком приятеле, Ваше превосходительство?

— Ну, о Бухарине. Вот Мих[аил] Ив[анович] говорит, что купцы боятся ехать в Охотск. Но что с этим делать? Мы с Иваном Борисовичем (Пестель) решились бы сменить его, да он, пожалуй, еще окажет непослушание.

— Помилуйте, — отвечал я, можно ли допустить его до возможности ослушаться.

— Право, — сказал губернатор с полунасмешливым удивлением и присовокупил: — Впрочем, это мы только так говорим, а я бы желал, чтобы ты накидал свои мысли, как бы ты думал его сменить.

На другой же день губернатор имел в руках своих удовлетворительный проект. Я ничего не ожидал, но чрез два месяца губернатор потребовал меня к себе и сказал: «Ну я хотел было тебя самого отправить сменить Бухарина, но Ив[ан] Борис[ович] справедливо заметил, что у вас взаимная вражда, а как назначенный сменить его должен быть и презусом[109] следственной над ним комиссии, то правительству нельзя будет дать веры его действиям; поэтому велел оставить тебя на месте Бабаева[110] начальником здешнего адмиралтейства, а его послать в Охотск». Так это и было сделано. Бухарин взят был в постели, сменен, предан суду.

После, в С.-Петербурге, в семилетнее содержание его на гауптвахте, как ни старались выжидать возможности подвесть его под манифест, должны были сослать его в Сибирь. Комиссия в Охотске нашла представление Бухарина обо мне несправедливым и во всем меня оправдала. По представлению генерал-губернатора последовало высочайшее повеление арест из послужного списка исключить.

Несмотря на мое мичманское ничтожество, мне удалось, однако же, привесть иркутское адмиралтейство и команду в совершенно новый вид, с тем вместе и заготовления для Охотского порта вывесть из-под несовместного влияния казенной палаты. Это обратило на меня общее внимание. Бойкая губернаторша, которая была так важна,

что некоторым дамам, и особенно купеческого сословия, давала целовать руки, звала меня байкальским адмиралом.

Сделавшись больна после родов, она желала, чтобы я проводил ее сам на дальние Кутомарские минеральные холодные воды в Нерчинском округе. Это доставило мне возможность видеть весь Забайкальский край и Кяхту. Знакомство в этой последней с директором таможни повело к сватовству на такой невесте, в руке которой было отказано сыну генерал-губернатора Селифонтова[111]. Я успел вскоре понравиться честному, хотя очень странному старику, 25 лет управлявшему нашею кяхтинскою торговлею и стяжавшему от всех имя «батюшки». Это был действительный статский советник Вонифатьев[112].

В это время Бабаев возвратился из Охотска, а я переведен в балтийский флот. Надо было ехать. Губернатор вошел в мое положение и помог мне, дав письмо к генерал-губернатору Пестелю. Эту поездку я совершил в одной повозке с возвращавшимся из Америки лейтенантом Бергом, бывшим у меня на сговоре в Кяхте. В проезд чрез Тверь я имел счастие представиться блаженной памяти великой княгине Екатерине Павловне, которая удостоила меня в своем кабинете многими расспросами о Сибири и Камчатке. Потом я представлялся и его императорскому высочеству принцу Ольденбургскому и мог ли тогда воображать, что сын этой августейшей четы, тогда еще не бывший на свете, через 50 с лишком лет будет благословлять образом моего сына[113].

Когда в С.-Петербурге явился я к Пестелю и подал ему письмо, то прием был самый неблагоприятный; но, начав читать, генерал-губернатор несколько раз окидывал меня взором и, наконец, прочитав, опустил руку с письмом и сказал: «Вы согласитесь, я ведь вас совсем не знал; теперь Николай Иванович пишет о вас так много хорошего, что я совершенно в ваших повелениях; что угодно, что бы я для вас сделал, я все сделаю».

Определение к нему по особым поручениям и отправление обратно в Иркутск было полным оправданием этой истинно милостивой фразы[114].

Возвратясь в Иркутск, я поспешил за Байкал и переехал чрез него на удивление всех 24—25-го апреля, переночевав на льду, состоящем из иголок. Лед сломало в тот же вечер. Итак, от сговора до свадьбы я проехал 13

тысяч верст. Настояния тестя при женитьбе заставили меня оставить морскую службу. На пути в С.-Петербург беременность жены задержала в Перми; тут родилась дочь Юлия[115].

В конце 1811 года великолепная комета, наводившая тревожное ожидание на все умы, светила на северо-западе. Безотчетные страхи оправдались войною ужасною.

V

Поступление Штейнгейля в Петербургское ополчение в 1812 г. — Доктор Морген. — Под Данцигом. — «Записки о Петербургском ополчении». — Архимандрит Филарет, впоследствии митрополит Московский. — Назначение Тормасова главнокомандующим в Москве вместо Ростопчина.— Назначение Штейнгейля его адъютантом.— Беспорядки в канцелярии Ростопчина.— Московская цензура для книги Новикова. — Деятельность Штейнгейля. — Поездка в Петербург и представление графу Аракчееву. — Полицмейстер Шульгин.— Возобновление Кремля. — Пребывание в Москве императора Александра Павловича в 1816 г.

В С.-Петербурге дядя мой, финляндский генерал-губернатор граф Штейнгейль, отрекомендовал меня министру внутренних дел Козодавлеву[116]; таким образом, место для новой службы было обеспечено, но ясно понимаемый долг указал другой путь. Беременная жена, малолетняя дочь не могли остановить; я явился в ряды защитников отечества и поступил штаб-офицером в 4-ю дружину С.-Петербургского ополчения, которой начальником был назначен генерал-майор Кошелев, бывший камчатский комендант, только что выпущенный из ордонанс-гауза[117]. Граф Михаил Илларионович Кутузов, у которого он во время знаменитого посольства в Константинополь[118] был адъютантом, оказал ему свое покровительство. По прежним нашим отношениям[119] я не мог быть приятен Кошелеву и претерпел немало неудовольствия. Нельзя было уничтожить, так сбыли с рук похвалами, и я оставлен был в Юрбурге за плац-майора; здесь занемог и, перевезенный в Тильзит, едва не лишился жизни. Человеколюбивое искусство доктора, достопочтенного 73-летнего старца Моргена, который имел счастие в 1807 году оказывать медицинское пособие двум императорам, Александру и Наполеону, спасло меня. Однажды, когда я выразил ему сожаление свое, что его часто беспокоят призванием к

больным, даже в окрестности, он отвечал, возведя глаза и указуя рукою на небо: «Meine Ruhe ist da!»*. Это Meine Ruhe до смерти не истребится из памяти. По выздоровлении я явился под Данциг и был командирован по переформировании Новгородского ополчения дежурным штаб-офицером.

По заключении предварительных условий о сдаче Данцига дежурный генерал Вельяминов[120] нуждался в человеке, который бы мог из годового журнала осады составить поспешно краткую записку для представления государю императору; ему указали на меня, и я исполнил поручение это ранее срока к полному удовольствию генерала. Мне обещали награду — я попросил только увольнения к семейству. В сравнении с другим штаб-офицером дружины, которого мало употребляли и еще менее уважали, мне следовал бы чин подполковника, но наградили *вторично* орденом Владимира 4-й ст[епени] с бантом. За службу под Данцигом вообще был представлен к прусскому ордену, но нужно было искательство в штабе, я не искал, но поспешил удалиться и возвратился в С.-Петербург, посланный курьером в комитет ополчения. Так кончилась моя служба, вызванная бедствием отечества. Если я не вынес всех наград, на которые имел право, то их заменило обращенное на себя внимание достойнейшего из генералов Ивана Матвеевича Бегичева, который впоследствии удостоивал меня самых дружественных отношений. Дочь его, супруга генерал-адъютанта Колзакова[121], знает об этих отношениях.

Исполнив, таким образом, обязанность свою пред отечеством, я, чтобы сохранить память о службе самого ополчения, написал *«Записки о С.-Петербургском ополчении»*[122], которые были поднесены государю, и я удостоен был награды перстнем. Впоследствии один из генералов в своих *«Военных письмах»* наименовал меня «русским Ксенофонтом»; но это было испрашивание благосклонности к его отцу, служившему в Москве председателем гражданской палаты[123]. Таким образом, когда ополчение возвратилось, в числе 4 тыс[яч] из 15, в С.-Петербург, я опять был поставлен в положение искателя места. Сенатор Хитрово ревизовал пред тем Вологодскую губернию и открыл немало злоупотреблений; директор Российско-

---

* Мое успокоение там! (нем.)

Американской компании Булдаков[124], с которым я познакомился при посредстве Резанова, убедил меня просить место полицеймейстера в Великом Устюге, где сам он был главным гражданином. Тогда места эти зависели от министра полиции, которым был Сергей Козьмич Вязмитинов[125]. Директор канцелярии министра — Политковский — отец несчастного Монтекристо, был свояк Булдакова и с удовольствием взялся за дело; познакомил меня лично с новым вологодским губернатором Винтером, который, приняв мою просьбу, уехал, с тем чтобы по вступлении в должность представить[126]. Вместо представления он написал к директору письмо, в котором извещал, что настоящий полицеймейстер «подходит» под милостивый манифест, то как прикажет, сменить его или нет для барона Штейнгейля. Вопрос этот Политковский предоставил разрешению самого претендента на место и получил в ответ: «Я никогда не строил своего счастия на счет ближнего. Видно, не судьба». Директор обнял меня бог знает за что. В это время я не раз бывал у митрополита Амвросия (Подобедова), которому был свойственником по жене. Однажды, сидя с ним в гостиной на софе и разговаривая о прошедшей войне, я в первый раз увидел Филарета[127], который на неоднократные приглашения митрополита: «садись, отец архимандрит» — отвечал низкими поклонами и не допустил себя усадить. Прошло 8 лет, и я видел торжественное шествие его из Казанского собора в Успенский в Москве при звоне всех колоколов и при стечении народа, бросающегося целовать полы его мантии. Факт поучительный в подтверждение евангельской истины «смиряяся — вознесется».

В том же 1814 году генерал Тормасов[128] был назначен главнокомандующим в Москву. Действия графа Ростопчина по возвращении его в разоренную столицу требовали этого; они возбудили почти общий ропот. При этом слишком памятна еще была смерть неповинного купца Верещагина, преданного им на растерзание черни (он указал на него разъяренному народу, как на изменника, распространяющего прокламации Наполеона), только для того, чтобы самому, пользуясь этим временным занятием черни, можно было с заднего крыльца сесть на лошадь и ускакать из Москвы в момент почти вступления в нее неприятеля[129]. Этим фактом он лишил себя народной привязанности.

Назначение Тормасова было не без повода. Он находился в числе депутатов, подносил государю титул «благословенного». Тогда еще в особой аудиенции государь сказал ему: «Александр Петрович, ты на меня сердишься за то, что я армию твою отдал Чичагову; я думал, что он, как личный враг Наполеона, будет действовать с полной энергией; я ошибся». Тормасов отвечал на это: «Государь, и я никогда другом Наполеона не был». «Знаю,— прибавил государь, — я виноват, но постараюсь загладить это». Проходил уже месяц после этого назначения, как я вспомнил, что генерал Тормасов — дядя полковника Порошина, которого дружбу приобрел я на поле сражения.

Это тотчас подало мне мысль написать следующую записку: «Любезный друг, дядя твой назначен главнокомандующим в Москву. Если люди моего разбора на что-либо могут быть ему надобны, надеюсь, ты меня порекомендуешь». Порошин отвечал: «Сам бог вложил тебе эту мысль, сейчас еду, спешу, лечу, говорю за тебя, как за друга, как за брата, как сам за себя, жди извещения».

Не скоро, однако же, удалось ему говорить с дядей. Через неделю наконец я должен был представиться. Расспросив, где и как служил, чем занимался, генерал сделал вопрос: «Есть ли у вас какие аттестаты?»

— Никаких,— отвечал я с живостью,— как я ни молод (мне был 32-й год), но успел заметить, что никто столько не хлопочет об аттестатах, как люди пустые, которые сами себя ничем рекомендовать не могут.

Ответ приметно понравился. Чрез три дня я сидел уже с генералом в его карете в качестве его адъютанта, состоящего по кавалерии. Военный министр тогда имел право давать на это разрешение. Октября 4-го прибыли мы в древнюю столицу-страдалицу, на сущее пепелище. В самый день приезда было мне поручено принять военную канцелярию. Ею — кто бы поверил! — у знаменитого в свое время и громкого графа Ростопчина заведовал человек, переряженный из аудиторов[130] — тогдашних аудиторов — в мундире л[ейб]-гв[ардии] Преображенского полка, и такой, что стыдно было пробыть с ним столько времени, сколько необходимо было для подписи длинных рапортов. И этот человек мог играть судьбою людей! Я застал подготовленное решение по военному делу, по которому несколько провиантских чиновников приговаривались к лишению чинов и ссылке. Они судились по бездо-

казательному доносу, будто бы хлеб, доставленный на барках и показанный разграбленным, вовсе не был доставлен. Рассмотрев дело и не видя никаких ясных доводов к подтверждению доноса, я спросил аудитора, на каком основании допустил он такое решение. В ответ получил: «На это была воля вашего предместника». — «Стало быть, если у меня нет воли губить людей, так их можно спасти?» — «Как прикажете». Ужаснувшись такого факта, я тотчас доложил это дело генералу, и осужденные были спасены от ссылки, но приговорены к неопределению впредь к подобным должностям.

Провидение жестоко взыскало за такую волю. Сын этого капитана гвардии, бывший в тогдашнем Дворянском полку, задушил больного своего деда по матери, чтобы воспользоваться деньгами, которые заметил у него под подушкою. И это был его единственный сын!

Гражданскою канцеляриею при графе Ростопчине управлял человек образованный, с отличными способностями, сын сенатора Рунича, но Тормасову не понравился. Рунич первый заметил это и просил увольнения. Генерал определил на его место чиновника Сесаревского, привезенного с собою по рекомендации сенатора Ланского, тоже со способностями и человека честного. Впоследствии он был обер-прокурором Сената; но и этот не мог угодить Тормасову[131]. Определив его на другое место, сверх всякого всех чаяния, Тормасов поручил и эту канцелярию мне. Этим он поставил своего адъютанта в такое значение по Москве, в каком до него никто не был и после него, вероятно, никто не будет. Это случилось в мае 1815 года.

Во всей бюрократии заговорили: «Сам кавалерист и канцелярию поручил кавалеристу, будет толк». Мне предстояла задача доказать нелепость этого суждения; я принялся действовать и учиться. Канцелярия главнокомандующего была полный хаос. Дела, как были второпях забраны, увезены и обратно привезены, так и лежали брошенными. За текущими бумагами никто не хотел за них взяться. Между чиновниками не было никакой дисциплины; в канцелярии курили трубки — сигар еще не знали, — расхаживали и посвистывали. Один секретарь, князь, к тому же с московскою значительностию, имевший особую часть просительскую, явно старался уронить Сесаревского в глазах прочих своим неуважением, не воображая, что этим унижает самое место. Я положил всему

этому тотчас же конец. В самое короткое время все приняло совершенно новый, благоприличный вид. Дела разобраны, архив приведен в порядок; высочайшие повеления, раскиданные с небрежением, подобраны, переплетены в сафьян и положены в нарочно устроенный ковчег. В этом собрании особенно замечателен первый собственноручный рескрипт Павла I, данный на имя Измайлова, тогда главнокомандующего Москвы. Вот его содержание: «Михаил Михайлович! Объяви княгине Дашковой, чтобы она, помянув событие 1762 года, немедленно из Москвы выехала и впредь в нее не въезжала. Пребываю впрочем...»[132]. Другую достопримечательность, найденную при этом разборе дел, составляли также разбросанные копии с писем некоторых известных в последние годы царствования Екатерины II масонов и мартинистов из-за границы и из внутренних губерний, которые были списываемы в московском почтамте и представляемы почт-директором Пестелем, после бывшим генерал-губернатором Сибири, главнокомандующему князю Прозоровскому. Эти-то самые копии послужили Прозоровскому к возбуждению подозрения в императрице, и она указала арестовать Новикова[133] с прочими и произвесть исследование. Все это довольно подробно описано в неизданных записках Ивана Владимировича Лопухина[134], очень интересных. Все эти копии с «покорнейшими» донесениями о них Пестеля переплетены в особый *in-folio**.

Нельзя умолчать об одном куриозном анекдоте, характеризующем все подобные преследования. Для разбора всех книг и сочинений, отобранных большею частию у Новикова, а также и у других, составлена была комиссия. В ней был членом Гейм Иван Андреевич[135], составитель немецкого лексикона, которого жаловала императрица Мария Федоровна, и он-то и рассказывал, что у них происходило тут сущее *auto da fé***. Чуть книга казалась сомнительною, ее бросали в камин; этим более распоряжался заседавший от духовной стороны архимандрит. Однажды разбиравший книги сказал:

— Вот эта духовного содержания, как прикажете?

— Кидай ее туда же, — вскричал отец архимандрит, — вместе была, так и она дьявольщины наблошнилась.

---

* в лист (лат.), здесь — фолиант.

** публичное сожжение на костре (франц.).

По приведении всех дел канцелярии в порядок и самой канцелярии в полное благоустройство я употребил особое старание, чтобы не было повода к хождению по подаваемым просьбам. Я достиг исполнения самого скорого к удовлетворению всякого, кто имел дело до канцелярии, — а кто тогда не имел до нее дела? — это обратило внимание публики. Всем было очевидно, какими малыми средствами и с каким ограниченным числом сотрудников это сделано.

Похвалы сыпались отовсюду. Этого мало, я успевал во всех торжественных выездах сопутствовать генералу. В 1815 году, когда было молебствие в Успенском соборе о победе под Ватерлоо (Бельальянс), длинную реляцию о ней читал я во услышание полного собора и в присутствии всех знаменитостей, так что сам преосвященный Августин отозвался, что чтеца такого не запомнит[136].

Между тем я занимался проектом обстройки столицы и правилами вспоможения разоренным. Все это вчерне написано было моею рукою. Когда все было готово, генерал Тормасов поехал в С.-Петербург в сопровождении одного меня, пригласил только с собою председателя комиссии строений князя Цицианова[137].

После личного представления государю генералом Тормасовым в кабинете Зимнего дворца планов и проекта на другой день я получил от графа Аракчеева[138] пригласительную записку «явиться к нему завтра поутру в шесть часов». Доложив об этом своему генералу, в этот же вечер я сверил свои часы с часами графа и наутро, за четверть часа до срока, был в его аванзале. Граф не заставил дожидаться. Выйдя, подошел близко и начал так: «Здравствуйте, г. барон, вы с Александром Петровичем приехали сюда с проектами. Государь мне их передал, чтобы я рассмотрел вместе с ним. Так доложи же ты своему Александру Петровичу — как ему угодно: я ли к нему приеду, или (возвыся голос) он ко мне пожалует?» И потом с некоторою фамильярностию присовокупил: «А всего, братец, лучше, как бы он тебя ко мне прислал, так мы бы с тобою в полчаса это дело кончили». Последних слов я, конечно, своему генералу не передал, а на первую фразу Тормасов отозвался с значительною улыбкою: «Ну, братец, само собою разумеется, что я к нему поеду».

Так и сделалось. За ломберным столом граф посадил Тормасова против себя, а меня с бумагами просил сесть

с третьей стороны. Таким образом, я имел честь прочитать все пред этим глубоковнимательным судьею. Граф слушал, подперши наклоненную к столу голову обеими руками, и по временам быстрым взглядом на меня требовал объяснения о том, что казалось ему по неизвестной местности не совсем ясным. Я объяснял смело, нисколько не боясь того, который в то время многим казался страшным.

Проект и планы получили высочайшее одобрение, и генерал Тормасов возвратился к деятельному выполнению всех предположений.

Распущенность московской полиции заставила графа Тормасова переменить обер-полицеймейстера Ивашкина. Этого места искал известный самому государю и всею Москвою любимый полицеймейстер Волков, бывший потом московским комендантом. Тормасов находил одно препятствием, что он был мягок и имел связи в Москве, а потому колебался. Но в Петербурге явился к нему генерал Шульгин с письмом от цесаревича, у которого был некогда адъютантом [139]. Такого предстательства Тормасов не мог не уважить, хотя был предваряем неодобрительными отзывами; определил его и после дорого заплатил за эту погрешность. Справедливость требует сказать, что во всем, касающемся до материальной стороны и наружности, Шульгин привел полицию и пожарную команду в лучший, стройный вид, в каком она едва ли когда бывала. Москва быстро возникала из пепла и украшалась лучше прежнего. Кремль возобновился во всем своем величии. Двухэтажный дворец надстроен был стоячими брусьями и обложен тонкою кирпичною стеною; в промежутках для устранения сырости насыпан был толченый уголь; внутри околочено войлоками и оштукатурено под мрамор. Иван Великий снова закрасовался своею главою, к колоколу его прибавили 500 пудов. Никольская башня, на которой так чудесно сохранился после взрыва ее образ Святителя и чудотворца Николая, возобновлена с некоторою переделкою. Верно снятый вид ее в руине должен быть между вещами, оставшимися от преосвященного Августина.

Около стены, с восточной стороны по Неглинной, вместо рва со всякою нечистотою явился сад и благоухание. В начале августа (1816) возвещено было прибытие государя. Князь Волконский [140] сообщил, что его величество

прибудет ночью и желает, чтобы в Кремле никого, ни самой полиции, не было и чтобы военный генерал-губернатор один с адъютантом встретил его величество на Красном крыльце.

Государь прибыл в самую полночь, генерал Тормасов в сопровождении меня принял его при выходе из экипажа. На низкий поклон генерала государь отвечал приветом: «Здравствуй, Александр Петрович, здоров ли?», быстро взошел по лестнице и, приняв рапорт, тотчас отпустил нас.

На другой день государь был в Успенском соборе у обедни. По возвращении во дворец государь сказал Тормасову: «Ваш Августин мастер служить! мастер служить! Я Платона видел, он и его перещеголял!»

Затем изъявил благодарность свою Тормасову и при этом случае рассказал ему, как недоволен министром внутренних дел Козодавлевым за перевод и печатание в «Северной почте» речи, сказанной на варшавском сейме, примолвя: «Все хотят мешаться в политические дела»[141].

В тот же день представлялось дворянство и потом купечество. Государь, обращаясь к градскому голове, спросил: «Точно ли они довольны новым начальником?» и, услышав утвердительный ответ, выраженный с приметно искренним чувством, присовокупил: «Очень рад, очень рад; это мой выбор!»

Вообще государь, по обозрении Москвы, изумлен был успехами ее обновления и в день своего тезоименитства, 30-го августа, оказал многие милости: Тормасов возведен в графское достоинство; Августин получил орден св. Александра Невского; Шульгину пожалована бриллиантовая звезда св. Анны; мне — чин подполковника. На третий день я представлялся графу Аракчееву. После первого ласкового приветствия граф, взяв со стола бумагу, сказал: «Вот, г. барон, государь велел тебе это показать, чтобы ты видел, до какой степени он внимателен. Посмотри, здесь у тебя в итоге неверность». Это была ведомость о возобновленных и вновь выстроенных домах, которую граф Тормасов считал сначала ненужною к рапорту о благосостоянии столицы и вдруг перед самым отъездом во дворец потребовал: второпях писарь вместо 69 в итоге поставил 96. Я не мог скрыть, сколь прискорбно было для меня это замечание, и граф очень милостиво присовокупил: «Оно ничего, братец, неважно. Государь не гне-

вается; но тебе это сказано для того, чтобы впредь был осторожнее».

В это пребывание государя в Москве некоторые случаи достойны особого замечания. Некто, содержатель косметического магазина Розенштраух, после бывший в Одессе лютеранским пастором, очень уважаемым, тотчас по приезде государя подал просьбу военному генерал-губернатору о дозволении ознаменовать 30-е августа открытием масонской ложи. По докладе об этом, государь изволил отозваться: «Я формально позволения на это не даю. У меня в Петербурге на это смотрят так (государь взглянул сквозь пальцы). Впрочем, опыт удостоверил, что тут зла никакого нет. Это совершенно от вас зависит». И ложа была открыта под фирмою «Тройственный рог изобилия» (из трех рогов составлялась буква А). Я был приглашаем ко вступлению в нее, но отказался, более по той причине, что имел случай видеть вблизи все ничтожество лиц, по масонерии значительных.

После 30-го уже августа графиня Орлова дала бал. Она была убеждена, что государь будет у нее ужинать, и некоторым уже объявила о том за тайну. Великолепно накрытый стол под померанцевыми деревьями свидетельствовал, что она верила этому особенному своему счастию, особенному потому, что государь никогда нигде не ужинал. И в этот раз он не намерен был остаться; поэтому предварил Тормасова, чтобы во время мазурки экипаж его был у подъезда. Тормасов сообщил тайну одному мне и велел внимательно следить за движениями его величества. Государь настоятельно убедил Милорадовича[142] протанцевать мазурку vis-á-vis * с великим князем Николаем Павловичем. Круг составился в шесть пар. Великий князь начинал и как кончил очень скромно свой тур, Милорадович выступил со всеми ухватками молодого поляка. Круг зрителей стеснился, особенно дамы и девицы тянулись на цыпочках видеть па, выделываемые графом Милорадовичем. В это время государь обвел взором своим весь круг и заметя, что на него никто не смотрит, сделал шаг назад, быстро свел двух флигель-адъютантов, стоявших за ним, перед себя и, повернувшись, большими скорыми шагами незаметно вышел из зала. Я тотчас тронул Тормасова, который тоже глядел на предмет всеобщего

* напротив, друг против друга (франц.).

внимания, и мы вдвоем едва успели, следя за государем, проводить его к коляске. Милорадович отплясал, и тогда только заметили, что государя уже нет. Удивление и шепот были общие. Хозяйка и Милорадович заметно были сконфужены. Уезжая домой, Тормасов сказал мне: «Порядочным же шутом выставился Милорадович».

— Что же ему прикажете делать, — заметил я, — после столь сильного убеждения государя!

— Лета давали ему возможность отклонить убеждение, — сказал Тормасов.

Москва об этом поговорила, и тем все кончилось.

Графу Тормасову самому хотелось угостить государя, но на приглашение государь отвечал: «Я готов у тебя быть, но запросто, чтобы, кроме *моих* и *твоих*, никого не было». Таким образом я удостоился быть за одним столом с государем в числе шестнадцати особ.

Великий князь отправился прежде этого в южные провинции; в тогдашнее путешествие его по России его высочеству минуло 20 лет.

Пред самым отбытием государя в московском Сенате случилась неприятность. По одному тяжебному делу перемешали в департаменте голоса, и государь повелел обер-секретаря Руссова предать строжайшему суду[143].

Несмотря на это, однако же, оставляя Москву, государь изъявил Тормасову полное свое удовольствие и благодарность, обещая посетить и на будущий год.

В чиновничьем мире бывает нередко странное проявление: кто упал, особливо с некоторой высоты, к тому вместо сострадания возбуждается в других какой-то род ненависти; его стараются попридавить и из него повыдавить. Так случилось и с Руссовым: в уголовной палате его приговорили к лишению чинов и ссылке на поселение. Рассмотрев дело, я увидел, что это было сделано с вопиющею натяжкою. Его осудили более за неподатливость и резкие ответы, так, что палата оказалась и претендателем и судьей. Я все это объяснил в докладной записке, и граф Тормасов представил Сенату, что, не соглашаясь с решением, полагает Руссова отставить и впредь к подобным должностям не определять. Дело было тотчас же отослано в Сенат. Чрез два дня при выходе из канцелярии с портфелем я встретил человека с Владимирским крестом, в почтительном ожидании.—«Что вам угодно?» Чиновник отвечал: «Судьба моя у вас в руках. Я —

Руссов». — «Ошибаетесь, судьба ваша в руках правительствующего Сената». Руссов побледнел как полотно. «Успокойтесь, — сказал я ему, — подите, справьтесь, и вы будете, надеюсь, вполне довольны». Чрез два года потом я встретился с ним в С.-Петербурге в доме князя Одоевского, отца известного поэта[144], и не узнал его, но он бросился ко мне на шею с восклицанием «избавитель мой!» и насказал мне, ничего уже не значившему, много отрадного.

VI

Срытие в Кремле собора Николы Голстунского и постройка экзерциргауза. — Отношение к Штейнгейлю московского общества. — Прибытие в Москву императора Александра в 1817 году. — Интриги Шульгина. — Увольнение Штейнгейля от службы при Тормасове. — Комитет об отмене кнута. — Н. Н. Новосильцев. — Отношения Штейнгейля к Аракчееву. — Записки Штейнгейля по законодательным вопросам. — «Биография графа Тормасова». — Немилость к Штейнгейлю императора Александра Павловича. — Частные занятия Штейнгейля в Туле, Астрахани и Москве*

По отбытии государя мы с новою горячностию принялись за окончательное обновление Кремля и устройство Москвы. На кремлевской площади оставался старый собор, называемый «Николы Голстунского», похожий на «Спаса на Бору»[145], также вросший в землю. Его по почтительной древности предположено было обнести благовидною галереею по примеру домика Петра Великого; но полученное известие, что с государем прибудет и прусский король, подало мысль: собор сломать, а площадь очистить для парадов. Граф послал меня переговорить об этом важном предмете с Августином. Преосвященный в полном значении слова вспылил, наговорил опрометчиво тьму оскорбительных для графа выражений; но, как со всеми вспыльчивыми бывает, постепенно стих и решил так: «Скажите графу, что я согласен, но только с тем, чтобы он дал мне честное слово, что, приступив к ломке по наступлении ночи, к утру не только сломают, но очистят и разровняют все место так, чтобы знака не оставалось, где был собор. Я знаю Москву: начни ломать обыкновенным образом, толков не оберешься. Надо удивить неожиданностию, и все замолчат. Между тем я сделаю

* в печ. тексте: Тамбове.

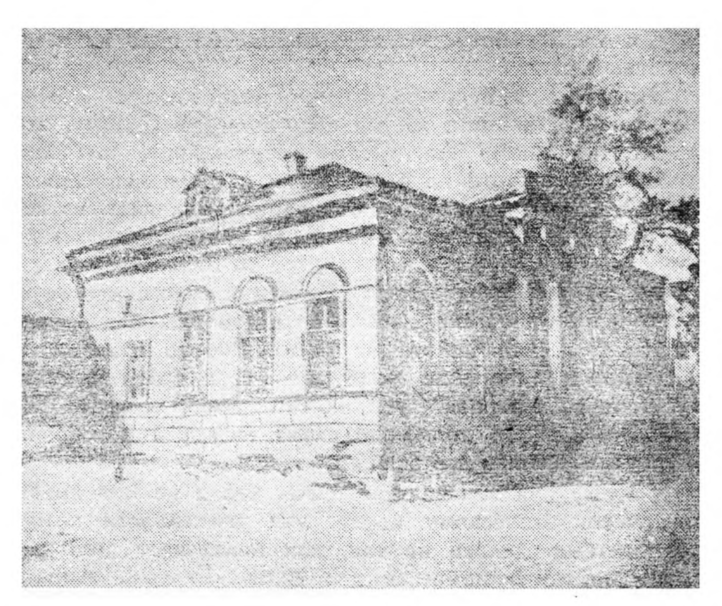
процессию: торжественно перенесу всю утварь во вновь отделанную церковь под колокольней Ивана Великого и вместе с тем освящу ее».

Довольный таким результатом переговоров, граф сказал: «О, что до этого, я наряжу целый полк: он может быть уверен, что за ночь не останется ни камешка». При первом свидании с преосвященным граф выразил ему особую благодарность. Преосвященный понял, что я был скромен и не все передал графу, и с этой поры стал оказывать мне особенное внимание, говоря другим: «Это честный человек». Голстунский собор действительно исчез в одну ночь. Этому не менее дивились, как и созданию в 6 месяцев гигантского экзерцргауза[146] со стропилами, поддерживающими потолок в 23 сажени шириною.

Тут вся честь принадлежала двум инженер-генералам: Бетанкуру и Карбоньеру[147].

В этой, можно сказать, изумительной деятельности я получил значительную известность и уважение. Генерал-адъютант — и что главное — человек высоких достоинств граф Павел Алекс[андрович] Строганов и супруга его Софья Владимировна, друг императрицы Елизаветы Алексеевны[148], удостоивали писать ко мне, высококлассные личности Москвы первые протягивали мне руку. Но всего замечательнее было частое сношение с А. И. Нейдгардтом[149], который был дежурным штаб-офицером 6-го корпуса и очень часто посещал канцелярию военного генерал-губернатора. Всякий раз в этих случаях, подходя с необыкновенными комплиментами, он просил извинить его, что отвлекает меня от дела, беспокоя своими посещениями. Мог ли я, в упоении тогдашней своей значительности, вообразить, что этот так сладко приветливый господин есть будущий главнокомандующий Кавказского корпуса, а чествуемый я — государственный колодник! И я не готовился на черный день; не запасался ни покровительством сильных, ни материальными средствами. По чувствам, какие природа вложила в грудь мою и какие таятся еще после столь сильного затушения, я не мог входить ни в какие низкие сделки [с] людьми мелкодушными. Мне говорили, что Шульгин хвалится «сшибить меня», — я пренебрег, и как пал!

В 1817 году государь прибыл в Москву уже с большою свитою, предварив приезд прусского короля[150]. Шуль-

ДОМ В МОСКВЕ, В КОТОРОМ ЖИЛ В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЬ
В 1816—1819 гг.
Гагаринский пер. (ныне ул. Рылеева, 15)

гин, размещавший по квартирам свиту, всем, кому только мог и имел случай говорить, рассказывал, что «не Тормасов в Москве генерал-губернатор, а барон Штейнгейль, который сел на него верхом и делает черт знает что!» Эта тривиальная, столь неопределительная фраза была первым подкопом. Все хотели видеть, что это за Штейнгейль, против которого так кричит обер-полицеймейстер; очень понятно, что это принято за «недаром». Обыкновенно, тот кажется правым, чей крик ближе к ушам нашим. Я действительно был противен Шульгину потому, что для ограждения городских тогда очень скудных доходов мешал его выгодам от фуража для пожарной команды, ремонта лошадей и т. п. Чтобы ясно видеть, между прочим, значение Шульгина у Тормасова, приведу следующий случай.

Государь, проезжая вечером мимо Тверского бульвара, заметил, что в числе работающих арестантов находился один без рубашки, и потому изволил заметить Торма-

сову, что «на работу посылать можно, но надо же и человечество помнить».

Это было в суровую осень. Граф, передав это мне, сказал: «Так напиши же ты обер-полицеймейстеру, чтобы сделал тюремному смотрителю строжайший выговор и чтобы впредь этого не было». Так и было написано. Через неделю в одно утро по окончании доклада граф подал мне бумагу, говоря: «на, братец, да напиши ты этому дураку, что нельзя же нам государя-то отдавать под следствие». Бумага была рапорт Шульгина о том, что он произвел строжайшее следствие о том, кто был без рубашки, и оказалось, что никого не было. Вместо сознания это последнее предписание возбудило еще более ненависть Шульгина; интрига усилилась; говор чрез князя П. М. Волконского дошел до слуха государя и невозвратно погубил меня в его мнении.

К этому нужно еще прибавить, что я не мог нравиться аристократическому кругу, для угодливости которого надо нередко делать не так, как повелевает долг и совесть. Довольно привести два факта. Генерал Апраксин сам забегал ко мне и оставил карточку. На другой день поступила от него просьба, чтобы законфисковать весь пригнанный по реке Москве лес у лесного торговца, который, вероятно, поссорился с его управляющим. Граф Тормасов тотчас увидал, что это значило бы отстраивающуюся Москву лишить главного материала, и отказал.

Один из самых значительных сенаторов того времени Алябьев самою лестною манерою завлек меня в свое знакомство, и что же? Чрез несколько времени я получил письмо: сенатор просит обратить особое внимание на подсудимого, которого дело из уголовной палаты поступило к генерал-губернатору. Я сам рассмотрел это дело и убедился, что клиент его высокопревосходительства — отъявленный мошенник; с этого времени, разумеется, нога моя не была у Алябьева. Так знакомство мое в высшем кругу ограничивалось Иваном Ивановичем Дмитриевым, известным поэтом и бывшим министром юстиции; сенатором Львовым, бывшим адъютантом князя Таврического и графинею Бролио[151].

Инженер-генерал Карбоньер, удостоивавший меня своею дружбою, не принадлежал к аристократическому кругу; он был слишком дельным для этого. Итак, не удивительно, что наконец достигли того, что и самого графа

Тормасова вооружили против его усердного работника, уверив, что тот выдает себя везде за factotum'а.

Заметив перемену, я тотчас же просил увольнения, «с состоянием по кавалерии», и получил его немедленно.

Сдав канцелярию в три дня в полной исправности, я написал письмо к графу Тормасову, которое начинается так: «Сиятельнейший граф! — справедливо ли со мною поступлено, да судит бог сердцеведец; я управлял делами канцелярии рукою непогрешительною и если погрешил, то одним только, что при настоящем присутствии государя не успел отдать справедливости моим сотрудникам и потому, зная вашу правоту, представляю список с означением, по совести, способностей каждого и кто чего достоин».

Всем исходатайствованы награды без малейшей отмены.

После этого я старался не встречаться с графом, хотя являлся в благородном собрании с открытыми на всех глазами.

Я не остался и без дела: занялся сочинением *Опыта о времясчислении*, написал *Рассуждение о наказаниях*, узнав о тайном комитете, составленном с целью трактовать об отмене кнута[152]. Это — факт не многим известный и между тем очень интересный. Председателем комитета был граф Аракчеев, человек, ославившийся своею жестокостью; первым по нем членом — министр юстиции князь Лобанов-Ростовский, некогда славный полковник, державшийся строго правила «девять забей—десятого поставь». Затем граф Тормасов, Н. Н. Новосильцев[153], А. Н. Голицын, сенатор Плотников (известный в Москве под прозванием «Плохандрос», но он женат был на Архаровой)[154] и председатель комиссии строений князь Цицианов. Правителем дел назначен Марченко[155].

Предложили два вопроса: 1) можно ли отменить кнут? и 2) чем заменить его в таком случае? При отрицательном решении 1-го вопроса 2-й сам собою уничтожился. Предложили 3-й, что же бы такое сделать, чтобы удовлетворить желание государя, «чем-либо в этом роде ознаменовать посещение им Москвы»; придумали отменить рвание ноздрей как меру предупреждения побегов, которая при существовании этапов и внутренней стражи оказывается ненужною. В этом смысле написан доклад, высочайше утвержден и указ дан Сенату. Только что он вышел, в московской уголовной палате готовилось осуждение

преступника к торговой казни. Секретарь, соображая, что при определении наказания кнутом всегда упоминалось «с постановлением знаков», и находя эту меру также только предохранительною, как и рвание ноздрей, обратился с вопросом к присутствию: клеймить или не клеймить? Присутствие затруднилось, послали за прокурором; прокурор также не решился отвечать положительно; созвали на совет всех председателей, признали необходимым остановиться приговором и представить вопрос на разрешение правительствующего Сената. Сенат разрешил: по справке, как в указе сказано только об одной отмене рвания ноздрей, то и продолжать клеймить.

Таким образом, самое благодушное намерение государя, которого исполнение было бы лучшим памятником его царствования, не только обратилось в ничто, но даже не помешало совершенно противному проявлению впоследствии.

Между тем, узнав от Новосильцева, в чем секрет, я написал *«о наказаниях вообще»*, и это чрез него было поднесено государю и после в канцелярию графа Аракчеева с надписью «читал». Из этой пьесы проявилось после только: эшафот, телега и священник, но совсем не в том виде.

При этом случае Новосильцев просил государя отдать ему меня, как человека со способностями, для дела, ему порученного, а именно: *приспособления английских институций к России*. Государь сказал: «Да, знаю, у тебя один Байков 12 тысяч берет за то, что хорошо шампанское пьет; но Штейнгейля взять тебе будет неловко: он только что расстался с неудовольствием с графом Тормасовым».

В конце следующего 1818 года в Петербурге я был обнадежен графом Аракчеевым, что он возьмет меня к себе, и потому я должен был переехать из Москвы. В то же время по поводу записки о наказаниях я написал *о законах, касающихся до гражданственности в России*[156]. Вывод был тот, что если бы в звании простого гражданина родился человек с самыми честнейшими наклонностями, то нехотя разочтет, что лучше быть бездельником. Эта пьеса была поднесена графу Аракчееву и породила в нем холодность. В октябре месяце он возвратил ее при следующей записке: «Граф Аракчеев благодарит барона Штейнгейля за доставленные ему бумаги, которые при

сем возвращает по ненадобию в оных. 19-го октября 1819 года».

Тогда же я написал *рассуждение о законах, относящихся до богохульства*[157]. Повод был замечательный — в бытность мою еще правителем канцелярии; на Рогожской улице в Москве мещанин, придерживающийся раскола, встретился с дьячком, и оба в подгуле. «Эк! ты нализался, — сказал последний,— вот ужо-те Дмитрий-то Ростовский!»[158] — «Убирайся ты, с своим...». Дьячок не вынес, нанес заушение, ответ был такой же; на драку явился квартальный, и отсюда преступление первой степени! Уголовная палата осудила высечь кнутом и сослать вечно в каторгу. А раскольник-то был бедный отец пятерых детей.

При докладе граф Тормасов ужаснулся, признав такое решение жестоким, и решился доложить государю. Государь был того же мнения, но присовокупил: «Это обстоятельство щекотливое; надо бы узнать, как думает об этом Августин». Граф, передавая это мне, прибавил: «Поезжай же ты к своему *приятелю* и потолкуй с ним»; он всегда шутил над знакомством моим с преосвященным. Августин тоже содрогнулся и велел сказать графу: «Пусть пришлют его к нам на покаяние, мы его исправим». Когда я уже выходил от него, преосвященный вскричал вслед: «Постойте, постойте, Владимир Иванович, вот еще что скажите графу: я такой веры, что если бы сам святитель был в живых, он первый был бы ходатаем за этого несчастного». На другой же день было доложено государю и объявлено высочайшее повеление Сенату: освободить от наказания, предав духовному покаянию.

Рассуждение это было написано с полною энергиею с целью убеждения, что существующий закон, от которого содрогнулась рука, долженствовавшая утвердить приговор, отвратный сердцу монарха и не одобряемый духовною властью, не имеет и тени христианской мысли в основании. Оно было через Тургенева доставлено князю Голицыну — тогда министру духовных дел, и, как все возникающее снизу, осталось без внимания, тем более что истина представлялась от человека опального, а в логике Нафанаила сказано: «От Назарета может ли что добро быти?»

В 1819 году скончался граф Тормасов; я напечатал в

журнале «Сын Отечества» его биографию, которая после внесена в «Жизнь российских полководцев» и в которой, не прибегая к постыдной и низкой лести, я отдал полную справедливость благородному характеру графа[159].

Между тем как в Петербурге граф Аракчеев повторял мне: «потерпите, потерпите», директор департамента министерства финансов Дружинин предложил мне занять место директора Варшавской таможни по новому, только что вышедшему положению. Я отвечал: «Что же вы хотите, чтобы государь принял это за явное доказательство наклонности к корыстолюбию?» — «О, нет,— отвечал Дружинин,— это управление будет состоять под непосредственным наблюдением цесаревича, и потому предполагается, что никто с мыслями корысти не решится вступить в эту должность». Я согласился, мы поехали к министру, графу Гурьеву. Граф обласкал как нельзя более и требовал только, чтобы я вышел из военной службы, говоря: «Я бы сам подал доклад, но государь не желает, чтобы мы брали военных прямо». По этому поводу я вышел в отставку для определения к статским делам. По настоянию министра о поспешении я уже готов был ехать в Варшаву, как вдруг государь назначил на это место Бибикова. На похвальный отзыв обо мне министра государь сказал: «Я в нем отказал Новосильцеву, позволь и тебе отказать». Тогда я обратился к князю Голицыну и просил его предстательства о том, чтобы государь оказал милость, повелев объявить мне мою вину и принять от меня оправдание. В этом смысле с согласия князя я сам написал к государю чрез статс-секретаря Кикина письмо[160], которое оканчивалось следующими словами:

«Государь! благочестивейшие предки Вашего величества имели обычай на святую Пасху отпускать вины самым злейшим преступникам; неужели вы, государь, коего свет прославляет христианские добродетели и человеколюбие, в сии святые и великие дни откажете в одной справедливости невинному и не восхотите в мнении вашем возвратить доброе имя тому, который был и умрет честным и ревностным Вашего императорского величества верноподданным».

В великую пятницу, когда князь Голицын, кончив доклад, заговорил обо мне, государь прервал его и выразился так: «А кстати, он ко мне пишет, вот его письмо,

призови его к себе и скажи ему, что напрасно он тебя цитует: не твое дело входить в посредство, это не по твоей части, до тебя не касается, и что, впрочем, я сам лучше тебя его знаю». Князь, передавая эти слова, присовокупил: «Крайне жаль, но должен вам сказать, что вы так очернены в мнении государя, что мой вам совет о службе и не помышлять».

Не только я поражен был таким результатом, но и любящий меня г. Карбоньер — не менее. По его участию я принужден был принять управление частным винокуренным заводом в Тульской губернии[161]. С делом я ознакомился тотчас, но отношение к казенной палате показалось невыносимо. Тогда операция винной продажи производилась от казны. Больше года я не мог пробыть; возвратясь в Москву, я получил приглашение от астраханского губернатора Попова «помочь ему» в отношениях его к генерал-губернатору Ермолову[162]; я поехал и тут познакомился со многими новыми предметами. В течение 8 месяцев я занимался делами у губернатора, написал представления: *об управлении калмыками, о рыболовной экспедиции, о тюленьей ловле.* Между прочим, с ужасом узнал, что армяне, имеющие права дворян, покупают на Макарьевской ярмарке крепостных людей и перепродают их, разбивая семейства, в рабство к трухменцам[163]. Я решился написать об этом прямо государю[164]. Впоследствии продажа людей без земли была строго воспрещена.

Увидя, что желание губернатора иметь меня сотрудником своим не могло через г. Ермолова осуществиться, я возвратился в Москву. Здесь по предварительно данному от университета дозволению на право завести пансион я было и приступил к этому; но тогдашний поставщик армии Варгин[165] предложил заняться его делами на очень выгодных для меня условиях, и я согласился.

VII

Знакомство с Рылеевым. — Кончина императора Александра Павловича. — Действия тайного общества. — Сношения Штейнгейля с Рылеевым. — Я. И. Ростовцев. — 14-е декабря. — Арест Штейнгейля.— Беседа с ним императора Николая. — Пребывание в Петропавловской крепости. — Допросы. — Граф Татищев и Кутузов. — Сентенция Верховного суда. — Заключение в Свартгольме. — Ссылка в Сибирь. — Милости императора Николая. — П. Д. Горчаков. — Генерал Анненков. — Коронация Александра II и освобождение Штейн-

гейля. — Письмо его к императору Александру II. — Приезд в Петербург и жизнь в нем

С 1823 года началась для меня роковая эпоха, именно когда вышел замечательный альманах «Полярная звезда». В первой книжке этого альманаха, между прочим, помещен был перевод Рылеева — сатиры Ювенала «На временщика». Очевидно, эта статья намекала на графа Аракчеева, а потому выходка оказалась очень смелою и сильно выставляла поэта переводчика [166]. Летом этого года надобно было мне по делам Варгина быть в Петербурге. В книжном магазине Слёнина, совершившего небывалое в России дело — покупку права на второе издание «Истории Государства Российского» Карамзина [167] за 75 тысяч, когда еще первое издание не разошлось, я спросил у Слёнина, бывает ли у него в магазине Рылеев; при утвердительном ответе он прибавил: «А он о вас недавно спрашивал, не будете ли вы сюда».— Это как? — и вдруг входит незнакомый человек, в котором Слёнин представляет мне Кондратия Федоровича Рылеева.

После первых взаимных приветствий я сказал ему: «Что мне было интересно узнать вас, это не должно вас удивлять, но чем я мог вас заинтересовать — отгадать не могу».— «Очень просто, я пишу «Войнаровского», сцена близ Якутска, а как вы были там, то мне хотелось попросить вас прослушать то место поэмы и сказать, нет ли погрешностей против местности».

Я отвечал «с удовольствием», и тотчас же Рылеев пригласил к себе на вечер и совершенно обворожил меня собою, так что мы расстались друзьями.

На другой год, приехав в Петербург, я остановился в доме Российско-Американской компании в квартире директора Прокофьева и нашел Рылеева правителем дел компании. Это еще более нас сблизило, особенно когда надобно было заняться делом директоров Крамера и Северина, чуть было не доведших компанию до банкротства [168].

Однажды Рылеев пригласил меня с ним отобедать в гостинице под фирмою «Лондон» на балконе, который по удалению от сообщества он называл Америкою [169].

Обедали вдвоем, вскоре от компанейских дел перешли к общему тогдашнему ходу вещей в государстве. Перебирая случаи неурядицы и злоупотреблений, я первый

с экстазом произнес: «И никто этого не видит; неужели нет людей, которых бы интересовало общее благо!» Рылеев привскочил, схватил меня за руку и с самым энергическим взглядом, удушливо сказал: «Есть люди! Целое общество! Хочешь ли быть в числе их?» Меня обдало холодом, я тотчас же почувствовал, что поступил опрометчиво, и однако же, не медля нимало, отвечал: «Любезный друг, я уже не мальчик, мне 42-й год; прежде чем отвечать на этот вопрос, мне нужно знать, что это за люди, какая цель общества; апрантивом* мне быть уже не прилично». — «Я не могу теперь сказать тебе, — отвечал Рылеев, — но поговорю с директорами и тогда скажу». На этом пресекся разговор и не возобновлялся до самого отъезда моего. При прощании Рылеев сказал: «Директора наши в Красном Селе, я не успел ни с кем видеться, а вот тебе письмо к моему другу Ивану Ивановичу Пущину, тебе будет приятно познакомиться с ним, и он тебе все откроет». И действительно, познакомиться с Пущиным было для меня чрезвычайно приятно, но об обществе я узнал только, что оно образовалось с целью действовать против злоупотреблений и невежества и что они с Рылеевым с этой целью оставили военную службу и служили в С.-Петербургской уголовной палате волонтерами для научения порядка дел, и с этою же целью он теперь надворный судья[170]. Что касается до общества, оно разделилось на два: Северное и Южное, по разногласию, и на этот раз в совершенном бездействии. Более я и не любопытствовал.

В следующем (1825) году я привез в Петербург трех сыновей для определения двух (Ростислава и Николая) в пансион Муральта, а третьего (Всеволода) в Морской корпус. Окончив это, я готов уж был возвратиться в Москву, как вдруг 27-го ноября утром явился ко мне Рылеев, живший в нижнем этаже дома Российско-Американской компании, и объявил, что в 4 часа утра приехал курьер с известием, что государь опасно болен и едва ли жив, что весь синклит собирается в Александро-Невскую лавру для молебствия о здравии и что он поедет узнать, что будет.

В 11 часов он вошел ко мне в комнату со словами: «Ну, все кончено, государь не существует. Только что про-

---

* подмастерьем (от франц. apprenti), масонский термин.

К. Ф. РЫЛЕЕВ

Художник О. Кипренский (?). Начало 20-х годов XIX в.

пели херувимскую, начальник Гвардейского штаба Нейдгардт подошел к великому князю Николаю Павловичу, шепнул ему что-то на ухо, великий князь потихоньку вышел, и все за ним поехали во дворец. Теперь присягают Константину».

На другой же день, как скоро присяга огласилась совершенно, я написал жене: «Я хотел уже выезжать, но вдруг весть о кончине государя, и на престоле Константин. Ты знаешь мои отношения к людям, к нему близким, и потому не удивишься, что решился остаться»[171].

В этом вся причина погибели. Думал дождаться почестей — выждал лишение всего! Наступили 17 дней тайных обоюдных маневров. С одной стороны, под наружностию скорого ожидания прибытия нового императора распоряжения под рукою о готовности переменить присягу; с другой — все, что принадлежало к тайному обществу и дремало в совершенной апатии, вдруг встрепенулось и приняло за *motto**— «теперь или никогда».

Любопытство всех и каждого было напряжено в высшей степени. И как Рылеев имел обо всем точные сведения, то очень естественно, что я каждый день, поутру и ввечеру, заходил к нему с вопросом: «ну, что у вас делается?»

Из того, что слышал, я мог только заключить о брожении умов молодых людей между гвардейцами и о возгласах, без всякого положительного плана и обдуманности, и имел сильный повод заключить, что это одна болтовня, экстаз. Я никогда ни в каком совещании не был и ни с кем, кроме Рылеева и, в последний вечер, Ростовцева, ни слова не говорил и не мог говорить по той простой причине, что никого не знал[172]. В эти дни все казались единомышленниками. За обедом у директора Российско-Американской компании 12-го числа декабря, где присутствовали сенатор гр. Хвостов и между прочими Греч и Булгарин, что было говорено, того теперь, конечно, последние не сознают, после нападения на «злоумышленников»[173].

В эту суматоху я один только раз имел возможность поговорить с Рылеевым и тут высказал ему свое мнение, что в России республика невозможна, и революция с этим намерением будет гибельна; что в одной Москве 90 т[ысяч] одних дворовых, готовых взяться за ножи, и что первыми жертвами тогда будут их бабушки, тетушки и сестры. Если же непременно хотят перемены порядка, то лучше признать царствующею императрицею Елизавету Алексеевну, и подкрепил эту мысль всеми доводами, которых он не мог опровергнуть. Чтобы более его убедить в этой идее, я вызвался написать проект манифеста в этом смысле[174]. Все это осталось втуне. Рылеев так завлекся, что уже отступить назад не мог. Утром 13-го числа Ростовцев принес ему описание своего поступка

---

* девиз (лат.)

и сказал: «Делай со мною, что хочешь, я не мог иначе поступить»[175]. Рылеев был озлоблен на него чрезвычайно и при свидании со мною тотчас после его посещения передал мне о случившемся, показал записку Ростовцева и с сердцем проговорил: «Его надо убить для примера». Я постарался, однако же, его успокоить и упросил ничего против Ростовцева не предпринимать. «Ну, пусть его живет!» — сказал Рылеев с тоном более презрительным, нежели злобным. Сверх того, Рылеев рассказал мне, что Каховский по какому-то отчаянию вызвался быть режисидом* и что если прямо не присягнули Николаю Павловичу, то причиною тому Милорадович, который предупредил великого князя, что не отвечает за спокойствие столицы по той ненависти, какую к нему питает гвардия[176]. До Милорадовича не доходило ничего, о чем шпионы доносили тайной полиции; напротив, Рылеев был во всем предупреждаем. Кроме того, я был свидетелем, как капитан Репин давал отчет за Финляндский полк, что большая часть готовы действовать, но Моллер просил на его батальон не надеяться[177]. До самой ночи 13-го и даже поутру 14-го декабря нельзя было ожидать чего-либо. В крике Московского полка неслась по Гороховому проспекту буря — и площадь обагрилась кровью. Я был зрителем, как и многие; тут узнал, что Ростовцев, избитый прикладами, увезен домой; тотчас отправился к нему и был свидетелем посещения присланных от государя флигель-адъютанта и доктора.

Рылеев в тот же вечер был арестован. Я думал быть в совершенной безопасности; присягнул государю в церкви Вознесенья, 20 декабря выехал из Петербурга, 23-го был в Москве. 3-го января 1826 года ранним утром меня арестовали и 6-го в 5 часов утра привезли в Петербург прямо во дворец[178].

Здесь началось с того, что дежурный генерал-адъютант Чернышев оскорбил меня своею грубостию и угрозами[179]. Из другой комнаты, где заметно, что спал и только что одевался, он закричал скалозубовским басом: «Что вы там задумали! — мы все знаем. Отведите его в фельдъегерскую».

Трудно описать, до какой степени наглость эта возмутила дух мой. Меня перевели в большую комнату, где

* цареубийцей (от франц. régicide).

дежурный фельдъегерь побрякивал своими шпорами. Тут должен я был просидеть до 6-го часа вечера и съесть только ломтик белого хлеба с икрою. В 6 часов был представлен к допросу генерал-адъютанта Левашова[180] и потом удостоился видеть самого государя. «Штейнгейль, и ты тут?» — сказал он. «Я только был знаком с Рылеевым»,—отвечал я. «Как ты родня графу Штейнгейлю?»— «Племянник его, и ни мыслями, ни чувствами не участвовал в революционных замыслах; и мог ли участвовать, имея кучу детей!»[181] — «Дети ничего не значат,— прервал государь, — твои дети будут мои дети! Так ты знал о их замыслах?» — «Знал, государь, от Рылеева».— «Знал и не сказал — не стыдно ли?» — «Государь, я не мог и мысли допустить дать кому-нибудь право назвать меня подлецом!» — «А теперь как тебя назовут?» — спросил государь саркастически, гневным тоном. Я нерешительно взглянул в глаза государя и потупил взор. «Ну, прошу не прогневаться, ты видишь, что и мое положение не завидно», — сказал государь с ощутительною угрозою в голосе и повелел отвезти в крепость.

Одно воспоминание об этой минуте чрез столько лет приводит в трепет. «Твои дети будут мои дети» и это «прошу не прогневаться» — казались мне смертным приговором. С этой минуты я был уже не в нормальном положении. Здесь кстати рассказать замечательное явление в психологическом отношении.

Ввечеру на второй или третий день по заключении, ходя из угла в угол каземата с напряженным духом, я испытывал себя, в состоянии ли я умереть на эшафоте с полным присутствием духа, и проследил весь процесс. Казнив себя таким образом, я лег и заснул. Мне представилось во сне, что меня с прочими везут из-за Байкала на тройках, и по въезде на бугор Никольской пристани увидел я, что из первого дома ко мне бежит с распростертыми объятиями Загоскин, который, бросившись ко мне, вскричал: «Ты возвратился, друг любезный»[182].

Очень естественно, что сон этот я принял за следствие расстроенного воображения и, готовясь на смерть, решился недешево отдать свою жизнь. Эта мысль возродила дерзновенье.

Потребовав бумаги, на что дано было право, я написал государю в собственные руки очень обширное письмо, содержащее краткий, но резкий очерк минувшего цар-

ствования, с разделением его на три эпохи: филантропии, военную и мистицизма; тут, между прочим, я некоторым образом предсказал случившееся после в военном поселении[183].

В самых ответах моих я уже не соблюдал никакой осторожности; так, например, в дополнительном ответе, приведя все доказательства, что меня можно по справедливости обвинить в том только, *что, бывши неожиданно против воли депозитором* * *чужой тайны, не сделался доносчиком, каких всегда презирают даже те самые, в чью пользу доносят*, я заключил: «Вы, милостивые государи, которые должны произвесть надо мною суд по совести, приведите на память этой самой совести события 1801 года с 11-го на 12-е марта. Итак, были и будут вечно обстоятельства выше всех человеческих законов, постановлений и обязанностей»[184].

В других ответах, писанных против вопросных пунктов, сознаваясь, почему не был сторонником великого князя, написал такие вещи, которые показались слишком дерзновенными; был призван в комитет, и там последний, сидящий с левой стороны, член генерал-адъютант П. В. Кутузов закричал: «Как вы смели, милостивый государь, писать такие мерзости про государя?» — «Такого доброго, милосердного»,— присовокупил президент, военный министр Татищев, протяжно, жалостным тоном, как бы желая дать понять, зачем так раздражать против себя. Татищев знал, что мне известны обстоятельства, которых открытие могло бы быть очень ему неприятно. В другой раз, когда меня отвели в ближнюю комнату для очной ставки с Семеновым, Татищев вышел за мною и ласково убеждал не опасаться, уверяя, что всячески старается спасти меня[185]. Я взглянул на него с горькою недоверчивостью и действительно словам его нисколько не верил, имея прежде с ним некоторые столкновения. Что касается до Кутузова, восклицание его не могло не показаться мне бесстыдством: я знал, что этот теперешний судья возмутителей был некогда в сонме пьяных режисидов, а потому спокойно отвечал: «Я не имел ни малейшего намерения оскорблять государя; но вы сами требовали во всем полного и чистосердечного сознания, а потому я написал, что заставляло меня предпочтительно желать

* хранителем (от франц. dépositaire).

царствования Елизаветы Алексеевны». — «Так вы можете это переменить,—подхватил кротко Бенкендорф[186],— ведь нам надобно это присовокупить к делу». — «Очень охотно», — отвечал я. — «Ну, так мы пришлем вам переписанные вопросы, напишите те же ответы, выпустив все оскорбительное». — «Угодно, чтобы и о Елизавете Алексеевне не упоминать?» — «Нет, это можете оставить». Так и сделано.

Утверждаю с клятвою, что до самого объявления сентенции не знал и не воображал, что над нами есть суд. Когда Верховный суд отрядил членов для опроса содержащихся в крепости: 1) точно ли ответы подписаны собственною рукою каждого и 2) не имеют ли каких претензий, — приглашение от плац-адъютанта было сделано тою же фразою: «Сегодня пожалуйте в комитет».

Войдя, я увидел другую комнату, другие лица, но что это значило, не мог догадаться, имея хорошие понятия о судопроизводстве, даже и тогда, когда позвали *в комитет*, когда надо было выслушать пред целым сонмом Верховного суда, что осужден на 20 лет в каторжную работу. Точно так же был я поражен удивлением, когда вместо Сибири отвезли в Финляндию и засадили в крепость Свартгольм, взорванную потом (в Крымскую войну) англичанами.

Здесь меня ввели в 1[-й] № секретного дома; это был низкий каземат 8 шагов длины и 6 ширины, с двумя железными дверьми и маленьким окошком с железною решеткою. «Это ваше место», — проговорил черство офицер-смотритель и с шумом запер двери запорами и ключом. Это была самая ужаснейшая минута во всей жизни. Мне вообразилось, что тут определено умереть. Я упал перед окошечком на колени и молился на свет создателю света с таким чувством, с каким никогда не молился. Слезы текли ручьем, сердце облегчилось, я встал и в ту же минуту услышал, что двери темницы отворяются. Смотритель вошел и ласково просил извинения, что ничего не приготовлено, но все будет. С тем вместе спросил: «Не прикажете ли что? Нам велено пристойно содержать вас». Carcero duro* продолжалось до февраля месяца 1827 г. (с июня 1826 г.), до приезда генерал-губернатора Финляндии Закревского. Он приказал допускать

* Строгое заключение (лат.).

к общему обеду, к прогулке поодиночке и в баню. Положение облегчилось [187]. В июне того же года, заковав в железы, отправили в Сибирь с фельдъегерем. Генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский [188] велел садить привозимых в острог с убийцами и ворами. Преосвященный Михаил в один воскресный день нарочно служил в острожной церкви, чтобы подать слово утешения несчастным и благословить просфорою. Наконец все собраны были в Читу. Тут узнали об особенном внимании государя, оказанном назначением генерала Лепарского комендантом для наблюдения за государственными преступниками [189]. Это оказался человек и умный и благороднейший. По его представлению 30-го августа 1828 года сняты с ног кандалы. В 1830 году перешли пешком 100 верст в Петровский Завод и помещены в потемки вновь выстроенного собственно для нас каземата [190]. Лепарский исходатайствовал тотчас свет: прорубили окна. Здесь составили свои правила и жили, как в монастыре, занимаясь науками.

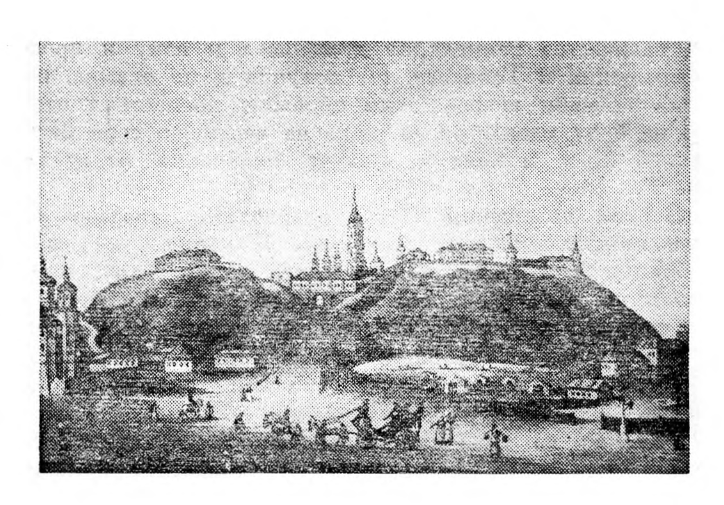
По истечении 10 лет, в 1836 году, меня перевели поселенцем в село Елань, в 67 верстах от Иркутска. Пораженный мыслию, что при первой болезни без помощи могу умереть, воспользовался разрешением писать собственноручно * и написал графу Бенкендорфу письмо, в котором просил его исходатайствовать у государя две милости, чтобы государь простил меня как человек человека, что это потребность души на час смертный, и чтобы повелел перевесть меня в г. Ишим для сближения с родными [192]. Чрез генерал-губернатора Сибири воспоследовало высочайшее соизволение.

В бытность в Ишиме оказана была новая высочайшая милость по письму моему к статс-секретарю Мордвинову определением последней дочери моей в московский Екатерининский институт пансионеркою государя [193]. Затем после бывшего в Ишиме пожара, в котором чуть не сгорел, перевели меня в г. Тобольск.

Новый губернатор Ладыженский, знавший меня по Москве, обласкал меня особенно и потом просил занять-

---

* До этого времени за ссыльных писали жены некоторых из них, жившие там, как, например, Трубецкая, Юшневская [191]; все письма с начала до самого возвращения в Петербург присылались через III Отделение собственной его величества канцелярии. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

ТОБОЛЬСК 30-Х ГОДОВ XIX В.
Гравюра Himely

ся преподаванием его малолетней дочери необходимых элементарных уроков. Когда в 1842 году возмутились в смежных уездах Пермской губернии крестьяне и начались неистовства, приводящие в содрогание, и даже произвели беспокойства и брожение умов в трех пограничных уездах, Ладыженский просил меня написать к народу остерегательную прокламацию народным, вразумительным языком и потом еще две кратких, но сильных. Они подействовали. Генерал-губернатору Западной Сибири князю П. Д. Горчакову не понравилось, что удержание спокойствия стали приписывать губернатору, и как прокламации были составлены мною, то он предписал отослать меня в г. Тару, сообщив графу Бенкендорфу, что Штейнгейль занимается редакциею бумаг у губернатора и потому имеет влияние на управление губернии, что он находит неприличным[194].

Пораженный при всем своем несчастии этим оскорблением со стороны сильного, я написал графу Бенкендорфу и неумеренно выставил, какие чувства могут быть внушаемы подобными нападками[195]. Чрез начальника штаба жандармов мне прямо сделано замечание и напоминание, чтобы впредь был осторожнее. По вступлении графа Орлова в управление III Отделением собственной

его величества канцелярии я написал к нему и просил возвращения в Тобольск. Не получив даже отзыва, повторил просьбу энергическим образом; последовал ответ, что не буду удовлетворен, пока не переменю свой беспокойный нрав и пока не получу одобрения от начальства[196].

В этом положении наехал ревизовать Западную Сибирь генерал-адъютант Анненков. Я написал к нему в Тобольск[197], и когда он проезжал через Тару, был у него и по поводу вопроса его о *причине* замеченной им *медленности по всем делам* написал ему полный и возможно удовлетворительный ответ. Хотя последствий по ответу никаких явно не было, но меня перевели в Тобольск.

Наконец за тяжкими и горестными событиями для России последовал благодатный мир и светлое коронование Александра II, а с ним и неожиданное, невоображаемое возвращение из 30-летней ссылки. Для немногих оставшихся в живых изгнанников радость полная, но и тут не без отравы.

Въезд в столицы запрещен!

Благородный сын, инспектор лицея, прислал тотчас же 300 руб. и приглашение ехать в Тверь, где назначил свидание. Сердце отца не могло размышлять. Старик 74 лет, несмотря на осень и беспутицу, воспользовался оказиею и решился быть спутником молодого гвардейского офицера, возвращавшегося в Петербург из отпуска[198]. Пред самым отъездом написал письмо государю, излил свои благодарные чувства, и, между прочим, со слезами пали на бумагу прямо из сердца следующие слова:

«Дозвольте видеть Москву. Сердцем и трудами я участвовал в воссоздании ее из пепла и в осушении слез у разоренных и бедных. Без укора совести, открытыми глазами, могу глядеть на отблеск ее золотых маковиц. В Москве я сердцем считал выстрелы, возвещавшие благодатное рождение ваше. В Москве прах моих детей и близких родных. Снимите прещение, которого источник, я это глубоко чувствую, не в божественной благости высокого духа Вашего.

В Петербурге жена, дети мои, все родные — и 30 тяжких лет разлуки.

Государь, отверзите только этой мысли высокое сердце ваше!»[199]

ВЯЧ. В. ШТЕЙНГЕЙЛЬ, СЫН В. В. ШТЕЙНГЕЙЛЯ
Литография

Институт русской литературы АН СССР
(Пушкинский дом). Публикуется впервые

Ответа не воспоследовало! До сих пор не позволяю себе думать, чтобы строки эти имели счастие быть прочтенными самим государем и не тронули его сердца.

Достигнув Москвы 24-го октября 1856 года, я остановился за заставою и написал к графу Закревскому пись-

мо о дозволении въехать и пробыть дня два в Москве для приготовления к отправлению по железной дороге в Тверь. Письмо возвращено с резолюциею: «Дозволяю въехать и пробыть два дня». Я употребил эти два дня на посещение митрополита и преосвященного Евгения. Первого знал с 1814 года еще архимандритом, второго пожелал видеть по славе, какую тот оставил о себе в Тобольске. С тем вместе поклонился праху бывшего моего начальника, так легко некогда меня предавшего, и подал поминание о душе его [200]. В Твери действительно встретил и прижал к сердцу двух сыновей, оставшихся из шести: один полковник и инспектор лицея, другой поручик л[ейб]-гв[ардии] Гатчинского полка. Между тем успел познакомиться с достопочтенным архимандритом Платоном, настоятелем Желтикова Успенского монастыря, где почивают мощи св. Арсения, архиепископа Тверского [201].

Дети перевезли меня для ожидания разрешения на выезд в С.-Петербург в Колпино, где оставался до 27-го ноября, пока по ходатайству попечителя лицея его императорского высочества принца Ольденбургского не последовало высочайшее соизволение жить с семейством. Замечательно, что въехал в С.-Петербург в тот самый день, с которого за 32 года начались мое несчастие и страданья, т. е. в который получено было известие о кончине государя Александра I.

Въехав в столицу, прямо от заставы поспешил к могиле своего друга адмирала Рикорда [202] и сотворил поклонение мощам св. Александра Невского. На другой день помолился чудотворной иконе нерукотворенного спасителя в домике Петра Великого. На третий поспешил поклониться праху блаженной памяти государя Николая I; сердце сжалось, обильные слезы с тихим рыданием облегчили грудь; казалось, и из гроба повторил государь: «Давно простил тебя!» [203].

Все это не помешало, однако же, начальнику III Отделения (князю Долгорукову) счесть нужным призвать к себе 74-летнего старца и пристращать его нотациею, чтобы вел себя осторожнее [204]. Старик сообразовался с тою ролью, которую на него этим фактом налагали еще раз; не высказал ни малейшего признака оскорбления, но не мог не почувствовать полного сожаления...

Вскоре нашли, что неприлично и неуместно жить мне

в лицее. Сват мой, вице-адмирал Анжу[205], приютил меня на своей квартире.

Итак, я снова попал в положение, столь же странное, как и тяжкое, тяжкое до того, что едва ли не тяжелее ссылочного. Одно, что мирит с ним, это мысль, что господу не угодно в этом мире вполне облегчить несомый крест.

Это требует пояснения.

Вызванным из Сибири, как из гроба, нам сказано только «грядите вон», но не прибавлено «разрешить им узы». Возвращено достоинство родовое, но с ограничением свободы, с оставлением признака кары, отвержения и напоминания для всех и каждого: «это был преступник». Всему должен быть предел, даже ненависти и мщению. Провидение как бы нарочно оставило немногих зажиться в страдании, чтобы вызвать проявление христианского полного примирения и прощения; вместо того, что проявилось: лицо, приговоренное Верховным судом, каков бы суд этот ни был, к лишению живота, не послушавшее ни правительства, ни закона, оставшееся спокойно за границею (Тургенев), получило все почести[206], а те, которые были во власти и страдали 30 лет, признаны не стоящими этого возвращения и все-таки опасными, потому что по сие время находятся под присмотром полиции[207].

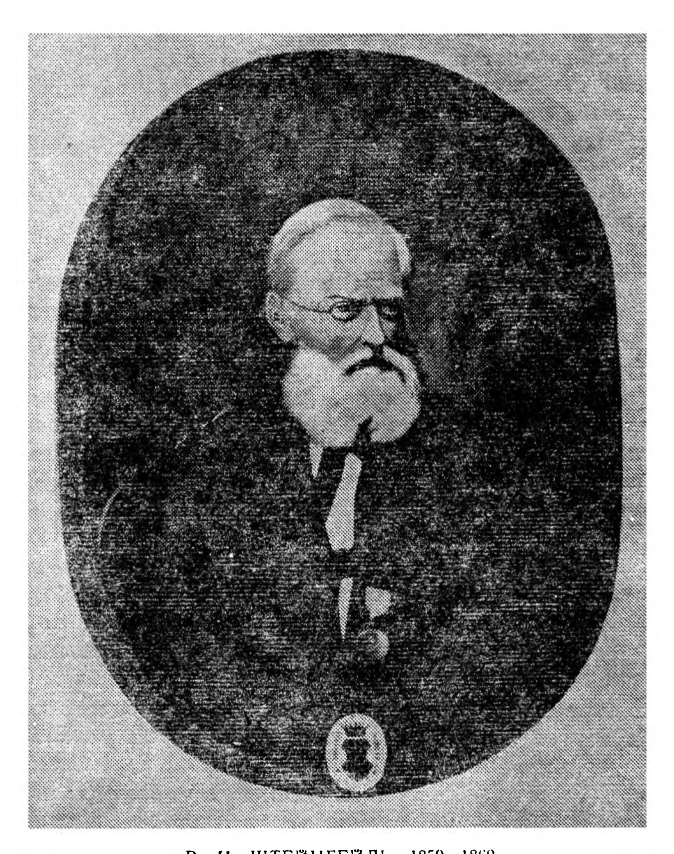
ЗАПИСКИ О ВОССТАНИИ

> Мы немощни, вы же крепцы; вы славни, мы же безчестни! Гоними, терпим... Яко же отреби миру быхом (Коринф., глава 4, ст. 10, 12, 13)

Мореплаватель, отчужденный от всего близкого сердцу, долго переносит бури, долго борется с волнами, долго питается надеждою возвращения и вдруг видит себя затертым в льдяные громады, холодно возвещающие смерть! Тогда он хватает лоскут бумаги, пишет несколько слов, вверяет их пустой хрупкой бутылке, кидает наудачу в море — и гибнет с последнею отрадною мыслию: «узнают, как мы погибли!» Кто с благородною душою будет столь жестокосерд, чтобы в этой отрадной мысли отказать погибающим в «житейском море, воздвигаемом

напастей бурею»?![1] Кто осудит страдальцев, если бросят наудачу несколько слов в океан времени, с последнею надеждою: «авось перехватят внуки!» Доверенность к лучшим качествам людей ответила отрицательно на эти вопросы и поощрила не уносить в могилу нераскрытой истины. Но прежде чем увлечься одобрением, мы сделали себе вопрос: событие, погубившее нас, стоит ли раскрытия в нем стороны, задернутой обвинителями, и можем ли мы это предпринять с уверенностию, что устоим против соблазна приправлять истину желчью? Вот наш ответ: если в отвратительном эпизоде из царствования Екатерины Великой, известном под именем «Пугачевщины», первый русский поэт нашего времени отыскивал истину и выдал из-под своего пера отдельную историю о сущем злодее, с сожалением, что не мог проникнуть в запечатанное дело о нем[2], то катастрофа 1825 года, которая, изумив Россию и всю Европу, погубила многих,— по сознанию самих преследователей — лучшей участи достойных людей, и вместе с тем заставила правительство энергически взяться за дело государственного благоустройства, конечно, заслуживает, чтобы дойти до потомства в полном свете, при котором можно б было рассмотреть истину. Кто не сожалеет теперь о таинственностях в явлении самозванцев, в низложении и страдании митрополита Арсения, в замыслах Мировича[3] и во многих других случаях, раскрываемых в нашей истории иностранцами, может быть не всегда верно и уж, конечно, односторонне!

Много лет пролетело уже с того незапамятного времени, много важнейших событий совершилось на сцене политического мира; идеи изменились, девятнадцатый век охарактеризовался. Во всем прогресс — в открытиях, в усовершенствованиях, в сближениях народов. Пред стремлением к общению, к братству, к общему миру — исчезает время и расстояние. При этих разительных проявлениях, тогда как после многих потрясений и переворотов в политическом мире никто не смеет еще верить в прочность настоящего, Россия стояла и стоит неколеблемо, возвышая гордое чело над всеми превратностями, с полным убеждением, что всегда, во всем и всюду пребудет торжествующею. Государь ее внушил общее уважение и доверенность к своему твердому характеру: его чтят и боятся. Это Агамемнон[4] в сонме державных! В

В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЬ. 1859—1862

Фото с портрета, принадлежавшего его сыну А. В. Баронову

это время допустить поползновение запятнать славу, кинуть тень на блеск царствования было бы мыслию пигмейскою, жалкою, презрения достойною, мыслию, которая была бы недостойна креста, столь долговременно несомого с благоговением. Кто здравомыслящий не знает, что в смутных и внезапных обстоятельствах люди не имеют времени обдумывать своих поступков и действуют по первым впечатлениям, по исключительному влечению — одним торжеством над противниками доказать свою правоту. Всякий взаимный упрек в этом был бы

несправедливостию, незнанием природы человеческой. Так размышляя, мы можем и смеем добросовестно, без всякого намеренного оскорбления, представить в настоящем свете то событие, от которого одни лишились поносно жизни, другие сделались живыми — мертвецами для отечества; а они думали любить его более других! Заблуждались — нет спора; но судьба их достойна, по крайней мере, любопытства, участия, сострадания. И вот бросаем цидулку в океан будущности.

Прежде чем приступим к повествованию о декабрьской катастрофе 1825 года, взглянем несколько назад.

Не будем говорить о существовании в России тайного общества; о нем есть уже обосторонние рассказы. Начнем прямо с обстоятельства, непосредственно касающегося до нашего предмета, обстоятельства, породившего те семнадцать дней, которые в Петербурге последовали за известием о кончине Александра I и могут по сущей истине называться в истории dies nefasti*. Когда цесаревич Константин, влюбившись в дочь польского шамбеляна Констанцию Грудзинску, впоследствии княгиню Лович, просил у императора дозволения на брак с нею, издан был закон, которым дети, происходящие от морганатического брака члена императорской фамилии, лишаются всех прав, присвоенных законным детям[5].

Нельзя не остановиться на странности этого презрения к неровным бракам в династии, которой родоначальник, или выдаваемый за родоначальника, был женат на *барской барышне*, дочери дворянина землепашца; но эта бедняжка-счастливица произвела на свет *мудрого* Алексия. И когда в свою очередь этот Алексий женился на бедной сиротке, и та родила беспримерного из царей — гениального Петра; наконец, когда в самом Петре приписывают то величию, что женился на неизвестной женщине или девице — не решено, и не только женился, оставил ее обладательницею империи!..[6] Но не одна эта странность показала, что противоречие в понятиях и действиях неразлучно с человеческим родом. Вслед за изданием упомянутого закона дано было на испрашиваемый брак соизволение императора и огорченной императрицы-матери, с условием отказаться от права на престол. Пылкий Константин согласился и в 1823 году в бытность в Петер-

* злосчастными днями (лат.).

бурге подписал отречение *. Что он это сделал не совсем охотно, догадывались потому, что 1-го июля, быв на бале у вел. кн. Николая Павловича, он внезапно скрылся и в ту же ночь уехал в Варшаву. Для высшего круга и даже для Английского клуба в Москве это не было тайною. Потихоньку толковали немало. Кстати упомянуть об одном рассказе покойного профессора Мерзлякова для доказательства, собственно, как могут ошибаться самые приближенные к тем лицам, которых Провидение избирает орудием своих определений. Когда разнесся этот слух по Москве, — говорил Алексей Федорович, — случилось у меня быть Жуковскому; я его спросил: «Скажи, пожалуй, ты близкий человек — чего нам ждать от этой перемены?» — «Суди сам, — отвечал Василий Андреевич, — я никогда не видал книги в руках; единственное занятие — фрунт и солдаты» [7]. Вообще в это время вел. князь не имел приверженцев. Строгая справедливость, которую ставим себе в закон, сколько она доступна человеку, велит сказать, что нельзя ни укорять, ни винить в этом вел. князя. Покойный государь Александр был подозрителен, имея тоже к тому сильный повод. Приобресть любовь, особливо войск, было бы со стороны в[ел.] князя более, нежели политическою ошибкою.

Чтобы факт отречения цесаревича облечь в законную форму, тогда же составлен в тайне манифест о престолонаследии, на случай смерти императора. К нему присоединены подлинное письмо цесаревича, которым просил дозволения отказаться от своих прав, в пользу брата, и копия с ответа императора, изъявляющего на то высочайшее согласие. Все эти документы в запечатанном конверте положены в Государственном совете, а другой экземпляр в Московском Успенском соборе, с повелением вскрыть по смерти [8].

Заметим мимоходом, что с этого события начались разные происшествия, которые причиняли особенную ажитацию в умах. Ссылка Лабзина, победа Фотия над Библейским обществом, дуэль Чернова с Новосильцовым и в особенном великолепии похороны первого — ответ оскорбленного плебеизма [9]; затем ужасное наводне-

---

* Это отречение — сколок с отречения Петра III. Можно бы было, конечно, составить свое, без унижения себя перед светом. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

ние, которое напоминало бывшее в год рождения императора и потрясло дух государя так, что из трех проектов рескрипта военному генерал-губернатору о пособии разоренным он выбрал написанный Батеньковым в духе христианского смирения[10]; наконец смерть дочери Марии Антоновны, сборы императора в Крым с больною императрицею; самый отъезд, сопровождаемый разными предзнаменованиями, убийство Настасьи в Грузине, поразившее первого государственного человека, оставленного почти правителем государства, так что он бросил все и уехал из столицы исполненный мести[11]. Все это было чем-то необыкновенным, зловещим! Можно себе представить, в каком напряжении были умы, когда разнеслось: «Государь болен!» Фельдъегери от начальника Главного штаба Дибича приезжали каждодневно*[12]. Публика в Петербурге не подозревала еще опасности, как вдруг вел. князь из своего Аничковского дворца перешел в Зимний дворец и занял комнаты императора, со всеми формами охранения караулом. Это заставило уже подозревать нечто необыкновенное. Вдруг 27 ноября раннею повесткою Совет, Сенат и весь генералитет приглашены были к обедне и к молебну о здравии его имп[ераторского] величества в Александровскую лавру**. Это значило, что в 4 часа утра прискакавший фельдъегерь привез известие, что в жизни государя императора отчаялись. Обедню совершал митрополит[13], и только начали херувимскую песнь, к велик[ому] князю подошел начальник штаба Гвардейск[ого] корпуса Нейдгардт, шепнул что-то, и его высочество тотчас потихоньку вышел, а за ним и все отправились во дворец. Тут узнали, что другой курьер привез роковую весть: «Государь скончался!»*** Преднамеренный молебен д[олжен] б[ыл] замениться панихидой. Граф

* Первый фельдъегерь, привезший известие о болезни Александра, приехал в Петербург 24 ноября вечером; 2-й фельдъегерь с известием, что государю несколько лучше, приехал 26-го рано утром; 3-й фельдъегерь с известием о кончине — того же 26 числа во время молебна. (Примеч. С. П. Трубецкого из списка Н. К. Шильдера, пропущенное в списке А. Н. Афанасьева.)

** Императорская фамилия присутствовала на молебне в церкви Зимнего дворца. (Примеч. С. П. Трубецкого.)

*** 19 ноября — ровно чрез 12 месяцев и 12 дней после вещего наводнения. Вообще замечено, что в жизни Александра, столь славной, число 12 имело какое-то роковое значение. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

Милорадович, как военный генер[ал]-губернатор, имел роковую неосторожность сказать вел. князю, что он не ручается за спокойствие столицы, если будет объявлена присяга его высочеству, примолвя: «Вы сами изволите знать, как Вас не любят». Великий князь тотчас предложил присягнуть цесаревичу. Но кн. Лопухин[14] доложил его высочеству, что надобно прежде исполнить свой долг — выполнить волю покойного государя и распечатать хранящийся в Совете пакет. Вел. князь согласился, и все члены Совета с ним отправились в присутствие. Пакет был распечатан, манифест с приложениями прочтены, и все обратились к вел. князю с изъявлением готовности признать его своим государем и принесть ему присягу. «Нет, нет, — отвечал вел. князь, — я не готов, я не могу, я не хочу взять на совесть свою — лишить старшего брата его права. Я уступаю ему и первый присягну». Кн. Лопухин хотел еще убеждать, но адмирал Мордвинов сказал: «Мы исполнили свою обязанность, признали его высочество своим государем; но его высочество повелевает присягать цесаревичу, мы должны повиноваться». Все согласились. Вел. князь взял за плечо военного министра и со словами: *пойдем, пойдем!* повел его в церковь. Все присягнули императору Константину *. От Сената б[ыл] издан тотчас указ, повелевающий на основании постановления об императорской фамилии присягнуть старшему брату покойного императора, и гвардия в тот же день присягнула очень охотно. Во все концы империи разосланы были курьеры, а в Варшаву отправлен обер-прокурор Никитин, известный Петербургу более в качестве игрока[15]. Начались толки, разглагольствия, стрепенулись и зашевелились члены тайного общества. Разномыслие с Южным обществом их было охладило. Они оставались до этого в бездействии. Отвлеченные службою и частными делами, они как бы оставили всякое помышление о цели, к которой стремились. С самого первого слуха квартира незабвенного, благородного автора *Дум* и *Войнаровского* — К. Ф. Рылеева **, в

* Во всем этом рассказе ни слова нет правды, не понимаю, откуда он мог быть взят. Я уверен, что писавший эту страницу знал, что он пишет ложь; спрашиваю: с какою целью он ее писал? (Примеч. С. П. Трубецкого.)

** Имя этого человека, который был восторжен любовию к отечеству, не д[олжно] б[ыть] забыто в России. Память его 21 сентября. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

доме Российской Американской компании, в главном правлении которой он б[ыл] правителем дел, сделалась центром всех сношений, известий и совещаний. Чрез полковника Ф. Н. Глинку, бывшего при графе Милорадовиче и заведовавшего секретною частию[16], могли знать все, что делало со своей стороны правительство по распоряжениям вел. князя, который в столице был представителем высочайшей власти de facto.

На другой же день после присяги во многих магазинах на Невском проспекте допущена была выставка на продажу литографированных портретов «Константина I императора и самодержца Всероссийского». Пред ними толпились прохожие, обращая более внимания на физиономию, напоминающую Павла I. Между искренними не было недостатка в сарказмах. Для успокоения столицы дня через четыре выдали афишу, что государыня императрица получила письмо от государя императора, в котором его величество обещает вскоре прибыть в столицу. Чрез несколько дней в изданной афише было сказано, что его в[ысочест]во в[ел.] кн. Михаил Павлович[17] отправился навстречу государю императору. Между тем как занимали таким образом внимание публики новым императором, экстра-почта, приходившая ежедневно из Варшавы в контору Мраморного дворца, принадлежавшего цесаревичу, была от заставы препровождаема в Зимний дворец и тут вскрываема*. Хотели из частных писем знать, что там делается. Приказано было солдат не выпускать из казарм, даже в баню, и наблюдать строго, чтобы не было никаких разговоров между ними. Полковым и батальонным командирам лично было сказано, чтоб на случай отказа цесаревича приуготовили людей к перемене присяги; обещано генерал-адъютантство и флигель-адъютантство. Все это известно было у Рылеева, и, следовательно, всем членам тайного общества. Он уже не дремал и старался каждого одушевить собою. Брошенное им слово: «теперь или никогда!» казалось, воспламенило всех. Нельзя было не понять важности и благоприятства настоящего момента. Некоторые молодые люди, а их бы-

* Почта из Варшавы действительно от заставы была препровождаема казаками во дворец; но это была почта обыкновенная, которая следовала в С.-П[етер]б[ург]ский почтамт; а между Варшавой и Мраморным дворцом никакой экстра-почты учреждено не было. (Примеч. С. П. Трубецкого.)

ла большая часть, с энтузиазмом готовы были на все. Не то встретил Рылеев от тех, которые были постарее и починовнее: они увлеклись приманкою и расчетами. Несмотря на это, надеялись чрез ротных командиров и офицеров иметь на своей стороне значительную часть гвардейских полков и даже артиллерию. Алекс[андр] Бестужев, известный Марлинский, адъютант принца Александра Виртембергского, отвечал за Московский полк; лейтенант Арбузов — за Гвардейский экипаж[18].

Один из непринадлежащих к обществу[19], но знавший о нем с 1824 года, хотя и неопределенно, по одной дружеской доверенности Рылееву, представлял ему, что в России революция в республиканском духе еще невозможна; она повлекла бы за собою ужасы. В одной Москве из 250 000 тогдашних жителей 90 000 было крепостных людей, готовых взяться за ножи и пуститься на все неистовства. Поэтому он советовал, если хотят сделать что-нибудь в пользу политической свободы, которой тогда, казалось, жаждали, то уж лучше всего прибегнуть к революции дворцовой и провозгласить императрицею Елизавету. Наследников у нее не было; близкий к ней человек Лонгинов[20] образовался в Англии, и самое женское царствование хранилось в памяти народной с похвалами. Рылеев не опровергал, но, дыша свободою, рвался к ниспровержению, как он говорил, ненавистного, оскорбительного для человечества деспотизма. Далеко уже то время, более четверти века кануло в вечность; не место пристрастию и увлечению, должно говорить истину, одну неумолимую истину. К несчастию*, под рукою у Рылеева находился человек, чем-то очень огорченный, одинокий, мрачный, готовый на обречение, одним словом — Каховский. Он сам предложил себя на случай надобности в сеиды. В разгары страстей размышлению не место. Рылеев объявил это другим членам общества — и из них некоторые ужаснулись самой мысли!**

Ростовцев, младший брат из трех, служивших в л[ейб]-

---

* Точно, к несчастию, потому что отсюда родилось обвинение в преднамеренном злоумышлении на жизнь царской фамилии при восстании, о чем в существе никто не помышлял[21]. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** Для чего ж автор этих строк показал в Комитете, будто бы Трубецкой вызывал кого-то убить вел. кн. Николая?[22] (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

гвар[дии] Егерском полку, адъютант генерала Бистрома[23], командира гвардейского корпуса*, облагодетельствованный вел. князем, в порыве благородного (?) сердца решился предупредить его высочество. Это было не легко. Доступ во дворец был затруднен. Вот как он сделал. Он написал к вел. кн. письмо, поехал с ним во дворец и при входе объявил, что послан к его высочеству от генер[ала] Бистрома. Допущенный в кабинет, подав письмо, он просил прощения, что смел обмануть его высочество, что письмо не от генерала, а от него самого. В нем он написал, что существует замысел на жизнь его высочества, но что он «не подлец» и умоляет не требовать указания лиц. Вел. князь на это сказал, что знать их не хочет, пожал ему руку и обещал не забыть его благородного поступка. По крайней мере, все это так описал сам Ростовцев на листе, с которым рано поутру 13 декабря явился к Рылееву. Принося повинную, он примолвил: «делай со мной, что хочешь». Рылеев вознегодовал сильно и в первом пылу хотел предложить, чтоб его убить как изменника; тот же, который возражал против аристократических идей, успел его утишить и урезонить, так что он сказал: «ну, черт с ним, пусть живет!»**. Но возвратимся к главному ходу 17-дневного царствования Константина I-го.

В субботу 11-го декабря*** стало уже известно, что цесаревич не принял ни Никитина, ни донесения Сена-

* Это Яков Иванович, нынешний генерал-адъютант, начальник штаба военно-учебных заведений. Он был тогда один из восторженных обожателей свободы. Написал трагедию «Пожарский», исполненную смелыми выражениями пламенной любви к отечеству, и не скрывал если не ненависти, то презрения к тогдашнему порядку вещей в России. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** Когда 14 числа выразилось возмущение, Ростовцев, посланный от генерала в Финляндский полк, имел неосторожность проходить между Сенатом и колонною инсургентов. Кто-то закричал: «Изменник!» На него бросились и избили прикладами до беспамятства. Его положили в извозчичьи сани и велели отвезти в егерские казармы. Но на Обуховом мосту он очнулся и приказал отвезть себя в квартиру, куда вскоре явился лейб-медик и флигель-адъютант с приветствиями матери, что имеет таких благородных детей. Сам Ростовцев сомневался, однако ж, в значении своего поступка, по крайней мере, то выражали его слова, сказанные им посетившему его приятелю[24]. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

*** 11 декабря было в пятницу, а 14-е в понедельник. (Примеч. С. П. Трубецкого.)[25]

та*. В письме к вел. кн. Николаю Павловичу он подтвердил свое отречение. В Совете придумали издать манифест от нового императора Николая I-го непосредственно. Написать его поручено было Сперанскому. В следующий день, в воскресенье 12-го числа, как в день рождения, и потому памяти покойного Александра, манифест был подписан, но все думали хранить тайну[26]. В понедельник провозились в Сенате с напечатанием манифеста, а во дворце с распоряжениями на завтрашний день, назначенный для обнародования и приведения к присяге. Между тем на совещаниях тайного общества, из которых одно было у кн. Оболенского[27], составлен был план инсуррекции**. Войска, готовые восстать, должны были идти к Сенату. Полагали, что он будет в собрании и, окруженный штыками, согласится провозгласить временное правительство. Для предводительства инсуррекции избрали князя Трубецкого, бывшего дежурн[ым] штаб-офицером 4-го корпуса***.

В столице носилось какое-то мрачное предчувствие. Самая таинственность явной хлопотливости с обеих сторон пугала всех и каждого. Встречающиеся на тротуарах и бульварах вместо приветствия говорили: «ну, что будет завтра?»

В воскресенье 12 числа**** у директора Российско-Американской компании был обед, на котором присутствовали многие литераторы, в том числе: Греч, Булгарин, Марлинский, сенатор граф Д. И. Хвостов и другие. Шумный разговор оживлял общество, особенно к концу стола, когда все присутствующие поразгорячились от клико «V. S. P. под звездочкой», которое тогда считалось лучшим. Греч и Булгарин ораторствовали более прочих; остроты сыпались со всех сторон и в самом либеральном духе. Даже гр. Хвостов, заметив, что указывают на него из предосторожности, кричал: «не опасайтесь, не опасай-

---

* По Петербургу передавалась фраза его: «Что они, дурачье.., вербовать что ли вздумали в цари». (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** Инсуррекция — вооруженное восстание (от лат. insurrectio).

*** Полковника Булатова, бывшего командиром батальона л.-гв. Гренадерского полка и только что получившего полк в армии. (Примеч. С. П. Трубецкого.)[28]

**** 14 декабря было в понедельник, следовательно, 12-е не могло быть в воскресенье, а было в субботу. (Примеч. С. П. Трубецкого.)

тесь! я либерал, я либерал сам». Хотя большая часть знали уже о предстоящей перемене владык, но говорили гадательно, придерживаясь за «может быть». И когда кто-то сказал: «а что если император вдруг явится?» Булгарин вскричал: «как ему явиться, тень мадам Араужо остановит его на заставе» *. Из всего, что тут было говорено, просвечивала ясно общая мысль, общее чувство — нехотение оставаться под тем же деспотизмом. В тот же вечер у Рылеева, который уже знал о заготовлении манифеста, было собрание многих членов, которые беспрестанно приходили и уходили, чтобы узнать, на что решились директоры. Всем объявлено, что сборное место — площадь перед Сенатом и что явится диктатор в особе кн. Трубецкого для распоряжения. На другой день, 13-го числа, повторилось почти то же. Беспрестанно приходили из полков с известиями и уверениями о готовности восстать за свободу; но тут же узнали, что на Финляндский полк и артиллерию надежда сомнительна. В этот же вечер был поздний ужин у богатого купца Сапожникова, зятя Ростовцева[30]. Хозяин, угощая шам-

* Это была самая гнусная история, омрачившая начало царствования Александра. Араужо был придворный ювелир, жена которого славилась красотою. Константин-цесаревич, пленясь ею, чрез посредников сделал ей оскорбительное предложение. Она отвечала язным презрением. Летом 1803 года, в один день под вечер, за ней приехала карета, будто бы от ее больной родственницы. Когда она сошла и села в карету, ее схватили, зажали ей рот и отвезли в Мраморный дворец. Там были приготовлены конногвардейцы... Она потом отвезена была к своему крыльцу, и когда на звон колокольчика вышли ее принять, кареты уже не было. Несчастная Араужо, бросившись почти без чувств, могла только сказать: «я обесчещена!» и умерла. На крик мужа сбежалось множество: свидетельство было огромное! На другой же день весь Петербург узнал об этом. Произошел общий ропот. От имени государя, огорченного в высшей степени, прибито было ко всем будкам столицы на 24 часа объявление, которым приглашались все, кто знает хотя малейшее обстоятельство из этого гнусного происшествия, прямо к императору, с уверением в обеспечении от всякого преследования сильных. Это объявление при ведомостях обеих столиц разослано было во все концы империи. Составлена была комиссия под председательством старца гр. Татищева, который всячески отказывался; но уговорили и, наконец, дело повернули так, что по подозрению генер[ала] Боура, любимца Константина, выключили из службы. Араужо дали денег и велели выехать за границу; а наконец и Боур чрез 1 1/2 года к Аустерлицкой кампании опять был принят. Но Константин с того времени получил название «покровителя разврата»[29]. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

панским, не обинуясь говорил: «Выпьем! неизвестно, будем ли завтра живы!» Так были уже уверены, что не обойдется без восстания.

Наконец настало и роковое 14 декабря — число замечательное: оно вычеканено на медалях, с какими распущены депутаты народного собрания для составления законов в 1776 году при Екатерине II [31]. Это было сумрачное декабрьское петербургское утро, с 8° мороза. До девяти часов весь правительствующий Сенат был уже во дворце. Тут и во всех полках гвардии производилась присяга. Беспрестанно скакали гонцы во дворец с донесениями, где как шло дело. Казалось все тихо. Некоторые таинственные лица показывались на Сенатской площади в приметном беспокойстве. Одному, знавшему о распоряжении общества и проходившему чрез площадь, против Сената, встретился издатель «Сына отечества» и «Северной пчелы» г. Греч. К вопросу: «Что ж, будет ли что?» он присовокупил фразу отъявленного карбонари. Обстоятельство не важное, но оно характеризует застольных демагогов: он и Булгарин сделались усердными поносителями погибших — за то, что их не компрометировали. Вскоре после этой встречи, часов в 10, на Гороховом проспекте вдруг раздался барабанный бой и часто повторяемое «ура!». Колонна Московского полка с знаменем, предводимая штабс-капитаном кн. Щепиным-Ростовским и двумя Бестужевыми [32], вышла на Адмиралтейскую площадь и повернула к Сенату, где построилась в каре. Вскоре к ней быстро примкнул Гвардейский экипаж, увлеченный Арбузовым, и потом батальон лейб-гренадеров, приведенный адъютантом Пановым * и поручиком Сутгофом [33]. Сбежалось много простого народа, и тотчас разобрали поленницу дров, которая стояла у заплота, окружающего постройки Исакиевского собора. Адмиралтейский бульвар наполнился зрителями. Тотчас же стало известно, что этот выход на площадь ознаменовался кровопролитием. Кн. Щепин-Ростовский, любимый в Московском полку, хотя и не принадлежавший явно к обществу, но недовольный, и знавший, что готовит-

* Панов убедил лейб-гренадеров, после уже присяги, следовать за ним, сказав им, что «наши» не присягают и заняли дворец. Он действительно повел их к дворцу, но, увидя, что уже на дворе лейб-егеря, примкнул к московцам. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

ся восстание против вел. кн. Николая, успел внушить солдатам, что их обманывают, что они обязаны защищать присягу, принесенную Константину, и потому должны идти к Сенату. Генералы Шеншин* и Фредерикс и полковн[ик] Хвощинский хотели их переуверить и остановить. Он зарубил первых и ранил саблею последнего, равно как одного унтер-офицера и одного гренадера, хотевшего не дать знамя, и тем увлек солдат. По счастию, они остались живы[34]. Первою жертвою пал вскоре гр. Милорадович, невредимый в столь многих боях. Едва успели инсургенты построиться в каре, как показался он скачущим из дворца в парных санях, стоя, в одном мундире и в голубой ленте. Слышно было с бульвара, как он, держась левою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказывал ему: «объезжай церковь и направо к казармам». Не прошло трех минут, как он вернулся верхом перед каре** и стал убеждать солдат повиноваться и присягнуть новому императору. Вдруг раздался выстрел, граф зашатался, шляпа слетела с него; он припал к луке, и в таком положении лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увещая солдат с самонадеянностию старого *отца-командира*, граф говорил, что сам охотно желал, чтобы Константин был императором***; но что же делать, если он отказался; уверял их, что он сам видел новое отречение, и уговаривал поверить ему. Один из членов тайного общества, кн. Оболенский, видя, что такая речь может подействовать, выйдя из каре, убеждал графа отъехать прочь, иначе угрожал опасностию. Заметя, что граф не обращает на это внимания, он нанес ему штыком легкую рану в бок. В это время граф сделал вольт-фас, а Каховский пустил в

* В списке ошибочно: Меншинин.

** Он взял первую лошадь, которая стояла у квартиры одного из конногвардейских офицеров оседланною. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

*** Можно было верить, что граф говорил искренно. Он был чрезмерно расточителен и всегда в долгу, несмотря на частые денежные награды от государя; а щедрость Константина была всем известна. Граф мог ожидать, что при нем заживет еще расточительнее. (Примеч. В. И. Штейнгейля.) Грех так порочить славу человека, который в этом случае действовал беспристрастно и любил отечество. (Примеч. С. П. Трубецкого из публикации П. Е. Щеголева, пропущенное в списках А. Н. Афанасьева и Н. К. Шильдера.)

него из пистолета роковую пулю, накануне вылитую*. Когда у казарм сняли его с лошади и внесли в упомянутую квартиру офицера, он имел последнее утешение прочитать собственноручную записку нового своего государя, с изъявлением сожаления, и в 4-м часу дня его уже не существовало[35].

Тут выразилась вполне важность восстания, которою ноги инсургентов, так сказать, приковались к занимаемому ими месту. Не имев силы идти вперед, они увидели, что нет уже спасения назади. Жребий был брошен! Диктатор к ним не являлся. В каре было разногласие. Оставалось одно: стоять, обороняться и ждать развязки от судьбы. Они это сделали.

Между тем по повелениям нового императора мгновенно собрались колонны верных войск к дворцу. Государь, невзирая на убеждения императрицы, ни на представления усердных предостерегателей, вышел сам, неся на руках 7-летнего наследника престола[36], и вверил его охранению преображенцев. Эта сцена произвела полный эффект: восторг в войсках и приятное, многообещающее изумление в столице. Государь сел потом на белого коня и, выехав перед первый взвод, подвинул колонны от экзерциргауза к углу бульвара. Его величавое, хотя несколько мрачное спокойствие обратило тогда же всеобщее внимание. В это время инсургенты минутно были польщены приближением Финляндского полка, симпатии которого еще доверяли. Полк этот шел по Исакиевскому мосту. Его вели к прочим присягнувшим, но командир 1-го взвода барон Розен, перейдя за половину моста, скомандовал: *стой!* Полк весь остановился, и ничто уже до конца драмы сдвинуть его не могло[37]. Та только часть, что не взошла на мост, перешла по льду на Английскую набережную и тут примкнула к войскам, обошедшим инсургентов со стороны Крюкова канала.

Вскоре после того, как государь выехал на Адмиралтейскую площадь, к нему подошел с военным респектом статный драгунский офицер, которого чело было под

---

* Известна была всей армии поговорка графа: «Бог мой! на меня пуля не вылита!» — которую он всегда повторял, когда предостерегали его от опасности в сражениях или удивлялись в салонах, что не был ни разу ранен. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

шляпою повязано черным платком*, и после нескольких слов пошел в каре; но скоро возвратился ни с чем. Он вызвался уговорить *бунтовщиков* и получил один оскорбительный упрек. Тут же, по повелению государя, был арестован и понес общую участь осужденных. После его подъезжал к инсургентам генер[ал] Воинов, в которого Вильгельм Кюхельбекер, поэт, издатель журнала «Мнемозины», бывший тогда в каре, сделал выстрел из пистолета и тем заставил его удалиться. К лейб-гренадерам явился полковн[ик] Стюрлер, и тот же Каховский ранил его из пистолета[39]. Наконец, подъезжал сам вел. князь Михаил, и тоже без успеха; ему отвечали, что хотят наконец царствования законов. И с этим поднятый на него пистолет рукою того же Кюхельбекера заставил его удалиться. Пистолет был уже не заряжен.

После этой неудачи из временно устроенной в Адмиралтейских зданиях Исакиевской церкви вышел митрополит Серафим в полном облачении, с крестом, в предънесении хоругвей. Подошед к каре, он начал увещание. К нему вышел другой Кюхельбекер, брат того, который заставил удалиться вел. кн. Михаила Павловича; моряк и лютеранин, он не знал высоких титлов нашего православного *смирения* и потому сказал просто, но с убеждением: «отойдите, *батюшка*, не ваше дело вмешиваться в эти дела»[40]. Митрополит обратил свое шествие к Адмиралтейству. Сперанский, смотревший на это из дворца**, сказал с ним стоявшему обер-прокурору Краснокутскому: «И эта штука не удалась!» Краснокутский сам был членом тайного общества и после умер в изгнании***. Обстоятельство это, сколь ни малозначущее, раскрывает, однако ж, тогдашнее расположение духа Сперанского. Оно и не могло быть инаково: с одной сторо-

* Это был Якубович, приехавший с Кавказа, имевший дар слова и рассказами о геройских своих подвигах умевший заинтересовать петерб[ургские] салоны. Он не скрывал между либералами своего неудовольствия и ненависти личной к покойному государю, и в 17-дневный период члены тайн[ого] общества убеждены были, что при возможности «он себя покажет»[38]. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** Из дворца нельзя было видеть. (Примеч. С. П. Трубецкого.)

*** Над прахом его стоит мраморный памятник с скромною надписью: «Сестра страдальцу-брату». Он погребен на Тобольском кладбище, близ церкви. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

ны, воспоминание претерпенного невинно, с другой — недоверие к будущему[41].

Когда таким образом совершился весь процесс укрощения *мирными средствами*, приступили к действию оружия. Генерал Орлов с полною неустрашимостию дважды пускался со своими конногвардейцами в атаку, но пелотонный огонь опрокидывал нападения. Не победя каре, он, однако ж, завоевал этим целое фиктивное графство[42]. Государь, передвигая медленно свои колонны, находился уже ближе середины Адмиралтейства. На северо-восточном углу Адмиралтейского бульвара появилась *ultima ratio** — орудия гвардейской артиллерии. Командующий ими генер[ал] Сухозанет[43] подъехал к каре и кричал, чтобы положили ружье, иначе будет стрелять картечью. В него самого прицелились ружьем, но из каре послышался презрительно-повелительный голос: «Не троньте этого... он не стоит пули»**. Это, естественно, оскорбило его до чрезвычайности. Отскакав к батарее, он приказал сделать залп холостыми зарядами; но не подействовало! Тогда засвистали картечи; тут все дрогнуло и рассыпалось в разные стороны, кроме павших. Можно было этим уже и ограничиться; но Сухозанет сделал еще несколько выстрелов вдоль узкого Галерного переулка и поперек Невы, к Академии художеств, куда бежали более из толпы любопытных!

Так обагрилась кровию и это восшествие на престол. В окраины царствования Александра стали вечными терминами***—ненаказанность допущенного гнусного цареубийства[44] и беспощадная кара вынужденного, благородного восстания — явного и с полным самоотвержением.

Войска были распущены. Исакиевская и Петровская площади обставлены ведетами. Разложены были многие огни, при свете которых всю ночь убирали раненых и убитых и обмывали с площади пролитую кровь. Но со страниц неумолимой истории пятна этого рода невыво-

---

* последний довод (лат.).

** Эти слова были показаны после при допросах в Комитете, с членами которого Сухозанет разделял уже честь носить генерал-адъютантский аксельбант. Этого мало, он был после главн[ым] директором кадетск[ого] корпуса и президентом Военной академии. Впрочем, надо отдать справедливость: он лишился ноги в польск[ую] кампанию. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

*** пределами, границами.

димы. Все делалось в тайне, и подлинное число лишившихся жизни и раненых осталось неизвестным. Молва, как обыкновенно, присвояла право на преувеличения. Тела бросали в проруби; утверждали, что многие утоплены полуживыми [45].

В тот же вечер произведены арестования многих. Из первых взяты: Рылеев, кн. Оболенский и двое Бестужевых; все они посажены в крепость [46]. Большая часть в последующие дни арестованных приводимы были во дворец, иные даже с связанными руками, и лично представлены императору, что и подало повод Никол[аю] Бестужеву * сказать впоследствии одному из дежурных генерал-адъютантов, что из дворца сделали съезжую.

На другое утро после кровавой драмы издана была прокламация, в которой описано происшествие, с обращением всего ужасного, отвратительного, преступного и даже безбожного на сторону побежденных. Сказано было, что в восставших и воспротивившихся присяге были всё люди с *отвратительными лицами*[48]. И где ж при вражде, когда всякое здравомыслие устраняется, бывает иначе? Мы видели пример тому разительный: самое просвещеннейшее правительство Европы — английское унизилось до того, что противника своего, гениального героя, которого будут чтить в отдаленнейших веках, дозволило изображать на дне ночных горшков, чтобы возбуждать озлобление и презрение народа. В 1807 году русский свят[ейший] Синод в изданном увещании к народу говорил о Наполеоне: «Это тварь, сожженная своею собственною совестию, от которой и благость божия отступила»; а чрез несколько месяцев Александр должен б[ыл] обняться с этой тварью... и потом разыгрывать роль друга! [49] Вопрос: кого обманывают во всех подобных случаях? Ответ самый верный: самих себя, для того, что и обманутое невежество очень скоро в таких случаях переуверяется и платит за обман потерею уважения и доверия.

Начались аресты в обеих столицах. На юге они уже производились вследствие доноса Майбороды и Шервуда**[50].

---

* Ему удалось сначала скрыться и убежать в Кронштадт, где он некоторое время проживал на Толбухином маяке, между преданными ему матросами[47]. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** Последний получил придаточное прозвание «Верный», но и с

Тотчас же был назначен Комитет для раскрытия тайных обществ вообще[51] под председательством военного министра, из генерал-адъютантов, в том числе и вел. кн. Михаила Павловича. Всего замечательнее, что тут же заседал и генер[ал]-адъютант Кутузов Павел Васильевич, участвовавший в ночной экспедиции гр. фон дер Палена против Михайловского замка[52]. С гражданской стороны был в нем один только кн. Ал[ександр] Никол[аевич] Голицын, главноначальствующий тогда над почтовым департаментом. Тут же заседал, не как член, но как соглядатай, новый флигель-адъютант Адлерберг, имевший обязанность, по окончании присутствия, доносить императору, что и как в Комитете происходило. Для разобрания и рассмотрения всех отобранных при арестовании бумаг была составлена особая Комиссия, в которую военный министр Татищев и граф уже назначил не без особенных видов своего комиссариатского чиновника Боровкова*, впоследствии сенатора[53].

Между тем как это происходило в столице, весть о возмущении 14 декабря — на юге в Василькове была поводом к восстанию Черниговского пехотного полка, в котором баталионным командиром был Муравьев-Апостол, один из благороднейших людей армии. Окруженные гусарами, они д[олжны] б[ыли] уступить силе. Муравьев-Апостол был ранен; меньшой брат его застрелился[54]. Арестованные пленники отправлены в Петербург, где Комитет был уже в полном действии.

Монарх, задернув этот Комитет с его действиями непроницаемою для публики завесою крепостного, всегда страшного *секрета*, предоставил себе непосредственное право быть полным распорядителем судьбы тех, на кого розыск укажет пальцем. Это, конечно, не язык биронов-

---

ним не мог быть терпим в обществе офицеров. Майборода также исчез в презрении. (Примеч. В. И. Штейнгейля.) Шервуд проживал потом в Смоленской губ[ернии], сделал ложный донос на отца Пестеля, и с него по повелению Николая взята была подписка, что он впредь доносов делать не будет. (Примеч. С. П. Трубецкого из списка Н. К. Шильдера, пропущенное в списке А. Н. Афанасьева.)

* Министр знал, что у одного из арестованных могли быть взяты бумаги, касающиеся до его общей с кригс-комиссаром Путятою тайны. Раскрытие ее тогда могло бы быть для него гибельно. После дело обделалось порядочно. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

ских времен; но при направлении мстительного преследования всегда столько же страшный[55].

Жертвы скоро свозились отовсюду. Многих привозили прямо во дворец, где ген[ерал-] адъютант гр. Левашов снимал первый допрос и носил докладывать по нем государю. К некоторым монарх выходил сам. Гнев еще преобладал в нем: укоризны, сарказмы напоминали слова царя-пророка: «прещение царево подобно рыканию львову» и заставляли сожалеть о забвении продолжения этих слов: «яко трава злаку, тако тихость его есть»[56]. Судя по важности прикосновения, привезенный арестант отсылался с фельдъегерем или в дом Генерального штаба, где были отведены особые комнаты, или прямо к коменданту Петропавловской крепости, которым был тогда самый черствый человек генер[ал]-адъютант Сукин[57]. Плац-майор отводил жертву в каземат и, совершив в назначенном для нее номере обряд раздевания и облачения в затрапезный халат, оставлял несчастного всей тяжести первых, быстро переходных и столь ужасных впечатлений. Дом Генерального штаба некоторым образом походил тогда на чистилище, а крепость представляла тартар Данте. Всякому ввозимому, конечно, мечталась та же ужасная мысль, какая выражена поэтом в «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!» *[58]. Таким образом крепость вскоре наполнилась так, что недоставало места. Прибавили номеров пригородкою временных, из брусьев сырого леса. Занят был даже секретный Алексеевский равелин, в садике которого похоронена несчастная принцесса Тараканова, дочь Елизаветы I, похищенная из Ливорно гр. Орловым-Чесменским и утонувшая во время наводнения в 1777 году[59].

Слуги нового властителя всегда бывают чрезмерно усердны в угодливости порывам гнева его: уськнет — и рвать готовы! В XIX веке комитет генер[ал]-адъютантов, вмещавший царского брата, принял обряды инквизиции! Присутствие в доме коменданта открывалось ночью. К допросам водили под покрывалом, накидывая на лице платок. По приводе в передний зал сажали за ширмы, поставленные в двух углах, со словами: «можете теперь открыться». В этом ожидании за ширмами было слышно, как расхаживали по залу плац-адъютанты, жандармы,

---

* Входящие, оставьте упованья! (итал.).

аудиторы, вообще вся военная субалтерия; стучали шпорами, рассказывали анекдоты дня, театральные замечания и хохотали, показывая полное безучастие к страдальцам. Может быть, так было и приказано; а никакой приказ подобными людьми так хорошо не исполняется. Пишущий это чрез 27 лет — с трепетным сердцем вспоминает, как в один из таких сеансов мог видеть чрез замеченную в ширмах дырочку, что из-за других ширм вывели за руку товарища страдания с завязанными назад руками и с наножным железным прутом, так что он едва мог двигаться. Едва ли то был не Рылеев. Когда надобно было весть в присутствие, плац-майор опять накидывал платок на голову и вводил за руку, как слепого. При этом царствовала глубокая тишина. Когда введенного останавливали, раздавался бас: «откройтесь!» и приведенный видел себя пред самым столом этого ареопага.

Думали поражать важностию заседающего сонма и производили впечатление совсем тому противное. Надо отдать справедливость, что не употребляли пыток, какими славилась омерзительной памяти «тайная канцелярия» с ее Шешковскими[60]. Но дозволяли себе для вынуждения сознания налагать железа на руки и на ноги и определять в диету хлеб и воду, как будто это не то же*. Прибавьте к этому помещение некоторых в смрадных нечистых «номерах», наполненных всякого рода насекомыми. В них страдальца отделяла одна брусяная со сквозными пазами перегородка от инвалидов, на ночь тоже запираемых, так что он должен был слышать мерзости, и скажите, что это не пытка! Каков был этот способ дознания так называемой истины, можно судить по тому, что один из содержавшихся, полковник Булатов, убил себя, разбивши голову об стену; другой думал лишить себя жизни, глотая осколки разбитого стекла[61].

Когда таким образом из одних готовили род гекатомбы** тени Александра, других спасали по уважениям фамильным, даже с сокрытием их прикосновенности. Отсю-

---

* В Алексеевском равелине сидевшие были в 1-й месяц каждую ночь по нескольку раз пробуждаемы стуком, производимым в коридоре, на который отворялись двери номеров. Стук этот был прекращен, когда узнали о нем в городе и заговорили. (Примеч. С. П. Трубецкого.)

** Гекатомба — жертвоприношение (греч.). В списке ошибочно гекатенфония.

да вышло то, что 20-летние прапорщики, 18-летние мичмана явились ужасными государственными злодеями, дышавшими цареубийством, ниспровержением престола; а люди уже солидные, участвовавшие обдуманно, оказались невинными и отпущены без огласки: одни из дворца, другие из штаба, третьи даже из крепости, просидевшие в ней до окончания процесса *[62].

Упомянем случай, разительно доказывающий, как эти тайные, вынудительные меры к исторжению сознания могут губить людей невинных. Подполковник штаба 2-й армии Фаленберг был арестован, когда только что успел жениться. Жена его была очень больна в это время. Чтобы ее не убить, арестование было произведено со всею предосторожностию. Он мог уверить больную, что уезжает в Бессарабию и вскоре возвратится. Всю дорогу мучила его одна мысль: «что станется с нею, если узнает?» По доставлении его во дворец и по снятии допроса, как малозамешанного его посадили в штаб вместе с полков[ником] Харьк[овского] драгун[ского] полка Канчияловым. Терзаемому разлукой дни казались месяцами. Наконец его уже предварили о признаках скорого освобождения, как вдруг к Канчиялову пришел восторженный полковник Раевский, только что выпущенный из-под ареста. Заметив третье лицо в комнате, он спросил: «кто с ним?» Узнав, что это по жене его родственник, которого он лично не знал, Раевский подошел к нему с рекомендацией и между прочим в утешение имел неосторожность сказать, что «государь чрезмерно милостив! Требуется одно только искреннее сознание, и тотчас будете выпущены». Самого себя притом поставил примером. Расстроенная голова Фаленберга закружилась от такого легкого способа отделаться скорее и лететь к обожаемой своей половине**. В тот же вечер он написал гр. Левашову записку, что «желает признаться». Его позвали. Он показал, что знал о преднамеренном цареубийстве от кн. Барятинского. Его тотчас же отправили в крепость. В Комитете чрез несколько мучительных дней дали ему

---

* Не именуем никого. И в числе погибших не было недостатка аристократических фамилий. Прибавок не облегчил бы их участи. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** Эта половина, отделенная впоследствии законом, вскоре сделалась половиною другого. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

очную ставку. Кн. Барятинский с жаром убеждал его, что никогда ничего подобного ему он не говорил. Фаленберг, не понимая его благонамеренности, с сердцем выговорил ему: «что ж вы хотите меня представить лжецом!» и кн. Барятинский вынужден был сказать: «ну как хотите, по крайней мере, я не помню». Видя, что и тут признание нисколько никого не жалобит, он объявил Комитету истину, что ничего ни о каком цареубийстве не знал и не слыхал до самого издания объявления и показал на себя вздор, чтобы только скорее освободиться. Но уже поздно, ему не поверили и ответили осуждением на 15 лет в каторжную работу [63].

Другие обвинения достигались не лучшими средствами. То убеждали показывать все, что знают, обольщая милосердием государя; то восстановляли одного против другого, объявляя, будто бы тот показывает в его обвинение; то уверяли, что все уже знают и только хотят видеть степень искренности сознания; то, наконец, как и выше уже замечено, вымогали сознание угрозами и самою жестокостию, отчего после и вышло, что некоторые из тех, которых принуждены были признать невинными и выпустить, понесли уже наказание — держанием в железах, что по закону считается наказанием телесным. Поэтому их все-таки удалили и под надзор полиции, чтоб не встречать укора. Как хотеть после этого, чтобы верили святости законов? Так всякое отступление от правого пути и беспристрастия порождает нравственную уродливость. Некоторые, посредством услужливости плац-майора, могли иметь предостережение и советы родных и знать, что с ними хотят делать; но другие, с предубеждением в характере нового государя, явно предоставившего себе распорядиться их судьбою, были оставлены при своем раздражительном положении совершенно самим себе, которым никто не отвечал ни на один вопрос ни одним словом, близко были к отчаянию и, увлекшись мыслию: не даром, по крайней мере, отдать жизнь свою, писали дерзкие ответы и тем еще более раздражали против себя. Общий, всем заданный вопрос: «что вас заставило восстать против правительства?» давал повод каждому высказывать все, что мог, в осуждение существовавшего порядка вещей и лиц, игравших судьбою Рос-

сии*. Дано было право писать из казематов в собственные руки государя. Некоторые воспользовались им. Один писал беглый очерк всего минувшего царствования, разделяя его на три периода: филантропический, марциальный** и мистический[65]. Особенно представил в последнем обманутое ожидание России, после ее великодушных и огромных пожертвований «за веру и царя»; коснулся поселений, рабства и скандалезного перехода от библеизма и мистицизма к так называемому православию в лице Фотия! Читано ли это, произвело ли какое-либо действие, и какое? Это известно держащему в длани сердца царей. Люди читают в одних последующих событиях. Другой, бывший адъютант морского министра кап[итан]-лейтенант Торсон, представил все недостатки и злоупотребления по флоту. Это представление рассмотрено после особым комитетом, и настоящее положение флота и портов свидетельствует, как оно было полезно[66]. Самый разбор захваченных бумаг, конечно, не вовсе остался бесполезным. Идея почетного гражданства едва ли не оттуда возникла[67]. Последующее издание законов есть следствие сильно представленного беззакония. Одним словом, обреченные на жертву, по крайней мере, как умели, старались погибнуть с пользою для отечества. От-

---

* Один написал такую выходку, что его призвали в Комитет и заставили переменить свое показание: «Как вы смели писать такие дерзости против священной особы государя? Нам к делу невозможно присовокупить этого!» — загремел один из членов Комитета — и это был именно один из сикеров 1801 года[64]. Узник отвечал кратко: «Вы требовали во всем искреннего признания; я исполнил ваше желание, а если вам угодно, я это выпущу».— «Ну так выпустите же,— сказали, понизив тон,— вам пришлют переписанные вопросы, но это все-таки мы должны показать государю»,— и не возвратили. Тот же самый в одном дополнительном показании, сделав несколько доводов виновности своей в том только одном, что знал происходившее за последние дни у Рылеева и не донес о том, заключил так: «Вы, м[илостивые] г[осудари], которые должны произнести надо мною суд по совести, приведите — прошу вас — на память этой самой совести событие 1801 года марта на 12 число, вспомните, что и сам покойный государь знал ужасную тайну фон дер Палена и не объявил ее государю — родителю своему. И так были и будут всегда обстоятельства выше всех человеческих постановлений и обязанностей». По этой бумаге не сделали ни укоризны, ни вопроса: «как он это знает?» Но, конечно, этому всему он обязан, что осужден был вечно в каторжную работу. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** Марциальный — военный (от Марса).

страдая, они перемрут в утешительной надежде, что потомство отдаст им хотя эту справедливость.

Таким образом инквизиционные действия Комитета продолжались до июня месяца. Заключенные в казематы дважды слышали над собою ужасный гром и треск, с каким опущены в землю смертные останки венценосных супругов, которых жизнь вся была подтверждением той истины, что от царского венца часто распадается брачный и что слезы, проливаемые втайне на порфиру, столько же, если не более, горьки, как и проливаемые на рубище [68].

По окончании следствия поднесен был его величеству от Комитета доклад, составленный под редакциею статс-секретаря Блудова. Он вышел точно таким, каким непременно должен выйти всякий обвинительный акт, когда обвиняемые заперты и безгласны и когда обвинители, в видах обеспечения будущности, интересованы представить дело сколько возможно презрительно-ужасным и с тем вместе хотят облечь свои действия искусною тканию лжей, с отливами яркого беспристрастия [69]. За докладом тотчас последовал указ о назначении Верховного уголовного суда над «государственными преступниками». Он составлен был из членов Государственного совета, св[ятейшего] Синода и правит[ельствующего] Сената, с исключением некоторых и с прибавлением других [70]. Заседание было открыто в правительствующем Сенате. Первый вопрос, по выслушании высочайшего указа и доклада Комитета, был о том: «призывать ли подсудимых к подтвердительному допросу, как то велит законный судебный порядок?». Большинство голосов решило этот вопрос отрицательно, поставя побудительною причиною «затруднение». Признано достаточным назначить из членов комиссию, которая бы опросила подсудимых в самой крепости [71]. При этой явной несправедливости достопочтенный старец адмирал Ал[ександр] Сем[енович] Шишков подал голос *, которым отказался от присутствия и от участия в осуждении обреченных предварительно на жертву [72]. Действительно, когда в том же комендантском доме, только в другой комнате избранная комиссия открыла заседание, никто из содержавшихся не знал и даже

* Носился слух, что на голос этот отзыв монарха состоял в словах: «Вздор старого враля!» (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

не подозревал, что уже состоит под судом страшным*. Плац-адъютанты извещали каждого обыкновенною формою: «Вас попросят в *Комитет* сегодня». При входе всякий поражался изменением большей части лиц. На месте Татищева сидел гр. Головкин, вместо кн. Голицына кн. Куракин и т. д. Из членов Комитета находился один гр. Бенкендорф[73]. Первый вопрос при показании тетради с прежними вопросами был: «вы ли это писали?» Затем спрашивали: «подтверждаете ли все, показанное вами?» и наконец заключали предложением: «вот подписка, заготовленная в этом смысле; прочтите и подпишите». Всякий исполнял, не понимая — для чего это все требуется. На вопрос: что это значит? плац-адъютанты отвечали: «Государю угодно поверить беспристрастие действий Комитета». Отобрав так[им] образом подписки, Верховный суд приступил к приговору, в котором разделил подсудимых на 11 категорий или разрядов, за исключением пятерых, обреченных на мучительную смерть «четвертованием»![74] Из этих разрядов 1-й осужден был на отсечение головы, очевидно — с предварительным уверением, что они не подвергнутся этой казни. Изрубить 30 человек, как капусту, было бы нечто необычайное для XIX века. Последним, т. е. 31-м, к этому разряду причислен бывший статс-секретарь Тургенев — существенно за то только, что из Англии не явился к оправданию. Прочие разряды, до 7-го включительно, осуждены в каторжную работу, от вечной до 4-х лет; затем 8-й и 9-й разряды к ссылке в Сибирь, 10-й и 11-й — в солдаты с выслугою и последний притом с сохранением дворянства. Всех осужденных по разрядам было 120 человек. Члены Синода изъявили на приговор свое согласие; но *как духовные*, уклонились от подписания. Что ж бы прибавило это подписание? Дело в том, что таков дан пример архиереями, бывшими при осуждении царевича Алексея Петровича[75]. Как тогда, так теперь — кого думали убедить этим замечанием Пилатовского умытия рук? Конечно, не господа, сказавшего: «Не хочу смерти грешника».

В подлинном докладе Верховный суд позволил себе представить убедительный довод, что государь, если б и желал, не должен щадить осужденных на смерть[76].

---

* Ежели кто-либо мог знать, как выше замечено, чрез родных, то очень немногие. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

Высочайший указ, с последовавшею конфирмациею, подписан 10 июля, в день воспоминания Кучук-Кайнарджинского мира, в который церковь празднует положение ризы господней. Но риза небесного страдальца не напомнила, что он молился о раздравших ее. В высочайшей конфирмации, изложенной в 13 пунктах этого указа, приговор найден *существу дела и силе закона сообразным;* но чтоб силу законов и долг правосудия согласить с «чувствами милосердия», признано за благо определенные преступникам казни и наказания смягчить ограничениями[77]. Это смягчение выразилось в следующем:

Первому разряду дарована жизнь с заменою казни для 25 человек вечною каторжною работою, а для 6 человек, по уважению совершенного и чистосердечного раскаяния, и для одного в том числе по ходатайству в[ел.] кн. Михаила * — каторжною работою на 20 лет.

Второму разряду отменено положение головы на плаху и двоим, именно братьям Бестужевым, назначена каторжная работа вечно, 14 другим на 20 лет и одному подполк[овнику] Норову на 15 лет и потом на поселение[78].

Третьему разряду вечность каторжной работы ограничена 20 годами и, стало, сравнена со 2-м разрядом.

Четвертому разряду из 15 лет каторжной работы сбавлено три года.

Из пятого разряда двум сбавлено два года, одному— именно мичману Бодиско 2-му—каторжная работа заменена крепостною, и двоим не явлено никакого смягчения[79].

Из шестого разряда одному—отставному полк[овнику] Александру Муравьеву, по уважению *совершенного* и *искренного раскаяния***, сказано почти полное помилование — избавлением от работы и лишения чинов и ссылкою только на житье в Сибирь; другому сбавлен один год работы[81].

Седьмого разряда 13 человекам сбавлено два года работы и двум — старику, артиллерии полковн[ику] Берсте-

* Для Вильгельма Кюхельбекера, который прицелился в великого князя. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** Боговдохновенный царь-пророк сказал: «Подойду к человеку, и сердце человека глубоко»[80]. Но распоряжающим[ся] судьбою людей очень легко себя уверить, что имеют божеское свойство проницать в сокровенные изгибы сердец и в самую совесть людей. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

лю, и подпор[учику] гр. Булгари, по уважению молодости лет, работа каторжная заменена крепостною, тоже с убавлением двух лет[82].

Для осьмого разряда утвержден приговор Верховного суда, кроме лейт[енанта] Бодиско 1-го, которого повелено написать в матросы[83].

Для девятого разряда ссылка в Сибирь заменена написанием в солдаты — в дальние гарнизоны.

Десятому и одиннадцатому разрядам не оказано было никакого изменения. Напротив, об одном сказано: «Поручика Цебрикова, по важности вредного примера, поданного им присутствием его в толпе бунтовщиков, в виду его полка, как недостойного благородного имени, разжаловать в солдаты без выслуги и с лишением дворянства»[84].

Судьба несчастных, обреченных на смерть, в последнем XIII пункте, предана решению Верховн[ого] уголовн[ого] суда и «тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится».

На другой же день, 11 числа, Верхов[ный] угол[овный] суд, постановленным протоколом, *сообразуясь с высокомонаршим милосердием, по представленной ему власти* приговорил, вместо мучительной смертной казни четвертованием — Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Михайлу Бестужева-Рюмина и Петра Каховского *повесить!*[85]

На следующий день, 12 июля, Верх[овный] угол[овный] суд открыл последнее заседание свое в Сенате, решившись предварительно не призывать осужденных для объявления сентенции в Сенате, но самому поехать для этого [в] крепость. Когда все собрались, митрополит, краткою речью представив важность настоящего действия, предложил испытать: «все ли чисты в совести своей?», потому что еще есть время обратиться к милосердию монарха. По утвердительном ответе, он сказал: «Ну, так помолимся!» Встали, ознаменовались крестом и поехали процессионально длинною вереницею карет в крепость, в сопровождении двух жандармских эскадронов. В среднем салоне комендантского дома было уже все приготовлено к открытию заседания. В глубине комнаты столы, накрытые красным сукном, были расставлены покоем, внутри которого поставлен особый небольшой стол для обер-секретаря и пульпет для министра юстиции.

Этим высшим блюстителем правосудия тогда был известный горячкою, доходившею иногда до бешенства, кн. Дм[итрий] Ив[анович] Лобанов-Ростовский, отличный полковник екатерининского времени, когда держались относительно выправки рекрут известного правила: «девять забей, десятого поставь!»

По открытии заседания из всех казематов вывели затворников и провели чрез задний двор и заднее крыльцо в дом коменданта.

Такое для большей части разобщенных узников свидание произвело самое сильное, радостное впечатление. Обнимались, целовались, как в воскресение, спрашивая друг друга: «что это значит?» Знавшие объясняли, что будут объявлять сентенцию. «Как, разве нас судили?»— «Уж осудили!» — был ответ. Но первое впечатление так преобладало, что этим никто сильно не поразился. Все видели, по крайней мере, конец мучительному заточению. Ведомых на поражение разместили по комнатам, следуя порядку разрядов. Потом начали вводить одними дверями в присутствие и по прочтении сентенции и конфирмации обер-секретарем выпускали в другие. Тут в ближайшей комнате стояли священник протоиерей Петр Мысловский, общий увещеватель и духовник[86], с ним лекарь и два цирульника с препаратами кровопускания. Их человеколюбивой помощи ни для кого не потребовалось: все были выше понесенного удара. Во время прочтения сентенции в членах Верхов[ного] суда не было заметно никакого сострадания, одно любопытство. Некоторые с искривлением лорнетовали и вообще смотрели, как на зверей. Легко понять, какое чувство возбуждалось этим в осужденных. Один, именно подполков[ник] Лунин, многих этих господ знавший близко, крутя усы, громко усмехнулся, когда прочли осуждение на 20 лет в каторжную работу*. По объявлении сентенции всех развели уже по другим казематам.

В ночь на 13-е число на гласисе крепости устроили виселицу и осужденных моряков отправили в Кронштадт. В 2 часа ночи в крепости и около ее было уже полное

* Лунин по выпуске из Петровского забайкальского каземата жил под Иркутском в Урике, но за написанное им для иностранных газет повествование о деле тайного общества и перехваченное отвезен был в Нерчинский Акатуевский рудник и там кончил жизнь свою[87]. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

движение. Всех узников вывели на двор и разместили в два каре; в одно принадлежавших к гвардейским полкам, в другое прочих. В то же время выводимые полки гвардии строились вокруг эспланады. Утро было мрачное, туманное. Разложены были костры огня около мест, назначенных для каре. В 3 часа осужденных вывели на экзекуцию. Во втором каре исполнили ее над всеми вместе, из первого разводили по полкам, кто к которому принадлежал. Срывая эполеты и мундиры, бросали в огонь. Таким образом оборванным странно было видеть между себя одного, оставшегося с орденами. Это был полков[ник] Алек[сандр] Никол[аевич] Муравьев. Помилованного государем забыли пощадить от вывода на экзекуцию*. Когда второе каре уводили обратно в крепость, раздался в нем хохот. Это после приписали бесчувственности, ожесточению; ничего не бывало: предмет смеха был Якубович в высокой офицерской шляпе с султаном, в ботфортах и в затрапезном коротеньком до колен халате, выступающий с комическою важностию.

Пять жертв, с которыми не допустили и пред объявлением сентенции никому видеться, провели по фронту войск с надписями на груди: «злодеи-цареубийцы». Под виселицами с ними простился и благословил их напутствовавший их протоиерей Мысловский. Пестель подошел к нему последний и сказал: «хотя я и лютеранин, батюшка, но такой же христианин; благословите и меня». Когда по наложении покрывал и петель отняли подмосток и страдальцы всею тяжестию своею повисли, трое: Муравьев, Бестужев и Каховский оборвались[89]. Сейчас подскакал один из генералов (Чернышев), крича: «скорей! скорей!» Между тем Муравьев успел сказать: «Боже мой! и повесить порядочно в России не умеют!» Надобно отдать полную справедливость духовнику — мы назвали его выше, — что он от этой казни унес глубокое чувство уважения к страдальцам. Он после без боязни, не обинуясь, говорил и писал к своим друзьям, что они умерли, как святые; дорожил данными от них вещами на память и до кончины своей поминал и молил о упокоении

* Он был послан на житье в Якутск, переведен потом в Верхнеудинск; после был полицеймейст[ером] и председ[ателем] губерн[ского] правл[ения] в Иркутске; затем в сей должности в Тобольск[ом] губерн[ском] правлении управлял некоторое время губерниею[88]. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

душ их пред престолом божиим. Тела погибших в следующую ночь тайно отвезены на остров Голодай и там зарыты скрытно. Так совершилась казнь несчастных жертв.

Во время всей этой процессии чрез каждые полчаса отправлялись в Царское Село, где находился государь, фельдъегери с извещением, что совершается все «благополучно». И в этот же самый вечер офицеры Кавалергардского полка дали праздник на Елагином острову своему новому шефу — царствующей императрице[90], с великолепным фейерверком. Быть может, хотели показать, что несчастные не достойны ни участия, ни сожаления, и думали треском потешных огней заглушить стенание и плач глубоко огорченных родных.

Над моряками в Кронштадте в то же утро экзекуция исполнена на флагманском корабле адмирала Кроуна. Сорванные эполеты и мундиры брошены в воду. Можно сказать, что первое проявление либерализма старались истреблять всеми четырьмя стихиями: огнем, водою, воздухом и землею.

Чтобы все это событие представить народу сколько возможно важным и ужасным, а принесенных в жертву лишить всякого сострадания, Синоду поручено было составить особенный молебен и «Святейший» издал брошюру под названием *сицевым**: «Последование благодарственного молебного пения ко господу богу, даровавшему свою помощь благочестивейшему государю нашему императору Николаю Павловичу, на испровержение крамолы, угрожавшия междоусобием и бедствиями государству Российскому» (в Синодальной типографии 1826 года).

В последней эктенье этого молебна[91] вот какие слова обращены к всеведущему, испытующему сердца и утробы богу: «Еще молимся о еже прияти господу спасителю нашему исповедание и благодарение нас недостойных рабов своих, яко от неиствующия крамолы, злоумышлявшия на испровержение веры православныя (!) и престола и на разорение царства Российского, явил есть нам заступление и спасение свое»**.

---

* таковым (ц е р к.).

** Это властолюбивое и мало с истиною и духом христианства соображенное сочинение невольно напоминает другое, именно: «Увещание от святейшего Синода к православным христианам», в начале 1807 года изданное, с повелением читать по воскресным дням

Такой молебен вскоре был отправлен пред парадом Гвардейского корпуса на Исакиевской площади, а также в Москве и во всей России*.

Этим священно-торжественным актом завершилась разыгранная официально пред народом и пред современным светом драма кары тайного общества в России. В таком виде попала она и в «Annuaire Historique»[92]. За скальпель истины возьмется будущий век.

Невольно представляется вопрос: при всех тех обстоятельствах, в каких внезапная смерть Александра застала Россию, могла ли не быть эта ужасная драма? Не желаем вовсе быть чьим-либо обвинителем,— понимаем очень, что нет сильнее деспотизма, с каким властвуют обстоятельства: ими и самые гениальные умы сбиваются с прямого пути, самые мягкие сердца побуждаются к жестокости, прославляемая добродетель творит злодеяния. За всем тем, мы по совести пред богом думаем сказать истину, ответив на этот вопрос положительно.

Правда, существование тайного общества было уже открыто двумя доносами в устрашающем виде; начались уже на юге аресты; но в столице самой возмутительные элементы были в совершенной инерции, и они остались бы в ней, если б не дано было ни повода, ни времени к возбуждению, к совещаниям, к замыслам.

Присяга у нас, по всеобщему признанию, не выполнима. Все это знают и говорят, что она не согласна ни с религиозными понятиями, ни с законами, ни с общественною нравственностию, ни с духом народным. За всем тем, она существует со времен Петра, и переменить ее почитается, по-видимому, таким же святотатственным

вместо проповеди. В нем сказано было о Наполеоне: «Это тварь, сожженная собственною своею совестью, от которой и благость божия отступила! И желает он с помощью помощников злодейства его, иудеев, похитить священное имя Мессии» и проч. И что ж? Во многих местах России, после такого чтения в воскресенье, в понедельник получено с курьером официальное известие, что их величества императоры на Немане обнимались и обменялись орденами; следовательно... Но тщетно Провидение дает такие уроки тем, которые святое установление бога и истины, мира и любви обращают в орудие политики, всегда лживой и мстительной. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

* В самое то утро, когда пели молебен на Исакиевской площади, протоиерей Петр Мысловский, отказавшийся в нем участвовать, служил в Казанском соборе панихиду по пяти повешенным. (Примеч. С. П. Трубецкого.)

помышлением, как перестроить Успенский собор. По такому понятию о святости присяги Государствен[ный] совет и сам вел. князь пред тению Александра и пред Россиею имели священную обязанность тотчас исполнить завещанный акт, как скоро вскрыли и прочли его. 27 ноября все присягнуло бы «назначенному» наследнику Александра, по точному смыслу присяги, повторяемой 24 года! Вступивши на престол, новому государю с самого первого дня также было бы легко обаять всех милостями и надеждами, как и после кровавой катастрофы, и еще легче, гораздо легче!.. Все тогда разобщилось бы, все бы распалось, что было как-нибудь способно к противодействию.

Этого не сделали, дозволили себе, с одной стороны — отрицаясь, с другой — угодливо рассуждая, не исполнить воли своего усопшего монарха и даже затаить самый акт, в котором она изъявлена. Правительствующий Сенат заставили провозгласить Константина по закону Павла I-го[93], как бы назначения не существовало. От этой первой неправоты пролегла дорога к кровавой развязке.

Цесаревич не поступил так, как следовало бы поступить при уважении к своему отечеству, буде не к Сенату. Должно было принять донесение Сената и отречься от престола манифестом от своего имени, поблагодарив Россию за преданность и разрешив ее от принесенной присяги. По строптивости характера, очень естественно, что мысль эта не могла быть объята ни умом, ни сердцем его*.

Затем оставалось поправить это, по крайней мере, предоставлением Сенату же вывести Россию из заблуждения. Он должен был указом же обвестить ее обо всем происшедшем, разрешить от принесенной присяги и повелеть по манифесту Александра I-го присягнуть *назначенному* наследнику, как уже законному государю. В обоих этих случаях манифест с возгласом: «Божиею милостию мы Николай первый» не мог бы никому показаться внезапным проявлением скрытой интриги и вторжением в права Константина I-го, начавшего царствовать в умах как солдат, ему преданных, так и народа, хотя очень рав-

* Один из подсудимых не опустил в ответе своем сказать: «Бедная Россия до того кажется презренною, что цесаревич не удостоил и спасибо ей сказать за присягу». (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

нодушного. Тогда Московский полк трудно было бы, при сопротивлении генералов и полковников, увлечь двум штабс-капитанам, кн. Щепину и Бестужеву, которыми существенно все возбуждено, все поднято, что явилось на площади*. Но *сделанного несделанным* сам господь не сделает! а причины его попущений непостижимы для ума смертных.

С нашею близорукостию можем сказать, что России нужны были жертвы этого рода, чтобы в глазах Европы перестать казаться *варварскою* и сколько-нибудь возвыситься во мнении своих обладателей, высказав, что она начинает всматриваться и понимать, что́ ее теснит.

С другой стороны, история убеждает нас, что из бедственных и кровавых событий вырождаются всегда благие последствия: новые силы, новая деятельность. Кто не видит теперь, как энергиею своего характера и многими знаменитыми делами, соделавшими самое царствование приснопамятным, монарх России возвысил ее до страшно колоссальной высоты, на которую «с трудом взирают очи»... А что еще будет? Завеса непроницаема!

Обратимся к нашему сказанию. Ожидали осужденные, что их так же, как обыкновенных преступников, без пощады пошлют в ссылку по этапам и что потому должны будут явиться еще на позор в губерн[ское] правление. Этого не случилось; обозначилась промыслительная рука самодержца. Осьмерых из 1-го разряда** тотчас отправили в Нерчинские рудники с фельдъегерем и жандармами, закованных в железа; прочих разослали — назначенных в каторжную работу — по разным крепостям в Финляндии, в Шлиссельбург*** и даже в Ревель; других, по

* Участие кн. Щепина-Ростовского в предварительных совещаниях ничем не доказано. Он твердо стоял в том, что защищал присягу по долгу[94].(Примеч. В. И. Штейнгейля.)

** Кн. Трубецкого, кн. Оболенского, двух братьев Борисовых, Якубовича, Давыдова, Артамона Муравьева и кн. Волконского (последний из 2-го разряда)[95]. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

*** Много стонов, со взятья этой крепости Петром, вознеслось к вечному правосудию; много политических жертв исчезло тут в тайне. Тут лишен жизни царственный мученик Иоанн, сын Антона Ульриха, которого именем около двух лет (1740—1742) управлялась Россия и которого православная церковь не удостоила даже христианского поминовения, поминая разгульного и осужденного царевича Алексия!.. Когда новые узники были привезены, выпустили оставшихся от Александрова царствования, в том числе Бока и Медокса[96]. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

назначению, в Сибирь на поселение и на Кавказ. Выезд из крепости совершался ночью. В железа при этом не заковывали. За двумя из ссыльных, отвезенных первыми, последовали великодушно их супруги: княгини Трубецкая и Волконская[97]. Хотя подвиг не беспримерный, но не менее высокий! Предоставляем себе возвратиться после к этому предмету.

Вообще пред отправлением из крепости дозволяемо было родным видеться и проститься в присутствии коменданта. Легко понять, как это присутствие было тягостно для разлучающихся навеки! Один отец семейства, после благословения детей и прощания с супругою, с глубоко расстроенным сердцем сошел с комендантского крыльца, сопровождаемый штыком. Обернувшись на восклицание «прости!», он увидел, что жена и дети вышли на крыльцо и, плача, смотрят ему вслед. С середины двора он закричал им твердым голосом: «Не скорбите! я теперь вещь, могут меня перекладывать, куда хотят; могут колотить даже; но помните, что самого апост[ола] Павла трижды били палками, а мы ему молимся». Никто не остановил его; так самые привычные к грубостям были разжалоблены подобными сценами. Если были с одной стороны примеры равнодушия и угодливой жестокости, не менее были же с другой проявления скрытного участия и сострадания. Из нескольких примеров вот один с благородною матерью семейства, о которой сейчас была речь. Она приехала нарочно из Москвы и наняла с намерением домик неподалеку на Большом проспекте. Узнав на третий день после прощания, что мужа ее увезли — куда? неизвестно, она возвратилась домой и села в слезах у растворенного окна. Вдруг пролетевшая мимо ее головы бумажка падает на пол среди комнаты. Она вскакивает, подымает и читает имя одной из крепостей финляндских[98]. Бросается к окошку, сострадательное существо уже скрылось, но, конечно, не от взора вечной благости.

Когда отправление из крепости прекратилось* и говор, возбужденный поразившею всех развязкою, умолк, государь выехал в древнюю столицу для восприятия

---

* Почти все принадлежавшие к 1 и 2 разрядам оставлены были в Петропавловской крепости, но распустили слух, что всех вывезли. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

священного коронования и миропомазания. Первою встречею там была эпиграмма на счет происходившей казни, и приуготовление к венчанию на царство должно было начаться арестованием нескольких молодых людей и огорчением нескольких семейств. В университете оказались семена либерализма, и несколько студентов отправлены также в финляндские крепости[99].

По совершении коронации в изданном милостивом манифесте не забыты были и осужденные Верховным уголовным судом. Вечная каторжная работа ограничена временностию 20 лет; 20-летняя сокращена в 15, и постепенно последний 6-летний срок превратился в годовой. Умеренность в этой милости вознаграждена другою, вовсе нового небывалого рода: государь проявил идею отеческого назидания над теми, которых принес в жертву первой своей идее, необходимой, строгой, устрашающей кары. Он не допустил смешать их с злодеями*, предначертав особенный ход для осуществления определенного им наказания. К исполнению своей благотворной мысли государь назначил генер[ал]-майора Лепарского, человека лично ему известного. Лепарский полковником командовал его Конно-егерским полком (Севским). С этим назначением Лепарский был наименован комендантом Нерчинских заводов с 20 000 жалованья, с тем, чтобы удержанием половины в 6 лет мог уплатить 60 000 рублей, одолженных им по сдаче полка**. Ему в штаб приданы были плац-майор Лепарский же, его племянник, и два плац-адъютанта: Куломзин, тоже его племянник по сестре, и Розенберг. Впоследствии из Иркутска прикомандированы штаб-лекарь Ильинский и священник Петр Громов[100]. Снабженный особенною инструкциею генерал Лепарский тотчас же отправился в Нер-

---

* Первые восемь человек были отправлены в Нерчинские рудники, где работали вместе со всеми каторжными. Трубецкому постоянно доставалось ходить на работу с разбойничьим атаманом Орловым. (Примеч. С. П. Трубецкого.)

** Лепарский рассказывал, что этим долгом он обязан был исполнению частых, как он выражался, прихотей по постройке новой амуниции и даже новых мундиров. (Примеч. В. И. Штейнгейля). Неправда! Лепарский всегда рассказывал, что долг он выплачивал за пожар, случившийся в селении, где квартировал его полк. Пожар произошел от неосторожности с самоваром, и с тех пор Лепарский не дозволял иметь у себя в доме самовара. (Примеч. С. П. Трубецкого.)

чинский край для приуготовления особых казематов, где найдет удобным.

По обозрении Нерчинского края Лепарский избрал для временного приюта осужденных Читу* — село при впадении реки Читы в Ингоду, где находилось депо заводское и заводск[ий] комиссионер**. Тут скуплены были места и некоторые дома. В одном из них по обнесении его тыном тотчас же устроена временная тюрьма, получившая после название малого каземата, и в то же время начато новое здание в 4-х отделениях для большого каземата. Это приуготовительное устройство было причиною томительного задержания осужденных в крепостях; говорим: томительного потому, что неизвестность причины видимого изменения назначенной по приговору ссылки заставляла узников почитать себя навсегда заключенными, или, говоря другими словами, погребенными заживо. Но как скоро малый каземат в Чите был готов, все задержанные в Петропавловской крепости были той же осени отправлены за Байкал.

Содержание в финляндских крепостях продолжалось гораздо долее и до декабря месяца 1826 г. было самое строгое: не выпускали не только пользоваться воздухом, но даже в баню; каждый был заперт, в полном смысле, в carcero-duro. Но после обозрения всех заключенных финляндским генерал-губернатором Закревским положение их во многом изменилось. Дозволено стало прогуливаться поодиночке по валу, видеться друг с другом в казематах и разрешено водить в баню. Вообще личное обращение генер[ал]-губернатора было очень успокоительное, по оказанному вниманию и особенной вежливости, в совершенный контраст — с принятою формою в официальных предписаниях, где узников называли просто «каторжными»***, тогда как в инструкциях предписано было соблюдать в обращении вежливость.

---

* Чита избрана по указанию ген[ерал-]губ[ернатора] Лавинского. (Примеч. С. П. Трубецкого.)

** Чита называлась прежде Читинским острогом. Остатки острога, т[о] е[сть] старинного укрепления, в 1826 г. еще существовали. В Читинский острог привозились все тяжести для заводов из Верхнеудинска гужем, а отсюда сплавлялись на лодках и плотах. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

*** Коменданту Свартгольмской крепости написано было, что такая-то графиня, супруга генерала от инфантерии, пришлет чай и сахар и некоторые вещи для «каторжного» ее однофамильца, кото-

В исходе июня 1827 года начались последовательные отправления из крепости в Читу с фельдъегерями и жандармами. При отправлении предписано было заковывать в железа*. Обыкновенно возили по три человека в разных повозках. Тракт был назначен на Ярославль, Кострому, Вятку и Пермь. На станциях запрещено было пускать с кем-либо видеться. Но, к чести низшего слоя исполнителей в России, надобно сказать, что их сердца всегда мягче суровости их высших распорядителей. Убийцы, отъявленные злодеи везде находят сострадание в народе и помощь. Это отличная, истинно религиозная черта в народе. Отчасти тут мешается недоверие к осуждению и сознание в ненадежности собственного ограждения от подобной участи, при существовании пословицы: с тюрьмой да с сумой не ссорься! Диво ли, что благородные страдальцы всюду встречали участие?

рые предписывается доставить с распискою. И это «по секрету»! Как бы, казалось, не заметить уродливости такого столкновения в выражениях и совершенной бесполезности! (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

* В Свартгольмской крепости комендант подполковник (имя этого благородного человека достойно остаться в памяти) Карл Федорович Бракель при отправлении первой партии, читая выведенным из секретного дома узникам полученное им повеление, при словах: «заковать в железа» зарыдал, так что они принуждены были его утешать, высказывая все свое равнодушие и готовность на всякое оскорбление. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

ПИСЬМА

1. Ф. В. МОШКОВУ[1]

Олива, 22-го октября/3-го ноября 1813*

Спешу Вас поздравить с победою у Лейпцига[2], которою,— кажется, несомненно,— судьба Европы решена и свобода ее достоверна. Слава белому царю и непобедимым его россам, которые беспримерным мужеством своим при защищении отечества своего умели поселить дух бодрости и в самых унылых и порабощенных почти навсегда германцах! Следствия победы чрезвычайны, как то, думаю, уже и Вам чрез генерала Кутузова известно[3]. Наполеон бежит с 75 т[ысячами]. Его преследуют Платов и Йорк[4]. На Майне, если верить немецким газетам, должны его встретить виртембергцы и баварцы, кои уже на стороне справедливости и чести. Вся потеря Наполеона простирается до 60 т[ысяч] войска и 400 пушек и др. Известно точно, что в плен взяты: саксонский король, Лористон, Ренье и Бертранд[5]. Ожеро убит и Демутье; Поньятовский утонул в р. Елстре[6]. Приехавший из армии полковник сказывает, что после взяты Ней и дюк де Реджио (кажется, Удино); говорили также о короле неаполитанском, но нужно подтверждение[7]. Барклай де Толли и Беннигсон графами и фельдмаршалами, Шварценбергу пожалован орден Георгий 1-й степени[8]. Прежде сего государю поднесен от английского регента[9] орден Подвязки. Это новость необыкновенная и означает, что английский народ признает дела государя нашего необыкновенными же и достойными совершенно отличной признатель-

---

* Перлюстрационная копия с резолюцией Александра I: «Истребить» и пометой А. А. Аракчеева: «Великое герцог[ство] Баденское. Гор. Фрейбург. 12 декабря 1813 г. Г[енерал] Аракчеев». Помета: «Остановлено до повеления».

ности. Наша главная квартира уже в Эрфурте[10]. У нас здесь всякий день канонада, почти без умолку и пол-Данцига уже выжжено[11]; третьего дни в ночь было жестокое сражение; наши штурмовали батареи, но неудачно; вскоре ошибка будет поправлена; но сказывают, будто те несчастные головы, кои сорваны в ту ночь ядрами, никак уже приставить невозможно и должно будет жертвовать новыми, чтоб только отмстить за них. К пущему оскорблению на днях англичане прозевали и впустили в гавань судно, хотя не большое, с солью и другою провизиею, что, натурально, весьма ободрило гарнизон, который приходил уже от голода и беспокойства в отчаяние. Странно, что судно сие вышло из Пиллау. Туда послан чиновник исследовать сие дело; но от того нимало не легче. Не стану Вам описывать положение наших воинов. Взгляните на погоду и вспомните, что они без сапог и без одежды, день и ночь почти в ружье; да, правда, немного уже и осталось их. Ниспошли, господи, мир! вот единственная всех нас молитва.

Я уже не служу более с Жеребцовым, но по-прежнему в С.-П[етер]бургском ополчении в 5-й сводной дружине, коей начальник полковник Павел Леонтьевич Шемиот, один из благороднейших людей, какие только есть у нас в ополчении. Не стану Вам говорить о причинах такой перемены, предоставляя сие для времени нашего свидания[12]. Я теперь живу в виду Данцига в селении Сливе и смотря покойно (если только можно смотреть покойно на бедствие людей) на бурю, ожидаю тишины и спокойствия и всего более свободы.

Штейнгейль

2. А. А. ВОЛКОВУ[1]

[Москва, не ранее февраля 1816][2]

Ваше превосходительство, войдите в положение бедного сего раненого офицера. Он не имеет возможности получить подорожную за деньги; а по *каз*[*енной*] *надобн*[*ости*] дать нельзя; а средство есть ему помочь. Именно попросить только Константина Яковлевича Булгакова, чтоб отправил его до С.-П[етер]б[урга] при почте, как это у них водится. Я бы сам поехал к е[го] п[ревосходительству] попросить об этом; но раз — незнаком, другой — времени нет, третий — не знаю, как примет. А Ваше сердце мне известно — смело иду — и уверен.

Ваш преданнейший душою б[арон] В. Штейнгейль

На обороте: Его превосходительству милостивому государю

Александр[у] Александровичу Волкову

3. В ГАЗЕТУ «РУССКИЙ ИНВАЛИД»

Апреля 26-го 1816 года С.-П[етер]бург

Я имел в предмете принесть сим изданием[1] некоторую существенную пользу тем храбрым воинам, кои, отражая грудью дерзновенного неприятеля, кровию и увечием запечатлели любовь свою к отечеству. С душевным удовольствием удовлетворяя сему желанию моему, покорнейше прошу Вас получить от Василья Алексеевича Плавильщикова[2], в типографии коего печаталась 1-я часть моих записок, двести экземпляров оных и обратить их в продажу в пользу инвалидов, преимущественно из воинов С.-П[етер]бургского ополчения — и из сих особенно тех, кои служили в 4-й и 5-й дружинах.

Барон Владимир Штейнгейль

4. А. А. МАЙКОВУ[1]

21 июля 1817. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь,
Аполлон Александрович.

Один из моих подчиненных, и притом лучших, именно губернский секретарь Сокольский[2], просит моего пред Вашим превосходительством ходатайства. Он трудился в переводе пиесы *«Чертовой мельницы»*[3] и ссудил сим своим трудом для бенефиса одного из актеров; после же того сия пиеса несколько раз представлена была в пользу театра с успехом. Ныне он известился, что перевод его отдан театральною дирекциею в печать. Не имев намерения ее печатать и особенно со своим именем, он почитает свое право как переводчика сим оскорбленным — и, не зная, какими правилами в сем случае театральная дирекция руководствуется, желает, чтоб ему оказана была справедливость или объявлением сих правил, или остановкою самого печатания его перевода.

Уверен будучи в расположении Вашего превосходительства ко мне и в самой справедливости Вашей, я по-

корнейше Вас, милостивый государь, прошу оказать г. Сокольскому должное снисхождение и тем поощрить начальные труды его на пользу словесности и театра; ибо малые таланты покровительством и временем усовершенствовываются, напротив, и великие, будучи подавляемы в самом зарождении, пропадают.

Ожидая от Вашего превосходительства всего лучшего для г. Сокольского, с душевным почтением имею честь быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства покорнейшим слугою
барон Владимир Штейнгейль.

5. А. А. ПИСАРЕВУ (ОТЦУ)[1]

25 генваря 1818

Я чту священные обычаи предков. По возможности стараюсь следовать им. Русские прочное знакомство начинали *хлебом-солью;* но они же исстари говорят: зов — дело великое. Желаю сердечно видеть у себя, желаю угостить хлебом-солью, но паче радушием, почтеннейшего сына Вашего, но звать не смею — будьте посредником: доставьте мне завтра величайшее удовольствие угостить Александра Александровича — и представить ему мирное мое семейство, составляющее мое благо, пред коим вся прочая суета суть.

В таком случае я надеюсь, что и Павел Петрович ко мне пожалует[2]. Душевно преданный и желающий Вам здравия

барон В. Штейнгейль.

На обороте: Его превосходительству милостивому государю
Александр[у] Александровичу Писареву

6. А. А. ПИСАРЕВУ (ОТЦУ)[1]

26 генв[аря] 1818

Остается мне скорбеть сердцем, что случай располагает иначе, нежели бы мне желалось: так и быть, обстоятельства не одному мне противятся, я их был всегда всепокорнейший слуга.

Сегодни я целый день буду дома; впрочем, по вечеру и всякий день бываю у себя же. От Вашего превосходительства зависит подарить меня когда угодно; но сегодни еще бы более одолжить меня изволили. Впрочем, умоляю

Вас, чтоб посещение Ваше было сопряжено с доброю Вашею волею и расположением.

Барон Владимир Штейнгейль

На обороте: Его превосходительству Александр[у] Александровичу Писареву.

7. А. А. ПИСАРЕВУ (ОТЦУ)

28 генв[аря] 1818

Я просил у Вашего превосходительства дозволения доставить Вам несколько бутылок домашней нашей наливки. С удовольствием выполняю мое обещание. Хозяйка моя желает, чтоб Вам опыт хозяйства ее понравился. В Сибири, где она воспитана, чем богаты, тем и рады.

Из 9 бутылок 6 — с рябиною, все настоены на французской водке, следовательно, можете по Вашему обыкновению употреблять и с чаем.

Барон В. Штейнгейль

На обороте: Его превосходительству Александр[у] Александровичу Писареву.

8. А. А. ПИСАРЕВУ (СЫНУ)

Апреля 16. 1818. Москва[1]

Ваше превосходительство,
милостивый государь.

Приветствуя Вас христианским лобзанием: Христос воскресе! я сопровождаю оное чувствительнейшею моею благодарностию за дорогой Ваш подарок, которым весьма богато отдарить меня изволили; по крайней мере, оставьте мне это самому чувствовать. Я бы сказал более, но надобно бы было неприметно говорить о своих достоинствах, а это трудно для человека с моими чувствованиями... Вот уже похвала себе — се человек! Я замолчу и удержу то на сердце, что готово было излиться на бумагу.

Признаюсь, мне очень больно было, когда после нескольких дней назначенного ожидания, приехав к Вам, узнал, что Вы уже уехали. Я знал очень, что Вам было чем здесь развлечься и даже *завлечься*, если б только захотели, но я ожидал, судя по началу, что Вы найдете еще минуту сделать меня с праздником; тем более что

я — мне казалось, что Вы уже должны были это заметить, — от всего сердца полюбил Вас и всею душою стал почитать, без всяких видов на *знакомство* Ваше с сильным земли, *которого* сущность, по несчастию, очень уже знаю[2]. Примите самую эту искренность за доказательство того, что я теперь сказал. Отъезд г. Субботина, не простясь со мною, был для меня также весьма чувствителен: Вам буду жаловаться, ибо по Вас и с ним познакомился. Он дал честное слово ко мне заехать, назначил даже час, заставил ждать и не был. Между разговорами прежде он мне сказал, что гр. А[лексей] А[ндреевич] велел ему быть осторожну и знать, что его теперь *найдут все:* я подумал, уже не счел ли он меня в числе сих искателей[3]; тогда как я сам имел и имею причину гнушаться ими и так далек от этого, что когда заметил в самом гр. А[лексее] А[ндреевиче], уверившем прежде меня, что *ему весьма приятно меня у себя видеть*, и потом затворившем для меня двери, — сию перемену, препнул яко о камень ногу мою и более уже не бывал; короче — по моим чувствам, правилам, духу — я могу быть несчастлив, но никогда подл и низок. Дети мои без стыда и не краснея должны будут произносить имя отца своего — вот о чем хочется мне, при помощи и благословении божием, приложить старание... Но я уже преступил пределы скромности, таков прав мой, как скоро мне кажется, что дело идет об оскорблении моей чести. Вы захотели быть со мною знакомыми, следовательно, Вам нужно знать это, ибо не думаю, чтоб такой человек, как Вы, дарили людей Вашим знакомством без разбора и увлекались в сем случае модными чудовищами: учтивостью ложною и (которое еще сильнее!) приличием. Г. Субботин в другой раз к себе меня не заманит.

Теперь праздник, самое прескучное для меня время. Я в своем кабинете выправляю свое сочинение, о котором, кажется, Вы уже изволили от меня слышать. Я уже его кончил; оно будет под заглавием: «*Полное обозрение начал и правил, на коих основаны времясчисление старого и нового стиля, и пасхалия, употребляемая православною греко-российскою церковью, с показанием существенной разности оной с пасхалиею западной церкви*»[4]. Крайне меня затрудняет, что я должен буду послать оное в духовную цензуру в С.-П[етер]бург. Боюсь, обидятся, что светский человек говорит о вещах церковных яснее своих

духовных, — и запретят. В награду за труд и доброе намерение: посвятить оный бедным, получишь только одну досаду; но разве я уже не испытал такого рода благодарность от человека, прикрашенного титулом сиятельства![5] — О люди! При сем восклицании весьма кстати окончить мое письмо засвидетельствованием моего Вам отличного душевного почтения и преданности, с коими навсегда имеет честь быть

Вашего превосходительства, милостивого государя,
покорным слугою
барон Владимир Штейнгейль.

P. S. 17 апреля

Я готовился отправить письмо мое на почту, но вдруг 201 выстрел возвещает рождение принца, поспешаю в Кремль и узнаю, что бог даровал России великого князя Александра Николаевича[6]: поставил себе приятнейшею обязанностью поздравить Ваше превосходительство с сею общею радостью. Заметить должно, что в самое это время на Красной площади был собран большой парад: это было в 11 часов утра.

Позвольте мне еще занять Вас: читали ли Вы Историю Российского государства — и как ее находите? Признаюсь, я более ожидал — и мне многое не кажется, может быть оттого, что всякий барон имеет свои фантазии. Куликовское дело, например, у Глинки гораздо лучше, точнее и живописнее описано, нежели у историографа. А продана история безбожно: многим подписавшимся возвращены деньги, ибо Глазунов дал наличные вдруг; и человек, облагодетельствованный правительством, предал публику на ограбление: это очень *сантиментально*!..[7] Но, оставя это до свидания, скажу другое: прочтите речь Магницкого про открытие в Симбирске библейского общества[8] — и Вы узнаете, что свет наравне управляется чертом и Иисусом Христом (прости, господи, согрешение!) и что в 7 т[ысяч] лет черт премного пакостей настроил Спасителю; что древние истуканы, не хитростью жрецов, но *духами тьмы одушевленные*, прорицали будущее; что Россия предназначена свыше к проповеди, ибо называется: *святая Русь, воинство христолюбивое, народ православный* — это не просто! и пр. Не знаю, но лет с сотню назад эту речь не назвали бы прекрасною. Если Магницкий подлинно умен, как сказывают, то разве он надсмехается над догматами; но и это верх безумия.

Впрочем, ныне от многого, коли пристально посмотришь, ум за разум зайдет. Кстати, я вспомнил, Вы изволили у меня увезти «Законы Каменщиков», если они Вам нужны, не беспокойтесь, я достану другой экземпляр; а этот извольте оставить у себя [9].

9. А. А. ПИСАРЕВУ (СЫНУ)

18 июня 1818. Москва

Ваше превосходительство,

Вы столько ко мне милостивы, что я истинно не знаю, как достойно соответствовать Вам моею за то благодарностью. Пусть одно время докажет Вам искренность и качество чувствований моих: изобретение витиезатых выражений не может иметь тут места. Где работает ум, тут всего чаще безмолвствует сердце. Я не хочу быть подозреваем с этой стороны. Сочинения Ваши будут мне самым драгоценным подарком: из поименованных Вами я имею уже «*Предметы для художников*»[1]: давно читал и давно удив..., но нет, это язык льстецов. Позвольте мне быть скромным.

Ожиданием Вашим Вы делаете честь и ободрение моей «*Пасхалии*», которая, будучи кончена, остановилась за выправкою; а между тем я как-то расстроен духом, и жар мой было простыл. Притом же надобно дело иметь с монахами, а это не безделица! Надобно бы спросить у г. М[агницкого], у которой из двух сил, управляющих вселенною, они под властию. За всем тем я буду в Петербурге и ознакомлюсь с новым митрополитом [2], следовательно, поговорю с ним.

Действительно, я отправлюсь в Петербург, как все те *пелигрины**, *которые на стезе слепой фортуны зримы.* Думаю, не лучше ли в Петрополе будет сиять для меня все то, что сияет, как-то: солнце, луна и пр. и пр. Вы могли подумать другое. В Москве меня поставили в винительный падеж, следовательно, *склонение* для меня было самое невыгодное. Каждое место имеет свою грамматику, и потому я надеюсь там быть в другом падеже, токмо не в дательном..., ибо не в состоянии и не учился этою тропою доходить до риторики.

...Я уверен, что Вы простите мне эту вольность: она

* пелигрины — пилигримы, паломники.

следствие прямое того душевного к Вам почтения и сердечной преданности, которые до гроба будут всюду сопровождать имеющего честь быть

Вашего превосходительства, милостивого государя,
покорнейшим слугою
барона Владимира Штейнгейля.

10. А. А. АРАКЧЕЕВУ

1-го генваря 1819. Москва

Сиятельнейший граф,
милостивейший государь!

Глубочайшее почтение и совершенная преданность моя к высокой особе Вашей налагают на меня священную обязанность принесть Вашему сиятельству усерднейшее поздравление с наступившим в сей день Новым годом. Желания мои при сем случае соответственны упомянутым моим чувствованиям и той живейшей благодарности, которая усугублена в душе моей новым опытом особенно милостивого Вашего сиятельства внимания и благосклонности, коими соизволили меня удостоить чрез его превосходительство Василия Федоровича Ильина[1].

Сиятельнейший граф! Удостойте принять сие поздравление с тем же милостивым снисхождением, с тою же благосклонностию, какими Вашему сиятельству благоугодно было лично меня очаровать. Простите великодушно, что осмеливаюсь так выразиться: будучи вскормлен в Камчатке, воспитан в Морском корпусе и потом образован единственно горестными опытами в диких и отдаленных странах Сибири, я не обык иначе говорить, как по чувствам моего сердца. И если б они не были чисты, благородны, бескорыстны, я не смел бы взирать на Вас, не только беспокоить столь высокую особу уверениями в том, что до конца дней сохраню к Вашему сиятельству чувствования живейшей благодарности, искренней преданности и нелестного глубочайшего почтения, с коими честь имею пребыть,

милостивейший государь!

Вашего сиятельства покорнейший слуга
барон Владимир Штейнгейль.

11. А. Н. ГОЛИЦЫНУ[1]

Генваря 23. 1819. Москва*

Сиятельнейший князь,
милостивый государь!

Я имел честь лично удостоиться получить от Вашего сиятельства лестное для меня дозволение посвятить имени Вашему сочинение мое под названием: «*Полное изъяснение времясчисления и пасхалии*», с эпиграфом: «*Истину стяжи и не отрини мудрости, и учения, и разума*»[3]. При сем случае изволили приказать мне доставить оное к отцу ректору С.-Петербургской семинарии архимандриту Иннокентию[4]. Я исполнил волю Вашего сиятельства. Но цензурный комитет духовной академии возвратил мне рукопись мою с таким при том от лица архимандрита Иннокентия отзывом, что «Комитет не может об оной сделать решительного заключения, ибо — по мнению его — в ней излагается проект перемены времясчисления в России, каковое счисление содержится Российскою церковью и перемена коего должна переменить круг церковный; следовательно, и окончательное заключение об оном проекте, обнародовать его или нет, зависит от церкви, коей представители суть святейший Синод».

Дабы не остаться виновным пред лицом Вашим, сиятельнейший князь! я обязанностью поставил воспринять смелость обстоятельство сие довести до сведения Вашего сиятельства. Позвольте при сем случае представить Вашему сиятельству несколько слов о самом сочинении моем. В нем содержится самое подробнейшее изложение старого и нового стиля, равно как и пасхальных кругов, на сих двух времясчислениях основанных, со всеми нужными таблицами, к оным кругам принадлежащими. Сие изложение само уже собою объясняет неверность старого стиля и необходимость рано или поздно по примеру всех просвещенных народов принять стиль новый. Говоря о сем, я как христианин, в душе моей преданный своему исповеданию, соблюл всю осторожность: не сказал ни одной мысли, ниже ни одного выражения, могущего быть противным достоинству православной церкви. Я осмелил-

---

* Помета А. Н. Голицына: «Отвечать, что изъясненные им обстоятельства, остановившие издание книги, какое он предполагал, весьма достаточны, и потому неисполнение им своего предположения никак не относится на его счет»[2].

ся только заметить, что перемена стиля должна со временем воспоследовать и что она гораздо удобнее совершена быть может тогда, когда истинные начала, на коих основаны времясчисление и круг пасхальный, точнее и большей части публики, особливо духовенству, предварительно сведомы будут. Для сей именно цели мое сочинение может почесться полезнейшим. Известно, что единственно изменение празднования Пасхи относительно дня равноденствия заставило папу Григория XIII исправить календарь и круг церковный. Известно также, что оный понтиф одним сим подвигом стяжал себе бессмертие[5]. Я осмеливаюсь мыслить, что подобное исправление времясчисления в России весьма прилично просвещенному веку Благословенного Александра — и что оно не менее бы принесло вечной славы благомудрому управлению Вашего сиятельства духовным департаментом.

Если я ошибся в расчете относительно пользы, какую сочинение мое принесть может, и напрасно беспокоил особу Вашего сиятельства, то неумышленности моей простит сиятельнейший князь; по крайней мере, в том уважении, что год трудился я, одушевляемый единственно усердием и любовью к славе моего государя и отечества; к Вашему же сиятельству осмелился обратиться единственно по глубокому чувству нельстивого сердечного уважения к Вашим добродетелям, для коих исполнен будучи к особе Вашей истинного высокопочтения и преданности, имею честь быть навсегда,

милостивый государь!

Вашего сиятельства покорнейшим слугою
барон Владимир Штейнгейль.

12. А. А. АРАКЧЕЕВУ

Октября 28 дня 1819. С.-Петербург*

Сиятельнейший граф,
милостивый государь!

Вследствие благоснисходительного дозволения Вашего имею честь поднести Вашему сиятельству мысли и замечания мои относительно гражданственности и купече-

* Пометы А. А. Аракчеева: «Получено 1 ноября 1819»; «Бумага возвращается обратно при записке. 18 ноября 1819». Помета секретаря: «Владимир Иванович».

ства в России[1], повергая оные в непосредственное милостивое внимание Вашего сиятельства, равно как и то усердие и ревность к монарху и отечеству, кои были единственным побуждением к изложению сих смелых истин, опытом и повседневным наблюдением дознанных.

С глубочайшим почтением и сердечною преданностию имею честь быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства покорнейший слуга
барон Владимир Штейнгейль.

13. А. Н. ГОЛИЦЫНУ

<...> декабря 1819. С.-Петербург*

Сиятельнейший князь,
милостивый государь!

Мудрым монархом поставлены быв на высокую степень верховного блюстителя в великом и священном деле насаждения в отечестве нашем благочестия, нравственности и просвещения, Ваше сиятельство стяжете редкую славу: чрез Вас благие намерения великого государя преисполняются, полезные начинания увенчиваются желаемым успехом, спасительные подвиги явно приосеняются свыше — и Россия готова уже препираться о первенстве с просвещеннейшими державами в Европе.

Взирая на таковое преуспевание ее, изумленный свет, кажется, одного еще ожидает: скоро ли она сравняется с совместницами своими и самым исправлением своего времясчисления, неверность коего несомненными астрономическими наблюдениями доказана, историею христианской церкви подтверждена и всеми благоучрежденными государствами признана. И когда же удобнее совершиться сему, как не в беспримерное по великим событиям достославное царствование Александра Благословенного?

Ревнуя ко славе любезнейшего отечества, как свойственно благородному сыну его, я осмелился по мере слабых познаний и способностей своих сделать опыт такого сочинения, которое бы могло ознакомить соотечественников моих, и наипаче юных, с полною теорией хронологи-

---

* Помета о получении: «16 декабря 1819». Число отправления в подлиннике утрачено (бумага обветшала).

ческого и месяцесловного счисления старого и нового стиля, и если смею сказать, приуготовить умы к необходимому со временем принятию сего последнего. Итак, кому по всей справедливости приличнее могу посвятить сей труд мой, как не Вашему сиятельству?[1]

Удостойте, сиятельнейший князь, принять оный со врожденным Вам благоснисхождением. Дозвольте, да украшенный высоким именем Вашим свидетельствует пред светом о тех чувствованиях глубочайшего почтения и нелестной преданности, коими преисполнен к особе Вашей имеющий честь быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства покорнейший слуга
барон Владимир Штейнгейль.

14. Г. П. ВОНИФАТЬЕВУ (?)[1]

СПб., 6 мая 1820*

С праздником!— Ты ждешь описание о новом дебютанте[2]. Удовлетворю любопытству твоему кратко. Лишь показался, то громкие рукоплескания раздались со всех сторон, и минут пять продержали его на половине сцены в наклоненном положении. Голова и лицо прекрасны, стан величествен, рост больше твоего, но ноги жидки, и вообще видно, что он не состроился. Едва начал говорить твердым голосом — и все услышали Яковлева[3]. Удивительное сходство. Но когда горячился, то голос изменял ему и видно было, что говорит юноша. После каждого акта со всех сторон начинались суждения; но общий результат оных был тот, что он много обещает. Теперь еще произношение неправильно, жесты неловки и часто неприличны — излишнее мотание головою, неуместная горячность и пр[очие] недостатки весьма приметны. Однако ж в некоторых местах произносил он стихи превосходно. Напр[имер], тут, где он, описывая смерть Тоскара, говорит: «Могила храброго отечеству священна». При конце трагедии он зарыдал, как юноша, а не как герой, ужасным бедствием сраженный. Его, однако ж, вызвали с Колосовою[4] и наградили громким рукоплесканием.

Потом мы были с сестрицей на Малом театре при

---

* Помета адресата: «Получено 8 числа».

представлении «Роллы». Черт ведает, как исказили эту трагедию[5]. Вообрази, что старика слепого играл Величкин — и тут, где надобно было бы плакать от умиления, все хохотали. Борецкий не на Аталибу, а на булошника более походил. Эльвиру Яковлева играла бездушно: роль совсем не по ее лицу и характеру. Максин хорохорился и врал препорядочно — и тоже возбуждал смех, короче, во всей трагедии, одна Валберхова играла хорошо и с чувством прямым — и еще Каменогорский; то же можно сказать о Толченове. Вызвали Валберхову с Максиным. «Перегородка»[6] очень хороша, но мне показалось, что несколько растянута. Монруа пела дурно и не умела сесть за арфу; поставила ее к себе наоборот — и заставила хохотать. Притом же вместо арфы мы слышали три дурные скрипки. Хоть бы под качелями![7]

Забыл сказать, что Тюф[якин][8] иначе не дозволил явиться Каратыгину в бенефис отца его на сцену, как с тем, чтобы он четыре раза сыграл в пользу дирекции — и он скоро будет играть роль «Эдипа-царя», в траг[едии] соч[инения] Грузинцева[9]. Когда же обязанность свою выполнит, то на три года еще останется без действия — и очень благоразумно!

Сего дни *«Гулянье на Крестовском»*[10]. Моим хочется видеть. Не знаю, удастся ли добыть билет. Прости. Будь здоров к удовольствию любящих тебя; от них же первый

б[арон] В. Штейнгейль.

12-ть часов вечера. Сей час приехали из театра. Видели много приятного для глаз в «*Гулянье* на Крестовском». Малютка Мес удивила своим искусством. Чудо! — французский кадриль и кавказский танец нас пленили. Жаль только, что, сидя в бенуаре, своротили шеи... Но пора спать. Прости. Добра ночь!

15. М. З. ЗИНОВЬЕВУ (?)[1]

Фурсово[2], октября 1-е, 1820*

Многолюбезнейший мой Михаил Зиновеич, приехав из Тулы, я нашел Ваше письмо от 10 сентября, исполненное такими выражениями, такими чувствованиями, что я до умиления и — не стыжусь сознаться — до слез был

---

* Помета адресата: «Получено 6 октяб[ря] 1820. Ответ 12 октяб[ря] 1820».

тронут ими. Я желал Вам тотчас отвечать и не отвечал именно потому, что мне хотелось поговорить с Вами языком сердца при свободном излиянии души; но мне мешали и люди и обстоятельства. Между тем получил второе Ваше письмо от 21-го и вчерась третье от 28-го. Несмотря, что вчерась и сегодни писал с утра до ночи, поспешаю отвечать Вам, чтобы загладить невинно заслуженный упрек. Тщетно желал бы выразить, сколь приятно мне читать дышащие искренностью уверения в дружестве Вашем; тщетно хотел бы равносильно убедить Вас верить подобным ощущеньям с моей стороны — Ваши доказательства будут всегда сильнее: Вы подкрепили уже их опытом, а у меня одни слова, от которых всегда весьма далеко еще до дела. Но я уже сказал, что надеюсь на время, что оно некогда меня оправдает, — сказал, и подлинно перестану уверять Вас в том, в чем ему предоставляю Вас убедить.

Сожалею вместе с Вами, что бессовестность трактирщика лишила меня одного из писем Ваших и удовольствия прочитать описание Ярославля, который, вопреки заключению Вашему, мне известен токмо по географии, а это не то, что личное наблюдение. Господа географы нередко, подобно посетителю Кунсткамеры, замечают букашки и таракашки, а слонов не видят[3]. Сожалею, что не удалось и помечтать с Вами о предположениях, кои Вас тогда занимали. Как ни говорите, а мечтание — благодетельный дар небес. По-моему, мечта и надежда — две родные сестры *милосердия* для рода человеческого.

Искренно благодарю за отправление печати. Можно быть уверенным, что получивший будет доволен ею и без оправы.

Не помню, какие слова в письме моем заставили Вас так удивляться и спросить: где величество души моей? — В моих слабостях, отвечаю. И герои, обессмертившие себя твердостию духа, платили в некоторые минуты жизни дань человечеству: мне ли подчас не падать духом под ударами неприязненного рока? И то уже много, если падение сие скоропреходящее, если я могу еще, упав, встать и оправиться, укрепиться упованием на промысл и вооружиться паки терпением. Не требуйте от меня более. Не нужно Вам быть священнослужителем, чтобы действовать к моему успокоению: Вы успеваете в этом тремя словами языка сердечного. Он имеет свою силу,

свою магию для тех, кто способен понимать его. Полагаю себя в числе сих.

Зависть моему шпицу заставила меня улыбнуться с сердечным удовольствием. Боюсь, чтобы подлинно Вы не возродили во мне опять честолюбия, которое очень некстати для винокура... На сем слове останавливаюсь и прехожу мыслию к предприятиям, о коих Вы далее в письме Вашем упоминаете. После Вашего *не отчаиваюсь* я, кажется, готов сказать: *надеюсь*. О, как бы подлинно я этого желал. Мое положение таково, что надобно этого желать, — но расскажу Вам в своем месте.

Я не мог обойтись строже с Вашим сочинением, ибо оно заслуживало одобрение по совести. Где дело состоит в сущности, а не в надутой красоте стиля, тут грамматические ошибки ничтожны. Я и то несправедливо поступил, что их заметил.

Скажите любезному братцу Вашему, что всякое его письмо мне будет приятно, и чем проще, чем ближе к чувствованию непорочного его сердца, тем для меня приятнее. Я очень верю, что произнесший в публичном собрании речь на иностранном языке способен написать высокопарное письмо даже к самому папе, и потому нимало не усумнюсь в его способностях, если письмо будет не в правилах риторики. Пусть пощадит бумагу и время, для меня теряемое, которое ему столь драгоценно.

И я невольно рассмеялся над словами: *за Вас все еще действуют*. Желал бы знать: кто, как и у кого. Всего вероятнее, что обо мне так там заботятся, как заботится насытившийся за поминным столом жирный поп о том, загребли ли могилу отпетого им покойника.

Приятный язык искренней дружбы Вы называете со своей стороны болтливостью: бога Вы не боитесь! Что же после этого церемонные поздравления с праздником и письма посвятительные?

Анекдот Ваш о несчастном офицере напомнил мне много случаев, где для вздорных учреждений гибнут люди, как собаки. Я всегда с жалостию смотрел, как благородный человек выбегает сломя голову по колокольчику для какого-либо пустого превосходительства, нередко стоющего того, чтобы не ему, а на нем бить дробь.

Травалем, напротив, я очень доволен. Он так уже привык ко мне, что безотлучно со мною, и спит, и даже ест вместе. При всяком выходе моем такие делает антра-

ша, что перещеголяет Дюпора и Антонена[4]. Я брал его с собою и в Белев. Словом, я Вам совершенно благодарен за него, более, нежели человеку Вашему за Афанасья, которого я по бессовестности его принужден был отпустить, и по глупой, впрочем, снисходительности — с одобрением.

Писца, который не совершенно хорошо пишет, не нужно, другой же должности теперь дать не могу. П. И. Чебыш[ев], получив сведение о высоких ценах на хлеб, возвратился с дороги в Петербург и сдал почти всю поставку лифляндцам, а себе оставил только на долю нашего завода не с большим тысяч 30. Извещая меня о сем, он пишет о всемерном сокращении расходов его. Это заставило меня распустить и тех людей, коих было приискал, полагая, что дело будет большое. 27 — у нас затерли дрожжи, а послезавтра начнутся уже заторы вина. Работы будет м[ес]яца на два; а там я свободен. Между тем Чеб[ышев] приедет в конце этого м[еся]ца. Я не премину уведомить Вас о последствии.

Жена моя уже очень близка к критической минуте. Не знаю, чем бог порадует, кажется, Владимиром[5]. Она просила меня написать Вам о засвидетельствовании ее почтения Александре Ларионовне и попросить извинения, что не пишет. За меня прошу поцеловать ручку — и уверить ее и себя в истинном душевном уважении и преданности сердечной, с коими навсегда пребудет другом Вашим

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. В последнем письме говорите Вы, что ждете от меня разрешения о рекомендованных мне *людях;* а Вы писали мне токмо об одном; разве нашли еще другого кого?

Уже ровно полночь. Покойной ночи!

Вообразите, какую верейский городничий И. И. Мейнин сделал мне нечаянную приятность: прислал 500 р. при письме, в коем клеплет на меня, что я ему дал их на дрожки, а он теперь может иметь карету и потому возвращает. 500 р. не дороги, но признаюсь, благодарность теперь бесценна и приятна. Я восхитился сим поступком несказанно и разделяю это чувство с Вами.

16. М. З. ЗИНОВЬЕВУ (?)

15 октября 1820. Фурсово*

Любезнейший друг Михаил Зиновеич! чем, скажите, могу достойно возблагодарить Вас за чувства, выраженные Вами в письме к Гр[игорию] Д[митриевичу] Трофимову?[1] Он прислал мне его оригиналом. Вчерась ввечеру я получил его — и, читая, не мог удержать слез, доставивших сердцу неизъяснимое удовольствие. Вы делаете меня счастливым, достойным зависти. В наше время такое истинное, бескорыстное дружество, такое непритворное участие, такое соболезнование о несчастии ближнего... истинно беспримерно. Вы желаете быть предметом моего удивления и достигли своей цели. Так, удивляясь Вам, я буду любить Вас всеми соединенными силами души и сердца моего. Иным ничем воздать Вам не умею.

Эти дни я простудился. Нездоровье, разлука с семейством, дурная погода и смрадное, отвратительное для меня мое местопребывание такое делают на дух мой впечатление, так угнетают меня, что с последними силами борюсь для преодоления совершенного уныния — и отчаяния. В самое это время Ваше письмо, как некий живительный бальзам, облегчило раны моего сердца и подкрепило дух мой. Завтра еду к жене, чтобы с нею разделить мое удовольствие, Вами мне доставленное. О! Как она будет Вам благодарна. Бедная женщина! в самых мученьях своих она более об моем спокойствии заботилась, нежели о своем страдании. Судите, как она будет чувствовать Вашу ко мне дружбу.

Нет, я непременно должен с Чебышевым расстаться. Чувствую себя слишком от него униженным и обиженным. Но куда я денусь? Я писал в Петерб[ург] к Дарье Алекс[еевне] Шишковой, супруге Алекс[андра] Сем[еновича], чтобы она поговорила обо мне с Ник[олаем] Сем[еновичем] Мордвиновым[2], а они друзья. А как они ко мне расположены, то можете судить по прилагаемому письму, которое мне после возвратите. Между тем есть один сосед мой, который меня полюбил и берет во мне участие. Он очень коротко знаком с Мальцовым, который купил именье у Демидова. Он хочет меня с ним ознакомить и уверяет, что Мальцов охотно отдаст мне свой ви-

---

* Помета адресата: «20 октября 1820. Отвечено — 25 октября».

нокур[енный] завод на аренду и выгодно[3]. Он очень его хвалит. Не знаю, что из этого выйдет.

Между тем мне надобно, по просьбе сестры Чебыш[ева], ехать в Орел хлопотать за них. Может быть, прямо от жены и поеду туда. По возвращеньи надеюсь найти Ваше письмо, а то, в мою очередь, и я начинаю весьма беспокоиться, не имея третью почту от Вас известия. Ваши собственные поступки против меня уверят Вас лучше слов моих в той живейшей дружбе, которую чувствует и не перестанет до гроба питать к Вам — Ваш

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Поцелуйте ручку Александры Ларионовны, обнимите братца.

17. А. С. ШИШКОВУ

27-го июля 1822. Москва

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Примите живейшую сердечную благодарность мою за оказанное участие в судьбе моей и за ту честь, которую изволили мне сделать столь удовлетворительным ответом Вашим на письмо мое. В полной мере чувствую, сколько Вы добродетельны, милостивы, снисходительны — и сердце мое радостию исполняется при мысли, что наше пестрое время не вовсе оскудело истинными мужами, всего уважения достойными.

Г. Мерзляков был несколько дней в отсутствии, и потому я не тотчас мог показать ему Ваше почтеннейшее письмо. Но когда я подал ему оное, когда он пробегал любопытным взором строки его, тогда я читал удовольствие на лице его, вскоре подтвержденное его словами, изъясняющими и благодарность его к Вам и сожаление, что мог допустить сомнение в мысли своей насчет беспристрастия Вашего. Уверенный теперь в нем, равно как и в расположении Вашем, он занялся уже пересмотром всего перевода и поправлением оного — и если найдет его удовлетворительным относительно тех правил, кои Академия себе предначертала, то не преминет представить труд свой во внимание достопочтенного сословия, под руководством Вашим о чистоте, силе и славе отечественной словесности подвизающегося[1].

Повергая к стопам Вашим и ее превосходительства

Дарии Алексеевны чувства глубочайшего почтения и сердечной преданности, имею честь быть,

милостивый государь!

Вашего превосходительства покорнейшим слугою
барон Владимир Штейнгейль.

18. АЛЕКСАНДРУ I

5-го февраля 1823. Москва*

Августейший монарх,
всемилостивейший государь!

Я дерзаю повергнуть к освященным стопам Вашего императорского величества мысль мою о таком предмете, который всегда был близок великому Вашему сердцу [1].

В высочайшем изволении государя моего, чтя волю непостижимого в путях своих Провидения, благоговею.

Всемилостивейший государь,

Вашего императорского величества верноподданный
барон Владимир Штейнгейль,
подполковник в отставке, жительствующий в доме купца
Макеева, в Пятницкой части.

19. Ф. И. ГЕРМАНУ[1]

Москва, 19 февр[аля] 1823

Долго ждал, зато уже и выждал: Вы очень порадовали меня, mon très cher cousin**, подробным отчетом за все время Вашего молчания, которое — между нами! — показалось мне очень и очень продолжительно, и я начинал уже беспокоиться: не случилось ли чего необыкновенного, что Вы, по примерной своей философии, привыкли называть *проделкою*. Теперь я спокоен: вижу, что Вы имеете надежду, что терпение Ваше может получить достойное вознаграждение.

Вы немножко увлекаетесь чувствами и забываете, что там, где мы брошены судьбою пресмыкаться, не все и самому себе доверять можно. Письма наши не прямо из чемодана попадают в сумку разносчика их, но путешествуют наверх, где их подогревают инквизиторским огнем

---

* Пометы: «Получено от государя в Царском Селе 13-го февраля 1823 года»; «Убрать в дела».

** дражайший кузен (франц.).

и, по такой уже пытке, дозволяют доходить до рук, в кои адресованы.

Не могу распространяться более, ибо сего же вечера еду в П[етер]б[ург]... Не для искательства, но в качестве простого гражданина, по делам коммерческим. Независимый кусок хлеба, трудами нажитый, право, имеет свою приятность. На многое начинаю смотреть другими глазами — и смеюсь тому, за чем гонялся.

Политические новости самые неприятные для того, кто русскую славу считает не за пустой идеал[2]. Но я нынче стараюсь знать только то, что ближе относится к моему собственному владенью, состоящему из жены и пятерых детей. Прочее — фантасмагория!

Дайте себя обнять, поцеловать и пожелать Вам всего, что может доставить удовольствие прекрасному Вашему сердцу.

Tout à vous* б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Если в П[етер]б[ург] вздумаете ко мне написать, вот адрес: Его высокобл[агородию] Василью Федор[овичу] Дружинину в СПб.,[3] а Вас прошу и пр.

Все мои Вам кланяются и благодарят за напоминание. Желал бы прочесть последнее творение кавказского певца[4].

20. А. С. ШИШКОВУ

5-е мая 1825. Москва

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь!

Владимир Богданович Броневский лично доставил мне отзыв, коим Вы удостоили ответствовать на сделанное им предложение: определить меня, вместо его, директором Ришельевского лицея[1]. По тому истинному чувству душевного уважения и преданности, каковые привык я питать к особе Вашей с самых юношеских лет, не столько изъявленная Вами готовность ходатайствовать обо мне, сколько то, что Вы удостоили меня удержать в памяти своей, восхитило мою душу. Чувствую, что я сим обязан менее собственным своим достоинствам, нежели нежной дружбе покойного, благородного моего друга, коего память Вам столь любезна[2]; но тем не менее сердце мое преисполнено живейшею к особе Вашей благодар-

* Весь ваш (франц.).

ностью. Примите изъявление оной, не велеречием, но чистотою чувства Вас достойное.

С отеческим участием Вы изволили входить в мое прежнее положение; тем с большим чистосердечием побуждаюсь представить Вам настоящее. По воспитанию, по образу мыслей, по чувствам, по самым, наконец, трудностям и разного рода огорчениям, кои, сопровождая начало моей службы, доставили мне опытность, в полном смысле драгоценную, я вовсе не готовился так рано быть уже в недеятельности, бесполезной для отечества. Судьба расположила иначе: Злоба, Зависть и Клевета удалили меня с пути, на котором предстояло уже мне так много лестного. Хотя я употребил потом все человеческие усилия, чтобы возвратиться на ту стезю, куда глас чести и неугасшего честолюбия меня призывали и куда одобрение непорочной совести поощряло меня; но тщетно. Мне предстала одна необходимость: откинув навсегда любочестивые помыслы, остаться просто в качестве человека-гражданина. Тягостно было сначала видеть, как все случайное меня обгоняло, и чувствовать свое уничижение; но вскоре я увидел, что непотерянное уважение к самому себе может многое заменить в сердце человеческом. Священные обязанности отца составили единственный предмет моих попечений. Частное занятие в Москве доставляет мне достаточные средства к пристойному содержанию своего семейства. С женою и семерыми детьми я теперь покоен и доволен. Уже я приучился не питать никаких надежд более; но дружество Броневского и лестный Вашего высокопревосходительства отзыв снова возбудили во мне те чувства, кои во всяком благородном сердце не должны и не могут засыпать сном беспробудным. Я боюсь упрека совести; я не смею уклоняться, слыша призыв к благороднейшей службе от имени мужа толико достопочтенного. Но, имея священный долг беречь и щадить себя для детей моих, коим жизнь моя и самое благополучие еще необходимы, я с тем же чистосердечием осмеливаюсь представить нечто в особенное Вашего высокопревосходительства уважение.

По всем слышанным мною отзывам об Одесском лицее он находится в высшей степени расстройства. По сей причине я никак не могу решиться принять на себя звание директора иначе, как с уверенностью, что на меня не будет возложено приведение в ясность отчетов за прежнее

время. Сверх сего, по соображению, с какими людьми надобно будет иметь дело, я бы желал, чтобы определение мое последовало с принятием меня по-прежнему в военную службу, хотя тем же подполковничьим чином, в коем служил три года: ибо мундир в подобных случаях производит свое, и немалое, действие. Впрочем, предаюсь совершенно воле Вашей: располагайте мною, как сыном, питающим к Вам чувства живейшей душевной преданности и глубочайшего высокопочитания, с каковыми навсегда пребыть честь имеет,

милостивый государь!

Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

барон Владимир Штейнгейль.

21. К. Ф. РЫЛЕЕВУ

Москва, 27 июня 1825

Из приложенной при сем бумаги ты увидишь, любезный друг, что со мною случилось; равно как и то, какие гнусные люди уполномочены здесь доверием Виллие. С бедным Смоленским поступлено беззаконно и насильственно[1]. Этого мало, им хочется, чтобы никто не смел брать в нем ни малейшего участия. Такие правила суть принадлежность времени Торквемады! Вообрази еще наглость сих людей. Ты знаешь, что по закону, если простой мужик подозревается в самом убийстве, то и тогда не прежде признают его убийцею, как по отобрании ответов и по очной ставке с обвинителями; а тут по одному показанию солдата (за дурное поведение в солдаты отданного), не спрося ни свидетелей, на коих он ссылался, ни самого обвиняемого; даже не дав знать, что он обвиняется, представили государю, чрез Виллие разумеется, что он, т. е. Смоленский, обличается в подкупе и подговаривании рядового отречься от прежнего своего показания, — и, чрез Виллие же, последовало высочайшее повеление его, Смоленского, яко *обличенного в уголовном преступлении*, от должности удалить и отдать под присмотр полиции. Каково тебе это покажется?

...Дополни к сему, что Смол[енский] пишет об этом поступке государю, пишет управл[яющему] мин[истерством] вн[утренних] дел, пишет ген[ерал]-губерн[атору][2] — и ниоткуда ни одного слова утешительного!.. Это ужасно!..

Где тут личная безопасность? — где ограждение собственности? *

Поговори с Ив[аном] Василье[вичем][3]. Не может ли он передать это Виллие и предостеречь его от страма, которым должно покрыть его в глазах всех благомыслящих людей подобное введение инквизиционных правил... Письмо это раздери. Просьбу, коли хочешь, оставь на память.

С благородным лордом Пущиным мы недавно обедали вместе и часто видимся. Мы, кажется, гармонируем чувствами и понятиями о вещах.

Что ты мне не скажешь о Щепкине?[4] Как тебе понравилась игра его и самый талант, который нельзя у него оспоривать?

Мои все в Переяславле. Я один дома. Недели чрез полторы думаю за ними съездить.

Отошли, пожалуйста, письмо, приложенное к Батенькову. Я прошу его (это между нами) узнать, что будет на просьбу мою к государю, которую послал 24-го с приложением моей переписки с покойным гр. Тормасовым по тому самому случаю, по которому Шульгин очернил меня кн. Волконскому, а тот государю[5].

Если Ив[ан] Вас[ильевич] сюда не приедет, то я в конце августа непременно к вам приеду, и, может быть, на всю осень.

Прости. Обнимаю тебя с чувствами живейшей дружбы — твой навсегда

В. Штейнгейль.

P. S. Супруги своей поцелуй за меня ручку. Бестужеву и Сомову поклонись[6].

22. М. Н. ЗАГОСКИНУ[1]

10-е октября 1825. С.-П[етер]бург

Любезный друг, Михаил Николаевич! я узнал здесь от Сленина, что Каменогорский дважды писал к Фед[ору] Фед[оровичу] и просил принять его на сцену Московского театра; но не удостоен ответом. При недостатке теперешнем в резонерах, мне кажется, он был бы очень полезен: какая разница с Волжским, который, конечно, по

*N B. Они т. е. следователи, с того начали, что описали у него все имение движимое и недвижимое, не сделав ни одного шага к открытию: есть ли подлинно утрата каз[енного] интереса!! (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

одной токмо необходимости заменяет Ширяева[2]. Желая пользы театра как любитель его ревностный, я хотел бы, чтобы ты взошел в посредство и убедил Фед[ора] Фед[оровича] к принятию Каменогорского, разумеется, если нет особенных препятствующих причин к тому, мне неизвестных, которых, впрочем, и знать не добиваюсь.

Я дал слово Сленину написать к тебе как к другу — и теперь держу его. Сделай одолжение, не оставь меня без ответа; а чтобы тебе им не затрудняться, напиши просто записку в трех словах и отдай человеку для доставления к жене. Она мне перешлет в своем письме. Надеюсь, что ты этим не обременишься.

Я дважды был в Большом театре. Как теперь, с первого входа, он мне мал показался! Видел «Прециозу»[3]. Содержание пустое: найденыш, похищенный цыганами. В музыке особенно понравилось мне то место, где цыгане, расположенные табором, при лунном свете, лежа в разных группах, поют гимн, и эхо вторит последние звуки каждого куплета. Водевили смотреть нечего. Вчерась давали новый балет «Федру»[4]. Великолепен, но немножко растянут; также много слишком адских жителей — и копоти. Правду сказать, декорации последнего акта, расположение групп вообще, пантомима, полеты прелестны; а оркестр, особенно оркестр, гораздо выше того, что мы у себя видим; но танцы и первые артисты в них должны уступить нашим. Смотреть не хочется. Между тем Истоминой[5] много аплодировали, а театр был полон, хотя в третий уже раз дают этот балет.

Театр поочистили: драпери в коридорных нишах для кондитеров очень красят, и не худо бы сделать подражание: тогда при пространствах наших у нас будет лучше.

Ты, я думаю, слышал уже о великолепных похоронах Чернова. Они были в каком-то новом, доселе небывалом духе общественности[6]. Более 200 карет провожало: по этому суди о числе провожавших пешком... Но мне не до новостей здешних. Прости. Мысленно тебя обнимаю. Будь весел и здоров. Всегда к тебе непременный

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Федор[у] Федоровичу особенное мое почтение засвидетельствовать прошу.

Молодая Колосова принята паки на сцену: помирилась с гр. М[илорадовичем], попрося прощенья. Так, по крайней мере, говорят театральные[7].

23. В. В. ЛЕВАШОВУ[1]

7-е генваря [1826]

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Пользуясь милостивым дозволением, имею честь представить письмо к жене моей, покорнейше прося о доставлении.

При отпуске моем Ваше превосходительство изволили мне объявить, что я могу писать государю императору обо всем, что я по разным предметам знаю; но здесь мне сказано, что ни о чем ином, кроме настоящего дела, писать не дозволяется. Умоляю Вас: испросить мне всемилостивейшее дозволение повергнуть в высочайшее внимание* те сведения, которые я внимательным и долговременным наблюдением приобрел[2].

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства покорнейший слуга
барон Владимир Штейнгейль.

NB. Я должен присовокупить, что цель изложения моих сведений имеет непосредственную связь с происшествием, ставшим нашею гибелью: ибо она есть — будущее благо отечества и слава монарха.

24. НИКОЛАЮ I[1]

Генваря 11 дня 1826 года

Августейший монарх,
всемилостивейший государь!

Из мрачной темницы моей, возносясь духом любви к отечеству, духом верноподданнического к Вашему императорскому величеству усердия, припадаю ко священным стопам Вашим.

Умоляю Ваше величество благом многих миллионов людей, коих Вы нареклись отцом; умоляю собственною Вашею славою и самою безопасностью: не презрите моих наблюдений и сведений; удостойте прочесть все ниже-

---

* Текст с начала абзаца до слова «внимание» отчеркнут карандашом, на полях помета В. В. Левашова: «Высочайше позволено писать арестантам все, что пожелают».

следующее до последней строки прежде, нежели произнесете строгий суд о свойстве и самой цели настоящего моего подвига. Дерзаю представить обнаженную истину: она должна быть доступна престолу мудрого монарха, восприявшего бразды правления с намерением — жить для отечества.

В высочайшем манифесте о восшествии Вашем на престол, как бы в утешение народа, сказано, что Ваше царствование будет продолжением предыдущего. О, государь! Ужели сокрыто от Вас, что эта самая мысль страшила всех и что одна токмо общая уверенность в непременной перемене порядка вещей говорила в пользу цесаревича? [2]

Истина, не подверженная ни малейшему возражению, что в бозе почивший государь, брат Ваш, обладал в совершенстве даром — привлекать к себе сердца всех тех, кои имели счастие с ним встречаться, и что его поведение в звании наследника, его действия и намерения в начале царствования, твердость его при всеобщем бедствии 1812 года, его кротость в блеске последующей за тем славы, человеколюбие его во время последнего наводнения, равно как и многие другие, известные свету и народу в особенности случаи, в коих явил он высокие свойства души своей, — сделали особу его любезною и священною для россиян-современников. Но по непостижимому для нас противоречию, которое, к изумлению грядущих веков, может быть, объяснит одна токмо беспристрастная история, царствование его — если разуметь под словом сим правление — было во многих отношениях для России пагубно, под конец же тягостно для всех состояний *, даже до последнего изнеможения! Противоречие сие поставило средний и нижний класс народа в недоумение: государь всюду являлся ангелом и сопровождался радушными восклицаниями; но в то же время от распоряжений правительства именем его разливалось повсюду неудовольствие и ропот. Народ приписывал сие лицам: то Сперанскому, то Гурьеву [3], то Аракчееву и вообще думал: «Министры обманывают доброго нашего государя: где ему, батюшке, все знать». Но те, кои просвещеннее, смотрели и рассуждали иначе. Результат общий: го-

---

* Текст «веков, может быть, объяснит <...> до последнего изнеможения» отчеркнут на полях карандашом.

сударь, встреченный на престоле со всеобщим вожделением, с единодушною, искреннею, беспримерною радостию, сопровожден во гроб едва ли не всеобщим равнодушием.

О, государь! Если это с моей стороны дерзновение, то в совести моей вопиющий глас убеждает меня, что она в миллион раз полезнее Вашему величеству, моему всемилостивейшему монарху, нежели та лесть, которою если и возносят владык земных до небес, то для того только, чтобы они не видели, что на управляемой ими земле делается.

Не смею, без особого соизволения, изобразить Вашему величеству в историческом порядке весь ход дел в последнее царствование; но цель, меня одушевляющая *, заставляет сказать хотя ту только истину, что правительство отличалось непостоянством, и в управлении государством не было никакого положительного, твердого плана **. Сначала был период либерализма и филантропии; потом — период мистицизма и, наконец, противных мнений и действий тому и другому. В начале дано всему новое направление учреждением министерств: министры были в силе и доверенности. Чрез шесть лет разряд министерств изменился: с учреждением Совета в новом его образовании создано Министерство полиции. Сила министров уступила силе государственного секретаря. Министерство коммерции уничтожено. Отсутствие государя дало повод к учреждению Комитета господ министров, а затем смерть Вязмитинова произвела новую перемену в разряде министерств: Министерство полиции уничтожено, и сделано вновь Министерство духовных дел в соединении с просвещением, но и то на несколько лет[4]. При первых министрах много предначато полезного; по крайней мере, обнаружено явное намерение готовить государство к восприятию конституционных начал. После Тильзитского мира прибытие Коленкура ко двору[5] и вышеупомянутая перемена в министерстве пресекла деятельность правительства. Оно до самого 1812 года видимо тяготилось прихотливым деспотизмом Наполеона. Влияние Сперанского на дела ознаменовалось учреждением

---

* Слово «одушевляющая» подчеркнуто карандашом.

** Текст «одушевляющая, заставляет <...> твердого плана» отчеркнут на полях карандашом.

Комиссии погашения долгов, началом изобретения новых налогов, обложением купцов усугубленною податью с капиталов, установлением торговых книг, учреждением о торгующих крестьянах, которым подорван кредит внутренней торговли, и новым образованием Комиссии составления законов, которая до сих пор издала гражданское и уголовное уложение и оба не могли быть приведены в действие[6]. В 1810 и в 1811 году приметно уже было неудовольствие противу правительства. Указ 1809 года о непроизвождении в чины гражданских чиновников 9 и 6 классов без экзамена, которым многие заслуженные и опытные люди оскорблены были, много разливал сие неудовольствие[7]. 1812 год соединил всех к одной цели— защите отечества и престола!

Настал вожделенный мир! Монарх, от всех благословенный, возвратился ко всеобщей радости. Все, казалось, обещало эпоху, от которой начнется период внутреннего благоустройства. Ожидание не сбылось. Роздано несколько миллионов Москве, Смоленску и частию некоторым уездным городам сих губерний; но сим пособием воспользовались не столько совершенно разорившиеся, сколько имущие: ибо оно раздавалось в виде ссуды, под залог недвижимости. Если Москва отрясла так скоро пепл с главы своей и вознеслась в новом велелепии, то не столько помогла тому сия помощь, сколько состояние внутренней коммерции и промышленности, оживотворенных тарифом 1810 года, который издан был при увещательном манифесте, чтобы все обращали капиталы свои не в пищу чужеземной роскоши, но в пользу отечества. Внезапу сей самый тариф в 1816 году изменен в пользу Австрии, Польши и Пруссии изданием нового тарифа на 12 лет. Коммерсанты могли, по крайней мере, располагать свои спекуляции на сие, императорским словом определенное время; но и в этом ошиблись: в 1819 году последовало новое всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию. Многие купцы обанкрутились, фабриканты вконец разорились, а народ чрез то лишился способов к пропитанию и к оплачиванию податей. Вскоре увидели ошибку, исправили ее тарифом 1823 года; но причиненный вред невозвратен[8]. Знатные суммы сребра и золота, вошедшие чрез одесский порт при выгодной хлебной торговле 1815, 816 и 17 годов, исчезли мгновенно и не возвращались. Наконец,

последовало новое дополнительное постановление о гильдиях[9], за коим изданы еще многие дополнения и пояснения; за всем тем местные начальства принуждены были представлять о невозможности его выполнить: ибо у бедных мещан, и особенно у жителей малых городов, отнят последний способ к пропитанию. Таким образом, коммерция наша находится в паралитическом состоянии, тогда как у всех других держав преуспевает и процветает, особенно во Франции, которая в 1815 году едва ли не в худшем состоянии была, нежели Россия.

К крайнему изумлению всех, действия Министерства финансов в последние 10 лет были, можно сказать, ужасны*. В 1814 году правительство убедило откупщиков винных, при главном посредстве Гурьева и Пестеля, сделать весьма важную наддачу. Естественным сего следствием была несостоятельность, — и они разорены вконец, особенно Злобин, оказавший многие отечеству услуги, и Перетц[10]. В преследовании сих откупщиков и потом поставщиков провиантских были случаи, что они представляли к расчету свои на казну претензии; но министр предписывал: «с них взыскивать, а им предоставить ведаться особо». Распоряжение, имеющее характер полного насилия и несправедливости. С откупщиками многие разорились. Уничтожив откупы, Министерство финансов ввело новый образ винной продажи — источник чрезмерно гибельного народного разврата и самого разорения. Нарушены некоторые коренные права; уничтожено звание вице-губернаторов, дотоле весьма почтенное; явлен пример соблазна для чиновников: ибо способы наживаться стали предпочитать понятиям о чести, и те, кои при начале считали за уничижение надзирать за питейными домами, увидя, что на сих людей обращается внимание министра и вместе с обогащением даются чины и кресты, стали искателями сего рода службы. Размножены повсюду трактиры, герберги[11], харчевни, портерные лавочки, питейные домы, временные выставки, из коих некоторые с биллиардами, с музыкою и с другими разными для черни приманками. Возвышена на вино цена; для винопродавцов установлены стеснительные и разорительные для них правила, зато злоупотребления устранены от

* Текст «К крайнему изумлению <...> ужасны» отчеркнут карандашом на полях.

надзора полиции; вице-губернаторам даны предписания стараться как можно о большей распродаже вина под опасением ответственности (!!) — и с такими мерами первые годы принесли точно прибыль; но вскоре оказалось, что она была временная: ибо в последние годы уже не добираются многие миллионы.

Когда таким образом, с одной стороны, народ поощрялся пропивать потовым трудом наживаемые деньги, с другой — умножена подать с паспортов, возвышена цена на первую потребность — на соль, и приняты строжайшие меры ко взысканию недоимок: предписано за недоимку помещиков отдавать под опеку, а с казенных крестьян взыскивать, хотя бы то было с пожертвованием последнего их имущества. Начали у них продавать домашний скот, лошадей и самые домы; а так как с таких обобранных взять уже нечего, то постановлено правилом, в отвращение недоимок, за неимущих взыскивать с обществ. В некоторых губерниях выбить, выколотить недоимку сделалось техническим словом. Между тем в одних губерниях, как-то: в Белорусской, Псковской, Тверской, Вологодской и Ярославской, по нескольку лет был неурожай, и помещики, не получая дохода, кормили крестьян; в других, напротив, как в Тамбовской, Пензенской и Симбирской, хлеб был нипочем от неимения сбыта, и деревни тоже не давали дохода. Обстоятельства сии уподобляют Россию тому состоянию, в котором была Франция во время Генриха III, когда сборщики податей обирали последнее у бедных земледельцев[12]. О, государь! Извольте послать доверенную особу инкогнито, в виде частного человека — и Вы откроете, может быть, гораздо горестнейшее состояние народа, нежели каковым я его представляю. Беспрестанные выгоны крестьян для делания дорог, часто в страдную пору, довершило их разорение, и притом от частых перемен в плане и от непрочной работы повинность сия сделалась бесконечною; между тем как в академическом календаре, в хронологическом показании печатается: «От издания манифеста, коим народ навсегда освобождается от делания дорог, столько-то лет!»[13]

Умножая доходы крайними мерами, хотя три года тому назад сделано по всем министерствам сокращение расходов, но сколько еще есть предметов, на которые делаются напрасные издержки. Сколько чиновников, едва

имеющих занятие, получают большие оклады в двух и трех местах; сколько таких же получают пансионы! По одному Комиссариату* около трех миллионов расходуется в год на циновки, веревки, вообще на укупорку и развозку вещей от комиссий до местопребывания полков, тогда как одним распоряжением, в рассуждении сей доставки вещей, можно бы сей расход уничтожить.

По флоту такая же экономия. По Адмиралтейскому регламенту Петра Великого, едва корабль заложится на стапеле, должно раздать по всем мастерствам пропорции, дабы ко дню спуска все принадлежности к вооружению оного были в готовности. Во все министерство маркиза де Траверзе[14] сего не наблюдалось: корабли ежегодно строились, отводились в Кронштадт и нередко гнили, не сделав ни одной кампании; и теперь более четырех или пяти кораблей нельзя выслать в море: ибо мачты для сего переставляют с одного корабля на другой; прочие, хотя число их немалое, не имеют вооружения. И так переводится последний лес, тратятся деньги, а флоту нет. Но в царствование блаженной памяти родителя вашего, в 1797 году, выходило 27 кораблей, всем снабженных; а в 1801 году против англичан готовилось 45 вымпелов! Можно сказать, что прекраснейшее и любезнейшее творение Великого Петра маркиз де Траверзе уничтожил совершенно. Теперь, на случай войны, некого и не с чем выслать в море: кроме вновь принятого Синявина и контр-адмирала Рожнова — ни одного адмирала, несколько капитанов и весьма немного офицеров из тех, кои были в экспедициях. Между тем у соседнего государства сия часть в совершенной исправности всегда была и теперь существует[15].

По части управления губерний во все 25 лет не сделано ничего особенного к улучшению. Едва в 1822 году дозволено генерал-губернатору Балашеву производить опыт преобразования. Начатый без сведения Сената, опыт сей принимается обывателями с негодованием на новые тягости и на умножение инстанций, а о пользе, какая из того произойти имеет, никто еще не говорит[16]. Подобным** образом жалуются и на преобразование Сибири, где в обширном, но весьма малонаселенном крае, в кото-

* На полях помета А. Д. Боровкова карандашом: «Комиссариат».
** Слово «Подобным» подчеркнуто карандашом.

ром бы приличнее было сокращать администрацию, прибавлена лишняя губерния и дан образ управления совещательно-аристократический, не свойственный монархическому * [17].

К сему присовокупить остается недостатки в судопроизводстве вообще; бесконечное продолжение тяжебных дел апелляциями и обращением паки в нижние инстанции; неправосудие и повсеместное злоупотребление**. Последнее было строго преследуемо, но от полумер осталось неисцельным. Посылались сенаторы, производили исследование, тысячами отдавали бедных чиновников под суд — и определяли новых; а те принимались за то же, только смелее, ибо обыкновенно поступали на места с протекциею. Сколько и теперь есть губернаторов, состоящих под бесконечным судом.

В царствование великой бабки Вашей, государь, была по всем частям наблюдаема подготовка людей, столь многополезная: чиновники хотя медленно, но верно доходили от низших степеней до вышней, каждый по своей части; оттого были опытны и дельны. В предшедшее Вашему царствованию сего вовсе не наблюдалось: всякий, при министре служащий или нашедший покровительство, ко всему считался годным. Так и дела шли. Известно, что Великая Екатерина с полковничьего чина начинала обращать особенное на людей внимание, и те, кои не имели отличных дарований и способностей, не шли далее бригадиров в отставку. В последнее время всякому, продолжающему службу, особенно военную, дорога к вышним степеням сделалась отверстою. В одной губернии был губернатор, выслужившийся из фельдфебелей, и в губернии поступал, как в роте. Не мог, конечно, долго быть терпим; но жители губернии не менее от того страдали.

Вообще, гражданская часть — сей краеугольный камень в здании государственного благоденствия — была в некоторой как бы опале. Государь, блаженной памяти, изволил видеть зло, но, считая его неисцельным***, ограничивался тем, что не скрывал своего отвращения. Эн-

* Текст «Подобным образом жалуются <...> не свойственный монархическому» отчеркнут на полях карандашом.

** На полях помета А. Д. Боровкова карандашом: «Злоупотребления в судах».

*** Текст «камень в здании <...>, считая его неисцельным» отчеркнут карандашом на полях.

гельгардт[18], имевший счастие часто разговаривать с государем, сказывал мне, что однажды, при случае, как его величество любовался устройством войск, он осмелился заметить, что время приняться за устройство гражданской части; но государь, взяв его за руку и пожав крепко, с слезящимися глазами, произнес: «Ах! Я это очень, очень чувствую, но ты видишь: кем я возьмусь!» Если это истина, что за (истинное)* благоустройство государства в России монарху некем взяться, то посудите, всемилостивейший государь! в каком несчастном, в каком ужасном положении наше любезнейшее отечество, коего судьба восприята Вами на рамо свое. Вашему гению предлежит, подобно Петру, Екатерине, найтить людей, вложить в них душу и соделать сопричастниками будущей Вашей славы. Да пройдет она до позднейшего потомства!**

Насильственная система так называемого водворения поселений принята была с изумлением и ропотом, как то и Вашему величеству должно быть весьма известно, и не могло быть иначе***. После тяжкой Отечественной войны, в которой все состояния участвуя, оказали равное усердие и верность престолу и отечеству; когда всякий ожидал в мире вожделенного спокойствия, внезапно войтить в селения, военною рукою взять домы мирных земледельцев, все, дедами и самими ими нажитое, да и их самих в общий состав нового воинства — едва ли история представляет что-либо тому подобное. К сему присовокупить должно вынужденную уступку и покупку соседственных земель и поместий: ибо одна несправедливость естественно рождает другую. Возникли, с одной стороны — отчаянное сопротивление, особенно на юге, с другой — строгие меры укрощения. Всей России сделались известны сцены, которых никто не мог полагать возможными в царствование государя, толико кроткого, человеколюбивого! Общее недоумение разрешалось одним лицом графа Аракчеева[19]. Оно во всех подобных действиях служило экраном для особы монарха.

---

* Круглые скобки в этом письме автор употребляет вместо зачеркивания.

** Текст «Вашему гению <...> до позднейшего потомства» отчеркнут на полях карандашом.

*** Против текста «Насильственная система <...> и не могло быть иначе» на полях помета карандашом: «Военные поселения».

Цель поселений объявлена после — освобождение России от тяжкой рекрутской повинности. Осмеливаюсь, государь, представить, что уменьшение срока службы, по примеру Пруссии, до 8 или до 12 лет удовлетворило бы сей цели справедливее, прочнее и безопаснее: ибо тогда* чрез 25 лет во всей России разлился бы дух военный, и крестьяне столь же бы легко стали расставаться с детьми, как дворяне, кои прежде также отпускали, как на смерть, а теперь охотно сами везут. Возвратившиеся в семейство могли бы жениться, заниматься крестьянским бытом и, наживая детей, воспитывали бы их заранее быть солдатами; сами были бы готовые ландверы.

Мысль о поселении войск не новая. Бургард Миних представлял императрице Анне Иоанновне проект о заселении границ турецких, польских и шведских войсками, с тем чтобы они приучались к тому роду войны, который с сими неприятелями приличен. Поселение на границе может быть действительно оплотом; но внутри государства — другие следствия возможны. При разных мнениях о сем иностранцев известен краткий отзыв Веллингтона, я слышал его из уст графа Ростопчина: «Видно, что русское правительство не боится штыков!»[20]

По сим кратким очеркам различных действий правительства в отношении хозяйственного управления и настоящего положения государства следующие черты представляются главными в характеристике правления: правительство считало все прежнее худым, многое начинало вновь, отменяло и вообще — ничего не докончило, все расстроив. Правительство отделяло себя от государства и, казалось, верило, что оно может быть богато и сильно, хотя все сословия государственные, и особенно народ, в изнеможении. Правительство имело, кажется, правилом, что развратным и бедным народом легче и надежнее управлять, нежели имеющим** гражданские добродетели и в довольстве живущим, а потому не прислушивалось к народному мнению, не входило в его нужды: повелевало и требовало безусловного повиновения, хотя бы оттого все разорилось. В сем отношении правительст-

---

* Текст «Цель поселений <...> ибо тогда» отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB».

** Текст «По сим кратким очеркам <...>, нежели имеющим» отчеркнут на полях карандашом, против него помета А. Д. Боровкова: «Введение».

во дозволяло себе даже спекуляции — последняя распродажа квитанций рекрутских разительный тому пример. Должно ли после сего удивляться, что правительство потеряло народную доверенность и сердечное уважение и возбудило единодушное, общее желание перемены в порядке вещей?

Всемилостивейший государь! Раскрыв пред взором Вашим, по крайнему моему разумению, причины неудовольствия против правительства, я осмеливаюсь приступить к настоящей моей цели — представить истинный источник обнаружившегося при восшествии Вашем на престол злоумышления.

Деятельное просвещение России началось при Екатерине Великой. Один частный человек — Новиков[21], с обществом своим, старавшимся о распространении чтения полезных книг и для сего имевшим свою типографию, сделал едва ли не более, нежели все училища. Молодые люди с талантами посылались на счет сего общества вояжировать, и, действительно, многие обязаны стали ему последующею своею известностию. Открылась революция, масонские общества сделались подозрительными, и Новиков пострадал. Блаженной памяти Ваш августейший родитель даровал ему и сотоварищам его свободу. Из сего рассадника люди первые явились на сцене, когда при начале царствования в бозе почившего государя открылось вожделенное намерение его — просветить Россию и уничтожить в ней рабское состояние. По учреждении министерств взяты быстрые меры к распространению образования: учреждены новые университеты, умножены училища, преобразованы гимназии; ослаблена цензура — предоставлением оной гражданским губернаторам и управам благочиния в столицах; поощрены переводы печатанием с высочайшего дозволения книг, дающих понятие о новых идеях относительно основания государственного блага; так, напечатаны: конституция Англии Де Лольма, творенья Монтескю, Бентама и других; с тем вместе явились: Пифагорово путешествие, Антенорово путешествие, Фоблаз и кум Матвей, непосредственно развивающие другие понятия и развращающие нравы[22].

При таком начале просвещения государь изволил прекратить раздачу крестьян в крепостное состояние. Незабвенный рескрипт его к его королевскому высочеству герцогу Виртембергскому, по случаю утверждения аренды

на 50 лет, сделался известным всем[23]. Потом открыто новое состояние свободных хлебопашцев. Некоторые вельможи отпустили в оное целые селенья[24]. Изданы указы, поощрительные к отыскиванию из крепостного состояния свободы, несколько раз после повторенные. Наконец, составлены правила для перехода крестьян помещичьих в свободное состояние в остзейских провинциях, повсюду распубликованные. Присоединение Псковской губернии к округу сих губерний подало повод к заключению, что на ней сделается первый опыт приложения сих правил к великороссийским губерниям[25].

Во время влияния на дела Сперанского для образования духовного юношества приняты новые правила, учреждены новые духовные академии и комитет училищ. Для преподавания курса богословия выписан был известный профессор Феслер из Германии, но по протесту против программы его, поданному от архиепископа Феофилакта, допущен до преподавания не был[26]; но тем не менее новообразованное духовенство восприяло не тот уже дух, который виден был прежде. В последние годы методу учения паки переменили на старую.

Общее бедствие 1812 года наклонило умы и сердца к набожности. Отселе начался период мистицизма. Началось издание «Сионского вестника», удостоенное потом высочайшей награды. Явились сочинения Штиллинга, внушающие мысль о ненадобности духовенства и наружных обрядов церкви; потом переводы сочинений г-жи Гион, Де Туша и проч.[27], из коих многие напечатаны на казенное иждивение, и переводчики или издатели удостоены от монарха наградами. Открылось Библейское общество. Магницкий при открытии отделения оного в Симбирске сказал весьма блазнительную речь, и она была напечатана во всех публичных листах как образцовая, хотя имела вид более тонкой сатиры, нежели истинной набожности[28]. Библейские заседания представили картину истинного толеранса*. Издание Нового завета святое Евангелие, которое в мнении народа казалось неприкосновенным для мирян, сделало ручною книгою. Перевод сего Завета подал повод к различным волнующим умы толкам насчет несходства. Так, например, в послании к коринфянам VII главы, в 21 стихе славянский

* От франц. tolerance — терпимость, веротерпимость.

текст говорит: «Раб ли призван был еси; да не радиши: но аще и можеши свободен быти, больше поработи себе»[29]. Напротив, русский: «Рабом ли ты призван, не беспокойся; но ежели можешь сделаться и свободным, тем больше воспользуйся». Чем ближе такой перевод к еврейскому тексту, тем не менее он подрывает народное доверие к одной из священнейших книг, чтомых в церкви,— доверие, чрез два почти века неприкосновенное. Какой притом соблазн для раскольников!

Между тем как все сие происходило, вышнее заведение для образования юношества — Царскосельский лицей — дал несколько выпусков. Оказались таланты в словесности; но свободномыслие, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем при вступлении в свет. Тот же самый дух разлит на всех, кои образовались в университетах, в университетских и частных пансионах, в училище иезуитов и во всех других заведениях, кроме корпусов. Отличительные свойства вновь образованных людей с некоторым исключением суть: непризнавание ничего святым, нетерпение подчиненности, неуважение к летам, желание независимости, скорое стремление к наслаждениям жизни, скучание всем и бесполезность ко всему настоящему. Им кажется, что для ума их в России тесно, и нет ничего достойного их деятельности, потому многие, чтоб быть чем-нибудь, ищут только считаться при ком-нибудь.

Должно ли после сего удивляться, что честолюбие и предприимчивость некоторых опытных людей захотели воспользоваться таким расположением умов и обстоятельств и основать тайное общество, подражая прусским и германским? Существование масонских лож тому долженствовало еще более способствовать. Правительство не подозревало их. В 1816 году, 30 августа, в Москве открыта была ложа с высочайшего соизволения. Государь изволил сказать графу Тормасову: «Я не даю явного позволения, но смотрю сквозь пальцы: опытом дознано, что в них ничего нет вредного, и потому предоставляю на твою волю»[30].

В речи своей на Варшавском сейме государь изволил упомянуть, что готовит для России подобное состояние. Речь была напечатана в русских публичных листах и польстила надежде либералов. Внезапно происшествия в

Испании и Пьемонте, с современным восстанием греков, произвели решительный перелом в намерении государя, как между тем воспламенили умы в мечтателях о свободе России[31].

Греки оставлены своей судьбе; связь единоверства, восемь веков нерушимо существовавшая, которую всегда страшилась Порта и опасалась Европа, вдруг разрушена. Греки, в России находящиеся, и особенно в Москве, шепотом произносили жалобу свою и сообщали знакомым свои идеи о несправедливости поступка с ними. Оттого радость их при объявлении цесаревича императором была чрезвычайна. Они отыскали медали, выбитые на рождение его высочества, с изображением церкви Софии; видели уже себя обладателями Царьграда,— и вдруг восхитительная надежда их исчезла[32]. Унылость видна на лице их.

Внезапное уничтожение масонских лож послужило к тайному огорчению многих[33]. Между тем по ходу просвещения, хотя цензура (была) постепенно делалась строже, но в то же время явился феномен небывалый в России — девятый том «Истории Российского государства», смелыми, резкими чертами изобразивший все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей открыто наименовавший тираном, какому подобных мало представляет история![34] Непостижимо, каким образом в то самое время, как строжайшая цензура внимательно привязывалась к словам ничего не значащим, как-то: ангельская красота, рок и пр., пропускались статьи, подобные «Волынскому», «Исповеди Наливайки», «Разбойникам-братьям» и пр. Пред самым восшествием Вашим на престол в 22 № «Северного архива» показалась статья о избрании Годунова на царство; а с 27 ноября по 14-е декабря в одном из магазинов выставлялись портреты Риеги и Квироги. Все сие не есть ли действие одного и того же духа?[35]

Происшествие с переводом сочинения пастора Госнера дало повод к немалому волнению умов[36]. Удаление князя Голицына от Министерства просвещения и уничтожение Министерства духовных дел сделалось эпохою низложения мистицизма и библеизма. Представилось соблазнительное торжество известного Фотия, представляющего святого ревнителя церкви и в то же время обирающего именитую свою покаянницу. Обнародован оскорбитель-

ный для князя Голицына рескрипт к новому министру просвещения по случаю дозволения напечатать книгу Станевича, за пропущение коей прежде пострадал духовный цензор Иннокентий; между тем как читавшие книгу сию в публике уверяют, что она ни той, ни другой чести не заслуживает. Объявлено запрещение и самая конфискация тех книг, кои прежде напечатаны с высочайшего дозволения. Приостановлен даже Катехизис архиепископа Филарета, на заглавном листе коего означено было, что он святейшим Синодом рассмотрен и одобрен и напечатан по высочайшему соизволению[37]. Надобно было видеть действие такого запрещения: в два, три дни в Москве выкуплены все экземпляры за тройную цену; с такою жадностию все желали знать, что мог написать архипастырь, добродетельною жизнию славящийся, противное духу христианской религии. В это же время последовали два указа насчет священников и духовенства вообще: первый, распубликованный чрез гражданских губернаторов, чтобы миряне не поили допьяна священников, и второй, данный святейшему Синоду, чтобы отличить жен и дочерей священно- и церковнослужителей особым одеянием[38]. Тот и другой оскорбили духовенство и сделали оное предметом разных сарказмов в публике. Если все это делалось без скрытной пружины, то, по крайней мере, производило одно действие: возбуждало умы против правительства и поощряло к желанию чего-либо лучшего.

Достопочтенный министр просвещения между тем в речи своей открыл намерение правительства остановить успехи превратного просвещения: новый повод к неудовольствию свободномыслящих. Еще продолжались о сем различные мнения публики, как вдруг происшествие в Грузине[39] представило глазам ее новый катастроф, не менее всех поразивший. Брожение умов и ожидание предшествовало важнейшему событию.

О, государь! Удостойте сообразить все вышеизложенное, и Вы изволите увидеть и убедиться, что истинный корень республиканских порывов сокрывается в самом воспитании и образовании, которые в течение 24 лет само правительство давало юношеству. Оно само питало их, как млеком, либеральными идеями; между тем как, вступая на деятельное поприще жизни, они на каждом шагу встречали повод к достижению той цели, к которой

ведет подобное образование. Преследовать теперь за свободномыслие не то ли же будет значить, что бить слепого, у которого трудною операциею сняты катаракты и которому показан свет, за то, что различает предметы.

Когда Вы изволите быть в Москве, то увидите в миниатюре изображение российского юношества, возросшего в 19 веке: это училище, учрежденное обществом сельского домоводства для помещичьих крестьянских детей. Директор сего училища, почтенный профессор Павлов[40], назидая над их воспитанием, обходится с ними со всею деликатностию и к тому же приучает их во взаимном обхождении. Между тем с преподаванием наук, развивающих высокие понятия, возвышающих душу, они делаются людьми выше своего состояния — и зачем все это? Чтобы по окончании курса отдать помещику, который при первом капризе сего образованного юношу может, по обыкновению, послать на конюшню для телесного наказания. Не есть ли это то же, что точить на себя нож ожесточения? *

Всемилостивейший государь! Сколько бы ни оказалось членов тайного общества или ведавших про оное; сколь бы многих по сему преследованию ** не лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования. Россия так уже просвещена, что лавочные сидельцы читают уже газеты; а в газетах пишут, что говорят в Палате депутатов в Париже. Не первая ли мысль: «Почему мы не можем рассуждать о наших правах и собственности?» — родится в голове каждого? Большая часть профессоров, литераторов, журналистов должны душевно принадлежать к желателям конституционного правления: ибо свобода тиснения сопряжена с личною их выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконец, все те, кои бывали в иностранных государствах, а иные и образовались там; все те, кои служили в гвардии и теперь служат, не того ли же образа мыслей? Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободою; кто не цитировал

---

* Текст «приучает их во взаимном обхождении <...> нож ожесточения» отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB».

** Текст «Всемилостивейший государь <...> по сему преследованию» отчеркнут на полях карандашом.

басни Дениса Давыдова: «Голова и ноги»?[41] Может быть, в числе тех, кои имеют счастие окружать особу Вашу, есть таковые. О, государь! Чтоб истребить корень свободномыслия, нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование. Но если сие невозможно, то остается одно — препобедить сердца милосердием и увлечь умы решительными, явными приемами к будущему благоденствию государства.

В сем отношении дозвольте обратить высочайшее внимание Вашего величества на два коренные устава России, кои производят неприметный, но действительный вред: Табель о рангах и Городовое положение. По первой быстро умножается класс личного, беспоместного дворянства, подобного польской шляхте, которое, всякий труд и ремесло считая низким, живет различными изворотами и вообще составляет род людей, который при переворотах может надеяться что-нибудь выиграть, а потерять ничего не может. Недавно в Москве один такой чиновник посажен был во временную тюрьму по взысканию — за повышение чина!* По Городовому положению собственно гражданами наших городов почитаются одни купцы и мещане, с такою притом особенностью в отношении к первым, какой едва ли есть что-либо подобное в других государствах, а именно тою, что права, облагораживающие особу гражданина, даны не лицу, а капиталу[42]. От этого происходит двоякое следствие: богатый, честный купец невинно разорился; потеря богатства есть само по себе несчастие великое; но закон вместо утешения угнетает его паче отъятием самых прав, отличавших его от низкого класса. С другой стороны, будь гражданин Сократ добродетелью, и он подвержен всем тягостям низкого звания, если не богат; будь, напротив, заявленный в бесчестных правилах, и — объявя капитал, он получает права, равняющие его дворянину, самым приездом ко двору. Поистине гибельный соблазн для гражданской добродетели; а без нее никакое государство не может быть истинно благополучным.

Государь! Вы восприяли скиптр России в самых затруднительнейших обстоятельствах; но вместе с тем

* Текст «а потерять ничего не может <...> за повышение чина» отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB».

сколько предстоит вам предметов на пути к истинной неувядаемой славе, к немерцающему бессмертию! Воскресите для России в особе своей благодушного Генриха IV, которого желание: видеть в воскресный день курицу в супе каждого крестьянина пребудет прочнейшим памятником в сердцах позднейшего потомства. Великий Генрих принял Францию в бедственнейшем положении; но пожелал видеть ее счастливою, избрал честного Сюлли, — и в десять лет все изменило вид свой[43]. Вам подобно предстоит: даровать духовенству нравственное образование; подкрепить упавшее и 24-летним займом вконец разоряемое дворянство; воскресить коммерцию и промышленность незыблемыми уставами; водворить правосудие учреждением лучшего судопроизводства; преобразовать города введением гражданских прав, подобных другим просвещенным государствам; дать другое, постепенное для всех состояний, просвещение юношеству; улучшить состояние земледельцев; уничтожить уничижительную для нации продажу людей — о легком к сему средстве я имел счастие представлять покойному государю[44]; воскресить флот; поощрить к мореплаванию честных людей, к чему призывают Гаити и Америка[45]; но мне ли исчислить все те отрасли государственного блага, которые от Вас должны произрасти, процвесть и дать плод!

Августейший монарх! В последнем порыве любви к отечеству дерзнул я, не желая уподобиться евангельскому рабу, сокрывшему талант свой в землю, представить Вашему величеству все то, что мне, по бытности моей при делах и по обращению в среднем состоянии, известно — относительно настоящего положения России, которую я имел случай видеть от Камчатки до Польши, от Петербурга до Астрахани. Я исполнил сие, сколько то растерзанное горестию сердце и необходимость писать прямо набело мне дозволили. Имев счастие прочитать благость во взорах ваших, я скорблю об одном, что Вы, государь, не сердцевидец. О, если бы Вы изволили видеть, какими чувствами исполнена душа моя — может быть, удостоили бы меня Вашим состраданием!.. Но да совершится воля неисповедимого в путях своих Провидения! С благоговением повергаюсь к освященным стопам вашим,

всемилостивейший государь!

Вашего императорского величества верноподданный

барон Владимир Иванов сын Штейнгейль, отставной подполковник, заключенный в Петропавловской крепости.

25. В. В. ЛЕВАШОВУ

11 генваря 1826* года

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Представляя при сем открытое к своей жене письмо для просмотрения, всепокорнейше прошу об отправлении оного запечатанным, если — как то я надеюсь — не изволите ничего найти в нем лишнего.

Осмеливаюсь еще присовокупить всепокорнейшую просьбу мою: дабы испросили высочайшее дозволение на то, чтобы из числа бумаг, у меня взятых, какие окажутся счеты, и особенно письма моей жены, отправить к ней; ибо она весьма сокрушалась тем, что они подверглись визитации. Они вообще ничего не содержат, кроме домашних дел и взаимных супружеских чувствований. Доставьте ей чрез то возможное успокоение.

Милостивого внимания Вашего и снисхождения к несчастию, пока дышу, не забуду. Имя Ваше неизгладимыми буквами пребудет начертано в моем сердце, исполненном глубочайшего почтения и совершенной к особе Вашей преданности, с коими навсегда честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства покорнейшим слугою
барон Владимир Штейнгейль.

26. В. В. ЛЕВАШОВУ

14-е генваря 1826 года**

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Не угодно ли Вам будет довести до высочайшего сведения или до сведения Комиссии, — как то за благо рассудить изволите, — что при данной мне вчерась очной ставке с г. Семеновым я не мог припомнить имени и потому не сказал, но после вспомнил, что он мне наимено-

---

* В тексте ошибочно: 1825.

** Пометы А. А. Ивановского: «15 генв[аря]», «(По секрету)» и В. В. Левашова: «Повторяет слова Семенова насчет общества».

вал одно из тайных обществ. Вот точные его слова при разговоре со мною в Москве: «Я сам того и смотрю, что меня схватят». — Почему же? — спросил я. — «Да если правда, как говорят, что у некоторых взяты бумаги, то доберутся и до меня; потому что я, когда служил у князя (Александра Николаевича) Голицына при Тургеневе, был секретарем всех этих тайных обществ: *Союза благоденствия* — и мало ли их там у них было!»[1] Эти последние слова он сказал смеючись, точно в том тоне, как обыкновенно говорится при воспоминании минувших происшествий молодости.

Бога сердцеведца призываю во свидетели, что сие объявляю по чистой моей совести, не для отягощения судьбы г. Семенова, о коем скорблю, как о ближнем; не для выслуги себе снисхождения, которого надеюсь от единой благости монарха, но единственно по внутреннему сердца своего убеждению, что благоденствие отечества моего и драгоценная безопасность государя необходимо того требуют, чтобы наконец верховное правительство не обманывалось, чтобы оно в полной мере обняло разлитие неспокойного духа и узнало те самые пружины, которые, может быть, уже давно скрываясь в недре самого правительства, волновали, подготовляли умы; как между тем с другой стороны хозяйственные распоряжения возбуждали во всех состояниях неудовольствие.

С глубочайшим почтением и совершенною к особе Вашей преданностию, имею честь быть,

милостивый государь!

Вашего превосходительства покорнейший слуга

барон Владимир Штейнгейль.

27. В. В. ЛЕВАШОВУ

26 генваря 1826 года

Ваше превосходительство,

милостивый государь!

До глубины души тронутый великодушием всемилостивейшего государя, соизволившего на доставление мне сведения о детях моих, я приношу Вашему превосходительству чувствительнейшую благодарность за человеколюбивое Ваше в сем случае предстательство. Чувство сие навсегда неизгладимыми буквами напечатлеется в моем сердце.

Приемлю смелость еще утруждать Вас всепокорнейшею моею просьбою о доставлении влагаемого при сем письма к жене моей. Я бы желал, для утешения ее, сообщить ей о том, что по милосердию монарха я буду знать о моих детях; но я не осмелился, не будучи уверен, что не преступлю тем границ, предписанных нашей переписке.

С совершенным высокопочитанием и сердечною преданностию имею честь быть,

милостивый государь!

Вашего превосходительства покорнейшим слугою

барон Владимир Штейнгейль.

28. НИКОЛАЮ I

Генваря 29-го дня 1826 года*

Августейший монарх,
всемилостивейший государь!

Когда я имел величайшее в жизни моей несчастие — в качестве преступника предстоять взору Вашему, тогда Ваше величество удостоили мне сказать: «И мое положение незавидно!» Незабвенные слова сии, услышанные из уст обладателя полсвета, поразили меня до глубины сердца, сделали безмолвным и заставили непрестанно размышлять о них.

Так, государь! Вам оставлено государство в изнеможении, с развращенными нравами, со внутренним расстройством, с истощевающимися доходами, с преувеличенными расходами, с внешними долгами — и при всем том ни единого мужа у кормила государственного, который бы с известным глубоким** умом, с характером твердым соединяя полное и безошибочное сведение о своем отечестве, питал к нему любовь, себялюбие превозмогающую; словом, ни одного мужа, на котором бы могла возлечь высочайшая Ваша доверенность в великом деле государственного управления. Если присовокупить к сему разлившийся неспокойный дух с неудовольствием против правительства прежнего с родившеюся из того

* Помета И. И. Дибича: «2 ф[евраля]. К свед[ению] в Комитет».

** Текст «со внутренним расстройством <...> известным глубоким» отчеркнут на полях карандашом с пометой: «Введение».

недоверчивостию к будущему* и, наконец, самую необходимость, в коей Вы нашлись опечалить многие семейства в обеих столицах, то, действительно, положение Ваше, государь, весьма затруднительно. Но если на все сие изволите устремить внимательный взор с другой стороны, коль богатый узрите источник для величия и славы! Какое обилие случаев к приобретению сердец народа! Коль краткий и коль верный путь в храм бессмертия! Великий Фридерик был нелюбим, и от него не ожидали ничего, когда царствовал еще его отец; но, сделавшись государем, он стал кумиром своего народа — и теперь живет в сердцах пруссаков. Ему, однако ж, стоило это великих воинских подвигов и многого пролития крови[1]; но Вам, государь, это стоит одной решительной твердости в намерении вашем — жить для отечества, то есть сделать его благополучным гражданскими учреждениями.

Великий прапрадед Ваш, в несчастной Нарвской баталии потеряв всю артиллерию, впал в немалое сердца сокрушение и весьма недоумевал, какими средствами вознаградить толь великую потерю[2]. Один нетрезвый подьячий в Новгороде осмелился подать сетующему монарху мысль перелить колокола в пушки. Бессмертный гений не только не оскорбился дерзновением, не только не возгнушался советом; но еще поцеловал ничтожного человека сего в голову и сказал: «Камень, его же не брегоша зиждущий, той бысть во главу угла»[3]. Не презрите и Вы, государь, мыслию, которую, может быть, само небо, призирающее на чистоту моих чувствований, мне вперяет.

Между тем как не время еще делать какие-либо перемены в прежнем порядке правительства**, ниже издавать милостивого манифеста, дух томительной неизвестности, разлившись по всей России, производит самое неблагоприятное на сердца народа впечатление. В ожидании — что будет? власти пребывают в некотором онемении, а публика и народ внемлет пустым рассказам, догадкам, суесловию. При таком повсеместном смятении было бы весьма полезно издание такого манифеста, который бы,

* Текст «Если присовокупить <...> недоверчивостию к будущему» отчеркнут на полях карандашом.

** Против текста «Между тем как <...> в прежнем порядке правительства» помета А. Д. Боровкова на полях карандашом: «Меры к восстановлению».

не содержа никаких существенных милостей, показался бы всем и был бы принят за великое благодеяние.

Сущность сего манифеста должна состоять в том, чтобы Ваше величество повелели всем гражданским губернаторам и начальникам областей — в столицах токмо военным генерал-губернаторам — в течение трех месяцев со дня получения манифеста заняться собранием и составлением верных и точных сведений о настоящем положении купечества, мещанства и крестьян, кроме помещичьих, относительно торговли, промышленности, оплачивания податей и отправления земских повинностей. В сведениях сих должно быть ясно представлено: не препятствует ли что явно благосостоянию их, не отягощаются ли они выше всякой возможности и не разоряются ли паче, нежели преуспевают в достоянии своем; а потому необходимо, чтобы собирание сих сведений о градских обывателях происходило чрез самих градских голов, а о крестьянах — чрез нарочных чиновников. Подобные сведения о дворянах и помещичьих крестьянах должны быть составлены губернскими дворянскими предводителями по собрании от уездных предводителей — и, как сии последние, так и начальниками губерний и областей составленные, должны быть не позже означенного срока представлены Вашему величеству непосредственно в собственные руки, под опасением притом подвергнуться праведному Вашему негодованию, если сокрыта будет какая-либо истина и после дознается другими сторонними путями.

Всемилостивейший государь! Дерзаю удостоверять Ваше величество, что подобный манифест произведет самое сильное и самое благоприятнейшее для Вас действие, особливо, когда украшен будет приличными и душу умилять способными выражениями. Все умы обратятся на сей предмет; все займутся своею пользою; сердца исполнятся приятной надежды и повлекутся к монарху с возрождающеюся любовию. Самое то, государь, что Вы изволите повелеть представить сведения те в собственные руки, мимо министров, к которым — я убеждаюсь совестию сказать монарху моему истину — ни просвещенная публика, ни народ не имеет ни внутреннего уважения, ни доверия; самое то послужит вящим для народа убеждением, что Вы действительно намерены кратчайшими путями узнать истинные его нужды и заняться его благосостоянием. Между тем Ваше величество изволите за-

няться отданием последнего долга священному праху в бозе почившего государя и потом приуготовлением к Вашей коронации, которую, если бы и не предварили настоящим милостивым манифестом, то и тогда первопрестольная Москва изыдет уже в сретение Ваше с чувствами непритворной преданности.

Нет сомнения, что в представленных сведениях Ваше величество изволите найтить много излишнего, неточного, неудовлетворительного; но вместе с тем довольно будет и самой истины, из которой возможно будет извлечь нечто целое для будущих соображений. Притом Вы изволите увидеть способности и справедливость Ваших губернаторов и дворянских предводителей.

Августейший монарх! Если мысль сия, которую чистейшее усердие мое к Вашему величеству, из мрачной темницы моей, повергает ко священным стопам Вашим, будет Вам благоугодна, то дозвольте всемилостивейше, чтобы я представил Вам и самый проект вышепомянутого манифеста.

Государь! Я не рожден с чувствами, свойственными злодеям, и в течение всей моей жизни всегда гнушался злом и ненавидел всякую ложь и неправду, а потому с неограниченною доверенностию в настоящем бедствии моем предал себя благоизволению бога сердцеведца и Вашему милосердию. С величайшим терпением ожидая решения общей участи, я не имею в предмете преклонить Ваше величество на исключительное ко мне и к несчастному семейству моему сострадание. Одно чистейшее желание возвышает дух мой до толикого дерзновения, что осмелился обеспокоить Ваше величество представлением моей мысли: оно состоит в том, чтобы Вы поспешили восцарствовать в сердцах народа и, сооружа в них незыблемый престол свой, спасли бы любезнейшее отечество наше от бедствия и возвеличили бы Россию. Она того достойна!

С глубочайшим благоговением повергаюсь к августейшим стопам Вашим,

всемилостивейший государь!

Вашего императорского величества верноподданный барон Владимир Иванов сын Штейнгейль, отставной подполковник, содержащийся в Петропавловской крепости.

20. Е. М. ПОДУШКИНУ[1]

25 марта 1826. Каз[емат] № 7

Милостивый государь!
Егор Михайлович!

Вы изволили объявить мне волю его высокопревосходительства Александр[а] Яковлевича[2], чтобы я объяснил чрез Вас подробности случившегося между мною и тем инвалидом, который ходил от меня в некоторые домы[3]. Вследствие сего имею честь представить для доклада его высокопревосходительству сущую истину в следующем.

В заключении моем доставляло мне величайшую отраду дозволение писать к моей жене. Чем драгоценнее для меня была отрада сия, тем тягостнее было лишение оной для моего сердца. Я впал в душевную скорбь, а к ней присоединилась и телесная — обыкновенный мой припадок геморроя. Будучи в таком положении, я заметил, что несколько дней не является тот инвалид, который мне казался усерднее и расторопнее в услуге, нежели другие, и потому я спросил его товарища: не переменили ли его совсем? Он отвечал на это: нет, сударь! не переменили, а загулялся с женою. Это подало мне повод на другой день спросить у самого того инвалида, когда он принес мне умываться: а ты еще и женат? Как же, сударь, — отвечал он и начал рассказывать, что его жена отпущенница г. Львова, родственника Кусова, и что она живала у Кусовых и знает их[4]. Я ему сказал: мне самому Кусовы знакомы, и даже в свойстве. Потом, когда он пришел мешать в печке, я ходил из угла в угол и, будучи в скорби, произнес с глубоким вздохом: боже мой! Он, услыша то, оборотил ко мне голову и сказал: что, сударь, если хотите, я передам через жену им, что нужно: напишите записочку, вот когда чернильница будет. Я так восхитился представляющимся случаем дать о себе знать знакомым, что поцеловал его в голову и, сложив руки, взором на небо, дал ему знать, что бог его наградит за такое добродушие. Когда пришел он закрывать трубу, я ему сказал: записки писать нельзя, и оттуда брать не должно, боже избави; но скажи жене, чтобы она просто сходила к Парасковье Ивановне Хлопониной (к сестре г. Кусова, моей сватье), и, отдав эту бумажку, — не хотя сказать ему своей фамилии, я дал ему простой бывший у меня конверт с моим адресом, втрое свер-

нутый, — сказала бы, что тот, чье тут имя, кланяется, здоров и просит сказать: не слышно ли чего о решении нашей участи. Все это происходило на первых днях маслены. Через день он мне сказал, что ходил сам с женою; но Парасковья Ивановна уехала в Курск, и что потому заходили к Пелагее Ивановне Уваровой, но ее не застали дома. Я тотчас спросил о конверте; он сказал, что при нем, и потому я тогда же взял его обратно. Чрез два дни после сего, если не ошибаюсь, я ему сказал: жена твоя, верно, знает и Александру Ивановну (генеральшу Ростовцеву, старшую сестру г. Кусова). Как же, сударь, всех знает, — отвечал он. Сходила бы к ней, сказал я; в этом доме любят меня как родного. Он сказал: хорошо, и опять дни два или три не являлся. В конце первой недели поста, вошедши ко мне, он сказал, что сам был у г-жи Ростовцевой в доме; что взошел на кухню, где на тот раз случилась кормилица, которая пошла о нем доложить и, возвратясь, объявила ему, что барыня видеть его не может, а выслала сына Якова Ивановича Ростовцева (адъютанта генерала Бистрома), который спросил только его: не нуждаюсь ли я в чем; и велел сказать, что государь милосерд и потому, может быть, помилует *всех их несчастных* и что, впрочем, он будет говорить с его высочеством великим князем и потому велел еще зайти, наведаться[5]. Вот вся истина, без малейшей утайки.

Вы были свидетелем, до какой степени я был убит последствием сей моей неосторожности; и теперь, терзаясь сердечно, не могу себе простить, что допустил себя воспользоваться добродушием сего простого человека, которое тем более имеет в моих глазах цены, что было совершенно бескорыстно. Чувствую в полной мере, что я один виноват и что особенно пред его высокопревосходительством нет мне оправдания: одно разве токмо то, по благоснисходительности своей, изволит принять в мое извинение, что несчастные, коих сердце истерзано горестью, здраво не рассуждают и что утопающий охотно хватается за острие меча, к нему протянутого.

Прося Вас повергнуть все сие в милостивое внимание его высокопревосходительства, с отличным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Ваш,

милостивого государя, покорнейший слуга
барон Владимир Штейнгейль.

30. ИЗДАТЕЛЯМ «СЕВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ»[1]

Иркутск[2], 17 июля 1836

Милостивые государи,

Имею честь препроводить к вам замечания на некоторые статьи «Энциклопедического лексикона», единственно для пользы этого самого издания, составляющего эпоху в нашей словесности[3]. Не сомневаюсь, что благонамеренность ваша и любовь к истине готовы будут дать им место в листках вашей газеты, знакомой большей части публики; но на случай, если вы встретите в том затруднение, по ее объему, я убеждаю вас именем той же самой истины передать ее «Библиотеке для чтения»[4] или другому журналу, по вашему усмотрению. С моей стороны доставляемая статья не будет последнею, как скоро увижу благосклонный ей прием[5].

С истинным уважением имею честь быть вашим,

милостивые государи, покорнейшим слугою

Владимир Обвинской.

31. П. М. БЕСТУЖЕВОЙ[1]

Иркутской губ. с. Елань, 25 июля 1836

Вы меня извините, почтеннейшая Парасковья Михайловна, у меня недостает духа писать к Вам с надлежащею расстановкою «милостивых» и «милостивейших» эпитетов. Они холодят, а я хочу писать к Вам со всею душевною теплотою. Меня просил об этом мой Мишель — Ваш, я хотел сказать; но уж я так привык звать его «моим»[2]. Вам покажется, может быть, странным, что разница более, нежели в 22-х годах, не помешала нам сделаться совершенными друзьями; но позвольте Вас заверить, что тут нет ничего чрезвычайного. Когда разнородные характеры закупориваются герметически в такую реторту, как тюрьма, и перегоняются в кубик света медленною банею терпения, то при самом начале делается сильное брожение, потом образовываются разные агломерации, и, наконец, сродство, где оно открывается, соединяет немногих так тесно, что они составляют нечто новое, совершенно целое, и уже навеки; так что никакая «кислота» разложить уже их не может. Простите мне, что я заговорил с Вами языком химиков: он не вовсе Вам чужд[3]; притом Вы понимаете Вашего Александ-

ра[4] — после этого Вам все способы объяснения удобопонятны. Я хотел только сказать, что симпатия душ, одинакий взгляд на вещи, один образ мыслей, та же восприимчивость впечатлений, одинакие правила и поступки сделали то, что Мишель, заливаясь слезами, насилу мог от меня оторваться, когда я был уже на тележке, и раздалось, часто роковое, «пошел!» ... и теперь, когда много мне есть предметов для развлечения, «заботливого!», не могу вспомнить об этой минуте без того, чтобы не навернулись слезы и не сжало сердце[5]. О, сударыня, в тюрьме составленная связь, смею уверить всех и каждого, есть самая прочная и едва ли уступает самому нежному родству. Эта разлука тем для меня была тягостнее, что казалась последним лишением в этом мире. Моя жизнь ближе уже к концу, нежели к началу, по самым законам природы. По той же, верно, причине разрывалось так сильно сердце Мишеля: не говоря, мы сказали друг другу, что расстаемся навеки! ... Но, да будет во всем воля неисповедимого. Надобно Вам сказать, что особенно последние три года мы редкий день не были вместе. К радости ли повод (и в тюрьме есть радости!) или к сетованию — мы вместе. В первом случае стараемся продлить удовольствие счастия, — во втором сократить неприятность скорби — равно взаимным участием. Вообще, только лишь от занятия, то или я у него, или он у меня. Я помолодел с ним: для сотоварищества ему выучился, в 50 лет! на коньках кататься, и катаюсь порядочно. Зимою это нас занимало часа по два, и много помогало здоровью. Замечательно, что он один из всех нас, с которым я дозволил себе быть в обращении на «ты» — и, едва ли не один, от которого во все 9 лет, что мы пробыли вместе, я не имел ни малейшего повода к неудовольствию, ни явно, ни тайно. Накануне нашей разлуки весь день и большую часть ночи провели вместе. Он у меня все укладывал и снаряжал меня: хлопотал как самый нежный сын. Я оставил ему свою чашку, он мне дал свой стакан, из которых 9 лет пили чай, и я берегу стакан как святыню; уверен, в той же чести чашка. По нем все ваше семейство мне родное, и я все знал, что Вас огорчало, в наддачу, так сказать, к постоянному огорчению; все то огорчало и нас. О, как справедливо, что радости вдвое приятны, а печали вдвое сноснее, ежели имеешь, с кем разделить их от сердца. Чувствую, что я

говорю Вам несвязицу; но уверен, что эта несвязица доставляет Вам полное удовольствие: Вы, верно, видите в ней неподдельный язык сердца, которое изливается, тоскуя по страждущем друге. Он точно теперь страждет. Как часто говорил он мне: «Что со мною будет, как ты уедешь!» — и глаза наливались слезами. В юности только моей так любил меня Давыдов, который столь безвременно погряз в невской пучине[6]. Я ему всегда возражал: «Почему знать, будущее сокрыто; может быть, будешь еще настоящим моим сыном», — и мы бросались друг другу в объятия. Он мне дал клятву, во всяком случае по смерти моей, детей моих признавать родными братьями и быть им другом. Это очень возможно: он летами ближе к моему Всеволоду, нежели ко мне. Я обещал писать к нему и сдержу слово, хотя мои письма будут медленнее доходить до него, нежели Ваши. Мы близко живем и уже далее разобщены, но и на краю света я не престану любить его, пока глаза в состоянии будут различать свет от тьмы, черное от белого. Этот перифразис сам собою лег под перо, потому что представился мыслям Мишель, закрывающий глаза Пестову, когда тот перестал различать и белое и огонь от черного и тьмы[7]. Мне бы хотелось, чтобы он и мне закрыл глаза. Он мастер ухаживать за больными, потому что ухаживает сердцем. Редкий, прекрасный молодой человек! Право, я почти смею спорить с Вами, Парасковья Михайловна, Вы или я более его любим. Разве из вежливости только я уступлю Вам первенство. Я не имею удовольствия лично Вас знать; но черты Ваши, Елены Александровны и покойного супруга Вашего, если портреты сходны, как уверял Мишель, врезались глубоко в моей памяти[8]. Редкий день я не сидел против них, редкий день не понимал Вашей грусти — она моя, эта грусть: я отец, счастлив достойными детьми и не вижу их — надежды не имею видеть!!

Говоря так много о Мишеле, я не сказал ни слова о Николай Александровиче[9]. Не подумайте, чтобы этим я хотел отнять что-либо у его достоинств; это значит только, что он для меня — Николай Александрович, не более. Мы, конечно, не виноваты, если не оказалось химического сродства в наших характерах в результате того брожения, которое я Вам описал вначале. Это не зависит от воли. Сердце имеет свои права, и даже свои при-

хоти. Вы не оскорбитесь, надеюсь, моею откровенностию; она необходима; иначе Вы не могли бы дать веры и тому, что я сказал о моем — извините — о Вашем Мишеле. Константин Петрович тоже препочтенный человек, с отличными достоинствами; но не доступен сердцем — по какой-то странной подозрительности во всем и во всех, которая у него превратилась в род болезни[10]. Дай бог, чтобы новый образ жизни развлек его. Я расстался с ним в Верхнеудинске, и дорога приметное имела уже влияние на него к лучшему.

С моею женою Вы знакомы; если ей случится быть еще в Петербурге, в чем и не сомневаюсь, она непременно посетит Вас, если только Вы не будете в отлучке, как это было в прошлый раз.

Я так много наговорил, что, вероятно, утомил Вас; впрочем, этому Мишель виноват — и Вы, верно, не строго взыщете. Позвольте мысленно поцеловать Вашу ручку с тем душевным уважением, которое не престанет питать к Вам до конца дней

Владимир Штейнгейль.

32. ИЗДАТЕЛЯМ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

Иркутск, 29-е августа 1836

От переводчика.

У нас так мало писано и так мало знают об английском театре вообще и об их театральных обычаях в особенности, что, несмотря на давность путешествия, из которого извлечена следующая статья, она должна быть интересна для нашей публики. Поэтому надеюсь, что она благосклонно будет принята в печатные недра «Б[иблиотеки] для ч[тения]»[1]. Один «Матвей дома» стоит того, чтобы его сделать известным в России, где переимчивость составляет отличительнейшую черту народного характера. Почему знать, может быть, вскоре и у нас явится свой доморощенный «Пахом — у себя» и будет забавлять публику новым, небывалым образом, не хуже английского остряка[2]; чего и желаю усердно для всех, имеющих право на весело-приятное препровождение времени в столицах.

По времени, если что не помешает, не премину доставить еще два отрывка из того же автора, об английском

воспитании и о шотландских нравах, равно интересные по многим отношениям.

Владимир Обвинской

33. ИЗДАТЕЛЯМ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

17 сентября 1836. Иркутск

От переводившего.

Вот и другая обещанная статья из Путешествия Ляха Ширмы «О воспитании в Англии». Хотя в ней, между прочим, говорится довольно подробно о Ланкастеровой системе, давно и очень хорошо известной в России[1], но мы не смели сами того выпустить, потому что рассказ об ней вяжется с другими сведениями, любопытства достойными. Одно, например, предисловие к английской азбуке заслуживает особливое внимание[2]. Что касается до университетов английских и до учености, сколько нам известно, нигде на русском языке нельзя найти столь отчетливого на них взгляда и описания. Читатели увидят, что Англия — Англия, а люди — все люди; те же страсти, недостатки, несовершенство. Чужелюбцы, недовольные своим, убедятся, что многое там далеко не так хорошо, как они думают, и, быть может, скажут от сердца: «Славны бубны за горами!» — слова, которые могли бы служить эпиграфом к этой статье, если бы мы были охотники до эпиграфов.

В. Обвинской

34. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ[1]

Елань, 7-го октября 1836*

Сиятельнейший граф,
милостивый государь!

В роковую минуту, когда вся тяжесть злосчастия обрушилась на нас; когда все, казалось, с каким-то удовольствием посмевалось над нами, отрадно было душе видеть на благородном лице Вашем признаки сострадания. Вот что ободряет меня прибегнуть к Вам ныне, когда всякое озлобление противу нас, сколько бы оно ни было справедливо, самою продолжительностью времени

* Помета А. Х. Бенкендорфа: «Нельзя позволить семейству жить с ним, кроме одной жены, если она согласится уже из Сибири не выезжать». Помета: «Записку госуд[арю].»

должно уже изгладиться. Умоляю Вас, сиятельнейший граф, предстательством своим*, в день тезоименитства августейшего нашего монарха[2] исходатайствовать две высочайшие милости.

Первую, да простит меня всемилостивейший великий** государь в высоком сердце своем, как человек человека: это потребность души моей на час смертный.

Вторую, да повелит государь перевесть меня в город Ишим или другой, ближе к России: это, собственно, для возможного утешения моего невинного, но не менее страждущего семейства. Четверо сыновей моих[3], может быть, кровью запечатлеют верноподданническую благодарность.

Сиятельнейший граф, я не пишу к своим слезных жалоб; но могу со Спасителем сказать: «Прискорбна душа моя даже до смерти». Вы отец сам, Вы поймете это чувство...

Взгляните с умилением на детей Ваших, возведите помысл к небу и сделайте, что тогда укажет Вам Ваше благородное сердце.

С совершенным почтением и душевною преданностию имею честь быть,

сиятельнейший граф, милостивый государь,

Вашего сиятельства покорнейший слуга

Владимир Штейнгейль[4].

35. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

Тобольск, 6-е марта 1837[1]

Сиятельнейший граф,
милостивый государь!

Когда смерть своею багрово-синею печатию станет уже печатлеть мои уста, и тогда еще будут они силиться лепетать сердечную Вам благодарность.

О чувствах к августейшему благодетелю говорить не дерзаю: сердце полно; немотствует язык.

С глубочайшим почтением и нелицемерною сердечною привязанностью честь имею пребыть,

сиятельнейший граф, милостивый государь,

Вашего сиятельства покорный слуга

Владимир Штейнгейль.

---

* Слова «предстательством своим» в копии выпущены.

** Слова «всемилостивейший великий» в копии выпущены.

36. А. Н. МОРДВИНОВУ[1]

Г. Ишим, 21 июня 1837*

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Когда государь — воспоминание, и теперь потрясающее всю душу мою, — в праведном гневе своем обрек меня на страдание, благость и сердоболие, всегда присущные сердцу монарха, изрекли высочайшими устами: «Твое семейство будет — мое семейство»[2]. Царское слово свято: все сыновья мои, по всемилостивейшему повелению, приняты в корпуса; одного призрил благодушный Михаил; но у меня остались две дочери, требов[ав]шие также воспитания[3]. Одна из них, старанием матери, по установленному порядку, принята была в Московский Екатерининского ордена институт и уже, при последнем выпуске, вышла из него; младшая, по 12-му году, находится еще при матери, не имеющей никаких способов дать ей приватное окончательное воспитание; а к баллотированию в тот же институт, по правилам его, если не ошибаюсь, не может быть допущена, и тут зависит прием от счастия, а оно дважды не приходит.

Я отец, парализованный судьбою. Скорблю сердцем, метаюсь мыслями: что делать? к кому прибегнуть? О благодетельном графе могу только молиться, и он так много для меня сделал уже!..[4] Самое несчастие, мой двойник от колыбели, делается моим утешителем. Оно, как гений-хранитель, нашептывает мне, что я имею какое-то право на Ваше участие — сострадание.

Александр Николаевич! Если памятно Вам, что в роковой для России год мы вместе понесли жизнь нашу на жертву отечеству, вместе сражались со врагом под знаменем креста, с печатью на челе «за веру и царя», то этими благородными, возвышенными, святыми чувствами, которые тогда нас одушевляли, заклинаю Вас — быть ходатаем у престола о доставлении воспитания в том же институте и последней моей дочери[5].

Дерзновение мое в самом порыве верноподданнической благодарности далее простирается. Умоляю Вас довести до высочайшего сведения государя-благодетеля, что я, повергаясь к августейшим стопам, прошу всемило-

---

* Пометы: «Получ[ено] 19 июля»; «Записку госуд[арю]».

стивейшего дозволения вступить во святилище службы чрез врата Оренбурга. Мне 55-й год: не солдат уже; но головой и рукою могу служить. Желаю умереть слугою «верным», не умев прожить всю жизнь им [6].

Ожидая от Вас так многого, оставляю Вам судить — какими чувствами преисполнено к Вам сердце мое.

Милостивый государь!

Вашего превосходительства преданнейший слуга

Владимир Штейнгейль.

37. А. Н. МОРДВИНОВУ

8-е октября 1837. Ишим

Александр Николаевич!

Благодарность моя... Нет слов!.. Да порадует Вас сам господь, да утешит он Вас, как меня порадовали, утешили Вы — душа благородная!

Быть может, «там» я обниму Вас, и бог-страдалец, за эти слезы, укажет Вам одесную.

«Здесь» до последнего издыхания душою, сердцем Ваш — преданнейший, нельстивый чтитель

Владимир Штейнгейль.

38. А. Н. МОРДВИНОВУ

16 сентября 1838. Ишим*

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Еще милость! Заклинаю Вас «нашим» 6 октября [2], в которое эти строки достигнут до Вас, — исходатайствовать мне одну милость великодушного нашего монарха. Случай благоприятный: государь, возвратясь в любезнейшее свое отечество, радостный, конечно, помилосердует о несчастливце [3]. Одну милость — перемещение из Ишима в Тобольск, Курган, Туринск, все равно. Во всех трех есть мои товарищи. Одинакое положение, близкое участие облегчают в несчастии всего более. В первом суров климат, вреден для здоровья; но ускорение к пределу, неизбежному для всех, для меня — почти благодеяние; зато я в нем могу быть более уединен; бо-

* Помета: «Тобольск — Крыжановский и Фонвизин. Туринск — Анненков, Ивашев, Басаргин. Курган — фон дер Бригген, Свистунов, Фохт, Спросить ген[ерал]-губ[ернатора], можно ли в Тобольск» [1].

лее найду способов заниматься науками; могу удовлетворить моему сильному желанию усовершенствоваться в латинском языке. В этом все мое утешение. Но что всего для меня важнее — в Тобольске я тремя неделями буду ближе к моему семейству.

Граф и Вы так много меня облагодетельствовали, что я не смел помыслить еще о чем-либо Вас просить, и посудите, сколько мне тягостно в Ишиме, когда решился, сам чувствую — бессовестно, Вас беспокоить. Но я уверен, что Ваша благородная душа, которой доступен язык изнемогающего в страданиях сердца, простит мне эту бессовестность.

С глубочайшим почтением и беспредельною преданностию имею честь быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства покорнейшим слугою
Владимир Штейнгейль[4].

39. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

Ишим, 14-е июля 1839*

Сиятельнейший граф!

Одну милость, последнюю милость, граф! Умоляю Вас исходатайствовать мне у государя императора — перемещение в Тобольск. При радостном событии в его царском доме благодушный монарх не откажет подарить особою радостью и то семейство, которое он удостоил усвоить[1].

К особе Вашей благодарные чувства мои до гроба пребудут постоянны.

Милостивый государь,
Вашего сиятельства покорнейший слуга
Владимир Штейнгейль.

40. Л. В. ДУБЕЛЬТУ[1]

Ишим, 2-е декабря 1839**

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Просьба моя к графу Александр[у] Христофоровичу

* Помета А. Х. Бенкендорфа: «Невозможно».

** Пометы: «Получ[ено] 28 дек[абря] 1839 г.»; «Всеподд[аннейший] доклад — 20 янв[аря] 1840 г.»

осталась без действия, обращаюсь, именем человечества, к благородному Вашему сердцу.

Государь, по благости и милосердию своему, простил меня в высокой душе своей; между тем я, в мои лета, истинный мученик в Ишиме, где, после пожара, решительно нет для меня спокойного приюта. Я осмелел и вынужден был просить о перемещении меня в Тобольск. В Тобольск для того именно, чтобы, во-первых, быть по обороту переписки еще двумя неделями ближе к семейству; во-вторых, что после перемещения корпусного штаба в Омск[2] квартир там много и дешевы; в-третьих, что там более удобства заниматься науками, в чем, после религии, единственное мое утешение.

Примите труд объяснить эти причины графу или доведите о моем положении непосредственно до сведения монарха, ко мне — премилосердого, детям моим — ОТЦА.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть,

милостивый государь!

Вашего превосходительства покорнейший слуга
Владимир Штейнгейль[3].

41. И. И. ПУЩИНУ

Тобольск, 14 марта 1842*

Пользуясь отъездом нового учителя туринского училища Павла Николаевича Михалева[1], возвращаю Вам, любезнейший Иван Иванович, остальные, бывшие у меня номера Берлинской газеты[2]. Благодарю Вас от всего сердца за одолжение. Думал уже надолго, если не навсегда, с нею распрощаться; но, по счастию, Петр Николаевич Свистунов ее получает на настоящий год и так добр, что присылает мне для прочтения; стало, я не разобщился с политикою.

Примите молодого человека в свое расположение и будьте руководителем при первом его вступлении и на поприще жизни и на поприще службы.

Я здоров, благодарение богу! Бьюсь кое-как, пока силы и глаза не изменяют. В семействе моем также довольно благополучно. Зять мой[3] за поездку в Вильно

---

* Пометы И. И. Пущина: «Пол[учено] 18 марта», «Михалев».

с генер[ал]-адъют[антом] Кавелиным[4] получил орден Станислава 2-й степени; стало быть, все мои этим порадованы.

Здесь нового покамест ничего еще нет; ожидаем с почтами уже от марта, то есть по прошествии масляны, до которой или пред которой, как и во время ее, в Петербурге, разумеется, было не до дела. Одно кажется несомненно, что князь[5] возвратится назад.

Будьте уверены, что чувства моего уважения к Вам умрут с В. Штейнгейлем.

42. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

Тобольск, 30-е марта 1843*

Сиятельнейший граф!

Государь император, по благосердию своему, даровал воспитание младшей дочери моей[1]. Она возвращена уже матери**. Я отец. Лишен всего, но не способности благородно чувствовать. Глубоко тронутый благодеянием монарха***, рвусь духом упасть к августейшим стопам и омыть их благодарными слезами. Нельзя! По крайней мере, до последнего издыхания моего буду молить господа о ниспослании его величеству всех радостей, до каких на земли человеку и царю достичь возможно.

Благородный граф! пошлите мне отраду: доведите это до сведения государя.

С глубочайшим высокопочитанием —

Вашего сиятельства покорнейший слуга
Владимир Штейнгейль.

43. Л. В. ДУБЕЛЬТУ

Тобольск, 30 июля 1843****

Ваше превосходительство,
Леонтий Васильевич!

Писать крайность и — в изнеможении. Не взыщите. Кн. Горчаков прислал предписание отвезть меня в Тару*****[1]. Пред богом, пред государем, пред всеми честными, благомыслящими людьми не заслужил я, чтобы

---

* Помета: «Получено 23 апреля».
** Две первые фразы подчеркнуты карандашом.
*** Четыре слова подчеркнуты карандашом.
**** Помета: «По секрету».
***** Слова: «отвезть меня в Тару» подчеркнуты карандашом.

таким неслыханным, самовольным отъятием у меня высочайшей милости оскорблена была моя бедственная старость. Ежедневные посетители с изъявлениями непритворного участия это подтверждают. Одна причина: самый низкий и гнусный сикофантизм*, питаемый и покровительствуемый в Омске[2]. Владычица небесная, от чудотворной иконы своей, послала мне тяжкую болезнь, и самовластие останется неудовлетворенным. Вы успеете определить мою участь. Вы исходатайствовали мне перевод в Тобольск: умоляю Вас слезно предстательством своим у престола оградить неприкосновенность этой высочайшей милости при мне. Но если уже самовластие непременно должно быть удовлетворено, то уберите меня, добрый, великодушный Леонтий Васильевич! совсем из-под влияния этого ужасного человека, от которого стонет весь край, тщетно до сих пор воссылая жалобы к небу. Но рука вечного правосудия протягивается уже к завесе — и наш благодушный государь, от которого так безбожно отторгаются сердца его подданных, будет отмщен. Мне на краю гроба церемониться нечего: я должен говорить одну истину: она частью открывается и, конечно, вскоре будет открыта. Испросите у всемилостивейшего государя, моего и детей моих благодетеля, указать мне предсмертный уголок в Екатеринбурге**. Место коммерческое. Со способностями моими я найду кусок хлеба до смерти, пока силы не изменят. Во всяком другом придется влачить самую скудную старость — и умереть с голоду. Это ли судьба того, которого государь удостоил простить христиански в высоком сердце своем. Конечно, монарх не откажет ознаменовать это прощение последнею, предсмертною для меня милостию.

Вы человек и отец, Леонтий Васильевич. В Вас бьется благородное сердце под звездою. Вы пожалеете, отстоите несчастного старика, который до последнего издыхания будет молить о Вас господу, как молит за государя[3].

Примите уверение в душевном высоком почитании и сердечной преданности, с каковыми честь имею быть,

милостивый государь!

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Владимир Штейнгейль.

---

* Сикофантизм — доносительство, клевета.

** Текст «указать мне <...> в Екатеринбурге» подчеркнут карандашом.

44. Л. В. ДУБЕЛЬТУ

Тобольск, 24 августа 1843*

Ваше превосходительство,
Леонтий Васильевич!

Облагодетельствованный раз Вами, я составил себе о Вас идею как о человеке умном, с превосходными качествами души и сердца. По этой идее обращаюсь к Вам с полною смелостью. Вы не сочтете дерзостью искренность, если я Вам скажу, что в 60 лет, и после такой жизни, какую мне господь определил, места, чины, в моих глазах, людей не возвышают. В свое время имел я сношения с первыми знаменитостями, насмотрелся — люди и люди.

Вынужденный обстоятельствами, а притом и не желая, чтобы мои сердечные излияния жене и сыну читаны были, может быть, молодыми людьми, я принял смелость препроводить оба письма на Ваше имя и покорнейше прошу их доставить. Не думаю, чтобы Вы нашли это невозможным. Если сановник унижается, забывая сан свой, до личного гонения невинного страдальца, страдалец имеет право, по крайней мере, кричать, что ему больно и от кого больно; особливо кричать тем, в участии которых уверен.

Вы сделали бы великое нам благодеяние вообще, если бы подтвердили, чтобы наши письма, адресуемые чрез III Отделение высочайшей канцелярии, отсылались отсюда нераспечатанными: это было бы для нас значительною гарантиею.

Примите уверение в нелицемерном, душевном уважении и в сердечной преданности до гроба

Владимира Штейнгейля [1].

45. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

Тобольск, 24 августа 1843

Благородный граф!

Вы мой благодетель. Вы доставили спокойствие моей совести: христианское прощение от государя — очистительный вид, с которым уповаю предстать пред господа.

---

* Помета А. Х. Бенкендорфа: «Должно бы нак[азать?], не ему судить — <одно слово неразб.> должен жить скромно,— и благодарить бога, был бы казнен — но этот раз прощ[ен?]».

В ужасное для воспоминания время, когда все мы назывались «злодеями», Вы с сердоболием смотрели на нас: теперь ли, когда 17 счастливых лет — Вас и 17 бедственных лет — меня, по законам природы, равно приблизили к пределу жизни, будете несострадательны! Смело обращаюсь к Вашему благородному * сердцу.

Нося благодарные чувства в душе моей к августейшему благодетелю детей моих и моему, я вел себя в Тобольске как честный человек — христианин. Общее внимание, общее доброе мнение то подтверждают **. Но сикофантизм, покровительствуемый в Омске, не мог пощадить меня. По одним слухам, ничем не доказанным, будто занимаюсь редакцией бумаг у начальника губернии, предписано отвезть меня в Тару. Не постигаю, почему был бы я виновен и достоин такой тяжкой для меня и столь поспешной ссылки, если б и подлинно то было справедливо. Такое нападение на страдальца, без того слишком уже утомленного, жестоко, бесчеловечно, смею сказать, безнравственно и нерелигиозно. Ссылаюсь на Ваш благородный образ мыслей, на Ваши чувства. Потрясен весь состав мой. Я впал в тяжкую болезнь. Начинаю оправляться; но прежнее здоровье едва ли возвратимо. Просто — это убийство: не все ли равно скорым ядом быть отравлену или медленным? Первый — человеколюбивее. С другой стороны, к общему удивлению, к общему соблазну, в лице моем святотатственно оскорблена высочайшая воля самодержца. Что будет уважено после этого? В чем остановится самовластие?..

Мне поздно умолять Вас. Крепко уповаю, что негодование, соболезнование, правота, милосердие будут проявлением Вашего предстательства у престола. Вы меня спасете сколько для моей невинности, столько и для моего семейства, которое, естественно, огорчено в высшей степени.

Я всегда молю бога за Вас, граф. Можете ли усумниться в глубочайшем душевном почтении и сердечной преданности моей.

Вашего сиятельства покорнейший слуга
Владимир Штейнгейль [1].

---

* В копии слово «благородному» выпущено.
** В копии фраза выпущена.

46. А. Х. БЕНКЕНДОРФУ[1]

Тара, 30 сентября 1843

Благородный граф!

В последний раз в жизни обращаю к Вам вопль мой. Имейте терпение. Не затворяйте благородного сердца Вашего. Вы допустили сделать из меня грязный мячик, которым злобе вздумалось запятнать человека превосходных качеств души и сердца, и я закинут за 600 верст далее. Это не помешает мне непрестанно молить о Вас бога за оказанное Вами величайшее — по моим религиозным понятиям — благодеяние исходатайствованием мне христианского прощения в высоком сердце государя. Но не будет ли самая молитва жалобою на Вас к небесному правосудию — жалобою доступною? Там нет аристократии, там не куртизируют друг другу презрением несчастия, пожертвованием невинности. Ради господа! подумайте, граф: ей, ей, пора устать в преследовании нас! Вы дворянин не татарского происхождения; в Вас течет кровь благородных ливонских рыцарей. Счастие не может помутить ее, когда продолжительное бедствие не в силах было изменить крови германского происхождения, облагороженной при Оттоне I[2]. Во всю жизнь мою, в службе, в гонении, в изгнании, везде я ненавидел зло и старался делать добро. В тесном кругу, конечно; но не лучше ли в тесноте творить добро, нежели вредить на просторе? Не я сам, судьба сделала меня преступником... Но не обращаюсь к прошедшему. Граф, положите руку на сердце: Вы знаете, все ли виновные так пострадали. Не усыпляйтесь же счастием и богатством: мы все-таки равно близки к вечности — и, Вы — христианин!

Благородный граф! Всем, что есть для Вас свято, умоляю Вас: возвратите меня в Тобольск, дайте мне там дострадать, как я того надеялся, в некотором спокойствии. Здесь я многого лишен. Умственные и телесные силы мои изнемогают. Положение мое может быть ужасно. Вспомните, у меня есть дети. Они с честью служат государю. Исходатайствуйте мне эту милость, хотя по случаю всерадостнейшего для России события — рождения * нового залога благоденствия нашего отечества[3]. Клятву произнесу пред Вами, что если зять мой будет в Тоболь-

* В тексте: рождением.

М. А. БЕСТУЖЕВ
Рисунок с утраченной акварели Н. А. Бестужева
1840-х годов

ске губернатором, нога моя добровольно не переступит его порога. Никогда не думал я иметь влияние на управление, не имел и не мог иметь его: в этом могу бога призвать во свидетели. Время откроет истину.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию имею честь быть и пр.

47. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 30-е марта 1844

Христос воскресе! любезнейший Мишель. Обнимаю

тебя с чувством постоянной дружбы, приветствую христианским лобзанием. Для этого только пишу, чтобы ты видел, что я тебя постоянно помню и люблю. Нечего совершенно сказать. Здоров я, скучен сердцем, весел лицом, бодр духом, тверд упованием на благость божию. Вот все. От 24 февр[аля] имею от жены письмо. Теперь, кроме Николая, все в куче: она в наслаждении посреди детей и внука[1]. Виделась, говорит, с Марф[ой] Дм[итриевной], о М[ихаиле] В[асильеви]че ни слова[2].

Весь пост я строго постился. В среду, пятницу, субботу и воскресение ходил на клирос читать, на последней неделе говел и в великой четверток сподобился быть причастником вечери тайныя. Еще две недели ровно, и стукнет 61! Мчит время «туда», быстро мчит; но не следую Пушкину, не уговариваю «потише!» Стараюсь в совести моей быть готовым к приезду на последнюю станцию[3].

Кланяйся всем помнящим меня в Селенгинске, особенно Катерине Дмитриевне[4].

Прости. Мысленно обнимаю тебя с тем чувством, с каким обнялись в последний раз пред воротами Петровской тюрьмы.

В. Штейнгейль.

48. А. Ф. ОРЛОВУ[1]

Тара, 6-е декабря 1844*

Сиятельнейший граф,
милостивейший государь!

В день тезоименитства государя, помолясь усердно богу о благоденствии его величества, обращаюсь к высокой особе Вашей. Заклинаю Вас тенью незабвенного брата Вашего, которого так благородно вы спасли[2], уделите и нам в сердце Вашем уголок сострадания, когда скоро уже минет двадцать очистительных лет, для нас ужасных. Господь призвал Вас к возможности делать много добра: не измените столь высокому призванию. Удостойте меня внимания.

Чуть, по заточении, стал я свободен, первым порывом сердца моего было — испросить у всемилостивейшего государя христианское прощение. Благость государя бес-

---

* Пометы: «Сделать справку и доложить»; «Получено 31 дек[абря]».

примерна: «Не только Штейнгейля,— изволил он отозваться,— но и всех государственных преступников давно простил в душе моей». Государь властен возвратить чины, кресты; но если бы оставил в отчуждении от отеческого сердца,— и в презрении! — милость была бы тяжкое для совести бремя. Но христиански простить в душе значило возвратить нам нравственное достоинство в самом мнении. Это мой диплом, граф! — мое право на снисхождение, на внимание к моему несчастию. Смею думать, что с ним нельзя никому презирать меня, нельзя отказывать в достоинстве существа мыслящего.

По милосердию государя, я был уже в Тобольске. Я вел себя, как прилично старику, несущему крест. Старался оправдать на себе высочайшую милость монарха, моего и детей моих благодетеля. Надеялся и дострадать тут, с именем человека честного и доброго. Но меня сослали в Тару. Было предложено даже: «не угодно ли сослать далее!»[3]... Простите, граф! объяснять всех этих вещей я уже не в силах*. Но пред богом, пред государем, пред Вами, пред всем миром до конца немногих дней моих не престану твердить: «Я не заслужил того». Покойный граф, ко мне всегда милостивый, благотворительный**, отказал мне в защите... Но господь уже позвал его. Он упредил меня с ответом... Благоговею. Да будет мир его праху.

Сиятельнейший граф! имейте жалость. Вы всегда славились благородною душою, добрым сердцем: не возбраните этим прекрасным качествам взять сторону гонимого несчастливца. Здесь, в городе, так скудном средствами, положение мое тяжко. Возвратите меня в Тобольск или, если уже этого невозможно, переведите меня в Тюмень[4]. Вы будете благодетель всего моего семейства. Оно не престанет благословлять Ваше имя. Мою благодарность в гроб возьму.

С глубочайшим почтением и совершенною сердечною преданностию имею честь быть

Вашего сиятельства покорнейшим слугою
Владимир Штейнгейль.

---

* В копии далее: «Надо говорить истину; она оскорбительна».
** В копии далее: «сверх моего чаяния».

49. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 11-е июля 1845

Письмо твое, my dearest friend* Michel, от 29 мая имел удовольствие полное, преполное получить 27 июня. Суди, как приятен такой гость — чуть не через год. Последнее посещение было от 5 июня. Редкому гостю-другу мы бросаемся на шею, не размышляя, что скажет нам: может, поразит вестию. Так и в этом разе. Что делать, мой друг. По воле Провидения наше назначение — страдать, терпеть. Это все объясняет. Ни удивлению, ни сетованию нет места[1]. Я писал графу Алексию Федоровичу Орлову. Прозакладывал бы голову мою, что письмо мое тронет его. Ошибся. Утешаюсь, повторяя с пророком: «Скажи ми, господи, кончину мою; число дней моих, кое есть»[2]. Не правда ли, ведь и это благодеяние — заставить с умилением смотреть на приближающийся конец и сделать смерть, которую все страшатся, — вожделенною!?.

Я пропустил две почты отвечать, в чаянии, по приписке твоей, получить еще два письма. Нет их; не жду более.

В участии твоем не сомневался. Оно — бальзам ранам моего сердца. Мне самому неподробно известны предшествующие обстоятельства кончины сына. Знаю только, что в Варшаве лишили его невозвратно здоровья излишними дозами хины. Он приехал, чтоб быть офицером и преподавателем Павловского корпуса — и в конечном изнеможении. Великий князь Михаил Павлович, его благодетель, извещенный Ростовцевым, прислал своего Вилье, который дал совет перевезть в клинику, где лечит искуснейший медик — Соломон; но медицинская мудрость вскоре признала неизлечимость. Возвратили домой, чтоб кончил на руках матери, под слезами братий и сестер. Хорошо ему, друг![3] Благодарю создателя. Мы с тобою учились теории о бесконечно малых: жизнь, — вечность; стоит ли хлопотать о лишних годах,— столетиях, пожалуй. Все обратится в minimum; все станем современниками — однолетками!

Читал я то, о чем ты спрашиваешь. Заботливость эта делает нам честь. Странно немножко предупреждать фи-

* мой дражайший друг (англ.).

зическую значительность... Но мало ли в жизни нашей странностей[4]. Всему будет конец, как — дострадаем.

Беда, я говорю, турист, не хуже любого джентельмена. Давно ли посетила Троицко-Савск и, 17 июня, уже заглянула в Томск; и здесь мимоездом, не пожаром, так валежом скота ознаменовала себя. Вчера молились о прекращении засухи. Господь услышал молитву — дождь с вечера!

Александр Муравьев и наш Ф. Б. Вольф проехали мимо Тары в Тобольск в конце минувшего июня[5].

Я дряхлею приметно; впрочем, грех жаловаться, здоров, как только можно на 63 году жизни быть здоровым — и, вдобавок, при таких потрясениях, при таких ударах. Благодаря доброму П. Н. Свистунову, хотя поздно, но получаю «Journal des Débats»[6]; а в промежутках читаю польские книги. Есть особенно интересные. Надо отдать справедливость: заботятся о своей литературе. Так дни мои текут, и время мчит меня — к могиле. Здесь, там, все равно. Ты знаешь мою мысль: вся земля — летучее кладбище!

Поклон всем помнящим. Ты что-то не упомянул о Катерине Дмитриевне. Воспоминание о ней как-то опоэтизировалось: что-то уж мифическое. Прости. Крепко тебя обнимаю. Твой друг до гроба

В. Штейнгейль.

50. П. П. ШТЕЙНГЕЙЛЬ

№ 244-й, Тара, 19-е июля 1845

Друг мой сердечный, Полина, 15-го, в воскресенье, я мысленно поздравлял тебя, первую, с дорогими твоими именинниками, со стариком включительно; в этих строках захотелось, некоторым образом, осуществить это сердечное поздравление, чтоб не вырубилось и топором — из сердца. Прими его с твоею добротою, с твоим радушием, с любовью, и да будет Христос — страдалец — бог! — посреди нас! Обними за меня, по прочтении этих строк, Володю — сына, Володю — внука; прижми их крепче к своему сердцу; мне будет, право, легче; а то больно тяжко.

Бог свидетель моего чувства, когда 6 декабря, помолясь господу о благоденствии государя — благодетеля детей наших и нашего, писал я к графу АЛЕКСИЮ ФЕ-

ДОРОВИЧУ ОРЛОВУ[1]. Голову бы я прозакладывал, что мое письмо тронет его сердце, возбудит в нем сострадание, и я не останусь жертвою. Все, что я знал о нем, с самой юности его, мне было в том ручательством. И теперь, когда полгода времени сбивают меня с уверенности, остаюсь твердым в той же мысли, что мое письмо принято к *благородному* сердцу; но — видно, должен повторить свои слова, сказанные в конце одного из ответов [на следствии.— *Н. З.*],— *обстоятельства* выше всякого побуждения, всякой силы, всякого закона. Одно время выше и самых обстоятельств. Терпение и терпение!

Кстати: знаешь ли анекдот; он напечатан. Князь Григорий Григорьевич Орлов впал в немилость[2]. Против его завел кто-то тяжебное дело. В Сенате думали угодить, поддержав противника. При докладе граф Кирилл Григорьевич Разумовский[3] один взял его сторону и сказал, что не все законы подобраны. Когда обер-секретарь клятвенно уверял, что более приличных законов нет, граф указал год, месяц и число. Приказали подать, прочесть — это был указ Петра Великого о кулачных боях, где сказано «лежачего не бить»[4]. Устыдились, дело решили в пользу князя. Великая монархиня милостиво приветствовала графа за его выходку*. Нельзя не задуматься, что в варварский век считалось делом предосудительным нападать на беззащитного... и не сказать невольно: «О, просвещенья век!»

В конце прошлого месяца Александр Муравьев и Вольф проехали в Тобольск. Сюда они не заезжали. Я рад душевно за Катерину Федоровну[5]. Очень понимаю, как малейшее сближение действует на родительское сердце. Да подкрепит ее господь.

С 10 июня у нас стояла беспрерывно ясная и жаркая погода. Только 30-[го] шел вымоленный дождь, и опять жары, поддерживающие язву на лошадей. Рогатый скот валится от чумы, против которой и холод не силен. Вообще жары меня ослабляют и куда как возбуждают желание — к вечному покою. Но, вспомня, что грех, со вздохом возношу взор к небу и с покорностию твержу: да будет воля твоя!

Передай мое почтение брату, сестрице Варваре Пет-

---

* Текст: «Кстати: знаешь ли анекдот <...> за его выходку» отчеркнут на полях карандашом.

ровне. Обними мою, если возвратилась — приехала, хотел сказать, к вам. Кланяйся Анне Николаевне, Авдотье Петровне[6]. Да хранит вас всех матерь божия. Прости. Обнимаю тебя, как неизменный друг до соединения в вечности В. Штейнгейль.

51. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 23-е августа 1845

Ну, истинно, не видал, мой друг Мишель, как протекло более месяца (с 11[-го]), что писал к тебе. Совестно стало молчать долее, хотя нет от тебя обещанных писем. Здоров ли уж? Я, как старое дерево, скрыплю, не валюсь еще, однако ж. Это не ручается, чтоб не свалился вдруг — в лабораторию могилы. Если газы уцелеют, надеюсь, душа не ничтожна. Скорее бы к решению вечной задачи. Надоело ходить ощупью, и добро бы ходить — влачиться!..

Получил письмо из Питера. Володя мой на маневрах, а по возврате наденет эполеты — предмет начальных желаний. Он сам избрал Невский Морской полк. Я не понимаю этого сочетания в названии. Квартира полка в Трубчевске, Орловской губернии. Это порядочный город. Каков-то будет его путь жизни? Твори бог волю свою. Я много мечтал на счет будущности Николая, даже Всеволода[1]. Господь наказал меня. Благоговею и смиряюсь. Есть нечто непостижимое в судьбах людей. Ни на каких данных нельзя основываться в гороскопе. Недаром сказал псалмопевец: «Блюди себе, да не како же преткнеши о камень ногу твою»[2].

Что с матушкою твоею? Где она? Интересно знать, как легко поверишь[3]. Как поживают матушка и сестрица Торсона? Привыкли ли к пустыне?[4]

Сообщить тебе нечего. «Journal des Débats» давно не получал. Догадываюсь, что приезжие[5] стали на череди выше; а торопиться ни к чему.

Герцог Лейхтенбергский проедет в Барнаул. О, дай господи, чтоб это посещение облегчило чью-либо судьбу, например, хоть заводских крестьян. При блистательном воспитании герцог должен быть высокого сердца, вероятно, и взор его проницателен[6].

Прости, мой друг, обнимаю тебя еще на месяц, а может, и на вечность, почему знать: завтра не наше.

Твой друг до гроба В. Штейнгейль.

52. В. А. КАЗАДАЕВУ[1]

5 января 1846. Тара

Вы — благородная душа! Доколе дух мой в теле, не умрет в сердце моем уважение к Вам. В политическом мире оно ничто для Вас; но, верьте, уважение страдальца пред богом имеет свою высокую цену.

Да благословит господь все начинания Ваши.

В. Штейнгейль

P. S. В Лейб-егерском полку есть поручик бар. Вячеслав Ш. — это сын мой. Взгляните на него. Вы не имеете детей, но высокими чувствами обильная душа Ваша поймет желания отца. Слезы останавливают меня.

53. А. Ф. ОРЛОВУ

Тара, 11-го апреля 1846

Сиятельнейший граф,
милостивый государь!

Для поруганного, изъязвленного, с разбойниками распятого — и воскресшего бога, суд которого, по убеждению веры, неизбежен, простите моему дерзновению; решаюсь еще раз, и уже последний, обратиться к Вам с словами святителя Василия Великого[1]:

«Если Вы хотели бы облегчить участь страдальца и не можете, чиста пред господом добродетель Ваша; но если можете и не хотите» — по одним аристократическим уважениям, — «то господь некогда поставит Вас самих в такое положение, что восхощете и не возможете».

И о чем прошу я, после 20-летнего страдания? Не о помиловании, не о возвращении в жизнь; о том только, чтобы дозволено было дострадать там, где находился я, по благости и милосердию государя, и где кто-нибудь из товарищей несчастия мог бы мне закрыть навеки глаза в час смертный.

Подумайте, граф! Неужели важность христианского правительства состоит в непреклонном равнодушии к воплям обидимых!.. Есть же бог... вечность... потомство... Страшно посмеваться ими!..

С подобающим высокой особе Вашей уважением,

Вашего сиятельства всепокорнейший страдалец
Владимир Штейнгейль[2].

54. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ[1]

[Тара, кон. июля—август 1846][2]

Добрейший мой Вильгельм Карлович, не имеете ли Вы кому-нибудь поручить узнать в Совете: по какой причине остановлено письмо, адресованное на имя мое *из Елабуги,* со вложением 25 р. сер., которое от здешней почтовой конторы отправлено в губернскую контору 4 июля; следовательно, я мог получить 16-го; вместо того до сих пор нет. Если это по милости казначея, то нельзя ли его пообеспокоить[3].

Вы знаете, что я совсем не имею дара писать стихами и никогда не писывал; но здешний городничий[4], лишившись двух малюток, которые схоронены вместе, просил меня написать эпитафию. Вот как исполнил я его желание:

Малютки взглянули только на свет,
Подарили улыбкой мать и отца;
Но взять их на небо — просили творца,
Увидя, что чистой здесь радости нет.

Не уверен, не сделал ли ошибки против версификации; впрочем, здесь не скоро кто заметит.

Видите, как бы мне хотелось говорить с Вами: чем я Вас занимаю.

Простите. Милосердие божие над Вами и любезным семейством Вашим! Обнимаю Вас,

В. Штейнгейль.

На обороте адрес: Милостивому государю Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру.

В Тобольске.

55. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 16-е — 20 августа 1846

Наконец, по долгом ожидании,— с марта месяца действительно много времени прошло, — и я получил твое письмо, от 10 июня, мой любезнейший, незабвенный друг Мишель. Очень понимаю все. У меня нет столько хлопот, но есть такие минуты, и не редки они, в которые от самого себя желал бы сокрыться, не только быть сообщительным с друзьями. Отвращаемая от самого пера голова превращается в тыкву, и ничто рассудительное не вяжется в ней; а глупости сообщать что за радость,

сам посуди. Из этого ты видишь, могу ли быть взыскательным. Попеняю тебе, да в другом. В письме от 28 марта я написал тебе о появлении Батенькова и о том, что желал бы знать о подробностях смерти Якубовича[1]. Ты ни о том, ни о другом не упоминаешь. Положим, что рассказывать о последних и много, и некогда, и не в расположении, но неужели первое вовсе тебя не заняло. Скажу тебе, что Батеньков написал мне письмо, исполненное юных чувств истинной дружбы; так что я изумлен был, читая, как могла сохраниться в нем эта благородная живость, которою он так отличался 20 лет назад. И сколько тут умного, интересного. Между прочим пишет, что гр. Орл[ов] помог ему на дорогу, а комендант Скобелев отдал ему свои рубашки и *посадил* в коляску с бокалом шампанского в руках (!). Есть что-то похожее на надежду возврата в словах его, но загадочно; а в заключении увлекся поэзией и написал две строфы стихов. В первой представляет картину Невы, во второй переносится в Сицилию, чтоб сказать, «как все тихо, спокойно и прелестно на поверхности и какой растет огонь внутри»[2]. Как жаль, что я не оставил у себя копии, отослав это письмо, с оказиею, к жене. Не знал, что будет другая оказия писать к тебе, а с почтою не хотел послать: заметным сделалось бы то, чего, по-видимому, не заметили. Я отвечал ему, но ответа моего он не получил и крайне беспокоится. Это знаю по передаче от других, переписывающихся с Томском. С последнею почтою получил письмо от племянницы[3]. Она в чаянии свидания, да еще и скорого. Между прочим, вот ее слова: «с *молодым* царством разорвутся Ваши узы». Заключаю, что, видно, есть толки о намерении государя передать правление наследнику. Но из Петербурга ничего подобного не слышно. Напротив, если есть такое намерение, в подражание покойному государю, то, вероятно, после 25-летнего царствования[4], а 64-летнему старику забавно довольно судить за «скоро» через пять лет. Один проезжий, достойный вероятия, с которым и ты случайно можешь встретиться, и желал бы я этого,— это помощник инспектора почт Павел Петрович Неелов[5], — сказывал, что предположение государя есть в 1848 году открыть мост чрез Неву, освятить Исакиевский собор, открыть дорогу железную в Москву и освятить храм Спасителя, а потом, возвратясь, в Кронштадте сделать закладку новым ги-

гантским работам и предоставить уже это преемнику[6]. Сказать тебе правду, меня уже перестает это занимать. Начинаю думать более о последней глупости из тех, на какие осужден человеческий род, — о смерти. И мне уж скучно становится вставать, чтобы опять ложиться, и ложиться, чтобы опять вставать. Как посмотришь попристальнее, невольно согласишься с Лермонтовым: «Какая глупая и пошлая все шутка!»[7]

Ты знаешь мельком о нападении на меня кн. Горч[акова]. Нарочно списал и посылаю тебе всю переписку, до него относящуюся[8]. Прочти и суди. Не объясняю, почему и для чего, что и как я писал. Уверен, что ты не найдешь в моих письмах ничего унизительного, с одной стороны, а с другой, не скажешь, что угроза невинному унижает достоинство невинности, как, по-видимому, счел Ф[он]визин, прекратив со мною переписку после отзыва ко мне Дубельта[9]. То же сделал и Пущин. Христос с ними! я не в претензии. У всякого свои правила. После последнего предписания городничему[10] я решился, чтобы обнаружить ложь, взведенную на мой нрав, — молчать и не писать ничего официальною дорогою; да и не имею в этом надобности. Посмотрю, что от них будет, а искать расположения такого человека, каков к[нязь] Горч[аков], скорее умру, не стану. Он мне презрителен — как человек, вдвое — как администратор, втрое — как псевдовельможа. Знаю, что, к счастию человечества, злые не бессмертны. Не упоминая о его имени, я описал его вполне в письме к зятю, и это-то письмо не доставлено; но оно не уничтожено, как сказано в извещении от Дубельта[11], а бесчестно доставлено врагу моему. Вот как поступают эти люди, стоящие близ трона, которые, для обмана самого царя, составляют как бы компанию на акциях. Смело чтоб это сказать, довольно одного факта — поступка с Анненковым, по наследству после его матери[12]. Это дело до изумительности черное — и все сделано с употреблением высочайшего имени, и в этом доказательство, что они сами не чтут его даже *высоким*. Жалкая, поистине, судьба государей. Я до глубины души благодарен государю за детей, особенно за дочь, и признаюсь, разрывается сердце, на это глядя. Но да будет воля божия! Нам судеб не переменить. И Наполеона обманывали, видно, это атрибут единовластия мнимо-неограниченного, которое, не знаю почему, так обаятельно,

когда в существе — блестящее невольничество. Если познакомишься с Нееловым, сообщи ему списки. Я ему читал, он со слезами бросался мне на шею, и целовал меня, и очень просил, чтобы прислать к нему; но через почту, хотя он сам почтовый начальник, я поопасался. Последних двух пиес он не видал.

По случаю новой системы питейной продажи я написал нечто под рубрикою: «Некоторые замечания сибиряка Простакова на Положение о питейных сборах, с 1847 по 1851 год»[13]. Эта пьеса нарасхват разошлась по рукам, в списках, во время торгов в Москве. Неравно, по сношениям, дойдет до Кяхты — и, может, до рук твоих; то было бы тебе известно, что Простаков этот тебе не чужой. Я это написал более из признательности к Кузину и Воронину, которые помогают моему существованию инкогнито — за временные, почти ничтожные им услуги моим пером[14]. Поэтому и не знаю, как судьба велит мне существовать с нового года. От казны мне дают уже 400 руб.[15], но все, без постороннего дохода этим не проживешь. Надеюсь на господа, не страшусь, не унываю. Да будет его святая воля!

В семействе моем, которое, кроме Володи, все сосредоточено в П[етер]бурге, все благополучно. Вячеслав служит хорошо. Наследник его заметил и назвал «молодцом». Володя — в полку короля Неаполитанского, и не нахвалится. Но и тут не без огорчения: зять мой — по словам всех, «добрый человек», в существе — честолюбец и эгоист в высшей степени, и дочь, кажется, страдалица; это тем более прискорбно, что она ангел сердцем. Сказал я — «кажется», потому что открыто об этом мне не сообщают; но по всему, что могло дойти до меня официальным путем, нельзя почти не сделать такого заключения. Что делать: мы обречены на страданье; валитесь же все зла на нас! Одно, одно, одно нам — терпеть. Будем же!

В местном моем отношении я так держу себя, что в большие праздники — заметь, при известном гонении Горч[акова] — все, начиная с окружного[16], предваряют меня визитом. В именины, даже в ненастный день, каков был в нынешнем году, и несмотря, что не делаю никакой закуски, все знаменитости тарские были с поздравлением. Это радует, — догадаешься, разумею, с той стороны, — что личное достоинство начинает быть и в России, и в Сибири невольно уважаемо. Ты знаешь, безбожни-

ком, как говорится, я никогда не был, как и ханжою также, — и теперь тот же; но учащаю храм божий и исправляю, по праздникам, вполне должность дьячка. Теперь так навык порядку, что в случае могу заменить его. Чтение мое скорое, внятное, с душою, а не пустозвонное, всем нравится и даже привлекает в церковь; а здесь, надо сказать, немного охотников, при растлении церкви старообрядством. Зато те, которые любят молиться, издали мне кланяются. Наглядевшись и по этой части на ход вещей, скажу тебе, едва ли какая-либо отрасль правительственного организма находится в таком забросовом состоянии, в каком наше так называемое православие вообще. И что более всего поражает — это хладнокровие, с каким на то смотрят. Просто непостижимо. Я беседовал раз с покойным архиепископом Афанасием и сделал ему вопрос: «Скажите, преосвященнейший, с тех пор, как существует Комиссия духовных училищ, приметны ли какие успехи в просвещении?» — «Никаких», — отвечал он откровенно и, заградя уста ладонью от третьего тут бывшего, который, впрочем, был и глуховат, промолвил: «Да правду-то Вам сказать и просвещать-то боятся». Из этого ты можешь судить, что он сам довольно был просвещен — для такого замечания [17]. Жалко оттого, прежалко наше духовенство — бедностью, невежеством — ученым невежеством, святокупством, неимением никакого понятия о благочестии, совершенным незнанием своего назначения и потому унижением в понятии народном. И во всем этом, сказать по правде, оно не виновато, тем более жалости достойно... Но, видно, и этому уж так надобно быть!..

Из 89 № «Моск[овских] вед[омостей]» ты увидишь, к какому результату привело наше просвещение «в духе самодержавия, православия и народности», о котором столько было возгласов, особенно в «Маяке». Недаром французы сделали карикатуру на нашего (нового графа) министра просвещения, представя его в мрачной пещере (России), в больших хлопотах с продирающимися в нее солнечными лучами, сквозь трещины, которые он, с подмостками своими, не успевает заклеивать [18]. Бог знает, что изо всего этого будет. Один теперь только в нашем царстве человек, достойный всякого уважения, — это кн. Воронцов [19], и если верить «Journal des Débats», против его интригует вся министерия, и особенно военный ми-

нистр, нам столь известный своими *благородными* качествами[20]. Но странная участь и нашей аристократии. Сын Воронцова произведен в губернские секретари (!) за заслуги отца (!!!). Какое, должно быть, бедное существо, не могшее само заслужить 12 класса!..[21] Недолго уже остается мне глядеть на это, но все не могу быть равнодушен к судьбе отечества. Хотя это одна идея только, но для нее такая жертва принесена, что трудно уверить себя в мечте, как ни справедливо, что народ всегда бывает достоин своей участи. Но оставим это скучное и ни к чему не ведущее разглагольствие. Я же боюсь мрачного расположения своего духа. На дворе осенний ветер, мрачно — и это сильно действует на душу. Притом и холодно; в окошки продувает.

Не можешь ли ты мне прислать верный чертеж, с масштабом, своей *бестужевки*, и в плане, и в профиле[22]. С описанием, разумеется, где скрепления железные, где ременные, как ты мне прежде писал. Очень ты обяжешь меня *.

Это письмо, или, лучше сказать, полную беседу, отправляю к тебе с Ив[аном] Андр[еевичем] Заливиным, который бывал у нас в Петровском. Не скоро ты получишь, да, надеюсь, верно, при посредстве Катерины Дмитриевны. Через нее можешь коротенько отвечать мне и писать всегда прямо, чрез почту, адресуя прямо в Тару на имя ее благородия м[илостивой] г[осудары]ни Клавдии Васильевны Лапиной, без всякой приписки о передаче, и в дубль пакет не нужно класть. Она предупреждена и не будет распечатывать. Разумеется, надписывать и подавать на почту должно от Катерины Дмитриевны. Для придания этой переписке видимого повода отсюда она получит предварительно письмо по почте и будет отвечать. Клавд[ия] Вас[ильевна] — жена здешнего заседателя земского суда[23]. Если бы и перевели меня отсюда, чего скоро никак не надеюсь, она будет знать, куда и как переслать. Заливин сам не скоро поедет из Иркутска в Кяхту, но дал мне слово, что доставит скорее с «верным человеком».

Друг мой сердечный, передай мое уважение почтенной матушке и сестрице К. П. Торсона, ему самому, Борисову и всем товарищам нашим, с кем только ты в сно-

* Далее густо зачеркнуто пять строк теми же чернилами.

шении. Ежели брат твой имеет против меня что на сердце, испроси мне его прощение. Близко! Не хорошо «там» косо встретиться, а лучше с обнаженными сердцами броситься друг к другу в объятия. Много передумано с того времени, как разлучились. Кто поставил меня судиею над ним. Апостол Павел так убедительно говорит: «Аще бо кто мнит себе быти что, ничтоже сый, умом льстит себе» — к Галл[илеянам], гл. 6, ст. 3. Истина, перед которою смиряюсь я, — или, справедливее, учусь еще смиряться. Вот она пред глазами у меня начертана, на письменном моем столе, как зерцало на судейском, и стыд мне, если так же мало будет действительна.

Читаешь ли ты какие-либо иностранные газеты? Мне посылает Свистунов «Journal des Débats», впрочем, и здесь его заседатель* Рудко (!)[24] с поляками выписывает. Сколько было вытертого и вырезанного в конце того и в начале этого года. Я выписал себе немецкую Петербургскую газету, но не нашел того, что ожидал. Французы расхвалили ум и приветливость нашего в[ел.] кн. Константина Николаевича[25]. Ты заметил, верно, что Литке[26] получил Почетного легиона I-й ст[епени]. Вот завидный вояж совершили те моряки, которые были на этой эскадре! У нас, спасибо, ничего не пишут о флоте. Забыл тебе сказать, что жена часто бывает у Рикорда. Он и она, т. е. Людмила Ивановна Рикорд, нисколько не изменились в дружеском расположении своем[27]. Истинно благородные люди. Это отрадно!

Ну, прости, мой друг. Думаю, надоест тебе чтение всей моей путаницы — из сердца вылившейся. Давно ни с кем не говорил я так охотно, — и где же друг несчастия, столь близкий сердцу твоего по гроб

В. Штейнгейля?

56. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 4 февраля 1848

Ежели можешь ты, любезнейший друг, незабвенный *мой* Мишель, живо вообразить, как порадовался бы я, если б господь привел меня увидеть — обнять тебя еще раз в жизни, то разочтешь — ныне все и все *рассчитывают*, — как обрадовался я вчерась, получив наконец

---

* В тексте: задетель.

твое письмо от 1-го ноября за *целою* печатью III Отд[еления] собственно[й] е. и. в. канцелярии. Три раза прочел я его, не выпуская из рук, теперь читал в четвертый: сколько чувств, сколько воспоминаний пробудило оно! Оставляю судить. Говоришь: «не можешь постигнуть причины»; не наведет ли тебя это последнее обстоятельство на догадку о ней. Прежде не обходили твои письма такою околицею. Со вчерашнею почтою получили известие, что к вам приехал новый генерал-губернатор. Если это точно, как уверяли меня, сын Николая Назаровича, бывшего статс-секретарем и служившего при гр. Аракчееве, то весьма утешительно быть уверенным, что он наследовал благородные качества отца и не будет употреблять власть свою на то, чтобы играть нашим несчастием, растравлять наше страдание и лишать нас единственной отрады, которою нам и пользоваться немного уж осталось![1]

От всей души благодарю тебя, мой друг, за такое убедительное доказательство неизменности твоей дружбы. Не погрешил я, впрочем: ни на минуту не усомнился. Точно; ясно и внятно прочел я в моем сердце, какое небесное утешение получили вы в соединении с толь высоконравственными и столь близкими сердцу существами[2]. Недаром вылилось слово «небесное»; они точно представители ангелов. Здесь — духом, сердцем, мыслию падаю ниц пред ними, и эти слезы, которые теперь навернулись, им же приношу, как чистейший дар моего душевного уважения, до моей могилы.

Точно, по благости божией, крест мой облегчается благородными свойствами всех детей и кровных. Тем в большей боязни сердце мое со вчерашнего дня. Старушка моя пишет, что 5 месяцев нет известия о Володе. Он с полком в Киеве, а там холера!.. Но да будет во всем воля божия! Готов принять с покорностию еще новое испытание. На *свойство* не сетую; сожалею только[3]. Бывают врожденные черты характера и другие, врезанные воспитанием, которые неизгладимы никаким умом, никаким благородным чувством сердца.

Что о себе сказать? С первого дня праздника я сидел почти все в четырех стенах, без моциона и чистого воздуха — главнейших для меня потребностей. Кашель меня измучил. Прошел он, наконец, с пособием благородного врача; но давление груди и теснота дыхания остались. Ослаб к тому, обессилел я, и полное здоровье, кажется,

не на шутку откланялось мне. Чувствую разрушение, вижу — конец. Не трепещу; он отраден будет, как отдых утомленному путнику.

В письме жены нечто было особенно отрадное; тебе приятно будет узнать. Адмирал П. И. Рикорд и его супруга Людмила Ивановна сохранили к нам свою дружбу, без ущерба. Вот как говорит она о нем: «Старик тебе кланяется. Он просил у меня прочесть твои письма, и, когда я пришла, чтобы взять обратно, Людм[ила] Ив[анов]на сказала: «Не давайте ему больше; он читал и плакал, а это ему вредно». Не правда ли, благороднейший человек! Один такой оазис заставит забыть всю пустыню бесчувственности!

В атмосфере что-то странное. В Архангельске барометр в декабре показывал великую сушь, и подлинно, на севере там бесснежица; даже во всей России. Реки юга встали прежде, нежели северные. Здесь между тем, у нас, зима пререгулярная, по замечаниям крестьян, обещающая плодородное лето; особенно заключают это по необыкновенному обилию так называемой кухты — инея, от которого ломятся ветви дерев. Каково-то у вас?

Читаешь ли ты «Современника» и «Отечественные записки»? Явление утешительное[4]. Виден пресс духа времени, разумеется, при рассматривании в луп. Добрый ко мне П. Н. Свистунов присылает мне «Journal des Débats», и сверх того получается здесь лейпцигская «Illustrierte Zeitung»; ainsi, je suis constamment au courant des affaires de l'Europe*. Прилежно занялся было я греческим языком; но боль груди прекратила мои занятия; все-таки читаю вседневные молитвы по-гречески. Некоторые уже и наизусть знаю.

Ждем нашего владыку, 72-летнего старца с юношескою подвижностью. Вообрази одно то, что он съездил в Обдорск и к нам будет чрез пустыри из Сургута. Мне тем интереснее его видеть, что в 24 году я был при его наречении в Синоде и при хиротонисании — в Казанском соборе[5].

Еще прошу, передай полное душевное мое почтение неоцененным сестрицам, поклонись моей ученице[6], обними за меня всех, кто послал мне поклон. Сердце мое же-

* Таким образом, я постоянно в курсе европейских дел (франц.).

лало бы, чтобы брат твой был в числе их первым. Прости. Теперь я отдохнул. Надолго ли, вопрос? В час смерти дух мой будет с тобою. Прости.

Твой неизменный друг В. Штейнгейль.

P. S. Заметил, думаю, что ни слова не пришло на мысль о *новом годе*. Пора убедиться, что для нас нет изменения времени,— постоянное томление, земная *вечность!* Передо мною стенные часы, и маятник отщелкивает беспощадно: страдай, терпи! — терпи, страдай! При ввозе нас в Сибирь каждый из нас должен был прочитать Дантову: Lachiate' ogni speranza voi, qu'entrate[7]. Но на это воля господня; — да будет по ней!..

57. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 22 апреля 1848

Христос воскресе!

Мой любезнейший друг, незабвенный Мишель мой. Находясь еще на поверхности, а не в земле, погрешил бы я жестоко, не сказав тебе христианского привета, хотя на «авось дойдет до тебя». Поверишь, что духом в первый день праздника приветствовал тебя и не престану витать над тобою, пока смерть не подстрелит воображения.

Дряхлею я, и здоровье мое начинает изменять мне, потому и душевное расположение более мрачно. Но в этот год случилось со мною нечто необыкновенное. Говел я на первой неделе и вовсе неожиданно, в первый раз в жизни, удостоился приобщиться св. таин из рук архиерейских. Это показалось за prognostika consolatorium* и несколько оживило дух мой надеждою скорого конца, а мне серьезно хочется так на вечный отдых. Ничего так не страшусь, как болезненной старости.

Весна у нас — зима еще. Пасхальная неделя была такая, что и пост не позавидовал бы, и теперь все окрестности под снегом. Утренники до 10°. Иртыш не думал еще о вскрытии вод своих. Все необычайное в этом високосе. Обыкновенно здесь апрель лучше мая. Ждут урожайного лета, по крайней мере, как господь расположит, — увидим. Рогатого скота много вывалилось. Вообще радостного или, как выражаются политики, удовлетворительного мало.

---

* утешительное предзнаменование (лат.).

Наносит войною[1]: мои два *остальных* будут на ставке; не хотелось бы пережить их. Крушит эта мысль, но да будет воля божия!

Сестрицам скажи о моем беспредельном уважении; брату и другим товарищам сердечный привет. Прости. От всего сердца обнимаю тебя твой неизменный друг

В. Штейнгейль.

P. S. Я к тебе писал от 4 февраля, в ответ на твое письмо, столько меня порадовавшее: будет ли мое письмо счастливо? Жмурю глаза, мотаю пальцами.

58. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 5-е августа 1848

Письмо твое, незабвенный друг мой, любезнейший Мишель, от 15 марта получил 16 июня дальним путем и с утратою для меня десяти строк, вероятно относившихся до духа «Отеч[ественных] запис[ок]». Мудрено ли, что грустное настроение твоего духа передалось моему, и без того симпатизирующему с грустью. Пожелание твое расшевелило приглушенные вопли сердца: оно опять стало рваться, и опять надо было повозиться с ним рассудку, чтобы надеть усмирительную рубаху. Нет, мой друг! Наслаждайся ты полною отрадою свидания и неразлучной жизни с близкими сердцу, но не отторгай меня от мысли, что для меня, здесь на земли, одного дозволительно желать — смерти. Et vraiment, il me tard de la voir*. В Тобольске холера; может быть, пожалует к нам. Ни малейшего страха! ей! ей! Есть же выгода и в страдании. Я молюсь только о сохранении, о пощаде тех, кому жизнь может еще улыбаться.

В Петербурге господь всех моих хранит. Вчерась получил письмо от Julie[1].

Я к тебе писал от 22 апреля. Не спрашивай, почему так долго не собрался отвечать тебе. И во всяком положении бывает время, в которое человек делается необщителен, а в нашем!..

Благодарю бога, что здоровье мое еще тянется служить, кроме флюса, которого рецидивы довольно часто прибрасывают нечто к страданию.

У нас был большой разлив воды, и продолжительный

---

* Право, хватит мне на это смотреть (франц.).

скотский падеж, и проявление сибирской язвы; впрочем, все обстоит благополучно.

Посмотришь на просвещенный мир — и сердце сжимается от мысли, что с распространением познаний и умения убедительно говорить люди не делаются ни добрее, ни справедливее, ни бескорыстнее, ни лучше; так как с распространением христианства нет умножения, ниже проявления учения Христова: люди все также себялюбивы, мстительны, лицемерны — и любить ближнего как самого себя, добро творить ненавидящим, благословить клянущих, молиться за творящих напасть, все также остается небесною истиною одного Евангелия, недоступного сердцам человеческим. Видно, дубовые стихи старины:

Что прежде был порок, под именем обман,
Политики теперь тому уж титул дан,
И добродетелью то свет сей ныне числит,
Когда кто говорит не то, что сердцем мыслит[2]

— останутся надолго, надолго постоянною правдою.

Что же страшного умереть?..

Поблагодари сестриц за ласковый привет: он останется неизгладимым в сердце моем до пробития последней моей минуты. Брата обними; всем мой сердечный поклон и милой ученице особенно.

Ежели переписываешься с Бечасным[3], скажи ему, что добрые вести о нем всегда искренно меня радовали. От Батенькова недавно получил грамотку. Он здоров и здраво философствует.

Да хранит тебя и всех вас господь. Прости до вечнорадостного свидания *там!*

Неизменный друг твой В. Штейнгейль.

59. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 23 сент[ября] 1848

Вчерась только и, следовательно, ровно чрез три месяца, получил твое письмо, незабвенный друг мой, любезный мне *Мишель*. И в какое время? После проведенной ночи в ужасном страдании, так что думал: «вот близок конец». Вследствие геморро[и]дального припадка, в таком проявлении, в каком со мною еще не случался, сделался совершенный запор урины. Мучение было невыразимое; но сильное средство подействовало: в пять часов утра слезы благодарности к милосердию божию текли по

моим щекам. Какая сладкая минута облегчения! А то я уже воображал умереть тою ужасною смертию, какою кончил жизнь незабвенный для меня, умный старец Петр Андр[еевич] Словцов, а это и воображать страшно[1]. Теперь уверен я, что вне опасности. Поспешил тебе отвечать, чтобы, со своей стороны, не продолжить времени твоего ожидания. Не постигаю причины, для которой переписка наша идет чрез П[етер]бург. От Батенькова прямо получаю и вчерась с твоим получил от 25 августа[2]. Он здоров, бодр духом, доволен местными отношениями. Впрочем, мысли его постоянно облекаются религиозною трансцендентальностию. Он любит символы, как сам говорит, сделался полиглотом — и посредством Библий, греческой и латинской включительно; более я ни с кем не переписываюсь.

При моем слабом нервическом состоянии я не мог без слез умиления читать описание вашей патриархальной жизни и из глубины души благодарил за вас господа. Удовольствие мое было так велико, что на бездождии и следствиях его не хотелось останавливаться мыслию.

О, дай боже, чтобы прочнее для блага вашего края осуществилась мысль твоя *новой эры*[3]. Я так люблю Восточную Сибирь. Западная — это пустыня в сравнении, исключая Томска и его юга. Пустынному этому положению и все соответствует. Не услышишь ничего, отчего бы могла встрепенуться мысль... О вашем генерал-губернаторе слышал от двух проезжих кяхтинских купцов, и они не нахвалятся началом, и они надеются, что усилившейся контрабанде положит он решительный конец. Боже мой! подумал я, только и слышишь *злоупотребления — злоупотребления;* когда же будет, и будет ли *благоупотребление?* Недаром нет его и в лексиконе. Благодарение господу, холера в Тобольске прекратилась; но там опять был значительный пожар. Города, как и люди, имеют свой гороскоп, и жизнь их, видно, предначертывается перстом Провидения. Наприм[ер], Казань! Кажется, пожары ей на крест положены.

Спрашиваешь о детях. Я писал к тебе от 5 августа о Вячеславе. Жду с нетерпением известия о переводе Володи в тот же полк[4]. Двоих оставил мне господь сыновей и благословил их — на мое утешение, до вечного успокоения.

К Батенькову напишу от тебя поклон с тою почтою,

с этою не могу, еще очень слаб; письмо утомляет меня; а еще надо написать к дочери.

Спрашиваешь о товарищах: как *поживают?* — *Доживают* всякий *по-своему*. Благодарение богу! Кроме отзывов уважительных ничего не слышно. Я уединился совершенно. Вся чиновность здешняя перессорилась, и прескучно, и преотврати[те]льно все это слышать, тем более видеть; более и говорить не стоит. Жаль тех, кто от этого терпит.

Тебе не нужно просить: до последней минуты сохраню к тебе мою дружбу, по симпатии. Душевное почтение засвидетельствуй достойным, любезнейшим своим сестрицам и Николай Александровичу. Почтенному семейству Старцевых скажи, что мне очень приятно их воспоминание. Катерине Дмитриевне особенный сердечный поклон засвидетельствуй.

Обнимаю тебя мысленно с чувством нашей разлуки. Друг твой до гроба

В. Штейнгейль.

Да, почтенный наш Ал[ександр] Фед[орович] фон дер Бригген — коллежский регистратор![5] Не знаю, как это ему к лицу.

60. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 5-е января 1849-й

Представь, мой друг, любезнейший мой Мишель, сейчас о тебе думал, сейчас хотел к тебе писать, выставил уже datum *, — и квартальный в двери, с твоим письмом от 18 ноября. Как ты меня подарил этим! Как я рад, что все у вас благополучно: это главное.

Поздравляю тебя, мой друг, более с прошествием ужасного, бедственного високоса, нежели с наступлением нового года, которого содержание еще покрыто непроницаемою мглою. Нам, приближающимся к концу земного поприща — к тихому пристанищу, можно уже равнодушно взирать на «житейское море, воздвигаемое напастей бурею». Это выгодная сторона нашего долговременного страдания. На грани вечности самая долговременность — minimum!

И меня господь посетил скорбию в этот год. Холера взяла мою любезную родную племянницу — существо

* дату (лат.).

кроткое, умное, милое; болезнь свела во гроб сестру жены моей, которую я тоже любил[1]. Они переселились в вечность чуть не в один день, 24 и 26 августа. Что делать? Грустно, тяжко, но невозвратно. Утешение в мысли — скоро увидимся!..

Здоровье мое поправилось. Режим мой довольно строг; только правая щека простужена, десны ослабли, зубы шатаются, хотя здоровы, и, поддерживаясь одними полосканиями, при малейшем дуновении ветра снова простужаются, как ни остерегайся. Все это предшествие разрушения. Смерти я не боюсь, боюсь болезненной старости. Это уж будет венец страдания. Молю: да мимо идет чаша сия! Впрочем, да будет воля божия!..

Поблагодари братца и сестриц и Катерину Дмитриевну за привет мне, засвидетельствуй мое сердечное почтение и поздравь от меня с новым годом.

Жатва чинойская* в самом деле баснословна и, кажется, тоже принадлежит к странным особенностям минувшего года, как и северные сияния, виденные на юге Европы.

По письму, недавно полученному от моей Юлии, в П[етер]бур[ге] все мои здоровы. Ожидают перевода Володи в тот же полк, в котором и Вячеслав, и я жду с нетерпением этого приятного известия.

К Батенькову недавно писал, когда еще буду писать, не забуду сказать от тебя привет.

Прости, мой друг, да хранит вас всех святое Провидение!

Обнимаю тебя с неизменною дружбою

В. Штейнгейль.

P. S. П. Н. Свистунов прислал мне весь октябрь «Journal des Débats»: примусь опять читать зады. Поучительно наблюдать разгар страстей и борьбу идей, но вместе и ужасно. Бедное человечество! Чуть ли не должно согласиться, что оно не стоит лучшей участи.

61. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 6-е апреля 1849

Христос воскресе!

Приветствую тебя, незабвенный друг, любезнейший

---

* Чинойская — китайская (от франц. chinoise).

«мой Мишель», этим христианским лобзанием; но с каким безотчетно-грустным чувством. Здоров ли ты? В живых ли еще? Нам вообще надо быть готовыми к отрицательным ответам на эти вопросы. Писал я к тебе от 5-го января. Вот два месяца о тебе нет вести. Грустно. Дождавшись Пасхи, пускаю эти строки наудачу.

Последнее мое письмо было скорбное. Потом и порадовал меня господь. Володя мой переведен в один полк с братом. Но не смею и радоваться: о прибытии его все еще не имею известия. Николая порадовал скоро. Зять мой в новый год произведен дейст[вительным] стат[ским] советником, но еще в той же должности «вице»-директора.

Здоровье мое пришло в нормальное положение; но несколько истомился постом. На шестой говел, в Благовещение приобщался св. таин.

Погода прекрасная, но грязи и навоза море; пешком никуда попасть нельзя: сижу дома, кроме выхода в церковь и по соседству. Правду тебе сказать, ничего так не желаю, как скорее на вечный покой: приму смерть как самую приятную посетительницу.

В Тобольске с супругой Муравьева[1] случилось странное и ужасное происшествие. В 7 месяцев беременности в сонном состоянии, повернувшись, упала с кровати — и следствие испуга, лишив жизненности малютку, чуть самой не стоило жизни. Это известие меня крайне огорчило. Слава богу! теперь вне опасности.

А. Ф. фон дер Бригген — заседателем окружного суда в Кургане. Анненков — заседатель Приказа о ссыльных[2]. Одно можно сказать: жаль, что для пользы несчастных это не ранее.

Сестрицам мое душезное уважение; брата обними; Катерине (Ильиничне) — Дмитриевне т. е. — у нас диаконица Кат[ерина] Ильин[ична], так диво ли, что хилый мозг спутался, — Торсону и почтенной матушке его поклонись от меня.

Прости, крепко обнимаю тебя до гроба тот же

В. Штейнгейль.

62. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 10-е мая 1849

Чрез день после того, как отправил к тебе, мой незабвенный друг, любезнейший Мишель, пасхальный мой

привет, от 6 апр[еля], получил твое письмо от 23 февр[аля], поэтому не спешил отвечать; к тому же погода стояла такая, что дух мой был во все это время в мрачном расположении, — а его лучше держать за собою. Дней уже пять, как похоже на лето; солнце греет сквозь дым от палóв[1], и пыль сменила грязь; декорации хоть все те же, но все как-то легче — физически даже: ходишь без пальто и без калош. Сегодни ровно 54 года, как я принимал присягу «матушке Екатерине» на чин гардемарина. Был торжественный день, помнится, рождение Екатерины Павловны[2], и самый радостный для юности: будущее было скрыто. Воспоминания этого дня мне захотелось разделить с тобою, с единоутробным — по рождению — воспитанием[3].

Наперед скажу тебе, что последние письма из П[етер]бурга успокоили меня совершенно: Володя мой явился и здоров. Сестра его говорит: «Все тот же добряк, только возмужал». Да, вот и ему 25-й! Теперь все вместе мои, и их общее удовольствие благотворно отражается на мое выболевшее сердце.

Спасибо тебе за известие о Кяхте. Я имел уже некоторое сведение о помехе торговле с другой стороны — со стороны мер китайского правительства против злоупотреблений, какие открыло по отправлению на Кяхту товаров недозволенным образом. Что до карфагенян нашего времени — англичан, их проделки в политике, как в коммерции; в коммерции, как в политике: все свято, где польза и барыш, барыш и польза. Они уверяют Неаполь в дружбе — и выдают сицилийцам из арсенала ружья и потом извиняются: «Это сделано по ошибке (!), но впредь этого не будет»[4]. Превосходно!

Мысль об Амуре меня занимала с 1809 года, когда я в первый раз увидел Ингоду и Шилку. В 14 году я говорил об этом предмете с Ник[олаем] Сем[еновичем] Мордвиновым, и он не противоречил мнению моему о возможности предварительной экспедиции на Амур, без потревожения китайцев, для описи его, и особенно устья, которое, несмотря на посещения Крузенштерна и Голов[н]ина, остается в неизвестности. Самое отделение Сахалина еще порядочно не дознано. Крузенштерн, помнится, ссылается на капитана Бичэй[5]. Тут надобно — увлечение предметом и решимость, при власти и средствах... Но

и я уж разговорился о таких вещах, к которым пора уж прохладиться холодом, навевающим из могилы.

Сестрицам, брату, Конст[антину] Петр[овичу], Катерине Дм[итриевне] мой искренний привет. Да хранит вас всех благость божия. Батенькову сего же дни напишу; более ни с кем не в переписке. По слухам знаю, что П. Н. Свист[унов] был отчаянно болен, но поправляется. Супруга Алекс[андра] Мих[айловича] все еще в болезненном состоянии. Прости. Мысленно тебя обнимаю, как друг — в несчастии

В. Штейнгейль.

63. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 26 июля 1849

Сомнений ты и никогда не увидишь, незабвенный друг мой, любезнейший мой «Мишель», в письмах моих, на счет сохранения чувств дружбы твоей, которая облегчала так долго бремя заточения: был бы грех с моей стороны великий; а приближаясь к концу, мне поздно грешить. Письмо твое от 24 июня получил 21-го. Душевно порадовался, что у вас все подобру да поздорову: дай бог, чтоб это так было, по крайней мере, как можно долее. Через день после этой приятности, 23 поутру, неожиданно явился давно жданный приятнейший гость Jean[n]ot Пущин: можешь вообразить, как отрадна была эта встреча, зато как грустно было расстаться. Переночевав ночь, он уехал во 2 ч[асу] дня; я проводил его за заставу; тут под чистым небом простились, с доверенностию к благости божией. Он поехал на воды Туркинские и надеется возвратиться в декабре[1].

Не долго утешалась старушка моя соединением всех птенцов своих около себя: двое ненаглядных отлетели вдаль на бранное поле, оставя тяжкую грусть и слезы за собою. Полк их выступил 25 мая; конец маршрута Лида — город Виленской губернии; а какое продолжение впредь — в судьбах то неисповедимого[2]. В последнем письме Julie моя говорит, что пишут с дороги, и Вячеслав сознается, что Володя опытнее его на походе; оно так и должно быть. Тот не выступал никуда, кроме лагерей, а этот прошел не одну тысячу верст с полком короля Неаполитанского. Прибавляет, что идут весело и что Вячеслав любим своею ротою. Julie пишет о перемещении на новоселие в Садовую и хвалится помещением

на огромном пространстве, со всеми удобствами, и даже смежностью с домовою церковию, к стене алтаря которой примыкает ее спальня.

Со времени употребления настойки с осиновою корою я чувствую себя гораздо здоровее. Кто бы мог подумать, что в таком веществе такой spécifique* от геморроя. Сверх этого помогает быстро от флюса полосканием — без разведения водою: прими это к соображению. Настаивать надо на чистом вине и чем крепче, тем лучше. Ты напрасно испугался моего пощения: я держу строгий режим; но отнюдь не поставляю святости в роде пищи. Великий пост соблюдаю дома, чтобы, по Апостолу, не делать соблазна хозяевам, у которых в этом православие. Содержу и пост Богородицы: короток и есть, что есть; но Петров и Филиппов мне уж не по силам. Удивил меня вопрос твой о часе, в котором приобщался. Это был час 11-й, а по-вашему 1-й п[о]п[олу]дни, потому что разнимся в долготе 30-ю град[усами] с минутами. Любопытен знать причину. Не совпадение ли какое. Людмила[3] мне пишет, что когда адмиралу (П. И. Рикорду) показали мое письмо об украденных у меня часах в Великую субботу, во время заутрени, он удивился, что в это же время и у него из кармана вытащили бумажник с деньгами. С таким человеком приятно соучаствовать и в неприятных ощущениях.

Благодарю за уведомление об институтках, порадовался за Сергия Петровича и Катерину Ивановну[4]. Ив[ан] Иван[ович] мне сказал, что Каролина Карловна скончалась, с поразительным предузнанием кончины, 25-го мая[5]. Неужели 24 июня ты не знал об этом?

Дал бог долгий век старушке, но ты не сказал ничего о сестрице Конст[антина] Петр[овича], ни о своих. Поблагодари всех за припомнение меня и засвидетельствуй взаимно мое душевное почтение.

Обнимаю тебя от всей души, от всего сердца, как друг — до гроба

В. Штейнгейль.

64. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 16-е октября 1849

Уже более 2-х с половиною месяцев протекло, мой друг, любезнейший Мишель, как писал к тебе (26 июля),

---

* особенный (франц.).

и нет от тебя весточки. Сверяя это с данною тобою нормою, теряюсь в заключениях и скорблю. Что ты верен слову, не сомневаюсь. Отгадывая твои чувства по своим, решился пустить несколько строк, чтобы ты, по крайней мере, знал, что я еще брожу (mais á la lettre déjà*) в этом прекрасном из всех возможных миров и доучиваюсь, как расстаться с ним без малейшего сожаления. Благодаря бога! особой болезни не чувствую, но дряхлею приметно; а признаюсь, ничего так не боюсь, как продолжительной дряхлости.

Прежде нежели ты получишь это письмо, ты давно будешь уже знать о кончине в[ел]. кн. Михаила Павловича. Эта катастрофа меня очень огорчила. Ты знаешь, он был благодетель моего Николая и перед поездом, в последний раз, в Варшаву оказал моему семейству благотворение при посредстве ген[ерал]-адъют[анта] Я. И. Ростовцева[1]. Я обязан благодарностию тому и другому и, конечно, сохраню ее в сердце моем.

Благодарение господу! дети мои возвратятся, избавясь от участия в этом ужасавшем меня походе, который с такою славою окончился для оружия нашего. Но я сердцем мыслил не о славе — о детях! Потерю их не перенесла бы добрая моя старушка, и для сестер их горесть на горесть, слезы к слезам, несчастие за несчастием!.. Тяжко!

Сестрицам твоим, брату, Катерине Дмитриевне, всем помнящим еще меня засвидетельствуй от меня сердечный привет. Прости! Обнимаю тебя мысленно, с тем чувством, с каким обнялись, разлучаясь пред воротами тюрьмы в Петровске, и которое сохранится в сердце моем и в памяти до вступления во врата вечности. Прости!

В. Штейнгейль

65. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Тара, 21-е января 1850

Письмо твое, любезнейший друг мой, незабвенный мой Мишель, от 14 сентября, получил я 29 декабря, и — чрез С.-П[етер]б[ург], что видно по печати[1]. Не постигаю причины. В содержании его, кажется, нет ничего такого, почему бы оно могло сделать этот круг. Впрочем,

---

* но в буквальном смысле уже (франц.).

пора нам увериться, что пока мы не умрем, подозрение будет тяготеть на нас. Горестно, грустно, но надобно сказать: не лучше ль прекратить нам переписку, с полною уверенностию, что до последнего вздоха друг друга не забудем. Итак, это последние мои к тебе строки. Когда всеблагое Провидение поставит последнюю точку последнего периода той идеи, которую благоволило выразить моею разнообразною, бедственною жизнию, ты узнаешь, конечно, и из глубины души без сомнения пожелаешь, чтобы общий наш небесный отец с милосердием принял ту искру, которою одушевил меня.

Страшные морозы с первого почти дня праздника, от которых в квартире моей * я чистый был страдалец, отымали охоту взяться за перо; вот почему так долго не ответил.

Сказанное тобою о смерти Каролины Карловны для меня загадка: неужели в ней был произвол[2]. Странно, но осуждать не стану: отчаяние та же болезнь. Рассуждения, основанные на мнении людей, тут вовсе не панацея.

Итак, ты думал жениться[3]. Не ропщи, если это не состоялось: в этих случаях, да едва ли и не во всех, лучше доверять Провидению, нежели себе. Оно знает, когда соединить, когда разлучить. На нас возложено нести крест; мы исключены из ряда тех существ, у которых могут быть стремления, желания, воля — надежды; нам оставлен только дух и терпение.

Если услышишь о моей смерти, заклинаю тебя — порадуйся и отнюдь не сетуй.

Благородным сестрицам своим скажи сердечный привет; брату и всем помнящим меня пожми крепко от старика руку. Вспомни обо мне в своем кругу 13 апреля, мне стукнет 67!

Не умею выразить, с каким чувством мысленно тебя обнимаю. Неизменный друг до гроба

В. Штейнгейль.

P. S. Вот хорошо! Я и забыл сказать, что И. И. Пущин проехал 22—23 декабря. Он не мог мне объяснить причины неудачи в исполнении твоего брачного намерения. Поблагодари добрую *нашу* Катерину Дмитриевну за ее обо мне память.

От родных имею письма: все они здоровы. Прости!

---

* а ее, с необходимыми для меня условиями, лучше нет в целом городе. (Примеч. В. И. Штейнгейля.)

66. Н. Н. АННЕНКОВУ[1]

Тара, 3-го марта 1851

Ваше превосходительство,
милостивейший государь!

Мое качество страдальца не попрепятствовало бывшему генерал-губернатору сделать мне честь своим гонением; от Вас — вожделенного посланника благости государя, я могу ожидать одного сострадания. Эта мысль осмеливает меня: умоляю Вас — возвратите меня в Тобольск, где я находился с высочайшего соизволения. Мне предстоит последний год седьмого десятка; дострадаю скоро: пошлите мне на это последнее время утешительную надежду, что руки товарищей несчастия закроют мне глаза и передадут в вечные объятия общей матери — Земли!

С глубочайшим чувством высокопочитания имею честь быть Вашего высокопревосходительства всепокорнейший слуга

Владимир Штейнгейль —
государственный преступник[2].

67. А. Ф. БРИГГЕНУ

30-е июня [18]52

Крайне прискорбно мне, добрый, постоянно уважаемый и любимый мною Александр Федорович, что не успел и не могу так удовлетворительно исполнить Ваши поручения, как бы то мне хотелось. Вы запретили прибегнуть к С[тепану] М[ихайловичу][1], а это бы кратчайший путь был для достижения. Чрез молодого человека, чрез которого есть возможность иметь некоторые сведения, я мог только узнать, что в pendant* Вашему «объяснению» требуется от бывшего судьи такое же. До получения, вероятно, речи не будет. При всем значении столоначалия наперед трудно сказать о возможности уладить это «между нами», как Вы говорите. Представление о Дмитриеве написано, но «не сдано», как говорят[2]. Оно у такого, которого и гауптвахта не подвинула к торопливости.

Чтоб отвечать на вопрос, скажу: с А. В. Вин[оград-

---

* в дополнение (франц.).

ским] знаком еще издали. Все предупреждает в его пользу [3].

В четверток 26[-го] Ив[ан] Мих[айлович] доставил мне второе письмо Ваше. На другой же день поутру я был у самого директора [4] и получил ответ по справке: «нет ни плоскошария, ни Европы таких, каких Вам надобно». Есть атлас in-quarto для уездных училищ. Недавно я видел, что А. М. Мур[авьев] взял такой для своих детей.

Когда газеты известили о кончине Вас[илия] Андр[еевича], первая моя мысль была — о Вашем лишении, и я вполне выразумел, как оно для Вас чувствительно [5]. Но это непреложность общего закона, разница в том, что *сегодня* — одного, другого — *завтра*. Я охотно бы поменялся с ним в этом; но всевышний судеб распорядитель не спрашивает нас, и я остаюсь повторять с Гесом:

Wenn auf den müden Sorgenstab
Des Greises Thräne fließt,
Er nichts mehr sehnt, als nur das Grab,
Das seinen Schmerz versüßt!* [6]

Вы не ошиблись: новый судья Ваш человек точно добрый и осторожный, берегущий свою службу. В Таре я мог это заметить. Городничего [7] видел только как гостя в Таре: супруга его очень достойная женщина, и если она не справдает на себе пословицы «Honores mutant mores»**, чего я от души желаю ей, то, конечно, приобретет общее уважение и привязанность. Она была «скромница» в Таре.

Душевно радуюсь, что Вы довольны настоящим своим положением. В наши лета это едва ли не главное. Всеобщею ласкою здесь мне нельзя довольно нахвалиться; но обстоятельства мои далеко не таковы, как Ваши. В Таре я имел ресурсы: давал уроки, получал помощь за взаимную по делам доброго и вполне жалкого нашего общего друга Л. И-ча. Здесь все это обрезалось, и если б не Ив[ан] И[ванови]ч [8], я завыл бы волком. Но не ропщу и готов терпеть всякую нужду. К кресту привесок не должен почитаться тягостным для того, кто чисто понимает значение своего креста.

---

* Когда на уставший от тревог посох
Старца капает слеза,
Он не стремится больше ни к чему, кроме могилы,
Которая избавит его от страдания! (нем.).

** Почести меняют характер (лат.)

Писать на имя Феклы Вас[ильевны][9] не опасайтесь, она не распечатывает, зная, что ко мне.

В «Journ[al] des Débats» в январе нескольких №№ недоставало: я так получил от Петра Н[иколаевича]. Потеря невелика. Как-то он потерял свой интерес[10].

Наведываться в губ[ернское] пр[авление] не перестану, и что узнаю, не замедлю Вас известить.

Поручая себя продолжению Вашей драгоценной для меня дружбы, от всего сердца жму Вашу руку

В. Штейнгейль.

P. S. Не могу не присовокупить пламенного моего желания, чтобы господь избавил Вас от состязания со стариком Сенатом Петровичем.

68. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

6 ноября [18]53

Две беседы твои, любезнейший брат-друг, передо мною, несколько раз прочитанные, перечувствованные. Октябрь был так тяжел, физически и нравственно, что несколько раз, принимаясь сказать что-нибудь, уничтожал начатое. Но надо же; не знаю, настоящая отповедь доведется ли до конца. Увидим.

Всякое твое слово — бальзам для моего сердца: чистая твоя душа, пламенное твое участие видны, как отблеск луча в Коги-Нуре[1]. Но если ты поставлен между желанием, как бы оно ни было сильно, пособлять мне и невозможностью, всегда полномочною, удовлетворить ему, то без всяких «отчетов» уступи последней, с полною уверенностью, что тень сомнения не падет на мысль мою. Бремя необходимости слишком мне знакомо. Сколько раз был в тисках крайности и всегда неожиданно пел «господь — помощник и покровитель, и бысть мне во спасение!» Исповедь Иоанну, что за беда. Он знает мое положение и не раз угадывал помочь в горькую минуту. Он «высоко» благородный человек, не говоря об уме, о счастливом характере[2].

В октябре мне удалось занять у Н. С. Пиленкова[3] 60 р., да одна вдова, которой помог исходатайствовать отчаянный уже пансион, прислала мне из Иркутска, сама будучи в Москве, 30 р., из там получаемого пансиона, как именинный подарок. Составилось 90. Мог экипи-

ровать на зиму детей, заплатя тотчас 18 р. долгу мелочного. Не знаю, как дотяну до Нового года, а еще менее знаю, как отдам 60 р. Знаю одно, что надежда моя на бога не оскудевает, а «надеящиеся на нь* не погибнут».

С сердечным умилением видел я доказательство твоей энергической восторженности. Нет, мои способности, если были какие, притупели. С трудом уже вяжутся мысли. А память, на имена особенно, совершенно оскудела. Смеючись говорю, что скоро забывать стану, как самого зовут.

Ни на политические «вопросы», ни на местные дрязги у меня уже недостает охоты обращать внимание и, с немецким прозвищем, пивом по столу маневров Горчакова разводить не стану[4]. Буду молить господа «да мышцею высокою прекратит брани, к счастию и спокойствию человечества».

Есть слухи, что Серг[ей] Пет[рович] просится в Томск: как бы я за тебя порадовался этому переводу.

Да хранит тебя матерь божия. Прости, обнимаю тебя от всего сердца, от всей души, как брат и друг.

В. Штейнгейль.

69. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

15 декабря [18]53

Еще 16 дней, и 53-й год, столь чудовищный событиями, канет в вечность! Зачем он не убрал меня с этой сцены, где мне так душно? А может быть, и уберет еще: смерть так таровата на сюрпризы. Буду еще терпеливо ждать ее милостивого внимания; буду, кряхтя, влачить свою ношу, пока не вдавит в землю! А тяжела уже эта ноша, любезнейший мой брат-друг! Но я грешу; безмерна ко мне милость божия: здоровье мне еще не изменяет. В 24° мороза я еще могу ходить в своем оленьем пальто почти с открытой шеей. Сокрушает более всего, что не могу найти себе дела, которое бы дало кусок хлеба. Наняться в писцы в какое-либо присутственное место можно бы, но подыматься на 30-саженную гору два раза в сутки невмочь[1]. Помощи ниоткуда верной: из П[етер]бурга пишут, что сами в долги должны были войти. И уж, конечно, верно: такова столичная жизнь. Одна неоскуд-

---

* На нь — на него (церк.).

ная надежда на бога. Но довольно возмущать твое доброе сердце моим положением. Что бы еще мог высказать, не хочется вверить бумаге. Поговорим о другом.

Сюда приехали товарищи: Матв[ей] Ив[анович] Муравьев-Апостол и Ив[ан] Дмитр[иевич] Якушкин с сыном, которого и ты увидишь. За первым вскоре будет и семейство его, для посещения вдовы, которая готовится ехать в Россию[2].

Получено письмо от Фонвизина. Он пишет чудеса о пишущих столах, от которых с ума сходят. Столы дают ответы на заданные вопросы, и на каком угодно языке. Все общество разделилось на «столоверов» и неверящих. Отвечающий именует себя «чертом». Можешь вообразить, до какой нелепицы это доведет[3].

По последним газетам моряки наши на Черном море дали отвести душу: увидим, что заговорят на Западе[4].

Эти строки доставит тебе знакомое лицо, хотя неугомонное, да доброе и честное. С ним отправляется и тот молодой человек, о котором я тебе писал; если можешь со своей стороны посодействовать к его пристроению, надеюсь, поставишь за удовольствие[5].

Более и сказать нечего, а если б и было что, письмо уже меня утомляет. Не взыщи, добрый друг. Если доживу до Нового года, то — верь, обниму тебя сердечною мыслию и поздравлю душевным желанием, чтобы господь надолго сохранил твою полезную жизнь. Прости! До последнего издыхания чувства мои к тебе пребудут неизменными. Верь старцу

В. Штейнгейлю.

70. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

19 февраля [18]54

Он пролетел, все еще юный, все еще неразлучный друг фантазии: расшевелилось, отогрелось мое сердце; но это минута, после которой тягость тягчайшая[1]. Недаром седая древность прорекла: «хорошего понемножку».

Благодарю тебя, мой брат, мой друг, за все — благодарю без слов, чтоб языком не ослабить чувства. Пробьюсь сколько, а там — все бог!.. Он, по благости своей, поможет и крест донести. Во всяком случае — недалеко; говорю о себе.

Какая бы буря ни была, если мы подлинно «со Хри-

стом и за Христа!», бояться не только Луны, ни западных ренегатов, нечего. Гедеону это было достаточно, чтобы побить тысячи. Вообще в этой формуле «х» чрезвычайно интересен. С последнею почтою, из некоторых извлечений, видно, что тон иностранных газет начинает изменяться [2].

В полной мере постигаю и чувствую, что хорошо бы нам было и умереть под «одной скобкой» [3]; но закон необходимости выше всех «хорошо бы». Нет сомнения, ты переживешь меня: ты — осмой ефесской отрок [4].

«Приезжий» — проезжий близкий имеет доступ до последней ступени к «высочайшей» и может провесть зло до сведения. Но разве оно неизвестно?.. К этому, то ли время, чтобы заниматься лечением этой гангрены! Весь результат может быть: вред одному, двум, трем лицам, без всякой пользы обществу! Заместники, хоть их посади святых, скоро примутся за то же [5]. Эти вещи достигаются народною нравственностию, где она возможна! Ты сказал: «города имеют также свое счастие» — прибавлю: и целые государства.

Сообщу теперь тебе нечаянность, какая случилась со мною. Она будет тебе приятна. 10-го числа я попал — в посаженые отцы. Наш инспектор гимназии — автор «Конька-Горбунка», женился на дочери генерала Черкасова. Оба, с нареченною и матерью г[оспо]ж[ой] Андрониковой, убедили меня согласиться [6]. И на другой день молодой сказал мне, что ему «приятно называть меня отцом». Меня утешает то, что есть еще люди, способные отличить и уважить благородное несчастие в самой бедности!

Я был прерван приездом ко мне молодого человека, письмоводителя нашего владыки [7], и теперь не знаю, успею ли отправить письмо. На дворе же снег и вьюга, хотя продирается яснота.

Прости! Крепко обнимаю тебя

В. Штейнгейль.

71. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

25 февр[аля 18]54

В шесть дней не мог отправить письма: не меня, других занимала масленица; а тут в последний день, идучи ввечеру от прокурора [1], у которого я «за-свой», как говорится, и переходя чрез улицу, попал в выбой и так об-

ступился, что пространдал целую ночь, мучился уже мыслию, чтобы не пришлось быть калекою и ходить с костылем; но благодетельное действие кизлярской водки, настоянной солью, в два дни избавило меня от боли и от страха; теперь опять путешествую по-прежнему.

Вчерась получил письмо от нашего Ив[ана] Ив[ановича] с неприятным известием, что положение болезненное нашего почтенного товарища Ив[ана] Дм[итриеви]ча Якушкина, с которого сыном ты теперь, вероятно, уже хорошо знаком, очень сомнительно, хотя наш Вольф при нем. Ник[олай] Ник[олаевич] Муравьев еще не проезжал, а ждут со дня на день. Обещает сообщить, что узнает от него, а я тебе передам[2].

Наш ген[ерал-]губ[ернатор] известил свою невесту, что наконец исходатайствовал разрешение на женитьбу. Я рад за девицу, которую так было жестоко компрометировали. Будущий тесть отправляется вскоре в Петерб[ург][3].

Вот, наконец, и манифест о войне с Франц[ией-] Англией[4], грустно напоминающий 12-й год: я не мог прочитать без сильного сердечного движения; но да будет воля божия! Надежда на господа, кажется, из глубины души выражена — и не обманется! По газетным статьям судя, сами заступники турок что-то не вовсе рады, что далеко зашли. В Моск[овской] газ[ете] есть очень дельная статья англичанина, бакалавра прав Дж. Мозели. Помоги бог ему образумить соотчичей![5]

Будем молиться: да расточатся врази!

Прости, мой друг и брат, крепко обнимаю тебя

В. Штейнгейль.

Евгению Ивановичу пожми от меня руку[6].

72. И. И. ПУЩИНУ

Воскр[есенье]. 2-е мая [18]54*

Воистину воскресе!

Поздно, но показалось грешно не ответить на Ваш светловоскресный привет, хотя заочно от сердца с Вами христосовался в первый день. После праздников вообще остается пустота, как-то неловко бывает при ней поздравлять с «прошедшими», итак, поздравляю душевно с

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 2-го июля».

наступающим днем Вашего рождения и за ним — с днем ангела[1]. Пред образом Спасителя в эти дни выпью за Ваше здравие по чаре осиновки: горечь — лучший представитель всех наших чувств. Вы не усомнитесь, что эта приправа не помешает нисколько чистоте сердечных желаний Вам всякого блага.

Интересное Ваше письмо от 6-го дошло до меня 26. Из П[етер]бурга могло дойти скорее. Заботитесь о прозе моего существования и, говоря о невозможности, в то же время делом являете возможность помочь мне. Да воздаст Вам, да заплатит Вам — он!.. Неохотно касаюсь этого предмета, замечаете Вы: вижу, что Вы никогда не испытывали подобного положения; не знаете, что значит быть между чувствами своего достоинства и наглым натиском нужды. Успокойтесь, впрочем, за меня: я свыкся с сжатым положением и переношу tous les petits misères de la assez bravement*. Молюсь только и уверен, что господь избавит меня болезненной и беспомощной старости. Впрочем, если будет и на то его соизволение, приму с иовским самоотвержением: «Благая приняли от господа, злых ли не стерпим!» — как он сказал[2]. При скорбных моих чувствах от множества разносторонних причин я часто имею утешение видеть, что господь не оставляет меня. Грустно; думаешь, нет ниоткуда помощи; задаешь себе, с подушкою, вопрос не незначительнее Восточного, что буду делать? Проснулся — и помощь тут. Так, в одну из жестких минут явился с начала года маркиз с помощью от томского брата Гавриила. Он хочет, чтобы я иначе его не считал, как братом. Не то ли же недавно? Вот Пасха — все близкое насупилось; сам молчу, крепя рифы сердца, и вдруг от Пет[ра] Ник[олаевича] пакетец со вложением от имени, к благородству которого имею полную и неограниченную доверенность. Неужель это так делается? Знаем ли мы, откуда и как приходят нам внезапные мысли и побуждения, посылаются неожиданные встречи, дающие иногда совсем новые направления самой жизни нашей. Но пора пощадить Вашу деликатность: предоставьте моим чувствам и моей вере, по которой Спаситель обещал событие.

Порадовала меня очень весть о поправлении здоровья Ивана Д[митриевича]. О, да сохранит его господь! С не-

---

* все маленькие житейские невзгоды довольно стойко (франц.).

терпением буду ждать удовольствия познакомиться с его Вячеславом[3]. Уверен, что Евгений И[ванови]ч сойдется с моим: вот, скоро узнаем.

О губернаторе уже дано знать официально. Очень понятно, что его могли предпочесть всякому другому, но темно для меня, как он мог, зная все данные и личность, которая будет «над», решиться ехать сюда[4]. Время все раскроет. Вы его знаете; я даже не видал.

Из Иркутска сюда есть известие. Уже пишут, что Н[иколай] Н[иколаевич] отправится по Амуру[5]. Корицкий сообщает Колену рассказ Н[иколая] Н[иколаеви]ча, будто государь, при последнем свидании с Сеймуром[6], сказал ему: «Скажите своей королеве, что у меня полтора миллиона штыков; захочу — будет два; попрошу — будет три; а если сам сяду на коня — все пятьдесят пойдут за мною». Se non e vero, e ben trovato*, говорят итальянцы.

Конст[антин] И[ванови]ч доставит Вам эти строки, то Вы спросите у [него], точно ли ему приятнее беседовать с Оли[нько]й[7], нежели разбирать рукопись, всегда содержащую что-либо интересное, приятное и занимательное, если не для чувств, то для ума! Поверьте, это не от случая к комплименту.

Не знаю, с чего Вы заключаете о «паническом страхе»; его нигде не видать. Укрепления? Но они могут быть с другой целью, чтобы сказать: «нигде врасплох не застанете». Сказанное в письме, которое возвращаю[8], совершенно справедливо; остается по прежним примерам спросить: «Надолго ли?» Одно замечу: конечно, «люди» должны быть на высших местах; но много ли таких, которые удовлетворить могут всем условиям благоуправления. Не везде ли случайность садит на места, отталкивая достоинство.

Дочитывая теперь «Историю войны с французами 1799 года»[9], я боюсь судить о делах политических. Если те, которые близки к театру, ошибаются в видимом и слышимом, что же можно безошибочно заключать по данным из прорезной и вымытой газеты. Конец увенчает дело. Я убежден, что венец будет блистателен на России. Когда перешли за Дунай (13 марта в суб[боту] 3 [недели] поста), в Апостоле читалось: «Не отлагайте убо дерзно-

---

* Если это и неправда, то хорошо придуманная (итал.).

И. И. ПУЩИН. 1850 г.
Художник К.-П. Мазер

вения вашего, еже имать мздовоздаяние великое»[10]. Принимаю это за благое пророчество. Смалькова, сестра Вашего градоначальника, написала сюда к матушке своей из Пензы, что на Черном море страшное было сражение и что будто бы 30 неприятельских кораблей истреблено, с потерею 9 своих. Подлинно страшное, если это так. Думаю, не вроде ли это арестования Наполеона[11]. Как на-

рочно застой почт, и самый пренесносный, когда всеобщее любопытство так напряжено. Предложение 30 винтовых кораблей что-то тоже пахнет пуфом. Кроме кронштадтского винтовика строится в С.-П[етер]б[урге] в 84 пушки; но когда его изготовят и как проведут те из Америки. Впрочем, легко станется в самом деле, что высокое давление покажут наши без паров. Если я рад чему, то это вызову к действительной службе доброго старца П. И. Рикорда[12]. Это истый моряк и, конечно, не ударит лицом в грязь. О, помози ему бог! Я его люблю и уважаю.

Ну, записался я до утомления. Вы видите, что уже плохо рука служит, особливо когда перо дурно. Обнимаю Вас взаимно и прошу обнять почтенных добрых братий.

В. Штейнгейль

Письма М[атюшкина] никому не показывал и о предмете ни с кем не говорил. Оно, знаете, покойнее.

73. И. И. ПУЩИНУ

4 мая [18]54*

Вчерась узнал от Ольги Васильевны[1], что письмо Ваше задержано было в Тюмени тем, кому вверили доставление,— и, вероятно, из осторожности, которая во всяком случае не лишняя.

В воскресный вечер вдруг три почты к нам нагрянуло; получено пять №№ «Моск[овских] вед[омостей]», в которых, впрочем, мало в полном смысле «нового». К генералу пишут, что Горчаков[2] назначен командиром отдельного Таврического корпуса, и другое, что один английский фрегат винтовой разбило, и едва 10 человек спаслось.

Пишут еще, что англичане были на Эзеле, обошлись ласково, давали даже бал; закупили множество скота втридорога и заплатили наличными кредитными билетами — фальшивыми! Как это по-английски!

Из Ревеля почти все жители, и особенно женского пола, выехали; остались одни служащие и военные. 16 апреля Нева еще не была вскрывши.

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 2-го июля».

Да, Масловский, наконец, отставлен от службы, забыл, по какому-то делу о растрате казначеем денег[3].

Арц[имович] хотел после праздника отправиться; но думал погостить у родных еще, вероятно, у Жемч[ужниковы]х[4].

Иртыш у нас затопил все низменные окрестности и в самом городе все прибрежие, т. е. Отрясиху с частью Пилятской.

Если будете писать к Ник[олаю] Ив[анови]чу[5], попросите его, буде имеет знакомых в Акад[емии] худож[еств], чтобы походатайствовал об одобрении рисунков *Высоцкого*, вольноопределенного учителя рисования в Тарское уездн[ое] учи[ли]ще. Та же история, какая у Вас была с Панаевым[6]. Этот Высоцкий, сын умершего политич[еского] преступника, единственная подпора матери и малолетних братьев и сестер. С божиею помощью Порф[ирий] Матв[еевич][7] так удобрился для меня, что удивил поспешностию исполнения данного мне обещания: Высоцкий уже допущен к исправлению должности. Приложите руку к довершению — donnez votre coup de main*. А то, говорят, там часто забраковывают без особого ходатайства уважительного или матерьяльного; ecce homo**.

Как знал, отсоветовал Черн.[8] и Кон[стантину] Ив[ановичу] ехать в понедельник, имею удовольствие еще раз заочно обнять Вас. Всем от всей души поклон передайте.

Ваш всем сердцем В. Штейнгейль.

74. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

16 июня [18]54

Любезнейший брат и друг верный! Вот тебе Агафья — добрая, работящая женщина, которая мыла на меня белье, всегда чисто, прекрасно, верно. Теперь, с мужем-столяром, отправляется она в ваш пресловутый Томск — искать дела. Твое слово много там сильно: помоги ей в поиске; ты мне сделаешь большое тем удовольствие.

Обнимаю тебя сердечно В. Штейнгейль.

---

* приложите Вашу руку (франц.).
** се человек (лат.), в тексте hominis.

75. И. И. ПУЩИНУ

18-е июня [18]54*

Вот и последышу моему Владимиру сегодни свершилось 29 лет! Пасмурность и дождь; не лучше на сердце: побеседую с Вами, мой редкий благородный друг.

Появление к Вам Константина Ивановича объяснит Вам, отчего «давно не было от меня весточки». Они просто пролежали, потому что наводнение помешало Кон[стантину] И[ванови]чу ехать на Ялуторовск, а с почтой посылать листок Матюшкина не решился.

От Натальи Дмитриевны вчерась получено письмо — сказывал мне Павел Сергеевич. Она с твердостию переносит свое положение. Вы знаете, что Нарышкины ее посещали и звали к себе. После 40 дней она намерена была их посетить. Марья Дмитриевна прислала рисуночек могилы покойного[1]. Не знаю, почему балюстрадку выкрасили голубой краской: не аллюзия ли небесной обители.

Пав[ел] Серг[еевич] сообщил мне вчерась, что мы не увидим Ивана Дмитриевича[2]. Очень жаль, но как быть. От всей души желаю, чтобы на Востоке он нашел потерянное здравие.

По рассуждениям, какие начинают проявляться в Германии, видно, что есть направление к образумлению: это уже начало реакции. Она легко быть может успешною, если английское министерство не устоит. Впрочем, кто теперь может сказать достоверно, что выльется из этого кипящего горна страстей, когда выльется и в какую форму выльется. Два случая опрометчивости на Дунае крайне прискорбны; то хоть хорошо, что не скрывают: этим поддержится доверенность к успехам. Кто памятует или знает 12-й год, тому неудачи и самые потери не страшны. Между тем нельзя из глубины души не воззвать: бедные греки, бедный Оттон![3]

Ванюша Анненков[4] пишет, что флот от Ревеля пошел в Кронштадт. Результат этого нашествия чрезвычайно интересен. По-моему, хорошо, что не пренебрегли угрозою и «всемерно» приготовились к угощенью гостей. Мой Владимир с восторгом готовился в поход: ушел ли и куда, не знаю.

Не забудьте прислать обещанные брошюрки; много одолжите. Тенгобор[ский] — претендент на М[инистерст]-

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 2 июля».

во финансов и автор «О производительных силах России»[5].

На восточном Тихом океане открывается сцена деятельности для России, с которой можно далеко идти. Меня радует пред отходом, что фантазия моей юности начинает сбываться. Если правда, что в Соед[иненных] Шт[атах] заказан и строится 90-п[ушечный] винтовик, как бы хорошо было провесть его в Новоархангельск. Дай бог, чтоб Ник[олай] Ник[олаевич] успел занять гавань, о которой Вы мне, помните, писали, что найдена южнее устья Амура[6].

Обращаюсь к тому, что ближе и ощутительнее, — к наводнению. Вообразите, что до сих пор еще вода не вошла в берега. Убывает каждодневно не более вершка. Каково бедным, которые более месяца сидят на вышках, без горячей пищи, в холоде и сырости! Но всего прискорбнее видеть апатию временного начальства: ни участия, ни распоряжения![7] Разворочало мосты и мостовые, так что в Пилятскую нет проезда; да и по Архангельску переулку, ни через мост, что у Откупного дома, ездить еще нельзя. По крайней мере, хоть тут видно, что зашевелились исправлением. Хозяина дождаться не можем. Есть сведение, что хотел 10 ч[исла] э[того] м[есяца] выехать из П[етер]б[урга]. Для меня это определение неразрешимая задача. Не умею растолковать, как! Знавши все данные и личность, от которой зависимость, пуститься в этот омут!.. Подождем: приезд все разгадает. С ним двое лицейских; стало, мои внуки[8]. Напишу Вам, что́ замечу или верное услышу.

Не согласен я с Вами: Тобольск не может быть упразднен. Он может, напротив, ожидать блестящей будущности. Оставляя будущий перенос Ирбитской ярмарки в Тюмень и пароходство, одно уже проведение прямой дороги на Тару чрез Усть-Ишим и Теврис, и от Тары, минуя Каинск, прямо на Томск, и сокращение чрез то дороги от Кяхты до Тюмени на 500 верст заставит коммерцию обратиться на этот тракт. Есть уже частные люди, помышляющие об осуществлении этой мысли. По крайней мере, так мне писали из Тары. Сочтите, сколько такое сокращение будет и для казны выгодно — перенесением этапов и уменьшением числа их 18-ю — на худой конец. Прибавьте сокращение путевых издержек на арестантов и пересыльных. Когда это будет? Мудрено отве-

тить, а будет. Вот и сегодни я подкреплен в этой мысли посещением прекрасного парохода «Ермак», пришедшего из Тюмени. Он принадлежит компании купцов Марьина, Кондинского и др. Весь железный и во 100 сил. Ведет два подчалка с 44 т[ысячами] пудов клади. Одно было неприятно, что два бельгийца, из которых один инженер-механик, хорошо образованный молодой человек г. Арну, имеют повод быть недовольными и жаловаться на них.

Хотя монахи мало интересуют Вас, однако ж, относительно изменения элементов общественности Тобольска, скажу, что 15 ч[исла] ректор наш отправился в Кострому ректором же, где его ждет знак 2-й ст[епени] Анны. За два дни пред тем прибыл преемник его, архимандрит Паисий, и 13-го оба служили с архиереем и были в крестном ходу. Преосвященный наш[9] в очках читает свои проповеди, а этот вовсе очков не снимает. Павел Серг[еевич] беседовал с ним и нашел его более духовным и вообще умно судящим. Я перестал быть торопливым на знакомства и не знаю, буду ли у него.

Константин Иван[ович] располагается ехать не ранее 25-го; я успею еще присовокупить что-нибудь; покамест — жму Вам руку.

25-е, утро.

Вчерась пришла почта рано. Ничего утешительного. В блистательной стычке под Силистрией есть «но» и «к сожалению»: фельдмаршал оконтужен![10] Мы обедали у Ив[ана] Алекс[андровича] на именинах. Тут был и Фер[динанд] Богд[анович], я ужаснулся, взглянув на него вблизи: кажется, он многие годы прожил со дня кончины Алекс[андра] Михайловича: так изменился в старость!

О губернаторе никакого слуха. Из газет видно, что 28 мая выехал из П[етер]бурга, и стало вот уже 28 дней, как в дороге. Крайне бы хотелось, чтоб он приехал до отъезда Конст[антина] И[ванови]ча. Но что-то не похоже на то.

Вы, я думаю, слышали петербургский анекдот о «двух глупостях»; если не слыхали, Конст[антин] Иван[ович] расскажет. Сегодни минуло 58 лет госуд[ар]ю. Скоро облечется в старость, а теперь месяцы — годы! Укрепи его господь! Надобно, чтобы он сам кончил всю эту сумятицу и вывел с честью свою Россию из этого «посконного ряда — без отрепьев»[11].

Не видались ли Вы с проехавшими чрез Ялуторовск

архиереями Нилом и Парфением?[12] Скажите, что заметили.

Прошу Вас засвидетельствовать от меня сердечный привет всем добрым товарищам и Александре Васильевне[13] в том числе. Да хранит вас всех благость божия.

Что привезут спутники губернатора, не оставлю Вас тотчас известить. Простите. Крепко жму Вашу руку.

В. Штейнгейль.

76. И. И. ПУЩИНУ

27-е июня [18]54*

За долгое терпение вот еще дополнение:

Вчерась приехал Василий Дмитрич, сын прокурора, из Иркутска, и привез письмецо к Вам: *оное* при *сем* прилагаю[1].

Интересная сущность рассказа его состояла в том, главное, что Ник[олай] Ник[олаевич] принужден был, чуть не при самом отплытии, бросить пароход, по негодности машины. Уплыл с двумя баталионами на простых судах[2].

Нил преосвященный успел основать монгольскую церковь, т. е. обратить 40 т[ысяч] бурят, как говорится, к православию[3].

Самое неприятное: взаимное несогласие семейств Волк[онского] и Трубецкого. Это что-то вроде Павлуцких и Резановых Тобольска. Грустно и жалко.

Что до Молч[анова], говорит, что вышел в отставку, что Н[иколай] Н[иколаевич] его уже не принимал и что будто его требуют в П[етер]бург[4].

Дороговизна страшная, поборы ужасные, а хвалит Н[иколая] Н[иколаеви]ча, хает опричню. Результат все-таки тот, что худо и худо.

Об Арцимовиче нет слуху. Казимирский[5] 16 выехал из Томска и должен быть уже в Омске. Вот и все.

Простите. Обнимаю Вас сердцем, исполненным приязни, уважения и благожелательства.

Ваш всею душою В. Штейнгейль.

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 2-го июля».

77. И. И. ПУЩИНУ

22 июля [18]54*

Ваше любезное письмо, добрейший друг мой Иван Иванович, было единственным и самым драгоценным для меня именинным подарком: получил его 15, тотчас по возвращении с кладбища, где я помолился, побеседовал с отшедшими товарищами и провел целое утро в душевном спокойствии и в полной резиньяции к той остальной доле, какую еще Провидение определило на крест мой. Заходил в церковь, что в роще архиерейской, но она была заперта. Поклонился праху благочестивого Мисаила. Я его уважал: это был монах, каких немного, а я знал его еще и протоиереем честным и бескорыстным, это тоже не в частом бывании.

«Критянин», как Вы называете, отправился в П[етер]б[ург] для вступления в военную службу. Она, вероятно, послужит ему в пользу. И действительно рассказы его неверны[1]. Як[ов] Дм[итриевич] Казим[ирский] объяснил, что Ник[олай] Ник[олаевич] действительно был недоволен пароходом и сошел с него, но не бросил; напротив, в Албазине, как с «раззалин его» писал к генералу Бибиков[2], опять сел на пароход и отправился в дальнейший путь. Здесь уже сказали было, что он воротился, «испугавшись» слухов об англичанах, появ[ив]шихся будто бы на устье Амура, — и все это вздор.

Я разделяю Ваше мнение о Конст[антине] И[ванови]че. Олиньки характер весь отца. Петербург, а предварительно и дорога, авось расшевелят ее[3].

За обещание присылки вещей, любопытства столь достойных, предварительно благодарю. Ежели Людовику XVIII можно было уверять, что царствовал с 1793 года, то почему не поставить 27, вместо 29. Удовлетворение временной прихоти, а что последствие возьмет свое, какое дело. «Семнадцать дней» выкинули же[4].

О политике и не говорю. Скажу только, что мой Владимир 7 числа выступил с полком — в Брест-Литовск. Дочь пишет: «Вероятно, пойдут на Австрию, с которою (носятся слухи), что будет война наступательная, хотя манифеста еще не было»[5].

---

* В дате ошибочно: 22 июня (упоминаемые в тексте именины В. В. Штейнгейля — 15 июля). Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 27-го июля».

Назначению Матюшкина порадовался: это может доставить случай отличиться[6].

Дай бог, чтобы Иван Дмитриевич по мере движения на восток оживлялся и там встретил совершенное восстановление здоровья. Генерал не нахвалится тамошним климатом. И он фельдмаршальшу, согласно с Вами, хвалит — за совершенное отсутствие чванства. Она туристка — не удивительно[7].

Не бойтесь бледности похода Ник[олая] Ник[олаевича]. На Восточном океане, или лучше — на Тихом море, там могут со временем совершиться великие события под русским флагом — и он будет все-таки началоположником. И помоги ему господь!

Каз[имирский] мне очень понравился. Вчерась мы все вместе обедали у Петра Николаевича, и он со всеми засвой. Просидел с 1/2 2 до 1/2 8-го, и то по необходимости поехать на смотр своей команды. Он еще и меломан — знаток. Говорит: «я не могу жить без музыки; меня хандра замучит». C'est outré un peu*. Но светскость, и извинительно.

О разрешении Н[аталье] Д[митриевне] жить в Москве слышал. Знаете ли Вы, что Фалькенбергу по ходатайству кн. Суворова дозволено выехать в Россию[8]. Сказывал это Як[ов] Д[митриеви]ч. Каков Суворов? Просто сердце радуется.

Благодарю за письмо к братцу Н[иколаю] Ив[анови]чу. Поздненько придет. Вот скорейший случай — *Василий Михайлович Зданевич*[9]. Он везет сына и двух дочерей для определения в училища. Кстати, сделайте ему добро: скажите добрейшему братцу своему, чтобы он дал ему совет и вообще поруководствовал, куда, чрез кого и как обратиться, а если можно, и посодействовал бы успеху.

Теперь скажу об обстоятельствах, до меня собственно касающихся. Брат жены моей, по частному делу, приехал в П[етер]б[ург] чрез 12 лет, увиделся с сестрою, с радостью обнял двух сыновей своих, из которых один вышел кандидатом из университета — это тот, который предпринял издание портретов университетских профессоров, другой из кад[етского] Аракч[еевского] корпуса, и — попал в ненасытные челюсти холеры. Крайне эта новость была мне прискорбна. Он был честный и добрый

* Это немного преувеличено (франц.).

человек и любил меня, как своего благодетеля, п[отому] ч[то] я его поставил на дорогу «во время оно». И он уж был, впрочем, старик в 63 года; а все жаль, хотя надеюсь не в продолжительном времени увидеться с ним, или — но это под непроницаемою завесою Изиды[10].

Вик[тор] Ан[тонович] Арц[имович] желал меня видеть, Анн[енков] мне это передал; я был у него. Прием самый придворный, я должен был сесть в его кресла. «Я имею честь быть знаком с Вашим сыном! — сказал он мне,— мало этого — даже много одолжен им».— «Каким это образом могло быть?»— спросил я.—«Очень простым; мой младший брат[11] воспитывался в лицее и только что вышел; а он инспектор и благодетельствовал ему». Тут пошла щедрость на похвалы. О зяте ни полслова; и я не начал. Но говоря, что скорее ожидал, что он предпочтет быть обер-прокурором, изъявил удивление выбору губернаторства. На это отвечал, что я сужу по тому времени, которое мне известно, а ныне, кроме об[ер-]прок[урора] I-[го] департ[амента] и дир[ектора] деп[артамента] мин[истерства], нет мест по Мин[истерст]ву юстиции завлекательных. Дало это мне повод заметить, что вообще по министерству не видно никакого взгляда на недостатки судной части. «Ну, это оттого, что м[инист]р[12] не любит никакого нововводства». Насчет определения сюда сказал, что Гасф[орд] сам предложил ему и что Анн[енков] вовсе не знал об этом и не отпустил бы его[13]. Надеется, что связь будет неразрывная, что тот добр и благонамерен. Я на это высказал, что показывает опыт: начиналось всегда приязнью и доверием, а потом кончалось оскорблением, шиканами* и вынуждением бежать вон без оглядки. «Но нет, надеюсь, этого не будет».— Дай-то бог,— примолвил я.

Рассказывая ему, как обращался ген[ерал-]губ[ернатор] с Тих[оном] Фед[отовичем][14], я успел ему сказать мою мысль, что это унизительное для подчиненных обращение всегда меня удивляет; что начальник всегда стоит как бы на пьедестале, если он унизит в понятии народном каждый слой подчиненности, он сам станет — на землю; что это ясная логика. «Это совершенно справедливо», — сказал он тоном полного согласия. И что сказал искренно, доказывает своим обхождением с чиновни-

* Шиканы — придирки, подвохи.

ками, особенно в совете служащими. Разумеется, что я не теми словами передаю, как тогда говорил, j'ai été en train alors *. При расставании, провожая меня до порога аванзалы и подавая руку, он мне сказал: «будем где-нибудь сталкиваться». Я отвечал поклоном, но подумал: «вряд ли!»

Молодых людей лицеистов Анненкова и бар. Штакельберга, о которых мне пишут, все еще нет. Он их отпустил на месяц.

За поправление разорений принялся деятельно. Составлен комитет. Дело, конечно, покажет, каков будет труд. По окончании набора поедет по губернии и в последний город приедет в Омск. «Тут я все покажу и доложу ген[ерал-]г[убернатору], и положим на мере, за что и как приняться». Сегодни здесь открытие дома Мариинского училища.

Поблагодарите добрых товарищей за их привет старику, который, уважая их, желает им полного благополучия, какое только может быть достижимо в наших условиях.

Простите. Обнимаю Вас сердечно. Ваш душою

В. Штейнгейль.

P. S. Завтра обедаем с генер[алом] у Анненкова.

78. И. И. ПУЩИНУ

26 августа [18]54**

Не сетуйте, достойнейший друг и утешитель мой, Иван Иванович, что не тотчас отвечаю на оживляющие меня письма Ваши: обстоятельства не свой брат, не всегда справишься. У меня свой Восточный вопрос, как и у каждого, думаю. За Зданевича по-польски кланяюсь, «юж лёже»***. Не был с ним знаком — но он в нужде, и дети: как будто и свой. Воздаст Вам бог. Да и воздал уже; иначе как бы Вы были с такими возвышенными чувствами, с таким влечением ко всему доброму, благому, так любимы от всех.

Жаль, прежде я не знал того, что сказали о Каз[имирском], я бы прямо, без предисловия, прижал его к сердцу. Благородно!

---

* я был тогда в ударе (франц.); в тексте: étais.

** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 7-го сентября».

*** Уже лежу (польск.), в тексте: лёжу.

Критянин в суме — авось будет с умом [1].

Завидно, право, что у Вас перехват замечательных, интересных и добрых. У меня был знакомый профессор Зиновьев [2], с которым тоже был бы рад встретиться еще в этом беспутном салоне, пока не подадут карету — гроб т. е.

Приемы наружные воеводы точно не заманчивы,— впрочем, для меня только, быть может; но приятно сообщить Вам черту, здесь не совсем обыкновенную. Отклоня «определенное» откупом, он обратил, т. е. заставил пожертвовать 500 на устройство города и столько же на помощь разоренным. На эти два предмета здесь им же учреждены два комитета. Поправка и помощь идут деятельно [3]. Перед отъездом решусь побывать; не удастся ли сделать кому-нибудь что-нибудь доброе, разумеется. Кстати поговорить о сокращенном пути на Томск. Сегодня ген[ерал] мне сказывал, что уж начинают из Омска пощекачивать. Предсказание мое ему скорее сбывается, нежели думал. Что скажет *свидание* [4]. Думает выехать во вторник и начать обозрение с Туринска, а кончить Омском.

Пожатие руки от Александры Васильевны произвело самое приятное ощущение — увы! вскоре, от невозможности отвечать приятностью, огорклое. Мы, одного с нею движения денежного ручья чающие, подобно капуцинским монахам, вместо их memento mori * твердим при встрече: «А денег все нет!» Морачевский [5] для параллели своему экзекуторству уверял, что поздно представлено — в марте; но уже сколько времени с марта! Как знать, что медведи думают.

О Софье Григ[орьевне] слышал, что ее встретили у мощей свят[ителя] Иннокентия [6]. Мне это до слез понравилось. Кто-то проезжал из Иркутска, сказывали и фамилию, забыл — видел Фаленберга, рассказал Сув[оро]ву его историю, и сердце Рымникского внука отозвалось.

За брошюрки большое спасибо. Их читают «молодые люди» — лицеисты, славные ребята. Наши читали — от губернатора. Мне понравилась вторая, лучше первой, да и интереснее.

С Иннавой Филипп[овной] [7] виделся, но она потом

---

* помни о смерти (лат.).

так нечаянно снялась с якоря, что я не успел воспользоваться этою оказиею. Но, до завтра!

27 — утро.

Хотел сказать «доброе утро!» Вам, но что-то, после постоянно прекрасной погоды, насупилось. Ветер обещает продуть. Кстати бы выдул и англичан из наших морей. Вчерась мы молились за победу Врангеля, а газеты привезли еще большую победу кн. Бебутова, доставившую ему — генер[ал-]лейт[енан]ту — Андрея Первозванного[8]. Сейчас за нею, для примочки воспалительного восторга, декларация — не декларация, а так что-то вроде — об очищении княжеств. Что скажет грозная попытка на Крым и Севастополь[9]. Надо молиться соловецким чудотворцам, чтобы дали адмиралу Береговому такой же дух, как архимандриту Беломорскому[10].

По Тобольску все обстоит благополучно, как обыкновенно начинают рапорт; только дни два твердили «хуже», «плохо!» — нашему Ферд[инанду] Богдановичу и с неделю то же — Петру Д[митриеви]чу Жилину[11]. Вчерась бюллетень был утешительный. Я третьего дни навещал первого и, к удовольствию, нашел его гораздо лучше, как был за 2 дни пред тем. У Пет[ра] Д[митриеви]ча был раз, еще в начале болезни. Расшевелили старика, он вздумал придержаться права на болтовню, и ему, как французской палате, стало хуже. Эту разогнали[12]; к тому же перестали пускать. Я ему говорил, чтобы не отбивал очереди; впрочем, не от нас зависит, а кого прежде позовут.

Одна из свеженьких новостей: «тесть» едет в Пермь на то же место и уже распродал мебель всю[13]. На его место будет из «кандидатов» министерских. Кто? Молва молчит; только не из здешних. По крайней мере, это добросовестно. Я помню, в одной старинной уже пьесе, под названием «Точь-в-точь»[14], воевода, когда секретарь присватался к его дочери, бывшей в руках у пугачевской шайки, обращаясь к зрителям, говорит: «Рой надо мною вьется! Мирская-то милостыня в одну суму у нас с ним полезет, а секретарский-то закромец едва ли не потуже воеводского!»

Вы не ошиблись: точно сердечным «ура» встретил я весть, сообщенную мне *по секрету* Павл[ом] Сергеевичем. Но как со всеми секретами бывает, генерал слышал уже в Томске и здесь пустил в ход. Слышавши от полк[овни-

ка] Шубина, будущего — или уже́ — председателя нового Семипалатинского окружного правления, что ему ген[ерал] рассказывал, я вчерась об этом спросил, и ген[ерал] подтвердил [15]. Да благословит господь дальнейшим развитием столь блистательного подвига Николай Николаевича! Он будет «Потемкиным» вновь приобретенной пустыни, скрывающей источник богатств и, может быть, новую судьбу всей Сибири.

Преосвященный наш тоже скоро едет по епархии. От архиерея всего ближе перейти к священнику. Рекомендую Вам о[т]ца Федора Федоровича Соколова, костромитянина родом, зятя соседа моего протоиерея Ласточкина, у которого высватал племянницу, сироту, очень милую. Прошу удостоить его своим приветом, назиданием и — наблюдением своим впоследствии: он будет в 40 верстах от Вас[16].

В Петербурге у меня, у моих родных т. е., по последним известиям, от июля еще, впрочем, все благополучно; но зять был при смерти: для честолюбия положение самое невыгодное. Владимир не пошел в поход: отменили. Вероятно, по улажении с австрийскою дипломатией, никогда как теперь — жидовскою, при посредстве прусской — бидерманской [17]. Дочь моя Людмила прислала мне чрез б[арона] Штакельберга *бумажник* с прекрасным обращиком своего искусства в шитье шелками, как бы для большего ощущения недостатка в том, что в него кладется и от чего надувается пазуха, а за нею воздымается грудь и голова самая, где мозг делается иногда почти лишним. В ожидании казенной милости я решился идти в работники — к Ип[политу] Ив[ановичу] Шилингу — обделывать дела с ним и у него (подержите это за собою) [18]. Не по силам, да как быть! Да это бы ничего: тут аки тьма кромечная! Я не мог воображать, чтоб до такой пошлости допущено было судопроизводство вообще, и жалко и смешно было бы, если б от этого не страдали. Грустно входить в эти дрязги, еще грустнее видеть разъяснение, что значит «Главное управление»! Но ведь надобно голодному есть хлеб, как его печка печет. Я для того только упоминаю Вам об этом, что это часть близкая Вашему сердцу.

Сейчас прервал меня принесший письма из Тары; это точно — «тот просит балыка, тот свежих огурцов». Из меня сделали всеобщего стряпчего: отказывать не хочется, а уж трудно становится.

Что еще сказать Вам? Кажись, все переговорил. Виноват: вчерась я забыл поздравить Вас с общею нашею именинницею, горе-горькою Натальею Дмитриевною. Что-то она поделывает? Вскоре пойду к прокур[ору], чтобы узнать, что пишет Марья Дмитриевна[19]: они по четвергам получают письма, а вчерась быть не удалось. У Анненкова был: приглашений не было. Губернаторша была у Пар[асковьи] Егор[овны]. Не приняла; но сама третьего дни к ней съездила. Хвалит; но женщины — женщины. Я приехал, м-me Lw[off] была во главу угла; а потом — но ведь и везде в свете так[20]. Долго не научится мир терпеть недостатки нравственные других.

Прошу, да как можно покрепче, пожать руки добрых, почтенных товарищей Матвея Ивановича, Евгения Петровича и Николая Васильевича и мое душевное почтение засвидетельствовать доброй Александре Васильевне[21]. Да хранит вас всех матерь божия!

А! слышали ли: четверо, два камер-юнкера в числе, кн. Гагарин и Балкашин, Мартынов и Джунковский, сын тайн[ого] советника, уехали на воды, очутились в Париже, в римско-кат[олической] вере — в ордене иезуитов, наконец. Лишены прав состояния, изгнаны из отечества, а при возврате — поселение в Сибири ждет. Об этом видел указ, еще и печатный, а то не верилось бы[22].

Но ведь надо же кончить, простите! Обнимаю Вас.

В. Штейнгейль.

Перечитывать некогда: *эрату** сами сделайте, если найдете описки.

79. И. И. ПУЩИНУ

31 августа [18]54. 6 ч[асов] вечера**

Сейчас с работы и нашел приятные строки Ваши у себя на пульнете. Книгу обещал Шемякин завтра поутру доставить; но увы! стенографа уже нет: будет ли ему работа на том свете; это, в свою очередь, узнаем. Он скончался вчерась в 11 ч. дня[1]. Я был ввечеру на литии и потом у преосвященного, который, на прощанье, благословил меня огромною просфорою и потом поехал к по-

* от лат. errata — список ошибок.
** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 7-го сентября».

койному, без з[о]ву, отдать, как он выразился, христианский долг — отслужить литию. Сегодни выезжает и проедет в Туринск, где в воскресение намерен служить; а на возвратном пути под Тюменью освятит церковь; откуда к вам, затем в Ишим и обратно в Тобольск.

Из Иркутска получил письмо, в котором уведомляют, что ждут Ник[олая] Н[иколаеви]ча, прописывая о его вояже все, уже известное, и присовокупляя, что на Кяхту был от соседей[2] вопрос: точно ли проплыл ген[ерал-]губернатор. После утвердительного ответа замолчали.

Львова с дочерью отправились в Омск. Губернатор приостановился и поедет уж на той неделе.

Вчерась был на акте в гимназии, довольно сухом. Оттуда ген[ерал] Дomeти — именинник увез меня с собою к себе обедать. По крайней мере, есть честь...

О[те]ц Феодор задержан болезнию «матушки» и завтра едет непременно; кстати доставит Вам и эти строки.

Ольга Васил[ьевна] просила сказать, что все еще здесь; что спутник ее не может вырваться за неполучением справки, нужной из Ишима для выдачи пашпорта.

Бедного Карла Як[овлевича] Колена денщик с поваром обокрали и бежали, унеся 1200 р. с[ер.], все достояние, какое имел наличными. Вот Вам все наши новости. Прощайте, крепко обнимаю Вас, а Вы за меня обнимите добрых товарищей.

Да хранит Вас господь!

В. Штейнгейль.

80. И. И. ПУЩИНУ

5-го сентября [18]54. 8 ч[асов] вечера*

Ecce homo! Сейчас от прокурора и оставил там неразрешимый еще вопрос: «будет ли жив?»

Вчерась поутру пошел навестить отчаянно больного — нашего доброго Фердинанда Богдановича и зашел к Дм[итрию] Ив[анови]чу. Застал его бреющимся и уже оканчивающим операцию. Он сбирался ехать в Совет. Я заметил что-то странное в нем. «Посмотрите, — сказал он, — у меня, кажется, щека припухла». — «Да, приметно». Кончил и, не выпуская бритвы, еще повторил тот же вопрос. Я примолвил: «Да Вы и говорите так, как

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 12 сент[ября]».

будто у Вас что-то за щекою. Верно, простудились; натрите хорошенько соленой водкой да ею же, с водою, пополоскайте». Пришла жена[1], и та тоже заметила; но никому в голову не пришло, что тут есть опасность; только убедили не ездить, остаться дома. Я раскланялся; он проводил меня еще в прихожую. У Вольфа я немножко был утешен, что хотя в начале ночи метался и рыдал, но перед утром хорошо заснул. У него сидел Юшков[2]; побоявшись потревожить, я не видался, видевшись и простившись накануне. Иду от него и вдруг вижу, что с человеком прокурора едет Павел Сергеевич; я тотчас догадался, что что-нибудь да неладно[3]; однако ж, утомившись, и как то было уже обеденное время, ушел домой. Ввечеру нашел уже его разбитого параличом и в летаргии. Сегодни продолжается почти то же положение, хотя употребили и кровопускание, и пиявки, и вантоузы*, и мушки, и клистиры. Весь факультет теперь там. Бог весть! спасут ли жизнь. Фердинанду Богдановичу лучше, если верить Типякову[4]. Крайне все это грустно!

В книге думал найти «Постоялый двор»[5], оказались «Мертвые души». Что это, ошибка или намеренно не написали настоящего титула? Эти души и здесь есть, и не в одном смысле; но все прочту присланные, чем ожидать обещанных.

От Юлии вчерась получил письмо: зять имел карбункул, порядочно был в опасности, но уж опять — труженик.

В «Débats» есть уже взятие Бомарзунда[6], но не пуф ли: так много врак, что трудно отличать ложь от истины, и наоборот.

Я к Вам писал со священником Феодором (Соколовым), который назначен в соседственное к Вам село. Надеюсь, получили уже.

Простите! Крепко жму Вашу руку; пожмите у товарищей от зажившегося старика

В. Штейнгейля.

Сегодни после обедни в монастыре зашел к ректору. Он очень меня полюбил, по его словам, и я насилу вырвался. Он — санситив** и духовидец, и точно светлая душа!

---

* От франц. ventouses — банки.

** От франц. sensitif — чувствительный.

Обокравшие Колена пойманы и немного успели промотать денег. Успокоился старик, а то очень его, было, убило: тут были деньги и Якова Дмит[риеви]ча.

81. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

13 сент[ября 18]54

Уф! Какая тяжесть на совести, мой любезнейший брат! Сколько — целую массу разливную, Иртыша и Тобола вкупе, унесло в Северный океан, и часть, может быть, теперь в каплях дождевых опять падает уже на нас, чтоб возвратиться в Иртыш, а три письма твои лежат перед глазами — без ответа! Одна только уверенность в твоем доверии к моим чувствам может облегчить эту тяжесть. Второе твое письмо, содержащее приятнейшую сердечную беседу, особенное доставило мне утешение, хотелось отвечать тоже сердечно — и, по этому хотению, откладывалось до свободного состояния духа; но где ж его дождешься при обстоятельствах удручающих. Кое-как воспользуюсь ненастными часами, призадержавшими в своем скромном углу.

Наперед вот краткий перечень событий, под влиянием которых просуществовал с июня месяца[1]. В июне самом прощание (и провожание) с ректором, и с зятем, и дочерью Анненкова, это все тянулось: вот завтра, вот послезавтра непременно. Последние теперь уж в П[етер]б[урге] и уже знакомы с моими: имею известие. Тут новый пароход пришел, которого механик г. Арну знаком с моим Вячеславом, и теперь возвратился в Бельгию. Июль принес мне горестное известие, что добрый шурин мой, которого любил, как брата родного, приехав в П[етер]б[ург] и остановясь у Юлии, скончался холерой. В это же время приехал новый губернатор (3 числа). По вызову его, 6 числа, я был у него: учтивость в приеме Анненкова — придворная, стало, растворению сердца тут не место. Он мне сказал, что *имеет честь* быть знаком с моим сыном — и даже обязан ему много. Объяснил потом, что меньшой брат его был в лицее и Вяч[еслав] ему был наставник и благодетель. Разговор, с моей стороны, наведен был на настоящее его положение, с изъявлением удивления, как он, зная все, решился ехать. Он отвечал уверенностью, что при благонамеренности ген[ерал-]г[убернато]ра, надеется сделать что-нибудь полезное. Пос-

леднее мое слово, когда он проводил меня до передней, было: помоги Вам господь! Он застал, при сбывающем водополье, все развороченным и деятельно занялся как поправлением, так и пособием бедным и разоренным. Твой хваленый[2] удивил всех: даже не спускался с горы, когда сносило дома! Неохотно говорю эту истину, не любя говорить дурное о людях. Все имеют слабую сторону, не исключая и нас с тобою. 19 июля приехал Казимирский. Казалось, познакомились хорошо; но что-то не искренно. Пуще для меня всего понравилось, что он о тебе говорил с чувством и хорошо. Затем приехали молодые люди, воспитанники Вячеслава, Анненков и Штакельберг (барон). Тут хлопоты по поручениям нашего доброго Ив[ана] И[ванови]ча — по просьбам разных плачущих и пр. После приезд (это уже в августе) генерала[3], отъезд преосвящ[енно]го. Болезнь Вольфа, смерть Пет[ра] Д[митриеви]ча Жилина, нашего друга, и, наконец, кончина внезапная другого друга — прокурора, которого третьего дни предали земле. Во все это время ожидание, с почты на почту, денег — и поиски, где бы перехватить. Положение такое мешает всякому строю мыслей: не принимался за перо. Бар. Шилинг, если знаешь или слыхал, показывая мне всегда особенную аттенцию, предложил заниматься у него. Я принял предложение, как ныне в моде — в виде опыта. Не знаю, что будет; по крайней мере, несколько я успокоился; но станет ли сил; и надолго ли. Да будет воля божия. Губ[ернатор] завтра едет по губернии: я виделся с ним у Шил[инга] вчерась, и Шил[инг] сам едет в Омск к именинам Надежды; а когда она не именинница!

Прости. Крепко жму тебе руки

твой душою до гроба брат В. Штейнгейль.

Меня удивило: кто эти *многие*, которым хочется обо мне знать?

Об Амуре, ты, чай, знаешь. Фантазии моей юности на Восточном океане осуществляются.

Забыл сказать: познакомился с новым ректором Паисием, которому вскоре понравилась моя беседа, и он все просит «почаще». Он хвалит вашего владыку[4], как мужа ученого и доброго.

82. И. И. ПУЩИНУ

30-е сентября [18]54*

18-го я получил Ваши последние листки, и в десять дней не удалось сказать слова. Из Вашего вчерась при мне полученного Павлом Серг[еевиче]м письма видел, что Вы уже знаете о судьбе Д. И. Франц[ева]. Мне крайне прискорбна была эта потеря: покойный истинно дружески был ко мне расположен. Совет Ваш Катерине Васильевне — буквальное повторение моего, и это мне очень было приятно. Пав[ел] Серг[еевич] действует как ближайший родственник, и у них все распродается. По всей вероятности, с первым зимним путем отправим их.

Очень рад был, что о[те]ц Феодор Вам понравился. Постарайтесь при каждом свидании укреплять его в достойном ношении своего сана.

Теперь, вероятно, с мирским воеводой вы виделись. Алекс[андру] Федор[ови]чу Бр[иггену] на первый взгляд не понравился; не знаю, что после аудиенции**, которую хотел *испросить*. Что до «тропы», есть уже признаки желания идти твердою стопою. Увидим, чем обозначится результат омского свидания и объяснения[1].

Не только отыскал вскоре, но и прочел тотчас «Постоялый двор», и прочел с большим удовольствием, хотя впечатление было самое тяжелое. Есть о чем и головой и сердцем помыслить. Да, эта манера рассказа мне совершенно понравилась; жаль, что опоздал для подражания.

На известное Вам сказание сын мой сделал такое замечание, которое не могло не убедить меня, и сделал так благородно, что я не мог душевно не обнять его со всею отцовскою нежностью. Если не удастся переделать, уничтожу[2].

Так, я наперед предугадывал, что Вы с хорошей стороны взглянете на подвернувшееся занятие мне. Не знаю, какое от этого будет влияние на ход; но чувствую, что самое дело сопряжено с многими неудобствами, при желании сохранить incognito. В участии Вашем никак, никогда не сомневался, и доказательств так уже много, что было бы чересчур делом бессовестным еще требовать. И,

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 5-го октября».

** В тексте: ауедиенции.

как мне кажется, что выучился всякое положение выносить без ропота, повторяя со Иовом: «Благая приняли от господа; злых ли не стерпим», то можете совершенно на мой счет быть покойным.

Строки, посвященные Марье Алек[сандров]не, легли на сердце. Это могло бы быть не последним эпизодом нашего странничества. Да утешит ее господь и взыскательница погибающих. Вы, верно, прочли беседу Филарета в «Моск[овских] вед[омостях]» на освящении острожного храма в Москве[3].

Теперь политика вся в Крыме: что скажет эта громадная экспедиция, и сама выжидательница Австрия остановилась[4]. Интересно письмо, полученное Петр[ом] Ник[олаевичем] от брата. Он называет битву, доставившую последнее пред сим торжество, наполеоновскою и приписывает всю славу кн. Барятинскому[5]. Не распространяюсь, полагая, что Петр Ник[олаевич] Вас известит, если не известил уже?

Мой Владимир сегодня вступит и завтра проднюет в Цавнах Витебской губернии. Мне дочь прислала маршрут, оканчивающийся 1-м ноября и городом Соколки Гродн[енской] губернии, верст 949 1/4, переходов 44, дневок 17, дней 61. Он, сын мой, уже поручик. Вячеслав *наверное* ждет 6 декабря полковничьего чина. Все это покамест утешительно. Но вот еще странность, чуть ли *наши* не принялась опять за надежды: вот слова Людмилы: «Что значит, что Ив[анов] (Кон[стантин] Ив[анович]), прощаясь с Вами, уверен был, что прощается *до свидания*, неужель есть тень надежды на сближение; а тогда как бы хорошо, если бы в Тверь! — близко!» Не понимаю, а что-то не просто.

Привет добрых, почтенных товарищей принят к сердцу, равно и слезка Александры Васильевны, обручницы нашей по бедствованию, канула туда же — и горячо. Одна безусловная покорность Промыслу может дать всем и каждому достаточную крепость для *претерпения до конца*.

О нашем Востоке, Амуре, Камчатке, Америке часто, очень часто помышляю. Мне кажется, можно бы было усилить Путятина[6] винтовиками из Нью-Йорка или Бостона.

Не при одних Ан[ненковы]х можно восклицать соломоновскою «суета сует!»

Простите. Ах, забыл сказать, что вчерась, обедая с Забницом[7], пользующим Ферд[инанда] Богд[ановича], слышал от него, что нет еще опасности решительной, но нехорошо! Дело в водяной, которая прокрадывается в грудь. Ферд[инанд] Богд[анович] как бы обижается, что его хотят лечить, как обыкновенного пациента, и это тоже не совсем хорошо. Простите ж. Крепко обнимаю Вас душою и сердцем. Пожмите у всех руку за старца

В. Штейнгейля.

В чужом доме. Сейчас видел старушку, пришедшую из Соловецкого монастыря. Она была при бомбардировании и совершенно подтверждает сказанное в донесении архим[андри]та, что ни одной птицы не убито, а страху набрались бездну. Плачет старушка, прославляя чудную божию помощь.

83. И. И. ПУЩИНУ

10 ноября [18]54*

Ждал, ждал оказии; терпение наконец лопнуло, и вот следствие.

Вы знаете, любезнейший старый друг, что Ваши поручения мне — подарок; но этот «славный малый», о котором Вы писали, не счел нужным со мною повидаться: где он, что делает или уже сделал; нужно ли ему содействие или не нужно, ни бельмеса не знаю[1]. Нельзя не подос[ад]овать, если б не дошел наконец до той степени опытности, что всякое досадование только себе в надсаду.

Барцов — демидовский[2].

С грустью прочел строки, кончающиеся «параличом спинной кости». Грустное тут то, каким образом эта кость попала к костям от костей наших[3].

Благодарю за вести с крайнего Востока: они без «вопроса» мне постоянно всегда интересны. Одолжайте и впредь ими.

О проезде без свидания не удивляюсь[4]. Наследственный эгоизм, быть может, еще и с наказом от юстиции. Вы правы: «лишь бы дело делал». Кажется, и делает, и более желает делать. Скоро, без меня, узнаете следствия объезда. В Омске, кажется, довольно миролюб-

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 17-го ноября».

но размежевались — в ущерб камариллы. Надолго ли? Другой вопрос.

Ферд[инанду] Богдановичу опять получше; но тянуть такую канительку, даже и к выздоровлению, избави боже! Я у него был недавно и с сжатым сердцем смотрел на это «прибранное со вкусом» страдание; но привычка вторая натура.

Крымские вести дали перевести одышку. Про Севастополь можно петь: «жив, жив курилка», хотя и казалась душа коротенька[5]. Радуют моряки, и вместе тягостны такие лишения. Но ведь не французскую кадриль, не джигу выплясывают и лунные союзники. Отзывы их домой похожи на «Ох! скучно мне на чужой стороне!»

С Ольгой Васильевной и вчерась виделся. Она поручила сказать, что еще письмо Ваше может ее здесь застать.

«Постоялый двор» меня занял самым приятным образом. В два сеанса прочитал его; но как переслать?

За отца Феод[ора] получил благодарность от о[т]ца ключаря, к которому он писал с большою похвалою о приеме, какой вы сделали. Если будет в городе, постарайтесь со своей стороны *духоположить* его во священника; а то рукоположение чаще без прока.

Прошу от всего сердца за объятия отплатить тем же всем и каждому, с притиском вместо процента.

Пав[ел] Серг[еевич] передал мне содержание письма Марьи Казимировны: ужасно! Философствуйте, как хотите, а безрелигиозность, даже нравственная, ведет почти всегда к незаманчивой развязке с этой жизнию. Да простит им господь пренесенных скорбей ради![6]

Прилагаю записку о деле, по которой прошу написать к братцу Ник[олаю] Ив[ановичу], чтобы он справился в Сиб[ирском] ком[итете] и, если можно, посодействовал к прямому воззрению на дело и к уважению просьбы[7].

Крепко, крепко, от всей души и сердца обнимаю Вас

В. Штейнгейль.

84. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

11-е ноября [18]54

В сентябре, мой друг и брат, мы встретились сочувствием и выражением, в одно время обменявшись письмами, — и вот уже ровно два месяца пролетело, как опять

нажили обоюдный упрек в молчании. Я ждал, вероятно и ты тоже; надобно же одному прекратить ожидание: я вздумал этот initiative* принять на себя; а чего доброго, может, ты опять предупредил меня. И как я буду рад, если это так. Духом я неразлучно с тобою, потому что при каждой молитве, и утренней и вечерней, тебя вспоминаю, моля господа, чтобы он хранил тебя здрава и благополучна.

Как мне понравилось все сказанное тобою о преосвященном, о прежнем и новом[1]. Замечание твое о разности с давно минувшим очень справедливо. Желательно, чтобы эта разница быстрее еще и явнее расходилась.

У нас ректор отличный человек по образованию и по сердцу, и особенно по набожности. Я бываю у него, и он всегда принимает меня с радушием. У преосвященного был 1 окт[ября] ввечеру и погостил часа два, если не более. Он мне оказал вполне свое расположение. Я его уважаю душевно и потому более сокрушаюсь за него, что его не так здесь ценят, как бы он того был достоин. Крайне продолжительное, растянутое служение, некоторая недоступность для приходящих с надобностями и непреклонность ни к чьим просьбам, как скоро принято им какое-либо намерение: вот три главных пункта разобщения его с паствою. Это тем больнее, что трудно отстаивать против таких укоризн *святителю*, который, как болий**, должен быть всем слуга.

Я во все это время был здоров. Присылка наконец, в половине уже октября, денег также поободрила. Здесь всеми обласкан. Недостало бы ни на что времени, если удовлетворять приглашениям. По воскресениям обедаю часто у добрейшего Александра Карловича[2], как родного. Чаще всего бываю у Шилинга, который не однажды отзывался мне, что любит меня, как отца. Из П[етер]бурга вести были утешительные. Наша *Олинька* Анненкова, теперь Ольга Ивановна Иванова, познакомилась с моими, и все ее полюбили. Мой Владимир ушел в поход и 1 нояб[ря] был уже в г. Соколках Ковен[ской] губер[нии]. Последнее известие из Крыма тоже порадовало, устранив боязливые ожидания. В П[етер]бурге, так пишут, надеют-

---

* почин (франц.).

** болий — сравнит. степень муж. рода от больший (церковно-слав.).

ся, что Меншиков, как человек умный, выпутается из сетей счастливо. О, дай бог!

Ну, мой друг, прости! Крепко обнимаю тебя, как истинный брат твой. Да хранит тебя господь!

12-е, утро. Хотел с ним поздравить, да не приберу эпитета: снег валит камчатский; так всего лучше поздравить с *благоснежным* утром. И в самом деле от этого снега подешевеют и дрова и сено. Река встала этот год 4-го нояб[ря], девятью днями позже прошлогоднего.

Прости еще раз. Вот вьюга начинается; свету божьего не видно. Сомневаюсь, отправлю ли и это письмо. Ну, как бог устроит. Прости! прости.

15, утро, 18°.

Так и есть: не успел отправить; не знаю, что сегодни скажет. Видишь, помолился только богу, и первая мысль о том. Почта третьего дни привезла из Крыма от 17 окт[ября] statu quo*. И это не худо: благодарить бога! Обрати внимание на *Беседу* Филарета по случаю прекращения холеры в Москве: тут есть очень замечательное — для верующих[3]. Прости! Господь с тобою!

За Сашу благодарит мать и я, и просим похлопотать, чтобы не оставался долго без занятия. Фекла Васил[ьевна] мат[еринским] делом проплакалась, узнавши о его выезде. И нельзя ли приютить посолиднее, даже на квартиру. Если Сосулин отпустил его без вины какой, а только из расчета, то нельзя ли убедить, чтоб был милостив и жалостлив. Эти строки пишу в комнатах его матери[4]. Являлась ли к тебе Агафья?

85. И. И. ПУЩИНУ

Тобольск, 23-го ноября [18]54**

Молодой барон Вр[ангел]ь доставил мне собою преприятное знакомство. Сердце радуется, с каким направлением эти молодые люди вступают на поприще службы. В воскресенье ввечеру они трое, два барона и Жемчуж[ников][1], сделали мне сюрприз, посетив мою хижину, и мы провели время до 11 часу не видаючи. Я им сказал сегодни — вместе обедали, — что они переставили мои цифры: 72 на 27.

---

* то же положение (лат.).
** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 26-го ноября».

Что я Вас не понял, тотчас будет Вам понятно. Меня не было дома; прихожу, говорят: *какой-то* человек принес Вам письмо и хотел после прийти. Я и думал, что этот человек — Ваш *славный малый*, потому ждал и, признаюсь, сердился, что не является, полагая, что он, как это и бывало, обратился к столоначальникам. Если бы Вы сказали, что письмо отправляется с Поп[овым], этой ошибки не произошло бы и я тотчас бы приступил к делу; а то только сегодни нарочно ходил к квази-прокурору[2] и, не застав дома, оставил у него записку; надеюсь, что по ней будет выполнено. Что до другого поручения касается, то уж моя очередь не понимать, как Вы не поняли ответа. Вы просили узнать в гимназии о воспитаннике Барцове: демидовский он или казенный? Я думал, что достаточно сказать «Б.— демидовский». Снизойдите моей старости; я, из экономии, час от часу более привыкаю к краткости выражений, и мне кажется, что все еще плодовито пишу.

За отправление записки не приберу слова, как Вас благодарить. Меня это обстоятельство очень интересует. Тут дело в том, чтобы открыть проделку. Если успею, то пришлю Вам ясное изложение этой проделки, и Вы увидите, как идут дела, когда *наводят* справку у тех, которых надо *выводить* на справку[3].

Вероятно, Вы уже теперь от самого героя, кн. Максютина, знаете, чем ознаменовался английский *поиск* на Камчатку, и уж, конечно, обстоятельнее нас, и, верно, порадовались[4]. Я той веры, что на Амуре должен быть флот, и тогда Англия поплатится китайскою и индейскою торговлею. Положим, что это случится и «после дождичка в четверг», но мне так и сдается, что этот дождик не запоздает.

Да, совершенно с Вами согласен, что тут не *что-нибудь*, а покамест *все* для нас неразгаданное. Мне припоминаются слова: «Ты видишь, что и мое положение незавидно!» — слова пророческие. Теперь мог бы я сказать: «вижу»[5]. Что тут Digitus Dei*, в этом никто, ни материалист и ни деист, не должен и не может сомневаться. Но окончательный только результат может выказать цель Провидения. Замечают в утешение, что периодические бедствия всегда наносят семена нового благосо-

---

* Перст божий (лат.).

стояния. В этом процессе единицы совершенное minimum = 0.

Ник[олай] Ст[епанович][6] сбирается ехать с Кат[ериной] Вас[ильевной] Франц[евой], как скоро путь установится. Опаздывающая почта свидетельствует, что есть еще преграды. Все пришлю с ним.

К предыдущей мысли всего лучше применить сказанное Жуковским:

Доверенность к творцу!
Что б ни было, незримой —
Ведет нас к лучшему концу
Стезей непостижимой![7]

От Юлии получил письмо: все любуется нашей Ольгой Ивановной; находит и сноху ее очень милою и доброю, и все семейство прекрасным — и «изрядным» в *П*[*е-тер*]*бурге*, в смысле славянском[8].

Матвею Ивановичу и всем добрым благородным товарищам — мой сердечный привет. Крепко Вас обнимаю, хотя и старчески

В. Штейнгейль.

Не забудьте поклониться почтеннейшей нашей Александре Васильевне. В воскресенье был, по приглашению, у преосвященного, и он оказал мне вполне свое благорасположение.

Увы! Наш Фердинанд Богданович, видимо, гаснет! 24-го Пет[р] Пет[рович] предложил услуги. Сейчас едет[9]. Просил прислать, но кого? Он этого вопроса не понимает. Себя послал бы, но такую кашу развело свежим снегом, что и молодым ходить в труд. Думаю, отправлю с почтою. Почта привезла только один замечательный приказ.

86. И. И. ПУЩИНУ

4-е дек[абря 18]54*

Неожиданно Ольга Вас[ильевна] прислала за письмом, стало распространяться некогда, извините. Пятно — свидетель торопливости. Один скажу отчет:

Рапорты волостн[ого] правл[ения] о Вашем protegé[1] оттого остались от Казен[ной] палаты не разрешенными, что переданы в губ[ернское] правл[ение] в эксп[едицию] о ссыльных, потому только, что усыновивший — ссыльный:

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 7 декабря».

у них своя логика, которой первая посылка — «с рук сбыть». Квази-прокурор обещал сделать дальнейшую выправку и дать движение. Узнаю на днях, сдвинул [ли] с инерции.

Пав[ел] Серг[еевич] дал мне списать письмо Ник[олая] Ник[олаевича] о камчатских героях[2]. Оно мне доставило большое удовольствие. У Севастополя один из героев последнего действия посажен в Военный совет[3]. Думаю, не пропустили — в последних «Моск[овских] вед[омостя]х». Обнимаю Вас. Спешу и к обедне. У меня память матери моей и сестры жены[4]. Всем — до лица земли.

Ваш душою и сердцем В. Штейнгейль.

87. И. И. ПУЩИНУ

9-е декабря [18]54*

Так недавно к Вам писал, любезнейший Иван Иванович, что истинно не для чего было бы приниматься за перо, да притом при появлении гостей до писем ли; ну да уж так водится: едут *свои*, как не черкнуть к *своим*... о том, о сем, а больше ни о чем, как заметил Грибоедов[1].

Квази-прокурор не дал мне еще отповеди, так не знаю, что присовокупить уже к сообщенному; а за праздниками и за хлопотами не удалось у него быть, да и застать трудно.

В Николин день, вследствие утреннего приглашения, при принятии благословения архипастыря после молебна, был у него с 6 ч[асов] вечера до 10. Такого расположения он мне еще никогда не оказывал. Прощаясь, даже расцеловались. Он получил пять видов Севастополя, прекрасно изданных, в пользу раненых, и стоящих пять рублей серебром. Два из них чуть ли не копии с французской иллюстрации; но третий, думаю, с картины Айвазовского — вид, снятый с рейда, прелестный. Остальные два листа содержат план, с топографическою картою окрестности южной до Балаклавы, и вид российского флота в линии под парусами при приближении парохода под штандартом. На все это преосвященный требовал истолкования и я, comme juge competent**, разъяснял ему, что было для него темно.

Получил в эти дни письма от брата — Батенькова.

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 11-го декабря».
** как компетентный судья (франц.).

Он тоже познакомился со своим владыкой и хвалит. Хозяин его уехал исправником на золотые прииски и весь дом оставил на него[2]. Другое письмо, наконец, от Филатова: он управляющий в Можайске и говорит, что много потерпел с апреля. По крайней мере, нашелся; я очень рад. Третье от Людмилы, вчерась; пишет, что 20 ждали производства — не было; отложили ожидание до 6 дек[абря]. Между тем Штакельберг, молодой барон — мой внук, получил извещение, что Вячеслав надел уже шпоры, как официальный кандидат в полковники. Со мной соскромничали, видно.

Ну уж, как хотите, больше нечего сказать; о том, что коробит, говорить не хочется. Один добрый малоросс сказал третьего дни хорошую пословицу, касаясь положения под Севастополем, мне понравилось: «Говорыло лыхо, що не бувать добру!»

Да! ведь и забыл — о, старость! Людмила приложила письмо Владимира о его походе из Гродно от 5 ноября. 10-го они в Белостоке, а 16 в мест[ечке] Семятичи 292 1/2 версты от г. Трок. Описывает бедность и разорение жидов и края вообще, трудности, недостатки и скупого командира. Из письма виден весь его характер, и я возблагодарил бога из глубины сердца: добр, честен и тверд.

Теперь осталось только обнять Вас крепко-накрепко и попросить передать мой душевный привет товарищам.

Ваш всей душою В. Штейнгейль.

P. S. С Пет[ром] Пет[ровичем] Поповым послал Вам все, что было у меня Ваше, и Тенгоборского и «Постоялый двор». Нет ли еще чего интересного?

88. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

15 декабря [18]54

Твои всегда для меня драгоценные строки, любезный брат, получил я довольно поздно — чрез месяц: Эйсмуту хотелось лично мне доставить, а все не заставал меня дома; кончилось же тем, что передал чрез Феклу Васильевну — мать юноши, за которого я и она так тебе обязаны. С Эйсмутом я давно знаком, еще в Таре, хотя не близко. С Анной Павловной недавно познакомился нечаянно у Феклы же Васильевны; милая очень дамочка[1]. Они живут в Подчувашах; мне посещать их нет возмож-

ности, но Осип Болеславич — Эйсмут т. е., едва ли не каждый день сюда ездит, стало, ты смело можешь адресовать на его имя. Рад я пуще всего, что ты у меня здоров. Что делать, впрочем, мы все на очереди. Жду свою кличку.

Жаль, конечно, добрую Катерину Ивановну[2], и потому более, что все данные были у нее, чтобы продолжать жизнь до самого нельзя: но у Провидения свой расчет — не земной. Катастрофу Борисовых можно было ожидать: один был добрейший философ без веры, другой добрейший чудак без ума. Да простит им господь!

Нет сомнения, дождемся мы с тобою зари — в невечернем дни. У нас накануне того добрый наш Вольф. Медики одно говорят: «плохо». Впрочем, никто его не лечит: он не хочет дозволить это. Его только навещают.

Ты все касаешься политики. Понимаю, трудно воздержаться. Мне кажется, что, ища будто равновесия, все находятся в равнобесии. Если мы искренно надеемся на господа — не погибнем! Верую и исповедую, и умру с этою уверенностью, если не доживу до торжества.

Вчерась минуло 29 лет с рокового дни[3]. Легко сказать! Господь крепость людям своим дает, господь благословит люди своя миром: сказано.

Кто этот добрый твой приятель, который *прямо для меня*, по симпатии чувства желал пристроить юношу?

Ну, жаль мне, что Агафья сглуповала. Баба честная и расторопная.

Губ[ернатору] не придется мне напоминать о тебе по причине самой простой: мы с ним видимся издали. Шурин его недавно у меня был: прекрасный, умный человек — сын сенатора Жемчужникова. Об Алек[сандре] В[асильевиче] не спорю; отдаю ему полную справедливость; но грешен — первые впечатления на меня сильно действуют[4].

Отсюда уехало семейство покойного прокурора, в котором я был родной. Грустны такие разлуки; но мы ведь для грусти здесь.

Сам я здоров. Как ни тесно, живу благодаряще господа! В П[етер]бурге все мои здоровы. Вячеслав, думаю, уже полковник. Он утвержден инспектором Лицея. Владимир за Белостоком.

Обнимаю тебя крепко-накрепко.

P. S. Эти строки доставит тебе Александр Михайло-

вич Лобковский, молодой человек с отличными качества-ми: прошу принять его родственно, как *нашего*[5].

89. И. И. ПУЩИНУ

18 декабря [18]54*

Вот Вам, любезнейший Иван Иванович, окончательное известие о Вашем Семенченке. Надеюсь, будете довольны. Жемчужн[иков] сегодни сам его привез ко мне и сказал вернее, что дело просто завалялось в Каз[енной] п[ала]те, как это обыкновенно.

Сегодни у Павла Сергеевича читал Ваше письмо и очень рад, что Вы здоровы и проводили наших путешественниц и путешественников с миром. Мне было сказали, что Вы разогнуться не можете, так страждете поясницей. Вперед знайте, как скоро будет предвестие рецидива, вот что сделайте: если у Вас готовой осиновки нет, то прикажите содрать свежей коры с любого полена, положите несколько в чайную чашку и поставьте в печку, чтобы настоялось до порядочной горечи; тогда, натеревши поясницу наперед фланелью или шерстяной варежкой, велите втирать настойкой. Если это сделаете на ночь, то на утро станете здоровы.

Я кочую изо дня в день — ко пристанищу. Сегодни было понездоровилось: принял соленой водки поутру и перед обедом сделал порядочный тур, а по обеде, против обыкновения, заснул, и вот — жив, жив курилка.

Нет часа, как воротилась моя хозяйка из Ишима: теперь *чаюют* и щебечут: набралось их много. Не дадут ничего сказать порядочного, притом же надо идти на вечернее занятие. Простите: да хранит Вас матерь божия.

Добрым товарищам мой сердечный привет.

Обнимаю Вас В. Штейнгейль.

90. И. И. ПУЩИНУ

27 декабря [18]54**

Тяжкие стенания доброго нашего Вольфа наконец кончились. С 12 часов сегодни он уже в земле — глубоко; но рядом с другом своим[1], которого лишение сделало его уже скитальцем в собственных стенах. Ровно через год и месяц он за ним последовал. Со стороны города

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 29-го декабря».
** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 29-го декабря».

оказано было то же участие в лишении, каким ознаменовались похороны друга его. Длинный кортеж тянулся до самой могилы. Между простыми слышны были рассказы о его бескорыстной помощи страждущим: лучшая панегирика!.. Вы услышите все от молодых посетителей. У меня еще стеснена грудь.

Два Ваши листка от 26 ноя[бря] и 21 э[того] м[есяца] я получил. Благодарю за сообщение слов Серг[ея] Гр[игорьевича][2]. О Гавасине буду хлопотать[3].

По слову самого председат[еля] надеюсь на успех. Он сам ему велел уехать и никого не просить. Я тоже подтвердил.

Вяч[еслав] еще не произведен, но, по всей вероятности, то будет в новый год. Государыня была больна и, конечно, было не до наград.

Боже нас избавь от двух лишних врагов[4]. С одним можно бы было еще справиться: кто австрийцев не бил. У них как-то перья острее штыков. В этом случае они похожи на мужичка-свинчатку; как ни свалишь, а все на ногах.

Вчерась до слез был тронут рассказом Парасковьи Егоровны о том, что ей говорит Оленька о моих. И она прослезилась: мы обнялись. Истинно божия милость. За нее можно снова пострадать.

О своем добром малом Вы уже имеете от меня отчет. Я отдал Павлу Серг[еевичу] для пересылки.

Кажется, погода идет на морозы: петербургская надоела своею свинцовою тяжестию.

Обнимите, прошу, добрых товарищей за их всегдашний привет мне, который мне всегда отраден.

Простите — мысленно, но крепко сжимаю Вас в дружеских объятиях. Да хранит Вас господь!

Давно ждущий очереди В. Штейнгейль.

P. S. Загиб[алов] сам не приезжал, и потому письмо Ваше от 26 нояб[ря] я получил чуть не через месяц 21-го. Он говорит, что судить его следует по законам, до издания Улож[ения] существовавшим. Так точно — если те законы были бы к нему милостивее: так по манифесту, на который он ссылается. Я еще не мог узнать хорошенько, что сделано: дело это *возовое*[5].

Благодарю Вас за отца Феодора. Он Вами не нахвалится — впрочем, меня это нисколько не удивило. Вот ему письмецо ответное.

Перед праздником был ввечеру у владыки и видел полное его к себе расположение. Завтра, если буду здоров, намерен еще посетить. Простите!

91. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

26 янв[аря 18]55

Вот тебе, мой друг, внук — барон Александр Федорович Штакельберг — живая грамотка.

Посему и прочая разумевай. Обнимаю тебя

брат Владимир.

92. И. И. ПУЩИНУ

9-е февраля [18]55*

Отчаяние меня взяло с ожиданием оказии к Вам, любезнейший Иван Иванович. Тщетно спрашивал у Павла Сергеевича: нет и нет; решил приняться за Ник[олая] Як[овлевича][1]. Не уверен, впрочем, удастся ли завтра переслать ему. Везде запятые и точки с запятыми.

Пуще всего мучила меня мысль, что Вы подумаете о безотчетности по поручениям.

О Загв[station]здиных] уж было здесь составлен был проект решения, чтоб добить. Хорошо Вы сделали, что вступились. Старшим подано мнение, которое, надеюсь, если меня самого не надувают, удержит от греха крайнего невнимания и лжепонимания законов. Дело обращено в Тюмень для удостоверения в православии[2].

Касательно дома по закладной, говорят, «нельзя никак». Дом заложен уже при открывшейся опасности, что не уцелеет; еще чтобы чего хуже не было: обстоятельство завязчивое.

Загибалова очень мне жаль. Его плохо знаю, но сестру его покойную я уважал. Напрямик говорят: «Что делать? Всякий, кто ни взглянет на дело, отворотится, так оно выросло». Если не двинуть особыми средствами, то пролежит до второго пришествия, когда другие книги будут разгибаемы. Теперь я немножко знаю, как эти дела делаются, и духом сокрушаюсь; лучше бы не знать.

Наконец мой Вячеслав полковник, с перечислением по армии. Но полковник все полковник, особенно в 33 года! И Владимир уже поручик. Избавит ли господь последнего от войны; его святая воля! Впрочем, дело такого

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 13-го февраля».

рода, что individuus всякий minimum=0! А престранное творится на английской сцене, и чем это кончится: прошу отгадать[3].

Я говею и хожу на гору в домовую церковь. Сегодни преосвященный служил преждеосвященную обедню, с поминанием вновь преставленного р[аба] б[ожия] Николая, т. е. об[ер]-прокурора[4]. Вот жду, скоро позовут к ефимонам. Он сам читает канон Андрея Критского.

Простите меня во всех моих прегрешениях. Попросите о том же почтенных товарищей и Александру Васильевну.

Душою ваш В. Штейнгейль.

93. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

20 февр[аля 18]55

Надобно потерять вовсе доверенность к благости отца небесного, чтобы думать, что нужно молиться о прощении грехов твоих, мой благородный брат и друг. Ты поставил в заключение эту фразу, не обдумав, а увлекшись звоном колокола, я вижу. Впрочем, я постоянно упоминаю тебя в своей молитве к божией матери, которой покровительства ты так достоин. Поздравляю же тебя с приобщением святых таин, которых и меня господь сподобил в субботу 12 числа. Рад особенно, что в этом случае согласило нас религиозное влечение и мы соединились во Христе спасителе нашем, по слову его.

Меня немножко удивило, что ты как будто придаешь особенное какое-то значение добрым обо мне отзывам. Мне кажется, нам пора вообще выйти из зависимости отзывов и не обращать на них внимания. Я даже боюсь общей похвалы: втемяшилась мне в голову китайская пословица: «Кого все хвалят или никто не хвалит, равно должны быть дурные люди». Есть и пояснение, только не для твоего светлого ума. Малютку Кесаря я заочно уважал. С первой встречи — мы уж давние знакомые. Вчерась, при вручении письма твоего мне, я пробеседовал с ним часа два у него. Вместе обедали у общего знакомого. Его нельзя не любить. В целой России есть ли такой полицейский![1]

За «малолетнего» благодарю тебя и от себя и от матери. Она невесть что об нем передумала, не получая от него писем. Скажи, пожалуйста, где эта Пелла, куда он уехал и куда к нему адресовать. Это мать желает знать

материнским любопытством. Коли Агафья не ужилась, пусть на себя и пеняет; а все-таки скажу, женщина — не горшок, а угодник[2].

Б[арон] Штакельберг точно возвратился чрез Семипалатинск и Омск. При свиданье исполню с удовольствием твое поручение.

Поздравь меня: мой Вячеслав — полковник, Владимир — поручик гвардии. Первому в июне только минет 33 года! Говорю, поздравь, а сам радоваться боюсь... Кая житейская пища пребывает печали не причастна, кая ли слава стоит на земли![3]

Читал ли ты, есть ли у вас в Томске письмо Погодина, ходящее в рукописи, как некогда *«Мысли вслух на Красном крыльце»*. Написано с душою и патриотизмом и, вероятно, не без благословения. Одна эта фраза: «Пока Австрия не противу нас, бог еще не с нами!» — может заинтересовать прочесть все[4]. Погодин истинный русский и — славянофил.

Не попадется ли тебе *«Статистическое обозрение Сибири»* Гагемейстера[5]; прочти, и если не поленишься что заметить, сообщи мне, чрез Эйсмута.

Ты, я думаю, знаешь уже от Ивана И[ванови]ча, что здесь нашего полку убыло: не стало доброго и общеполезного нашего Вольфа. Он лег рядом с другом своим Муравьевым. Схоронили его 27 декабря.

Прости, обнимаю тебя от всего сердца, как брат и друг, как друг и брат — до матери сырой земли

В. Штейнгейль.

94. А. Ф. БРИГГЕНУ

23 февраля [18]55

Умоляю Вас, достойнейший и многоуважаемый мною Александр Федорович, не судить меня строго за медленность в ответах. Я слишком в зависимости от обстоятельств. К этому и старость прибирает тоже в руки; так что, несмотря на завлекательность развязки драмы, право, не прочь бы умножить и собою наш некролог. Впрочем, у меня все чувства, все мысли сосредоточены в «Да будет воля твоя!» Что до России, умру в уверенности, что она должна исполнить высокое предназначение и не рушиться прежде термина. Скорее думаю, что наступает пора для современного нам Карфагена. Кто знает, какая мысль таится в скрыт[н]ой голове племянника великого

дяди. Корсиканская порода! Во всяком случае последствия потрясения будут неимоверно полезны для всех, исключительно для России. Но обращаюсь к ответу.

При первой встрече с людьми всего легче ошибиться в заключении о них. Подьячизма далеко нет; есть желание иметь настоящее значение и, может быть, недостаток манеры. Странно неуместный визит визитом, а все-таки недопущение до себя *положенного* и всеми *принимаемого* не теряют своей цены. Что сказали, то уже умерло[1].

Вторым письмом я был и удивлен и огорчен: как принимать так живо к сердцу такие вещи, которых мы должны быть слишком выше? И кто подчивает Вас подобными сообщениями! В Таре одна особа поусердствовала передать мне, что говорят на мой счет, я сказал: «Послушайте, не говорите мне никогда этого. Лучше Вам скажу: если услышите, что зарезать меня хотят, отведите руку, если можете, но не предупреждайте меня: чем скорее совершат операцию, тем лучше». Как рукой сняло охоту, и я был спокоен. Я говорил с Пет[ром] Николаевичем, и Вы уже знаете о действии письма Вашего. Сам я был только два раза в большом доме и вовсе не в конфиденциальных отношениях. Но могу Вас заверить, что очень понимает особу, Вас огорчившую, и никогда не разделяет мнения его о Вас, если это только его мнение[2]. Совет Пет[ра] Ник[олаевича] мне показался здравым, и я не нахожу ничего лучшего.

По участию, какое Вы во мне принимаете, Вам, вероятно, приятно будет узнать, что старший сын мой, инспектор Лицея, произведен в полковники, с зачислением по армии; а младший, который в походе, поручиком. Он в л[ейб]-г[вардии] Егерском полку. Надобно присовокупить, что старшему в июне минет только 33 года!

Да хранит Вас неисповедимый! Искренно обнимаю Вас, по *старине* Ваш всею душою

В. Штейнгейль.

95. И. И. ПУЩИНУ

3-го марта [18]55*

Из моего письма от 9 февр[аля] чрез Ник[олая] Як[овлевича] Вы уже знаете, любезнейший Иван Иванович, что со мною делается и что ответили о *закладной*. О *парне*

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 7 марта».

просил испр[авляющего] должн[ость] прокурора, уверяет, что по журналу исполнение сделано. Мнение о Гавас[иных] прочтете далее, вследствие его дело отослано в суд. Поступила просьба о выпуске их на поруки: предоставлено тому же суду.

Благодарю Вас за сорадование Ваше и непременно, при оказии, сообщу ему и старушке моей. Она, так пишут, смертью брата была убита и как бы в апатии какой; но производство сына ее оживило. Они бывают теперь, и Олинька[1] познакомилась с П. И. Рикордом. И вот странно, что m-me Anjoux, которая с мужем, вице-адмиралом, тут же бывает, уверяла, что помнит меня, и очень интересовалась узнать обо мне. Но знаете ли, кто она? — Бывшая вдова лорда Кокрена, дочь дьячка Петропавловской гавани, теперь выдвинутой в сцене военных событий[2].

Кстати о пушках, сказать Вам, что получено повеление: вызывающихся охотниками на защиту против врагов отсылать на распоряжение Ник[олая] Ник[олаевича] Мур[авьева]. Дай бог, чтобы он опять успел приготовить отпор[3].

О кяхтинской торговле мудрено теперь размышлять; еще мудренее делать какие-либо основательные положения. Золотом разве компания «Золотое руно», о которой вышло учреждение, снабдит. Очень интересно знать, чем комитет облегчится[4].

О томском дедушке и я тоже слышал ото всех, кто его видел. На днях подтвердил то же барон Штакельберг[5]. Очень понимаю сердце Сашиньки. Лишившись матери, расстаться с отцом и сыном — тяжкий подвиг[6]. Отцу Феодору и я писал вроде Вашего *прочного совета*. Попов уже отправился по предположению. Не знаю, сделает ли его наследство лучшим.

Я искал все случая подать Вам голос около Павла Сергеевича. Он кивал на Башмакова[7]. Вчерась и к нему зашел, говорит: где еще, разве на страстной курганская его оказия будет. Сегодни нечаянно нашел у Ольги Васильевны. И как обрадовался! Вот и следствие находки.

Помните, я Вас просил потрудить доброго Ник[олая] И[ванови]ча справкою в Сиб[ирском] ком[ите]те о переданной из ком[иссии] прошений просьбе здешнего купца Ширкова. Неужели он Вам не отвечал? Это обстоятельство меня интересует. Очень любопытно, чем комит[ет]

решит. Ник[олай] Ив[анович] все-таки близко весов правосудия. Просмотрите записку, врученную мне Вакаром[8], по его делу. Нельзя ли, чтобы Ник[олай] Ив[анович] им сам пособил или бы отдал ее зятю[9], не выставляя моего посредства. Вакар думает, что участие значительного лица по юстиции даст, по крайней мере, скорейший ход. У него там есть, впрочем, поверенный, в записке видный.

Занятия мои здесь по этой части, кажется, прекратились. Последнее дело меня утомило, и — как говорится — покорный слуга! Сверх того, неловко, по неизбежному столкновению с лицами, *до занятия коих оное надлежит*. Да и скажу откровенно, у главного лица очень мало пороху. Я опять поставлен в тяжкую неопределительность. Но «да будет воля божья!» Это мой девиз.

О политике не говорю. Последняя, т. е. сегодняшняя почта, не привезла ничего утешительного. Что дальше даст бог. Отсюда судить о чем-нибудь — смешно. С ярмарки приехавший Щербаков[10] сказывал мне, что губерн[атор] пермск[ий] получил от тестя своего[11] письмо, что вскоре произойдет нечто решительное. Как Вам кажутся речи Иннокентия?[12]

На первой неделе я успел отговеть и очень собою за то доволен. Теперь держу строгий пост; даже не пью своей осиновки, и не только тягости никакой не чувствую, но даже как бы легче мне.

Вчерась мне сделала приятный сюрприз Парасковья Егоровна своим посещением. Это уже в другой раз. После знакомства детей наших несколько сблизились и наши отношения. Разумеется, это иначе и не могло произойти, как с их стороны.

Добрым товарищам пожмите от моего сердца руку и засвидетельствуйте мое почтение Александре Васильевне с благодарностью за ее привет с Поповым. Крепко обнимаю Вас В. Штейнгейль.

11 *ч[асов] веч[ера]*. Почти сейчас пришел от Петра Ник[олаевича]. Он меня так занял рассказом о своем воспитателе бароне Шабо[13]; а заходил я, чтобы Павлу Серг[еевичу] сказать об оказии к Вам, но он уже знал. С политики перешли на старину и на Шабо, как замечательного из шарлатанов, обаяющих нашу аристократию.

В воскресенье губернатор отъезжает в Тару и в Омск потом. Вот Вам за новость. Покойной ночи!

96. И. И. ПУЩИНУ

22 марта [18]55*

Post mortem nihil aut bene** — давно сказано, а давнее имеет какой-то такой авторитет, что как бы невольно уважаешь[1]. Понятны мне Ваши тревожные чувства, достопочтенный друг Иван Иванович, в настоящую эпоху вообще и при встреченном *воспоминании* предсмертном[2]; я читал вслух, совладел, не высказал нисколько, как кольнуло в сердце, и не говорил ни с кем, кроме своих. Больно за него. Не думаю, даже уверен, что это не передача желчи; а так, внезапное припоминание, при конце — начала. Последствие разъяснит. Что до меня, я облекся, как в броню, — в совершенную апатию к своей судьбе: ничего не жду, ни о чем не думаю[3]. Воля господня сама собою исполнится. Чувствую, что это хорошо, потому что остаешься спокоен в своем statu quo.

Приложенная записка, доставленная мне исправл[яющим] должн[ость] прокурора, покажет Вам, что и как сделано о Семенченке. Просто — журнал, пропущенный прокурором, забросили и забыли. Но теперь уж делом самим наконец исполнили; да то ли бывает: не дивитесь.

Несказанно благодарен Вам за обещание по записке Вакара. Если можно, повторите и о Ширкове. Оба письма Ваши получил исправно в свое время. Знаменских[4] не имел еще удовольствия видеть: не удалось встретиться.

Не умею выразить, как Вы меня одолжили «Отзывом»[5]. Но если Вы его вверили жандарму, то он, как честный жандарм, доставил его не мне, а своему полковнику. Благодаря нашим отношениям, тот поехал сам меня отыскивать и не нашел. Узнав об этом, я отправился рано поутру к нему и получил из его рук. Тут же распечатал, и когда прочитал адрес вложения: «Вот кстати,— сказал он, — я еду к ним с визитом; угодно, я доставлю?» Я порадовался вызову, потому более, что это помешало любопытству о прочем[6].

Что сказать Вам? Три раза прочел. Да, и с удовольствием прочел. Точно, душа — мысли есть; но объяснить Вам не могу иначе, как застылостию старости, то малое сочувствие, какое осталось в душе моей. После горького опыта плохо доверяется что-то этой поэзии. Проза По-

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 26 марта».

** После смерти — ничего или хорошо (лат.).

година мне больше кажется[7]. Но какой результат той и другой? Большинство берет верх, обстоятельства управляют деспотически, и бедное человечество остается в своей обыкновенной роли — стада. Взгляните на Англию: легче ли от парламентов? Я не читал никому: покойнее. Знают двое — не секрет.

А как мне жаль доброго Рикорда. Сын пишет, что был в числе переносивших его на руках в церковь Морского корпуса, что мне было очень приятно.

Поблагодарите добрых товарищей за внимание ко мне и пожмите каждому руку. Сказанное от имени Александры Васильевны мне было очень приятно: засвидетельствуйте ей мое душевное почтение и благодарность. Братски обнимаю Вас В. Штейнгейль.

Я торопился. Не взыщите неправильность выражений. Хотелось бы очень, очень — быть by your fire side, сиречь у камина Вашего. Я написал к Ивану Дм[итриевичу] о Панаеве: ему хочется быть учителем в тамошнем институте; он и просьбу послал в Совет. Попросите, со своей стороны, похлопотать[8].

97. И. И. ПУЩИНУ

3-е апреля [18]55*

От всего сердца благодарю Вас, добрейший друг, за пожелание отрадного, на которое так давным-давно мы вообще заговелись. Но как знать, может легко быть, что Пасха Исхода близ есть, хотя нет в виду Моисея[1].

Ну уж не сердитесь на меня, и после побужденья Вашего отбросить опасения: они прильнули как-то ко мне крепко, не отстают, и как же отбросить. Вы не захотите, чтобы я лишился спокойствия. Если Вам никто повредить не может, то мне далеко нельзя о себе этого сказать[2].

Московские эпиграммисты делают свое дело, а низость и подлость успевают в своих: было, есть и будет. У меня 12-й год в свежей памяти. Одни и тогда чувствовали, другие рассчитывали и спекулировали и не остались в начете. У самих англичан не без этого. Там люди гибнут, а тут хлопочут, как бы сбыть с рук лишних пролетеров и самим понагреть руки. Видно, уж люди так

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 13 апреля».

созданы, что без скаредной стороны, в массе, быть не могут.

Меня удивило, признаюсь, что Вы, при своем положительном уме, на этот раз так поспешны на заключенья. Как из нескольких первых дней, и каких дней — для семейства! — заключить о «бесцветности!». Подождем лучше, посмотрим [3].

Мне одно лицо передало «под великим секретом», что есть предписание из последней инстанции не давать хода по делам об арестантах и вообще уголовным до 1 мая. Примите это к собственному сведению. Частные известия из П[етер]б[урга] говорят, что Биб[иков] [4] не усидит и Бр[ок] [5] тоже. Что министрам изъявлено желание, чтобы они подражали Кон[стантину] Ник[олаевичу] и давали своим распоряжениям более гласности [6]. Это одно показывает уже, что апатия, в какой все это дремало, замечена; а это уже много. Короче — потерпим, посмотрим.

А. Ф. Бригген переведен в Курган по его желанию. Не знаю, заедет ли он к нам; а хотелось бы его увидеть.

С Ив[аном] Алекс[андровичем] [7] увижусь во вторник и скажу ему, что поручили.

Почтеннейшей нашей Александре Васильевне скажите от меня: «воистину воскрес!» с душевною признательностью за ее внимание.

С Вашим г. Барц[овым] [8] я встретился у Шилинга; но до выхода я не знал, что это он, вероятно, и ему я был неизвестен. Он так говорил о своем положении, что мне жалко его стало.

От своей Людмилы получил 25-го числа письмо. Разумеется, что она уже предается надежде с восторгом. Но что для меня было особенно приятно, так это дружеское воспоминание обо мне достопочтенного Петра Ивановича Рикорда, у которого мои были за несколько дней до кончины, которая последовала неожиданно и быстро от беспощадной холеры.

Простите. Уже вечереет и темно в глазах. Сейчас же отнесу письмо это к Павлу Серг[еевичу] для отправления с г. Барц[овым].

Прошу обнять Матвея Ивановича и всех добрых, почтенных товарищей, доканчивающих тридцатилетие изгнания. Да хранит их господь.

Крепко сжимаю Вас в дружеских объятиях

В. Штейнгейль.

98. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Четверток, 7 апреля [18]55

Христос воскресе! любезный брат и друг. Уверен, не удивлялся и не сетовал ты, что так давно и на самый праздник не писал к тебе. Какое событие! Думали ли мы с тобою, что можем до него дожить — до этого годового траура всей России!.. Поистине, недоведомы судьбы божии. Это так было поразительно, что я не мог собраться с духом говорить об этом; ждал, что́ ты скажешь. Но получил от тебя всегда для меня отрадные строки, еще от *в неведении сущего*. Ты писал накануне того дня, в который роковая весть дошла до нас и, вероятно, до вас. Мы получили из Омска, а вестник к вам прямо поскакал.

Как, пред бога предстать! я с грустью принял эту весть, забыв все личное. Молился о душе преставленного, как немногие, быть может, из облагодетельствованных. Давно сердце и душа примирились с судьбою и с ним. До сих пор не предавался нисколько надеждам, хотя родные уже начали. Хочу остаться в нерушимом спокойствии, чтобы не потратиться ощущениями напрасно. Да сотворит господь и с нами волю свою святую! При этой мысли — крепок.

Что все слухи представляют нового монарха благости исполненным, тут ничего нет неожиданного. Самые иностранцы превозносят его душевные качества. В «Indépendance Belge» сделано извлечение из враждебного для России «Путешествия» Кюстина[1], в котором и тот выставил преутешительное trait de l'heritier du trone*. Да подаст ему господь силу и крепость в настоящей борьбе с беснующимися! Утешительно покамест то, что Севастополь стоит и, по общим отзывам, устоит. Будем молиться, мы, ветераны 12 года!

Кесарю[2] я воздал кесарево. Он принял с приятностью и изъявил желание приписать к тебе в моем письме; но мне некогда будет сносить к нему. Он не на ближней дистанции живет.

Метрика требуется от священника, от консистории не нужно: вроде справки. Об этом после.

С Гагемейстером я все еще вожусь. Агломерация всего, что говорилось. И небрежность приметная.

---

* лицо наследника престола (франц.).

Да, чуть не забыл передать мое собственное замечание насчет настоящего года. Приходила ли тебе на мысль та особенность, что Великая Пятница — день, исполненный христианской скорби, совпал со днем радостнейшего благовестия для осужденного человечества[3], и это совпадение только для православной церкви, п[отому] ч[то] хотя Пасха во всем христианском мире была в один день, но Благовещение у содержащих новый стиль 12-ю днями было прежде. Заметь еще, что это обстоятельство случилось за 73 года пред сим, в 1782 году, повторится в 1866 и 1877 и затем опять чрез 62 года, в 1939 году. Не будет ли и в политическом мире этого проявления по последствиям — для России. Для себя я замечаю, что 1782 год был предшествовавший году моего рожденья: не будет ли настоящий предшествующим последнему жизни... Да будет его святая воля — общего нашего отца небесного, святого, бессмертного!

Ты знаешь, вероятно, о странном падении в Москве 2-тысячного колокола; а здесь у большого переломился язык! Разумеется — случайности, которых причина — небрежность; но пища для праздного мудрования.

Прости, крепко и прекрепко тебя обнимаю. Брат и друг до гроба

В. Штейнгейль.

99. И. И. ПУЩИНУ

10-е апреля [18]55*

Ивана Дмитриевича[1], с которым и я имел удовольствие познакомиться, придержала здесь распутица; улучаю** случай еще с Вами побеседовать, любезнейший Иван Иванович.

Во-первых, просьба — поздравить от меня о[т]ца Феодора с перемещением в ваш собор; об этом известил меня Евгений Афиногенович[2], и ему знакомый. Очень, очень я рад за него, и за Авдотью Степановну, и за матушку их. Затем:

Скажу Вам, что тот же мой любимец, письмоводитель преосвященного, доставил мне преинтересные рукописи: две «О восточном вопросе», одну, содержащую «Первое письмо» г. Погодина, и четвертую «Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии»[3]. Первые две и послед-

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 13 апреля».
** В тексте: улучшаю.

няя, не знаю, чьи; но чуть ли не его же, по слогу. Судя, как далеко зашли они, можно заключить, что и в сердце России в большом обращении. Дай бог, чтобы это повело к раскрытию мыслей, таившихся за железным замком. Это меня решило преступить свои опасения: прочту и Вами доставленную своим и другим, мыслящим благородно, от них же первый есть сынок мой Петр Павл[ович] Ершов, затем Алекс[андр] Львович Жилин[4], которого люблю и уважаю, и еще есть кой-кто.

Какова Вам показалась сцена с военно-учебными, и особенно с Ростовцевым?[5] Я был глубоко тронут, уверенный, — так приятно быть уверенным, — что чувства были неподдельны.

Молодой барон[6] доставил мне одну часть из вновь вышедшего (перевода) сочинения: Collection of British Authors, в которой переводная статья с немецкого Ранке: The Ecclesiastical and Political History of the Popes of Rome, during the XVI-th and XVII-th Centuries — о папах 16 и 17 столетия, статья преинтересная[7]. Начал читать ее с особенным удовольствием. Верный взгляд на стойкость теологии при прогрессе всех других наук.

Брат Пет[ра] Ник[олаевича] пишет утешительное то, что все приезжающие и возвращающиеся из Севастополя единогласно утверждают о невозможности овладеть им. Недаром иностранцы начали говорить, что его укрепления делаются англичанином. А заметили ли Вы в календаре признание, наконец, испанской королевы?[8] Заметили, конечно, также, что неимение дипломатического представителя при Туринском дворе протолковано оскорблением.

Да, забыл. Конст[антин] Ив[анови]ч пишет к своим, что манифест готовится с «великими» милостями. Здесь вообще думают, что издан будет 17, в день рождения государя[9].

Не подумайте из этого, что увлекаюсь ожиданием. Благодаря бога, чувствую себя, без всякого волнения, покорным воле Провидения. И к чему тревожиться о судьбе на малый остаток дней!

Простите, крепко обнимаю Вас и прошу обнять добрых товарищей. Александре Васильевне padam do nog*. Ваш душою и сердцем

В. Штейнгейль.

---

* кланяюсь в ноги (польск.).

Здесь на Пасхе было замечательное событие: переломился язык у тысячного колокола; привесили другой, запасной, поменее; переменился несколько гул.

У моего зятя умер зять Лобри[10]; оттого, думаю, Юлия со времени катастрофы не писала еще. Это пишет Людмила.

100. И. И. ПУЩИНУ

25 апр[еля 18]55. Понед[ельник]*

Третьего дни, 23-го, получил Ваше любезное письмо, многоуважаемый друг Иван Иванович. Не знаю, как благодарить за приятный гостинец, которым оно сопровождалось. Не умею объяснить чувства, с каким встретил это напоминание принадлежности своей некогда к числу моряков; чем в настоящую пору можно истинно гордиться. Петру Н[иколаеви]чу брат пишет, что Бирюлев[1] теперь настоящий «лев» Петербурга и занимает двор своею морскою наивностью. Замечают и то за новость, что от роду ему 25 лет, а в службе 29! Ответ его в[ел.] к[н.] Марии Ник[олаевне] на изъявление надежды «еще его видеть у себя» всем нравится. Вместо признательности к такой «высокой милости» у него сорвалось с языка, что приглашений так много, что не ручается, «успеет ли побывать». Так бы и обнял его.

Накануне Вашего получил письмо о[т]ца Феодора с описанием его семейного несчастия. Он еще не знал о переводе: это его, по крайней мере, утешит. Удивясь, что так долго не получает перевода, я тотчас справился у соседа, его родственника, и получил ответ: «отправлено с последнею почтою». Не замешкались бы еще в духовн[ом] правл[ении]. Этот дух не быстро летает с благотворными вестьми.

В ман[ифесте] не *совершенно одно* с предшествующими: сделана проглядка, которой бы не хотелось видеть: это уменьшение числа ударов розгами *третью*[2]. Здесь говорят: возникнет вопрос, как — откидывать или дополнять дробь! — minutatim! ** Больно за подписавшего.

Читали ли Вы брошюрку, в 200 экз[емпляров] напечатанную, о том, как г[осуда]рь принял Гос[ударственны]й совет?[3] На случай выписал для Вас сущность и посы-

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 1-го мая».
** мелко! (л а т.).

лаю. Читая, устраните всякое внимание к положению всего и всех состояний в России. Сын делает свое дело, по обязанности к отцу, и прекрасно. Замечают, что Биб[иков] обойден, а Кл[ейнмихелю] не договорена фраза[4]. Я замечу одно, что такое вступление совершенно небывалое со времени Петра. Павел мирно вступил, но в первых действиях выразил странный упрек предшественнице — матери! Интересен был бы обзор всего этого.

Вы хотите, чтобы внимательный Ваш подарок я принял «в знак памяти». Вы в памяти сердца моего неизгладимы, и в знаке вещественном, собственно, нет никакой надобности. Но желание Ваше исполню — без «верного комиссионера», потому что переплетчик его и мне знаком хорошо. Только теперь завален делом. Не далее, как вчерась, дочь его от нас ушла, прогостив двои сутки. Порученное Павлу Серг[еевичу] вчерась же сообщено.

Рукописи, хотя чужие, но посылаю[5]. Надеюсь, прочтете с удовольствием, только возвратите с возможною скоростью и верностью. Обратите внимание на стихи Мих[аила] Дмитриева, напечатанные в Лит[ературном] приб[авлении] к Моск[овским] ведом[остям] № 42. Думаю, Вы помните его[6].

О Ширк[ове] нечего уже и хлопотать. Отказали по той же честной логике, по которой «рука руку моет». Просто, и бесстыдно, и бесчестно! Очень буду обязан, если что-либо сделаете для Вакара: он мне нравится.

Ростовц[еза] мы знали 30 лет назад почти. В этот период он очень мог приобрести все ингредиенты, нужные для субстанции государственного мужа. Притом *общес* — привычка обращается в привязанность, а привязанность смотрит на одни достоинства, и еще в увеличительное стекло. Когда иначе?

Я сегодни приглашен на обед с целью «познакомить лично с прокурором»[7]; но льет благотворный дождь; не знаю, состоится ли это знакомство. В этих случаях у меня одно в виду — быть полезным для других, сколько то возможно. Всякий такой случай считаю, в моем рациональном ничтожестве, особенною милостию божиею.

От новых обстоятельств я ничего не жду — и спокоен в душе, точно как бы ничего не случилось. В этом тоне и отвечал дочери, принявшейся опять за обманчивые мечты надежды, советуя держаться одной безусловной покорности воле божией. Скажу Вам лучше, — если выйдет

какая-либо полумера, откажусь воспользоваться ею. Ведь уж 72! А кладбище здесь в 25 саж[енях] над поверхностью воды: стоит пирамиды. Смотреть на людей вблизи, как они паясничают на хрупких подмостках, право, не заманчиво. Я теперь путешествую с Норовым к семи апокалипсическим церквам [8] и убеждаюсь, что в самом первом христианстве не было ничего прочно христианского, с учением евангельским согласного. Раздоры, честолюбие, грабительство — превозмогали братолюбие, смирение, нищету. Тоска и тоска!.. Не будет ли лучше «там»? Мне также хочется скорее узнать, как некогда желал этого достопочтенный старец П. А. Словцов. Живо помню его улыбку, когда только что положили его на стол. Но Вам, верно, скучно уже внимать моему гераклитическому расположению. Перестану.

Бедный Л. И. Филат[ов] опять написал мне, что его сменяют, и запретил писать, пока не уведомит. Жаль мне крайне его.

Не забывайте, прошу Вас, сообщать мне новости нашего сибирского Востока. Мое гераклитство никак не мешает интересу, какой имеет в моих глазах новоприобретенный край.

Завтра или в среду присовокуплю еще что-нибудь. Теперь устал сидеть, сгорбившись. Обнимаю Вас.

27[-е], среда. Ночью шел дождь с ветром; спал дурно, но проснулся от замечательного сна — пред царскими вратами, готовым подступить к причастию.

Вчера от Петра Ник[олаевича] проводили всеми полюбленного Вл[адимира] Мих[айловича] Жемчужникова [9]. Многие поехали провожать до первой станции — с пикником. Я простился предварительно. Обедал у именинницы честного старика Трифонова, который представил 20 т[ысяч] р[ублей], безгласно вверенных ему Молчановым, бывшим инспектором Врач[ебной] упр[авы], по его смерти. Невольно радуешься, что есть еще такие люди! [10]

Не договорил: молодой человек — правая рука, как говорится, губернатора, поехал для определения в Стрелковый полк, в котором Перовским [11] зачислена для него вакансия.

С прокурором познакомился. Он, рекомендуясь, извинился, что не успел еще у меня быть!! Наружность очень непривлекательная; но ум виден в несомненных проблесках; говорят, что и честен он. Куда хорошо, если так.

Забыл сказать, что в Москве, говорят, ходит по рукам ответ Ермолова Закревскому на предостерегательное письмо от принятия звания начальника ополчения, что едва ли вероятно. Как решиться это написать, и еще — Ермолову! [12]

Ваш г. Алексеев [13] мне понравился: я взялся похлопотать по его просьбе и авось успею. Вас извещу о том.

Обнимите за меня добрых, почтенных товарищей, начиная с Матвея Ивановича. Да хранит вас всех господь!

Александры Васильевны, по-стариковски, целую ручку. Простите. Не забудьте поторопиться возвращением пьес: посылаю их без дозволения.

Ваш душою и сердцем В. Штейнгейль.

Второе письмо П[огоди]на, думаю, у Вас есть уже.

101. И. И. ПУЩИНУ

8 мая [18]55*

Обнимая, от всего сердца поздравляю Вас, любезнейший друг Иван Иванович, со днем Вашего ангела. Желаю, крепко желаю, чтоб он — наперсник господа, испросил Вам радость велию, столь долго обма[н]чиво исчезающую в мечтах!

В день Вашего рождения я помолился о Вас. Из церкви возвратился домой — грустный. И вдруг, неожиданно вовсе, является Павел Сергеевич. Оставляю Вам отгадать, как это было мне приятно. Мы по-братски выпили за Ваше здоровье целебной осиновки и закусили — сладкою беседою.

Как я рад, что молодой человек, которого я душевно полюбил, узнал Вас — и всех вас [1]. Он пишет сюда: «не выехал бы». Это невольное обличение в неверном взгляде.

Но уже отблаговестили к обедне. Поспешу помолиться.

Об Алексееве ничего еще положительного не могу сказать.

Завтра преосвящ[енный] будет святить на площади между соборами походную церковь для Обдорского миссионерства.

Мира, кажется, не будет; но воля божия постоянна и неизменна.

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 12-го мая».

Обнимите товарищей и пожмите руку доброй Александре Васильевне.

Ваш душою и сердцем В. Штейнгейль.

P. S. Отцу Феодору кланяйтесь.

102. И. И. ПУЩИНУ

Четверток, 19 мая 18[55]*

Благодарю Вас, достопочтеннейший друг Иван Иванович, за листочки от 13[-го] и за приложения, которые спешу возвратить — с Алекс[андром] Львовичем [1]. В полном смысле спешу: это Вы видите из почерка дрожащею рукою и дурными перьями. Сейчас возвратился с горы, простившись с доброю, почтенною нашею знакомою Катериною Федоровною [2], которая тоже едет к вам, и я с нею думал писать: но едва не приостановится за какими-то бумагами; и потому решился написать с Ал[ександром] Льв[овичем], которого ничто не остановит отправиться в 2 ч[аса].

Не касаюсь того, что может прибавить к оскомине; после, когда та пройдет [3]. После и [о] содержании письма М[атюшкин]а [4]. Скажу только, что сказанное Вами Жем[чужнико]ву мне чрезвычайно понравилось. Справедливо и с достоинством. Чрез бар[она] Штак[ельберга] знаю, что он, т. е. стрелок-певец, писал сюда с великою похвалою. Интересно, выразится ли это при предстоящем обозрении губернии переменою в отношениях [5]. О стрелке есть же в приказах, что прапорщик — занесена нога на генеральство.

За записку Вакара благодарю, очень благодарю. Если зять найдет дело справедливым, то непременно сделает; по крайней мере, Людмила в панегирике ему так утверждает.

Жаль мне, что ничего мне не сказали о Вост[очной] Сиб[ири], переданное Струве [6]. Вы знаете ли, что Ка-з[имирский] хотел ехать в Иркутск; но как Вам не знать. Во всяком случае, за распоряжение о брошюре душевно признателен.

Зданевич здесь, но и я его не видал: это делает честь его операторству.

Рукописи будут списаны. Вчерась просил об этом самого проприетера: у него есть писцы хорошие [7].

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 20 мая».

Пришла почта: поспешу отнесть письмо — и зайтить, по обыкновению, читать газеты к Шилин[гу].

Сегодни день встреч: на взъезде встретился председ[атель] Каз[енной] пал[аты][8] — соскочил с дрожек и так выразил свое сожаление, что у него не бываю, что вижу — надобно бывать. Кто знает, какое кому придется из этого выкроить добро.

А! кстати об Алексе[еве]. Вы говорите о почтмейстерстве, а он хлопочет о секретарстве в Думе, что сопряжено с выходом лица, занимающего пост, и с переменою для него самого рода службы. Скажите же мне при первом случае: чего из двух он желает. Что, впрочем, окажется по моим разведываниям — уведомлю. Одна сказка только сказывается скоро, и та часто не доканчивается.

Добрым и почтенным товарищам сердечный поклон. За Алексан[дру] Васильевну порадовался, услышав от Ольги Вас[ильевны] о письме ее сестры[9]. Обнимаю Вас

В. Штейнгейль.

103. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

30 мая [18]55

Ты, любезнейший брат и друг, поэзией вдохновенный, писал ко мне 6-го, я, в прозе, яко в тимении* глубины увязший, беседовал с тобою 8-го апреля, оба обменялись приветом «Воскресения». Не знаю, дошли ли мои строки до тебя. Прождавши чуть не месяц, принялся опять за перо, чтобы с ним долетело до тебя это новое послание, в подтверждение, что ты неизгладим в памяти моей и в сердце. Но что скажу тебе?

Начну с высоты, на которую поэзия твоя ставит народы[1]. Не оспариваю: материально говоря — высоко стоят некоторые; но именно у них господь помрачил здравый смысл: кровь льется рекою, и сами не знают, чего хотят; потому что чего, по-видимому, хотят, то, сами видят, физически невозможно. И чем этот хаос кончится, по собственному сознанию, не знают. Главное лицо и пружина всего — воплощенный Мефистофель[2]. Хищный Альбион в роли Фауста тут. Чахлая Турция — обаяние. Австрия — иезуитизм. Россия с обоюдным крестом: из страдальческого он выйдет победным. Нет сомнения; не должны мы, по крайней мере, допускать ни малейшего. А больно, а грустно!

* Тимение — грязь, тина.

Покамест, как видишь, нет никакой ощутительной перемены в прежнем порядке вещей, кроме перекройки: это дело портных и легко[3]. Я терпелив и, с моей стороны, принимаю медленность в проявлениях нового за хороший знак. Это может продолжиться даже до заключения мира или, по крайности, до наступления зимы, нашей защитницы.

На нашем Востоке Н. Н. Мур[авьев] давно спустился по Амуру и с силою, и с орудиями. Второй транспорт отправится или уже отправился с Корсаковым. С ним вместе уехали и Миша Волконский и наш Анненков[4]. Успеют ли предупредить в Камчатку приход врагов, желающих мстить за поражение? Недавно проехал оттуда чрез Ялуторовск капит[ан] I ранга Арбузов и сказывал, что пули наших винтовок били, как белку, в самый лоб. О Завойке отзыв его с extrême gauche*. Я знаю, каковы в отдаленности эти господа, и потому верю. Все Гастингсы, менее или более![5] Арбузов едет просить суда. На его счастие — беспристрастие генерал-адмиралом[6]. Но вот что всего грустнее: наш Ник[олай] Ал[ександрович] Бестужев отчаянно болен, пишет Иван Дм[итриеви]ч Якушкин. Крайне жаль мне его[7].

Мои в П[етер]бурге все здоровы. Юлия наняла дачу возле Камчатки — дачи Людмилы Иван[овны] Рикорд, с которой постоянно дружны. Недавно, именно 10 числа, получил привет и от твоей знакомой Авдотьи Петровны Прокофьевой[8]. Она посетила моих в самый день моего рождения, когда мне стукнуло 72! уф! легко сказать! О, пора — пора на покой, друг мой. Но да будет воля создателя!

Погода у нас холодная, мрачная, невыносимая — и вот июнь на носу. В противоположность прошлому году и воды нет, несмотря на обилие дождей.

А! Чуть не забыл: Ал[ександр] Вас[ильевич] Виноградский переводится к вам: вероятно, для тебя это будет приятно.

Да хранит тебя матерь божия. Прости! Обнимаю ото всего сердца В. Штейнгейль**.

Марья Ивановна, при каждом свидании, о тебе спрашивает и просит от нее свидетельствовать почтение[9].

---

* крайне левой (франц.).

** Помета Г. С. Батенькова: «Отвечал 13 июня».

104. И. И. ПУЩИНУ

1-е июня [18]55*

Благодарю Вас, любезнейший добрый друг Иван Иванович, за знакомство с Арбузовым. Тут лжи несть: я разделяю вполне участие в нем с Вами. Дай бог, чтоб ему отдали справедливость. Что от него узнаете, не оставьте передать мне.

Вот Вам и письмо Нестора лицея[1]. Я выручил-таки у Зданев[ича]. Говорит, что в Ялут[оровск] не заехал, признаться, по недостатку денег. По крайней мере, относится очень благодарным Вам и Николай Ивановичу. Впрочем, чтобы как можно менее иметь повода сетовать на людей, надо принять за principum: «Сделал добро, забудь; сделали тебе зло — не забывай», чтобы воспользоваться первым случаем наслаждения чистой, христианской души, — отплатить добром.

Эта почта привезла известие о важной стычке, уменьшившей наш строй 2500 чел[овеками], но утвердившей надежду на необоримость Севастополя[2]. Интересен результат всего.

С Ольгой Васильевной, имеющею намерение выехать 8 числа, побеседую с Вами поболее; теперь не имею времени.

Простите. Обнимите за меня добрых товарищей и Александре Васильевне засвидетельствуйте мое неизменное уважение. Всею душою и сердцем Ваш

В. Штейнгейль.

P. S. Вероятно, Вы знаете подателя сих строк Павла Петровича Каталинского[3]. Я у него не спросил. Он везет сына; если и тут ему надобна помощь, не откажите. Я написал к Вячеславу, предуведомляя, между прочим, об Ольге Васильевне. Еще раз — простите!

105. И. И. ПУЩИНУ

11 [июня]** [18]55***

Не поскучал я потолковать с Вашим ми[л]ым Масленниковым[1]; а будет ли толк из толкованья, — это еще

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 6-го июня. Кат[алинский]».

** В тексте ошибочно: мая.

*** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 16 июня. Мас[леников]».

вопрос, не хуже восточного, который будет разрешаться в губернском конгрессе в следующей статье: «Подходят ли под 4[-й] пункт мил[остивейшего] ман[ифес]та люди, сосланные по воле их помещиков, которых воля особь статья от высочайшей, когда изволят разгневаться»[2]. Об этом и Анненков здесь много толковал, что нельзя ли участь их здесь сделать потеснее. О результате после Вас извещу. Я адресовал Вашего Масленикова, и с его лысиной, к порядочному писцу; он нашел своего в полиции, который навараксал ему ч[ерт] знает что. Впрочем, это все равно: поймут, чего он желает.

Федора Устиновича еще не атаковал: надо уловить удобную минуту[3]. Сегодни буду у него на *вечере;* постараюсь.

От всего сердца желаю успеха Н[иколаю] Н[иколаевичу] на Амуре. Но кто-то мне вчерась шепнул, будто экспедиция встретила препятствием — мелководие. Дай бог, чтобы это был слух вздорный, каких много[4].

Жилину передал Ваш привет. Принял с приметным удовольствием. Устье Амура приложится.

Назначенье Николая Ивановича видел в газетах и душевно порадовался и за него и за Вас, зная, как Вам это должно быть приятно[5]. Вчерась Павел Сергеевич сказывал мне, что у него теперь гостит Катер[ина] Вас[ильевна] Францева, вероятно, по Вашему адресу. Марью Дмитр[иевну] пригласила Ольга Иван[овна] к себе[6]. Но что за странность — Ив[ан] Алекс[андрович] Анн[енков] сказывал мне сегодни, что в «Сев[ерной] пчеле» есть о назначении Врангеля управляющим Мор[ским] министерством[7]. Крайне меня это удивило. Что узнаете, скажите. Фед[ор] Уст[инович] получает «Сев[ерную] пч[елу]», уже сам прочту эту статью. Анн[енков] сказал: «Я хорошенько не посмотрел». Ему губ[ернатор] это сообщил.

Дениса Прох[оровича] поблагодарите за приписку и скажите: рады-де стараться[8].

От Керчи, Бердянска и Генича скучно, грустно — и ото всего невесело[9]. Тоска от людей; пора убираться.

Конст[антин] Иван[ович] пишет тестю, что ездил отводить еще 40 мест для батарей и редутов. Утренние и вечерние телегр[афические] депеши возвещают петербургской публике движение неприятеля у Толбухина маяка[10]. Чем это все разразится?

С нашего юга веют слухи о нашествии коканцев и

будто за Илиею взяли нашу крепостцу. У вас должно быть слышнее. Как-то распорядится герой заилийский, вероятно, будущий [11].

Пожмите всем добрым и почтенным товарищам руку. Да хранит Вас всех господь.

Ваш душою и сердцем В. Штейнгейль.

P. S. Да, чуть не забыл. О Рушковском справлялся чрез Почекунина [12]. Он дал ответ, что ни по чему от рекрутства семейство Рушковского не избавляется, в будущий набор возьмут — *разве*, примолвил он,— *окажется горловая чахотка*, как у Вашего кучера. И это сказано с такою улыбкою, которая ручалась, что может и в самом деле *оказаться*. Обещал доставить мне самую справку, которую и Вам доставлю.

Мишель Бест[ужев] ко мне не пишет: я сам об этом просил, чтоб не тешить III Отд[еление] в[ысочайшей] канц[елярии], куда, не знаю почему, его письма посылались [13]. Боже праведный! когда кончится это мелочничество с нами!

Брошюру возвращаю [14].

106. И. И. ПУЩИНУ

13 июня [18]55*

Наконец, вот и предвещенный отъезд нашей Ольги Васильевны приблизился — завтра, по предположению; так ли будет по исполнению, это еще вроде восточного вопроса; а грамотку приготовить надо.

Что ж Вам сказать? Списков еще не получил. Об Алексееве вчерась говорил с Фед[ором] Устин[овичем] Околов-Кулаком. Вот его ответ: «Мне и почтмейстер его хвалил. В Нерчинских заводах есть вакансия почтмейстера, я велел ему написать, что если хочет, прислал бы прошение. Он уже и написал к нему, только тот, вместо прошения, прислал род донесения, в котором говорит, что, *по воле начальства*, изъявляет свое согласие. Что тут за воля начальства: оно не требует, не понуждает; я велел ему возразить, чтобы прислал прошение, что желает занять эту должность, если начальство признает его достойным. Я думаю, что ему это будет не невыгодно: дадут годовой оклад в награду». На этом мы и расста-

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 18-го июня. Андр[оникова]».

лись. Скажите об этом Денису Прохоровичу. По моему мнению, для него в Большом заводе года три прожить будет не скучно. Горная молодежь там умная. Познакомится с металлургией и выедет со штуфами. Прослуживши там хорошо, получит право на лучшее место. Думаю, и Вы, со своей стороны, тоже подтвердите. Что за перспектива — в секретарстве Думы. Тут ни с какой стороны ничего не приобретет, а потерять может при переменах голов.

Сюда дошли слухи о нашествии коканцев, и, разумеется, с разными толками и комментариями. То верно, что батальон или два двинулись из Семипалатинска. *Сам* Гастфор поспешил в Копалы. Если что узнаете повернее, напишите. Странно то, что начальник губернии не имеет, если только не секретничает, никакого об этом сведения[1].

Надеюсь, что Каталинский верно доставил Вам мою депешу; равно и Масленников.

Боже! какая погода. Вчерась ясность дня сопровождалась и дождем и градом; а в промежутке совершился еще крестный ход из рощинской церкви в собор, около верхнего города. Сегодни 9° при северном ветре и проносных дождевых облаках. Тоска, да и только. Что-то к вечеру привезет почта. Вы уже это теперь знаете. Успокоительно то, что, кажется, Австрия не решится на войну с нами. Итак — до завтра!

14-е. Поутру, с северным ветром, у нас было только 7° тепла. Теперь, в 4 часа, при ясном небе, хотя ветр не совсем утих, — 15°.

Странные происшествия: вчерась мой сосед казач[ьего] полка пехотного казначей Шубин поехал на покосы, лег под березку отдохнуть и отдохнул — навеки. Человек был трезвый; оставил жену, детей. В том же полку получено известие, что служивший в Омске за квартального этого полка хорунжий Молдавский, славный малый, поехал ночью обходом — и сгиб без вести.

В газетах, в рельефе манифест о регентстве на меня подействовал что-то мрачно[2]. Не дай бог, чтоб в исполнении его пришла надобность. Напоминание самое о возможности — скорбное.

Увидим, что означает вызов кн. Барятинского[3]. Это человек с военным даром.

О назначении Врангеля прочитал сам и понимаю, что это только облегчение.

Поутру прошел в Тюмень пароход; сделал против города три выстрела и потом просвистал Соловей-разбойником. Должен быть Поклевского[4].

Заходил за списками, не застал дома; заказал, чтобы прислали, если списаны; пришлют, то и получите с нас вместе.

Почтенным сотоварищам до земли поклон мой.

Простите, обнимаю Вас сердцем

В. Штейнгейль.

107. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

24-е июня [18]55

Третьего дни твое письмо порадовало меня, сердцу любезнейший брат и друг, хотя тотчас вслед отуманило содержание. Но крепись, с помощью упования на благость божию, не оставлявшую нас, видимо, преодолеем и эту тесноту[1]. Говорю «преодолеем», потому что ты высказываешь положение, совершенно подобное моему, хотя, может быть, не в столь еще тесных пределах. Мой совет не уединяться, по пословице: на людях и смерть красна. Притом с людьми, им же можешь быть более полезным, а это одно отрадное и есть для нас. Далеко не Тит я, а держусь, в миниатюре, конечно, его правила[2].

Не отрицаю необходимости Альбиона, но он давно разъехался с правотою и честностию, а при этой разлуке мудрено содействовать чему-либо благому. Против нас он действует по-флибустьерски. Все умы там понимают, что война предлог, столько же бессовестный, как и бессмысленный, но самолюбие и бессовестность министров умеют парализовать это понимание. Ты прочтешь в 69 № «Моск[овских] в[едомостей]» речь Брайта[3]. Она исполнена резких улик, и что ж? Ее тут же называют нелепою. А подъумки той и другой стороне кричат «Браво!» Чего тут ждать? Согласен насчет наполеонидов; но Франция прибегла к ним в крайности, устрашась анархии и разрушения всякого общественного порядка и начал. У настоящей «Главы», как его часто величают, очень можно подозревать arrière pensée* — завлечь и уничтожить Англию, разоблачив ее величие, и едва ли Константинополь не будет яблоком раздора. Подождем, если заживемся.

Вчерашняя почта привезла отрадную весть, что заносчивого Пелисье на бастионах Севастополя отколотили

* заднюю мысль (франц.).

по пальцам ферулою неимоверной храбрости; так что — что редкость! — ногти остались у нас[4].

Приказы Муравьева в Тифлисе тоже отрадны[5]. Что будет? Что будет? — везде твердят и одно отвечают: один бог знает. Моя надежда и уверенность основаны на одной мысли. Если Провидение составило такую империю, как Россия, то, конечно, с высокою целью, ergo*, не допустит ее упасть, а тем менее разрушиться прежде достижения этой цели. Настоящее положение — испытание. Оно будет истощительное — для нового укрепления сил. Порядок вещей покамест остается тот же; но не может быть, чтобы по устранении внешних опасностей не было обращено внимание на внутренние немощи. Грех будет перед богом и перед кровию, столь обильно и великодушно пролитою. Но — аминь!

От атмосферы и здесь подобные проявления. Я не понял, что значит «шутка с Бестужевым». Авд[отье] Петр[овне] и Марье Ив[ановне] передам твою благодарность и привет. Письмо Анне Павл[овне] вчерась доставлено. Сам Эйсмут уехал в Коряково. Алекс[андр] Вас[ильевич] уже прощается. Надеюсь, что с Милорд[овым] ты меня ознакомишь[6]. Отовсюду вести, что он *добрый человек*.

Я пишу тебе в тулупе: 6° на улице и 13 в комнате; топят печь. Нечего сказать, не по старым костям такой климатец; но как-нибудь дожить надо же!

Узнай, пожалуйста, что делается с молодым человеком в Енисейске, где он был по болезни. Мать несказанно сокрушается, не имея от него известия[7].

Вот у нас скоро будет сретение матери божией — в лике Абалакском; помолюсь о тебе. Преосвященный между тем уехал в Ишим и Ялуторовск, к приносу образа возвратится. Прости. Друго-братски обнимаю тебя

В. Штейнгейль.

Письма твои, сколько их было, до последне-полученного, на случай смерти отправил с верною оказиею к сыну для хранения, как драгоценности.

108. И. И. ПУЩИНУ

Четверток, 30-е июня [18]55 **

Помилуйте, что за деятельность! Подобает мне паче

* следовательно (лат.).
** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 3-го июля».

стыдиться, нежели Вам, любезнейший друг; разве старостью только оправдаться. Понимаю, как Вы должны быть огорчены и озабочены положением усердной и верной Михеевны: да поможет Вам бог спасти ее еще на несколько лет [1].

За Восток наш и я трепещу. Одно упование на благость божию: молюсь святителю Иннокентию [2], чтобы заступил своею молитвою край, его святостью озаренный. Где человеческие силы недостаточны, там — по слову Спасителя и его апостола — может много молитва и упование.

Войск миллион, но большая часть прикована коварною угрозою к западной границе. Иностранные корреспонденты отдают справедливость умению, с каким расположены наши войска против преднамеренного выхода союзников в поле.

Да, события севастопольские так скорбны, так ужасны, что грешно в это время проявление радостной улыбки, равно и сетования, в частных отношениях. После взятия редутов и занятия левого берега Черной приметно враги наши расхвастались и уже пророкли совершенное падение Севастополя. Любопытно, что будут говорить, узнав об отражении 6/18 июня. Нельзя будет закрыть страшной потери людей. Вы, верно, читали о новой идее Наполеона учредить в Париже конгресс для устроения судьбы Европы и пр[3]. Забывают беспрестанно, что господь гордым противится.

На замечание мое, что донесение Алексеева не возвращено, вот что отвечал добрый Федор Устинович: «Да и возвращать не для чего: я уже представил. Боюсь только, чтобы не отказали в пособии; он не выслужил лет в Зап[адной] С[ибири]. Впрочем, я так написал о его положении и о службе, что, кажется, не откажут». Передайте это с замечанием, что название «благодетель» столько же мне к лицу, как шляпа с плюмажем.

Илийские события обнаружились обыкновенною барантою, не более, и подтвердили пословицу: у страха глаза велики.

Кто этот Добронравов; уж не сын ли некогда бывшего в Москве инспектора Медицинской конторы? [4] Шамиль — и перемирие как-то плохо вяжутся. Впрочем, Н. Н. Мур[авьев] блистательно начал свое наместничество, и легко быть может, что при посредстве возвращения

Шамилю сына успел и в этом. Дай бог ему успеха в преднамеренной кампании, хотя не понимаю, как можно удаляться от границ без обеспечения с моря; разве сжечь Трапезонт и завладеть Эрзерумом, разумеется, разбив наперед 30-тысячную армию, если она есть в самом деле, британского Мухамеда Уйльямса[5]. Взирая на ужасы, умирать хочется; понимая важность развязки — позамешкать думается. А как бог велит, так и будет.

К вам судьею назначен тарский стряпчий Сененко Семен Иванович. В этом семействе я был как родной во все время. Прошу принять его в ласку, и особенно моих учениц. Я рад за них: им будет практика. Одну звали Дунюшка, другую Варинька: теперь же невесты. Последнюю я бы не узнал, если б где встретился. Они недавно сюда приезжали.

Всем *нашим* сердечный привет, и, конечно, почтеннолюбезнейшей Александре Васильевне в том числе. От полноты души обнимаю Вас

В. Штейнгейль.

Списки Вы получите через о[т]ца Феодора. За переписку с меня ничего не взяли. К Павлу Серг[еевичу] пишут, что у Н. Н. Мур[авьева] 100 т[ысяч] действ[ующей] армии в Гумрах.

Вчерась после обедни о[те]ц ректор затащил меня к себе, с пенями, что давно не был; тут нашел иеромонаха из Америки, но материалов в<ынес>* мало. Ввечеру был в первый раз у прокурора и встретил рад<ушие>*.

109. И. И. ПУЩИНУ

Четверток, 14-е июля [1855]**

Относительно меня прошу всякую идею взыскательности окончательно отбросить и не оговариваться в молчании. Пора увериться, что паузы переписки выдерживаются по нотам обстоятельств, а не по чувствам.

Я предлагал плату за переписку, никакие убеждения не подействовали: молодой человек[1] непременно хотел этим мне и Вам услужить — sic!

О Добронр[авове] я так только спросил, потому что был в Москве один сего имени, вовсе не по шерсти.

---

* Текст утрачен.
** Пометка И. И. Пущина: «Пол[учено] 17 июля».

Выступление с Кавказа вообще меня очень приятно заняло; тут что-то обдуманное, стройное и даже религиозное: как-то само собою ждется благословение божие.

Относительно вновь назначенного поступайте ad libitum*: он человек дипломатический. Очень понимаю, что новые знакомства не ко времени. И как не понять, когда сам до сих пор не собрался побывать у председателя Ка з[енной] пал[аты][2], несмотря на неоднократное приглашение. В последний раз, на спуске даже, соскочил с дрожек и с великою пенею просил к себе непременно. Я и заходил раз, но это был такой раз, в который он захворал. Как-то иногда не клеится. Вот тоже с Виногр[адским]. Уж как ни нахваливал мне брат Батеньков; а нет — не легло сердце. Судить не сужу: Христос с ним; может быть, он и великих достоинств; а для меня есть что-то репульсивное. Впрочем, эти знакомства ведут только к прибавке упречных «Вы нас за-бы-ли!», от которых мне всегда тошно.

Привет Якова Дмитриевича с признательностью внесен в сердечную памятную и разделен с товарищами: общее сожаление, что этот год пройдет без удовольствия его видеть. Павел Сергеевич сказывал, что сам получил Ваше письмо. Теперь у них все и всё здорово. Жаль бедного Евгения Петровича — да пощадит его господь[3]. Впрочем, он так религиозен, что, вероятно, перенесет лишение с покорностью воле божией. Помоги бог и Вам спасти добрую Михеевну.

У нас не лето, а — тоска! Только 8[-го] числа, день приноса иконы[4], был чудесный: все, кто мог двигаться, выходили и выезжали во сретение, и я, грешный, ходил до 4-й версты.

В молве здесь плавают разного рода утки; но не стоит того, чтобы их ловить, а тем паче — пересылать гостинцами.

Матвея Ивановича и весь сонм долготерпеливых грешных поблагодарите от уважающего и преданного собрата за привет и засвидетельствуйте старческий поклон.

Да хранит вас всех благость божия — до последней минуты.

Обнимаю Вас от всего сердца

В. Штейнгейль.

---

* по вашей воле (лат.).

P. S. Ольга Вас[ильевна], вероятно, к Вам написала, что из Перми отправилась 30 июня на пароходе. Теперь надо уже быть в Твери, если в Москве не зажилась.

110. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Понедельник, 25 июля [18]55

Это был день пророка Илии, в который я порадовался давно ожиданному твоему письму и насладился его чтением — духовною беседою с тобою, брат сродства по страданию, любезнейший, незабвенный, дражайший. В нем — в письме твоем, есть что-то пророчественное, и так очень кстати. Я недавно как-то говорил, что самые мысли наши приходят часто извне, независимо от самого расположения нашего, и тем живее занимают нас: не направление ли то духа жизни? Несамобытность воли, тобою замеченная, гармонирует с этим — для меня приятно.

Удивляться объемлемости твоих соображений походило бы на лесть, которой нет места между нами. Меня недостанет цензорски проследить все тобою сказанное. Замечу об одном Альбионе. Мне кажется, что он, совершив многое пополам с пуническою своею верностию, близится ко времени приема воздаяния за грехи свои; ибо сказано: Quos Deus perdere vult, prius dementat*. А что министерство английское без ума уже меч государственный носит, становится очень ясно. И что за война? Чистый вандализм!.. Разве за то поблагодарить, что наш Швартгольм взорвали на воздух; но мы с тобою не мстительны. Предметы не виноваты злоупотреблению их: да простит господь и злоупотребителям.

У России, согласен, недостает еще самоустроения; но не думаю, чтобы она Провидением выдвинута была в такой огромности, для принятия доли чужих судеб только. На ревность православия не по разуму я всегда смотрел с сокрушением сердечным и смотрю. Православие! — где оно, в чем? В Катехизисе только! Самое христианство что? Таковым ли надо ему быть? В нашей природе, видно, самое неизменное то, что мы должны жить в вечных противоречиях с собою... Но довольно.

Письма твои будут читать мои дети и — станется, вну-

---

* Кого бог хочет погубить, того прежде лишает разума (лат.).

ки. Я думаю, что они из них лучше уверятся в достоинстве отца и деда. Кто знает, как будут указывать на нас прочие. Неужли все как на злодеев; а 30 лет претерпенных!..

Благодарю за Мил[ордова]. Увижу: не за горами знакомство. Да, я сам той веры, что обстоятельства не придержат его здесь. Не понимаю, какими судьбами Вл[адимир] П. Кузн[ецов] меня знает, и даже любит; и зачем бы ему быть здесь, не придумаю. Не отгадаю также, кто такой Соколов [1], замолвивший слово обо мне Ми[лордо]ву.

С прошедшей именинницей тебя поздравляю. Письмо Анне Павловне отослано [2]. С Эйсмутом виделся недавно; он только что возвратился из Корякова. На днях, по приглашению, буду у него обедать.

О юноше мать уже знает, что он возвращается. Делали, что можно; чего нельзя — пас. Мать его теперь у сына в Омске. Вероятно, скоро возвратится.

Вчерась весь город провожал, из рощинской уже церкви, небесную гостью — в ее чудотворной иконе Абалакской. Прекрасные дни стояли. И вынос из города накануне был столь же светлый.

Живи — будь здоров, бодрый дух храни: желание брата и друга

В. Штейнгейля.

Что Н[иколай] Бест[ужев] приезжал в Иркутск, это я знал. О как часто мысль обращается на Крайний Восток. Что-то будет там!

Я все сомневаюсь в адресе: так ли я его делаю; а ты не скажешь порядочно.

111. И. И. ПУЩИНУ

3 августа [18]55*

Вчерась, у Павла Сергеевича, читал я письмо к Вам Якова Дмитриевича, конечно, не без удовольствия, особенно от того, что уже осуществляется; но не мог победить в себе недоверия к тому, что еще обещается, и остаюсь при мнении Хмельницкого: «а будет то, что бог велит». По смыслу обещания исполнение не за горами: доподождем [1]. Павел Сергеевич передал мне Ваш привет

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 7 августа».

и то, что ко мне напишете. Пожалуйста, не делайте, без особой надобности или совершенной свободы писать ко мне, из самого писания «надобность». Я знаю очень, что Вы в хлопотах; а в расположении и самой дружбе Вашей разве тогда усомнюсь, когда сама душа моя будет — сомнение. А вот что сделайте, прошу Вас: напишите к Николаю Ивановичу, чтобы он принял участие в сыне Черемшанского, который явится к нему с письмом от меня[2]. Я решился на это по просьбе отца, который уверен, что Вы бы ему не отказали, если бы можно было заехать в Ялуторовск; но преграда финансовая тому мешает, и сын едет один-одинешенек. Впрочем, все улажено уже: он принимается в Медико-хирургическую академию на счет Министерства внутренних дел; одно потребовалось — доставить на свой кошт. Следовательно, ему нужно только, чтобы, на непредвиденный случай, не быть вовсе без покровителя и наставника. Я уверен, что Николай Иванович не оскорбится моим поступком.

Дело Загв[здиных] пойдет в Сенат: губ[ернатор] не согласился с решением суда, настоя на ссылке. Признаюсь, меня удивляет это в высшей степени, и молодой барон[3], который у него занимается этого рода делами, вторит его логике. После сообщу Вам подробнее.

Не будете ли иметь книги Мундта: «Le Combat pour la mer Noire»[4], поделитесь.

Всем добрым товарищам мой сердечный привет, и Александре Васильевне особенный.

Помоги Вам [господь] поставить добрую Вашу Михеевну на ноги.

Простите, обнимаю Вас от всей души

Вам преданный

В. Штейнгейль.

P. S. А как жаль Нахимова![5]

112. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

26 августа [18]55

Ровно через 13 дней пришлось тебе ответ[ит]ь, добрый брат — верный друг. Начну с донесения о существенном. Вчерась погулял на чистом воздухе и хорошо пообедал у Анны Павловны и Иосифа Болеславича; только дорога в Подчуваши такая, что боялся возвратиться костяком. Анатолий у них премиленький, скажи об этом Ольге

Павловне: ей это приятно будет. У меня на столе карточка с загнутым уголком с начертанием «Ник[олай] Пет[рович] Милордов». При первой встрече у Шилинга он мне сам отрекомендовался и тотчас заговорил о тебе очень складною панегирикою — и это меня, конечно, не удивило. На другой же день я был у него, и он меня отвел на вечер к добрейшему Домети. Он мне понравился очень: тебе спасибо и Филос[офу] Алекс[еевичу] тоже.

Не буду следовать за твоими мыслями в настоящем ответе: у нас престольный праздник; надо к обедне. Скажу только, что Ивану теперь не до пушки: он хлопочет с частыми гостями и со старушкой Михеевной, которая у него factotum в доме: больна, сердечная!

Не сомневайся: чем далее, тем интереснее будет все относившееся до страдальцев: это так всегда. И Наполеона смотрят уже с одной хорошей стороны; но что было? «Это тварь, сожженная собственною своею совестью,— восклицали с кафедры в 1807 году, — от которой и благость божия отступила». Не знаю, в память ли это тебе.

Впрочем, не решусь утверждать, чтобы стоило хлопотать об исторической известности. Много ли бывает людей, которых мнением, и по смерти, дорожить можно? Человечество, кажется, и не думает исправляться: настоящее лучшее свидетельство. В Крыму кровавая арена, а в Париже и Лондоне — ложи — и рукоплескания; тот же бесчеловечный Колизей. И чем это кончится? Вчерась из Петерб[урга] получил письмо, в котором пишут, что попытка на Федюхину гору стоила нам трех генералов, в том числе полного — Реада и заезжего «по делу» бар. Вревского [1].

Утешительно то, что государя прославляют единогласно — искренно. Эйсмут получил тоже письмо, и ему приятель-соотечественник пишет, что не только русские, самые иностранцы любят и превозносят до небес. Но прости! пора! Обнимаю тебя сердечно

В. Штейнгейль.

113. И. И. ПУЩИНУ

31 августа [18]55 *

Строки Ваши, любезнейший и добрейший друг, доползли до меня ровно чрез 10 дней от написания. Как я

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 5 сентября».

был им рад! К тоске бо тоска прилагается, когда долго не вижу новых.

За брошюры премного благодарен[1]. Прочитал их в один присест. Благодарен и автору за вполне беспристрастный взгляд. Желательно, чтобы вся эта чудовищная война была так описана. Интересно, что скажет он о штурме. Продолжайте присылать, по мере получения. Обещание писем Вязем[ского] пришпилило к сердцу нетерпение скорее прочесть их[2].

Не видав доброй Михеевны, кажется, ее знаю и в полной мере разделяю участие в ней.

Относительно болезней Тобольск гармонирует с вашим Ялуторовском. Что скажет осень, которая занесла уже ногу, чтобы вступить в свои границы,— и права.

Если Каз[имирски]й ничего не привез, то с чего же взял предрекать, что сами отвезете Аннушку?[3] Все это проказы обморачивающей весь доброжелательный мир надежды. И «мои» продолжают ей верить, хотя говорят намеками, но довольно ясными. Самое тут основательное, что не знают, «когда?» Странно, давно сказано: в четверг после дождичка.

О войне — не говорите. Просто сердце разрывается,— и от страдательного усилия, и от равнодушия, с каким грозят *бесконечностью* высылающие на жертву! Что-то адское! К этому последнее донесение Гор[чако]ва до nec plus ultra* горькое[4]. С мертвых не доправишь, да и с живых правеж не поправит дела. Читали ли Вы в 175 № Инвалида Слово Иннокентия[5]. Это слово останется историческим. Не читали? Прочтите непременно.

Много порадовали одобрением письма о Черемшан[ском], а то все вертелась мысль, «каково покажется Николаю Ивановичу».

Поклон чрез Домети получил. Он вчерась был именинник, или правильнее — исправлял русские именины. Звал меня обедать, сказав, что, кроме военных, никто не будет; я и дал слово; но ветер так меня напугал, что я ни у него, ниже в соборе — как было хотел — не был. Зато накануне усердно помолился за падших на брани. И вообразите — ни одного военного не было!

Левшина[6] со дня на день ждут, как и губернатора. А! кстати! Не узнаете ли что повернее о причине побега

---

* до крайности (лат.).

нашего консула из Чугучака, сообщите. Частные слухи— проучили[7].

Бедная, бедная Нелинька: да укрепит ее господь в поднятии креста, налагаемого на ее слабые рамена! У Марьи Николаевны поцелуйте за меня ручку[8].

К нам приехал новый председатель Ник[олай] Петр[ович] Милордов. Батеньков меня предварил о доброте его. Увидев меня у Шилинга, он первый отрекомендовался мне по форме и обильно похвалами превознес моего друга. В тот вторник я был у него и с ним вместе поехали к Дом[ети] на вечер. На другой же день, возвратясь из дневного похода домой, нашел карточку с загнутым углом. Он не счел за унижение посетить предмогильную хижину моей ничтожности, не как Виноградский. На первый взгляд, он мне показался опытным в жизни резонером. Служил в Грузии при Ермол[ове]. Знает лично Муравьева и хвалит очень, присовокупляя, что давно бы следовало послать его в тот край, который он *старался изучить*. Знает, конечно, и другого, восточного[9], и отдает справедливость его уму и деятельности.

Принужден я бывать и у Румянцева: столько предупредительности, внимания и ласки, что было бы, с моей стороны, уж очень непристойно уклоняться долее. Признаюсь, чести много, а мне уж не под силу: я бы предпочел могилу. Меня страшит окончательная интермедия; я уж не обращаю внимания. Твержу только умом, а в сердце: «Да будет воля твоя!»

У преосвященного по два дни сряду был 15 и 16 и вот 29-го. Подавая благословение, он всегда примолвит: «Зайдите», и с такою миною, что нельзя не исполнить. Ректор тоже просит, чтобы как можно чаще посещал его. Воздай им господь!

Простите! Всем добрым товарищам душевный поклон и Александре Васильевне. О[т]цу Феодору поклонитесь от меня. Обнимаю Вас крепко

В. Штейнгейль.

P. S. Вчерась обещан был фейерверк в Загородном доме и по холодной погоде, после дождя, не состоялся.

1-е сентября. Левшин на вчерашний день приехал. Сегодни обедает у Пет[ра] Ник[олаевича]. Добрый Пет[р] Ник[олаевич] и меня пригласил. Так и быть: нельзя уклоняться от удовольствия узнать благородной души человека.

Скажите о[т]цу Феодору, что грамоту его получил вчерась, и если еще будет писать, чернила употребил бы почернее: 72-летние глаза не 27-летние. Мне приятно, что он хорошо чувствует Ваше к себе расположение. Простите! Что-то почта скажет. Признаюсь, жду с трепетом, по хвастовству врагов, но никак — без упования.

114. И. И. ПУЩИНУ

Сент[ября] 2-го [18]55*

Благодарю Вас, любезнейший друг, и всех вас за привет с любезным Евгением Ивановичем: принял его к сердцу — в досмертный архив[1].

Вчерась имел удовольствие узнать генерала, некогда товарища нашего доброго и почтенного Павла Сергеевича, который так рельефно выказал свои благородные чувства и правила в отношениях к нему[2]. Сердце отдыхает на таких людях. Обедали, как я сказал во вчерашнем письме, у Петра Ник[олаевича]. К сожалению, я сидел за столом, как на иглах: наш Флегонт Мир[онович] изволил производиться, по обыкновенью. Навел на меня тоску; тем бо́льшую, что предварительно рассказы генер[ала[настроили сердце на скорбный лад. С Востока и Запада равно ничего нет отрадного; а теперь еще и с Юга у нас дурные вести. Пояснения последних ждем с приездом губернатора.

В Петерб[урге] с первых чисел августа начались дожди, пишет Людмила, и холода. Юлия перебралась с дачи в мин[истерски]й дом. Владимир пишет к ней о своих трудных переходах и горе: все надо, а средств недостаток. Дошли до Польши — до Сувалок — и опять к Ковно на смотр и маневры. Во весь поход не было дня, кроме дневок, чтобы не промочены были до кости. Ну зато будет уж настоящий «служака». Мое дело молиться — и предавать все воле божией.

Как бы мне хотелось, до смерти, хоть еще раз повидаться с Вами. Но я и забыл, что мне не должно хотеть. Как бог устроит, так да будет. Крепко, крепко обнимаю Вас

В. Штейнгейль.

P. S. Любезным, добрым товарищам душевное почтение.

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 5 сентября».

115. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

30-е сент[ября 18]55

Разумная беседа твоя грусть навела своею истиною; самое заключение, лично к тебе относящееся, ее умножило. Наше дело — терпеть и молчать, одним словом, стараться донести крест свой, прося подкрепления от того, кто рек: «Претерпевый до конца, той спасен будет» [1]. Мир сей не хуже теперь, как был прежде, и, конечно, не хуже того, какой будет впредь. Основная характеристика человечества неизменна. Люди всегда будут жить в противоречии с собою: говорить одно словами и другое проявлять действиями. Пора увериться, что раскрытие таинств физической природы сделает их только самонадеяннее и, следовательно, хуже. Сказано: «Начало премудрости, страх господен» [2]. И где же этот страх?!

Что до нас, мы уже похожи на тех, которые, выходя из спектакля, еще оборачиваются на сцену, чтобы видеть, чем кончится явление. Гэ-Люсак [3], умирая, сказал, что по интересности событий желал бы взять с собою контрамарку, чтобы можно было опять войти — посмотреть, чем все кончится. Признаюсь, думаю, не стоит брать.

О политике давно сказано, хотя и дубовыми стихами, но справедливо:

Что прежде был порок, под именем обман,
Тому п о л и т и к и уж ныне титул дан,
И добродетелью то свет сей ныне числит,
Когда кто говорит не то, что сердцем мыслит! [4]

Думаю, помнишь — «Империя — мир!» сказал император-авантюрист [5], и что ж? Не стоит ли этот мир сардонического смеха! Теперь сами французы говорят: один бог знает, что изо всего этого будет. Мы не ошибемся, если скажем: что бы ни вышло хорошего, люди прежде всего позаботятся превратить в худое. Но виноваты ли они? Это другой вопрос. Не в этих рамках решить его.

Обращусь к личности: тебе хочется *стражи;* я желал бы просто — смерти! Мое положение крайне тесно и беспокойно; в могиле теснее, но покойнее. Пора дознать, что мертвецом живым быть гораздо тяжелее, — мертвецом, говорю, потому что ведь мы только что не отпеты; разумею нашу с тобою категорию. Других поддерживается жизненность пятою стихиею — деньгами. Стихия тяже-

лая, а живит лучше оксигена. Suum cuique* Увидишь М. Я. Ядр[инце]ва[6], укажи ему на мои 72 года и напомни ему, что я считал его другом и не вовсе был для него бесполезен. Впрочем — это предоставляется тебе ad libitum**.

Но обнимаю тебя сердечно, как брата. Прости!

Употребляй чернила почернее: для твоих начертаний нужна прочность; не говорю уже об утомлении глаз моих.

Эйсмут меня не застал дома. Увижусь, передам привет.

116. И. И. ПУЩИНУ

4 октября [18]55***

Вчерась получил Ваши строки, почтеннейший друг, — и книжку[1]. Совершенно понимаю и разделяю Ваши чувства. Оттого не писал, что истинно не мог. Севастопольская катастрофа[2], которою меня, входящего, встретил Ершов, так меня поразила, что я, пробежав роковой листок, не имел духа читать газету, хотя было в ней любопытное, как то после узнал. Это было накануне воздвижения честного креста. За всенощной, в монастыре, отдохнул в молитве. На другой день решился, обыденком, съездить в Абалак к обедне; простоял 4 часа на ногах, не чувствуя устатка; прогоревал с преосвященным у него — часа полтора; кончили тем, что надо «возверзить печаль нашу на господа» и уповать, «что все содеянное им ведет ко благу». В 7[-м] часу вечера я был уже дома. Помогло успокоению несколько частное обстоятельство: владыко в эту обедню рукоположил в священника давнишнего моего тарского protegé, его же узрите при вручении этих строк. Зовут его отец Василий, по фамилии он — Катаев, по родителе — Сергеевич. Я уверен, что он будет нести свой сан безукоризненно. Для ничтожности моей, признающей, что богу угодно было избрать меня только орудием к выходу этого человека на стезю, ему предназначенную, факт этот очень для меня утешителен; так утешителен, что достойно выразить того не умею. Не оставьте и Вы его своим назиданием. Он будет жить недалеко — в Боровлянском заводе. Семейство у него большое и хорошее. С отцом Феодором я тоже его знакомлю.

---

* Каждому свое (лат.), в тексте: quiquae.
** на усмотрение (лат.).
*** Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 6-го октября».

Что сын во колее отца, очень ясно, и как винить? Кто скажет истину? Неужели объявленный «другом сердечным»[3]. Вот их несчастие. Чтоб быть спокойнее, от всякого ожидания я отказался. Термин мой, кажется, близок. Червь усиливает грызение. Свалюсь — чувствую.

Пьесу, которой хотели продолжения, я истребил. Люди не стоят того, чтобы передавать им истину. Сыну моему родному она не понравилась, что ж другим? К нему написал с Ольг[ой] Вас[ильевной] — чтоб истребил. Мудрено людей переуверять и заставлять протереть глаза, отуманенные 30-летним пуфом[4]. Одно время разве сделает это со вновь выходящими на обзор света, с его превратностями.

Вы хлопочете и тревожитесь об Аннушке — о Михеевн[е]. Меня «терзает» положение моих детей: уж не о воспитании речь — о том, чем одеть, накормить[5]. В виду нет занятия, которое давало бы хоть бедный, но верный кусок хлеба, пока силы не совсем иссякли. Но да будет воля божия! Говорю это Вам, как другу. Не примите, чтобы вызывал Вас на помощь. Вы ее оказывали премного, и слишком часто. Это в неизгладимой памяти сердца.

Говорите о Марье Казимировне; стало быть, ждете ее. Ради бога! помирите меня с нею. В совести моей не виноват на волос. Увлекся рассказом покойного Шв[ейковского][6] — да простит его бог! Намерение было дружественное, — может быть, исполнено предурно. Человек бо есть; да простит она великодушно огорчение, ей нанесенное.

Что же добрая наша Александра Васильевна не напишет гр[афу] Ор[ло]ву? Не может же быть, чтоб ей отказали[7].

За брошюрку большое Вам спасибо. Все, что вчерась успел прочесть, до изнеможения век, чрезвычайно занимательно самою манерою, какою Жоли принялся обнаруживать истину. Самый журнал или газета «Санхо» должна быть, по такой редакции, интересна.

Вероятно, Вы читали как Saint-Ange разобрал нашего полководца[8]. Но пропустили — и, сл[едовательно], с целью. Не будет ли он «нездоров»?

Но отец Василий торопит. Обнимаю Вас всем сердцем.

Старец В. Штейнгейль

Обнимите за меня Матвей Ивановича. Он скучает, сказал мне Ник[олай] Яковл[евич]. Пожмите руку всем добрым товарищам. Простите!

117. И. И. ПУЩИНУ

13-е октября [18]55*

Строки Ваши, со вчерашнего полдня, передали мне ответ Ваш, достопочтенный друг. Благодарю Вас за все и за вся. Поздравляю душевно доброго нашего Евгения Петровича с приближением к исполнению шести десятков, желая от всего сердца — переполнить таинственное число 7 в здравии и твердости духа. Обнимите его за меня.

В предпоследнем письме Вы как-то сказали: «Я на месте... собрал бы и пр.» Вы забыли, что этой мысли предаются шестнадцатые, а это второй, которому, конечно, нарублено на нос, и очень крепко, что шаг уступки ведет к потере всего[1]. А кто себе враг! Кровь? Да когда же ею дорожили? Впрочем, надо утешиться тем, что по законам природы крайности сходятся и зло всегда примыкает к добру. Бедствие — лекция. Дай бог, чтобы умнее вышли из аудитории... В Европе, уверяет «Le Nord», делается уже явный перелом мыслей о восточном вопросе. Газета эта ратует открыто за Россию с целью продолжать знакомить с нею Запад. Губ[ернатор] ее выписал, и вчерась, чрез Штакельберга, я получил 8 №№. Сегодня обещал прислать последние. Сильно гармонирует с Санхо в разоблачении нежного союза — ci-devant** заклятых врагов. S[ain]t Ange'а статья перепечатана в «Jndep[endance] Bel[ge]», из J[ournal] des Débat[s]». Мой перевод этой статьи и инструкции, найденной у Реада[2], я отдал М. В. Корч[емкину], который был так добр, что посетил меня сам, видя, что я не появляюсь[3]. Если увидитесь при проезде его, спросите у него. Он обещал возвратить мне черновые, но я не получал, а хотелось бы мне иметь их и у себя. Скажите это ему. Кстати, поговорите с ним о моем положении. Покойный Кузин мне много помогал. Воронин даже; Рюмин, по уверению Мих[аила] В[асильевича], не недобрее их, а

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 18 октября».
** прежде (франц.).

он может и сам это сделать; только бы не ставил меня в сношения, которые я решительно прекратил: он это знает [4].

Брошюрка Joly давно прочтена мною и лежит. Погода была такая, что никак не мог доставить. Сегодня подмерзло, доставлю. Не забудьте обещанные «Вопросы жизни» [5] и «Письма Вяземского»; да и вообще, что любопытное, делитесь. Тоска!

Говорите о ст[атье] Погодина [6]. В ней есть наивная приторность — и явно для пропуска того, что Вам понравилось. Вчерась Пет[р] Павл[ович] Ерш[ов] мне сказывал, будто бы «Письма» не его, а Надеждина [7]. Откуда он это знает, не сказал.

За Марью Казимировну очень Вам благодарен. Скоро мы все примиримся.

О владыке не скажу Вам ни слова. Он до сих пор для меня самого загадка. Трудно судить тех, которым поют исполла-э-ти деспота. Обильное каждение ладаном довольно сильно́ очадить голову и затускнить взор. Он же — абсолют по характеру. Если назначение бестолково, то исполнение само покажет бестолковость. Не забудьте второстепенную обстановку, с которою всякое злоупотребление в ближайшем сношении, нежели добросовестность: от этой последней мало прибыли вещественной; а о духовной пользе церкви, кажется, до сих пор не зарождалась мысль ни у самого св[ятейшего] Син[ода]. Чудотворное наше православие, как и многое на нашей святой Руси! Видно, так богу угодно! Покоримся.

Наше statu-quo очень понятно. Изменить милостью значило бы уже явно оттенить ожесточение. Без того замечено «неумение миловать». Христос с ними! Не ропщу и не осуждаю нисколько.

Вы заметили, что возвращение для очень немногих желательно. Согласен, даже за себя. Не могу никак сойтись с мыслию о встрече с зятем; а это было бы, для любви к дочери, необходимо. Недавно навернулась мысль, чтоб дряхлостью и уборкою потом бренных остатков никого не беспокоить и незаметно спуститься в могилу, попросить разрешения вступить в монахи. Ректор меня навел на эту мысль... Но будет, что будет, а будет то, что бог велит.

Алекс[андре] Вас[ильевне] и всем товарищам — сердечный привет; обнимаю Вас

В. Штейнгейль.

О Гавас[ине] представлено в Сенат. Губ[ернатор] хотел ссылки. О несогласии суда, по мнению председателя, ответ написан еще сильнее того, что есть уже у Вас. Пусть он Вас благодарит, не меня.

118. И. И. ПУЩИНУ

27 окт[ября] [18]55*

Вы олицетворенная правда: честь Вам и слава, мой друг. Мысль о монашестве могла Вам только открыть мрачное состояние души моей, мрачное — как самый клобук, и Вы не могли ничего лучше сказать, как то, что сказали. Мог ли я воображать, что это было как бы предвестие кризиса. Сейчас скажу Вам — и Вы порадуетесь, уверен.

Вообразите, 20-го в 6 ч[асов] вечера, сижу дома кислый, как погода, вдруг — два подают письма. Вскрываю — мой Вячеслав женится! И на ком женится? — На дочери вице-адмирала Анжу, на крестнице многоуважаемой мною Людмилы Ивановны Рикорд[1]. Последнее обстоятельство меня не менее восхитило, как и первое. Разумеется, описывают невесту с экстазом. Сватовства тут не было: Вячеслав увидел, влюбился, решился, предложил — и кончено. По-цесарски: veni, vidi, vici**. Моим всем понравилась невеста, все в видимом восхищении. Не знаю, как возблагодарить господа, что в этой жизни послал мне еще радость. Вы догадаетесь, что монашество отодвинулось, если не за кулисы, то, по крайней мере, au fond de la scène***.

Счастие, как и беда, не приходят без свиты: есть проявление другого; но об этом после. Я даже перестал крушиться Ировым положением[2]. Бог поможет. Напишу точно к Корч[емкину] — и почти уверен, что он не откажет. А тут как-нибудь перебьюсь. Вы знаете, что на Руси *как-нибудь* играет очень важную роль вообще.

О Вашем Посошкове похлопочу у самого председателя сегодни же, может быть. Из приложенной записки

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 12 ноября».

** пришел, увидел, победил (лат.).

*** в глубину сцены (франц.).

Вы увидите, что Загваздины спасены: ошибку в настоянии слагают на редакцию закона. Я Вам пришлю копию с последнего отзыва суда. Записку мне возвратите с верною оказиею. Если увидите Загв[аздиных], спросите, не взял ли у них что Попов, человек тоже кастратический. Он что-то заговаривал о «благодарности», я сказал: благодарят путь бога! Я боюсь, чтобы он не зачернил меня, вместо благодарности, в глазах Гавас[ины]х. Скажите им, что его посредства тут ни на волос не было.

Общие вести грустны, грустны и грустны. Даруй, господи, чтобы и этому злу был скорее кризис. Интересно в высшей степени, чем кончится попытка врагов против Николаева [3].

По письмам коммерческим с Востока нашего, за Мур[авьевым] отправился пароход, вновь выстроенный. Ждут.

Простите — обнимаю Вас от всего уважающего Вас сердца

В. Штейнгейль.

Всем товарищам поклон. Евген[ию] Пет[ровичу] скажите, что его Семенова [4] направил на кратчайший и верный путь.

119. И. И. ПУЩИНУ

3 ноября [18]55*

Из записки прилагаемой увидите собственноручный ответ предс[едателя] о Посошкове — и доказательство, что везде дела делаются одинаково.

Удивило меня вчерась письмо Шешукова с предъявлением на мои услуги права, потому только, что знал моего шурина и зятя, по племяннице. Это бы и ничего, да та беда, что забывает мои 73 года, с которыми на плечах тяжело таскаться по квартирам советников и начальников отделений, с которыми даже и не знаком близко. Попросите его, чтобы он извинил меня. Всего лучше написал бы к Н. И. Бел[яеву?], с которым он знаком и которого ходатайство у этих лиц не может быть не уважено [1].

Видели ли Вы вице-адмир[ала] Путятина, проскакавшего в П[етер]бург и, след[овательно], вырвавшегося из Японии? Это очень интересно. Возвратился ли с ним Н[иколай] Н[иколаевич]? [2]

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 7 ноября».

Две почты не привезли, по крайней мере, ничего худшего; и слава богу! За зиму надо ждать какого-нибудь кризиса. Вот, чем-то кончится попытка против Николаева? Замечают, что Крым теперь шашешница.

Свадьба моего сына будет в этом месяце, и потому полагаю — 6[-го] или 9-го. Я получил от него письмо, которым все-таки просит моего благословения, несмотря на предварительно данное. Правила его тверды, мысли благородны — отцу только радоваться и благодарить господа.

Как ни тесно, но к Корч[емкину] писать еще не решился; писал, да не о том. Эти вещи не объясняются: надо знать их тягость.

Другая радость, о которой не договорил, — это вызов бар[она] Штакел[ьберга] взять вместо сына моего «Оню», с тем, чтобы сделать человеком. Он и взял уже. Через год думает ехать в П[етер]бург. Разумеется, как бог это все устроит[3].

Расписку возвращаю.

Всем почтенным товарищам мое душевное почтение. Обнимаю Вас от всего сердца.

В. Штейнгейль.

P. S. Александре Васильевне почтительнейший привет.

120. И. И. ПУЩИНУ

10 ноября [1855]*

Из возвращаемых двух Ваших записок, любезнейший друг, с надписями, увидите — исполнение. Третья, о крещении девицы[1] — у Вакара. Затруднение в справке оттого, что не означено, из какой губернии был ее отец, да и года точно не означено. Если по Приказу не отыщут, обращусь к Духовн[ой] конс[истории]. Шешукову скажите, что если, при *дополнении* требуемом, не успеет отделаться, то прислал бы просьбу к губерн[атору]. Как же он хотел, чтобы без просьбы уволили его от служения? Уведомьте меня о последствии; тогда похлопочу; Вы — дело другое.

Жду от Вас извещения о проезжем Путятине. Наконец Клейнм[ихель] устранен. В Николаеве, по письмам, строго управляются со злоупотребителями. Ген[ерал]-

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 14 ноября».

лейт[енант] ... как бишь его?.. Поляк, привезен в крепость[2]. В «Le Nord» пишут из П[етер]б[урга], что и Корф предан будет военному суду[3]. Грех было бы поступить иначе.

Зима устанавливается, сегодни 14°, и я победрее. К Корч[емкину] все еще не решился писать, хотя обстоятельства крепко нудят. Береста корчится же на огне, почему мне не покоробиться на морозе? Как-то теперь легче сносить всякую скорбь, как вообразишь, что многие тысячи терпят!..

Всем добрым товарищам и Александре Васильевне мой сердечный привет. Вас от всей души обнимаю

В. Штейнгейль.

121. И. И. ПУЩИНУ

12-е ноября [18]55*

Убил бы меня бог, если б на секунду усомнился в Вашем сердечном участии во всем, касающемся до меня. Предположение Ваше справедливо: если свадьба не была уже 6-го, то будет завтра. Сказали мне, что в ноябре, сл[едовательно], некогда уж больше.

Список с мнения послан от 3 числа э[того] м[есяца], стало — уже у Вас. Он не совсем-то был приятен, но кто же виноват?

Благодарю за вести с нашего Востока[1]. Да, уж не говорите, как тотчас не задумать летучего парохода, когда частные люди здесь успели сделать. Так уж, видно, печь печет. Задний ум — русская принадлежность. Что бог даст далее!

Пишу это наудачу; не знаю, застану ли вашего нового судью[2]. Вчерась был буран, не мог его посетить. Вы уже знаете, по мне, это семейство; потому уверен, что примете ласково; но — не неволю: всмотритесь.

Третьего дни к Вам писал, то теперь и сказать нечего. Вот дни через два начнется пост, след[овательно], вопли, песни — с горя. Таков уж русский человек. А грустно со стороны. Есть распоряжение М[инистерства] вн[утренних] д[ел] о мерах против лекарей в этом случае; но, как здесь я уже слышал, выйдет вместо «один баран тащи» «три баран тащи». Коли в нравственности не запасено, тщетны предупредительные меры[3].

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 19 ноября».

Всем добрым товарищам и Александре Васильевне душевный поклон от старца

В. Штейнгейля.

P. S. Да, *юноша*[4], как Вы называете, успел уладить, что мой «Оня» ходит в гимназию; а там, как бог устроит! Между тем и с этой стороны я несколько попокойнее.

14-го, четв[*ерг*]. С этим письмом я не застал уже С. И. Сененко; он укатил. Накануне была такая погода, что в даль идти не было возможности. Жалел очень, да как быть.

Из отосланных к Вам записок Вы видели, что напрасно извинялись за Шеш[укова]. Мне не то было странно, что он меня просит, один раз только меня видевши, а то, что назначил лица, к кому сходить с просьбою. Неумно! Необдуманно, по крайней мере.

За известия о Пут[ятине] много Вам благодарен; за Вячеслава вдвое. Поручение Ваше относительно «юноши» исполнил тотчас. Он искренне был рад и сказал, что без того не уехал бы, не видавшись с Вами. Он так Вас уважает.

Меня порадовала весть, что г[осуда]рь был в Крыму, и даже в главн[ой] квартире на горе *Мякензия*. Запад этого не ожидал и, конечно, изумится. О деятельности в[ел.] к[н.] Конст[антина] утешительные слухи[5]. Помоги ему бог!

Намереваются во II Отд[елении] в[ысочайшей] канц[елярии] исправить узаконения о судопроизводстве и требуют замечаний о недостатках настоящего. Как водится, «не знают, что на это сказать» — министру юстиции. Вот что называется «лучше поздно, нежели никогда». Дай бог успеха. Увидим, что из этого выйдет[6]. Хочу попытаться изложить свои мысли: сегодни встал даже в 5[-м] часу, и то провертевшись без сна, и шумит в голове. Жилище мое так неудобно для занятий, что не знаю, успею ли?

Обнимите добрых товарищей и Александре Васильевне засвидетельствуйте сердечный поклон старца

В. Штейнгейля.

Вой и песни начались уже, думаю, и у вас тоже. У нас Парасковья Егоровна что-то начала прихварывать. Ее огорчило письмо о «благородной беседе» Н. Н. Ан[нenкова] с ее зятем![7]

Если познакомился с вами судья, скажите ему и всему семейству мой поклон и то, что я пожалел очень о внезапном отъезде.

122. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

18-е ноября [18]55

Написав к тебе, мой брат и друг, от 21 окт[ября], я удержался ответить на твое красное-прекрасное письмо, полученное 28[-го]; удержался до извещения от своих петербургских о совершении свадебного дела — о довершении моей радости, может быть теперь не последней в этой жизни, если год проживу с моими скорбями. Вот пришел молодой человек, исполненный к тебе благодарности и привязанный сердцем, и принес свое к тебе писание с тем, чтоб и я к тебе приписал, что и творю[1]. Что же сказать?

А вот что: я до глубины души был тронут известием, с прошлою почтою полученным: «Государь был в Крыму и даже посетил Мякензиеву гору и стан». Воображаю, какой дух влило это в наше христолюбивое, многострадальное войско, отстаивающее каждый шаг Тавриды.

Известно ли тебе, что проехал Путятин, чудесно избежавший из рук стрегших его врагов? Часть, однако ж, экипажа, бывшая на другом судне, попалась в плен, прочих оставил на Амуре[2]. Больше в другое время переговорю.

Жду, как ворон крови, известия о последствии преднамеренного свидания твоего с М[ихаилом] Як[овлевичем][3]. Двояко мне интересно, с материальной стороны и нравственной. Не умею сказать, с которой больше.

Прости. Да хранит тебя сама матерь божия на многие лета!

Друг верный и брат истинный

В. Штейнгейль.

123. И. И. ПУЩИНУ

3 декабря [18]55*

За три листка теперь должен Вам, любезнейший друг Иван Иванович, за которые преблагодарен, и за последний вдвойне. Да наградит Вас господь.

---

* Помета И. И. Пущина «Пол[учено] 6-го декабря».

На 1-й от 16 нояб[ря]. О Месц отдал записку доброму Ал[ександру] Ал[ексеевичу] Вакару. Он обещал «постараться». Потерпите. Чуть ли не право Ваше неверие: слух о дивиз[ионном] нач[альнике] не подтвердился, как и о смерти Черн[ышева] и пр.[1] Матвей Ивановича не умел поздравить со днем ангела, то поздравляю с деньгами: получены 300 р[ублей] сер[ебром]!

На 2-й от 21-го. Никак не понимаю того, отчего не получили письма моего от 3 нояб[ря], что тем для меня больнее, что тут же возвратил Вам Посошкова расписку. Оказии, кажется, никакой не было, стало, послано в штемпелевом.— О! набор и у меня перед глазами: зло,— но неизбежное! благодарность «благодетелю» общему! Да простит его господь! Le suffrage universel* меня позабавил[2]. Но чтоб не было вовсе сожалеющих, не в натуре вещей.

На 3-й от 28[-го]: Я не сомневался в Корч[емкине], но решился ли бы сам адресоваться, право, наверное сказать не умею. Получу как бы от Вас, вдвое легче. Список с решения последнего или ответного на предложение нач[альника] губ[ернии] прилагаю. Сейчас сам переписал. С Попов[ым] бог знает, когда увижусь, да и не стоит он, чтобы объясняться: знал бы Гавас[ин], что обманут. Впрочем, поделом: идучи по нашей дороге, плутов на помощь созывать незачем.

У Пав[ла] Серг[еевича] вчерась был. Почту прочитывали и много потолковали. Есть перевод Иннокентиевой речи государю в «Le Nord»[3]. И на крайнем Востоке другой соимянный святитель подвизается рельефно[4]. Что-то странное на пределах России совершается. Думаю, читали.

Чрез бар[она] — относительно которого Ваше желание исполнил, — знаю, что сын действительно 9-го числа женился. Посаженым отцом был сам герц[ог] Ольденбургский[5]. Я письма ни от кого еще не получил: жду нетерпеливо. Шаферами были маркиз де Траверсе и Паткуль[6], состоящие при «особе». Странное столкновение наше. Что бог даст дальше. Обнимаю Вас.

Свечеряло. Григ[орий] Ив[анович] хотел выехать, и потому извините торопливой нескладице.

Всем душевный привет. Вас сердечно обнимаю

В. Штейнгейль.

---

* Всеобщее одобрение (франц.).

P. S. Да! получил письмо от о[т]ца Василья. Он подвизается похвально. Приятно видеть плоды посева.

124. И. И. ПУЩИНУ

8 декабря [18]55*

Наконец, 4[-го] числа повечеру и я получил письмо от «молодых», еще экстазное, как и обыкновенно бывает — при входе в бальную залу. Даже добрая моя старуха пишет, восхищаясь, что не сконфузилась при встрече принца, который был и вежлив и внимателен и уехал после чаю. Сын пишет, что и его, за добрые дела, господь наградил радостью: 13-го числа была помолвка его дочери принцессы Александры за в[ел.] кн. Николая Николаевича[1]. Итак, эта свадьба будет домашняя, что, при теперешних особенно обстоятельствах, очень хорошо. В самый день свадьбы сына, т. е. 9-го, прибыл в[ел.] кн. Константин, и потому Врангель не мог быть посаженым отцом невесты, а его место занимал в церемонии директор Морск[ого] корп[уса] Давыдов[2]. Это какая-то новость в обряде, которой не понимаю надобности. Скоро должен быть, проездом в Омск, один из шаферов — маркиз де Траверсе; от него узнаем подробно; так пишет мой сын. Маркиз дал ему слово ехать чрез Тобольск. Вот все, что могу сообщить Вам, надеясь доставить удовольствие.

От Корч[емкина], кроме брульонов черновых переводов с статей Сент-Анжа, ничего еще не получил. Посредственное лицо — г. Плаксин должен ехать в Березов, и потому опасаюсь, что дело замедлится.

В городе молва носит или вернее — разносит скандалезную историю: владыко наш возится с своею племянницей; высек и преследует дьякона, регента певчих, ее кума, оподозрив в заповедном сношении. Пред этим фактом он приглашал меня, и я ему дал совет презрить слухи; он, казалось, был доволен и поступил иначе. Какое будет последствие, увидим. Подержите это покамест за собою. Жаль и крайне прискорбно. Дьякон отправил просьбу в Синод и гр[афу] Орлову. Роль архиерея тут вроде Фроло — и в какое время!

Всем добрым товарищам сердечный мой привет и Александре Васильевне. Вас душевно обнимаю.

В. Штейнгейль.

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 11 декабря».

P. S. Губерн[атор], от флюса, все еще не выезжает, а намерен с 20-го ехать в Обдорск. Молодой барон и полицм[ейстер] Кувичинский ему будут сопутствовать, взяв отпуск.

125. И. И. ПУЩИНУ

20-е дек[абря] [18]55*

Прежде всего поздравляю Вас, любезнейший друг, с первою отрадною вестию — с покорением так много жизней стоившего Карса. Дай бог, чтоб это было кризисом этой несчастной варварской войны. И в П[етер]бурге была велия радость, видно. В самой Европе это сделает впечатление немалое, особенно если последствием будет — разбитие пресловутого генералиссимуса Оттоманской империи, как того ожидать можно [1].

В наш XXX-летний юбилей и мы мысленно были с вами. Мы — т. е. трое [2]. В 11 ч[асов] я был уже у Петра Ник[олаевича]. Обнимаю, поздравляю и встречаю — удивление и «с чем?». Они забыли, что 14-е. Расшевелились и вместе выпили — «нашей порционной для сохранения здравия». Петр Н[иколаевич] было расходился, но ему надо было к губернатору, и мы остановились на третьей. Нельзя же без троицы. В «Indépen[dence] Bel[ge]» Вы, вероятно, читали о 25-летии в Варшаве и об ожиданиях. Последние выразились на сенаторе голубою полосою; но он не страдал; будет ли что для страждущих? [3] Это еще вопрос вроде восточного, от решения которого все еще отказываются.

В то воскресенье, 11[-го] числа, мне был очень приятный сюрприз — письмо родственное от почтеннейшей дамы Людм[илы] Иван[овны] Рикорд. Она** пишет, что покойный [4] всякий раз, как она приезжала к нему в Кронштадт, спрашивал***, имеет ли Пел[агея] Пет[ровна] от меня письма и здоров ли я. Хвалит Вячеслава, говоря: он «имеет все прекрасные качества ума и сердца, поставляющие человека выше толпы людей, и будущее счастье новобрачных, по расчетам человеческим, несомненно». Прибавляет, что он был всегда ее любимцем. Поздравляет меня с невесткою, во всех отношениях достойною быть подругою Вячеслава. Согласитесь, что все это

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 26 декабря».
** В тексте ошибочно: он.
*** В тексте ошибочно: спрашивала.

должно было отрадно действовать на душу, на сердце и на самый дух.

Из Иркутска мне пишет Краснокутский, бывший окр[ужной] нач[альник] в Таре[5], человек честный и добрый и, стало, в должностях непрочный, что для ген[ерал]-губер[натора] готовятся в Оёке и в городе, для встречи его, иллюминации. Письмо от 28 но<ября>.

Теперь о деле. Вакар уверяет, что пересмотрели все книги с 40-х годов и не нашли искомого. Вот что он предлагает: пусть городничий или исправник — у кого девушка в ведении — затребует от Приказа формально сведение о ее вероисповедании, тогда он отнесется формально в Ревель. У острожного священника не надеется добиться толку. Что на это мне скажете?

Хорошо ли будет переслать Гав[асину] список, ведь это канц[елярская] тайна, а на скромность полагаться, без крайней нужды, опыт не советует. Впрочем, как знаете.

Относительно Пел[агеи] Петр[овны] и Вячеслава поручение Ваше исполнил. Уверен, что это доставит им удовольствие, и очень немалое.

Недавно, к разговору, барон мне сказал, что у Вячеслава есть список с моего письма, которое я писал к «самому» из каземата. Ему доставил Ал[ександр] Иван[ович] Тургенев[6]. Это меня очень порадовало. Значит, не пропадет же высказанное. «Revue» — уж, конечно, здесь не отыщется; но каким образом Вы одни могли попасть в него, и так позд[н]о; это в самом деле курьезно. Если дознаете, скажите[7].

Влад[ыко] выказал себя достойным времени Торквемады. Истинно жалок и гонимый — и гонитель. Увидим, чем это кончится.

В воскресение освятили возобновленный т<еп>лый собор; а вчерась в церкви Благовещения, после вечерни, убили 2-х трапезников, топивших печки, и ограбили деньги! На двух месяцах два двойных убийства! Как хотите говорите, а бумажное управление, необходимое для секретаря, непригодно для начальника губернии. Пожалеешь и о Тихоне Федотовиче![8]

7ч[асов] вечера. Сказывал Пав[лу] С[ергееви]чу порученное. Он хорошо объяснил *неполучение:* из Златоуста письмо должно было уйти в Уфу; из Бирска тоже, стало — полу́чатся вместе с казанским, если писаны. Книжки Ваши он полагает лучше переслать уже с Н[иколаем] Ва-

с[ильевичем][9]. Я и забыл поблагодарить Вас за доставление мне удовольствия прочесть последние две. В одной автор — в конце, кажись, зарапортовался; в другой речь Гюго[10], и вообще нападки с плеча Санхо (Саншо—Санчо) на Л[уи] Нап[олеона] замечательны; вот что называется «валяет». А «Васька слушает да кушает на здоровье». Но сметь этак побранить все-таки отвод души.

Плаксин уехал до Демьянска и ранее 3-х недель не будет. У меня, благодаря бога, к самому моему положению какое-то равнодушие. Много значит — от сердца «да будет воля твоя»!

Эти строки думаю послать с молодым офицером, которого прошу приласкать и наблюсти. Он — Темнов Илья Александрович.

Обнимаю Вас мыслию, духом, сердцем и с Вами всех добрых товарищей, с желанием — в 31-й раз «нового счастия».

В. Штейнгейль

126. И. И. ПУЩИНУ

28 декабря [18]55*

Признаюсь, грешный человек, несколько усомнился в искренности доброго Вакара; но сегодни он меня уверил, что он точно старался исполнить мою просьбу: нашли Мёоца с детьми в 1845 году. Анна показана тогда 9 лет— и все лютеранского исповедания. Чтобы решить вопрос о крещении, Вакар настоит, чтобы кто-нибудь написал официально, тогда формально заставят справиться по церковным острожным книгам и по переписке. Не для чего уже писать и в Ревель. Теперь ясно, что если дети в православии, то уже здесь миропомазаны. Стало, дело это я зачислю «порешенным». Уведомьте только, когда напишется в Приказ. Впрочем, он, сиречь Вакар, и сам мне тотчас скажет. Немного людей, так готовых на добро, как он.

Надеюсь, что уже Темнов доставил Вам письмо мое и посылочку к о[т]цу Василию: да препояшется работою моей Маши. Хорошо он сделал, что не приехал сюда на праздник: по пустякам бы здесь прожил.

Сегодни получил от Людмилы письмо с приложением

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 2 января».

от Владимира к ней. Ужасно жалуется на польские кантонир-квартиры. Самое хорошее то, что Людмила с уверенностью говорит о Кон[стантине] Ив[ановиче] Иванове как о будущем сослуживце Вячеслава и уже приискивает для них квартиру в соседстве. Я очень рад такому способу взаимного вспомоществования. Но никак не может утерпеть, чтобы не увлечься надеждою; вот ее слова: «Я сегодн[я] (11 дек[абря], воск[ресенье]) так усердно молилась у мощей св. Алекс[андра] Нев[ского], что верю, что Новый год, может быть, улыбнется и нам чем-нибудь радостным; до тех пор берегите свое здоровье!» Довольно наивно; не правда ли?

Что Вам еще сказать? Да, наш начальн[ик] губ[ернии] — действ[ительный] ст[атский] сов[етник] и утвержден губернатором: это пишет его тесть к его супруге [1]. Вероятно, завтра и газеты это скажут.

Теперь подивитесь; впрочем, дивиться нечему: со мною, не с кем другим сбылась пословица: где тонко, тут и рвется. Дело вот в чем: приезжая из Тюмени, племянница М. В. Корч[емкина] передала знакомой мне племяннице же Плаксина, что Михайло-де В[асильеви]ч дал своей супруге письмо к Вл[адимиру] Ив[ановичу], но она забыла, куда его положила, и никак, по приезде в Тюмень, отыскать не могла: такая-де досада! Мне—перед богом!—нисколько не досадно, а горько-смешно: такая уж планета! В России многое совершается как-нибудь; почему мне не просуществовать как-нибудь — до милостынной сотни. Обещают не затянуть [2].

Передайте мое поздравление, с усерднейшими пожеланиями, добрым, почтенным товарищам на Новый год, и Александре Васильевне особенно. Вас сердечно обнимаю—до гроба неизменно уважающий и любящий

В. Штейнгейль.

Вот хорошо! Самую важную вещь забыл. Сегодня познакомился с Инн[океntием] Вас[ильевичем] Почекуниным и с удовольствием услышал, что в Тобольске будет университет! [3] О гимназии в Омске получено утверждение, с условием постепенного введения.

От Бат[енькова] получил вчерась письмо. По кончине Вас[илия] Львовича [4], он называет себя «среднею вехою». Здоров, только что-то по домашности хлопочет много.

127. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

1856 января 2-го

Тебе, мой друг и брат, первому пишу с новою цифрою. Признаюсь, другого значения и не вижу в этой перемене: или каждый день новый год, или в «новом» ничего нового и поздравление, между нами особенно, дело, право, совершенно лишнее!

Твои строки от 9 дек[абря] получил 24[-го]. Обрадован проездом Марии Казимировны; в Ялуторовске ее давно ждут. Я просил общего друга И[вана] И[вановича] помирить нас. Это история длинно-неприятная, да и не к чему при выходе почти со сцены вспоминать о ней.

Я и не сомневался, что ты примешь живое участие в устроении моего потомства. Молодою не нахвалятся. Людмила Ивановна Рикорд, ее крестная маменька, удостоила меня очень лестным и милым письмом, в котором между прочим пишет, что покойный Петр Иванович всякий раз, как она его посещала в Кронштадте, спрашивал: «имеет ли Пел[агея] Петр[овна] известие обо мне и здоров ли я?» Согласись, что это приятно. Я отвечал ей, и официальным путем. В последнем письме моя Людмила пишет, что надеются радости на новый год. Не увлекаюсь *оною*. Если это в том же роде, как манифест для поляков, по случаю 25-летия с 1830[1], то лучше и спокойнее дождаться здесь вожделенной смерти. Во всяком случае по финансовой части беспокоить уже тебя не буду; да и ты никого не «шевель». У Ядр[инцева] умерла не моя крестница, а Саша; моя — Катинька, и та предназначалась только. Приехал к нему, вероятно, ревизор.

А вот чему порадуйся: в Тобольске будет Сибирский университет; государю угодно этим ознаменовать свое посещение. В Омске учреждение гимназии уже утверждено, с постепенным введением. Думаю, ты заметил, как порадовались в Моск[овском] университете при объявлении, что число учащихся *не* ограничивается уже[2]. Видно убеждение, к чему ведет отставание от прогресса. Слава богу! Обнимаю тебя всею душою

В. Штейнгейль.

128. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Пятница, 3-е февраля [18]56

Отклик твой, любезнейший брат и друг сердечный

мой, получил 1-го ч[исла] с[его] м[есяца]. Благодарю от всей души — и за начертание, и за содержание его, так убедительно доказывающее твою неизменяемую дружбу ко мне.

Я так освоился с глубоким смыслом выражения молитвы господней «Да будет воля твоя!», что ни в каком случае унынию не предамся. Жизнь не разлюбил, но и смерти не боюсь, готов даже с Троватором петь:

Oh che la morte ognora
E tarde nel venir!*[1]

Душевно рад, что дела по твоему хозяйству приустроились — к твоему успокоению. При дружеском посредстве нашей «Маремьяны — старицы» и я с нового года несколько пообеспечен 20 р[ублями] с[еребром] в месяц от благотворной щедроты одной особы, обоим нам знакомой[2]. Вижу тут устроение божие: воздание за добро, какое всегда старался делать ближним, когда и как мог. Этот долг не пропадает. О, как я это испытал в течение 20 лет, что выпущен из клетки.

Дружеская фантазия твоя о взаимном навещании останется фантазиею. Это не наше. В нас с тобой недовольно аристократического элемента: куда желать удовлетворения того, что могут назвать прихотью, лишь бы не шевелили на месте, куда приютили! Между тем одно из писем моей дочери начинается словами: «Все сдается, что мы еще свидимся в этой жизни». Наш неподражаемый в благотворной деятельности «Иван», как ты его называешь, тоже пишет, что «все нас *стращают* скорым возвращением всех». Надобно подождать, последнее ли это обольщение надежды.

Кстати тебе сообщить нечто, чему ты не менее обрадуешься, как и Пущин обрадовался: я получил письмо от своего свата! Вот его содержание от слова до слова.

«М[илостивый] г[осударь] Вл[адимир] Ив[анович]! Позвольте иметь честь отрекомендоваться отцу Вашей новой дочери и просить расположения к ее семейству и полюбить дочь мою так же, как я люблю Вашего сына, во всех отношениях достойнейшего молодого человека. Если истина, искренность, сердечная взаимность и обоюдное уважение может почитаться порукою земного счастия, то

---

* О, смерть всегда приходит поздно (итал.).

дети наши, с благословением божиим, будут счастливы. Соединимте же мольбы наши к всеблагому создателю об упрочении этого счастия, которое, конечно, надежнее всех благ преходящих.

Принятый, как родной, в доме незабвенного для меня Петра Ивановича Рикорда, я знаю Вас потому, что он уважал Вас искренно. Старый моряк, я не научился скрывать чувств своих, и потому поверьте, что к полному счастию двух семейств, соединенных богом, недостает только Вашего присутствия, почтеннейший Владимир И[ванови]ч.

Повторяю просьбу о родственной любви Вашей к нам, верьте в чувства истинного уважения нашего и преданности, с коими имею честь быть Вашим, м[илостивый] г[осударь], покорнейшим слугою. Петр Анжу». 19 дек[абря] 1855.

Уверен, что, читая эти строки, ты не один раз хотел бы обнять благородного Анжу... Я отвечал ему «без чинов и формы» — родственно, как бы тебе. На счет желания «моего присутствия» я выразился, между прочим, так: «Всему есть своя мера, всему есть свое время: первая переполнена, второе ушло». Вообще интересно мне, как он примет мое письмо. Уж конечно передам тебе все аккуратно.

Странный феномен: недели чуть не три ли постоянно дует, едва изменяя силу, ZO-й ветер, при довольно ясном небе и при температуре от 12 до 20° Р. Дороги заметает, и почта опаздывает сутками и более.

Кланяйся Ольге Павловне. Если знаком — да как не быть знакомым — с Филос[офом] Алексеевичем, то уверь его, что мое уважение к нему ни на гран не изменилось. Обнимаю тебя от всего сердца

В. Штейнгейль.

Запечатываю в доме мамаши нашего юноши, который благодарит за привет.

129. О. В. АНДРОНИКОВОЙ

22-е февраля [18]56

Не прошло двух часов, как Елисавета Лукинична обрадовала меня, прислав милое письмо Ваше, вселюбезнейшая Ольга Васильевна. Мильон благодарностей от всей

души моей и сердца! Нельзя быть более обязательною. Честь и слава Вам! Хоть намерен был, и нужно было, идти к Румянцевым, с которыми я довольно теперь сблизился, но остался дома, чтобы иметь удовольствие безотлагательно Вам ответить[1].

Прежде всего особенную сердечную благодарность примите за посещение моей столичной семьи и за доставление им того удовольствия, какое выражают они в своем уведомлении о том. По портрету зятя, убежден в совершенной искренности Вашего рассказа обо всех и каждом. Можете вообразить, как мне приятно то, что все они Вам понравились, но в семье должен быть и оправдатель пословицы, слишком известной; все равно с физической ли стороны или с нравственной. Вот (;)[2] в помысле о возможности свидания. Лицемера сыграть роль выше моего уменья, а нанесть огорчение моей доброй Юлии было бы для меня убийственно столько же, как и грешно. Впрочем, несмотря на их надежды, о которых и мне намекают, я уверен, что ничему не бывать. По двум причинам я в этом почти убежден: крепость моего здоровья вдруг стала мне изменять; хожу, и все кажется, что валюсь. Уповаю, однако ж, что господь не лишит меня христианской кончины; крепко об этом молюсь. С другой стороны, при всей благости сердца государя, не дадут оказать полной милости и забвения прошедшего; а из-под надзора под надзор, перед смертию, переезжать не стоит труда, как ни обольстительна мысль и порыв чувства обнять милых сердцу, и для чего? — для большего их огорчения!.. Но, кажется, Вы уже знаете эту мою мысль и не соглашались с нею; но я не могу переубедиться. Вообразите, что и о Павле Сергеевиче, об этом святом человеке, уважаемом целым городом, сказано: отправить в Тул[ьскую] губерн[ию] «под строжайший надзор!..»[3] Воля Ваша, тяжело!.. Но увидим. За свои чувства, с моим сердцем, нельзя ручаться.

По сватовству, Вы уже писали Вас[илию] Алекс[андровичу] то же, что мне изволите передавать[4]. Завтра же по принадлежности сообщу претенденту — уже статскому советнику. Вы упоминаете о затруднении в согласии ехать в Сибирь; но Ип[полит] Ив[анович] такого мнения, что тогда, при средствах, можно будет получить место и в России. Одним словом — как бог все это устроит. Признаюсь, мне бы хотелось, чтобы он, при жизни моей, вы-

шел из этого положения, которое вредит ему, не прямо, так косвенно.

Напишите, сделайте одолжение, Людмиле моей, где найти Веру Никол[аевну]. Я ей писал старый адрес, но из Вашего письма к детям видно, что она с маменькой уже на третьей квартире.

Сегодни день ангела Петра Павловича. Был у него поутру. Все здоровы. Вы уже, чай, знаете, что бог дал им сына Владимира, и я должен был с Феклой Васильевной обойти, во второй паре, купель — все кум! [5]

Анекдотов из скандалезной хроники Вам не сообщаю: злое — само долетит. Здесь прошел слух, что в Тобольске предположено быть университету; теперь уверяют, что в Томске. Жаль, если это так.

Да, чуть было не забыл: Авдотья Петровна, о которой упоминаете, — Прокофьева по фамилии, жена — вдова надо сказать, покойного директора Росс[ийско-] Амер[иканской] К°. Не можете ли Вы узнать ее *домашний* адрес чрез Конст[антина] Иван[овича] от Юлии моей. О, я очень знаю, что она меня любит. Мне господь помог сделать ей большую и очень большую услугу. Уверен, что любовь ее не уступит никакой родственной.

Ну, простите, полночь близко. Мысленно целуя Вашу ручку, желаю приятнейших снов.

Милым Вашим детям мой сердечный привет — и уважение. У отца архимандрита испросите благословение — Вашему почитателю — старцу

В. Штейнгейлю.

У нас масленица наступила с 4-дневным звоном. В понедельник прочли манифест о бракосочетании в[еликого] к[нязя] Н[иколая] Н[иколаевича].

130. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

4 мая [18]56[1]

Наконец, со вчерашнего вечера, у меня твой пасхальный привет, мой добрый друг и брат. Обнимаю тебя полною сердечною благодарностию: ты меня успокоил. Спасибо! тысячу раз — спасибо! Рассуди сам, что я должен был думать!.. Три месяца тому ровно назад, именно 3-го февраля, я написал к тебе письмо с приложением списка с письма ко мне свата вице-адм[ирала] Анжу, и, зная тебя и как все, до меня касающееся тебя интере-

сует, я ожидал наверное, что ты с первою почтою отзовешься восторгом. Не тут-то было: летят недели, а письма нет, как нет. Между тем с Эйсмотом не встречался и спросить не у кого: «Не знают ли о тебе чего?» Неужели мое письмо то не дошло до тебя? Никогда этого не бывало[2]. Как бы то ни было, слава богу, что ты благополучно здравствуешь!

Умирать необходимо, и мы на близкой очереди, следовательно, ламентация не у места. Вечное блаженство доброму Михаилу Яковлевичу. Можно даже позавидовать, что он так умилительно погасил любовь свою к отечеству. Жаль Февронию Васильевну. Напиши мне, что она думает предпринять[3].

И у моих родных спектомания* не излечима, никак остановить их не могу, чтобы не потчевали меня надеждами и ожиданиями, а твердили бы со мною: «Да будет воля твоя». Пора убедиться, что и нам светит особая звезда. Не знаю, на каком авторитете основаны удостоверения, о которых пишешь, и что значит «увидеть и разглядеть»[4]. Желания доброго, еще юного, упоенного *перспективою* сердца, могут к этому клониться; но допустят ли? вот вопрос. Властосилие должно уступать советам лжеохранительной преданности. Мы с тобою насмотрелись опытов. Мало ли что «Первый»[5] хотел, и что ж выходило? — пшик! вечная полумера. Подождем! Живы будем — увидим, не увидим — услышим. Зла так много, что долго-долго не оскрести его. А в Евангелии сказано: «Аще соль обуяет, чим осолится?» И в последних газетах пример: возле рек крови и бедствий нерадение и попечение о кармане!!!

Вместо скорби о разобщении адресуй на имя ее благор[одия] Феклы Васильевны Шабановой в собств[енном] доме, в Тобол[ьске], и дубль-пакета не нужно. Предупрежду ее. Она из Томска ни от кого писем не получает.

Сюда ждут Иннокентия, архиепископа Якутского и пр. Жду с нетерпением. Я уже знаком с ним, и крайне интересно будет побеседовать с ним о положении востока.

О Молч[анове] не стоит говорить. Жаль Нелиньку; пуще всего жаль этого гетерогенного соединения! Иначе и

---

* Спектомания — вера в призраки (от франц. spectral — призрачный).

думать нельзя, что это случилось при содействии «лукавого». Дивить нечего: где чуть надмение — он тут![6]

1-го мая и 2-го у нас был дождь и снег, и теперь все серо, и только +3°. Вода прибывает. В Кургане и около Ялуторовска наводнение. На дорогах проезда нет. Впрочем, все это à l'ordre du jour*.

Прости, мой брат, мой друг. С нетерпением буду ждать твоего отклика. Твой душою и сердцем до гроба

Штейнгейль.

131. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

28 мая [18]56.

Строки твои, любезнейший мой друг и брат Гавриил Степанович, от 16[-го] получил 26[-го][1]. Спасибо от сердца за скорый ответ, т. е. за скорое написание, а в медленности доставления виновата почта или те элементы, с которыми она встречается.

Крайне жаль, если ответное твое письмо попало в чужие руки — от неосторожности; все еще спускать рукава не время: щуки нет — зубы остались.

Приятно мне, что добрый, благородный мой сват тебе так хорошо знаком. Я думал, однако ж, в том и ему сознался, что наша переписка разменом двух писем и кончится. Вышло не так, к моей сердечной радости. Вот что написал он мне от 13 апреля.

«Давно сбирался писать к Вам, искренно уважаемый Влад[имир] И[ванови]ч, отвечать на В[а]ш вполне родственный отклик, благодарить сердцем за сердцем сказанные чувства; но служебные и другие житейские хлопоты вместе с желанием сделать В[а]м приятное посылкою портрета моей, теперь и Ва[ше]й Людмилы отвлекли до сей поры от этого удовольствия.

Теперь же, прежде всего, примите мой братский поцелуй во Христе воскресшем, да передаст он самые искренние желания В[а]м здоровья и возможного счастия, всю любовь, какую только человек может питать к своему ближнему по чувству искреннего уважения.

Мы здесь, конечно, если богу угодно будет, встретим свет[лы]й празд[ни]к все вместе. Семейный кружок мой довольно большой, и к нему два раза в неделю присоединяются Вяч[еслав] с Люмой, а иногда, по силам здоровья, и добрейшая Пел[агея] Пет[ровна] с милой Люд[милой]

* в порядке вещей (франц.).

Влад[имировно]й, а один день мы бываем у них. Таким образом проводим время почти нераздельно, и я веселюсь, смотря на улыбающуюся молодость с ее светлыми и доверчивыми надеждами на будущее. В эти минуты вспоминаю с грустью о В[а]с, нашем далеком друге, о словах Ваших, полных христиан[ско]го само[о]твер[жени]я и покорности. Больно было читать: в них сказалась вся исповедь мучительно изжитых дней.

Благослови Вас господи и избави детей наших от подобного тяжкого испытания. Портрет Люминьки вышел похожим на оригинал, но только недостает ее улыбки. Ксения Ив[анов]на свидет[ельствует] Вам душевную родственную любовь и глубочайшее почтение.

Прощайте, наш родной и уважаемый Вл[адимир] И[ванови]ч, верьте, что имя В[а]ше живет в нашей памяти и в наших серд[ечны]х моли[тва]х о Вас богу; верьте искренно-душевной преданности и уважению всегда всем сердцем Вашего П. Анжу».

Уверен, что для твоих чувств не напрасно передаю тебе все от слова до слова. По портрету моя невестка — нечто ангельское. О, да утвердит господь на них мое благословение. Благослови и ты. Мы все-таки из тех, которых господь назвал «своими меньшими!» А ты еще говоришь: «отталкивать крест свой»[2]: я на 1-ю ст[епень] Георгия теперь не променяю. Осталось «претерпеть до конца». Возгласы меня не увлекают: смешно бы было при нашей опытности. Чего ни ожидали при начале, и — чем кончалось!.. А кстати: ты и не ответил мне на вопрос, который повторяет «Маремьяна»: из какого источника почерпнул ты, что хотят нас «разглядеть»[3] — и как? Не в луп ли? Ведь мы слишком крошечны в понятиях этой огромности — этих Микромегасов[4].

Благодарю бога за тебя, что ты не скучаешь и имеешь возможность соблюдать свой комфорт, благотворя другим. Мое положение не таково; но я как-то приучился «бремя необходимости сносить без ропота» — и потому не тягочусь ничем. Немного уж осталось. Кто замечает, что «тесно» живу, тем отвечаю: легче перебраться в бо́льшую тесноту вечной квартиры.

Из Питера, от своих, после 13 апреля не имею вести; даже Хр[истос] в[оскресе] никто не сказал, кроме Юлии с Надиной. Впрочем, у сына хлопот много. Он теперь и директорствует. Миллер отправился за границу[5]. Надо

тебе сказать, что я строго держусь правила — не пенять никогда за «не пишут». Укоризны — дурное средство вводить себя в память сердца. Не так ли?

Политики — не касаюсь. Многое смешно, многое жалко, многое... но время лучше определит.

Прости, мой друг и брат! Крепко обнимаю тебя духом. Твой неизменный

В. Штейнгейль.

P. S. Да! Уведомляя своих о разлуке с Павл[ом] Сер[геевичем] Пушкиным, я написал, что это человек всеми уважаемый в городе и, смело можно сказать, «святой»,— и что он отправлен под «строжайший надзор полиции»; но он поехал —в объятия сестры. Я ждал, что будет с этим намеком, и, к удивлению, не менее и к успокоению, получил известие, что это письмо доставлено, как следует.

Теперь жду нетерпеливо, что скажут на замечания мои относительно статьи, напечатанной в «Морском сборнике» под рубрикой «Адмир[ал] П. И. Рикорд». Дойдет ли она по направлению [6]. Прости! Прости!

Да, сюда прибыл зять ген[ерал-] губ[ернатора] Ал[ександр] Ник[итич] Лещов [7]. Вчерась, возвратясь домой, нашел его карточку с загнутым углом. Все это как-то странно!

132. АЛЕКСАНДРУ II

Тобольск, 22 сентября 1856 года*

Государь!

Вы спаситель наш: исцелили, очистили, восстановили — «отпустили скорбныя во отраду». Как некогда господь от самарянина, примите от старца хвалу благодарения [1]. Отселе — душою, сердцем, мыслию, всеми моими чувствами, до последнего издыхания, принадлежу Вашей славе.

При первом освобождении моем из заточения потребностию моей души было испросить христианского прощения у блаженной памяти — государя родителя Вашего, — и государь помилосердовал: изволил отозваться: «Давно уже простил в душе как Штейнгейля, так и прочих государственных преступников», и тогда же всемилостивейше повелел перевесть меня в г. Ишим (отнош[ение] шефа жанд[армов] к ген[ерал-] губ[ернатору] Вост[очной] Сиби-

* Помета о получении: «12 окт[ября] 1856».

ри от 30 декабря 1836, № 4101). Вскоре за тем я был осчастливлен третьею милостию: дочь моя Людмила по высочайшему повелению принята в Московский Екатерининский институт.

Восторженный ныне первым вздохом свободы, дарованной благотворным манием Вашего величества, и — у Вас, государь! дерзаю испрашивать трех милостей:

Дозвольте видеть Москву. Сердцем — и трудами я участвовал в воссоздании ее из пепла и в осушении слез у разоренных и бедных. Без укора совести, открытыми глазами могу глядеть на отблеск ее золотых маковиц. В Москве я сердцем считал выстрелы, возвещавшие благодатное рождение Ваше. В Москве прах моих детей и близких родных *.

Снимите прещение, которого источник — я это глубоко чувствую — не в божественной благости высокого духа Вашего: в Петербурге — жена, дети мои, все родные, и — 30 тяжких лет разлуки, государь! Отверзите только этой мысли высокое сердце Ваше!

Наконец, возвратите мне военную медаль 1812 года**. Даруйте последнюю отраду думать, что она проводит меня к могиле. С чистым влечением любви к отечеству, оставя жену, детей, я нес жизнь мою «За веру и царя!»

Настоящий порыв души — упасть ко священным стопам Вашим, обнять, облить их благодарными слезами, останется до смерти в сладостной мечте. Если это — дерзновение — старцу снизойдете, государь! ***

Вашего императорского величества
всенижайший и всеусерднейший верноподданный
барон Владимир Штейнгейль,
готовящийся отъехать в Тверь****[2].

133. Я. И. РОСТОВЦЕВУ

Тверь, 29-е октября 1856

Ваше превосходительство,
Яков Иванович!

Сын мой передал мне слова Ваши, что Вы рады бу-

* Весь абзац отчеркнут на полях карандашом. Первая фраза абзаца подчеркнута карандашом.

** Фраза подчеркнута и отчеркнута на полях карандашом.

*** Весь абзац отчеркнут на полях карандашом.

**** Строка подчеркнута карандашом.

дете меня видеть. Они влили в сердце мое радостное убеждение, что слава и почести не изменили Вашего сердца; я смело решился прямо обратиться к Вам в настоящем общезатруднительном нашем положении.

Милость государя неизреченна; она должна быть соразмерна высокому духу, которым ознаменовываются все его действия — и была бы для меня таковою, если бы не было прещения на проживание в столицах, из которых в одной заключается все, что на земли драгоценного моего сердцу. Поэтому я дерзнул в излиянии благодарных чувств просить его величество о снятии этого прещения, письмом из Тобольска, еще от 22 сентября.

Вы близко предстоите престолу; если сердце Ваше готово уже отверзстись воспоминанию, будьте ходатаем: доставьте мне удовольствие быть Вам обязанным за ускорение счастья возвратиться к семейству, после — страшно вымолвить! — тридцати лет тяжкой разлуки!..

С воскресшими в полной силе чувствами уважения и преданности имею честь быть

Вашего превосходительства покорнейшим слугою

барон Владимир Штейнгейль[1].

134. И. А. АННЕНКОВУ

СПб., 12 дек[абря 18]56

Наконец по преодолении многих препятствий, с обычным и чрезвычайно необходимым терпением, я в столице; но и в ней поставлен в такое положение, которое требует усугубленного терпения, хотя оно и облегчается редкою любовию родных. Вчерась, напоследок, удалось мне посетить и видеть милую Ольгу Ивановну. Мы с дочерью Людмилой отнесли ей «хлеб-соль» на новоселье, на котором она vis-à-vis с моей Julie, что меня особенно радует. Константина Ивановича не застали; но с ним нередко видимся. Я не хотел до тех пор писать к Вам, мой любезнейший Иван Александрович, пока не увижу Ольгу Ивановну; увидел — и тотчас за перо, пользуясь первою свободною минутою, которых мало. Вот и теперь, пока успел это написать, приходит мой благородный сват прощаться — едет на праздник чьей-то серебряной свадьбы, и поболтали с четверть часа.

Настоящее мое тягостно, будущее темно и неизвестно; но я твердо стою в уповании на благость божию и

думаю, что все-таки лучше быть ближе к разрешению этой неизвестности. Часто здесь это разрешение бывает внезапное. Ольга Ивановна мне сказывала, что Вы хандрите, а почтенная Парасковья Егоровна, глядя на Вас, скучает, крайне мне это больно. Бог знает что бы дал, чтобы вывести Вас из такого положения.

Если точно был вопрос: «Где желаете служить?» — почему не пожелать служить в Твери или Нове Городе; впрочем, первый, железною дорогою, ближе второго. Доказательно, что дети мои, узнав, что я в Твери, на другой же день отправились — и чрез 17 часов были уже в моих объятиях[1]. О! это такая минута, которая стоит быть купленною многолетним страданием. Право, подумайте-ка об этом лучше, да *порешительнее*. Напишите мне, чем Вы затрудняетесь, мы с Константин Ивановичем поищем конца ариадниной нити и авось выведем Вас[2].

До сих пор я не пишу никому, потому что решительно нет дня, в который бы мог приспособить свои мысли к стройному их выражению и заняться настоящим образом исполнением моей сердечной обязанности. Что я напишу, напр[имер], к генералу[3], не выполнив его поручения. К чему служит объяснение «отчего»?

A prèsent, permettez, Madame, que je vous baise la main. Je sens au fond du mon coeur, combien je vous suis redevable pour la bonté, que vous m'a fait, peut étre, chaque jour[4]. Le bon Dieu vous en recompensera. Jusqu'à mon dernier soupir je n'oublièrai votre bienfait. J'espère, que nous nous verrons encore*.

Всею душою уважающий и преданный Вам

б[арон] Штейнгейль.

По начертанию Вы заметите, что я далеко не в нормальном положении: все это «неловко».

Ради бога, заступайтесь, не давайте меня бранить и укорять в неблагодарности. Богом клянусь, не виноват!

* Теперь позвольте, мадам, поцеловать Вашу руку. Я чувствую всем сердцем, сколь обязан Вам за добро, которое Вы мне делаете, возможно, каждый день. Бог Вас вознаградит. До последнего вздоха я не забуду Вашего благодеяния. Надеюсь, что мы увидимся еще (франц.).

135. И. А. АННЕНКОВУ

СПб., 5 марта [18]57

Помнится — это день Вашего рождения, любезнейший, многоуважаемый мною Иван Александрович: от всей души — поздравляю, от всего сердца — желаю, да продлит господь жизнь Вашу в довольстве и спокойствии и в наслаждении счастием детей Ваших, что почти составило бы полное счастие Ваше, какое на этой земле доступно. А то что Вы задумали? — Хворать, да еще как? — озаботили все родное, все Вас любящее, все Вас знающее. Отгадайте: чьи молитвы о сохранении Вас были более услышаны господом. Это не трудно: они возносились близко Вас, и я уверен, с теплою верою, с полным упованием — и Вы спасены! Берегите же себя! Для многих. Вы еще много нужны.

Что-то делает старец, нас старейший, Флегонт Миронович? Вы выедете — скучно ему, бедному, будет. Жаль его очень! Желал бы я знать: продолжают ли ему содержание и в какой степени это его приковало к Тобольску. О патроне его, кн. Суворове, беспрестанно слышно, что будет назначен в[оенным] генер[ал-]губ[ернатором] — в Москву. Если б это оправдалось, Флегонт Мир[онович] смело мог бы пуститься туда[1]. Там нашелся бы тогда приют. Пожмите ему от меня руку. Я Вас не благодарю, тем менее — благотворительную Парасковию Егоровну. Что бы я ни сказал, все было бы мало. Молюсь только, чтобы господь достойно воздал Вам — и воздаст, конечно! Quant à Маша, M-me Roumianzow m'a donné sa parole, qu'elle sera sa protectrice après votre départ. Je ne puis, je n'ai pas le droit de la separer de sa pauvre mère, et son sort est plus assuré à Tobolsk, qu'elle serait ici, où sans argent la beauté même ne vaut rien*[2]. Одним словом, чем более всматриваюсь, тем затруднительнее кажется ответ на беспрестанно повторяемый вопрос: «Что изо всего этого будет?» Ждут, конечно, хорошего, это в натуре человеческой; дождутся ли? — дело другое. Во всяком случае, не мы дождемся.

---

* Что касается Маши, мадам Румянцева дала мне слово, что она будет ее покровительницей после Вашего отъезда. Я не могу, я не имею права разлучить ее с ее бедной матерью, а ее судьба скорее устроится в Тобольске, чем если бы она была здесь, где без денег сама красота ничего не стоит (франц.).

Павел Дмитриевич, расставаясь со мною, дал мне ясное доказательство, что он благороднейший человек, и добрейшего сердца, и оба они составляют в этом одно нераздельно.

Об Иван Ивановиче, стыдно сказать, давно не имею сведений. Он на даче[3]. Есть ли легче? Не знаю. Мое положение такое, что в полном смысле «сам не свой». Долго ли это продолжится? Темно и неизвестно. Все это покрывается терпением, упованием, покорностью воле божией. Зато уж кормят меня наповал и этим, думаю, скорее уходят. Сват у меня чудной доброты и благородства. Вся семья — прелесть! С внукой начинаю нянчиться.

Думают дать мне занятие в Географическом обществе, но что-то худо клеится: немецкая партия тут преобладающая. Все-таки, спасибо, хлопочут.

Парасковье Егоровне миллион раз целую ручку. Тезке, Николеньке и Наташе мой сердечный привет[4].

В чувствах преданности к Вам до гроба неизменный

б[арон] В. Штейнгейль.

136. М. А. БЕСТУЖЕВУ

СПб., Лицей, 16-го апреля [18]57

Здравствуй, паки здравствуй, мой — до смерти незабвенный, любезнейший друг, совоскресший Михаил Александрович, по начертанию на сердце «Мишель» — здравствуй! Христос воскресе! Поцелуемся. Я — на берегу Невы, ты — едущий по Амуру[1]: для дружбы, как для электричества, расстояния не существует. Но как много надобно говорить — и с чего начать? Начну с конца: это часто бывает — и живет себе!

Представь 13-е число: ты его помнишь — помнишь омуля под ореховым маслом, какой разъедали бывало в этот день вместе. Сыну моему Вячеславу вздумалось непременно этот день рождения моего — 75-й по счету, отпраздновать обедом. Вот и уселось к столу — ни много ни мало — 24 персоны, два семейства, мое и свата — благороднейшего П. Ф. Анжу. Его дочь Людмила за Вячеславом; а сватья моя Ксения Ивановна — восприемная дочь Петра И[ванови]ча Рикорда, бывшая madame, или лучше — mistriss Cochrane. Вот как совершаются судьбы. Людмилы Ивановны Рикорд не было — по нездоровью ее, а погода ни в строй, ни к смотру не годилась. Зятя

моего тоже недоставало — у них был министерский совет. Внуки, счетом четверо, сидели за особым столом в другой комнате. Вообрази мой восторг, когда к концу обеда сват мой меня спросил: «А отдала ли тебе жена письмо, которое прислал Рейнеке[2] тебе показать от Бестужева?» — Нет, ах боже мой, где оно; *если бы ты* мне сто тысяч принес, не так было бы мне приятно, как эта весть, и тут же пробежал содержание — и как был восхищен! Весь день скрасился этою вестию. Разумеется, что, вышед из-за стола, я повторил чтение с полным вниманием. Тут и пароходы не забыты. Сват мне рассказал, что этакой проект был у них в Учен[ом] комитете не только в рассмотрении, но даже на опыте, но оказался неудачным, по малому действию поршней и по малому, след[овательно], ходу. О, дай бог, дай бог тебе полного успеха. Буду следить, молиться — и ждать результата. Да я не сказал, кто же сын мой. Полковник уже и инспектор Имп[ераторского] Александровского лицея. Другой сын мой Егерского, ныне Гатчинского л[ейб]-гвардейского полка поручик — славный, добрый служака, всеми любимый. Словом, есть чем полюбоваться. Теперь перехожу к *началу*.

Огорченный этими низкими, постоянными преследованиями, я тебя просил, разумеется — скрепя сердце, прекратить переписку, по которой ты меня оставил в Таре[3]. Наконец, враг мой Горчаков, о котором я официально написал к своим, что сожалею о нем, потому что, имея огромный запас в руках своих средств делать добро, он, в 14 лет, этого даже не приметил! — Горчаков пал. Приехал Анненков ревизором и, по просьбе моей и кузена[4], исходатайствовал перемещение меня в Тобольск, куда я и прибыл в феврале 1852 года. Тут, с товарищами, опустил в могилу А. М. Муравьева, а за ним и доброго нашего Ф. Б. Вольфа. Думал сам лечь вскоре; не так определило Провидение. Война с последствиями, тяготея над отечеством, давила сердца всех любящих его. От нас не потребуют доказательства о принадлежности к этой категории, надеюсь. И я был в скорбном, чаще, состоянии духа. Вдруг катастрофа! и как неожиданно! В Тобольске мы узнали 5 марта, т. е. в день опущения праха в могилу. Предвозвещали надежды. И. И. Пущин из Ялуторовского прислал нарочного; пошли томительные ожидания — и осуществились манифестом 26 августа. Сын тотчас прислал мне 300 р[ублей] с[еребром]. Нашелся спутник —

гвардии офицер А. Анемп. Разгильдяев, сын забайкальского[5]. Сент[ября] 29[-го] мы пустились в дорогу; в самую распутицу. Ничего, так себе, старость моя тряхнула стариною. Остановясь в домике у Рогожской заставы, я написал к гр. Закревскому письмо, отправил с товарищем, и тот привез письмо обратно с резолюциею: «дозволено въехать и пробыть два дни». В эти два дни я успел только посетить митрополита и архиепископа Евгения, бывшего Ярославского; оба приняли «любезно»[6]. Особливо последний. По железной дороге 25-го октября переехал в Тверь. Тут остановился у зятя моей тобольской знакомой, служащего в Ком[иссии] строительной. Он сын препочтенного о[т]ца архимандрита Платона, настоятеля Жолтикова монастыря[7], у которого мы были в гостях, и поклонились мощам святителя Арсения Тверского. На третий день явились ко мне мои соколы, но — это не описывается! По их распоряжению надо было сождать известия, где племянник мой найдет квартиру, в Царском С[еле] или в Колпино. Получив телеграфическую депешу, поспешили в последний (завод то есть). Тут нашел ожидающих, старуху свою, Julie, Людмилу, Надю — и П. Ф. Анжу. Прочие после приехали. Со старухой и Людмилой прожили тут три недели, пока не последовало, по ходатайству принца Ольденбургского, разрешение въехать в столицу и жить с семейством. С этим сын прискакал в городовых — какие нынче в моде — санях на тройке, и мы отправились чрез Ижору. На расстоянии 22 верст от нее, по берегу Невы, это сплошной город, и какой город! Итак, 27-го ноября[8] — в памятный день получения известия о кончине Алекс[андра] I-го, ровно чрез 31 год я въехал в Петербургскую — Шлиссельбургскую заставу. Заехали по въезде в Невск[ий] монастырь; входя в ограду, завернул направо поклониться могиле благородного друга П. И. Рикорда. Затем помолились у мощей, и в лицей! На другой день помолился в домике Петра нерукотворной, ныне чудотворной и чудно драгоценностями украшенной иконе. На третий день был у гроба покойного государя, поклонился ему и помолился о душе его с полным христианским незлобием. Чувств этой минуты описать не могу: я *рыдал* безотчетно; но это было сладкое, отрадное рыдание. О, как свято слово господне: «Любите враги ваша!» Впрочем, грешу я. Он и не был врагом, как скоро простил в душе своей. Еще до-

скажу: у Julie есть вещи, ему принадлежавшие, я выбрал заношенный шелковый снурок, и теперь на шее моей с крестом и образом божией матери.

Познакомился я со многими моряками, старыми и новыми. Аркадий Вас[ильевич] Голенищев приезжал даже ко мне и не один раз в Колпино и показал мне этот чудесный завод во всем его объеме. Начальник рабочего экипажа Ломен Ник[олай] Фед[орович], сын Фед[ора] Яковлевича, сам был чичероне[9]. Познакомился в первый раз с цепными канатами и с пробою их; также с винтами для пароходов и с молотами дивного механизма: в прах раздавляет отрубок — и положи палец, при всем форсе падения, не прикоснется. Л. Ф. Богданович[10] попрежнему «Лука» для меня! У ген[ерал]-адъют[анта] Колзакова — обедал в качестве «однокашника», и супруга его вспомнила меня, как я у ней любимый кусочек пирожного раз съел. Она дочь благороднейшего человека — Ивана Матвеевича Бегичева[11]. Севрюков встретился, как старый товарищ[12]. Крепко звал к себе, но до сих пор не удалось.

У Московской заставы по шоссейной дороге теперь чудесный девичий монастырь и игуменья в нем Шулепникова урожденная, и когда я ей сказал, что с одним ее братом сел на учебную скамейку, с другим вышел в офицеры, с третьим служил в кампании 12-го года, она обрадовалась мне, как родному[13]. С Людмилой Ивановной и Ксенией Ивановной я был у митрополита[14]. Не дал им *представлять* себя, сам отрекомендовался, и он несколько раз меня обнял. В другой раз был у него с Аркадий Васильевичем. Познакомился также с казанским преосвященным Афанасием, бывшим Томским и потом Иркутским[15]. Да, забыл сказать, что граф Толстой Фед[ор] Петр[ович] принял меня с полными объятиями так, как будто мы и не разлучались[16]. Какой благородный человек! А состарился же много. Ой, много! Нашел еще старого друга Абрама И[ванови]ча Гинца — в *управляющем* Царскою Славянкою[17]. Ездил к нему по железной дороге и ночевал у него. Все семейство как родное. Но довольно, чтобы составить тебе полную идею о сфере, в которой теперь вращаюсь. Хотелось бы остатки сил посвятить на пользу; да еще ничего верного в виду нет.

Должен тебе сказать на ушко: в Тобольске я оставил

сына и дочь, и это, как ржа, грызет мое сердце; но не унываю, уповая крепко на благость божию.

А ты погрешил, не уведомив меня о своей женитьбе и не познакомив с супругою[18]. На этот бы раз можно было разрешить запрет писать. Теперь, бог знает, узнаю ли я даже имя твоей подруги жизни.

Расставаясь с тобою на этой страничке, крепко обымлю и жму к сердцу, в котором до последнего вздоха ты будешь неизгладим.

Твой друг до гроба Владимир барон Штейнгейль.

P. S. Если улучишь время ответить, адресуй:

Его высокородию Вячеславу Владимировичу барону Штейнгейлю — инспектору Императорского Александровского лицея — с передачею б[арону] Влад[имиру] И[вановичу], в СПб.

И. И. Пущину позволено здесь жить для излечения. Нат[алья] Дм[итриевна] Фонвизина здесь; но я еще не видал ее: 11-го числа должен был обедать у Иванова, зятя Ив[ана] Алекс[андровича] Анненкова; но это был день рождения внука Володи Топильского, и я обедал у зятя, который час от часу со мною обиходнее.

Думаю это письмо отправить к Николаю Николаевичу[19]: попрошу об этом Ив[ана] Ив[ановича] Пущина, к которому вот и отправлюсь.

137. В. В. ВАРГИНУ[1]

Лицей, СПб., 4 мая [18]57

Ровно неделя, в ту субботу, я был порадован — и как порадован! — Вашими строками, любезнейший старый друг! Так бы и бросился обнимать Вас! Живость характера и до 75[-го] года не вовсе оставила меня. Письмо братец Ваш[2] доставил без меня Пелагее Петровне; только что я возвратился, она мне подала его с словами: «Вот письмо к тебе, отгадай, от кого?» — и тоном, и глазами предупредила, что самая приятнейшая весть тут — и жаль, что Вы не видали действия, какое оно произвело. Первый взгляд к богу и — «все так же благороден!» — вырвалось из души. Да, мой друг, во сне не снилось, чтобы господь, пред могилой, оставил мне еще столько приятных ощущений в этой юдоли неправд и злобы. Благодарю, благодарю, от всего сердца благодарю. Как скорби, так и радости одни не приходят: на другой же день доб-

рый Степан Фадеевич чуть не задушил меня в своих объятиях[3].

Мне хотелось тотчас же написать к Вам; но передумал — наперед свидеться с Василий Васильевичем, — успел в этом не прежде 2-го числа. Разговор его доставил много утешительного моему сердцу. Я пожалел об одном, что князя уже давно здесь нет и что я ничего не знал о ваших отношениях[4].

Накануне 1-го числа мне случилось быть в надглавном пункте давнопрошедшего, но незабвенного стенания моего[5]. И можете вообразить — Вы знакомы с этим, — какие чувства волновали мою душу и какая молитва возлетела к благости божией. Я помолился и о душе виновника страдания — у гроба его.

Очень бы хотелось мне побывать и у Вас; но надо еще похлопотать о исключении из «вида» запрета жить в столицах. Надеюсь это в этом месяце совершить, если господь благословит.

Сегодни рождение моей дочери Людмилы и друга — И. И. Пущина: это один из редких людей — по сердцу, по уму, по характеру и правилам. Надо быть у него.

Завтра постараюсь посетить Степан Фадеевича. Между тем немножечко порасстроилось здоровье.

Простите. Уповаю — господь дарует мне возможность обнять Вас лично, как обнимаю теперь мысленно и сердечно

б[арон] В. Штейнгейль.

138. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., Лицей, 17 мая [18]57

Вчерась меня испугал — *Иван Великий*, по наречению твоему, мой постоянно вселюбезнейший друг и брат Гаврила Степанович, сказав мне, что ты серьезно нездоров: крайне меня это огорчило[1]. Нет, мой друг, прежде меня ты не спеши: пусть канет твоя слеза в память мою: укажу на нее, явившись к господу; помилует. Пожалуйста, не оставляй о себе без сведения, хотя краткими бюллетенями. Я вчерась довольно-таки поговорил с Ив[аном] Ив[ановичем], он завтра едет в Киев, и потому сегодни еще зайду к нему проститься[2]. Он отправит к тебе и эти строки. О себе нечего тебе сказать: неопределительность положения, неизвестность будущности, кроме рельефно

уже выставляющейся «неизбежной». А, да будет воля всеустрояющего!

Опять приезжал твой сладкий человек (Honichmann)[3] и все без меня; такая досада. А живет в Таврическом — шутка для 75-летнего пешехода!.. Ведь в Тобольске один проказник — советник говаривал: «Qui non *лошадка* habet, *пешеходире* debet*. Разумеется, замечание семинарское: он из духовных, и предобрый человек впрочем.

Вчерась обедал у адмирала однокашника Луки Федоровича] Богдановича, а завтра придется обедать у Julie — именинница — и конца нет; а, знаешь, тяжело становится — обедать на этом свете; пора в другой. Люди не будут лучшими, и им не будет лучше. Это sûr et certain**.

Прости. Обнимаю тебя крепко, крепко —

брат-друг б[арон] В. Штейнгейль.

Все мои приветствуют тебя.

139. АЛЕКСАНДРУ II

20-е мая 1857 года***

Всемилостивейший государь!

Словом милости Вы воскресили меня, благостию сердца — допустили соединиться с детьми, с родными в самой столице Вашей. Но я был бы в собственных глазах моих недостоин возвращенного мне баронского достоинства, если бы — готовя совесть на «последний смотр», забыл оставшихся и — мнимого стыда ради, не решился признать «своими» детей моего несчастия. Они родились в начале 20-летней моей связи со вдовою чиновницею: дочь Мария теперь 16 и сын Андрей 15 лет. Последний числится вольным слушателем в Тобольской гимназии, под именем «Петрова», как не могущий представить свидетельства о своем звании.

О государь! с крайним стеснением сердца, повергаясь к августейшим стопам Вашим, слезно молю: ради Истины, Милости и Правды, приседящих престолу Вашего

---

* У кого нет лошадки, должен ходить пешком (лат.).

** неоспоримо и достоверно (франц.).

*** Помета Александра II: «Фамилию Бароновых и право личного почетного гражд[анства] можно им дать, но не признавая законными детьми». Повторено В. А. Долгоруковым.

императорского величества, довершите милосердие свое надо мною: повелите этим детям моим быть гласно моими, приняв величание по отце и прозвание Бароновых; с этим даруйте им и право личного почетного гражданства. По природе они не чужие лицам, заметным уже по службе престолу.

Вашего императорского величества верноподданный
барон Владимир Штейнгейль[1].

Жительство имею в квартире вице-адмирала Анжу на Вас[ильевском] О[стро]ве в 14[-й] линии в доме Бесценного.

140. И. И. ПУЩИНУ

СПб., Лицей, 19 июня [18]57*

На том свете, видно, придется мне рассчитываться с Вами, любезнейший друг Иван Иванович — здесь ни слов, ни самого ума недостанет: Вы так постоянно обо мне заботитесь![1] Больше о благодарности и не услышите: она пойдет другим путем.

Достаточно ли? — хотите знать. Для «нужд» и «желаний» когда может что-либо быть достаточно; но как и это упало с неба, то ведь надо и совесть припомнить. Мне хотелось бы из остатка своих сил сделать какое-нибудь полезное употребление, но обстоятельства как-то иначе располагаются. Я, умом и сердцем, весь в воле божией. Верю и исповедую, что это лучший руководитель. Свежий опыт для меня есть, и как утешителен!.. Судьба детей, сына в особенности, оставшихся там — за Уралом, сизифовым камнем лежала на сердце моем. Простая откровенность доброй и милой графини Толстой[2] навела на мысль. Ни с кем не советовавшись, не намекнув даже никому, но помолившись — горячо помолившись Спасителю, последовал ее примеру и вот 13 ч[исла] эт[ого] м[есяца] получил официальное известие от Тимашева[3], что государь император пожаловал детям моим Андрею и Марии личное почетное гражданство с фамилиею Бароновых. О, как я был рад! Можете себе представить, и сугубо рад — от живого участия наличных детей, начиная с Вячеслава, и, наконец, самой старушки, столь благородно рассудительной. Сильно уверен, что и Вы примите это к сердцу.

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 22 июня».

Обращаюсь теперь к сделанному Вами сюрпризу[4]. Вот как меня он встретил. Шел я мимо Исакия и зазевался на очистку верха, вдруг наталкивается на меня Б. К. Данзас[5], следовательно, после «здравствуйте» тотчас речь о Вас. Я истинно порадовался и похвалил в душе, сказав тут же, что это самый благоразумный <вид> взаимного обеспечения: Вам нужен нежный призор; Наталье Дмитриевне — вспомогательный глаз и голос мужчины; а Ваш всегда имел вес. Да благословит Вас сам господь постоянным неиссякаемым источником взаимной любви и дружбы — до конца. Прошу Вас поручиться Наталье Дмитриевне, что желание мое искренно, верно, усердно, и оба примите мое поздравление. Я тотчас же написал из Парголова Николаю Ивановичу и просил сказать мне Ваш адрес. Вместе с его ответом привезли мне из лицея и записку Николая Никитича[6], у которого я и был вчерась; буду и сегодни для вручения ему этого письма и для пожелания счастливого и успешного пути за границу. Он мне очень понравился: человек на нашу стать.

Что ж вообще-то? — слышу, спрашиваете. Да ничего, кроме приезда и уже — отъезда Н. И. Тургенева с чинами и орденами. Сказывают, поехал за семейством. На каком основании это отличие, это уж сердцеведцу богу разве только известно[7]. Увидим, что дальше будет; доколе нам повсюду ход «с препятствиями». Но надо быть справедливым: не могли и того ожидать.

Из Тобольска имею известия от половины мая. Жалуются опять на большую воду. За нею, говорят, и наш Ив[ан] Алекс[андрович] остановился. Вы знаете, может быть, что моя Маша — любимица Парасковьи Егоровны и друг ее Наташи. Самая заметная там новость, что наконец начали издавать губернскую газету[8]; барон Штакельберг — редактор. Он сам мне об этом пишет. Шилинг переведен в Томск на то же место.

На даче порядочно мерзну. Но, знаете, на людях и смерть красна, а особенно, когда эти люди еще облегчают и греют любовию. Сегодни буду, т. е. должен быть в Камчатке — значит — на даче Рикорда, где живет сват со своим семейством; поеду на пароходце от Летнего сада.

Простите, да хранит Вас матерь божия во всех путях Ваших. Целуя ручку Натальи Дмитриевны, обнимаю Вас от всей души и сердца.

Б[арон] В. Штейнгейль

P. S. Вячеслав и все мои, особо старушка, все рады и поздравляют Вас от души, искренно.

Взгляните в «Revue de Paris» в майской кн[ижке] на рецензию брошюры князя Гагарина — уже епископа иезуитского ордена! [9]

141. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., Лицей, 19 июня [18]57

Никакая тройная настоечка не может быть так *усладительна* для пономаря, как для меня усладительны всегда твои письма, мой брат и друг, Гаврило Степанович: от всего сердца тебе спасибо — братское спасибо. Не забывай, не забывай — разве на *память вечную*.

Порадуйся, мой друг, со мною: я дерзнул попросить у государя то, чего просят только люди случайные — знаменитости одни — и, чего не смел ожидать, государь соизволил! Дети мои, в Тобольске, получили личное почетное гражданство, с фамилией *Бароновых*. Радость моя была неописанна, когда получил официальное и очень вежливое извещение от начальника штаба жандармского корпуса об этой *новой* для меня милости (таково выражение в самом тексте) и о том, что уже предложено министром юстиции прав[ительствующе]му Сенату. Надеюсь, что примешь полное участие в этом событии, и обнимаю тебя. Претяжкая гора свалилась с сердца, и я перевел одышку. Что еще более усилило мою радость, это участие всех детей и самой моей старушки, с которыми, до этой минуты, не было речи об этом предмете. Я не начинал, п[отому] ч[то] знал, что они знают и молчат; они не начинали, п[отому] ч[то] думали, что с особенным намерением я скрываю: теперь все пришло в ясность. Моя Людмила была так увлечена, что уже успела написать «сестре», и готова на всякое доказательство своей к ней любви. При одном воображении, как это их обрадует там, струятся самые отрадные слезы. Я теперь совершенно спокоен. Да творит господь волю свою.

Прости, друг, не могу ни о чем постороннем теперь писать. Что Тургеневу возвращены чины и ордена, чай, знаешь из газет. Если соберусь в Москву, тебя предуведомлю. Обнимаю тебя от всего сердца. Да! Николай Никитич не нахвалится тобою, да и всеми нашими. «Вот до

чего мы дожили, о Россияне!» — только не в том смысле, в каком восклицал Феофан...[1] Прости! Прости!

Твой друг и брат В. Штейнгейль.

142. В. В. ВАРГИНУ

3-е Парголово, 22 июня [18]57

Вот уже более месяца, как я, обрадованный откликом Вашим, достопочтеннейший друг Василий Васильевич, от 14 мая, ношу эти строки с собою и перечитываю их чуть не ежедневно, вместо беседы с Вами — и молчу! Должно же это удивить Вас. А дело-то в том, что в этом удивительном мире, в человеческих деяниях, вряд ли что осталось или может явиться — удивительным. Просто — встретилось обстоятельство, меня возмутившее: умолчать о нем, упрекнул бы себя в неискренности с Вами — и это был бы упрек тяжкий; высказать его значило бы ввериться бумаге, а она нередко бывает вероломна; так, в нерешимости, заходил день за день.

Между тем я тотчас же переговорил с Степан Фадеевичем и со всею искренностью. Он меня успокоил и с тем вместе брался выхлопотать у ген[ерал]-губ[ернатора][1] мне перемену *вида*, в котором бы запрет въезда в Москву был выпущен. По отсутствии государя, который находился уже в Царском Селе, ген[ерал]-губ[ернатор] этого не мог сделать. Остановились на том, что «вместе поедем»; а когда? Это покамест «Восточный вопрос». А тут случились сердечные хлопоты, имевшие — богу благодарение! — счастливейшее последствие. Наконец, опомнившись, я с сердечной укоризной подумал: «Господи! Боже мой! да что же мой друг подумает, когда звал к себе и не велел откладывать?» Вот и пишу. Скажу о хлопотах, Вы увидите, что в душе моей нет тайн от Вас. В Тобольске остались у меня сын и дочь — 15 и 16 лет. Закон осуждал их — на податное состояние! Это ужасно давило мое сердце. Наконец, сам господь навел меня на мысль: я написал государю и послал по городской почте, чрез министра двора[2], и 13-го этого месяца получил от начальника штаба Корпуса жандармов официальное извещение, что государь император соизволил детям моим даровать личное почетное гражданство с фамилиею Бароновых. Судите, как я был порадован. Теперь совершенно спокойно пойду мерным шагом к вечной квартире. На-

деюсь, что при этих строках благородное сердце Ваше заговорило немножко, а у меня вот слезы капают на руку. Дайте себя обнять.

Радость моя усугубилась живым участием не только детей, но и самой моей старушки, в чем и не сомневался я. Кажется, вот так бы и полетел на железную дорогу, и к Вам; а делать нечего, как терпеть до августа.

В городе буду 25 числа и тотчас повидаюсь с Степан Фадеевичем: не писал ли он к Вам, как мы с ним выходили весь Елагин и Крестовский? В ту субботу буду на даче г-жи Рикорд — в «Камчатке»: тут живет все семейство свата моего, а он именинник; итак, в городе пробуду до 1-го числа.

Теперь занимаюсь переводом с английского одной ст[атьи] для «Морского сборника»[3]. Повидавшись с Ст[епан] Фадеевичем, напишу к Вам. Теперь, мысленно, от всей души обнимаю — и крепко

б[арон] В. Штейнгейль.

143. И. И. ПУЩИНУ

Третье Парголово, 6-е июля [18]57*

Так, я был сильно уверен, что Вы порадуетесь, и потому поспешил Вам сообщить, как эта ожиданная неожиданность меня восхитила; теперь хандра моя пропала: смерти не боюсь, продолжение креста — снесу.

Относительно Николая Никитича совершенно гармонирую с Вами пожеланиями, добавляя, чтобы полный успех был полезен отечеству последствиями.

Если это «расточение» благодарности, то всякое другое, в моих глазах, было бы уже — неблагодарностию. Будьте покойны: более не буду. Ведь оно легко: брать и даже — не кивнуть головою. Одно условие: если, каким-либо чудом или божиею благостию, «насущный» обеспечится, предоставляю себе право отказаться в пользу — более нуждающихся.

Отыми от вас, господи! потребность путешествовать для излечения, хотя бы и в интересный Киев. Нет сомнения, что с другом сердца свой кров, спокойствие, независимость с наслаждением благотворениями, скорее всех медицинских знаменитостей, скорее всех вод и теплых

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 14 июля».

климатов принесут здоровье, чего от всей души, от всего сердца Вам и желаю. Да благословит господь успехом все намерения доброй нашей Натальи Дмитриевны.

О Тург[еневе] спорить и прекословить не буду: читал его книгу[1]. Впрочем, надо быть и к нему снисходительным: с прозрением вдаль и он не сказал бы многого из того, что сказалось — от ненормального состояния желчи. Наш небесный учитель такие ли вещи прощал!

Новые издания Сибири интересно видеть; быть может, и увижу. Спешнев — брат директора Инст[итута] глухонемых, с которым я, чрез сына, познакомился[2].

С Конст[антином] Ивановичем не удалось видеться. Его никогда нет дома, а сам я, по получении письма Вашего, затаскался по разным поручениям, с приобщением именин свата на Кушелевой даче — точнее в *Камчатке* Рикорда, и вдруг перекинули в Парголово. Напишу к нему по городской почте; по крайней мере, это удовольствие и здесь доставляется, хотя не без труда, п[отому] ч[то] отправление из *Первого* Парголова, а это три версты разницы. В среду, при вечерней прогулке, встретил Николай Ивановича, он на почтовых ехал из деревни, с *дядюшкой;* перебросили несколько слов, в том числе о просьбе сына, которую он препроводил к Вам, отзываясь, что не знаком с Глинкою[3]. Надеюсь, что Вы сделаете *свое обыкновенное дело*. Трудно ведь отвыкать от добра, когда вошло в привычку; и мне удалось, здесь уже, доставить молодому человеку из Тобольска место, по его желанию, почтмейстера — на Амуре![4]

Если, какими-либо судьбами, удастся исполнить желание — быть в Москве, употреблю все старания заглянуть к Вам.

Живучи здесь, ничего не знаем. Слышно, однако ж, что открыта желез[ная] дорога до Петергофа.

Целую ручку Натальи Дмитриевны, обнимаю Вас крепко-накрепко.

Ваш б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Старушка, сын и все мои, даже внука, Вам кланяются. Через день в Тобольске велий праздник. Наталия Дмитриевна, верно, вспомнит.

Марье Дмитриевне[5] от меня большой поклон.

144. И. И. ПУЩИНУ

*Лицей, 28-е июля [18]57**

Каковы Вы, мой достопочтенный друг? Не удивитесь вопросу: меня напугал кн. Голицын Вал[ериан] Мих[айлович], с которым познакомился престранно[1]. Впрочем, мы должны не-доживать, а до-страдать. Да будет в этом воля непостижимого!

Как бы, однако ж, ни изменялись фазисы страдания, а делать добро для нас необходимость. Из Тобольска был здесь *Слащов* Як[ов] Степ[анович], служащий в тамошней почтовой конторе чиновник, родственник тамошнего почтмейстера, малый во всех статях, слушал курс в Казан[ском] универс[итете], но не дослушал. Ему крайне хотелось — по почтовой части на устье Амура. Я было это ему и доставил чрез знакомого начальника отд[еления]. Но пришло представление из Иркутска *о тамошнем*, что почли должным уважить. Молодой человек отправился в Тобольск; но уж так разгорелось желание попасть на Восток, что из Москвы — пишет ко мне — отправил просьбу к Ник[олаю] Ник[олаевичу] Муравьеву *об определении его на какую-нибудь должность в Николаевский пост*. Нельзя ли Вам замолвить Николаю Николаевичу, чтобы он не пренебрег им. По его духу и направлению из него выйдет чиновник полезный. Сделайте, если можете.

Конст[антин] Иван[ович] Иванов сказывал мне, что Сергей Григорьич здесь; хочу сегодни повидаться с ним; не знаю, удастся ли. Душа и сердце в таком ненормальном положении, что не совсем уверен — смогу ли, разве помолившись.

Ради бога, уверьте Наталью Дмитриевну, что уважаю и люблю ее всею душою и молюсь о ее счастии, которое теперь уже — в Вас: да хранит Вас матерь божия!

Благородный барон Штакельберг привез моего Андрюшу, и между нами решено, чтобы определить его в Ревельскую гимназию и потом в Дерпт, если — всегда должно домолвить — господь благословит.

В будущую субботу он отъезжает на пароходе.

Крепко, крепко обнимаю Вас. Не знаю отчего слеза

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 31 июля».

навертывается: пора бы ко всему притерпеться — до равнодушия.

Ваш душою и сердцем б[арон] В. Штейнгейль.

145. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Лицей, 29-е июля [18]57

Где ты и каков, мой друг-брат? Как бы хотелось облегчить душу с тобою. Вчерась несколько это удалось — с представителем твоей доброты, с Ф. И. Гонихманом, которого наконец отыскал и посетил. О, как много тепла в нем и в его доброй старушке[1]. Жаль мне, крайне жаль, что так на далеком расстоянии живем мы. Будь у меня свои средства независимости, не замешкался бы поселиться поближе; но вестимо уже, «не так живи, как хочется, а как бог велит». Да будет же воля его святая во всем. Донесем крест, его благость благословляя!

Благородный Штакельберг привез моего Андрея *Баронова* и вот в субботу везет его на пароходе в Ревель, где положили отдать его в *gimnasium* с намерением перевесть в Dorpat*. Пусть будет немцем, как желал, помнишь, кн. Долгоруков[2], чтобы «все *приложилось*» — в России.

Сам я здоров, но видимо слабею, особливо ногами; голова торчит еще твердо. А добивают туманы: ни минуты не замешкал бы в этой Северной Пальмире, как выражался наш незабвенный Р[ылеев], и поехал бы в *Матушку* и дальше на юг, хоть бы сол[н]це отогрело. В настоящую пору вздумалось настать здесь жаре — и та несносна, потому что — фальшива... Говорят, *Иван Великий* наш очень плох, это крайне меня печалит; сохрани его господи! Волконский здесь, не видал еще его. Не знаю, удастся ли: высоки хоромы!

Прости, мой друг, обнимаю тебя крепко от всего уважающего тебя сердца

В. Штейнгейль.

146. И. И. ПУЩИНУ

Лицей, 7-е августа [18]57**

Получил и ящик, и уже книги у меня на столе, в числе прочих таковых же, старых и новых, здесь приобретен-

---

* Дерпт (нем.).

** Помета И. И. Пущина: «По[лучено] 11 августа».

ных. Вам, мой истинный и неизменный друг, честь, слава и благодарение. Не только сущность, самая идея «есть друзья!» живительна в моем положении — уж как хотите, а все-таки страдательном. О, не изменяйтесь Вы, «брата» нечего просить... Кстати о брате: не можете себе представить, как я обрадовался, услышав третьего дни от Степана Дмитр[иевича] Воронина, что государь, встретя за границею Вашего Михаила Ивановича, произвел его по-прежнему капитаном гвардии, с желанием, чтоб он служил[1]. Ст[епан] Д[митриеви]ч уверял, что он уже и здесь; постараюсь его увидеть, чрез Николая Ивановича; теперь, на грех, обезножил — от мозоли; надеюсь, скоро пройдет. Он же, помнится, сказывал, что дано позволение возвратиться и Герцену[2]. Все это хорошие предзнаменования: еще усерднее я стал молиться о государе. О, как нужно о нем молиться!.. Не далее, как 5-го числа, возвестила «Сев[ерная] пчела» его высочайшую волю о выпуске в свет сочинения, какому подобного в нашей литературе не бывало, это «Восшествие на престол императора Николая I», XIV и 236 стр. в 8[-ю] д[олю]. Сын тотчас же послал, и мы в вечер, за один прием, проглотили. Редактор его — бар. Корф. За исключением умолчаний, все сущая истина — и истина неимоверно сознательная; конечно, не без увлечения сколько возможно унизить уничтоженных; но самый факт уже означает противное[3]. Чрезвычайно интересно — последствие во всех отношениях. Вероятно, Вы тотчас получите, если уже наперед не получили от самого редактора. Замечательно, что личность ничья не оскорблена. Письмо покойного Александра к Кочубею в высшей степени интересно и для многих поучительно — из тех, кои, пресмыкаясь, думают, что они что-нибудь значат[4].

Воронин принял меня как нельзя более вежливо и упросил «пожаловать откушать». Поведет ли это к чему, увидим. За столом посадил около себя. У него огромное семейство. Это почти то же, что я видал у старика Кусова, в первом и втором десятках столетия — настоящего, разумеется; в других не жил. Впрочем, кто его знает, может, и жил.

На нет и суда нет; но это, при нашем расположении, не мешает никогда приниматься за то же — делать добро стараться.

Привет *моими* принят к сердцу; благодарят; сын сви-

детельствует глубокое уважение. Прошу вместо моего поцелуя приложить к ручке Наталии Дмитриевны свой — и шепнуть ей, что это от моей души.

Гавриила брата-друга обнимите за меня. Не ко времени он заговорил о моей живости. Нет ее в голове, нет в сердце, исчезнет вскоре и в этой дрянной оболочке, которую зовут телом.

Забыл ведь сказать, что с 27[-го] по 2-е виделся с своим *Бароновым;* теперь он в Ревеле, с А. Ф. Штакельбергом, и останется там до Дерпта. Да будет воля божия!

Простите. Крепко, крепко обнимаю Вас

б[арон] В. Штейнгейль.

147. И. И. ПУЩИНУ

Лицей, 20-е августа [18]57 *

С 17-го Ваш листок у меня, вселюбезнейший Иван Иванович! Хвала и честь Вашей неутомимости в успокоении друзей своих, к числу которых, думаю, крепко по совести, принадлежать.

Спасибо Вам за Слащова. Что ж? Пусть собственным опытом узнает горькое; никогда не в потерю: чем ранее, тем здоровее. Лучше и полезнее преобороть трудности, нежели в скучной служебной рутине тратить здоровье, ничего не приобретая ни для ума, ни для опыта. Одним словом — спасибо Вам. Сделаем, что можем, а последствия предоставим тому, кому вся возможна суть.

Обнимите за меня своего братца. Не имею чести лично его знать, но сердцем давно знаком — и родня даже. Очень понятно, как приятна и интересна троичная беседа Ваша. Если «сии трие и не думали быть во имя его», он, небесный страдалец, конечно, был посреде [1].

Не подивитесь этому настроению: не далее, как третьего дни, я до слез — и до обильных слез, был растроган письмом Евлампия, архиеп[ископа] бывшего тобольского. Я бы никогда не поверил, чтоб поучавший христианским истинам мог так упасть духом [2]. Надобно знать, что я по прибытии в П[етер]бург написал к нему, с участием, и это-то участие он так высоко поставил, что просто вознес до облаков. Хорошо, что я и Грином не прельстился к воздыманию до них [3]. Называет меня пре-

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 25 августа».

восходительством и т. п. Очень естественно, что с таким адресом не нашли здесь превосходительства и письмо отправили назад. Мне оно доставлено его корреспондентом — служащим в св. Синоде. Сейчас только запечатал ответ ему, сколько можно утешительный. Да и есть в виду похлопотать об улучшении его положения, что и намерен я твердо сделать; а Вы благословите. Он не дурной человек. Падение наше — в почтенном Адаме: легенда верна истине, как нельзя более.

А дошел ли до Вас слух о «Колоколе», который звонит — в Лондоне. Нападки из-за угла мне не нравятся, и крепко не нравятся. Хороши «вопросы»: правда ли то, правда ли другое?.. Они могут образумить, приостановить наглое зло, а этого уже много[4].

В прошлый вторник с своей Людмилой я обозревал внутренность дворца ген[ерал]-адмирала[5]: есть много замечательного. Торжественный въезд видел из углового дома Яковлева, у Казанского собора, стало, видел и вход в собор. Не скажу, чтоб был поражен. Видно, старость притупляет всякий повод к восхищению. Но не скрою, втайне сердца пел: «боже, храни царя!..» Как ни говорите, а самая неполная, можно сказать, необдуманная — нехристианская милость, все — милость, и требует искренней благодарности, какую и чувствую.

Целуя ручку Вашей милой, добрейшей супруги, обнимаю Вас от всего сердца и души

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Думаем с Вячеславом отправиться к Сазикову, осмотреть утварь для Исакиевского собора, стоющую 360 т[ысяч] сер[ебром]![6] Он, т. е. Вячеслав, теперь в полных хлопотах своего многосложного служения и в эту минуту у директора. В Петергофе праздник, и учебные заведения распущены: много ли останется на учение?..

148. В. В. ВАРГИНУ

СПб., Ал[ександровский]
Имп[ераторский] лицей, 31 авг[уста 18]57

В последнюю мою беседу с добрейшим Степан Фадеевичем (25 ч[исла]) он мне сообщил о состоянии Вашего зрения и как знал уже, как я поддерживаю свое, уверил меня, что недурно сделаю, если сообщу Вам о своем средстве. Итак, вот оно:

Во-первых. При умывании окунываю все лицо в таз (фаянсовый) с открытыми глазами, смотря пристально во дно, и так, мотая головою из стороны в сторону, прополаскиваю глаза. Это по наставлению 105-летнего старика, сохранившего свое зрение.

Во-вторых. Всякое воспаление в глазе или в глазах лечу — примачивая *настоянною на соли французскою водкою.* Приуготовляется она таким образом: соль должна быть простая *поваренная*, чисто промытая, высушенная, истолченная; лучше всего взять из аптеки таким образом приуготовленную. Избрав какую-либо мерку, чарку например, всыпать одну или две в сосуд и на каждую такую мерку влить по *три* таких же мерки хорошей *французской* или бордоской водки (в случае недостатка той или другой может она быть заменяема чистою кизлярскою); заткнувши сосуд, хорошенько взболтать и поставить, чтоб устоялась. Когда очистится совершенно, тогда потихоньку слить в другой чистый сосуд; причем не худо пропустить сквозь пропускную бумагу; и на оставшуюся на дне соль налить такую же пропорцию водки и оставить настаиваться до востребования. Примачивание таким образом приуготовленною водкою, четыре раза в день, пожалуй — и чаще, тем уже преимущественнее всякого другого способа, что не препятствует выезжать на воздух при какой бы то ни было погоде. Это лекарство употребляется и внутрь при холерических и лихорадочных припадках, в виде *соленого пунша.* Для мужчины *две* ложки водки должно развести 5 или 6-ю ложками кипятку. Если принимается поутру натощак, то час потом не должно ни пить, ни есть. Другого лекарства я знать не хочу. *Мои* верят ему уже по опыту. Не желаю, чтобы пришлось и Вам испытывать; но если придется, желаю, чтобы убедились и Вы как можно поспешнее.

Почетное гражданство Ваше уже подписывается, чему очень рад. Мнение Юстиции, составленное как нельзя лучше, по всей вероятности, будет утверждено Советом, этому еще больше порадуюсь.

До возвращения государя мне и мыслить нельзя об удовольствии обнять Вас[1]. К терпению не привыкать стать! Покамест обнимаю заочно —

душою и сердцем Вам неизменный

барон Вл. Штейнгейль старший.

P. S. Завтра, вероятно, буду у Степ[ана] Фад[еевича] на новоселье, или лучше — на староселье.

149. Д. И. ЗАВАЛИШИНУ[1]

СПб., Лицей, 4-е сент[ября 18]57

Чрез сколько лет определил господь мне быть порадовану Вашим приветом, достойноуважаемый мною Дмитрий Иринархович! Сердечное Вам спасибо за сохранение меня в памяти и настолько в приязни сердечной, что решились без особенной просьбы Мишеля[2] доставить мне о нем сведение, так для меня интересное. Вчерась только получил я Ваше письмо и спешу отвечать, чтобы предупредить всякое с Вашей стороны беспокойство о том, как оно дойдет до меня. Разумеется, ни одно из Ваших поручений, в числе которых есть особенно для меня приятные, не могло еще быть исполнено; но будет: об этом постараюсь и дам в свое время отчет; Вы добавите сами необходимое к соображению «если».

Между тем Вам, конечно, приятно будет узнать, что моя старушка, Пелагея Петровна, недавно получила тоже письмо от Вашей почтенно-любезной сестрицы Екатерины Иринарховны, с которою она по Москве, равно как и с покойною маменькою Вашею, была постоянно в родственных отношениях[3]. Сестрица спрашивала совета: как достичь разрешения жить в Москве, чтобы иметь с Вами, как она выразилась, «один горшок». Старушка ей указала на средство вернее других. Но, конечно, этим средством не устранятся препятствия, которыми Вы так тесно обставлены. Одно утешение — не забывать, что «невозможное у человека, возможно у бога».

Писать о своих обстоятельствах, о событиях, относящихся до общего интереса, об особенностях, замеченных в новом столичном поколении старыми глазами, о великолепии зданий вообще и церквей в особенности значило бы написать тетрадь, по примеру, как Вы говорите, незапамятного — хотел сказать незабвенного — Н[иколая] Ал[ександровича] Бестужева. У меня, старца уже, не станет ни сил, ни занимательности, потребной для уверенности, что не наведу скуки. Ограничусь на этот раз простым кратким ответом на Ваши замечания и вопросы.

Что Вы были женаты, было мне известно еще тогда, как были за Байкалом; о кончине почтенного тестя Ваше-

го тоже знал, но что лишились супруги, это мне было неизвестно[4]. Грустное впечатление произвели эти Ваши строки.

О женитьбе Мишеля слышал; о детках не знал[5]. Всем любящим его надобно молить бога, чтобы подкрепил его здоровье и продлил жизнь его. Можно даже, любя, попенять, что поздно надумался; но если в чем, так, конечно, в брачных столкновениях виднее всего — рука Провидения, судьбы или как иначе назовите, только такая внешняя сила, пред которою разум, слово и воля — эта троица каждого человека — бессильны.

Подобно Вам, и я в старых товарищах нашел отрадную встречу, не зависящую от их чиновности, и был порадован действительно, не столько за себя, сколько за них.

Иван Иванович Пущин женился на вдове Фонвизина Наталье Дмитриевне: это брак взаимного вспомоществования; ей необходим голос мужчины для содержания в порядке большого имения; ему — нежный уход в его болезненном состоянии. Он теперь в своем селе *Марьине* под г. Бронницами Московской губернии. Батеньков — друг и *брат* мой, приезжает в Москву, но живет под Белевым[6]. Адресую к нему просто в этот город Тульской губернии. Анненковы теперь в Нижнем Новегороде; а Ольга Ивановна скоро возвратится оттуда сюда к мужу, который служит в Инженерном штабе. Из детей Прокофьева Сережа — лучший, взят холерою, Николай служит при железной дороге; дочери — одна за генералом, другая за полковником; вдова любезная, неутомимая на пользу родных и живая старушка[7].

В «Тридечном» не ошиблись. Этот псевдоним дал мне покойный сын мой Николай — в «Маяке».

Хотя не хотелось бы Мишеля и Вас выводить из ошибки, но должен сказать: 75-й, как ни будь бодр, все канун «труда и болезни!» Память слабеет; ноги теряют остойчивость — и, по многому, приходится вспоминать «Жизнь» Ив[ана] Мих[айловича] кн. Долгорукова[8]. Заживаться куда незаманчиво!

В заключение скажу, что сюда прибыл преосвященный Якутский[9]. Я познакомился с ним еще в 41[-м] году в Тобольске и третьего дни был у него вместе с Людмилой Ивановной Рикорд. Нужно ли добавить, что вся наша беседа вращалась около Амура и Камчатки.

Простите. Обнимите за меня лишний раз Мишеля при первом свидании. Крепко жмет Вашу руку уважающий Вас б[арон] В. Штейнгейль.

Письма возвращаю. Страховать считаю излишним.

150. И. И. ПУЩИНУ

СПб., Лицей, 20 сент[ября 18]57*

Вы, любезнейший друг, конечно, не усомнитесь в правде, если скажу, что с прогрессивным нетерпением жду от Вас весточки после моей к Вам грамотки, отправленной—сегодни ровно месяц тому назад. Вчерась только от Конст[антина] Ив[ановича] Иванова узнал я о новом похищении у нас смертию, этою старою озорницею, которая того и гляди — скоро и нас сэскамотирует**, так что и не приметят на вертлявом шарике, куда сбросило. А, конечно, прискорбно, и очень прискорбно, и нельзя не сокрушаться. Сокрушительнее то еще, что Вячеслав его в разрушительном положении[1]. Это уж бедствие! Воображаю, как это все Вас тревожило. Но ведь это натиски необходимости; тут уж нечего: руки по швам, да и только. А каково, здесь недалеко, несчастие случилось? Неслыханное, смело можно сказать. Корабль, на суточном переходе из Ревеля в Кронштадт, опрокинулся и ушел ко дну со всем экипажем и пассажирами. Напечатан уже рапорт адмирала Нордмана, уверяющего, что это от «неведомой» причины. Нас учили, и мне даже помнится, *Вышним вычислениям кораблевождения*, где положительно доказывается, если центр тяжести груза, в противовесии с центром тяжести парусности, *на своем месте*, то скорее слетят все мачты, нежели перевернется корабль. Прогресс! нечего сказать!

В показании о погибших не упомянуты жена и сестры жены капитана и другие жены молодых офицеров, только что сочетавшиеся. Событие ужасное! Корабль звали «Лефортом», немудрено, что он сокрылся[2]. Грустно! Грустно ото многого.

Гордые британцы, кажется, расплачиваются за свои наглости[3]. Любопытно высмотреть результат; но успеем ли? Дние наши изочтены суть. Не в первый раз всесвет-

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 25 сентября».

** От франц. escamoter — скрыть, незаметно подменить.

ное зрелище представляет пословицу: *каково кликнется, таково и аукнется;* но где исправление? И нашему благословенному отечеству, вероятно, придется эту роль разыграть на сцене мира и расплатиться за неправды, если еще недовольно поплатилось.

Мои все здоровы. Зять ждет сенаторства — и товарищества. Это осуществится с возвращением Панина, ожидаемого со дня на день[4]. Между тем положение мое очень нелегкое — одним словом, продолжение креста; но буду терпеть, дондеже есмь. Тот же господь, который дал силы на 31 год, продолжит их и до назначенного предела.

Скажите: чтó с Батеньковым, что не откликнется?

Любезнейшей супруги Вашей целую ручки и пуще всего желаю, чтобы молитвы ее о Вас были слышимы. Обнимаю Вас от всего сердца

б[арон] В. Штейнгейль.

151. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., Лицей, 11-е дек[абря 18]57

Ни уму, ни сердцу не могу объяснить, что за причина, что ты, мой брат, мой друг и — с июля месяца забыл меня, по крайней мере — не ответил на мое письмо о свидании с Гонихманом, и с тех пор ни гу-гу! Больно, ежели, перед вечностию, успел я провиниться, или — вернее — исказиться в твоем мнении, в твоих чувствах. Во всяком случае не ропщу — я ни на что не ропщу и только говорю, взирая на небесного страдальца — «мало, господи! мало!»

...А горько мне! А если одним участием, одним состраданием — и притом состраданием брата-друга будет еще менее, то преогорчатся дни мои паче меры.

Верь, тут нет тени упрека, одно обнаружение сущности.

Обнимаю тебя — увидимся!

Неизменно тебя любящий б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Адрес — «в квартире г. инспектора Александровского лицея на Каменноостровском проспекте».

Я болен и это с трудом написал. Выздоравливаю, впрочем, и, вероятно, скоро выйду, а выйду, так поищу Гонихмана. Он что-то дважды заезжал к моей дочери и спрашивал меня, все не заставал.

152. И. И. ПУЩИНУ

СПб., Лицей, 21-е янв[аря 18]58*

Не знаю, что Вы, любезнейший многоуважаемый друг, передумали в это время, не получая так долго отповеди на Ваше письмецо от 29 дек[абря], но знаю, что вообще Вы добры и рассудительны; верно, не пустились тотчас обвинять в невнимании — в неисправности — в неаккуратности и пр. и пр. Я просто был и нездоров, и желал отвечать Вам исполнением Вашего поручения, а оно никак не удавалось, вот до сей самой минуты. Сейчас только получил от Степана Фадеевича Суворова точное сведение, которое Вас удовлетворит, надеюсь. Препровождаю к Вам все *дело* по *оному*. Посмотрите сами и удостоверитесь, что не легко было бы добраться без помощи директора, имеющего в своей власти курьеров. Не можете себе представить, как рад, что удалось исполнить желание Ваше.

Вы справедливо заметили, я точно был в полном разладе телесном и душевном. Теперь, по благости божией, как-то опять будто поправляюсь. Что будет и будет ли что, это один бог знает. Да будет его воля. Уж и то много, что господь допустил увидеть некоторым образом результат нашего страдания, что поможет умереть, благословляя свою судьбу [1].

Батеньков откликнулся и много меня тем утешил. Никогда не сомневался, что он — самое благородство.

У меня вертится крепко мысль побывать в Москве и у вас в Марьине; хочется поцеловать ручку Вашей супруги, потому что на том свете уж, вероятно, не целуют. Между тем Вы за меня поцелуйте.

Вячеслав тогда же письмо Ваше передал и свидетельствует Вам самое искреннее почтение. Хоть он не в Севастополе, а видит мины и даже не надеется отпарировать камуфлетом [2]. Тоска!

Простите. Обнимаю Вас, душою и сердцем Ваш до гроба

б[арон] В. Штейнгейль.

NB. Тетрадка о воспитании у меня: как прикажете?

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 26-го января».

153. В. Ф. АДЛЕРБЕРГУ[1]

Александровский лицей, 1 февраля 1858 *

Сиятельнейший граф!

Истина вековая: оказанное добро заверяет другое. Я вновь обращаюсь к Вам[2]. Вы знаете дерзость моих ответов: ими оскорбил я государя; но не знаете причины. В суровости, с какою говорил со мною тогда государь, отклонив всякое личное оправдание, я видел приговор беспощадный. Ожесточение сердца, доведенное крепостными приемами до отчаяния, породило мысль «недешево предать себя». Но когда, после первоначальных жестокостей, поручение нас благородному, умному Лепарскому выразило особенное к несчастию нашему внимание, ошибка моя легла на совесть; и — едва 10-летнее заточение кончилось, едва снят запрет писать самим, я поспешил облегчить ее испрошением у государя христианского прощения. На доклад об этом графа Бенкендорфа монарх великодушно отозвался: «Давно простил в душе как Штейнгейля, так и прочих государственных преступников» (Отнош[ение] шефа корп[уса] жанд[армов] к ген[ерал-] губ[ернатору] Вост[очной] Сибири 30 дек[абря] 1836, № 4101).

Завтра в православии «прощеный день». Одно слово Ваше, граф, и — может быть, государь, толь благосердый, снимет и с нас, к[ак] с Тургенева, самый остаток кары, слишком тягостный во многих отношениях — не для терпения нашего, выдержавшего такое испытание; но для чувств родственных. Сам господь да внушит Вам это слово!

Несказанно уже облагодетельствованный и глубоко в сердце Вам преданный

Вашего сиятельства покорнейший слуга

барон Владимир Штейнгейль.[3]

154. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., Лицей, 7 ч[асов] утра 7-го февр[аля 18]58

После толь убедительного довода пришлось согласиться, что византийская история в нашей литературе — «про-

* Помета В. А. Долгорукова: «Высочайше повелено оставить без последствий. Об этом не давать знать никому, а только иметь в виду. 11 февраля».

бел», и остается только пожелать, чтобы бог помог тебе его пополнить. Все-таки остается вопрос: кто будет читать, и еще важнейший для издателя, кто покупать станет? У имеющих деньги, вероятно, имеется и умение прочесть по-французски. Что до Броссе, разузнавать в подробности нет времени: «мы выходим из круга учености: нашествие!» После узнаем. Первые отголоски не обещают с его стороны византийской деятельности [1].

Мнение твое об учебниках разделяю давно как нельзя более.

О деньгах твоих как не слыхать: о деньгах всегда хорошо слышится. Я удивлялся, что ты, как говорили на Иртыше, отказался от получения. Этого рода антипатия к получению разве только в продолжительном заточении может родиться: ведь было всем на удивление. Конечно, лучше поздно, нежели никогда! [2]

Немца твоего бог знает когда увижу, а об юноше скажу лучше его. Он теперь в штабе Инженерного д[епартамен]та, стало быть, в ведении и Конст[антина] Иван[овича] Иванова, зятя Анненкова, который очень его хвалит. Мне бы крайне хотелось выдернуть младшего самого юношу Никандра из казачества [3]. Конст[антин] Иван[ович] и писал в Омск к дежурн[ому] штаб-офицеру, да тот еще не ответил. Он, т. е. Конст[антин] Ив[анович], с братом своим вчерась у нас целый вечер просидели «с полным участием».

Сегодни первый выход сделаю к Нат[алье] Дмит[риевне]. Она уж три дня как приехала. С Анненковыми, которые также из Нижнего прибыли, виделся на днях. Ив[ан] Алекс[андрович] возбуждает охоту переселиться в Нижний: планируем; а все в воле божией.

По предстоящему переселению не пиши ко мне, а соскучишься, так через немца разве, чтоб отдал дочери моей в доме М[инистерст]ва юст[иции].

Прости! Обнимаю тебя как друг-брат

б[арон] В. Штейнгейль.

155. И. И. ПУЩИНУ

СПб., 13-е марта 1858*

Давно не менялись мы с Вами, любезнейший, многоуважаемый мною Иван Иванович, строчками, очень дав-

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 16-го марта».

но — с лишком месяц. Но этот месяц был тягостным для меня — для нас вообще, т. е. для всего родного круга. Не сетуйте, что не писал к Вам; не сетуйте, что один только раз успел посетить любезнейшую супругу Вашу. Ваше motto* «меньше слов»; стало, Вы вполне поймете, если скажу только, что мой Вячеслав не инспектор уже; чуть не попал в учебный полк для — приобретения права на командование полком. Благодарение богу! все устроилось к избавлению его от всех неприятных последствий и хлопот: он теперь на генеральском месте, редактор «Российской военной хроники». Это значит — помощник генер[ал]-адъют[анта] Огарева[1]. Мы живем на квартире уже: «Во втором Спасском переулке в доме Беляевой № 499»**. Это и мой адрес. Тогда как таким образом мы избавились от беды по одному семейству, по другому потерпели сердечное поражение: скончался сын у свата моего, доброго Анжу, юноша с прекрасными качествами и так много обещавший[2]. В прошедшее лето он был на придворной яхте, в должности гардемарина, и очень понравился наследнику[3]. Бедные родители уже мечтали о будущей карьере его: мечта, как мечта — исчезла сном при пробуждении волею всевышнего. Его отпевали в ц[еркви] Морского корпуса, в которой я был, когда ее освящали в первый раз, легко сказать — 61 год назад! Можете судить о впечатлении.

Наталия Дмитриевна, вероятно, уже сказала Вам, что́ я писал и какой ответ получил[4]. При личном свидании с князем последние его слова, с которыми он меня отпустил, были: «Увидим, как бог поможет!» Я теперь в чаянии этого видения: упование на благость божию во мне никогда не оскудевало. Смирение, к какому обыкли, нашептывает вопрос: «Да стоишь ли?» Недостает дерзновения отвечать положительно.

С приближающимся пресветлым праздником Вас поздравляю. По наступлении христосования и Вас всем сердцем вспомню. Передайте мой почтительный привет многоуважаемой Наталье Дмитриевне. Поклонитесь Марье Дмитриевне и Павлу Сергеевичу, скажите от меня «Христос воскресе!» Обнимаю Вас от души и сердца

б[арон] В. Штейнгейль.

---

* выражение, словечко, девиз (л а т.).

** Литейной части 4-го квартала. (П р и м е ч. В. И. Ш т е й н г е й л я.)

156. И. И. ПУЩИНУ

СПб., 28 марта [18]58*

Христос воскресе!

Этим христианским лобзанием приветствуя Вас, вселюбезнейший друг Иван Иванович, от всей души поздравляю с пресветлым праздником, который для Вас должен быть действительно радостнейшим, паче всех предыдущих. Дай бог, чтоб эта радость отстояла у Вас на бессменных ординарцах до последнего Вашего дня. Мне самый первый день праздника чуть не стоил жизни. Наехавший на идущего через улицу извощик ударил упряжью в левую лопатку и сшиб с ног на мостовую, всем боком. Господь спас чудесно! Поднявшись на ноги и увидев испуг извощика, молодого парня, я оградил его крестом и сказал: «Поезжай с богом». Повторять, конечно, не заставил. Доплелся до свата и тотчас велел себя вытереть соленою водкою, так что успел сходить еще к вечерне. Боль означилась на другой день; но, благодаря той же водке, теперь уже чуть-чуть чувствуется. Поэтому все эти дни обращался в кругу родных только, со страхом и трепетом выходя на улицу. Для одного приезжего гостя сделал исключение. Это Ив[ан] Кресть[янович] Гене, сослуживец мой при Тормасове. Несмотря на свое *превосходительство* и звезду, он отыскал меня и потребовал при первой встрече быть с ним по-прежнему. Он начальник таможенного округа в Риге и 30 лет на месте. Бог мне его послал: обещал взглянуть на моего Андрея; а это много значит в глазах наставников.

С Ив[аном] Ал[ександровичем] Анненк[овым] на Пасхе не видался: но перед Пасхою был. Ольга Иван[овна] с Наташей приобщались. Сегодни или завтра увижусь. Б[арон] Штакельберг женится на баронессе Корф, дочери гофмаршала двора в[еликого] к[нязя] Николая[1], и в Тоб[ольск] уж, конечно, не воротится.

Сколько по сю пору мог заметить, сомневаюсь, чтобы мог быть чем-либо полезен сыну по новой его должности. Командиром своим он не нахвалится. Дай бог, чтоб это так продолжалось. По его отзывам, генерал умен, добр и деятелен; к этому добавьте — богат!

За известие о близких нам по сердечному воспомина-

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 6-го апреля».

нию премного Вам благодарен. Я ничего не мог об них узнать.

О новостях административных не пишу: узнаете лучше другим путем. Впрочем, все и вся отложено до 17-го апр[еля][2].

Сейчас подошла старушка моя и сын, благодарят Вас за внимание к ним и приветствуют христиански. Первая примолвила: «Попроси, чтобы Иван Иванович передал мое полное уважение почтенной супруге своей, хотя я и не имею чести ее знать». Присовокупляю и я мою просьбу уверить достопочтеннейшую Наталию Дмитриевну в неизменной моей преданности, с какою мысленно целую ее ручку и приношу мое поздравление.

До 17-го и я в числе движения воды чающих. По справкам, письмо мое в виду благорасположения. Да творит господь волю свою.

Простите, обнимаю Вас с неизменными чувствами признательной дружбы.

Б[арон] В. Штейнгейль

157. М. Н. БЕСТУЖЕВОЙ

СПб., 21-е апреля 1858

Давным-давно надобно бы было послушаться сердечного желания и написать к Вам, любезнейшая и всякого *нашего* уважения достойная Марья Николаевна, но мы рабы обстоятельств — этого незамечаемого, но сильнейшего деспота на земле, и потому исполнение отдалилось на целые семь месяцев, хотя письмо Мишеля, полученное с *Усть-Зейской* станицы 22 сент[ября] пр[ошлого] г[ода], всегда носилось у сердца и теперь перед глазами. Рекомендоваться мне, думаю, не нужно: к кому супруг пишет «мой добрый, старый и старинный друг», наверное уж супруга знает, кто это такой.

Не зная, где теперь Мишель, хотя получил известие от Дмитрия Иринарховича Завалишина, что он располагался возвратиться чрез Аян, я не мог решиться писать к нему и предпочел все-таки адресоваться к Вам, с полною уверенностию, что ни Вам, ни сестрицам, ни самому Мишелю моему не может это быть неприятно.

Главное, необходимо для Мишеля сообщить некоторые сведения, которые Вы ему в свое время, если он еще не с Вами, передадите. Начну с своего адреса. Сын мой

уже не инспектор лицея, и слава богу! то был скользкий путь; он теперь редактор «Российской военной хроники», место генеральское по штату, гораздо покойнее и безопаснее. Квартира наша: «Литейной части 4-го кварт[ала] в доме Беляевой № 499, в Спасском переулке». Эта квартира останется за нами на целый год, но на лето переедем на дачу, однако ж скажите Мишелю, чтобы писал под этим адресом: сделаем распоряжение о доставлении писем.

Не знаю, известно ли уже Вам, что здесь составилась большая Амурская компания, в которой один из главных капиталистов Бенардаки[1]. По всей вероятности, та комп[ания], от которой Мишель принял поручение, соединится с нею, или лучше сказать «впадет» в нее. Верите ли? Несмотря на мой 76-й уже год, я полетел бы к вам. К Петербургу, где так хороши декорации, всегда было можно прилагать пословицу: славны бубны за горами. Об Амуре же я стал мечтать с 1805 года и даже в 1811 году подавал проект об экспедиции для разведывания его. Мишель это знает, если не забыл.

Скажите ему, что его Рейн[еке] благородный, умный человек; но болезненный и потому раздражительный до чрезвычайности. Я виделся с ним у свата моего Анжу, но как тогда не знал отношений его к Мишелю, то и не заводил речи, а потом уже не сходились. Что знаю о нем, знаю от других, стало, и передаю, как «говор», а не сущую истину.

Предстоящие новости: поездка нашего благоверного государя к городу Архангельску и в Соловки, вероятно. Такая же поездка его выс[очества] в[ел.] к[н]. Константина Николаевича в Торнео, может быть взглянуть на *незаходимое* солнце в полночь, 10-е июня[2]. Нева наша прошла вчерась 20-го, тронулась накануне, а вчерась поутру открылось сообщение на всех пристанях. Вскоре появятся пароходы и корабли, все закипит деятельностью, живостью, пока будущий Борей не посадит всех за ключ — месяцев этак на пять, даже с *хвостом*, как говорят в Сибири.

Да! чуть не забыл: скажите Мишелю: наш И. И. Пущин женился на Наталье Дм[итриевне] Фонвизиной и теперь в *своей* деревне в с. Марьине под г. Бронницами в Московской губернии. Батеньков с Свистуновым в Калуге; Анненков служит в Нижнем Новегороде и теперь

здесь, но на днях уезжает[3]. Недавно я был обрадован приездом сюда Фролова, он привез своего сына и сына Фаленберга для определения в 1-й Кад[етский] корпус; они уже и приняты. Последний вылитый отец, а маленький Фролов пребойкий и красивый мальчик. Вчерась их видел и простился с Фроловым. Он уезжает к Ив[ану] И[ванович]у Пущину, где оставил жену[4].

Я хлопочу о том, чтобы и с нас сняли последний остаток кары, как с Тургенева. От кн. Вас[илия] Андр[еевича] Долгорукова, при личном свидании, получил в ответ: «Увидим, как бог поможет». В надежде на благость божию я никогда не оскудевал, равно как и в терпении. Молитву мою сократил до слов: «Да будет воля твоя!», убедившись, что господь всегда может иметь повод сказать нам: «Не ве[да]ете, чего просите!»

Наконец, вот мое к Вам прошение: обнимите за меня Мишеля, и как можно крепче, если он уже досязаем для Вас, перецелуйте своих милых малюток *Лолю* и *Колю*, пожмите ручки сестрицам по настоящему обычаю, в знак, что я по старине целую их заочно, как и Вашу. Да хранит вас всех матерь божия! Ваш душою и сердцем

старик барон Владимир Штейнгейль.

P. S. Освящение знаменитого и великолепнейшего Исакиевского собора будет 30-го следующего мая в день Исакия Далматского, в который России дарован Великий Петр. Это уже верно. Все совершенно готово и видимых препятствий нет[5].

158. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 27-е апреля [18]58

Вот уж месяц канул в Лету, как получил твое письмо, и не отвечал, ожидая, что скажешь слово на мое, от 12 марта. Эти встречи всегда сбивают с толку и наводят напрасное недоумение. Между тем и Пасха прошла и 75 лет моих минули; еще поближе стал к могиле, а в ней конец всему желанный, всем надеждам, всем суетам, всем скорбям. Так я и смотрю.

Юноша товарищ председателя Гражд[анской] палаты меня не видал, и я его, стало, и присмотреться к нему не было мне ни случая, ни возможности[1]. Сожалею: он был бы живым словом о тебе, а оно всегда отраднее мертвой буквы.

Как брат и друг, по сердцу не менее, как и по названию, я очень рад твоей подвижности. Она помогает сохранению твоего здоровья. Я покамест в роли нароста: сделает ли судьба операцию, это она только и знает. Мое дело — терпение. Ты несколько ошибаешься, полагая, что семициркуль твой мне неизвестен. Люди — так; но топографии в памяти; ведь я был в Калуге, Туле, Белеве, Мценске и Орле самом. Вот хотелось бы и мне в Москву, хоть святыне поклониться; не угодно, видно, то господу! Да будет его святая воля!

С Гречем вряд ли я увижусь. Я видел его в Исакиевском соборе, во время пробы освещения, причем пробовали и акустические качества; но что-то он не привлекателен; а мы довольно-таки смотрели друг на друга, я с сознанием, а он, быть может, и с догадкою. Если б был импет* сердечный, я, конечно, не удержался бы тем, что обратили бы на нас внимание. Нет, есть что-то навевающее холодом, да и как иначе: он прежде с лихвою прогорячился — в обе стороны. Нельзя там искать *бессмертия* добрых чувств, где едва ли они когда-либо гостили[2].

Но прости; я сегодни много писал, несмотря на воскресение, зато и устал так, что чт́о — твои будни! Крепко обнимаю тебя, мой друг,

твой брат б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. В первый день Пасхи чуть было не отправился ad patres**: наехавший извозчик так стукнул оглоблею в левое крыльце***, что, слетев с ног, я всем боком растянулся на мостовой, в грязи, у самых ног лошади. Ступи она шаг — кончал базар. Истинно бог сохранил! Теперь уж и последствия не беспокоят: лечился одной соленой водкою; это мой спесифик.

159. И. А. АННЕНКОВУ

СПб., 25 мая [18]58

Полагая Вас, любезнейший Иван Александрович, на месте уже, решился перебросить Вам несколько строк, чтобы напомнить Вам, что по Вашем отъезде я остался в положении грача, разинувшего рот в ожидании прилета

* От лат. impetus — порыв.
** к праотцам (лат.).
*** крыльце — лопатка.

матери с пищею. Горько подумать, что это ожидание может превратиться в ожидание Бабушки Ненилы[1]. Сохрани бог! Впрочем, если где, так, конечно, над нами ясно проявление истины, кроющейся в сентенции: «Человек предполагает, а бог располагает». Да будет же и тут его святая воля. А тяжело же мне, очень тяжело!

Здесь теперь только и говору, что о предстоящем освящении собора св. Исакия Далматского. Комитет, который был *о главном* предмете, кончил свое дело, и зять мой опять вступил в отправление своей прежней должности[2]. Работа его, однако ж, не имела того решительного последствия, какое ожидали. Она препровождена на рассмотрение губернских комитетов, на 3-месячный срок. Как это, вероятно, скоро узнаете, если уже не узнали. На сей раз более сказать нечего, кроме поздравления Вас с выбором в предводители[3]. Душевно и поздравляю, желая полного успеха в оправдании общего доверия, которое, в лице Вашем, для всех нас лестно.

С 15 числа мы уже на даче, по Петергофской дороге на 7-й версте, на даче *Зимина*, против дачи Пущина. Было дождливое время, а теперь комары: наслажденье!

Достопочтенной Парасковьи Егоровны целую ручку, с уверенностью, что она не забудет меня, старика маятного, при улыбке ее фортуны. Она знает, как на нее полагаться. Всем вас окружающим мой сердечный привет. Обнимаю Вас от всей души.

Б[арон] В. Штейнгейль

160. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., дача Зимина на Петерг[офской] дороге,
16 августа [18]58-го

Сегодни по обету ходил я пешком в Исакиевский собор помолиться чудотворной иконе нерукотворенного Спаса и когда пришел на квартиру, был порадован зело — твоим и Ивана Ивановича письмами. Выходит, что я сам виноват «напасти», нас «разлучившей»: вот какова беспамятная старость. Прости, ради бога, любезный брат и друг; я ждал все ответа на свое письмо от 26 апреля, а что в нем написал — из ума вон; да и время то было истинно сполошливо. Теперь давно уже все это обошлось. Сын — редактор «Военной хроники» и вот к 28[-му] э[того] м[есяца] едет в Москву с произведениями ее для лич-

ного представления государю при посредстве его командира ген[ерал-] ад[ъютанта] Огарева. Кроме хорошего для него тут ожидать ничего нельзя. Что касается лично меня, это особь-статья: много тяготеет на остатке бедственной моей жизни[1]. Предположения не сбываются, хотя силы еще не иссякли. Доучиваюсь «переносить бремя необходимости без ропота», твердя постоянно, утро и вечер, «да будет воля твоя». Преблагодарен я, что ты откликнулся: мне легче, гораздо легче. С дачи мы переедем на новую квартиру в Кирочную улицу, но ты погоди писать: в первых <числах> сентября доставлю тебе подробный адрес: теперь уж не забуду.

Спасибо кн. Орлову за тебя; он тут поступил точно, как князь. Важное обстоятельство — обеспечение на последние дни[2]. Я, сверх своего чаяния, попал на князя же, только Долгорукого (Вас[илия] Андр[еевича]). Он, отпуская меня, сказал: «Увидим, как бог поможет». До сих пор видно только, что нет ему помощи от господа делать добро. Но все жду, потому что в этом ожидании надежда; а без надежды что и за жизнь!

Иван Иванович пишет, что ты изволил кушать вино со льдом и этим простудился: за это дерут уши старикам, и что другое болезнь твоя? Впрочем, правду поэт сказал: «Всяк своей бедой ума себе прикупит!»

Я очень рад, что ты с приятностью говоришь о назначении к вам Виктора Антон[овича]. Он истинно предостойный человек, и в Тобольске долго его будут помнить — за добро, им сделанное. При всем моем уважении к нему, были два обстоятельства, которые оттолкнули от него мое сердце; а маску носить не мое дело: мне без того душно. Мы и здесь имели косвенное сношение при посредстве барона Штакельберга, но у него я ни разу не был и всеконечно не буду. Вот брат его жены, мой тезка, мне крайне по душе, даром что молодой человек[3].

В течение жизни моей, с марта, одно было замечательное, что мне удалось нечаянно побывать на живописном Валааме, и в самое то время, когда государь с государыней и наследником посещали этот остров, именно 28 июня. Старый мой друг Аркадий Вас[ильевич] Голенищев доставил мне это удовольствие. Мы съездили туда на лучшем пароходе «Летучий». До конца дней останется этот вояж в моей памяти.

Переселение в Нижний, по всей вероятности, останет-

ся химерою. Я просил о посредстве Анненкова; но он молчит и уж конечно *промолчит*. Я на эти вещи никогда не ропщу и очень верю сибирякам, которые в подобных случаях часто говорят: «видно, уж к *отведению*». Не долго уж побиться: завидую только Александре Васильевне и ни о чем так прилежно не молюсь, как о мирной, безболезненной, христианской кончине[4]. Если б не было обязанности к двум невинным существам, чрез меня вшедшим в этот мир, я был бы уже в монастыре. Таково мое настроение.

Пятковых знаю[5]; только это не *старшая* дочь, а вторая должна быть; старшая за Щербаковым, богатым тарским купцом, бывшим непримиримым врагом отца ее: это было *казусное* дело. Я бы желал знать, где этот Масленников будет жить, не в Таре ли?

Прости, крепко тебя и сердечно обнимаю — брат и друг до гроба

б[арон] В. Штейнгейль.

Обними да как можно крепче доброго нашего Евгения Петровича. Петру Николаевичу при свидании скажи, что память ласки его не сотрется с моего сердца. Засвидетельствуй мое почтение его любезной Елене Александровне[6].

161. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 25 авг[уста 1858], 7 ч[асов] вечера*

Исполняю обещание, данное тебе, мой друг-брат, чтоб не забыть, если поотгянуть исполнение: уж раз ведь провинился. Вот адрес:

«Литейной части, в Кирочной улице — улица памятная, *граф* жил[1] — дом архитектора Кольмана № 17-й».

Вчерась только что разместились. Теперь у сына редакция «Росс[ийской] воен[ной] хрон[ики]» будет в руках и под руками! Между тем послезавтра, 27-го, он отправляется в Москву и прямо в Кремль и в царский терем. С чем-то воротится? Вот чихнулось в самую эту минуту. Благословлю господа!

Благотворный наш монарх со вчерашнего числа уже в Белокаменной, на родине. Что-то все ждется доброе. Он научил нас добру верить. Да благословит его господь.

* Помета Г. С. Батенькова: «Отвечал 10 августа» (ошибочно вместо сентября).

Прости! Крепко тебя обнимаю. Скажи мой сердечный привет Евгению Петровичу и его милой супруге[2], Петру Николаевичу и Елене Александровне. Твой сердцем и душою друг и брат

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Медового человека, по букве, а не по существу, не успел еще видеть; увижу, так скажу тебе, как найду.

162. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 15 сент[ября 18]58

Твое, мой брат-друг любезнейший, получил *позадь-вчерась*, как говорят в нашей сродной Сибири. Спасибо тебе сердечное за эти приятные минуты. Поговорим же немного, это всегда отрадно.

Ясную погоду, видимо, стянуло всю на Север. Небо хотело благоприятствовать путешествию доброго царя для блага своих подданных, сих меньших, столько лет сомневавшихся, принадлежать ли, называясь православными, к роду умных существ. Ты, верно, с умилением сердечным прочтешь спичи, сказанные на пути благословляемым от народа[1]. В Швартгольме могло ли нам во сне пригрезиться, что господь, по неисповедимой своей благости, допустит нас дожить до осуществления мечты, нас погубившей. Слава ему, честь и благодарение во веки. Умрем спокойно.

С губернатором вашим виделся три раза у барона Штакельберга. Он человек вполне умный, честный, благонамеренный. Дай бог, чтоб с этими качествами успел попасть в тон дворянства и удержать его от своекорыстных стремлений, о каких здесь часто случается слышать[2].

О Гонихмане доставлю тебе удовлетворительное сведение. Несмотря на близость теперь, все еще не могу попасть к нему, толкаемый со двора различными побуждениями в противную сторону.

Да, это уж в натуре русского человека, если может остаться на боку дома, зачем идти хоть бы и на базар. Не диво, что и многолюдство имеет в некоторых фазах вид безлюдия и делает славную тестом Калугу не значительнее обильного жидами Каинска.

Мысль твою о «Хронике» Вячеслав мой совершенно разделяет; да вот что прибавляет: «Хорошо это тогда,

как есть независимость в действиях, спокойствие в обдумываниях — и средства в исполнениях». Я не стал спорить, как близкий свидетель хода вещей.

Твои англо-саксы в Индейской и Китайской войне так острамились, нравственно — разумею, что совершенно мне омерзели, разумеется — оптом, а не в частности[3]. После современных измерений северного градуса, о чем мы знаем, впрочем, чуть не понаслышке, благодаря нашей Академии н[аук], Мопертюи, со своею математическою знаменитостью, должен совершенно замерзнуть в памяти[4]. Фразы твоей «о пространстве», по неразборчивости предыдущего слова, не мог ясно выразуметь, как ни напрягал органа догадки. Недостает, видно, у меня этой шишки в черепе; прошу не осудить и писать впредь, отвлеченности особенно, пояснее.

На тайну пространства, позволю себе только заметить, давно существует повод обратить глубокое внимание — в первоначальных геометрических дефинициях, именно в той, что «часть *чего-нибудь* не может быть *ничем*».

Опытной наглядности это как будто противоречит, или наоборот, что, конечно, все равно; но мир микроскопический в капле воды и во всех других проявлениях подтверждает, что бесконечность недостижима в обе стороны и ведет к скептицизму относительно всего видимого, или, с бо́льшею точностью — к сократическому сознанию, что вся наша премудрость только и знает, *что ничего не знает*. Какой щелчок в нос нашей надменной гордости. При такой сокрушительной мысли утешительно в церкви слышать «Чертог твой вижду, Спасе мой, украшенный; и одежды не имам, да вниду в онь» и пр.[5]

Кстати: 5-го числа нечаянно попал я на освящение крестов Петропавловского собора, которое совершал, после обедни, викарий Агафангел[6]. Они 13-го числа поставлены уже на места, и долго-долго не увидит их никто в такой близи, как видел я. Крест тоже с ангелом, но он, как бы пролетая мимо, ставит его правою рукою, прижатою к груди, а левою указывая на небо, и тоже будет обращаться. Работа прекрасная. Шпиц будет 2 1/2 саж[еней] выше прежнего.

Конец благополучну бегу — мыслей! Но не дружбе и братству, с какими тебя обнимаю

б[арон] В. Штейнгейль.

Неужель я сглуповал ошибкою столь непростительною? А очень могло быть: часто думаю одно, пишу другое. Накануне часто упоминали имя Елены Николаевны, и вот вместо Татьяны написалось Елена. Надеюсь, ты не довел этот промах до сведения могущих ощекотиться. Привет всем.

163. И. И. ПУЩИНУ

СПб., 16-е сент[ября 18]58*

В 9-й день э[того] м[есяца] пай достиг до меня, любезнейший Иван Иванович! Хвала Вашей неотменяемой заботливости о помощи скудной «братии». Если б мог позволить себе чему-либо позавидовать в этом мире, то именно этой отрадной для благородного сердца возможности. «Сие бо приятно пред Спасителем нашим» — говорит неутомимый подвижник христианского добра св. апостол Павел. Этим словом замкну мои чувства.

Положение мое объято еще густым мраком, сквозь который не пробился еще никакой луч надежды, как ни мечусь от «семо» в «овамо»**. Предстоит знакомство с гр. Канкриным[1]. «Толцыте, и отверзется», — сказано. Походить на мокрую курицу очень невесело, на ошпаренную еще хуже. Вы скажете: «Что же может К[анкрин]?» У него связи, смелость и голос: может передать убеждение тем, которые в одном, кажется, убеждены: «было бы нам хорошо, а там хоть трава не расти!» Здоровье мне еще не изменяет; даже сглазить не могут.

Положение Вячеслава самого сжато. Вот уже, чуть не с часа на час, ожидаем прибавления его семейства: все это родит потребности — и заботы, конечно! Все тут же шепчет деду: «как бы тебя, дедушка, не было, было бы просторнее». Это самосознание, как ни превозмогай его, пилит. Говорю для того, чтоб Вы убедились в моей откровенности с Вами, и кто же, более Вас, имеет на нее право.

Для наших именинниц сегодни явилась вдруг неожиданная, по вчерашнему вечеру, гостья — дождливая погода. Надолго ли она пожаловала? Мудрено сказать, привыкнув к ясным дням.

Читали ли Вы спичи, произнесенные е[го] в[еличеством]? Жаль, если, как говорят, московская не будет на-

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 1 октября».
** сюда и туда (церк.).

печатана[2]. Уверен, не без умиления сердечного прочтете — и вместе со мною возблагодарите господа за сподобление дожить до этого времени.

Пятого числа нечаянно я попал на освящение крестов для Петропавловского собора. Служил викарий Агафангел. Процессию эту видел в первый раз и, что главное, видел вблизи крест, который надолго подымется в подоблачную высь. Крест тоже с ангелом, но не так сделан, как прежний. Ангел ставит его, как бы пролетая мимо, одною рукою прижатою к груди, а другою указывает на небо. Он будет тоже обращаться по ветру, но уж это не так будет тяжело для креста. Оба креста третьего дни уже подняты, и начали убирать леса по мере покрытия шпица золочеными медными листами.

Государя ждут к 25 ч[ислу] о[ктября], да сопровождает его всюду благословение божие!

Любезнейшей Вашей супруге мое сердечное почтение передайте. Марье Дмитриевне скажите душевный привет. Крепко обнимаю Вас

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Вячеслав мой свидетельствует Вам свое искреннее почтение, благодаря от всей души за память о нем.

164. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 8-е окт[ября 18]58

Нет часа, как я прибрел от добрейшего Федора Иван[овича] Гонихмана. Он мне был рад непритворно, как родному, и мне взаимно было чрезвычайно приятно видеть его здоровым и счастливым. Он мне с таким восхищением рассказывал, что излечил любимую кошечку вел. княжны Марии Александровны[1] и представил ей в день ее рождения! Но все еще кошечка в перевязках — она, изволите видеть, упала из окошка с третьего этажа и переломила обе ножки, к чрезмерному сокрушению великой княжны. Можешь представить, какова была и радость ее, когда старик сам сделал ей этот сюрприз, которого она не ожидала. Так это было устроено близкими к ней, по особенному расположению к доброму старику. Перевязки не могут быть прежде сняты, как к 20 числу эт[ого] м[еся]ца. Это, по его словам, срок, после которого он может думать о сильно и давно желаемом свидании с тобою, согласно и с твоим желанием. Он так просил к тебе

написать. От тебя зависит назначить пункт свидания, начиная с Москвы и до Колпина включительно. Он будет готов выехать во сретение тебе — старому другу, которого не переставал любить и уважать всем сердцем. Дозде* отчет по поручению о Гонихмане.

Что сказать о себе? Собственно о себе, т. е. об обстоятельствах моих, ничего; та же теснота и в ней ожидание, нисколько не облегчающее; но с другой стороны есть и отрадное: господь порадовал меня прямым внуком. С 25[-го] на 26-е у Вячеслава родился сын Сергий. С этим именем в России вряд ли бывали бароны; надо же начать. Родильница все еще в болезненном состоянии; такова прогрессивная подготовка матерей: для кринолинов готовят их; не для детей. Новорожденный здоров, и как по хлопотам и устройству только что перенесенной «Редакции» о крестинах еще и думать нельзя, то, без сомнения, он хорошо окрепнет к этой операции воцерковления.

Вчерась познакомился с молодым человеком, очень *нам* близким — Ивашевым. Он был у меня и уверял, что сестра его, г-жа Трубникова, нетерпеливо желает со мною познакомиться. Надо знать, что г. Трубников — редактор замечательного «Журнала акционеров», и, стало, познакомиться с ним не лишне[2].

Хочешь петербургской новости: сегодни государь провожает своего брата, генерал-адмирала, в море до Кронштадта, в разлуку месяцев на 8 или 9. Шпиц Петропавловской открыт и сияет новым блеском с новым ангелом; леса все убраны. Около Исакиевского собора большая часть площади очищена. Видно по всему, что памятник близок к открытию: я люблю молиться в этом громадно-великолепном храме. Образ божией матери с предвечным младенцем на коленях, простирающим объятия к предстоящим и молящимся, меня до слез поражает. Вчерась всю обедню простоял перед ним, проникнутый сердечною молитвою.

Да хранит тебя она, земная страдательница, небесная заступница за всех страждущих. Прости, обнимаю тебя, брат и друг,

б[арон] В. Штейнгейль.

---

* дозде — доселе, досюду (церк.).

P. S. Петру Николаевичу с Татьяной Александровной и Евгению Петровичу с супругою мой сердечный привет.

165. М. А. БЕСТУЖЕВУ

СПб., 25-е октября [18]58

Несказанно порадовал ты меня, любезнейший друг мой, незабвенный Мишель, своими так давно, и что далее, тем нетерпеливее жданными строками, и как кстати, вчерась у свата моего Анжу о тебе была речь, и я на вопросы знающих — знавших, хотел сказать, — тебя должен был отвечать антисуворовским «не знаю»[1]. Сегодня возвращаюсь к себе от дочери Julie и нахожу письмо с пометкой «Селенгинск»; бросаюсь распечатывать, думаю, от Марьи Николаевны, и как радостно удивился, признав тотчас твою руку. Я проглотил его — письмо твое, и ты, безжалостный! только что разлакомил. Но что я говорю! Разве мало узнать, что ты наконец дома и по 10-е сентября был в полном здоровье, однако ж — как варварски долго ходит эта почта. Конечно, время года причиною двухнедельному промедлению; но известность причины нисколько не ослабляет неприятности следствия. Все-таки от всего сердца говорю: слава богу, слава богу!

Что сказать, с чего начать? И то и се толкается из мысли под конец пера, а боюсь, на поверку выйдет, что именно которое поважнее, то и забудется. Наперед, однако ж, поспешу удовлетворить твоему требованию:

Адрес: На *Кирочной улице в доме Кольмана № 17.* Дом, или справедливее, полдома наняты под редакцию на пять лет; следовательно, если отзовет господь, письмо твое попадет в руки сына. Пиши прямо на мое имя.

Мих[аил] Фран[цевич] Рейнеке — не умирал, живешенек, но, как был — скрыпучее дерево. Вчерась о нем сказывали, что он где-то в германском городке, кончающемся на «бад», но собирается в Италию. Вот и все, что знаю.

Теперь о себе: все лето с сыном прожил на даче, на 7-й версте по Петергофской дороге, в скучной сфере — от музыки, песен, блох и пыли. Рад был радешенек, когда этот период кончился. Был замечательный эпизод — поездка на Валаам! Вообрази — на Валаам! Могло ли во сне присниться в Петровском? И в какое время? — во время высочайшего посещения монастыря этого госуда-

рем и государыней. Так близко я их видел! Как бы хотелось вскрикнуть: «Воскреситель наш! Прими благодарение!» Это было 28 июня. Мне это удовольствие доставил Аркадий Васильевич Голенищев; он меня пригласил с собою — и мы совершили преприятно этот четырехдневный вояж на отличном пароходе «Летучий», строенном в Англии для двора и купленном Компанией пароходства. Что сказать о Валааме? Природа очаровательна! Просто — прелесть! Это же лето ездил туда родитель «Гр[афа] Монтекристо» — Дюма и тоже предался восторгу и, надо заметить — вел себя отлично почтительно к святыне. Вот увидим, что он напишет. Уж без этого, конечно, не обойдется [2].

Наконец и собор Исакиевский получил освящение. Много было критических замечаний, но великолепие всех влечет в него. Что до меня, не умею тебе объяснить этого чувства, с каким молюсь в нем пред местным образом божией матери с предвечным младенцем на коленях, который распростертыми ручками как бы хотел обнять всех предстоящих. Счастливая мысль Брюллова и выполнена превосходно [3]. Всего изящного не пересчитаешь. При главном освящении я не был, но когда святили придел Александра Невского, я находился и при всенощной и у обедни. Вспомня, что был в соборе этом, обезображенном при Павле I, и что теперь бог привел видеть его в приличном благолепии, я был глубоко тронут — до слез даже! 8-го ноября, знай, непременно за твое здравие, на жертвеннике Исакия будет вынута частица, если только буду здоров.

Обращусь к семейным обстоятельствам. С 25-го на 26-е бог дал мне внука Сергия. Государь соизволил на принятие его от купели. Крестин еще не было. Разумеется, государь не лично будет принимать: этой чести сын мой не дорос; но и того уже много, и меня утешает, а еще как вспомнишь все пройденное в гонении: «Неисповедимы судьбы твои, господи!» — вылетает из груди, и слезящийся взор устремляется к пренебесному жертвеннику. Надо тебе сказать, что место инспектора Лицея было виднее для сына; но, по столкновениям, слишком тягостно и шатко; настоящее, напротив, покойно и выгодно преимущественно тем, что успехи по службе всегда могут быть замечены самим государем. Начальник его Ник[олай] Алексан[дрович] Огарев благороден и до сих пор

так к нему внимателен, как лучше требовать нельзя. Остается только благодарить бога и не облениться. Он этому и посвятит себя, уверен.

В эту минуту ты спишь крепким утренним уже сном, а мы еще приближаемся только ко сну. Да витает над тобою ангел-хранитель! Целую тебя с любовию и дружбою

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. 27-е, понедельник.

Я упомянул, что был у свата по случаю 30-летия его свадьбы. Это был адмиральский круг. Меня более всех заинтересовал Врангель, бывший министром [4]. После обеда подсел ко мне и изъявил любопытство о нашем прошедшем. Сколько позволила краткость времени, я ему высказал откровенно, начиная с крепостных приемов, суда и пр. С живым участием он не однажды восклицал: «Ах, боже мой! Это ужасно! Неужли!» Взамен он мне сказал с откровенностью, что сам чуть не попал к нам. Из Рио-Жанейро (Ханейро) он написал письмо к Батенькову и по счастию адресовал его к Литке, который получил это письмо в то время, «как уже всех хватали», и как сидел перед камином, то тотчас бросил в огонь [5]. Он примолвил: «Я со многими был знаком, и как иначе, когда в этом кругу было все, что тогда было любезного, умного, благородного!» Можешь вообразить, как такой отзыв ущипнул меня за сердце, и скажу странность: мне в эту минуту представились «наши» усопшие: «Ах! зачем вы этого не слышите?» — подумал я, и слезы навернулись на глазах у меня; я крепко пожал его руку.

Сегодни у нас решено, что завтра крестины Сережи. Сын непременно хотел, чтоб я был восприемником его de facto, и буду принимать с супругою ген[ерал]-адъют[анта] Ник[олая] Алексан[дровича] Огарева, которой угодно было отозваться, что она себе поставит за честь стоять со мною у купели и пр. Дама придворная; но неподдельно добросердечная! [6]

А знаешь ли, что Ив[ан] Ив[анович] Пущ[ин] уже супруг Натальи Дмитриевны si-devant * Фонвизиной. Он теперь здесь, гостит у родных, а она в деревнях своих хлопочет с крестьянами. Чтобы устроить этот брак, она,

---

* прежде (франц.).

по кончине мужа, приезжала нарочно в Тобольск, в Омск, в Абалак — и в Ялуторовск.

Здесь две дочери нашего Ивашева и сын, уже с настоящею фамилиею[7]. Старшая дочь за Трубниковым, редактором «Журнала для аукционеров»; имя его Констант[ин] Васильев[ич]. Я только что успел с ним познакомить<ся>*. Молодой человек, очень любезной наружности, образования университетского. <Ну> на этот раз довольно. Завтра сам снесу письмо в ящик.

Мой сердечный привет твоей любезн<ейшей> Марье Николаевне и сестрицам. Прости. Крепко, крепко тебя обнимаю.

Буду с нетерпением ждать, что <ты> скажешь всю истину о настоящем нового края и о том, что он обещает.

О тебе больше других любопытствовал Лутковский, племянник В. М. Голов[н]ина[8].

166. АЛЕКСАНДРУ II

СПб., 4 декабря 1858**

Всемилостивейший государь!

Благостию Вашего величества торжественно вызваны мы из мрака ссылки; утешены такими отрадными минутами, о каких и мечтать уже перестали. Исключительно я облагодетельствован высокою милостию, государь! Мы все старики уже или сближающиеся со старостию и смертию. Какие же чувства могли возродиться в сердцах наших к венценосному благодетелю нашему***, как не самые чистейшие — чувства благодарности, любви и преданности? И, питая их, вдруг увидеть, что в административной тайне мы еще все подозрительны и удержаны под надзором полиции![1] Невыразимо тяжело упало это открытие на мое сердце. За тридцать лет пред сим я мог, и то случайно, увлечься и подпасть возможности представить меня злонамеренным деятелем в событиях 14-го декабря 1825 года; но подлым душою самая казнь и ссылка не могли меня сделать.

---

* Концы строк с краю страницы заклеены следующим листом и не читаются.

** Помета В. А. Долгорукова: «Представить доклад со справкой. 5 декабря».

*** Слова «к венценосному благодетелю нашему» в копии выпущены.

Именем небесного судии умоляю Вас, государь! склоните сердечное внимание Ваше: 22 года уже тому, как присноnамятный родитель Ваш на просьбу мою о христианском прощении удостоил отозваться: «Давно простил в душе как Штейнгейля, так и прочих государственных преступников». Ваше величество сами, при посещении края Сибири, взглянув на некоторых, тотчас открыли им путь к выходу, и мы все сопровождали Вас благословениями[2]. Здесь недавно одному, с нами осужденному*, Вы соизволили возвратить все, с полною беспритязательностью к его личности[3]. Довершите, всемилостивейший государь! это новое прекрасное проявление высокой души Вашей и над теми, которых господь благословил и укрепил испить до дна чашу скорбей. К торжеству рождества искупителя рода человеческого это будет приношение благоугоднейшее ему всякого злата, ливана и смирны. С благоговением повергаюсь к священным стопам вашим.

Вашего императорского величества верноподданнейший
барон Владимир Штейнгейль[4].

167. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 2 января 1859

Прошу тебя, мой друг-брат, принять доставителя этих строк, как бы ты принял меня самого, даже с тою же доверенностию к его благородным чувствам. Это воспитанник Лицея, под руководством моего сына; и, стало, внук мой по духу. Имя его Николай Александрович; фамилья Серно-Соловьевич. Он успел уже обратить на себя внимание самого государя[1]. Прочее все от него самого узнаешь.

Обнимаю тебя сердечным приветом на этот Новый год
твой душою и сердцем
б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Петру Николаевичу и Татьяне Александровне передай мое душевное поздравление с Новым годом и желание прочного утверждения за ними спокой[ной] и приятной жизни.

---

* В копии далее: но спасшемуся от общей участи

ПИСЬМО В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЯ Г. С. БАТЕНЬКОВУ
от 2 января 1859 г.

168. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 24 янв[аря] 1859

Спасибо сердечное, что откликнулся, любезнейший друго-брат: беспокойством сердечным меньше. Но тут же новое поступило на ваканцию: что наш добрейший Иван Иванович? Ты знаешь, это мой сильф*. Мне бы ужасно было тяжело, если бы он предупредил меня в вечность. Последний фазис креста, который наложил на меня господь, без того выше сил моих. Не знаю, как еще держусь.

Вчерась был у барона, передал твое поручение и поручился за согласие полное твоих чувств с словами, выражающими твое к нему уважение. Насчет Милордова он отвечал, что в этом деле он видит как бы свое собственное, наблюдает ход и уведомляет Викт[ора] Ан[тоновичa][1]. Вышел я от него с новою тяжелою гирею, навешенною им к часам моего сердца: быстрее забился *маятник*, скорее спустится гиря к земле. Иносказательность эту поймешь, если скажу: он объявил, что не в состоянии долее содержать моего Андрея в пансионе и что надобно его оттуда взять. Как уж тут господь мне поможет, не знаю; но поможет, верю: по вере он, премилосердный! обещал исполнение. А мальчик такой, что содержатель пансиона, добрый немец, вызывался ему, барону т. е., принять половину платежа на свой счет, только бы удержать его.

Твоего немца еще не видал. Как бы ты взглянул на нашу атмосферу, постоянно хмурящуюся и нередко плачущую даже, ты не спросил бы: «почему?» Надеюсь увидеть на днях.

По *Вопросу* скажу только, что запрещение последовало вследствие некоторых происшествий в некоторых и — некоторых. Так барон сказал. В этом отношении он au courant des affaires**. Оно, конечно, грустно, но, как он же толкует, все-таки благодарить надо бога — за «несомнительность» успеха[2].

Обними же Соловьевича и поцелуй его. Да ведет его само благое Провидение к преуспеванию во всем полезном для нашего любезного отечества. За Петра Николае-

---

* Сильф — добрый дух.
** в курсе дел (франц.).

вича, избранного тою же благостию к новой деятельности, радуюсь всесердечно[3]. Обними и его, если позволит, от моего имени.

И «Моховая» недалеко, и дом Имзена знаю; да ты шутишь, говоря, «сойтись с тобой, если б *тебе это было угодно*»... Право, думаю, шутишь.

Прости! Сегодни матери божией «Утоли мои печали». Пойду помолюсь. Крепко обнимаю тебя — друго-брат.

Б[арон] В. Штейнгейль.

169. М. А. БЕСТУЖЕВУ

СПб., 29-го янв[аря 18]59

Ну уж как я тебе благодарен, любезнейший мой, незабвенный друг, добрый мой «Мишель». Вот, что называется, удружил. Давно я ничего не читал с такой жадностью, как твое письмо. Спасибо, спасибо полное от всего сердца. Кроме доставления мне совершенного удовольствия, быть очень может, что оно принесет пользу, в самой сущности, делу устроения будущей судьбы Амура; но об этом после, когда можно будет сказать что-нибудь положительное. Знай только, что здесь трудятся над Положением устроения порта на устье, стало, прямо в бровь воззрению на месте. И главный сообразитель г. Завойка[1]. Не имею чести знать этого барина (как здесь теперь говорит молодежь, заменяя слово «господина»), во всяком случае, возможно ли, занимаясь соображением за 10 т[ысяч] верст, не сделать ошибки? И свойство этого дела таково, что одна ошибка может стоить двадцати. Буду ждать от тебя дальнейших сведений, как обещаешь, с нетерпением вороненка, вытягивающего шею, разевающего пасть навстречу матери, несущей пищу.

Зимы, т. е. зимних элементов, в Петрополе в этот год почти не было: оттепель и мерзлая слякость сменялись взаимно. Можешь вообразить, как это весело для старика, особенно в 76 лет, которому притом надобно было ходить туда и сюда. Прибавь — положение тесное, от которого и сердце постоянно в сжатом состоянии, и тем еще это последнее сжатее, что не должно иметь настоящей своей наружности. Щадя близких своих, надо иметь вид спокойного довольства, помня старика Аруэта, который

утверждал, что tous les hommes sont bons hors des ennuyeux *[2], а я боюсь и казаться недобрым.

Буду наведываться, на Васильевском славном острове, о приезде твоей почтенной сестрицы и, конечно, не упущу случая с нею видеться, хотя это теперь для меня не так-то легко[3]. «Неумолимая» начинает стучаться и пришептывать: «пора! пора!» Вся правая сторона у меня не в нормальном положении; видишь из почерка, что и рука тоже. Обещал зять-племянник, он же и доктор[4], пособить гальвано-электричеством, попробую. Охотно сознаюсь, что смерть предпочту исковерканию, впрочем, да будет как угодно отцу небесному. Претерпевый до конца, той спасен будет!

Журналов, газет — такой наплыв, что все тебе, конечно, расскажут, что идет по рубрику «Новости». Я коснусь одной, на понедельник, т. е. на 26[-е] число с 3 ч[асов] ночи до утра успел сгореть очень хорошенький театр-цирк, что против Каменного театра лицом к лицу. Тут давались оперы, и вот, главное, о чем сожалеют, что сгорели все партиции**, гардероб и библиотека. Тут, может быть, есть что-нибудь и назидательно свыше, но ведь оно не слышится как-то. А может быть, я оттого так говорю, что, будучи прежде театралом, теперь совершенно охладел к театру. Я взглянул раз на представления нынешнего вкуса — и баста! Не возродилось охоты.

В заключение порадую тебя: истинно благосердый наш государь-благодетель в минувшее рождество Христово снял с нас вообще всякий надзор и запрет[5]. Можешь смело ехать в самый Петербург. Всякая ретроспективная мысль до того удалена, что в Калуге нашего Петра Ник[олаевича] Свистунова выбрали членом Комитета по крестьянскому вопросу, и он утвержден правительством.

Да, вообрази! В бумагах, сохранившихся у детей, нашлось письмо ко мне от Крузенштерна, в 1811 году, в котором хвалит мои мысли о Камчатке и благодарит за них, уведомляя, что она будет облегчена. Это я принял как аттестат с того света. Прости! Крепко тебя обнимаю — друг до гроба

б[арон] В. Штейнгейль.

---

* все люди хороши, кроме скучных (франц.).

** партиции — партитуры.

P. S. Здесь Белоголовый[6]; хочется его видеть; не знаю, удастся ли.

170. И. И. ПУЩИНУ

СПб., 11-го февр[аля] [18]59*[1]

Вот первые строки от меня к Вам, достопочтеннейший друг Иван Иванович, в настоящем году — довольно поздние, не правда ли? Но не выводите заключений в подрыв моих чувств к Вам. Они постоянно таковы, каковым следует быть в благородном и благодарном сердце человека, много Вам обязанного. По этому statu quo можете судить, как скорбно было мне, когда Вы были больны опять, и тяжело; и как после того отрадно было узнать, что Вы вне опасности. «Да хранит Вас господь!» Это ежедневная, в полном смысле задушевная молитва моя.

Я — так себе!.. С правой стороны только получил визитную карточку от общей неизменной посетительницы; но, вот видите, пишу еще и брожу — à la lettre** брожу покамест. Нисколько не страшусь. Жаль только будет беспомощных оставить. Но есть же господь на это. Барон отказывается от дальнейшего содержания моего Андрея, п[отому] ч[то] для болезни супруги помышляет отправиться за границу. Он, впрочем, равно как и содержатель пансиона, хвалит и любит его. Внезапно вызывается взять его под свое покровительство — кто бы Вы думали? — Булгарин!..[2] Но он сам уже кандидат на вакансию по переселению ad patres! Ужасно мрачная погода, еще мрачнее на сердце, и видите, какой хаос в мыслях; впал уже в прегрешение; забыл, что сказал: «есть господь на это!» Да будет его воля.

По прилагаемой копии уверитесь, что я был в ожидании чего-нибудь близкого к полному забвению принципа беспощадного преследования[3]. Сама добрая государыня брала участие!.. По сие время знаю только, и то под рукою, что снято запрещение и надзор. Что скажет восшествие и рождение[4]. Невдолге и это откроется.

Ив[ан] Алекс[андрович] Анненков здесь — за последним участком возвращаемого имения. На глаза мои, помолодел он.

---

* Помета И. И. Пущина: «Пол[учено] 15 февраля».
** в буквальном смысле (франц.).

Передайте Наталье Дмитриевне мой сердечный привет: да слышит господь молитвы ее о Вас.

Крепко, от сердца жму Вашу руку

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Вячеслав Вам кланяется: ему прицепили пряжку с цифрою XV, каких уж более не будет[5].

171. А. Е. ТИМАШЕВУ

10-го марта 1859*

Старец барон Штейнгейль, с полным «душевным» уважением обращаясь к его превосходительству Александру Егоровичу, всепокорнейше просит: удержанную вчерась бумагу Земского суда приказать немедленно отослать к помощнику надзирателя 4-го квартала Литейной части. У них сегодни ревизия, и молодой человек в отчаянии, не имея в руках этой бумаги; и барон Штейнгейль не в меньшем от страха быть причиною чьей-либо неприятности; а потому умоляет его превосходительство не презреть его просьбы[1].

172. И. И. ПУЩИНУ

СПб., 12 марта 1859

Уверен, вселюбезнейший наш Иван Иванович, что ни в сердце Вашем, ни в уме не проявится ни малейшего сомнения, если скажу, что душевно сокрушаюсь я о Вашем болезненном состоянии и от всего сердца молю господа восстановить Ваше здоровье. Анненков первый сказал мне о Вашем страдании, и вот вчерась, при первом нашем знакомстве, то же повторил Алексей Андреевич, давно знакомый Вам доставитель этих строк[1]. Успокаивает меня несколько известная Ваша твердость, с какою, по всей вероятности, Вы переносите нападки болезни, которые обыкновенно бывают наглы и неотвязчивы. И Алексей Андреевич подтвердил это вчерась, рассказав, что в письмах Ваших, диктуемых к сестрицам[2], заметен неизменный Ваш юмор; это и их, конечно, много утешает.

Что сказать Вам о себе? Положение мое вообще неизменно и безвыходно покамест. Если бы не ноги, здоровье мое было бы в удовлетворительном положении; а то в

* Помета: «Поручено СПб. ж[ан]д[армерии] г. поручику Плошкусу означенную бумагу лично передать».

моих переходах сильно уже пришепетывают и напоминают мне Тихона Федотовича, над которым, бывало, с другими и я, бывало, глумился. Теперь достойное чувствую возмездие. Третьего дни был у Тимашева по призыву. Я вошел к нему — к начальнику штаба, а вышел от «Александра Егоровича». Так он внимателен, учтив и обязателен. Он требовал меня, чтобы объявить, что, по случаю дозволения Бриггену Алекс[андру] Ф[едорови]чу носить Кульмский крест и медаль 12[-го] года, последнюю и мне позволяется носить[3]. Я заметно принял это с соблюдением полного равнодушия и рассказал ему обстоятельство, более меня интересующее, — это остающееся юридическое расторжение брака с моей старушкой; кажется, он понял это лучше кн. Ва[силия] Андр[еевича]. Обещал также доставить вид с выключением прещения въезжать в столицы. Увидим, что из этого выйдет.

Всею тяготою теперь давит меня отказ барона относительно содержания моего Андрюши. Но не теряю надежды, что господь поможет избыть и это горе.

Прошу передать мое сердечное уважение вселюбезнейшей супруге Вашей Наталье Дмитриевне. Да хранит Вас матерь божия.

С чувством неизменной дружбы жму Вашу руку

б[арон] В. Штейнгейль[4].

173. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 27-е марта [18]59

Поздравляю, друг и брат мой любезнейший и сострадалец, со вчерашним днем твоего ангела. Мы вспомянули тебя, в полном смысле — сердечно, с добрым Гонихманом. Я был у него поутру, не застал; он пришел ко мне ввечеру, и мы дали волю языкам на воспоминания и чувства. И вот что он велел тебе сказать:

1-е) Никакого от тебя приглашения в Москву не получал, а то приехал бы охотно.

2-е) Видеть тебя крайне хочется и будет сердечно рад встретить тебя на невских берегах.

Передаю это тебе по обещанию ему.

Крайне жаль Ивана Ивановича, но законы природы непреложны.

Сетование наше бессильно восстановить здоровье его и силы. О своем не говорю. Та же природа говорит и

мне: «Полно, брат, пора и честь знать». И что могу сказать в ответ, кроме: «Слушаю-сь!»

Все сказанное значит — получил твое письмо и чем неожиданнее, тем радостнее узнал адрес твоей руки. Спасибо большое.

Будь здоров, трудись, пока можешь. Прости! Крепко жму твою руку.

Брат-друг до гроба б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Хотел уже печатать, как добрый Гонихман в двери с программою училища св. Анны, о котором вчерась говорили. Добрый старик. Просил приписать, что кланяется тебе.

174. А. Е. ТИМАШЕВУ

СПб., 23 апреля 1859*

Его превосходительству, господину генерал-адъютанту Александру Егоровичу Тимашеву.
Записка барона Штейнгейля.

Во все время 30-летней ссылки, как в 10 лет заточения за Байкалом, так и после на жительстве в городах Западной Сибири, я принадлежал к категории *неполучающих пособия от родственников;* оно производимо было от казны.

По воспоследовании, в 1856 году, всемилостивейшего манифеста сын мой, бывший тогда инспектором в Лицее, поспешил выслать мне деньги, с убеждением скорее выехать. Сердце отца всеполно отдалось убеждению, и при благодетельном посредстве его высочества принца Ольденбургского, в ноябре того года, я был уже допущен в столицу.

Поэтому мне не могло быть известным распоряжение правительства насчет тех, которые, как и я, не имели средств выехать из Сибири и после, в самой России, могли нуждаться в способах существования.

В настоящем уже месяце я узнал, что товарищам моим по изгнанию и положению оказано на выезд из Сибири пособие — выдачею прогонных и подорожных денег** и единовременного пособия на дорогу, не превышающего ста рублей, на точном основании отношения г. шефа кор-

* Помета А. Е. Тимашева: «Доклад со справк[ой] и сообр[ажения]. 25 апр[еля]».

** Отчеркнуты карандашом на полях две строки со слов «на выезд из Сибири».

пуса жандармов к г. генерал-губернатору Восточной Сибири, от 13 мая 1857 года, за № 1163, по 3[-му] пункту которого всемилостивейше разрешено, и в самой России, выдавать нуждающимся пособие в таком же количестве.

Убедившись уже лично, как благородно бьется Ваше сердце, я смело обращаюсь к Вам.

Сын мой, теперешний редактор «Российской военной хроники», содержал старушку мать свою; с тем же сыновним радушием приютил и отца. Между тем с каждым годом семейство его прибывает, а все богатство в одном жаловании *.

Надобно одеревенеть, чтобы не страдать от мысли: «я обременяю доброго сына!» И это для отживающего, нравственно измученного старика новый тягчайший фазис креста.

При 76 моих годах я еще не так дряхл, чтоб не мог заниматься делом. Вот почему домогался я полной эмансипации из той тесноты, в какую мы выведены. Осчастливленный несказанно вниманием благосердой государыни нашей, я дерзнул даже утруждать просьбою государя. Вам известны и содержание и последствие!

На близкой дистанции от могилы я был бы жалок сам себе, если б, забыв лекцию всеблагого Провидения, увлекся честолюбием. Мне нужно успокоение, без отягощения близких сердцу — и надолго ли? Год, два, много три, земля примет на вечный постой.

Вы едете. Оставьте за собою благодарность, и Вам будут спутниками молитва и благословение[1].

175. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 30-е апреля [18]59

Со вчерашнего полдня письмо твое, мой добрый брат и друг, в моих руках. Испугавшись быть не «милосердым», я вчерась же отнес лично к Гонихману ему принадлежащее. Он обрадовался, уж конечно — непритворно. Уверял, что в лице моем видит «Гаврила Степановича», и вследствие того запотчевал чаем и бутербродом. Между тем я имел удовольствие познакомиться с его дочерью

* Отчеркнуты карандашом на полях три строки со слов «Между тем».

Катер[иной] Фед[оровной] и со внукою «Сонечкою»[1]. Мать и дочь равно милы и жаждут тебя видеть. Адрес твой верен, и если прежние были таковые же, то неполучение должно приписать другой причине. Именно, «у Таврического дворца, на набережной, в фуражном доме»[2].

Я слишком хорошо понимаю значение кончины нашего незабвенного Пущина в твоем сердце. Но ты сам же говоришь, что тем прекратились его «страдания», стало, хотеть, чтоб жизнь его продлилась — для нашей дружбы к нему, значило бы хотеть продолжения его страданий для кратковременного отдаления нашей, неминуемой впрочем, скорби. Ты не это хотел сказать, наверно, и это подтверждает выраженное тобою действие «лишения». Я молюсь постоянно о упокоении души его. Где же был добрый товарищ Павел Сергеевич Пушкин, если никого кроме Матвея Ив[ановича] не было на погребении? Я уже сказал тебе, что очень, очень скорблю о Евгении Петровиче. Знаю по себе, как легки такие потери[3].

Что Щепин выехал, знаю; но в *самом* ли Ростове он живет? — Это бы хотелось знать. О Бечасном слышал[4].

От всех твоих недугов, мне очень знакомых, лучшее средство — соленая фруктовая водка — и осиновка, т. е. настой осиновой коры на обыкновенной хлебной водке. Да ведь та беда, что ты враг всему спиртовому. По крайней мере, введи деготь в чищение зубов.

Да, я бы для тебя хотел, чтобы ты взглянул на град Петров. Сюда недавно приезжал наш Фаленберг — и беспрепятственно.

Покойный наш друг ошибся, думав, что я составлял «какое-то исключение»; ровно никакого. Обо мне сделано распоряжение по Петербургу, и потому не включен в список с другими. Так я думаю, ибо общее снятие запрещения последовало вследствие моей просьбы: в здешнем распоряжении это и не скрыто. Медаль 12-го года позволено носить без моей просьбы: просил фон Бриген. Разреша ему, дозволили и мне, как бы предупреждая подобную просьбу; тем более что я просил совершенного возвращения *всего*. Когда приедешь сюда, узнаешь все. Добрый Гонихман приглашает тебя к себе и указал мне комнату, где тебя поместит. Думаю, это было бы лучше, нежели остановиться у Матюшкина. Я хотя для тебя не «какой-нибудь добрый человек», но дам те-

бе подробное сведение о его квартире. Вот чрез два дня буду у свата, расспрошу подробно и тебя уведомлю.

В Польшу тебе ехать, хотя бы к Погодину, я бы не советовал[5]. К «Погодину» останется без внимания, оно обратится все «на Польшу». Осторожным быть никогда не лишне. В сочувствие, которое нам оказывают, вмешивается любопытство, а с этим элементом никакое «чувствие» не бывает продолжительно. На этом основании мне не желательно знакомиться с целью «до света наговариваться», хотя б то и о Сибири[6]. В 76 лет понаговорился-таки; а где сердце молчит, так и вдосталь охоты нет болтать. Как ни заманчив разговор, а все в существе перелив из пустого в порожнее. Добро бы тут газ выливался, а и этого нет.

Пожалуйста, пожми от меня руку всякому, кто обо мне вспомнит как о товарище.

Шепни Серно-Соловьевичу (Ник[олаю] Александровичу) от меня сердечный привет; от Вячеслава также, от Людмилы и от «бабушки». Мы все его непритворно любим. Это «отрадный» молодой человек.

Если знаком с Яков[ом] Семен[овичем] Скропышевым, скажи ему, что сердцем его помню[7].

Ты подивишься сбивчивости почерка и самого изложения мыслей, может быть; вообрази, что раз десять, на худой конец, был оторван от письма; вот и сию минуту, только что отобедали, сватья с племянницей приехала с Безбородкиной дачи. Но уж во что бы то ни стало оканчиваю, тебя обнимая мысленно с чувством братской дружбы,

твой душою и сердцем б[арон] В. Штейнгейль.

Скажи на милость: отчего ты мне ни слова не сказал о вдове Ив[ана] И[ванови]ча?

176. М. А. БЕСТУЖЕВУ

СПб., 20-е мая [18]59

В восемь дней два письма от тебя, мой добрый, незабвенный друг Мишель, это уж такая роскошь, от которой давно отвык. Бросаюсь, мысленно и сердечно, в твои объятия и благодарю тебя братски.

Разлуке нашей минуло уже, виноват, минет вот как раз 23 года, и сколько скорбного перенесено в это время!

За всем тем здоровье мое в Сибири не изменялось. Потрясение неожиданностью и проезд по трудной дороге, столь дальней, растрясли мой костяк, и диво ли, что вся машина стала пришепетывать. Прибавь, что и здесь бесконечная или, по крайней мере, безвыходная война с препятствиями, как бы для оправдания Юнга в его определении: «Что такое жизнь»[1]. Но, благодарение богу! в настоящую пору я еще держусь и этим обязан соленой французской водке. Это мой spéciphique. Им и зрение поддерживается.

На твои восклицания, мне очень понятные: мы так много горевали с тобою вместе о судьбах России, — скажу с грустию: между возгласами журналистов и сущностью хода дел, уф! какая разница. Невыразимо жаль доброго царя, может быть столь исполненного благости, что едва ли был когда такой. О, да хранит его господь от всех козней, расставляемых эгоизмом и своекорыстием в личине усердия! Что твой «барин»[2]; в священной защите Севастополя, где кровь лилась реками, такие ли выказывались! и разве в 12[-м] году не было тех же проявлений! Люди — люди и вечно будут людьми. Ты кстати напомнил события второго десятка лет настоящего столетия. И вообрази! никто из нового поколения не знает всего этого, и вообще историю, особливо историю прагматическую, приведшую к нашей катастрофе. Официальное преподавание ограничивается Екатериною и припоминанием Павла I.

О камчатских событиях я имел сведение от Арбузова. Можешь вообразить, в каком свете представил он распоряжения во время защиты. Скажу последним словом, что предпочтение нижним чинам в замещении должностей — идея знаменитого Аракчеева. Помнишь, думаю, «Батракова», участника высших тайн![3] Что тут дивить! В мою бытность в Охотске тоже было направление: меня не любили и гнали, т. е. сверху, не снизу. Тут Бухарин был моим врагом, в Москве — Шульгин. Но да простит им господь. Они нисколько не виноваты, как теперь понимаю. Оба, в свою очередь, так пострадали, что не желал бы поменяться с ними[4].

Недавно мне передано, что выписку из первого твоего письма[5] читал государь, государыня и наследнику показана. Много меня это порадовало. Врангель отозвался с похвалою. А, кстати, твой товарищ некогда Рейнеке —

за границею не выздоровление, смерть нашел; лучше бы было не ездить![6]

В последнем письме, которое получил в последнее воскр[есенье] 17 числа, мысли твои чрезвычайно интересны и мне крайне «по сердцу». Надо тебе сказать, что о рекрутском наборе в Сибири я давным-давно, до несчастия еще, кричал всем, кому мог, как о вреднейшей для Сибири нелепости. Но ведь это всегда было и есть и будет «глас вопиющего в пустыне». Что до ссыльных. Сперанский нанес величайший вред, бросив идею поселений и приняв размещение между старыми жителями[7]. Но если такой пресловутый ум поступил так или недальновидно, или так зловредно, то что ожидать от подумков? Покаюсь тебе: чем ближе к концу, тем более удостоверяюсь, что человеческий род не стоит лучшей участи. В частности, надо быть равнодушным ко всему, чтобы не пострадать с неравнодушными. Но — благовестят к обедне, хочется помолиться «божию человеку». Прости! до завтра — до послезавтра может быть.

177. М. А. БЕСТУЖЕВУ

Четверток Вознесение, май [21][1] 1859-го. СПб.

Поздравляю, мой друг! Ты уж пообедал, а мы еще к обедне готовимся, даже и не благовестят еще. Не молился я вчерась божию человеку. Изменилась несколько французская пословица: Non pas Dieu, mais les circonstances ont disposé ce que j'ai proposé*. Надо было заглянуть к моей Julie: она сбиралась на дачу, и проститься с нею, как обыкновенно прощаюсь: «Завтра не мое»,— говорю. Потом надобность завела на Вас[ильевский] о[стро]в к Голенищеву; у него и обедал: он неподдельный «старый друг». У Исакия простоял большую часть всенощной, часа два, устал, возвратился домой в «линейке», как ныне почему-то называют парные дрожки, и успел побывать в бане, она близехонько и одна из лучших в П[етер]б[урге], п[отому] ч[то] чистая вода. A propós**, два предприятия теперь в ходу: снабжение П[етер]бурга водою (sic!) и освещение газом. Для первого «ковш» пе-

* Не бог, но обстоятельства располагают тем, что я предполагаю (франц.).
** кстати (франц.).

ред Тавриче[ским] дворцом высушен, и возводится здание в 24 саж[ени] вышиною; для второго выгружаются на набережной у Адмиралт[ейского] бульвара трубы, из-за границы привезенные. Нынче у нас все из-за границы, вследствие «прогресса», конечно, и свое, сознательно, все негодно. А деньги? Беспрестанно слышим, что и меди нет или «скоро не будет». Третьего дни провезли уже лошадь на памятник, не замедлит и всадник. Открытие предполагается 25 июня, в день памяти[2].

Моему Вячеславу государь пожаловал вчерась 2 т[ысячи] р[ублей] по докладу его начальника ген[ерал]-ад[ъютанта] Огарева, по его обстоятельствам это важнее чина и всякого ордена. Впрочем, он на Пасху получил с[в]. Станислава на шею с короною. Семейство наше на даче уже, близь Безбородкиной и в соседстве почти с Анжу. Вот в какой мир попал, вовсе не кстати, твой друг, которому бы предгробный укромный уголок более приличествовал. Но твори, господь, волю свою. Мне ли давать волю желаниям? Молюсь только о детях, чтобы оставить этот мир с мыслию: «Они не будут оставлены».

Много, много бы хотелось говорить с тобою; но вот уже 9 бьет; скоро загудит колокол Исакия; а чудно гудит. До завтра отложить, не успею отдать на почту письмо, и то замедлил.

Мир и благословение господне призываю на тебя, на милую супругу твою, на деток дорогих — и обнимаю тебя крепко, как неизменный друг, и до гроба

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Есть весть, что Щепин умер. Сутгоф отправился на Кавказ. Анненков здесь; он богач теперь![3] Сегодни надо быть у него: зять Константин Ив[анович] Иванов именинник!

Недавно виделись с Фаленбергом. Ему мин[истр] гос[ударственных] имущ[еств] обещал место, а между тем частное получил в Полтаве, если не ошибаюсь[4]. Он еще молодец. Я простился с ним 24 апр[еля].

Вообрази, каково состояние моего духа: ведь я совершенно был уверен, что писал к тебе о смерти нашего И. И. Пущина, воспоследовавшей 3-го апреля; но сейчас посмотрел в записку и уверился, что некогда было сказать тебе об этом. На днях получил письмо от его вдо-

вы, кажется, она успокаивается. Батеньков мне писал, что последние минуты его были крайне мучительны.

Как бы ты знал, сколько помешательств было во время писания этих строк, то не удивился бы беспорядице, в какой они к тебе предстанут. Прости! Прости!

Да, Бригген просил — и мне дано вместе — право носить медаль 12 года!

178. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Вечер 28-го июня [1859], 9 ч[асов]

Сейчас нашел на столе твою записку — и вот ответ.

Голенищев не Алексеевич, а Васильевич. *Возможное* твое время мудрено согласить с его, а потому и научить тебя его видеть не берусь. Если завтра увижу его у свата — *именинника*, на даче, разумеется, то спрошу о вечере вторника, и тебя, по крайней силе и возможности, уведомлю.

Моего *Всеволода* ты уж никак не увидишь: он, еще лейтенантом будучи, отправился в тот океан, из которого еще никто не возвращался, но в который и мы, вероятно, скоро отправимся. Здесь на вахте земной остались мои Вячеслав и Владимир, первый будет завтра у тестя, конечно; второй в Красносельском лагере Гатчинского полка. Ничего более не могу сказать на твое «это как?»

Б[арон] В. Штейнгейль.

179. Е. И. ЯКУШКИНУ

СПб., 28 июля [18]59

Любезнейший Евгений Иванович, как бы Вас судьба ни повела высоко, я, по крайней мере, буду до конца моего, вероятно уж очень близкого тоже, смотреть на Вас, как на родного, и говорить с Вами без всякой затаенной мысли — мысли т. е., какую прогрессивным уставщикам нашей словесности угодно называть, уж, право, не знаю почему, «заднею»; не думаю, чтобы рабский перевод с французского был того единственною причиною.

Покойный друг наш незабвенный Иван Иванович, которому Вы были, как о том писал он мне, споспешником в его благородной заботливости о своей неимущей братии, пересылая ко мне с Николай Николаевичем Буличем[1] деньги, вот что писал в письме от 15 июня 1857: «Посылаю Вам за истекший год 200 р. Скажите мне от-

кровенно, достаточно ли Вам этой помощи? Я полагаюсь на собственное Ваше назначение. Если мало, то можно прибавить еще 50 р.» К тому он присовокупил, что год начинается с 25 августа.

Сближение этого срока заставило меня обратиться к Вам с тройственною просьбою.

Если можно, прибавить, хотя исключительно на этот только год, предложенные покойным 50 р. Говорю «исключительно на этот год», потому что все-таки хочется верить своему гороскопу, в котором мне предсказано дожить до 79 лет, а теперь еще 77-й[2].

То же, буде есть возможность, несколько ускорить высылкою субсидии; даже, впоследствии, самый срок отодвинуть назад до 25 июля.

Наконец, относительно самой пересылки денег, не искать ни оказии, ни посредства, а пересылать, адресуя прямо на мое имя: «На Кирочной улице в доме Кольмана № 17-й».

Сделаете, не сделаете, мои чувства к Вам нисколько от того не покоробятся, при полной неизменной доверенности к Вашим.

Дошло ли до Вас, что фон дер Бригген уже персть и тлен? Больно мне было крайне, что Цебриков не дал мне знать и один был представителем его товарищей при его погребении[3].

Обнимаю Вас от всего моего сердца

б[арон] Владимир Штейнгейль.

180. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 11-е августа [18]59

Господь с тобою, мой друг, я и не думал претендовать, стало, и «снисходительным» на этот раз быть не в чем. Очень хорошо, слава богу, милующему нас, изучил я деспотизм обстоятельств, силу увлекательную встреч и вязкость среды той, в которую случайно или мимоходом попадаем, — влаяем семо и овамо* в мире сем. Но не хотелось бы слышать упречный тон других: «Эка! Не удалось видеть, а как хотелось, и как желал того Фердинанд Петрович[1], и как ждали! и т. п.» Ну, уж это кануло в лоханку фактов, так тому и быть!

---

* колеблемся сюда и туда (церк.).

31-го июля, при встрече с Серно-Соловьевичем, я узнал, что есть от тебя письмо ко мне, и, по слову, ожидал его 4-го ч[исла] во вторник; но едва вчерась ввечеру получил его, и притом не лично, а чрез посланного и швейцара. Я почти убедился, что всегда лучше, потому что — вернее, писать чрез почту: гривна дело не разорительное. Жаль; деньком бы прежде, и «Медовиков»[2] имел бы уже твое письмецо: он, не далее вчерашнего утра, был у меня; теперь я должен сам к нему отправиться, и думаю это сделать сего же дни. Сделаю ли? Это вопрос итальянского мира[3].

Да хранит тебя и всех наших под небесным кровом своим матерь всех скорбящих радость. Прости! Всем мой сердечный привет. Обнимаю тебя мысленно, остающийся неизменным б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Не блазнись краткостью; покойный незабвенный друг наш[4] говаривал: «Меньше слов».

181. А. Е. ТИМАШЕВУ

27 августа 1859 г.*

Барон Штейнгейль имеет честь довести до сведения 1-й экспедиции III Отделения собственной его императорского величества канцелярии, что последнее пособие по 114 р. 28 к. с[ер.] произведено ему на 1856 год. Выехав из Тобольска 29 сентября того года, ни пособия, ни прогонных денег он уже не получал[1].

182. Е. И. ЯКУШКИНУ

СПб., 9 сент[ября 18]59

Примите полную благодарность, любезнейший Евгений Иванович, за двести пятьдесят рублей, доставленных мне из Москвы, от 1-го числа, при анонимном письме, с просьбою, чтобы о получении известить прямо Вас, что́ сим и исполняю.

Как сказал, повторяю и теперь, что до самого исхода своего из этого по многим отношениям — неприязненного мне мира сохраню к Вам родственно-приязненные чувства

б[арон] В. Штейнгейль.

---

* Помета: «С 1-го янв[аря] 1857 по 2 мая 1859 г. 266 р. 83 1/2».

183. Е. И. ЯКУШКИНУ

СПб., 14-е сентября [18]59

Вчерась ввечеру я нашел у себя на столе Ваше письмо, любезнейший Евгений Иванович, им все неясное объяснилось, успокоило меня, и я Вам преблагодарен. Одно Ваше выражение зацепило мое крайне болезненное сердце: кто же Вам сказал, что во мне есть недоверчивость к Вам? То, что могло показаться недоверчивостью во мне, не более как самоохранная осторожность, чтоб не подпасть самому заключению невыгодному столько же, как и неверному. Я довольно терпел по этой части в бухтах житейского моря, и потому неудивительно, что, приближаясь к «тихому» пристанищу, двигаюсь с лотом в руках. Кто не был в положении, подобном моему, тому не совсем будет ясно, какой груз лежит на старых изнемогающих плечах. Но чтобы уверить Вас, что я сердечно вполне доверяю Вам, — вот мое положение.

Я живу у сына Вячеслава Владимировича; он благороден и добр до nec plus ultra и, конечно, хотел бы доставить мне полное спокойствие, но сам он скуден в средствах, и притом на его попечении и мать — старушка, а свое семейство с каждым годом, видимо, будет прирастать, так что я вижу и чувствую, что стесняю и, стало, тягочу его собою. Я хлопотал, как мог, о том, чтоб обратить на себя внимание со стороны правительства, весь результат этого, в три года, что снят надзор, дозволено носить медаль 12-го года (о чем просил покойный фон Бригген) и определено по 114 р. в год, которые буду получать с 5 мая 1860-го — но буду ли? Наконец получил извещение, что за выезд из Сибири на свой счет, в уравнение с другими неимущими, «повелено» выдать 200 р. с. — и выдадут, когда пришлет «в III Отд[еление]» Министерство финансов. Между тем сын мой, который теперь здесь, — говорю о сыне Баронове — требует определения куда-либо для окончания — что я говорю? — для доставления образования. С этим бьюсь теперь. А дочь — при матери своей в Тобольске и требует тоже помощи. Добрые люди, особенно добрая Ольга Александровна Дометти, ее любят и не оставляют, но во всем этом, согласитесь, есть довольно терзательного.

Наконец, прибавьте, хотелось бы написать кое-что о нашем 33-летнем странствии. Мог бы я пояснить «тем-

ное» в 17-дневном междуцарствии 1825 года, и пр., и пр. Но в сущем параличе — не по здоровью, по обстоятельствам! С последнею целью хотелось бы посетить Москву, но stop-anchor* завяз в обстоятельствах, надо оставить всякую мысль о том; а ведь уж 76—77-й и тот на половине! Надеюсь, после этого не скажете мне в упрек, что, «право, заслуживаете откровенность».

Узнайте, пожалуйста, в Ярославле, есть ли там в Лицее профессор Зиновьев (Алексей Зиновьевич его зовут?) —и в какой он обстановке. Когда он учился еще в пансионе, я очень интересовался им, а мое интересование в Москве тогда имело кой-какой вес.

Буду несказанно рад, если бог велит Вас видеть здесь. Крепко, от всей души, обнимаю Вас.

Б[арон] В. Штейнгейль

184. П. А. ЕФРЕМОВУ[1]

[Не ранее 16 сентября 1859 г.][2]

Много и премного обязан Вам, любезнейший Петр Александрович, за Ваши хлопоты; потрудитесь попросить братца, чтобы избавил меня от доставления чрез полицию документов, я лучше согласен лично явиться, хоть на 24-й этаж, и на все возможные там поклонения и выжидания: будьте жалостливы.

Вот Вам желанная копия с курьезного документа *наших старых времен*. Извините старости неровность переписки — списка, хотелось сказать[3].

Это пишется на случай, если не застану Вас у себя.

Ваш душою б[арон] В. Штейнгейль.

На конверте: Его высокоблагородию Петру Александровичу Ефремову от старца.

185. А. Е. ТИМАШЕВУ

СПб., 25 сентября 1859

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

С признательными чувствами, имею честь Вас известить, что всемилостивейше пожалованные мне *двести рублей серебром* я, вчерашнего числа, из казначейства III

* стоп-якорь (англ.).

Отделения собственной его величества канцелярии получил.

С полным душевным уважением и неизменною преданностию имею честь быть

Вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

барон Владимир Штейнгейль.

186. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 23 ноября [18]59

Вчерась ввечеру получил твое письмо, любезный брат о Христе и о несчастии, и спешу сказать тебе душевное спасибо за то, что еще-таки вспомнил старика, уже почти до оглушения пришибленного и старостию, и болезнию, и обстоятельствами.

Да, без греха сказать можно, что последний фазис страдания для меня тяжелее предшедших. Ни сил, ни духа тех уже нет. Меня и Шамиль не занимал, и не видал я его[1]. Совершенно согласен с тобою, что в подве[де]нии итогов видится много утешительного. Всякое утро, просыпаясь, твержу себе: «а ведь лучше бы не просыпаться!» Все эти *развития* идей, *поднимание* вопросов, *гуманные* стремления по пути к *прогрессу* мне кажутся обаянием, чтоб не сказать — надуванием. А посмотри, как сквозит эгоизм, гордость и своекорыстие. И что бы ни делали, что бы ни говорили, человечество — увы! не будет лучшим. «Хотяще быти законоучители, не разумеша ни яже глаголют, ни о них же утверждают», — говорит св. Павел в сегодняшнем Апостоле! Законы всевышнего нам не постижимы; чем ближе к концу, тем более в том утверждаюсь, смиряясь и благоговея.

9[-го] числа господь даровал мне внуку Марию Вячеславну. Вообрази, что и тут не могу ощущать чистой радости!

Да хранит тебя матерь божия, да испросит тебе у господа приятную старость за то 20-летнее лишение, какое ты перенес к удивлению всех нас, осужденных вместе.

Прости! умру с неизменными чувствами уважения к тебе и братской дружбы.

Б[арон] В. Штейнгейль

P. S. Скажи взаимный привет всем, кто вспоминал обо мне.

Немца твоего недавно встретил на улице. Он тотчас

спросил о тебе. Все в нем обнаруживает то прочное влияние, какое имело на него знакомство с тобою в молодых летах. Когда пойду, если пойду, в собор учебн[ых] заведений, зайду к нему; это по дороге, и тогда исполню твое поручение. Нигде так не ощутительно, как здесь, что давать поручения в тысячу раз легче, нежели исполнять их.

Если можешь узнать верный адрес Марии Казимировны Юшневской в Киеве, напиши мне, когда будешь писать расположен.

187. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб. 26 дек[абря 18]59*

Благодарю, мой друг, что ты подарил меня своими строками к наступающему високосу, хотя с грустью прочел их: Бечаснов был наш особенный товарищ, Кюхельбекер предобрый и простодушный человек; да когда же их рука неумолимого времени скосила? [1] Дети у них остались: их жаль, крепко жаль. Но я, в этом случае, только и могу, что сожалеть да помолиться о душах преставившихся, ожидая своей очереди. Петра Николаевича прошу поздравить и от меня с веточкой; да зеленеет она на утешение их. Потеря Евгения Петровича так недавна, и так еще тягостна для его сердца, что даже и ожидание свежих плодов едва ли облегчит скорбь его [2]. На все то будет милосердие божие вследствие испытания покорности его святой воле. Думаю, он так и примет.

Зная твой ум и сердце, уверен, что обращение твое в этом смысле ко мне не имеет характера ни укора, ни глумления: наша подсудность переносится уже в тайны создателя!

Шамиль, в самом деле, уж много собою занял; невольно напоминает Геллертову басню «Der grüne Esel» [3]. Я был такой вандал против его, что ни разу не видал его ни близко, ни вдали.

Описывая свою осень, описываешь нашу. Состояние атмосферы держится около нуля. Сегодни видел настоятеля Валаамского монастыря, он сказывал, что Ладожское озеро еще не замерзло, и они ездят (25 верст) до Сердоболя на шлюпке. Сельская экономия отовсюду отзывается ламентациею. Из Сибири даже те же вести. Из

* Помета Г. С. Батенькова: «Отвечал 3 января».

Тары пишет ко мне мой духовный отец, что, кроме разлития Иртыша, скот извелся язвою, и сверх того мыши и крысы с юга сделали нашествие и весь хлеб, бывший в «суслонах», поели. «О множестве их судите,— говорит,— по тому, что один человек убивал их более 500 штук в день», и называет это истинною египетскою карою. Что́ еще должны мы пережить!

Можешь вообразить, как затруднительны у нас пути сообщения, что у Гонихмана о сю пору не удалось быть; я же все страдал ногою и вот только что дни четыре начинаю ходить свободно. Молодой человек, тобою поименованный, не мог тебе ничего обо мне сообщить, кроме что видел меня, при прощании с моим сыном.

Я бы хотел скромным остаться, но ты вынуждаешь меня сказать тебе истину. Г. Матюшкин сказал мне в последний раз, что был у тебя, такое ... но, да нет, Христос с ним. Мне жалко это превосходительство, отнявшее у меня всякую охоту видеть его, тем более быть у него. Пожалуйста, забудь это.

С Бекманом знакомиться, воля твоя, ни сил нет, ни охоты. Ежели узнаю что стороною о нем, тебя извещу, пожалуй.

И 1860 год встречу, как предыдущие, с одною постоянною мыслию: «Да будет воля твоя!»

Прости, друг, да хранит тебя господь! До смерти не изменю чувств моих к тебе.

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Всем «нашим» сердечный привет и поздравление.

188. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 7 апр[еля] 1860-го

Христос воскресе!

Сей час от доброго Федора Ивановича[1], значит, доставил ему сам твое письмо; где там искать Молдавских? Значит, твое начертание получил именно 4-го ввечеру, итак, на *этот раз* довольно исправно выполнил твое поручение, но более за силы свои не ручаюсь: если помнишь в Тобольске покойного Флегонта Мироновича[2], то точно и я теперь двигаюсь так же и, следовательно, вовсе не фельдъегерь. Нет ли поручения ad patres?

Ты в своих суждениях беспрестанно хватаешься за «науку». Признаюсь тебе, я сердит на нее, или лучше на

людей, которые опошлили ее своею надменностью, не сделав никакого приложения ни к нравственности, ни к смягчению нравов вообще и выказав одну почти, с малым исключением конечно, одну почти алчность к барышам. Куда ни обернись, то же лицемерие, то же надувание, тот же обман, то же стремление, не имея никаких душевных достоинств, ходить на ходулях. Эти слова могут показаться тебе несмысленными, они таковы и есть, по собственному моему сознанию, но они и сказаны только для того, чтобы *ты* видел настоящее настроение чувств моих. Что до мистических дум, не проникая *от века непроницаемое*, я крепко утвердился в истине, сказанной мудрейшим из людей: «Знаю только то, что ничего не знаю!» Теологию свою ограничил тоже немногим: «Верую, господи! помози моему неверию». Поздравляя тебя, если ты приобщился, по предположению, св[яты]х христовых таин, извещаю, что и меня господь сподобил быть причастником на Крестопоклонной неделе в субботу, т. е. 12-го числа марта, и это меня утешило много, потому что и скорбел не мало от препятствий исполнять этот долг христианина каждогодно. Надо правду сказать, здесь это очень трудно для старика: нужна и тут случайность.

Федор Иванович, или, по-твоему, «немец», толковал мне что-то о твоем переводе, о цензуре, о непропуске, уверяя, что я должен это знать, что ты мне говорил об этом: ровнешенько ничего не помню, хоть повесь, показания сделать не в состоянии[3]. Нет, нам уж и соваться нечего. Журналисты, кажется, думают о каменных домах и недоступны, как вельможи. Одно, впрочем, явление, что в начале столетия, что в начале второй его четверти, то же и в начале второго полустолетия. Поговорили, покричали, ну и довольно! пора за мундштук приниматься. Скоро, скоро господь уберет меня от этого скорбного факта; ты еще останешься, с твоим воздержанием, и надолго, может быть, наблюдать борьбу света с тьмою, материи с жизнью и жизни с умом.

Странно для меня то, что ты *на беседу со мною* выбрал именно такое время, когда *чуждаешься мирских мыслей* и когда *беседовать* не мог . . . Не прими в укор, говорю без затаенной мысли; да, без «затаенной», *задней*, которая так понравилась прогрессистам, не терплю, от нее дурно пахнет, особливо когда является, напр[имер], в такой фразе: «Профессор не внес в собрание никакой

задней мысли», см. описание банкета, бывшего в Москве в собрании ученых! в «Р. В.»[4]

Ну, никак не ожидал, что настолько меня хватит, когда садился отвечать тебе. Прости! друг и брат

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Память о добром друге Ив[ане] Ив[анови]че выполнил в Преображенском соборе в В[еликую] субботу, т. е. накануне годовщины. Сегодни писал об этом Наталье Дмитриевне, поздравляя ее со *днем рождения*.

189. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 14 мая [18]60-го

Остается только пожелать тебе, любезный брат и друг, благополучного пути и всех возможных приятностей по достижении староприязненного крова. Ты так много страдал отдельно, что было бы крайне бессовестно не пожелать этого тебе, не только для меня, но и для кого б то ни было. Легко быть может, что Василия Васильевича и знал я, да конечно мимолетно, никакой тени на памяти моей не осталось[1]. Зять мой Топильский Михаил Иванович говорит, напротив, что очень хорошо его знает, как умного, благородного и честного человека. Полагал, что он «не сенатором ли» там, и тотчас при мне справился в списке, не нашел однако ж; поняли, что должен быть в отставке уже. Истинно был бы то грех неразрешительный, если б ты отказался от наслаждения обнять и прижать к сердцу толь теплую душу с такою сердечною памятью.

Письмо твое я получил 11 числа. Замечание твое заслуживало бы того, чтобы пооттянуть ответом, да предположенный скорый твой отъезд заставил поускорить, чтобы застать тебя еще *на Руси*.

Что из России будет, и будет ли что иншее против прежнего, этого сам председательствующий в Гос[ударственном] сов[ете][2] не разрешит. При нас остается пламенное желание ей полного блага, а как она с ним управится, это уж одно неопределенное время выкажет. Ты там замечаешь, что *вообще*-то — как говаривал покойный друг наш — не очень утешительно; здесь это еще виднее, и какое-то свинцовое чувство теснится в сердце. Но не будем об этом толковать, равно как и о «задней мысли». Я не нахожу тут ничего, что бы могло походить на противопо-

ложность слишком известному замечанию хитрого министра Наполеона I-го; это только одно и скажу.

В моем календаре: «Господь сподобил меня приобщиться св. таин»,— записано против субботы 12[-го] ч[исла] марта. Не умею тебе выразить, как много это меня успокоило; для того — мне все-таки начинает уже слышаться стук костлявой руки: «пора, пора!», означающий, как бы ни уверял себя, что еще-де «слава богу, здоровье не совсем изменило». Скажу откровенно: последний фазис страдания, на которое я обречен исключительно, становится невыносимо тягостен и, вероятно, оттого более, что ведь надо же наконец устать. Молясь каждый день усердно, всегда имею пред глазами слова Нила Сорского: «Кая житейская пища бывает печали не причастна? Кая ли слава стоит на земли» и, всегда ими укрепляясь, запасаюсь суточным терпением. И Жуковский сказал: «Страдания — святая благодать!» [3] Прибавь к этому, что вот уже пятая неделя старшая внука моя Sophie больна в скарлатине. Это болезнь ужасная и для детей смертная. Во все время мы все в тревожном состоянии. Благодаря господа, кажется, выздоровление ее несомнительно.

Всякая строчка твоя мне приятна, тем более появление твое будет отрадно. Отмежуешь ли или не отмежуешь день в «полное мое распоряжение тобою», ни требовать первого, ни претендовать на последнее не буду. Достает у меня, благодаря бога, смыслу, чтобы понимать, что мы более зависим от случайностей, нежели от своей доброй воли. Езопов ответ на вопрос: «Куда идешь? Не знаю»— издревле служит этого подтверждением [4].

В среду был Сибирский комитет по представлениям гр. Амурского. Проект его в главном требовании, как слышно, отвергнут; но дается помощник, и по желанию его, Корсаков [5]. Впрочем, это хотя из верных рук, но пока не выйдет в свет законным путем, можем не верить и потому помнить новгородскую пословицу о пироге с грибами [6].

Слишком уж я записался. Уверь сотоварищей, что неизменно содержу их в памяти и питаю полное к ним уважение с неизменною приязнию.

Ольга Ивановна Иванова уехала на днях в Нижний к родителям, готовящимся отправиться — в Париж [7]. Можно вообразить, как желание Парасковьи Егоровны

летит туда вперед. Ей хочется обнять брата, и что может быть законнее такого желания?..

Обнимаю тебя. Прости! друг и брат твой до гроба: не забудь это —

б[арон] Владимир Штейнгейль.

P. S. Да! На адресе ты перенес меня и с домом Кольмана, улицы чрез четыре, да *Бассейнской* улицы и вовсе нет; есть Бассейная. Мой адрес просто: на Кирочной улице, в доме Кольмана № 17-й.

Уф! устал до того, что грудь заболела.

190. Е. И. ЯКУШКИНУ

СПб., 2-е июня 1860

Любезнейший наш, и мой в особенности, Евгений Иванович! Вы блеснули только мне каким-то живительным светом — и скрылись, как комета, оставя меня ошеломленным как бы в тумане, который, с каждым днем ожидания слова хоть от Вас, становится гуще и гуще.

Господь, к которому готовлюсь я на смотр, читает в сердце моем и видит в нем твердую уверенность, что Вы заботитесь проявить мне что-либо благотворное и молчите в ожидании *верного* и *положительного*. Я молчал также, не зная, где Вы? Но недавно явился к нам г. Черкасов, служащий под Вашим начальством и превозносящий Вас; он известил меня, что Вы долго пробыли в Москве и недавно только возвратились в Ярославль[1]. Я вспомнил, что Вы требовали откровенного признания в своих обстоятельствах и прежде того писали, чтобы не стеснялся расчетами покойного друга Ивана Ивановича, и потому решился препроводить к Вам «покаянную».

Обнимаю Вас с полным родственным чувством любви, дружбы и уважения

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Верите ли, что и то немногое, которое бегло пробежите здесь, утомляет меня? От наклонки сильно стесняется грудь. Вся моя молитва в том: «Господи! пошли мне предсмертную радость — успокоением в судьбе моих сирот!» О, как я понимаю хорошо: Nasci poena, labor vita, necesse mory! *

---

* Рождение — наказание, жизнь — труд, смерть — необходимость (лат.).

Мое положение:

Благотворная заботливость сына обеспечивает в приюте и пище. Две заботы возмущают дух постоянно: воспитание сына и неоставление дочери, рожденных в «несчастии», в безнадежности возврата.

Сын здесь, дочь при матери; оба одарены качествами радующими. Первого сначала принял было на свое попечение барон Штакельберг, вывез и отдал в пансион в Лифляндии, приуготовляющий к Дерптскому университету, поручил (на вакации) своим родным, что было истинным для него благодеянием: он приобрел немецкий язык и хорошие приемы. Но, по обстоятельствам, барон отказался от дальнейшей возможности содержать его в пансионе. Обещал было Ф. В. Булгарин, но умер. Я должен был взять его в Петербург; а средств решительно никаких! Но я подкреплялся упованием на бога.

После многих хлопот, доводивших до отчаяния почти, удалось определить в пансион к помощнику инспектора (теперь уже *инспектора)* Технологического института[2], с платою огромною для меня — 420 р. с. в год! со своею притом экипировкою. До сих пор внесено за него по 1-е июля 329 р. Средства истинно бог послал: выдали прежнее тобольское содержание, определив продолжать его, т. е. по 114 р. с. в год; участие товарищей несчастия доставило 250 р., и одна благотворительница, пожелавшая остаться для меня неизвестною, определила доставлять по 150 р. Поведение, прилежание, успехи, вообще нравственные качества сына доставляют мне полное утешение и оправдывают мою о нем заботливость. Генерал Голенищев, у которого он провел всю пасхальную неделю, отозвался о нем: «Он будет у Вас — человек!» Если инспектор в августе не сдаст его в третий класс Института, то придется еще год содержать его с этою платою; если же сдаст, то потребуется по 250 р. в год, пока не представится возможность поместить на казенное содержание.

Что сказать о дочери? Она получает теперь 120 р. в женском приюте, как учительница вышивания, пользуясь расположением начальницы, генеральши Ольги Александровны Дометти; а отцу уже 78-й!

191. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 28 июня 1860

В Иванов день получил я письмо твое, друг-брат, чего не ожидал, и получил самым приятным образом из рук Марьи Николаевны: ей самой вздумалось меня посетить. Она, как и ты, по-видимому, не знала, что *во время Иркутское* я был очень близко знаком с покойным Николаем Петровичем, ее отцом [1]. Все это вспомянулось. Нечего и говорить, что я буду рад-радешенек, если господь благословит быть ей сколько-нибудь полезным. Надо, однако ж, несколько повременить: зять мой, возясь с крестьянским вопросом, не имеет времени одышку перевесть.

Обращаюсь к письму твоему. Некоторые фразы меня крайне удивили. К чему такое как бы оправдание поездки в Варшаву. Я не знаю, куда бы я ни поехал, если бы были средства и возможность, как скоро в виду есть еще случай порадоваться приятной встрече с старою дружбою.

Ошибочно же твое понятие о тяготе для меня занятия *посторонним делом*. С того начать, что полезным ближнему быть никогда не было для меня сторонним делом. Да если бы и не так, то для тебя ни с какой стороны не может и не должно быть *страшно* обращаться ко мне с поручением. Какое бы оно ни было, я ведь не побоюсь сказать: «не могу!» и даже с уверенностью, что не рассердишься. Сам же и почти тут же говоришь: «с тобой церемониться мне не приводится». Да что говорить, очень понятно, что ты писал в увлечении сердца, а не ума! Иначе не поручил бы дать ответ, *при свидании*, Молдавскому, которого давно след простыл на пути в Томск.

Написать к тебе нечего и надумываться; вот видишь, и пишу, в первую свободную минуту между двумя трудными экскурсиями: вчерась воротился из Парголова, а сейчас отправляюсь на пароход, чтобы попасть в Ораниенбаум; завтра сват там именинник, и Вячеслав мой там живет, и внучата, говорят, спрашивают: «Где деда?» Такого рода вопросы, под диктовку сердца, разрешаются личным ответом: «Я здесь, мои милые».

Надо тебе сказать, что я нахожусь в самом тревожном состоянии духа: все мысли, все желания сосредотачиваются на сыне Андрее, на его воспитании в пансионе при Технолог[ическом] институте у инспектора. Он стóит

этого попечения; а средства мои? где они? Отказываю себе во всем; но и этого мало. Одно не оскудевает — надежда на бога! Добавлю слово, чтобы лучше обнять мыслию и сердцем: последний фазис страдания тяжеле для меня всех предыдущих, даже уж потому, что *последний*, когда силы уже не те, обстановка не та. Прости, друг! Да хранит тебя святое Провидение! Как-нибудь доплетусь до упокоения. Обнимаю тебя от всей души

б[арон] В. Штейнгейль.

192. Е. И. ЯКУШКИНУ

СПб., сент[ября] 9-е 1860*

Любезнейший Евгений Иванович! Ради самого бога, не оставляйте меня, старика, долее в неведении; по положению моему, по состоянию духа, оно тяжко для меня; тут на ставке вся будущая судьба бедного сына моего несчастия: мне бы хотелось умереть с утешительною уверенностью, что он не будет лишен образования и будет подпорою сестры своей и матери... Не могу ничего более сказать: не припишите этого неоткровенности; я знаю, что Вы благородны по чувствам — и нам родной.

Умоляю Вас тенью общего нашего друга, не оставьте меня без ответа.

Обнимаю Вас от всей полноты сердца

барон Владимир Штейнгейль.

Адрес: на Кирочной улице, в доме Риттера, бывшем Кольмана, № 17-й.

NB. P. S. Пред запечатанием, прочитав написанное, я почувствовал, что Вы вправе сказать, да что же Вам *теперь* нужно? Сами судите:

За август мне уже было нечем заплатить. Вчерась только получил третной пансион 38 р. Из них 35 р. заплатится по 1-е настоящего месяца.

С 1-го числа в год потребуется 420 р., но в это число получится 150 р. от неизвестной благотворительницы

---

* Помета Е. И. Якушкина (первая строка зачеркнута): «<...> тому, у кого будут в заведовании деньги, из которых высылают в настоящее время Штейнгейлю.

Прошу платить в Институт за сына Владимира Ив[ановича] Штейнгейля 250 руб. в год и деньги высылать или на имя В. И. или на имя его старшего сына Вячеслава Владимировича Штейнгейля. Е. Якушкин».

моей, стало, нужно только будет 270 р.: до нового года 140 и 130 после нов[ого] года.

На будущий год, при самом поступлении в 3-й класс Института, к которому приуготовляется самим инспектором, что должно быть в сентябре, необходимо внести за *полгода* вперед, уже 125 р. только.

Не скрою: желал бы сердечно избавить сына от помещения на казенное содержание, налагающее впоследствии на свободный выбор путы, нередко тяжкие.

О, будьте его благодетелем; умру, Вас благословляя, и сам господь Вас благословит.

Что до самого: у доброго сына — сыт, пригрет; до смерти много ли надо? Быть может, и заработаю что; к удивлению, здоровье поправляется, вот и теперь получил кое-что перевесть с немецкого языка.

Простите! Запечатаю, сам отнесу в ящик и буду на неделю времени спокоен — уверенностью, что Вы будете довольны полнотою моей искренности.

193. Е. И. ЯКУШКИНУ

СПб., 4 окт[ября] 1860

Да успокоит Вас, любезнейший Евгений Иванович, сам господь в Ваши тревожные часы — они и царям на долю достаются, и как еще![1] Как Вы меня успокоили письмом Вашим! Я получил его 18 ч[исла]. По содержанию его, ожидание удержало порыв к немедленному ответу. Ровно чрез неделю доставлены мне от г. Щепкина[2] 150 р. — и 27-го ч[исла] они были уже отданы инспектору за сына, за которого опять-таки получил ручательство, что «будет человек»; и — посудите! — этим я буду обязан покойному другу моему и Вам! Если б не бла[го]родство души Вашей, с другом моим умерло бы для меня все; я бы и не знал, что он, и за гробом, желал меня не оставлять, знавши, при жизни, мое положение. И вы допустить могли во мне поползновение к вопросу, какой никогда, ни в каком случае не мог наднестись на мозг мой, и доказали только, что меня не знаете, как оно в существе и есть.

Теперь позвольте несколько слов. Так ли Вы поняли, что сообщил Вам? «С будущего года» у меня значило с сентября 1861, когда сын мой поступит уже в институт в 3-й класс. Специальность его будет механическая. Но до того времени с 1-го ноября по 1-е сент[ября] надо бу-

дет переплатить 350 р. В это число поступят 150 р. от неизвестной благотворительницы, и из моего пансиона могу удалить до девяноста, [о]ставляя себе около 25 р. Всячески выходит дефицит 110 р. Открываю Вам это, поощряемый Вашими словами: «Затруднение собственно касается не количества денег, а аккуратности в их высылке».

Добавляю еще, что, по распоряжению покойного, финансовый год для нас, субсидиею дышащих, начинался с августа включительно. Думаю, что нельзя быть добросовестнее и аккуратнее в *откровенности* с Вами.

Простите! да хранит Вас небесное покровительство.

Ваш сердцем — б[арон] В. Штейнгейль.

194. Е. И. ЯКУШКИНУ

СПб., 15 нояб[ря 18]60

Виноват, сто раз виноват, замедлил ответом на обязательное, успокоительное Ваше письмо от 14 окт[ября]. Старость, Петербург, осень, зависимость от обстановки и пр. т. п. совокупно, надеюсь, извинят меня в глазах Ваших.

Догадываюсь, что непонятным для Вас по[ка]залось сказанное насчет 250 р., потребных на платеж с того времени, как сын поступит на казенное содержание в Институт. Я, помнится, не прибавил, что тогда в дополнении к 420, нужном теперь, надобности уже не будет. Моего пансиона с 150 р. благотворительницы будет достаточно. Субсидия «маленькой» артели покроет уже все потребности собственно по *моему* досмертному бюджету.

Между тем открывается или — и открылась уже — возможность потрудиться. И этим, догадываюсь, Вам же обязан. Меня посетил Пав[ел] Вас[ильевич] Анненков. Третьего дни я был у него и доставил ему статью, которую он взялся провесть под пресс[1]. Какой из этого будет успех, покажет время, которое, в *наше время*, часто показывает вовсе неожиданное. В отчаяние никогда я не приходил; других, напротив, нередко удавалось удерживать — в прежней жизни служебной и в страдательной последующей.

Прочитав написанное уже, увидел, что не сказал ни слова о 150 р., которые Вы предвещаете: получение их точно совершенно покроет дефицит, и не умею Вам ска-

зать, сколько благодарен я Вам; да верно, *по-нашему*, на благодарность не смотрите: сделано — забыто!

Сегодни не отправлю письма — завтра. Обнимаю Вас от всего сердца

б[арон] Владимир Штейнгейль.

195. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 25 нояб[ря] 1860, вечера 7 ч[асов]

Все эти дни я был в особенно мрачном духе и часто твердил: «Молитву мою пролию ко господу, и тому возвещу печали моя», так что Вячеслав раз спросил: «Помилуй, что тебе это задалось твердить погребальные стихи». Много навалилось на грудь мою в окончательной борьбе с натисками судьбы в этом мире. С неделю уже, как редкий день не приходил на мысль ты, мой брат и друг; уже вертелась мысль написать к Евгению Петровичу. Сегодни возвращаюсь домой от доброй своей племянницы и нахожу на столе письмо твое; руку тотчас узнал, черная печать меня не удивила, думал, имеет общее значение; но самые первые слова уже довольно были сильны, чтобы встревожить и привести в волнение. Да, тяжкая твоя грусть глубоко запала и в мою душу, которая имела надобность и питала надежду видеть доброго Сергея Петровича; итак, теперь — до вечности! [1] Но уж нисколько осталось: скоро и мне конец. Пред богом спасителем нашим уверен я, он прострет ко мне объятия. Завтра в церкви Преображения помяну его и помолюсь о упокоении души его.

И хорошо сделал, что отложил сюда ехать. Как бы ни хотелось тебя видеть и обнять, но я не эгоист и потому для обеспечения твоего здоровья охотно готов жертвовать всем, что может доставлять мне удовольствие; тем более что, по соображениям моим, посещение теперешнее тобою самим вскоре призналось бы напрасным.

Я не все понимаю ясно в твоем письме. Догадываюсь только, что Иван Сергеевич должен быть сын Сергея Петровича и г. Свербеев, верно, зять его [2]. О, да хранит его господь! Я знаю хорошо, что значат последовательные удары.

Немца твоего недавно видел: я шел к набережной взглянуть на сомкнувшуюся Неву и вдруг слышу: «Herr

Baron, Herr Baron!» *, оглянулся, он проезжает в санях со своею дочерью; едва успели разменяться обоюдным Gut Morgen! ** Видно очень, что здоров и «благополучен».

Сыну сего же дни отдал твой привет; благодарит. Зятю-доктору [3] завтра доставлю; старшей дочери — в воскресение; а быть может, завтра же.

Если эти строки дойдут до тебя еще в Москве суща, обними за меня благородного Михайла Михайловича, скажи ему, что я всей душой его уважаю [4].

Домой приедешь, всей калужской колонии нашей до земли мой привет. Вообрази, что и эти кое-как набросанные строки мне в утомление; а я ли уж не любил отписываться!

Да хранит тебя матерь божия! Прости, прости, прости!

Брат и друг до гроба

б[арон] В. Штейнгейль.

P. S. Все мои и особенно старушка моя тебе кланяются. Она тебя очень помнит.

Не оставляй меня надолго без сведения о себе.

А как мне хотелось бы побывать в Москве, с которой я некогда столь усердно нянчился. Но да будет по воле божией!

196. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 1-е марта 1861

Да, я не знал уж, что и думать о тебе, мой друг; сбирался уже писать к Евгению Петровичу в надежде, что он верно бы отозвался. Разыскивать причины задержания письма теперь уж не к чему; благо — дошло, слава богу.

Все касающееся до событий с семейством Сергея Петровича я прочитал с чувством глубокой скорби: да подкрепит господь бедную Зинаиду Сергеевну: удар судьбы пал на нее всею тяготою. Много надо мужества, еще более сердечного проникновения покорностию воле божией. Ты мне не сказал ничего о брате ее; а я ведь ничего не знаю, что он такое и даже каких он лет. Да и что ж бы от того, если б и знал?..

Я очень рад, что ты катался и был в обуревании и в

---

* Господин барон! Господин барон! (нем.).

** Доброе утро (нем.).

оснежении: борьба со стихиями и с препятствиями поддерживает мужество, а оно — под конец, на пути к труду и болезням отходным из мира сего, очень не лишне. Самая болезнь тебе послужит в пользу. Я тоже думал, что мое телесное расстройство уже окончательное, но нет, милует господь; le bonhomme vit encore! *. Будто и поотдало.

Мои близкие все, все — слава богу! Адмирал, как ты его называешь [1], — извини, к вымаранным строкам нам не привыкать стать** — с 64-годовалым *малолетием* принял с удовольствием, очень приметным, твой привет и благодарил, примолвя: «а как жаль, что я тогда его не видал!»

Ты уже, думаю, прочел статью Погодина по крестьянскому вопросу, явившуюся у нас вчерась в 48 № «Сев[ерной] пч[елы]», давно бы так[2]. В тайне только дух злобы ботеет***. Поблагодарим господа, что сподобил нас дожить до этой эпохи. Хоть я всегда говорю: «завтра не наше»; но уж теперь, кажется, всякое сомнение прочь о том, что дожили. А там, как и всегда, да будет воля божия.

Все мои благодарят тебя за привет. Прости, готовлюсь к первым часам, чтобы сочувствовать молитве св. Ефрема. Прости!

Друг твой и брат до могилы Владимир.

P. S. Товарищам земно кланяюсь.

197. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 27 апреля 1861

Воистину воскресе!

От сердца отвечаю тебе на твой христианский привет пресветлого праздника, любезный брат и друг. Обстоятельства и неизвестность, где ты, причиною, что не предварил тебя; впрочем, нам с тобою рассчитываться нечего, кому присваивать инициативу в подобных приветах.

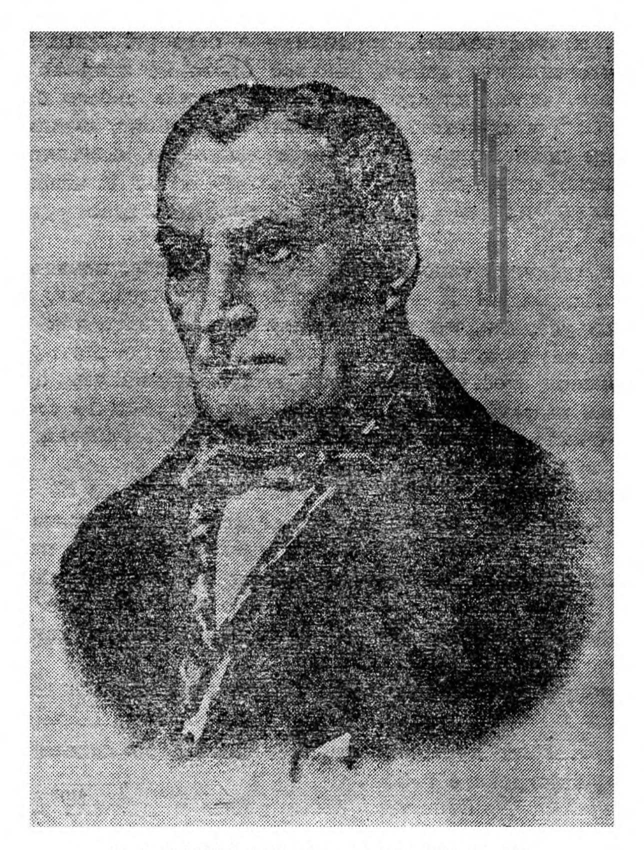
Вчерась строки твои поданы были мне, когда три семьи, Анжу, Топильских и Щепетовых, сидели с нашею за обедом, разумеется вечерним, у нового генерала, и этот генерал? — сын мой, Вячеслав! Оставляю тебе судить, в

---

* Жив курилка! (франц.).

** В тексте вычеркнута строка.

*** ботеет — разрастается.

Г. С. БАТЕНЬКОВ. Фотография 1860-х годов

каком я был настроении духа — и приятность на радость!

Я говел, надобно тебе сказать, в минувший пост на 1-й и на последней неделе и приобщился св. таин в Великую субботу; только что прихожу домой, меня встречают этим радостным для меня событием, которое держал сын в секрете, и мудрено ли удержать секрет пред стариком, который никогда не старался проникать в тайны ближних.

О деле государственном не пускаюсь ни в какие суждения; довольно, что, по благости божией, дожил до этого великого события в нашем отечестве, о каком 50 лет

назад, мечтая только, приходили в восторг. Дело известное: что никакое добро, никакое благо не входило в мир без того, чтобы из ада Сатана не выслал своего делегата à latere* с помехою и кознями. Крестьяне, глупо понимающие дело и еще глупее рассуждающие, все-таки менее виноваты, менее тех, которые, оставляя их в невежестве, оставляли их на произвол и грабительство «управляющих»[1].

Если вкусят теперь плоды своего посева, пенять не на кого. Но баста! Я молюсь о благотворителе миллионов, молюсь усердно, молюсь постоянно. Не далее как третьего дни, едучи к своему доброму Суворову обедать, на Симеоновском мосту я встретил его, и подъятием руки он ответил на мой поклон, я имел счастье уловить его взор. Да — счастье: он мой тройственный благодетель, и можешь судить, как мне было это приятно.

Если попадется тебе под руку «Journal de St Petersbourg», № 92, прочти, если уже не читал, письмо о[т]ца Иосифа Васильева, состоящего при посольстве нашем в Париже, к Нантскому епископу, от 12 марта настоящего года. Смело можно сказать, что это полемическое письмо образцовое; нельзя не радоваться появлению таких духовных в нашем православии.

Прощай, да хранит тебя матерь божия!

Друг и брат твой старец Владимир б[арон] Штейнгейль.

P. S. Мой душевный привет всем, кто вспомнит обо мне при встрече с тобою.

Наталия Дмитриевна была здесь и сделала мне поручение, которое давно меня самого занимает[2].

198. Н. Д. ПУЩИНОЙ

[27 апреля 1861][1]

Христос воскресе!

От всей души поздравляю Вас с пресветлым праздником, многоуважаемая мною Наталия Дмитриевна, желая, чтобы во всем касающемся до Вас проявлялся благодатный свет Христов.

И меня, премногогрешного, господь посетил радостью: имею сына генерала! Я вторично говел на страстной неделе и приобщался в субботу: только что прихожу из

---

* послом (франц.).

храма, исполненный благодатных ощущений, меня встречают этим известием. У заутрени он — сын мой, был во дворце, в полной генеральской форме, и что за молодец! Я чуть не задушил его в объятиях; откуда сила взялась; истинно помолодел!

Вчерась, по этому случаю, зять дал нам обед, и после стола завязался разговор, и он высказал мысль очень для меня интересную: толковали о майоратствах, о переходе титулов и фамилий, по поводу нового графа Ростовцева, я указал на нечто странное в княжестве детей Евгений Петровича без княжества отца[2]. Он как великий юрист, говорю о зяте, сказал: да это сделано тогда без всякого соображения с правами впоследствии, на случай наследия; потому что дети поступят в пятую книгу титулованного дворянства, а отец с матерью останутся в книге простых дворян; короче, если Евгений Петрович подаст государю просьбу в этом смысле и ее препроводят в Министерство юстиции, доказано будет или, как зять говорит, мы докажем, что надо или отцу возвратить княжество, или с детей снять. Я решился тогда же, или лучше сказать, сложил в уме своем известить Вас об этом для передачи Евгению Петровичу. Кстати же, государь после праздника едет в Москву и, как уверяют, проживет там с месяц; иные уверяют — шесть месяцев, будто бы по случаю перестройки дворца; впрочем, всех новостей не оберешься.

Дело о монастыре, по общему соглашению с зятем, начнем уже на Фоминой, когда все обратятся к занятиям[3].

Будьте здоровы, тверды духом и благополучны во всем. Это желание и молитва многоуважающего Вас старца

Владимира б[арона] Штейнгейля.

199. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 25 мая 1861

Любезный друг-брат Гавриил Степанович.

Вот тебе рекомендую Михаила Ивановича Семевского[1], одного из неутомимейших деятелей юного поколения, с которым я имел удовольствие сердечно сойтиться. Прошу тебя принять и обнять его с такою степенью отверстия

сердца, на какое я имею у тебя право. Уверяю, оба не ошибемся —

друг и брат твой Владимир б[арон] Штейнгейль.

200. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 26 июля 1861

Премного благодарен тебе, любезный брат и друг, за грамотку от 14 числа. Негодовать за молчание не в моих правилах, и оговорка твоя совершенно излишня. Не получая долго дружеского ответа или просто извещения, невольно скучаешь, грустишь, но сетовать или негодовать я себе не позволяю. Богу благодарение! ты здоров — и я уже награжден за терпение. Как ни разнообразна жизнь наша, но до привода ее к одному знаменателю, для обоих нас, уже нисколько!

Мои теперь все по дачам, я один в городе, куда мой генерал Вячеслав — ты ведь, чай, знаешь, что он его превосходительство с самой Пасхи — приезжает раза два в неделю из Ораниенбаума; вот часа два как он от меня уехал; супруга его близ *четвертого* разрешения. Чем-то господь порадует, как говорится? Я в Петров день был у них и у Анжу, они на его даче живут, и 22 ч[исла] э[того] м[есяца] повторил визит, по случаю именин внуки, моей крестницы de facto.

Дай мне понятие, кто Елена Сергеевна Кочубей, которая к тебе, говоришь, пишет из-под Нежина? [1]

Все что ни сказал относительно крестьянского дела, меня истинно порадовало; отовсюду теперь подобные вести. Бедственные явления были следствием... ошибок, коли хочешь; да что человеческое чуждо их. Вспомни притом нам близкое: «Где без жертв... и пр. и пр.» [2]

Станем постоянно и всеусердно благодарить господа, что сподобил нас дожить до этого результата, и внедрим в сердцах наших, и как можно глубже, благодарность и любовь к нашему доброму, благодушному царю — до конца дней наших.

«Немца» твоего встречаю иногда дорогою, и всякий раз обратит мое внимание громким криком «Herr Baron!» Но мне не удается у него быть: не близко, а ноги *того!* Теперь, однако ж, будто поправляюсь.

На всякий случай не лишним считаю тебя известить, что второй мой сын Владимир, служивший в л.-гв. Гат-

чинском полку штабс-капитаном, вышел в отставку и поехал управлять имением друга брата своего Алек[са]ндра Алексеев[ича] Лазарева, находящимся в Жиздринском уезде в 6 верст[ах] от Сухинич. Может, как-нибудь встретится, не забудь, что сын мой, стало, твой племянник.

Эти дни весь занят одним предметом — определением моего Андрея Баронова в Технологический институт на казенное содержание. Он приготовлен в третий класс; стало, три года надо ждать, пока выйдет на дело: велит ли бог дожить. Но грешу я вопросом: он безмерно милосерд! и он же сказал: «По вере вашей будет вам!»

Прости. Письмо меня утомляет. Обнимаю тебя с нелицемерными чувствами братской дружбы.

Б[арон] В. Штейнгейль

201. Е. И. ЯКУШКИНУ

СПб., 27 сент[ября] 1861

Спешу известить Вас, добрый наш Евгений Иванович, что 200 р. от Ник[олая] Мих[айловича] Щепкина получил. О благодарности ни слова; между нами ей приличнее остаться в сердце до соединения с преждеотстрадавшими и преждеотшедшими братиями.

Мысленно обнимаю Вас. До последней минуты очередной сохраню к Вам святородственное чувство.

Владимир б[арон] Штейнгейль

202. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 25 дек[абря 18]61-го

Собирался к тебе писать, любезный брат и друг, а ты и предупредил меня. Благодарен за приятность.

Меня подстрекало любопытство по прочтении соч[инения] б[арона] Корфа, в котором не однажды он указывает на сведения, тобою доставленные, о Сперанском, разумеется. Мне бы хотелось знать: лично ты ему доставлял или чрез чье-либо посредство. Скажи, вообще, как ты нашел возможность вступить с ним в сношение. Не могу от тебя скрыть, что одно в этом сочинении Корфа крайне мне не понравилось, это — совершенное лишение Трескина всякой справедливости и явно намеренное обречение его на жертву — для личного своего рельефа[1]. Жаль, что сил у меня уже не хватает, а то пустился бы

по долгу христианина и честного человека в полемику противу сильных земли.

Знаешь ли, что я тебе скажу: Сперанский отменил систему поселений особенных и, приняв размещение всякого отребья России между старожилами, более Сибири сделал зла, нежели Трескин с Пестелем — своими гонениями некоторых лиц[2]. Еще повторю, крайне больно мне, что в этом обвинении Трескина фигурирует твое имя. Но вся эта история и все деятели того времени уже пред судом божиим. Смиримся! скоро, скоро и наша очередь.

Что бы там ни говорили, а я благодарю господа и до гроба буду превозносить царя за истребление в отечестве нашем гнусного рабства. Как начал себя помнить, был сторонником этой идеи.

Все это время, с ноября, я был болен неважною болезнью, но она порядочно меня помучила; теперь, благодаря бога, почти здоров, но все еще присиживаю дома. Вот и сегодни обед у свата, а мы со старухой дома.

Писал ли к тебе, что сестра моей невестки Александра Петровна Анжу просватана за полковника, некогда сослуживца Вячеслава, Владимира Васильевича Нотбека, теперь командира образцового полка (если не ошибаюсь) в Ораниенбауме[3]. Около 15-го буд[ущего] м[еся]ца — свадьба.

Обними за меня почтенных добрых товарищей и передай мое поздравление с наступающим новолетием, отворяющим врата во второе тысячелетие.

Насилу и это написал, до того утомляет меня согбенное сидение. Прости! Да хранит тебя господь!

До гроба брат и друг б[арон] В. Штейнгейль.

У двора был выход сегодни, и Вячеслав привез официальное провозглашение там тайн[ого] сов[етника] ст[атс-] секр[етаря] Головнина — сына Василья Мих[айловича] — министром просвещения[4]. Уф! сто семь дней остается до восьмидесятого года! Да будет воля господня!

203. М. И. СЕМЕВСКОМУ[1]

29-е дек[абря] 1861. СПб.

Загляните к хворому старцу, Вас любящему и уважающему: дело есть.

Влад[имир] б[арон] Штейнгейль

204. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 25 января 1862

Я встал с мыслию писать к тебе, друг-брат, и вообрази, более часу провозился, рывшись в бумагах, для отыскания твоего письма, а оно — было у меня под носом. Чтобы ты еще лучше мог понять, как старость со мною шутит, вот другой пример, вчерась в записке вместо Петра Федоровича (свата своего т. е.) написал Федор. Как бы то ни было, на совести у меня лежало — отвечать тебе, на твое интересное для меня во многих отношениях письмо, полученное 6 числа, в самое Крещение. Тотчас бы даже отвечал, да были обстоятельства «высокого давления», при каких я всегда свертываюсь в клубок покорности. Наконец могу писать, и вот отвечаю, следуя содержанию твоего письма.

Начинаешь «спасибом за отклик» и прибавляешь: «мне всегда нужно знать о тебе». Этого слова «нужно» не могу разгадать значения; скажи «приятно», напиши «желательно»—так! это, по твоему доброму благородному сердцу, для меня было бы вразумительно; потому что, воля твоя! до сих пор я считал, что такая фраза мне только могла быть прилична, по нашим взаимным отношениям.

От начала века утвердилась истина, что всякая разумная, свободная «особь» имеет свое воззрение на окружающие предметы и свой внутренний повод к такому или другому заключению о них. Против этого не могу иметь пререкания. Если б мог что сказать, не решусь: всякая полемика мне уж не под силу; тем паче с тобою, которому я всегда сознательно отдавал пред собою преимущество, во всем, особенно — в слове. Никогда не забуду, что ты был мой учитель «начертательной геометрии». Не могу умолчать только о том, что М. М. Спер[анского] память я сам чту как нельзя более, потому и в голову мне не приходило быть к нему несправедливым и тем менее присваивать себе на это «право».

О перерождении России не дерзну говорить: благословляю только благодать господа, что допустил меня дожить до этого вожделенного времени и видеть начало результата принесенной нами жертвы. Из этого и суди о моих чувствах и мыслях.

Если ты устаешь, и даже «крепко» от писания, что же я? посуди!

Теперь и товарищ Головнина, Рейтерн — министр, и какой? — министр финансов! Как человека его хвалят; что скажут о министре?[1] Для нас, стариков, утешительно видеть, что цель учреждения лицея достигается блистательно. И как жаль, что за несколько дней до последнего назначения достопочтенный маститый старец Егор Антонович Энгельгардт скончался, как бы сказав: «Совершишася!»

Прости! Да хранит тебя господь и его пресвятая матерь под кровом своим.

Друг-брат твой Владимир б[арон] Штейнгейль.

P. S. Благодарю за чувства, выраженные насчет Ал[ександры] Пет[ровны] Анжу. Тебе приятно будет узнать, что сочетание с Влад[имиром] Вас[ильевичем] Нотбеком совершилось 14 ч[исла] этого месяца. Вчерась был день ангела ее матери, они приезжали. Я видел ее, но как гостей было много, не удалось передать ей твоего участия. Не забуду.

205. Г. С. БАТЕНЬКОВУ

СПб., 26 авг[уста] 1862

Ну, слава богу! ты жив и здоров, и никакой зубок не прорезался у тебя против меня, а то грустно я метался между этими двумя идеями.

Я уверяю себя, будто возвращаюсь к здоровью, но тут же убеждаюсь, что тяготею к могиле; но и без того несказанна милость божия, что дожил до утешительного результа[та] нашего страдания. Да утвердит господь своею благостию венец на главе доброго нашего монарха, на много лет!

Прости! иду молиться: колокол зовет.

Твой душою и сердцем друг и брат

Владимир Штейнгейль.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. М. И. СЕМЕВСКИЙ — Г. С. БАТЕНЬКОВУ

22-го сентября 1862 г.

Милостивый государь,
Гаврила Степанович!

Патриарха Вашего славного, знаменитого братства — не стало. Друг Ваш — барон Штейнгейль — скончался после двухнедельной болезни; пять дней он лежал без движения и языка, но с светлой памятью: еще действующей рукой он начертал г. Иванову записку: «Прошу, не оставьте моего сына Андрея» (Баронова), за сутки до смерти потерял память. Смерть не изменила ни одной черты в его дивной, величественной физиономии; она стала только спокойна*, на лице его невольно читаешь, что могилы он ждал давно и в ней видел единственное успокоение от всех огорчений, которыми омрачился запад дней его.

Прилагаю несколько строк, напечатанных мной в газете; цензура их изуродовала вымарками, типография изуродовала опечатками. Хотелось сказать многое, но язык наш скован...[1]

У покойника тщательно сберегались между прочими документами Ваши письма; я с г. Ивановым (Конст[антином] Иванов[ичем]) сильно опасаемся, что они будут уничтожены. Сын Владимира Ивановича — генерал. Ради истории дозвольте их взять на сохранение Кон[стантину] Иван[овичу] Иванову (адрес — в Инженерном штабе, г-н капитан), дозвольте и воспользоваться ими мне впоследствии при составлении биографии Вл[адимира] Ивановича. Ради дружбы Вашей с покойником, решаюсь просить Вас написать воспоминания о нем; не будете ли так добры поделиться ими со мной? (Адрес: в Штаб Гвард[ейской] артил[лерии] у Литейного моста, старшему адъютанту Николаю Федоровичу Дубровину — с пересылкой Михаилу Ивановичу Семевскому)[2].

Вы меня вовсе не знаете, я Вас знаю давно и также давно питаю к Вам чувства глубокого уважения, с которыми имею честь быть Вашим покорным слугой

Михаил Семевский.

P. S. Спешу на вынос тела...

---

* Зачеркнуто: спокойнее.

2. В. В. ШТЕЙНГЕЙЛЬ — Г. С. БАТЕНЬКОВУ

23 сентября [1862]. Петербург

Спешу уведомить Вас, почтеннейший и душевноуважаемый Гавриил Степанович, о горе, постигшем нас; 20-го сего сентября в 4 3/4 час. пополудни скончался батюшка мой от болезни, продолжавшейся — видимо — 15 дней, но гнездившейся в нем уже давно. 5-го сентября в квартире племянницы его с ним сделался нервический удар, вследствие которого — сильное излияние крови на мозг и легкий паралич языка. 9-го числа причастили св. таин в полной памяти, сам читал молитвы. 11-го я был в состоянии перевесть его домой, потому что ему мгновенно сделалось лучше; но 13-го опять, вероятно, повторилось излияние крови в мозг — паралич языка усилился до того, что уже трудно было понимать — к этому прибавился еще паралич правого глаза и внутренностей. 17-го мы его соборовали — он был в полной памяти, но уже с большим трудом мог проговорить последние слова «Слава тебе, боже», трижды. Затем он со всеми простился и совершенно потерял употребление языка. До 20 числа его сильная натура упорно боролась с смертью, несколько раз доктора обманывались: то предсказывали конец через несколько часов, то решали, что он может прожить еще полгода, наконец утром 20[-го] он уже потерял сознание, зрение и вообще всякую чувствительность тела — и в 5-м часу скончался, совершенно спокойно, окруженный женою и детьми.

Завтра 24-го положим его по его желанию на кладбище большой Охты.

Так кончились страдания 80-летнего старца, помолитесь о упокоении души его — и не оставьте своим расположением душевно Вас уважающего сына его барона Вячеслава Штейнгейля.

КОММЕНТАРИЙ

ЗАПИСКИ

Автобиографические записки

Исторический вестник, 1900, № 4—6

[1] Штейнгейль (Steinheil) Иоганн Готфрид (ок. 1750—1804), отец декабриста, происходил из старинного немецкого рода княжества Ансбах в Баварии, с 1772 г. на русской службе, с 1773 г. на службе в Сибири. Маркграф — Фридрих-Христиан (ум. 1769). Оттон I Великий (912—973), германский император.

[2] Речь идет о русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

[3] Румянцев Петр Александрович (1725—1796), ген.-фельдмаршал, выдающийся полководец. В Семилетней войне (1756—1763) овладел крепостью Хольберг. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. командовал армией, одержавшей победу над турками при р. Кагуле (1770).

[4] Ласси Франц-Мориц (1725—1801), гр., австрийский фельдмаршал.

[5] Шаховской Федор Яковлевич (1740—1782), полковник, командир Астраханского полка. Салтыков Иван Петрович (1730—1805), ген.-фельдмаршал, участник многих военных кампаний.

[6] Конгресс, на котором шли мирные переговоры между Россией и Турцией, проходил сначала в Фокшанах, затем в Бухаресте. Мирный договор был подписан в 1774 г. в придунайском селении Кучук-Кайнардже. Обресков Алексей Михайлович (1718—1787), дипломат, русский резидент в Константинополе (1751—1768), сенатор.

[7] Запорожская Сечь была ликвидирована в 1775 г. по распоряжению Екатерины II. Земли ее были розданы помещикам, а казаки переведены на положение крестьян.

[8] А. П. Сумароков (1717—1777), поэт и драматург.

[9] Е. П. Кашкин (1737—1796), ген.-аншеф, с 1780 г. возглавлял поочередно ряд наместничеств и губерний.

[10] Обва (Обвинск), сейчас с. Верх-Язьва Красновишерского района Пермской области.

[11] И. В. Ламб (ум. 1801), пермский, затем иркутский губернатор (1783—1786).

[12] Бем Магнус Карл (1727—1806), премьер-майор, главный командир Камчатки в 1772—1779 гг.

[13] Точнее Рейнеке Франц Францевич (1747—1821), главный командир Камчатки в 1780—1784 гг.

[14] Орленков, майор, комендант Нижне-Камчатского острога в 1784—1790 гг.

[15] Кох Иван Гаврилович (ум. 1808), в 1783—1788 гг. временно исполнял обязанности коменданта Охотского порта, с 1790 по 1795 г. — главный командир Камчатки.

[16] Г. А. Козлов-Угренин, полковник, главный командир Охотска и Камчатки в 1784—1789 гг. Охотск в то время считался областным городом. Ему подчинялись Камчатка, Чукотка, побережье Охотского моря, Алеутские и Курильские острова.

[17] Шмалев Василий Иванович (1737—1799), комендант Тигильского острога, затем капитан-исправник Камчатки, брат известного исследователя Камчатки Тимофея Ивановича Шмалева (1736—1789). Характеристика его В. И. Штейнгейлем явно несправедлива. В. И. Шмалев — участник ряда экспедиций по Камчатке, автор многих работ (подробнее о нем см.: Алексеев А. И Братья Шмалевы, их жизнь и деятельность.— Летопись Севера. М., 1962, т. 3, с. 92—107).

[18] Прибытие в августе 1786 г. в Петропавловск английского корабля «Ларк» (капитан Вильям Питерс) позволило Г. И. Шелехову и другим купцам установить торговые отношения с Ост-Индской компанией. Капитан-исправник барон И. Штейнгейль выступал на переговорах в роли переводчика и скрепил договор своей подписью (Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948, с. 199—200).

[19] Шелехов (Шелихов) Григорий Иванович (1747—1795), рыльский купец, основатель Русской Америки, много сделавший для освоения восточного побережья России и Аляски. Один из главных инициаторов создания Российско-Американской компании.

[20] Таён (тойон) — титул представителя феодальной якутской знати.

[21] Лаперуз Жан-Франсуа де Гало (1741—1788), французский мореплаватель, возглавлял кругосветную экспедицию 1785—1788 гг., в 1787 г. посетил Камчатку.

[22] Лессепс Жан-Батист (1766—1838), участник экспедиции Лаперуза. Собрал о Камчатке материалы, издал их в 1790 г. в Париже. Первый русский перевод под названием «Путешествие Лессепсово по Камчатке и по южной стороне Сибири» появился в 1801—1802 гг. В своей книге Лессепс упоминает о нескольких встречах с отцом В. И. Штейнгейля. В 1793 г. был консулом в Петербурге, в 1802—1812 гг. — главным комиссаром по торговым делам с Россией.

[23] Лебедев Николай Петрович, ген.-лейтенант, иркутский военный губернатор (1802—1803), командир иркутского гарнизона (1804—1807).

[24] Коленкур Арман Огюстен Луи (1773—1827), французский государственный деятель, дипломат, посол Франции в России (1807—1811), министр иностранных дел (1813—1815).

[25] Матица — центральный брус, который держит потолок избы.

[26] Биллингс Иосиф Иосифович (1761—1806), кап.-лейтенант русского флота, участник третьей кругосветной экспедиции Дж. Ку-

ка, с 1783 г. на русской службе, руководитель секретной Северной экспедиции 1785—1795 гг., направленной для изучения и описания северо-восточного побережья Азии.

[27] Сарычев Гавриил Андреевич (1763—1831), участник экспедиции Биллингса, ученый-гидрограф, впоследствии адмирал, возглавлял морское министерство в 1829—1830 гг.

[28] Галл Роберт (Роман Романович, 1761—1844), участник Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785—1795), впоследствии адмирал.

[29] Беринг Христиан Тимофеевич, морской офицер, участник Северной экспедиции, внук знаменитого мореплавателя и полярного исследователя В. И. Беринга.

[30] Горновский Степан Антонович (р. 1754), якутский исправник (с 1789 г.), затем губернский прокурор, председатель уголовной палаты. Известен своими проектами преобразования Северо-Востока Сибири. Выступал против произвола иркутского губернатора Н. И. Трескина, за что в 1807 г. уволен от службы. Вновь возвращен был М. М. Сперанским в 1819 г. (Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872, т. 1, с. 37—38). Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), кн. Таврический, крупный государственный и военный деятель.

[31] Кук Джеймс (1728—1779), знаменитый английский мореплаватель, совершивший три кругосветных экспедиции.

[32] Воронцов Семен Романович (1744—1832), русский дипломат, посол в Англии (1785—1806). Рекомендации для поступления на русскую службу Биллингс получил в 1783 г. от русского посла в Англии Симолина (Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966, с. 70).

[33] ...предчувствуя ков — предчувствуя козни.

[34] М. И. Соур, секретарь Биллингса, был обвинен своим начальником в укрытии ряда бумаг об экспедиции и взят под стражу. В ходе следствия выяснилось, что он утаил часть документов с целью вывоза их за границу. Несмотря на обыск, он смог все же вывезти их и издал в Лондоне книгу: «An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia by commodore Joseph Billings in the years 1785 to 1794» (London, 1802), в которой пытался очернить Биллингса.

[35] Калигула Гай-Цезарь (12—41 гг. н. э.), римский император, известный жестокостью и сумасбродством. Поход на Британию, превративший ее в римскую провинцию, произошел при преемнике Калигулы императоре Клавдии (10—54 гг. н. э.). Оценка Штейнгейлем роли Г. А. Сарычева в Северной экспедиции полностью совпадает с мнениями современников. Негативная же характеристика Биллингса, вероятно, во многом объясняется влиянием М. И. Соура, имевшего много причин ненавидеть руководителя экспедиции. Новейшие исследования свидетельствуют о более положительной роли Биллингса в экспедиции, и позднее на Черном море (Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев, с. 69—107).

[36] Деларов Евстратий Иванович (ум. 1806), мореход, правитель русских поселений «Американской Северо-Восточной компании» Г. И. Шелихова и И. Л. Голикова (1787—1791), один из директоров Российско-Американской компании (1799—1806).

[37] Баранов Александр Андреевич (1746—1819), каргопольский

купец, с 1790 г. на службе у Г. И. Шелехова, первый правитель русских владений в Северной Америке.

[38] Спорная вода — прилив.

[39] Г. А. Козлов-Угренин был уволен от службы и предан суду в 1800 г., после того как И. Г. Коха в Охотске сменил новый комендант кн. Мышецкий и вскрыл злоупотребления (Сгибнев А. С. Охотский порт с 1649 по 1852 г. — Морской сборник, 1869, № 11).

[40] И. Бухарин, комендант Охотска (1804—1808), прославился деспотизмом и злоупотреблениями. После ареста в 1808 г. находился в течение семи лет под следствием. По приговору суда был лишен прав состояния и дворянства и сослан в Сибирь.

[41] Якоби Иван Варфоломеевич (1726—1803), генерал-губернатор иркутский и колыванский (1783—1788).

[42] М. М. Арсеньев (ум. 1791), иркутский губернатор (1786—1791).

[43] И. А. Пиль (ум. 1801), сибирский генерал-губернатор (1788—1794).

[44] Из числа этих лиц, по крайней мере, двое (Е. Е. Дитмар и Э. Г. Лаксман) были знакомы с А. Н. Радищевым. Известно, что «знакомые немцы» присылали Радищеву в Илимск гамбургские газеты (Татаринцев А. Радищев в Сибири. М., 1977, с. 190, 206). Лаксман Эрих Густавович (1737—1796), академик, известный химик, натуралист, минералог. С 1784 г. проживал в Иркутске. Об остальных дополнительных сведений найти не удалось.

[45] Сибиряков Михаил Васильевич (1745—1814), богатейший иркутский купец, неоднократно избирался городским головой.

[46] На протяжении XVIII в. русско-китайская торговля в Кяхте неоднократно прерывалась. Очередной перерыв в торговле, наступивший в 1785 г., оказался наиболее длительным. В результате переговоров, которые с русской стороны возглавлял иркутский гражданский губернатор в 1791—1797 гг. ген.-майор Людвиг Тимофеевич Нагель (ум. после 1807), в февр. 1792 г. было подписано соглашение, известное под наименованием «Международный протокол». Стороны подтвердили свою верность условиям Кяхтинского договора 1727 г. и согласились возобновить торговлю (Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974, с. 161, 167). Вонифатьев Петр Дмитриевич, действ. ст. сов., с 1791 г. директор Кяхтинской таможни. Был знаком и переписывался с А. Н. Радищевым (Радищев А. Н. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1952, т. 3, с. 359, 481). На его дочери Пелагее Петровне (р. 1791) Штейнгейль женился в 1810 г.

[47] Л. Т. Нагель прибыл в Иркутск 9 окт. 1791 г.

[48] И. Л. Голенищев-Кутузов (1729—1802), ген.-интендант флота, директор Морского корпуса (1764—1802), с 1797 г. президент адмиралтейц-коллегии, автор многих работ по морскому искусству.

[49] Штейнгейль Иван Федорович, двоюродный дядя В. И. Штейнгейля, кап.-командор, в 1766—1803 гг. командовал рядом военных кораблей.

[50] Удостоверение из Ревельской дворянской канцелярии о баронском достоинстве Владимира фон Штейнгейля, Ревель, 23 июня 1792 г. (ЦГАВМФ, ф. 432, оп. 6, д. 36, л. 14).

[51] П. В. Чичагов ((1767—1849), адмирал, с 1799 г. командую-

щий Балтийским флотом, министр морских сил (1802—1811), участник Отечественной войны 1812 г. Сын В. Я. Чичагова.

[52] Вениамин (Багрянский Василий, 1742—1814), епископ Иркутский и Нерчинский в 1790—1814 гг.

[53] С 1797 г. Павел I ввел телесные наказания для дворян.

[54] Имеется в виду манифест 12 июля 1793 г. о прекращении русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

[55] А. Б. Куракин (1759—1829), кн., ген.-прокурор Сената.

[56] Штейнгейль Федор Федорович (1762—1831), гр., двоюродный дядя В. И. Штейнгейля, участник Отечественной войны 1812 г., ген.-губернатор Финляндии (1813—1823).

[57] Николаи Андрей Львович (1737—1820), бар., президент Академии наук (с 1798), писатель.

[58] О создании в 1801 г. в Иркутске какого-либо клуба неизвестно. Возможно, речь идет о благородном собрании, но оно было открыто в февр. 1799 г. (Пежемский П. И., Кротов В. А. Иркутская летопись. Иркутск, 1911, с. 154).

[59] В 1798 г. в Иркутск был определен военным и гражданским губернатором ген. от инфантерии Христофор Андреевич фон Трейден, пробывший на этом посту 10 месяцев.

[60] Б. Б. Леццано (р. 1736), ген. от инфантерии, военный губернатор Иркутска (1798—1802).

[61] студных — стыдных.

[62] П. К. Карцов, вице-адмирал, директор Морского корпуса в 1803—1824 гг.

[63] Безу Стефан (1730—1783), французский математик, автор учебников по математике, навигации и артиллерии.

[64] Ханыков Петр Иванович (1743—1813), вице-адмирал, главный командир Кронштадтского порта (с 1801 г.). Для противодействия революционной Франции, войска которой занимали Голландию, между Россией, Англией и Австрией был заключен союз. На основании его для содействия Англии в 1795 г. была отправлена эскадра под командованием Ханыкова (20 линейных кораблей). Эскадра оставалась у берегов Голландии до осени 1796 г.

[65] ...свалились с кораблем — столкнулись.

[66] ...Вобан Себастьян (1633—1707), маршал Франции, реформатор военно-инженерного искусства. По его планам строились военные укрепления во многих европейских городах.

[67] Скуратов Николай Сергеевич, морской офицер, участник многих морских сражений, вице-адмирал (с 1797 г.), в 1799 г. вышел в отставку. Мусин-Пушкин Алексей Васильевич, адмирал, командир Кронштадтского порта (1788—1789), в 1800 г. уволен в отставку.

[68] Более подробная характеристика морского флота в России в конце XVIII в. дана В. И. Штейнгейлем в статье «Старина морская и заморская» (Маяк, 1840, № 10, с. 23—34).

[69] ...вертели шпиль — имеется в виду шпиль кабестана, на который наматывается якорная цепь.

[70] Гюйс — флаг, который поднимали на флагштоке в носовой части корабля.

[71] Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1778—1852), адмирал, участник кругосветного плавания 1803—1806 гг., руководитель кругосветной экспедиции 1819—1821 гг., открывшей Антарктиду.

[72] Речь идет о рождении 25 июня 1796 г. вел. кн. Николая Павловича, будущего Николая I.

[73] Массильон Жан Батист (1663—1743), выдающийся оратор, проповедник при дворе Людовика XIV, бесстрашно обличал пороки королевского двора и общества. Массильона и евангельское изречение (Лука. 2.34) Штейнгейль связывает ассоциативно с будущим выступлением декабристов против самодержавия и с ролью Николая I в поражении восстания.

[74] Речь идет о Греческом кадетском корпусе, созданном при Екатерине II, здание которого на Васильевском острове было отдано под Морской корпус.

[75] П. Я. Гамалея (1766—1817), преподаватель, затем инспектор Морского корпуса, автор учебников по навигации и математике.

[76] Чапман Фредерик Хенрик (1721—1808), адмирал, английский инженер-караблестроитель, работал в Швеции.

[77] Тенедос — остров у берегов Греции. В марте 1807 г. русская морская эскадра под руководством вице-адмирала Синявина одержала здесь победу над турецким флотом.

П. В. Чичагов был обвинен в измене и заключен Павлом I в Петропавловскую крепость (21 июня 1799 г.), но вскоре был помилован и назначен командиром эскадры, отправляющейся к берегам Голландии и Англии (1799—1800).

[78] Вероятно, речь идет о Цвиленеве Александре Ивановиче (1769—1824), подполковнике в период экспедиции в Голландию, затем ген.-лейтенанте, отличившемся в Отечественной войне 1812 г.

[79] Имеются в виду солдаты Фанагорийского полка, которым в свое время командовал А. В. Суворов.

[80] Фактическим объявлением войны Англии послужило подписание 16 дек. 1800 г. в Петербурге договора о «вооруженном нейтралитете» между Россией и Швецией. Вскоре к нему присоединились Дания и Пруссия. В ответ на это Англия отправила эскадру в Балтийское море.

[81] Имеются в виду убийство Павла I (в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.) и переговоры о мире между Россией и Англией, которые вели П. В. Чичагов и адмирал Нельсон. В июне 1801 г. ими была подписана российско-английская конвенция, по которой обе страны сделали взаимные уступки в морской торговле.

[82] Испания была союзницей Франции, с которой начиная с 1798 г. Россия находилась в состоянии войны. Манифест «Об объявлении войны Испании...» последовал 15 июля 1799 г.

[83] Сомов Андрей Андреевич, полковник, затем ген.-майор. В 1798 г. ему было поручено формирование в Иркутске специального полка для укрепления обороноспособности северо-восточных окраин России. В 1799—1802 гг. — главный начальник Камчатки.

[84] Фрегат «Феникс» под командованием Я. Шильдса отправился к берегам Америки в авг. 1799 г. На его борту находилась духовная миссия во главе с архиереем Иосафом (Болотов Иоанн, 1761—1799). Судно вместе со всем экипажем и пассажирами погибло (ЦГИА, ф. 1374, оп. 5, д. 82, л. 1,4).

[85] Л. Башуцкий, кап.-лейтенант, был отправлен в 1800 г. на смену И. Бухарину в Охотский порт с командой в 73 человека (ЦГАВМФ, ф. 212, II отд. канц., д. 894, л. 264).

[86] Фомин Иван Константинович, вице-адмирал, с конца 80-х гг. комендант Удского порта, главный командир Охотска (1801—1803).

[87] П. И. Кошелев, ген.-майор, главный начальник Камчатки (1802—1807).

[88] В. И. Штейнгейль получил в командование транспорт «Св. Иоанн Богослов» постройки 1790 г., на котором совершил две навигации. Сохранился штурманский журнал корабля за эти годы (ЦГАВМФ, ф. 870, оп. 1, д. 2643).

[89] Ивашкин (1708—1804), гвардейский офицер, в 1744 г. был сослан навечно в Сибирь.

[90] Анна Ивановна (1693—1740), императрица (1730—1740). В. Л. Долгоруков (1672—1739), дипломат, сенатор, один из организаторов заговора «верховников». После его провала был арестован и в 1739 г. казнен. Эпизод, который приводит В. И. Штейнгейль, относится к 1730 г., когда при вступлении на престол Анны Ивановны семь членов Верховного тайного совета («верховники») попытались заставить ее подписать «кондиции» (условия), ограничивавшие самодержавную власть. Попытка окончилась неудачей. Получив поддержку в дворянских кругах, Анна разорвала «кондиции», а участников заговора подвергла репрессиям.

[91] Крузенштерн Иван Федорович (1770—1846), адмирал, руководитель первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг.

[92] И. Ф. Крузенштерн в своих записках отмечал прибытие транспорта под командованием мичмана Штейнгейля. С ним он отправил в Охотск пакеты с донесениями, карты и описания побережья. Однако из-за штормов они не были вовремя доставлены. Крузенштерн считал, что только из-за нерасторопности Штейнгейля их доставка в Петербург затянулась на полгода (Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб., 1810, ч. 2, с. 219—221).

[93] Резанов Николай Петрович (1764—1807), обер-прокурор Сената, камергер, корреспондент Российско-Американской компании, отправлен в составе кругосветной экспедиции полномочным посланником в Японию и для обозрения российских владений в Америке.

[94] А. А. Баранов высадился на Ситке в 1799 г. В 1804 г. он основал здесь селение Новоархангельск.

[95] Речь идет о конфликте между И. Ф. Крузенштерном и Н. П. Резановым. Первая кругосветная экспедиция снаряжалась совместно государством и Российско-Американской компанией. Руководителем экспедиции был назначен капитан-лейтенант И. Ф. Крузенштерн, наделенный всеми полномочиями. На флагманском корабле «Надежда», кроме того, находилось посольство в Японию, возглавляемое Н. П. Резановым (семь человек). Он также имел инструкцию, позволяющую вмешиваться в действия начальника экспедиции. Разногласия и споры между руководителями экспедиции привели к расколу команды. Моряки поддерживали И. Ф. Крузенштерна, свита посла и служащие Российско-Американской компании — Н. П. Резанова. Негативную роль в углублении конфликта своими выходками и буйным поведением сыграл кавалер посольства Ф. И. Толстой (подробнее об этом см.: Штейнгейль В. И. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. — Северная пчела, 1861, № 71—72. Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под высочайшим е. и. в. покровительством Российско-Американской компании комиссионером, московским купцом Федором Шемелиным. СПб., 1816, ч. 1).

[96] Мордвинов Николай Семенович (1754—1845), гр., адмирал, морской министр (1802), председатель департамента государствен-

ной экономии Государственного совета, сенатор, член Комитета министров, президент Вольного экономического общества (1823—1840).

[97] Н. П. Резанов заболел по дороге из Камчатки и умер в Красноярске 1 марта 1807 г.

[98] ...Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист...

Эти слова Репетилова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» современники единодушно относили к Федору Ивановичу Толстому, прозванному «американцем». Ф. И. Толстой (1782—1846), подпоручик л.-гв. Преображенского полка, был прикомандирован к свите Н. П. Резанова, но за постоянные стычки и конфликты с Крузенштерном был отослан с Камчатки в Петербург. Штейнгейль встречался с ним в Охотске в нач. 1805 г. (ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 4639, л. 7).

[99] Речь идет о Наполеоне, который был сослан на о. Св. Елены в 1815 г. и умер там 5 мая 1821 г.

[100] Трескин Николай Иванович (1763—1842), иркутский гражданский губернатор (1806—1819), известный взяточничеством и злоупотреблением властью.

[101] Пестель Иван Борисович (1765—1843), ген.-губернатор Сибири (1806—1819), отец декабриста П. И. Пестеля.

[102] Хвостов Николай Александрович (1776—1809), лейтенант флота, служил на судах Российско-Американской компании (1802—1807).

[103] Давыдов Гавриил Иванович (1784—1809), сокурсник Штейнгейля по Морскому корпусу, находился на службе Российско-Американской компании (1802—1807), автор записок «Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанные сим последним» (СПб., 1810). Сохранилось письмо Давыдова к В. И. Штейнгейлю от 26 сент. 1809 г. (ИРЛИ, ф. 591, № 9292).

[104] В. Н. Горчаков, ген., военный губернатор Ревеля, осужден за мошенничество к лишению чинов и ссылке в Сибирь. На поселении находился в с. Тунке Иркутской губ.

[105] Полковник Евграф Грузинов (1770—1800) и его брат отставной подполковник Петр Грузинов были казнены в сент. 1800 г. в Старочеркасске. Дело Грузиновых имело большой политический резонанс и расценивалось как проявление определенной тенденции к восстановлению казацкой вольности. Репин Иван Иванович (ум. 1832), ген.-майор, в 1800 г. был послан на Дон для ревизии атаманских дел и войсковой канцелярии. После казни Грузиновых был отдан под суд Сената.

[106] Конде Луи Жозеф (1736—1818), командующий армией французских эмигрантов-контрреволюционеров, на русской службе с 1797 по 1799 г. С 1801 г. после роспуска его армии находился в Англии.

[107] Кругоморская, или Кругобайкальская дорога была устроена вокруг Байкала в конце XVIII в. По ней двигались торговые обозы в Кяхту.

[108] Михаил Иванович — Саватеев (1755—1831), иркутский купец второй гильдии, городской голова (1808—1812).

[109] Презус — председатель военного суда.

[110] Бабаев, лейтенант флота, начальник иркутского адмиралтейства (1803—1812), временно исполнял обязанности начальника Охотского порта с июля 1808 по дек. 1809 г.

[111] Селифонтов Иван Осипович (1743—1822), сенатор, в 1801—1803 гг. проводил ревизию Сибири, по окончании которой был назначен сибирским ген.-губернатором (1803—1806).

[112] См. примеч. 46.

[113] Екатерина Павловна (1788—1819), вел. кн., с 1809 г. жена принца Георга Ольденбургского (1784—1819). Их сын Петр Георгиевич Ольденбургский (1812—1881), принц, ген. от инфантерии, сенатор, член Государственного совета. Сын В. И. Штейнгейля Вячеслав (12 мая 1823—8 сент. 1897), инспектор Александровского лицея (1853—1858), редактор «Российской военной хроники» (1858—1868), член военно-ученого комитета Главного штаба, ген. от инфантерии (1891). П. Г. Ольденбургский, как попечитель Александровского лицея, был его шефом и посаженым отцом на его свадьбе.

[114] И. Б. Пестель просил оставить Штейнгейля при себе в качестве офицера по особым поручениям, чтобы отправить затем в Иркутск для приведения в лучшее состояние Охотского порта (ЦГАВМФ, ф. 212, канц. III, д. 117, л. 87).

[115] Штейнгейль Юлия Владимировна (7 апр. 1811—2 июля 1897), с 1833 г. замужем за М. И. Топильским.

[116] Козодавлев Осип Петрович (1754—1819), сенатор, с 1810 г. министр внутренних дел.

[117] Ордонанс-гауз — комендантское управление, при котором находилась комиссия военного суда и содержались арестованные военные чины.

[118] Речь идет о посольстве М. И. Кутузова в Константинополь в 1791 г. вскоре после подписания Ясского мира, завершившего русско-турецкую войну 1787—1791 гг.

[119] В 1806 г. ген.-майор П. И. Кошелев обвинил группу охотских и камчатских чиновников и офицеров в организации заговора против него. Среди своих противников он указывал и мичмана Штейнгейля (ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 4653, л. 16—17).

[120] Вельяминов Иван Александрович (1771—1837), ген. от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г., с 1827 г. командир сибирского корпуса и ген.-губернатор Западной Сибири.

[121] И. М. Бегичев, ген., участник Отечественной войны 1812 г. Колзаков Павел Андреевич (1779—1864), ген., участник Отечественной войны 1812 г., ближайший адъютант вел. кн. Константина Павловича. Его жена — Анна Ивановна (урожд. Бегичева, 1806—1873).

[122] Об этих записках см. с. 8.

[123] Речь идет о Писареве Александре Александровиче (1780—1848), литераторе, сенаторе, авторе книги «Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим» (М., 1817, ч. 1—2). «Воин-историк наш, подобно Ксенофонту, находился в рядах дружины своей»,— писал А. А. Писарев о Штейнгейле (ч. 2, с. 200). В 1816 г. он писал Штейнгейлю, что восхищается его «Записками», и через отца (также Александра Александровича) передал ему свои сочинения (Рус. старина, 1888, № 10, с. 157—158). Ксенофонт (ок. 430 — ок. 355 гг.

до н. э.,) древнегреческий писатель, участник многих военных походов.

[124] Булдаков Михаил Матвеевич (1766—1830), великоустюжский купец, зять Г. И. Шелихова, один из учредителей и первых директоров Российско-Американской компании, главный директор компании до 1827 г. Хитрово Алексей Захарович (1776—1854), сенатор, член Государственного совета, в 1813 г. производил в Вологодской и Вятской губерниях следствие в связи с накопившимися в них недоимками.

[125] С. К. Вязмитинов (1749—1819), ген. от инфантерии, министр военно-сухопутных сил (1802—1812), с 1812г.— министр полиции, с 1816 г.— петербургский ген.-губернатор.

[126] Политковский Гавриил Герасимович (1770—1824), директор общей канцелярии Министерства полиции (1811—1817), затем ярославский гражданский губернатор, сенатор. Его сын Александр Гаврилович (ум. 1853), камергер, тайный советник, получил печальную известность растратой инвалидного капитала, которым заведовал. Жил в роскоши и богатстве, занимался карточной игрой, за что, вероятно, получил от современников прозвище Монтекристо. Винтер Иван Иванович, вологодский ген.-губернатор.

[127] Амвросий (Подобедов Андрей Иванович, 1742—1818), митрополит Петербургский и Новгородский, писатель. Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782—1867), член Синода (с 1810), профессор и ректор Петербургской духовной академии (1809—1819), митрополит Московский и Коломенский (с 1826 г.).

[128] Тормасов Александр Петрович (1752—1819), ген. от кавалерии, командующий 3-й армией в Отечественную войну 1812 г., главнокомандующий Москвы (1814—1819), член Государственного совета.

[129] Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826), камергер, ген. от инфантерии, главнокомандующий Москвы (1812—1814), член Государственного совета.

[130] Аудитор — чиновник военно-судной части в русской армии.

[131] Рунич Павел Степанович (1750—1825), сенатор (с 1804 г.), его сын Аркадий Павлович (1785—не ранее 1841), правитель канцелярии Ф. В. Ростопчина, впоследствии — советник Комиссии по сооружению в Москве храма Христа Спасителя. Ланской Павел Сергеевич (ум. 1831), сенатор.

[132] Дашкова Екатерина Романовна (1743—1810), кн., президент Российской Академии, покровитель литературы и искусства, активная участница переворота 1762 г. и воцарения Екатерины II. В 1796 г. Павел I удалил ее от всех занимаемых должностей и выслал из столицы в новгородское имение.

[133] Новиков Николай Иванович (1744—1818), просветитель, писатель, журналист, издатель. Прозоровский Александр Александрович (1742—1809), ген.-фельдмаршал, главнокомандующий Москвы (с 1790 г.), сенатор.

[134] Лопухин Иван Владимирович (1756—1816), сенатор, мистик, автор ряда масонских произведений. Его записки были впервые опубликованы в 1860 г.

[135] И. А. Гейм (р. 1759), профессор Московского университета, автор словарей, географических описаний, статистических исследований.

[136] Бельальянс — местечко в бельгийской провинции Южный Брабант. По этому местечку немцы называют битву при Ватерлоо.

Августин (Виноградский Алексей Васильевич, 1766—1819), архиепископ Московский.

[137] Цицианов Михаил Дмитриевич (1767—1841), кн., сенатор, с 1813 г. директор экспедиции для строений в Москве.

[138] Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834), гр., председатель Департамента военных дел Государственного совета, начальник военных поселений, временщик при дворе Александра I.

[139] Ивашкин Петр Алексеевич, ген.-майор. Волков Александр Александрович (1779—1833), московский полицеймейстер, затем комендант, впоследствии ген.-лейтенант, начальник 2-го округа московского корпуса жандармов. Шульгин Александр Сергеевич (1775—1841), ген.-майор, московский (1815—1825), затем петербургский полицеймейстер (1825—1826). Цесаревич — вел. кн. Константин Павлович (1779—1831), наместник Царства Польского.

[140] Волконский Петр Михайлович (1776—1852), кн., ген.-фельдмаршал, с 1815 г. начальник штаба е.и.в., с 1826 г.— министр имп. двора и уделов.

[141] Платон (Левшин Петр Егорович, 1737—1812), митрополит Московский (с 1787 г.).

Речь идет об известном выступлении Александра I при открытии польского сейма в Варшаве в марте 1818 г., публикацией которого в русских газетах Александр I действительно был недоволен. Штейнгейль ошибочно отнес это событие к 1816 г.

[142] Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785—1846), гр., дочь гр. А. Г. Орлова-Чесменского, наследница его громадного капитала. Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), гр., ген. от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г., ген.-губернатор Петербурга (с 1818 г.).

[143] Штейнгейль имеет в виду неправильный подсчет голосов по одному из дел, рассматривавшемуся в Московском отделении Сената. С. В. Руссов был предан суду в мае 1815 г., приговорен к лишению чинов и дворянства и зачислен в солдаты. Вмешательство Штейнгейля через главнокомандующего Москвы Тормасова отменило несправедливый приговор.

[144] Одоевский Иван Александрович (ум. 1839), ген.-майор, отец поэта и декабриста Александра Ивановича Одоевского (1802—1839).

[145] Спас на Бору — кремлевский собор XIV в., в конце XVIII в. перестроенный и разобранный в 1932 г.

[146] Экзерцириргауз — крытое помещение для строевого обучения солдат в зимнее время. Речь идет о строительстве в 1817 г. здания Манежа.

[147] Бетанкур Август Августович (1758—1824), ген.-лейтенант, с 1808 г. на русской службе, архитектор и писатель, с 1819 г.— директор главного управления путей сообщения. Карбоньер д'Арси Лев Львович (1770—1836), ген., инженер-строитель, директор Строительного департамента по морской части.

[148] П. А. Строганов (1774—1817), гр., ген.-лейтенант, сенатор. Имп. Елизавета Алексеевна (1779—1826), жена Александра I.

[149] Нейдгардт Александр Иванович (1784—1845), ген.-майор, начальник штаба Гвардейского корпуса, военный писатель.

[150] Фридрих-Вильгельм III (1770—1840), прусский король с 1797 г.

[151] Апраксин — вероятно, Степан Степанович (1757—1827), ген.

от кавалерии. Алябьев Александр Васильевич (1746—1822), сенатор, с 1818 г.— главный директор Межевой канцелярии. И. И. Дмитриев (1760—1837), поэт, баснописец, министр юстиции (1810—1814). Львов Павел Юрьевич (1770—1825), сенатор, писатель и переводчик, член Российской Академии. Бролио Анна Петровна (урожд. Левашова, в первом браке Трубецкая), гр.

[152] Об этом соч. и о работе Штейнгейля над записками о наказаниях см. с. 10—11.

[153] Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838), кн., ген. от инфантерии, министр юстиции (1817—1827), сенатор. Новосильцев Николай Николаевич (1761—1838), гр., член Негласного комитета, президент Академии наук, товарищ министра юстиции, с 1813 г. фактически управлял Польшей, с 1832 г.— председатель Государственного совета и Комитета министров.

[154] Голицын Александр Николаевич (1773—1844), кн., министр духовных дел и народного просвещения (1817—1824), член Государственного совета, затем председатель его (1839—1841). Архарова Мария Ивановна (р. 1783), дочь Ивана Петровича Архарова (1745—1815)— любимца Павла I, ген. от инфантерии, военного губернатора Москвы в 1796—1797 гг. Ее муж — Посников (а не Плотников) Захар Николаевич (1765—1833), сенатор, обер-прокурор общего собрания Московского департамента.

[155] Марченко Василий Романович (1782—1840), член Государственного совета, государственный секретарь.

[156] Об этой записке см. с. 12.

[157] Об этой записке см. с. 13.

[158] Дмитрий Ростовский (1651—1709), митрополит Ростовский, церковный деятель, писатель, проповедник.

[159] «Краткое известие о жизни, характере и самой кончине бывшего московского военного генерал-губернатора гр. А. П. Тормасова» (Сын отечества, 1820, ч. 59, № 2, с. 49—66).

[160] Дружинин Яков Александрович (1771—1849), министр финансов, директор департамента мануфактур, писатель, член Российской Академии наук. Гурьев Дмитрий Александрович (1751—1825), гр., министр финансов (1810—1823). Кикин Петр Андреевич (1775—1834), сенатор, статс-секретарь.

[161] Владельцем завода был П. И. Чебышев. См. письма 15—16.

[162] Попов Иван Иванович, астраханский гражданский губернатор с 1821 г. Ермолов Алексей Петрович (1772—1861), ген. от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г., командир Кавказского корпуса и главнокомандующий в Грузии (1817—1827), член Государственного совета.

[163] Трухменцы — туркмены и жители среднеазиатских ханств.

[164] Об этой записке см. с. 18.

[165] Варгин Василий Васильевич (1791—1859), из крестьян, крупный подрядчик и поставщик армии.

[166] Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826), поэт, редактор журнала «Полярная звезда», служил в Петербургской уголовной палате, затем правителем дел Российско-Американской компании. С 1823 г. член Северного общества, возглавил подготовку восстания 14 декабря 1825 г. Один из пяти повешенных декабристов. Стихотворение «К временщику (Подражание Персиевой сатире: К Рубеллию)» было его первым выступлением в печати (Невский зритель, 1820, № 10, с. 26—28) и принесло ему литературную известность.

Аракчеев предпочел не узнать себя, и репрессий не последовало.

[167] Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), писатель, историк. Слёнин Иван Васильевич (1789—1836), петербургский книгопродавец, издатель «Полярной звезды» (1823—1824) и «Северных цветов» (1825—1826).

[168] Прокофьев Иван Васильевич, один из директоров Российско-Американской компании, Штейнгейль был в дружественных отношениях с ним и его семьей. На обедах у Прокофьева часто собирались декабристы, о характере застольных разговоров у него см.: Греч Н. И. Записки о моей жизни, с. 449—452, 505.

О деле В. В. Крамера и А. И. Северина см.: Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.; Л., 1939, с. 66—69.

[169] Имеется в виду внутренний балкон-галерея в двухсветном зале на 3—4-м этажах здания гостиницы, которое сохранилось в почти неизмененном виде до наших дней (Мойка, 83). Дом Российско-Американской компании находился напротив, через реку (Мойка, 72).

[170] Пущин Иван Иванович (1798—1859), лицейский друг А. С. Пушкина, член Северного общества. Демонстративно оставил военную службу в чине поручика и с 1823 г. служил надворным судьей в Москве. Осужден по I разряду.

[171] Еще в 1824 г. Константин говорил друзьям Штейнгейля, ходатайствующим о службе для него: «Пусть погодит до удобного случая» (ВД, т. 14, с. 174).

[172] Эти слова Штейнгейля, конечно, не соответствуют действительности и лишь отражают принятую им как мемуаристом версию своего участия в восстании. Ср. со след. фразой.

Ростовцев Яков Иванович (1803—1860), поручик л.-гв. Егерского полка, член Северного общества. 12 дек. 1825 г. сообщил вел. кн. Николаю Павловичу о готовящемся выступлении. Впоследствии — ген. от инфантерии, член Государственного совета, начальник Штаба военно-учебных заведений, председатель Редакционных комиссий по подготовке проекта освобождения крестьян, один из либеральных деятелей реформы.

[173] Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835), поэт, член Российской Академии наук, сенатор, издатель журн. «Друг просвещения». Греч Николай Иванович (1787—1867), филолог, беллетрист и журналист, издатель журн. «Сын отечества», соредактор Ф. В. Булгарина по газ. «Северная пчела». Олицетворение верноподданности, хотя в молодости был либералом. Был знаком и дружен со многими декабристами, в том числе со Штейнгейлем; в своих «Воспоминаниях старика» оставил их портреты (см. о Штейнгейле: Греч Н. И. Указ. соч., с. 507—508).

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), журналист и писатель. Осведомитель III Отделения. Был со Штейнгейлем в приятельских отношениях по общему с Рылеевым дружественному кругу. По возвращении Штейнгейля из Сибири предложил ему материальную помощь (письмо 170).

[174] Речь идет о составленном Штейнгейлем проекте «Приказа войскам» (см. с. 32).

[175] Ростовцев принес текст своего письма к Николаю Павловичу и запись разговора с ним. (Два документа из бумаг генерал-

адъютанта Иакова Ивановича Ростовцева — Рус. архив, 1873, кн. I, с. 459—485).

[176] Каховский Петр Григорьевич (1797—1826), отставной поручик, член Северного общества, один из пяти повешенных декабристов. В течение всего 1825 г. он выражал согласие на цареубийство, 13 декабря вечером обещал Рылееву совершить его, но в день восстания отказался быть в роли террориста-одиночки (Нечкина М. В. День 14 декабря, с. 80—81, 124—125). 14 декабря он смертельно ранил М. А. Милорадовича и полковника Н. К. Стюрлера.

[177] Репин Николай Петрович (1796—1831), штабс-капитан л.-гв. Финляндского полка, член Южного и Северного обществ, осужден по V разряду. Моллер Александр Федорович (1796—1862), полковник того же полка, член Северного общества. Следственный комитет собирал о нем сведения, но к делу он привлечен не был. 15 дек. 1825 г. произведен во флигель-адъютанты, впоследствии — ген. от инфантерии.

[178] На первом допросе Штейнгейль тоже упомянул, что был «взят» третьего числа (ВД, т. 14, с. 152). Вряд ли тогда он не помнил даты своего ареста. Однако московский ген.-губернатор Д. В. Голицын рапортовал о его аресте и отправлении в Петербург 2 янв. 1826 г. (ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 30, л. 296). Таким образом, либо официальный документ зачем-то был помечен задним числом, либо, скорее, обыск затянулся до начала следующего дня, а рапорт был уже отослан.

Далее события биографии Штейнгейля не комментируются, так как они все документированно отражены во вступительной статье.

[179] Чернышев Александр Иванович (1786—1857), с 1826 г. гр., позднее — кн., ген.-адъютант, член Следственного комитета и один из его главных деятелей, военный министр (1827—1852), с 1848 г.— председатель Государственного совета. Его поведение во время следствия вызывало возмущение многих декабристов.

[180] Левашов (Левашев) Василий Васильевич (1783—1848), ген.-лейтенант, ген.-адъютант, член Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов, впоследствии гр., председатель Государственного совета.

[181] В момент ареста у Штейнгейля было 8 детей: Юлия (см. примеч. 115), Ростислав (р. 1 февр.1813), Всеволод (25 ноября 1814 — кон. 1830-х — нач. 1840-х гг.), моряк, Николай (7 дек. 1817—1845), артиллерист, Надежда (31 июля 1819 — 11 дек. 1898), Вячеслав (см. примеч. 113), Людмила (4 мая 1824 — 31 дек. 1898), Владимир (р. 1 июля 1825), штабс-капитан л.-гв. Гатчинского полка, с 1861 г. в отставке. Еще две дочери к 1825 г. умерли: Вера (р. 1815) и Мария (1816 — 8 марта 1817) (см.: Родословие бар. Штейнгейлей, составленное В. И. Чернопятовым, — ГБЛ, ф. 329. III, 24.15; Исповедные ведомости церкви Иоанна Предтечи на Староконюшенной — ЦГИАМ, ф. 203, оп. 145, д. 120; ВД, т. 14, с. 149; письмо 49 и примеч. I к письму 51; Петербургский некрополь. СПб., 1913, т. 4).

Все дети Штейнгейля учились на казенный счет или были пансионерами высочайших особ.

[182] Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), драматург и романист, директор Московских театров (с 1831 г.).

[183] Штейнгейль имеет в виду свое письмо к Николаю I от 11

янв. 1826 г. (письмо 24). В июле 1831 г. в военных поселениях Новгородской губернии с числом жителей 120 тыс. человек произошло восстание. Следствием его была ликвидация поселений и перевод их жителей на положение государственных крестьян.

184 События с 11 на 12 марта 1801 г. — убийство Павла I. В следственном деле Штейнгейля нет цитируемых здесь слов и ответов, о которых он пишет ниже. Причину этого он объясняет сам: неугодные Следственному комитету высказывания изменялись (см. об этом же: ЗВ, с. 166).

185 Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772—1843), гр., петербургский военный ген.-губернатор, участник заговора против Павла I. Татищев Александр Иванович (1763—1833), гр., военный министр (1824—1827), председатель Следственного комитета. Мы предполагаем, что известные Штейнгейлю и неприятные Татищеву обстоятельства были связаны с несправедливым гонением его на В. В. Варгина, у которого служил Штейнгейль. В 1828 г. Варгин был ложно обвинен в громадной задолженности казне и затем арестован с конфискацией всего имущества. Только в 1850-х гг. обвинение было снято (Лясковский В. Н. Указ. статья). «Против Варгина допущено было самое наглое насилие, — писал сведущий современник. — <...> Вот что значит не признавать власть военного министра, т. е. отказываться от представления приношений...» (сочинение анонимного автора «Об умерших»: ЦГВИА, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 91 об.— 92).

Семенов Степан Михайлович (1789—1852), член Союза благоденствия и Северного общества, с 1819 г. служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий, с авг. 1825 г. — в канцелярии Московского ген.-губернатора. Суду не был предан, а после 4 месяцев заключения в Петропавловской крепости был переведен на службу в Западную Сибирь.

186 Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), гр., ген.-адъютант, член Следственного комитета, с июля 1826 г. — шеф Корпуса жандармов и главный начальник III Отделения с. е. и. в. канцелярии.

187 Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), гр., командир Отдельного финляндского корпуса, ген.-губернатор Финляндии (1823—1830), московский ген.-губернатор (1848—1859). Когда в нач. августа 1826 г. Штейнгейль и Батеньков обратились к коменданту Свартгольмской крепости с просьбой разрешить им «писать к родственникам своим о присылке денег на содержание и выходить из мест своего заключения для освежения себя воздухом», А. А. Закревский запросил разрешения на это у начальника Главного штаба И. И. Дибича. На его рапорте от 15 авг. 1826 г. помета Дибича: «Нельзя позволить, ибо они каторжные» (ЦГВИА, ф. 36, оп. 4, св. 24, д. 416, л. 1).

188 Лавинский Александр Степанович (1776—1844), ген.-губернатор Восточной Сибири (1822—1833).

189 Лепарский Станислав Романович (1759—1838), ген.-майор, комендант Нерчинских рудников и мест заключения декабристов в Чите и Петровском Заводе.

190 В «Дневнике достопамятного нашего путешествия из Читы в Петровский Завод 1830 года» Штейнгейль записал, что всего было пройдено 634,5 версты (Декабристы. Неизданные материалы. М., 1925, с. 146). Здесь в тексте первой публикации — опечатка.

[191] Трубецкая Екатерина Ивановна (урожд. гр. Лаваль, 1800—1854), жена декабриста С. П. Трубецкого. Юшневская Мария Казимировна (урожд. Круликовская, в первом браке Анастасьева, 1790—1863), жена декабриста А. П. Юшневского.

[192] См. письмо 34.

[193] См. письмо 36. Мордвинов Александр Николаевич (1792—1869), начальник канцелярии III Отделения (1831—1839), затем — вятский гражданский губернатор, сенатор.

[194] Ладыженский Михаил Васильевич, тобольский гражданский губернатор (1838—1844), затем председатель Пограничной комиссии в Оренбурге. Горчаков Петр Дмитриевич (1789—1868), кн., ген.-губернатор Зап. Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса (1836—1851). Когда в 1843 г. в Тобольской губернии начались крестьянские волнения, тобольская администрация наряду с прямым их подавлением стала распространять среди крестьян «успокоительные» воззвания. Подробнее об этом и о высылке Штейнгейля см.: Тальская О. С. Борьба администрации с влиянием декабристов в Западной Сибири.— В кн.: Ссылка и каторга в Сибири (XVIII—начало XX в.). Новосибирск, 1975, с. 86—89; см. также письма 43—45 и примеч. к ним.

[195] См. письмо 46.

[196] См. письма 48 и 53. Орлов Алексей Федорович (1786—1861), гр., с 1857 — кн., ген.-лейтенант, дипломат, в 1844—1853 гг. шеф жандармов и главный начальник III Отделения.

[197] См. письмо 66. Анненков Николай Николаевич (1799—1865), ген.-адъютант, с 1848 г. член Государственного совета, двоюродный брат декабриста И. А. Анненкова. В 1849—1851 гг. ревизовал Зап. Сибирь по военно-сухопутному и гражданскому управлениям.

[198] См. письмо 136 и примеч. 5 к нему.

[199] См. письмо 132.

[200] Митрополит — Филарет. Евгений (Казанцев Андрей Евфимьевич, 1778—1871), епископ Тобольский (до 1831 г.), с 1853 г. управлял Донским монастырем в Москве. Бывший начальник — А. П. Тормасов.

[201] Платон (Казанский Петр), настоятель Успенского Желтикова (Жолтикова) монастыря в 1848—1866 гг.

[202] Рикорд Петр Иванович (1776—1855), адмирал, мореплаватель, начальник Камчатки (1817—1822). В посвященной ему статье Штейнгейль писал о нем: «<...> во время самого тяжелого кризиса моей жизни (после ареста в янв. 1826 г. — Н. З.) рука Петра Ивановича не дрогнула написать ко мне официальную записку: «Любезный друг, не беспокойся о детях, я буду наблюдать их» (Тридечный. Замечания старого моряка. — Мор. сборник, 1856, № 12, IV, с. I).

[203] Этой фразой, широко бытовавшей в петербургских кругах и среди декабристов, как и словами «блаженной памяти», В. И. Штейнгейль, по-существу, выразил свою неудовлетворенность половинчатой амнистией, не давшей декабристам прощения и после смерти Николая I.

[204] Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), кн., в 1856—1866 гг. шеф жандармов и начальник III Отделения (о визите к нему Штейнгейля см. также примеч. 3 к письму 153).

[205] Анжу Петр Федорович (1796—1869), адмирал, исследователь Арктики, член Совета министерства государственных имуществ. На его дочери женился сын Штейнгейля Вячеслав.

[206] Тургенев Николай Иванович (1789—1871), член Союза благоденствия, один из руководителей Северного общества. С 1824 г. находился за границей, заочно был осужден по I разряду, по вызову правительства не вернулся. В кн. «La Russie et les Russes» («Россия и русские», Paris, 1847) отрицал свое участие в обществе и заявлял, что в движении участвовала легкомысленная молодежь. Это сказалось на отношении к нему правительства. 11 мая 1857 г. Н. И. Тургенев с сыном и дочерью приехал в Петербург, а указом от 15 мая ему с детьми были дарованы все права по происхождению (кроме прав на прежнее имущество) и возвращены чины и ордена. Он еще дважды приезжал в Россию — в 1859 и 1864 гг.

[207] О снятии в дек. 1858 г. надзора со Штейнгейля и ряда других декабристов см. письмо 166 и примеч. 4 к нему.

Записки о восстании

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3127, л. 1—38

Общественные движения, с. 423—474

[1] Фраза из погребального чина.

[2] Имеется в виду сочинение А. С. Пушкина «История Пугачева» (1833).

[3] Арсений Мацеевич (в миру — Александр, 1697—1772), митрополит Ростовский и Ярославский (1742—1763), член Синода. Выступал против Духовного регламента 1721 г. и секуляризации церковных земель. В 1763 г. был лишен епархии, в 1767 — монашеского звания, умер в заточении в Ревельской крепости.

Мирович Василий Яковлевич (1740—1764), поручик Смоленского пехотного полка, предпринял неудачную попытку освободить из Шлиссельбургской крепости имп. Ивана Антоновича и был казнен.

[4] Агамемнон, герой «Илиады», царь Аргоса, предводитель Ахейского войска в Троянской войне.

[5] Шамбеллян — канцлер. Речь идет о манифесте 20 марта 1820 г. о расторжении первого брака цесаревича Константина Павловича. Он содержал добавление к «Учреждению об императорской фамилии» 1797 г., в соответствии с которым Константин Павлович сохранял право на престол, но оно отнималось у его морганатической жены Иоанны (Жанетты Антоновны; в тексте ошибочно Констанция) Грудзинской (1795—1831), получившей титул кн. Лович, и их будущих детей.

[6] Перечисляются представители династии Романовых: Михаил Федорович (1597—1645) и его вторая жена Евдокия Лукьяновна (урожд. Стрешнева), Алексей Михайлович (1629—1676) и его вторая жена Наталья Кирилловна (урожд. Нарышкина), Екатерина I (Марта Скавронская, 1684—1727).

[7] Брак Константина Павловича был заключен 20 мая 1820 г., а 14 янв. 1822 г. он подписал официальное отречение от права на престол. Штейнгейль сравнивает его с отречением Петра III Федоровича (1728—1762), составленным в уничижительном тоне после переворота, организованного его женой, будущей имп. Екатериной II.

А. Ф. Мерзляков (1778—1830), поэт. критик и переводчик, проф. Московского университета. В. А. Жуковский (1783—1852), поэт, с 1814 г. был приближен ко двору имп. Марией Федоровной,

позднее преподавал русский язык великим княгиням, с 1825 г.— воспитатель наследника престола.

[8] Александр I в рескрипте 2 февр. 1822 г. выразил согласие на отречение Константина, а в манифесте 16 авг. 1823 г., ссылаясь на его просьбу в письме от 14 янв. 1822 г., передал право на престол вел. кн. Николаю Павловичу. Все эти акты хранились в глубокой тайне, манифест — в Успенском соборе Кремля, а три его копии — в Синоде, Сенате и Государственном совете. В случае смерти Александра I им надлежало на своих экстренных заседаниях вскрыть пакеты с этим манифестом «прежде всякого другого действия». Историю междуцарствия см. подробнее: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. 1; Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926; Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 2, с. 217—222.

[9] Лабзин Александр Федорович (1766—1825), писатель-мистик, переводчик, издатель «Сионского вестника», вице-президент Академии художеств. Сослан в Симбирскую губернию за несогласие избрать в почетные академики А. А. Аракчеева, Д. А. Гурьева и В. П. Кочубея, представленных к званию на основании их близости к Александру I. Он позволил себе сострить, что тогда следовало бы избрать в академики царского кучера Илью, он еще ближе к царю и даже сидит впереди него (см. об этом подробнее: Рус. старина, 1875, т. 14, с. 291—296; Рус. архив, 1892, кн. 3, с. 366—392).

Библейское общество было основано в 1804 г. в Англии, в России его отделение появилось в 1812 г., во главе стоял министр духовных дел и просвещения А. Н. Голицын. Хотя общество не представляло собой реальной политической силы, его практическая деятельность задевала прерогативы церкви. В 1824 г. в атмосфере мракобесия и реакции общество было закрыто. На этом настаивал известный своим обскурантизмом и влиятельный при дворе архимандрит Фотий (Спасский Петр Никитич, 1792—1838). См. об этом подробнее: Пыпин А. Н. Российское библейское общество.— Вестник Европы, 1868, № 8—9, 11—12).

Чернов Константин Пахомович (1803—1825), подпоручик л.-гв. Семеновского полка, член Северного общества, сын небогатых помещиков, дрался 10 сент. 1825 г. на дуэли с представителем высшей аристократии флигель-адъютантом В. Д. Новосильцевым, уклонившимся от женитьбы на его сестре. Похороны, организованные 27 сент. 1825 г. руководителями тайного общества, вылились в политическую демонстрацию.

[10] Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863), подполковник корпуса инженеров путей сообщения. В 1816—1823 гг. служил в Сибири, где сблизился с М. М. Сперанским; с 1822 г.— правитель дел Сибирского комитета, член Совета Главного начальника военных поселений (А. А. Аракчеева). Член Северного общества, осужден по III разряду, после приговора до июня 1827 г. был заключен, как и Штейнгейль, в Свартгольмской крепости, затем переведен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где пробыл в одиночном заключении до февр. 1846 г.

Наводнение произошло в Петербурге 7 ноября 1824 г. 11 ноября был учрежден Комитет о пособии разоренным наводнением под председательством кн. А. Б. Куракина. Штейнгейль пишет о реск-

рипте на имя Куракина, который мог быть составлен Батеньковым как ближайшим сотрудником Аракчеева (Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898, т. 4, с. 326, 481).

[11] Мария Антоновна — Нарышкина (1779—1854), фрейлина, фаворитка Александра I. Ее младшая дочь (дочь Александра I) Софья Дмитриевна (1808—23 июня 1824), умерла от чахотки. Ее смерть была «личной печалью государя» (Шильдер Н. К. Император Александр Первый, т. 4, с. 322—323). При отъезде в Крым в сент. 1825 г. Александра I преследовали мистические предзнаменования близкого конца (там же, с. 352—354). Минкина Настасья Федоровна, любовница и домоправительница А. А. Аракчеева, 10 сент. 1825 г. была убита в его имении Грузино дворовыми, доведенными до отчаяния ее зверскими издевательствами. Жестокая расправа Аракчеева со своими крепостными общеизвестна.

[12] Дибич Иван Иванович (1785—1831), бар., ген.-адъютант, с 1823 г. — начальник Главного штаба, сопровождавший Александра I в Таганрог.

[13] Серафим (Глаголевский Стефан Васильевич, 1757—1843), митрополит Петербургский с 1821 г.

[14] Лопухин Петр Васильевич (1753—1827), кн., министр юстиции (1803—1810), председатель Государственного совета и Комитета министров (1814—1827).

[15] Как очевидец этих событий С. П. Трубецкой особенно подробно останавливается на них в своих Записях на Записки Штейнгейля (Мемуары декабристов, с. 255—259). Штейнгейль в показаниях на следствии упоминает, что подробности о происходивших во дворце и Сенате событиях он узнал вечером 27 ноября от Рылеева (ВД, т. 14, с. 159).

Никитин Павел Ефимович (1785—1842), колл. сов., состоявший за обер-прокурорским столом в Межевом департаменте Сената, был уже третьим посланцем из Петербурга. Манифеста об отречении Николай так и не добился от Константина. На это обстоятельство опирались декабристы при агитации в войсках.

[16] Глинка Федор Николаевич (1786—1880), адъютант М. А. Милорадовича, член Союза благоденствия, поэт, публицист, историк. Привлекался к следствию по делу декабристов, был сослан в Петрозаводск под надзор полиции.

[17] Михаил Павлович (1798—1849), вел. кн., главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами.

[18] Бестужев (псевд. Марлинский) Александр Александрович (1797—1837), штабс-капитан л.-гв. Драгунского полка, писатель и критик, член Северного общества, осужден по I разряду. После смягчения наказания поселен в 1827 г. в Якутске, в 1829 г. переведен рядовым на Кавказ, где и погиб. Виртембергский (Вюртембергский) Александр-Фридрих (1771—1833), герцог, брат имп. Марии Федоровны, перешедший на русскую службу; в 1822—1833 гг. главноуправляющий ведомством путей сообщения и публичных зданий. Арбузов Антон Петрович (1790—1843), лейтенант Гвардейского морского экипажа, член Северного общества, осужден по I разряду.

[19] Здесь и далее Штейнгейль в третьем лице пишет о самом себе («один из знавших...», «один из подсудимых...» и т. д.).

[20] Лонгинов Николай Михайлович (1775—1853), секретарь имп.

Елизаветы Алексеевны, статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор.

[21] Штейнгейль намеренно смягчает эту тему, так как вопрос о цареубийстве был главным в следствии над декабристами. На самом деле, он, разумеется, знал о планах цареубийства.

[22] Такого показания в следственных делах Штейнгейля и Трубецкого нет. Однако в показании 9 февр. 1826 г. Штейнгейль упомянул Трубецкого среди тех, которые «приметно восставали» против особы государя и «требовали как необходимости, чтобы принести его на жертву» (ВД, т. 14, с. 160).

[23] Бистром Карл Иванович (1770—1838), ген.-адъютант, командир л.-гв. Егерского полка, с 1825 г.— начальник всей гвардейской пехоты.

[24] Мать Я. И. Ростовцева — Ростовцева Александра Ивановна (урожд. Кусова, 1779—1843). Приятель, посетивший Ростовцева,— сам Штейнгейль, он пишет об этом в АЗ. Николаю I и не нужно было от Ростовцева имен заговорщиков. Утром 12 декабря, в день разговора, он уже получил их в донесении И. И. Дибича из Таганрога. Но благодаря Ростовцеву Николай узнал о сроке выступления и назначил присягу в Сенате на семь часов утра. Это сорвало основной замысел восставших — вмешаться в присягу Сената.

[25] Действительно, 11 дек. 1825 г. приходилось на пятницу — здесь и ниже у Штейнгейля ошибки в днях недели.

[26] Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), гр., товарищ министра юстиции, гос. секретарь, с 1808 г.— ближайший советник Александра I, автор проектов государственных преобразований, в 1812—1816 гг. был сослан, в 1819—1821 гг. состоял ген.-губернатором Сибири. С 1826 г. руководил кодификацией государственных законов. Манифест, составленный Сперанским, был помечен 12 декабря, в действительности же Николай подписал его 13 декабря утром, после прибытия курьера от Константина.

[27] Оболенский Евгений Петрович (1796—1865), кн., поручик л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества, начальник штаба восстания, к концу дня 14 декабря принял на себя командование восставшими. Осужден по I разряду.

[28] Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860), кн., полковник, дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса, член Северного общества, избранный накануне восстания диктатором. Осужден по I разряду. Булатов Александр Михайлович (1793—1826), полковник, командир 12-го Егерского полка, член Северного общества, был выбран помощником диктатора.

В этом примечании, как и в своих записках, называя диктатором Булатова, Трубецкой стремится снять с себя вину за неявку на площадь 14 декабря. О ролях, которые отводились им обоим в плане восстания, см.: Нечкина М. В. День 14 декабря, с. 192—195; Гордин Я. А. Гибель полковника Булатова.— Аврора, 1975, № 12. Подробную характеристику личности С. П. Трубецкого и анализ мотивов его поведения см.: Павлова В. П. Декабрист С. П. Трубецкой.— В кн.: С. П. Трубецкой. Материалы о жизни и революционной деятельности, т. 1.

[29] В правительственном объявлении, о котором упоминает Штейнгейль (оно опубликовано 30 марта 1802 г.), героиня его рассказа названа женой купца (не исключено, что и ювелира), из со-

держания объявления явствует, что она вдова. Происшествие изложено в нем подробнейшим образом, но, конечно, без той подоплеки, на которую указывает Штейнгейль (перепечатку объявления см.: Колокол, 1862, л. 140, с. 1161—1163). Н. И. Греч, излагая тот же эпизод, называет Араужо «молодой вдовой португальского консула» (Греч Н. И. Указ. соч., с. 207). Боур Карл Федорович (1763—1819), ген.-лейтенант.

[30] Сапожников Александр Петрович, муж сестры Ростовцева Пелагеи Ивановны, купец 1-й гильдии. Огромное состояние его заключалось в рыбных промыслах на Каспийском море и в обширных землях в приволжских губерниях. Штейнгейль был с ним дружен, в нач. 1820-х гг. находился у него на частной службе. В показании 30 апр. 1826 г. он говорил о нем как о человеке «с очищенными понятиями». Однако именно Сапожников, судя по тому же показанию Штейнгейля, посоветовал Я. И. Ростовцеву обратиться к царю, когда накануне восстания Ростовцев раскрыл ему существование заговора (ВД, т. 14, с. 167).

[31] Имеется в виду «Комиссия об уложении» 1767 г., созванная для составления нового кодекса вместо Уложения 1649 г. Возникшая в Комиссии полемика о крепостном крестьянстве была причиной ее роспуска.

[32] Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович (1798—1859), штабс-капитан л.-гв. Московского полка, формально не был членом тайного общества, но присутствовал на его совещаниях. Осужден по I разряду. Братья Бестужевы — Александр Александрович и Михаил Александрович (1800—1871), штабс-капитан л.-гв. Московского полка, член Северного общества, осужден по II разряду. О его выдающейся роли в восстании 14 дек. 1825 г. см.: Воспоминания Бестужевых, с. 611—617.

[33] Панов Николай Алексеевич (1803—1850) и Сутгоф Александр Николаевич (1801—1872), поручики л.-гв. Гренадерского полка, члены Северного общества, осуждены по I разряду. Они появились на площади только к 3 часам дня.

[34] Д. А. Щепин-Ростовский не зарубил, а ранил саблей В. Н. Шеншина, П. А. Фредерикса и П. К. Хвощинского, пытавшихся остановить выход Московского полка из казарм; кроме них он ранил рядового А. Красовского, который удерживал знамя, не зная, что Щепин-Ростовский принадлежит к восставшим.

[35] М. А. Милорадович умер в ночь на 15 декабря.

[36] Будущего царя Александра II.

[37] Розен Андрей Евгеньевич (1800—1884), бар., поручик л.-гв. Финляндского полка, член Северного общества. Воспрепятствовал продвижению полка через Исаакиевский мост для окружения восставших частей. Осужден по V разряду.

[38] Якубович Александр Иванович (1792—1845), капитан Нижегородского драгунского полка. Членом тайного общества не был, но участвовал в его заседаниях и должен был, по плану восстания, занять Зимний дворец и арестовать царскую фамилию. Утром 14 декабря отказался действовать по этому плану, но примкнул к восставшим. Арестован 15 декабря, осужден по I разряду. О его действиях 14 дек. 1825 г. см.: Нечкина М. В. День 14 декабря, с. 121—123, 176—182 и др.

[39] Воинов Александр Львович (1770—1832), ген. от кавалерии, командующий Гвардейским корпусом. Кюхельбекер Вильгельм

Карлович (1797—1846), член Северного общества. По официальной версии, он стрелял в Воинова, на самом деле — лишь навел на него пистолет. Осужден по I разряду, до 1835 г. был в заключении в крепостях. Стюрлер Николай Карлович, полковник, командир л.-гв. Гренадерского полка, убит 14 дек. 1825 г.

[40] Кюхельбекер Михаил Карлович (1798—1859), лейтенант Гвардейского экипажа, член Северного общества, осужден по V разряду.

[41] Приводимые Штейнгейлем слова М. М. Сперанского — один из источников, на которых базируется мнение об осведомленности Сперанского о существовании тайного общества и о роли, которую декабристы отводили ему в предполагаемом будущем правительстве (Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982, с. 39—49). Краснокутский Семен Григорьевич (1788(?)—1840), обер-прокурор Сената, член Южного общества, осужден по VIII разряду. От него штаб восстания в последние дни перед 14 декабря узнавал важнейшие дворцовые новости. В день восстания в половине третьего он приехал во дворец (ВД, т. 12, с. 59), и Сперанский мог вместе с ним наблюдать из окон дворца возвращение митрополита в Зимний дворец. Безуспешность миссии митрополита была очевидна.

[42] Орлов — Алексей Федорович, получивший титул графа за свою роль в подавлении восстания. Пелотонный огонь — залпы, производимые взводными шеренгами.

[43] Сухозанет Иван Онуфриевич (1788—1861), ген.-майор, начальник артиллерии Гвардейского корпуса, с 1832 г. директор Военной академии и управляющий Главным инженерным училищем.

[44] Т. е. убийства Павла I.

[45] Ведеты — цепи часовых. По официальным данным, число жертв составило 80 человек. Очевидцы восстания говорят о 200—300 человеках. (Нечкина М. В. День 14 декабря, с. 319—320). Раненых, действительно, сбрасывали в Неву.

[46] Первыми в Петропавловскую крепость были заключены Щепин-Ростовский, Сутгоф и Рылеев. Александр Бестужев сам явился под арест. Второй упомянутый здесь Бестужев — Михаил.

[47] Бестужев Николай Александрович (1791—1855), кап.-лейтенант 8-го флотского экипажа, член Северного общества. Собирался из Кронштадта бежать за границу, но был опознан и арестован ночью 15 декабря. Осужден по II разряду.

[48] Имеется в виду сообщение, опубликованное в «Прибавлении к Санкт-Петерб. ведомостям» (1825, 15 дек., № 100). В нем, в частности, говорилось, что восставшими «начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединилось несколько человек гнусного вида во фраках».

[49] Об этом же Штейнгейль подробнее пишет в своем примечании к с. 173.

[50] Майборода Аркадий Иванович (ум. в 1844), капитан Вятского пехотного полка, член Южного общества, пользовался доверием П. И. Пестеля. В ноябре 1825 г. подал Александру I донос, в котором назвал 46 имен членов общества. Через И. И. Дибича донос был передан накануне восстания Николаю I, на его основании начались массовые аресты декабристов.

Шервуд Иван Васильевич (1798—1867), унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка. От члена Южного общества Ф. Ф. Вад-

ковского узнал о существовании общества и в июле 1825 г. подал через Аракчеева Александру I донос. По указу 1 апр. 1826 г. получил к фамилии прибавку «Верный», в 1833 г.— полковник, в 1844—1851 гг. был в заключении в Петропавловской крепости за ложный донос.

[51] 17 дек. 1825 г. начал работать «Высочайше учрежденный тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества». 14 янв. 1826 г. Следственный комитет приказано не именовать «тайным», 26 мая он переименован в Следственную комиссию, работа его закончена 17 июня 1826 г.

[52] Пален Петр Алексеевич (1745—1826), гр., петербургский ген.-губернатор (1798—1801), один из главных организаторов и участников убийства Павла I.

[53] Адлерберг Владимир Федорович (1791—1884), гр., впоследствии министр двора (1852—1872). Его обязанностью в комитете было составлять доклады для Николая I. Боровков Александр Дмитриевич (1788—1856), чиновник особых поручений при военном министре, правитель дел Следственного комитета. О тайне гр. А. И. Татищева и вице-директора Комиссариатского департамента Василия Ивановича Путяты см. примеч. 185 к АЗ.

[54] Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796—1826), подполковник Черниговского пехотного полка, член Южного общества, один из пяти казненных декабристов. Его брат Ипполит (1806—1826), прапорщик квартирмейстерской части, тоже член Южного общества, застрелился во время разгрома восставшего Черниговского полка правительственными войсками.

[55] Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), гр., фаворит имп. Анны Ивановны. Всеобщая подозрительность, шпионаж, доносы, жестокое преследование недовольных были свойственны созданному им режиму.

[56] Притчи. 19. 12.

[57] Сукин Александр Яковлевич (1765—1837), ген.-ад., ген. от инфантерии, сенатор и член Государственного совета.

[58] Данте Алигьери. Ад. Песнь III, строка 9. Надпись над входом в ад (Пер. М. Лозинского).

[59] Якобы утонувшая княжна Елизавета Тараканова (ок. 1745—1775) — авантюристка, выдававшая себя за дочь имп. Елизаветы Петровны, ее подлинное происхождение и имя не установлены. В 1772 г. в Париже объявила себя претенденткой на российский престол. В 1775 г. А. Г. Орлов обманом завлек ее на русский корабль, находящийся в Италии. Умерла в Петропавловской крепости от туберкулеза. Позднее ее отождествляли с другой заключенной, погибшей во время наводнения 1777 г.

[60] «Тайная канцелярия» — орган следствия и суда по политическим делам — была учреждена в 1718 г., в 1726 г. ликвидирована, в 1731 г. восстановлена. Взамен ее в 1762 г. Екатерина II учредила «Тайную экспедицию», она действовала до 1801 г. В 1762—1793 гг. ее возглавлял обер-секретарь Степан Иванович Шешковский (1727—1794), знаменитый своей жестокостью.

[61] После попытки самоубийства А. М. Булатов был доставлен с воспалением мозга из Петропавловской крепости в Петербургский военный госпиталь, где и умер в ночь на 19 янв. 1826 г. Другой — очевидно, Свистунов Петр Николаевич (1803—1889), корнет Кавалергардского полка, член Северного и Южного обществ, осужден-

ный по II разряду. В попытке самоубийства он проглотил стекло (см. секретное донесение о двух попытках самоубийства П. Н. Свистунова в июне 1826 г.: ЦГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 6, л. 367—367 об.).

[62] Справедливость этих утверждений Штейнгейля подтверждается рядом примеров. Из дворца после первого предварительного допроса был отпущен Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882), кн., внук генералиссимуса, корнет л.-гв. Конного полка, хотя в ряде показаний прозвучало, что он был членом общества. Сыновья героя войны 1812 г. Н. Н. Раевского Александр Николаевич (1795—1868) и Николай Николаевич (1801—1843), полковники, были арестованы в начале янв. 1826 г., а в середине месяца отпущены из-под ареста в штабе с оправдательными аттестатами. Орлов Михаил Федорович (1788—1842), ген.-майор, член Союза благоденствия, до 1821 г.— крупнейший деятель движения, 16 июня 1826 г. был вывезен из Петропавловской крепости под надзор в деревню. Его спасло заступничество брата, А. Ф. Орлова. С 1831 г. он жил под надзором в Москве.

[63] Фаленберг Петр Иванович (1791—1873), подполковник квартирмейстерской части, член Южного общества. 22 янв. 1826 г. доставлен под арест в Главный штаб, 31 янв. отправлен в Петропавловскую крепость. Осужден по IV разряду. Был женат с 1825 г. на Евдокии Васильевне Раевской (1803—1857), которая после его осуждения вышла замуж за Павла Матвеевича Нолбухина. Канчиялов Егор Александрович, полковник Харьковского драгунского полка. Был привлечен по делу декабристов и умер в крепости до окончания следствия. Барятинский Александр Петрович (1798—1844), кн., штаб-ротмистр, адъютант главнокомандующего 2-й армии, член Южного общества, осужден по I разряду. О данном Барятинскому обещании посягнуть на жизнь императора П. И. Фаленберг сообщил в «Прибавлении к показанию» 30 янв. 1826 г. 13 апр. 1826 г. им была дана очная ставка, на которой Фаленберг подтвердил свои слова, а Барятинский признал, что его показание справедливо (ВД, т. 11, с. 286—289). Таким образом, Фаленберг на следствии не взваливал на себя напраслины, а рассказ Штейнгейля есть следствие легенды, распространяемой в декабристском кругу самим Фаленбергом с целью представить себя перед товарищами и перед детьми человеком, пострадавшим невинно (Предтеченский А. В. П. И. Фаленберг. Записки декабриста.— В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931, т. 1, с. 212—220; см. также Воспоминания Бестужевых, с. 104, 708—709).

[64] Один из сикеров 1801 г.— упомянутый выше П. В. Голенищев-Кутузов.

[65] Речь идет о письме 24.

[66] Торсон Константин Петрович (1793—1851), кап.-лейтенант гвардейского Морского экипажа, адъютант начальника Морского штаба, член Северного общества, осужден по II разряду. В июне 1826 г. он представил Николаю I записку, которая в официальных документах называется «О разных предположениях Торсона по улучшению строевой и хозяйственной частей Морского ведомства». 25 июня она была передана для обсуждения в Комитет образования флота, созданный в конце 1825 г. (Шешин А. Б. Декабрист К. П. Торсон. Улан-Удэ, 1980, с. 88—99).

[67] Как известно, свод показаний и писем декабристов, составленный А. Д. Боровковым для Николая I и содержавший, в частности, почти буквальную цитацию написанного Штейнгейлем, действительно, послужил основой для многих мероприятий, предпринятых в николаевское царствование (см. примеч. 1 к письму 24). Здесь Штейнгейль имеет в виду указ 10 февр. 1832 г. о введении новой сословной категории «почетных потомственных и личных граждан».

[68] Александр I был похоронен в Петропавловском соборе 13 марта 1826 г., Елизавета Алексеевна — 21 июня. Их сложные в течение многих лет отношения стали более близкими лишь незадолго до конца жизни.

[69] Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), гр., был рекомендован в Следственный комитет Н. М. Карамзиным и выдвинулся благодаря участию в его работе. В 1826—1828 гг. — товарищ министра народного просвещения, затем министр юстиции, министр внутренних дел, председатель Государственного совета и Комитета министров. Составленное им «Донесение Следственной комиссии», предназначенное для публикации, было представлено Николаю I 30 мая 1826 г. Программные положения декабристов были из него изъяты, сами они изображались как «кучка заговорщиков и цареубийц», а их дело — как привнесенное «извне» (ВД, т. 17, с. 24—61).

[70] Верховный уголовный суд «для суждения злоумышленников, открывшихся 14 декабря 1825 г.», был учрежден манифестом Николая I 1 июня 1826 г. в составе 72 человек: 18 членов Государственного совета, 36 — Сената, 3 — Синода и 15 высших военных и гражданских чинов. Все это были приближенные к царю лица, представители высшей знати и бюрократии.

[71] 7 июня 1826 г. на заседании Верховного уголовного суда решался вопрос, призывать ли подсудимых в суд для допросов, т. е. вести судебное расследование или ограничиться проверкой произведенного Следственной комиссией предварительного следствия. Принят был второй вариант, и 7 июня из состава суда была избрана Ревизионная комиссия в составе 9 человек. Работа ее трех отделений 8—9 июня свелась к выполнению пустых формальностей.

[72] А. С. Шишков (1754—1841), адмирал, президент Российской академии, министр народного просвещения и глава цензурного ведомства (1824—1828). Он не уклонялся от участия в обсуждении, а возражал против принятого судом 30 июня 1826 г. порядка, по которому подсудимый осуждался «большинством одного мнения» (если остальные голоса судей разбивались по другим «мнениям», то большинство могло быть в процентном отношении совсем невелико). Суд отверг возражение Шишкова, поданное им 5 июля, на том основании, что приговоры подсудимым были уже вынесены. Николай I оставил возражение Шишкова без внимания.

[73] В состав Ревизионной комиссии Верховного суда были введены члены Следственной комиссии А. Х. Бенкендорф, В. В. Левашов и А. И. Чернышев, вопреки заявлению манифеста от 1 июля 1826 г., что в состав суда члены Следственной комиссии не войдут. Головкин Юрий Александрович (1763—1846), гр., дипломат, сенатор, член Государственного совета.

[74] Вне разрядов были поставлены пятеро декабристов. Четвертование было заменено повешением.

[75] Приговор Верховного уголовного суда см.: ВД, т. 17, с. 224—236. Заявление членов Синода — там же, с. 222. Алексей Петрович (1690—1718), сын Петра I, вокруг которого группировались противники петровских преобразований. Следствие добилось от него признания в существовании заговора против Петра, он был осужден к смертной казни и умер накануне ее в тюрьме (считается, что был задушен).

[76] «И хотя милосердию, от самодержавной власти исходящему, закон не может положить никаких пределов, но Верховный уголовный суд приемлет дерзновение представить, что есть степени преступления столь высокие и с общею безопасностию государства столь смежные, что самому милосердию они, кажется, должны быть недоступны» (ВД, т. 17, с. 221).

[77] Указ 10 июля 1826 г. см. там же, с. 244—246. Здесь и далее Штейнгейль подчеркивает цитаты из документов.

[78] М. А. и Н. А. Бестужевым. Норов Василий Сергеевич (1793—1853), отставной подполковник, член Южного общества, вместо ссылки был отправлен в Бобруйск крепостным арестантом.

[79] Бодиско 2-й Михаил Андреевич (1803—1867), мичман Гвардейского экипажа, участник восстания 14 декабря. Отправлен в Бобруйскую крепость на 5 лет. Не уменьшен срок членам Северного общества М. Н. Глебову и бар. А. Е. Розену.

[80] Царь-пророк — Давид. Псалт. 63.7.

[81] Муравьев Александр Николаевич (1792—1863), полковник гвардейского Генерального штаба, член Союза спасения и Союза благоденствия. Другой — Люблинский Юлиан Казимирович (1798—1873), один из основателей Общества соединенных славян.

[82] Берстель Александр Карлович (1788—1830), член Общества соединенных славян, отбывал наказание в Бобруйской крепости. Булгари Николай Яковлевич (1803—1841), гр., поручик Кирасирского полка, член Южного общества, отбывал наказание в Динабургской крепости.

[83] Бодиско 1-й Борис Андреевич (1800—1828), лейтенант Гвардейского экипажа, участник восстания 14 декабря.

[84] Цебриков Николай Романович (1800—1866), поручик л.-гв. Финляндского полка, участник восстания 14 декабря. Обоснование его приговора Штейнгейль передает не совсем точно (ВД, т. 17, с. 235).

[85] Точную формулировку приговора Верховного уголовного суда см. там же, с. 247.

[86] Мысловский Петр Николаевич (1777—1846), протоиерей Казанского собора в Петербурге. Доброго мнения о нем придерживалось большинство декабристов.

[87] Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845), подполковник л.-гв. Гродненского гусарского полка, член Северного и Южного обществ, осужден по II разряду. Речь идет о его записке «Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года» (Мемуары декабристов, с. 279—306). Кроме того, Лунин составил серию политических «Писем из Сибири», написал «Разбор Донесения, представленного российскому императору Тайной комиссией в 1826 году» и др. Он надеялся через сестру Е. С. Уварову переправить свои сочинения для опубликования за границей, но она не смогла этого осуществить. В Акатуе Лунин умер внезапно, по официальной версии — от удара; возможно, это было политическое убийство.

[88] А. Н. Муравьев был сначала отправлен в Якутск, в дек. 1826 г. переведен в Верхнеудинск, в янв. 1828 г. определен городничим в Иркутск, в 1832—1833 гг. исполнял должность тобольского гражданского губернатора, впоследствии ген.-лейтенант, нижегородский губернатор, сенатор.

[89] Петербургский генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов в донесении Николаю I об исполнении смертной казни сообщил, что сорвались Рылеев, Каховский и Муравьев-Апостол (ВД, т. 17, с. 252). Источники содержат на этот счет самые разноречивые сведения (Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей. М., 1975, с. 375—384).

[90] Александра Федоровна (1798—1860), жена Николая I.

[91] Эктенья — моление в православном богослужении, содержащее разные прошения и сопровождаемое пением церковного клира.

[92] Annuaire historique universel, ou histoire politique pour l'an...— исторический ежегодник, издававшийся в Париже (1818—1859).

[93] Т. е. в соответствии с «Учреждением об императорской фамилии» 1797 г.

[94] Восстание действительно началось фактически с вывода Московского полка М. А. Бестужевым и Д. А. Щепиным-Ростовским. Позиция последнего на следствии была такой стойкой, что в приговоре ему инкриминировалось только то, что он «лично действовал в мятеже» (ВД, т. 17, с. 229), хотя о его участии в совещаниях общества было известно.

[95] Борисовы Андрей Иванович (1798—1854) и Петр Иванович (1800—1854), основатели Общества соединенных славян, остальные ранее не упоминавшиеся лица,— члены Южного общества полковники Василий Львович Давыдов (1792—1855), Артамон Захарович Муравьев (1794—1846) и ген.-майор Сергей Григорьевич Волконский (1788—1865), кн., осужден, как и все перечисленные здесь, по I разряду.

[96] Иван Антонович (1740—1764), император с 17 окт. 1740 по 25 ноября 1741 г. Сын Анны Леопольдовны (племянницы имп. Анны Ивановны) и Антона Ульриха Брауншвейгского. Низложен имп. Елизаветой Петровной во время переворота. Убит при попытке В. Я. Мировича освободить его.

Бок Тимофей Эбергард (1787—1834), полковник, лифляндский конституционалист. В 1818 г. представил Александру I записку о создании представительного дворянского органа, после чего и был заточен. Выпущен в 1828 г. Медокс Роман Михайлович (1793—1859), авантюрист, находившийся в крепости с 1813 по 1827 г., затем был агентом III Отделения, провокатором среди декабристов.

[97] Е. И. Трубецкая и Мария Николаевна Волконская (урожд. Раевская, 1805—1863) приехали на Благодатский рудник в февр. 1827 г.

[98] Нам известно только об одном свидании Штейнгейля с женой 30 июня 1826 г. в 9 часов вечера, о чем комендант А. Я. Сукин в тот же день рапортовал Николаю I (ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, св. 18, д. 210, л. 12). Он же 26 июля докладывал, что накануне, 25 июля, были отправлены в Свартгольм Штейнгейль, Батеньков и Бечаснов, с фельдъегерем Вельшем, при трех жандармах (там же, св. 20, д. 266, л. 90). Видимо, Штейнгейль после приговора имел еще одно свидание с женой.

[99] Коронация Николая I состоялась в Москве 22 авг. 1826 г., а Штейнгейль, смещая события во времени, пишет, очевидно, о раскрытии в авг. 1827 г. в Московском университете кружка братьев Критских. По указанию Николая I 6 арестованных членов кружка были без суда заключены в Свартгольмскую и Шлиссельбургскую крепости и в Соловецкий монастырь (Насонкина Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972, с. 169—184).

[100] Офицеры, состоящие при С. Р. Лепарском,— О. А. Лепарский, П. А. Куломзин и В. В. Розенберг. Ильинский Дмитрий Захарович (1805—1842) и П. Громов появились уже в Петровской тюрьме.

ПИСЬМА

1. *Ф. В. Мошкову*

ГПБ, ф. 1000, сборник перлюстрированных писем,
писарская копия, л. 15—16
Отчет Имп. Публ. библиотеки за 1888 г. СПб., 1891,
с. 173—174

[1] Мошков Федор Васильевич (1769—1848), в 1813 г.— экзекутор Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел, помещик Тверской губ. (см. родословные заметки В. И. Чернопятова: ГБЛ, ф. 329. II. 9.39, л. 6). Об отношениях Штейнгейля с ним сведений нет.

[2] В знаменитой «битве народов»— Лейпцигском сражении 4—7 (16—19) окт. 1813 г. союзные войска России, Австрии, Пруссии и Швеции разгромили армию Наполеона. 2(14) окт. к коалиции присоединилась Бавария, 6 (18) окт.— Саксония.

[3] Кутузов Александр Петрович (1777—1817), ген.-майор, был ранен и вернулся в Россию для лечения.

[4] Платов Матвей Иванович (1751—1818), гр., ген. от кавалерии, командир корпуса казачьих войск. Иорк фон Вартенбург Иоганн Давид Людвиг (1759—1830), гр., ген.-фельдмаршал, командир Прусского корпуса.

[5] Фридрих-Август I (1750—1828), с 1768 г.— саксонский король, сведения о его пленении ошибочны; Лористон Александр Жак Бернар (1768—1828), маркиз, маршал Франции, командовал 5-м корпусом, Ренье Жан Луи (1771—1814), гр., франц. генерал, командовал 7-м (Саксонским) корпусом австрийских войск, оба ранены и взяты в плен; Бертран Анри (1773—1844), гр., ген.-адъютант Наполеона, командующий несколькими корпусами. В плен был взят его однофамилец ген. Бертран, комендант Лейпцига.

[6] Ожеро Пьер Франсуа Шарль (1757—1816), маршал и пэр Франции, командовал обсервационным корпусом в Берлине, после его взятия — резервным корпусом, сведения о его смерти ошибочны; Демутье (Дюмутье), франц. генерал, начальник штаба 11-го корпуса, погиб при переправе через Эльстер; Понятовский Юзеф (1763—1813), кн., маршал и военный министр герцогства Варшавского, командир 5-го (Польского) корпуса армии Наполеона, тоже погиб при переправе.

[7] Ней Мишель (1769—1815), Удино Никола Шарль (1767—

1847), герцорг Реджио, и Мюрат Иоахим (1767—1815), король Неаполитанский — ни один из этих трех французских маршалов не был взят в плен. Ней был ранен под Лейпцигом.

[8] Барклай де Толли Михаил Богданович (1761—1818), кн., ген.-фельдмаршал, главнокомандующий русской и прусской армиями: Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745—1826), бар., ген. от кавалерии, командующий 2-й армией; в ночь после битвы Александр I пожаловал им графское достоинство. Шварценберг Карл Филипп (1771—1820), кн., австр. фельдмаршал, командовал Богемской армией союзников, награжден упомянутым в тексте орденом.

[9] Английский регент с 1811 г.— принц Валлийский (1762—1830), с 1820 г.— король Великобритании Георг IV.

[10] С конца окт. 1813 г. главная квартира Александра I была во Франкфурте, а Эрфурт был сдан только 25 дек. (Богданович М. И. История войны 1813 года. СПб., 1863, т. 2, с. 637).

[11] Осада Данцига продолжалась с начала янв. до середины дек. 1813 г.

[12] Жеребцов Алексей Алексеевич (1758—1819), камергер, сенатор, петербургский губ. предводитель дворянства, в Отечественную войну — сотенный начальник земского войска. Об обстоятельствах службы Штейнгейля в ополчении см. АЗ и «Записки касательно похода Санкт-Петербургского ополчения».

2. А. А. Волкову

ГБЛ, ф. 41, 147.18, л. 1

[1] Об А. А. Волкове см. примеч. 138 к АЗ.

[2] Датировать письмо позволяет тот факт, что Штейнгейль не знаком с К. Я. Булгаковым (1782—1835),— это, по положению Штейнгейля в Москве, могло быть только недолгое время после назначения Булгакова 11 февр. 1816 г. московским почт-директором.

3. В газету «Русский инвалид»

Подлинник не сохранился. Рус. инвалид,
1816, 30 апр., № 98, отрывок

[1] Отрывок из письма В. И. Штейнгейля был помещен в газете после сообщения о пожертвовании им в пользу инвалидов 200 экземпляров его «Записок касательно похода Санкт-Петербургского ополчения».

[2] В. А. Плавильщиков (1768—1823), библиограф, книгопродавец, писатель, владелец типографии.

4. А. А. Майкову

ГПБ, ф. 452, оп. 1, № 536, л. 1—2

[1] Майков Аполлон Александрович (1761—1838), поэт, драматург, с 1810 г.— управляющий московскими театрами, в 1821—1825 гг.— директор имп. театров.

[2] Сокольский Герасим Васильевич, поэт и переводчик, печатался в разных журналах с 1812 г.

[3] «Чертова мельница» — старинная австрийская повесть Лео-

польда Губера, обработанная Карлом Фридрихом Генслером (1761—1825), венским драматургом и актером. Г. В. Сокольский перевел ее с немецкого, и она была напечатана как либретто оперы в 4 действ., муз. Г. В. Мюллера. М., 1817.

5. *А. А. Писареву (отцу)*

ГБЛ, ф. 226, 7.61, л. 1—1 об.

[1] Писарев Александр Александрович, председатель Московской гражданской палаты. О нем и о его сыне, также Александре Александровиче, упоминаемом ниже, см. АЗ, с. 111 и примеч. 123.

[2] Павел Петрович Субботин, выпускник Московского университета, губ. секретарь, помогал А. А. Писареву (сыну) в печатании его трудов.

6. *А. А. Писареву (отцу)*

ГБЛ, ф. 226, 7.61, л. 3—3 об.

[1] Адресатом этого и следующего писем, судя по их краткости и темам, в них затронутым, является Писарев-отец (ср. с письмами 8—9).

7. *А. А. Писареву (отцу)*

ГБЛ, ф. 226, 7.61, л. 5—5 об.

8. *А. А. Писареву (сыну)*

ГБЛ, ф. 226, 7.61, л. 7—12 об.

[1] Это письмо — ответ на письмо А. А. Писарева от 17 марта 1818 г. из Калуги (ГБЛ, ф. 226, 1.78, л. 13, авторский отпуск). Писарев просил Штейнгейля извинить его, что уехал из Москвы не простившись, и посылал одну из своих книг «в отдарок за прекраснейшее ваше описание О п о л ч е н и я».

[2] Здесь и ниже речь идет об А. А. Аракчееве (см. о нем примеч. 138 к АЗ).

[3] По протекции А. А. Писарева в марте 1818 г. П. П. Субботин был принят на службу к А. А. Аракчееву. В апр. 1818 г. он был назначен заведовать библиотекой и типографией Гвардейского штаба, в мае ему было поручено организовать имп. типографию, одновременно он был причислен к канцелярии Аракчеева. Делал для последнего описание имения и собора в Грузине (см. его письма к А. А. Писареву (сыну) за 1818 г.: ГБЛ, ф. 226, 6.50).

[4] Об этой книге см. с. 11.

[5] Вероятно, здесь речь идет о недавнем начальнике Штейнгейля А. П. Тормасове, получившем графский титул в 1816 г. (см. о нем АЗ, с. 112 и примеч. 128).

[6] Будущий царь Александр II.

[7] В февр. 1818 г. вышли в свет первые 8 томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (см. о нем примеч. 167 к АЗ), создателя русского сентиментализма, с 1803 г. — правительственного историографа. Глинка Сергей Николаевич (1775—1847), поэт, прозаик, историк и журналист. Речь идет о его кн.: Русская

история, сочиненная Сергеем Глинкою. Изд. 3. М., 1818, ч. 3. Глазунов Иван Петрович (1762—1831), книгопродавец и издатель. Суждение Штейнгейля расширяет круг декабристов-критиков труда Карамзина (ЛН, т. 59, ч. 1, с. 557—564, 569—598).

[8] Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1855), с 1817 г. симбирский гражданский губернатор, в 1819—1826 гг.— попечитель Казанского учебного округа. Симбирское отделение Библейского общества открылось 1 янв. 1818 г., когда и произнесена была речь Магницкого. Она была выдержана в духе крайнего обскурантизма: вся мировая история рассматривалась в ней как борьба «князя тьмы» со светом и, в частности, христианскими идеями, причем человеческий разум, философия и «славнейшие писатели» разных времен и народов объявлялись порождением и орудиями «князя тьмы», а современной политике России и Священному союзу придавался провиденциальный смысл (Пыпин А. Н. Российское Библейское общество. — Вестник Европы, 1868, № 9, с. 288—293).

[9] В ответном письме от 4 мая 1818 г. (ГБЛ, ф. 226, 1.78, л. 27 об., авторский отпуск) Писарев сообщал, что при отъезде из Москвы поручил П. П. Субботину вернуть Штейнгейлю книгу «Правила масонские» (когда в 1816 г. Штейнгейля приглашали вступить в масонскую ложу, ему доставили «все печатные правила»— ВД, т. 14, с. 162), и перечислял книги собственного сочинения, которые взамен Субботин вышлет Штейнгейлю из Петербурга.

9. А. А. Писареву (сыну)

ГБЛ, ф. 226, 7.61, л. 13—14 об.

[1] Предметы для художников, избранные из российской истории, словенского баснословия и из всех русских сочинений в стихах и прозе А. Писаревым. СПб., 1807, ч. 1—2.

[2] 26 марта 1818 г. петербургским митрополитом стал Михаил Десницкий (ум. 1821), бывший архиепископ Черниговский.

10. А. А. Аракчееву

ЦГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 121, л. 70—71 об.

[1] В. Ф. Ильин (1769—1821), ген.-майор, с 1813 г. управляющий московским артиллерийским депо.

11. А. Н. Голицыну

ЦГИА, ф. 733, оп. 118, д. 438, л. 1—4 об.

[1] См. примеч. 154 к АЗ.

[2] Ответное письмо А. Н. Голицына от 15 февр. 1819 г. см.: ЦГИА, ф. 733, оп. 118, д. 438, л. 6. Дело содержит документы по обсуждению рукописи Штейнгейля в Цензурном комитете.

[3] Книга вышла с указанным эпиграфом (Притчи, 23.23) и посвящением А. Н. Голицыну с перечислением всех его должностей и титулов: «С глубочайшим почтением и преданностию посвящает барон Владимир Штейнгейль».

[4] Иннокентий (Смирнов Илларион, 1784—1819), с 1813 г. рек-

тор Санкт-Петербургской семинарии, духовный цензор, с марта 1819 г.— епископ Пензенский.

[5] Папа Григорий XIII (1502—1585) в 1582 г. провел реформу календаря, введя новый стиль и систему летосчисления. По его имени календарь получил название григорианский.

12. *А. А. Аракчееву*

ЦГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 122, л. 283—283 об.

[1] Речь идет о записке В. И. Штейнгейля «Некоторые мысли и замечания относительно законных постановлений о гражданстве и купечестве в России». Ответное письмо, с которым Аракчеев вернул Штейнгейлю его бумаги,— от 18 ноября 1819 г. (ИРЛИ, ф. 591, № 9292.5, л. 1). Цитируя это письмо в АЗ, Штейнгейль ошибочно указал дату «19 октября 1819 года» (см. с. 127), если, конечно, это не ошибка первого публикатора текста. Письмо Аракчеева опубликовано В. Е. Якушкиным с неточностями, причем нечетко написанный в автографе год передан им как «1817» (Рус. старина, 1888, № 10, с. 159). Вследствие этого В. И. Семевский, излагая в биографии Штейнгейля основные положения записки, неверно датировал ее 1817 г. и к тому же году отнес приглашение Штейнгейля на службу к Аракчееву (Общественные движения, с. 286—287, то же: Мемуары декабристов, с. 349).

13. *А. Н. Голицыну*

ЦГИА, ф. 733, оп. 118, д. 438, л. 7—8

[1] См. письмо 11 и примеч. 3 к нему.

14. *Г. П. Вонифатьеву (?)*

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3136, л. 1—2 об.,
наборная рукопись с пометой: «Сообщ[ил] 10 дек[абря] 1884
В. Надпорожный»

Рус. старина, 1889, № 7, с. 159—160

[1] Можно предположить, что адресат письма — Григорий Петрович Вонифатьев (1791—1854), брат жены Штейнгейля, устроенный им на службу в канцелярию А. П. Тормасова и живший в его семье в 1810-х гг. (см. исповедные ведомости Пречистенской части, церковь Иоанна Предтечи на Староконюшенной: ЦГИАМ, ф. 203, св. 849, д. 899). В пользу этого предположения говорит короткость тона письма, упоминание «сестрицы», т. е., вероятно, П. П. Штейнгейль, срок доставки письма, определяемый по помете о получении и характерный для связи между Петербургом и Москвой, а также сходство почерка пометы с почерком другого брата Вонифатьева — Петра Петровича (ИРЛИ, ф. 591, № 9463, л. 1). Образцом почерка Г. П. Вонифатьева мы не располагаем.

[2] Речь пойдет о дебюте 3 мая 1820 г. Василия Андреевича Каратыгина (1802—1853) на сцене петербургского Большого театра в роли Фингала в трагедии В. А. Озерова «Фингал».

[3] Яковлев Алексей Семенович (1773—1817), петербургский

трагический актер, прославившийся в роли Фингала. Современники считали его фактическим отцом В. А. Каратыгина (Куликова К. Ф. Алексей Яковлев. Л., 1977, с. 68—70).

[4] Колосова Александра Михайловна (1802—1880), петербургская драматическая актриса, впоследствии жена В. А. Каратыгина. В «Фингале» выступала с 1818 г. в роли Моины.

[5] «Смерть Роллы», трагедия А.-Ф.-Ф. Коцебу. Ниже перечисляются петербургские актеры: Величкин Михаил Васильевич (1791—1848), Борецкий Иван Петрович (1795—1842), Яковлева Екатерина Ивановна (1795—1850-е гг.), Максин Иван Алексеевич (1791—1828), Валберхова Мария Ивановна (1788—1867), Каменогорский Захар Федорович (1781—1832), Толченов Павел Иванович (1787—1862), Монруа Мария Федоровна.

[6] «Перегородка, или Много труда по-пустому», комедия в I действ. Л.-М.-Ф. Белена, пер. с франц. Ф. Ф. Кокошкина.

[7] Надо полагать, зрелище сравнивается с увеселениями на Святой неделе, когда на Адмиралтейской площади устраивались качели и балаганы.

[8] Тюфякин Петр Иванович (1769—1845), кн., главный директор имп. театров (1819—1821).

[9] 13 мая 1820 г. состоялся дебют В. А. Каратыгина в трагедии Александра Николаевича Грузинцева (1779—1840-е гг.) «Эдип-Царь» (1811). Отец В. А. Каратыгина — Андрей Васильевич Каратыгин (1774—1832), петербургский драматический актер.

[10] Балет Огюста «Гулянье на Крестовском острове, или Сюрпризы» в Большом театре.

15. М. З. Зиновьеву (?)

ИРЛИ, отдельные поступления, № 9458, л. 1—2 об.

Рус. старина, 1888, № 10, с. 160—162, без фамилии адресата

[1] Адресат этого и следующего писем устанавливается нами предположительно на основании косвенных данных. Существует некролог Штейнгейля (К биографии В. И. Штейнгейля.— Моск. ведомости, 1862, 7 окт., № 218), написанный одним из немногих «переживших его друзей» — Алексеем Зиновьевичем Зиновьевым (1801—1884). По возвращении из Сибири Штейнгейль, спрашивая о его судьбе, писал: «Когда он учился еще в пансионе, я очень интересовался им, а мое интересование в Москве тогда имело кой-какой вес» (письмо 183). В 1818—1822 гг. А. З. Зиновьев учился в Московском университете, а с мая 1823 г. был надзирателем и учителем в университетском Благородном пансионе. Известен как учитель М. Ю. Лермонтова, литератор, переводчик, профессор Демидовского лицея в Ярославле и Лазаревского института восточных языков (Иванов А. Н. Учитель Лермонтова А. З. Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле. Верх.-Волж. кн. изд-во, 1966). В некрологе А. З. Зиновьев упоминает своего брата, умершего в 1824 г.: тот сделал Штейнгейлю «самое ничтожное одолжение, которое, однако, не изгладилось у него из памяти» (в публикуемых письмах Штейнгейль как раз благодарит адресата за поддержку и помощь). Из того же некролога можно понять, что день именин этого «верного почитателя» Штейнгейля был 12 июля.

В святцах на этот день мы находим среди прочих имя Михаила. С другой стороны, И. М. Снегирев в дневниковой записи за 23 апр. 1823 г. упоминает в одном контексте Зиновьевых и Штейнгейля (Снегирев И. М. Дневник, с. 17). Таким образом, среди знакомых Штейнгейля в нач. 1820-х гг. было не менее двух Зиновьевых. Один — Алексей Зиновьевич, и это его, если наше предположение верно, Штейнгейль в публикуемых письмах называет «братцем» адресата, другой — Михаил Зиновьевич Зиновьев, адресат Штейнгейля. Образца его почерка для сличения с пометой о получении письма найти не удалось, так же как и дополнительных сведений о нем самом и упоминаемой в письмах Александре Ларионовне.

[2] Фурсово — владельческое село Белевского уезда Тульской губ. (в 33 верстах от Белева), где был винокуренный завод П. И. Чебышева. Штейнгейль служил управляющим заводом, а его семья жила в Туле.

[3] Имеется в виду персонаж из басни И. А. Крылова «Любопытный».

[4] Дюпор Луи (1782—1853), балетмейстер и танцовщик, служил на петербургской сцене с 1809 по 1812 г. Антонен (Антонин), французский танцовщик, выступавший в Петербурге.

[5] Этот ребенок Штейнгейлей умер (см. след. письмо).

16. М. З. Зиновьеву (?)

ИРЛИ, отдельные поступления, № 9458, л. 3—4 об.
Рус. старина, 1888, № 10, с. 163—164, без фамилии адресата

[1] Г. Д. Трофимов (1765—1845), в конце 1810-х гг. московский пристав.

[2] Об А. С. Шишкове см. примеч. 72 к ЗВ, Д. А. Шишкова (урожд. Лабаршевская). Об Н. С. Мордвинове см. примеч. 96 к АЗ.

[3] Мальцов — вероятно, Иван Акимович (р. 1778), один из представителей династии богатых заводчиков, Демидов — скорее всего Николай Никитич (1773—1828), также богатый заводчик.

17. А. С. Шишкову

ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. 6091, л. 15—16

[1] Об А. Ф. Мерзлякове см. примеч. 7 к ЗВ. О каком из его переводов идет речь, трудно сказать, так как многое, уже готовое в это время (см. библиографию его трудов, составленную С. Д. Полторацким: ГБЛ, ф. 233, 35.61, л. 5 об.— 6), он смог напечатать только через несколько лет, в частности: Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев. М., 1825—1826, ч. 1—2; Освобожденный Иерусалим. Поэма Торквата Тассо. М., 1828, ч. 1—2.

18. Александру I

ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4191, л. 323

Сборник исторических материалов, извлеченных из архива с. е. и. в. канцелярии. СПб., 1895, вып. 7, с. 193, без подписи

[1] При этом письме Штейнгейль отправил записку «О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми».

19. Ф. И. Герману

ЦГАОР, ф. 109, IV эксп. 1831 г., д. 205, л. 24—25 об.

Рус. литература, 1964, № 1, с. 120

[1] Герман Федор Иванович (1789—1852), двоюродный племянник В. И. Штейнгейля, выпускник Горного корпуса, с 1817 г.— адъютант оренбургского военного губернатора П. К. Эссена и правитель его пограничной канцелярии. В 1823 г. по доносу о чрезмерном влиянии на Эссена переведен в армию (как и в случае со Штейнгейлем, донос был передан через П. М. Волконского). Ф. Ф. Вигель отмечал «необыкновенный ум, удивительные способности» Ф. И. Германа в его 18 лет (Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1891, ч. 2, с. 201). Об отношениях Штейнгейля с ним см. указ. статью В. Г. Базанова.

[2] Вероятно, Штейнгейль подразумевает решения Веронского конгресса Священного союза, с которого в конце января вернулся Александр I: о вооруженной интервенции Франции против революционной Испании, о продлении австрийской оккупации в Неаполитанском и Сардинском королевствах после подавления в них революций и, главное, об осуждении греческого восстания против турецкого ига.

[3] В. Ф. Дружинин, эконом и казначей 3-го отделения Главного начальства над Почтовым департаментом.

[4] Кавказским певцом, очевидно, назван Пушкин за поэму «Кавказский пленник» (1821). В таком случае «последнее творение» его — «Гавриилиада (1821), ходившая в списках и сочувственно встреченная в декабристских кругах.

20. А. С. Шишкову

ЦГИА, ф. 1673, оп. 1, д. 257, л. 1—2 об.

[1] В. Б. Броневский (1784—1835), кап.-лейтенант, впоследствии — ген.-майор, одновременно со Штейнгейлем воспитывался в Морском кадетском корпусе, инспектор Тульского Александровского дворянского училища (1819—1829), военный историк, автор книг о морских путешествиях. Ришельевский лицей находился в запущенном состоянии — за пять лет в нем сменились три постоянных и два временных директора (Михневич И. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея, с 1817 по 1857 год. Одесса, 1857, с. 27—30).

[2] Возможно, Штейнгейль имеет в виду Г. И. Давыдова: о его дружбе он пишет в том же тоне в письме 31. Шишков, как бывший преподаватель Морского кадетского корпуса, мог знать некоторых его воспитанников и помнить таким образом Штейнгейля.

21. К. Ф. Рылееву

ИРЛИ, ф. 269, оп. 2, № 26, л. 1—2 об.

Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938, т. 1, с. 424—425

[1] Виллие Яков Васильевич (1765—1854), врач, лейб-медик Александра I, президент Медико-хирургической академии. Приложенная к письму бумага не сохранилась, поэтому неизвестно, чем была вызвана расправа с Михаилом Васильевичем Смоленским, заседателем Московского надворного суда.

[2] Кочубею Виктору Павловичу (1768—1834) и Голицыну Дмитрию Владимировичу (1771—1844).

[3] Иван Васильевич — Прокофьев (см. о нем примеч. 169 к АЗ).

[4] Щепкин Михаил Семенович (1788—1868), актер Московского Малого театра.

[5] О Г. С. Батенькове см. примеч. 10 к ЗВ. Письмо Штейнгейля к Александру I неизвестно. О деле, которое в нем излагалось, и упоминаемых здесь лицах см. с. 122—125.

[6] Жена Рылеева — Наталия Михайловна (урожд. Тевяшева, ум. 1853); об А. А. Бестужеве-Марлинском см. примеч. 18 к ЗВ. Сомов Орест Михайлович (1793—1833), столоначальник в правлении Российско-Американской компании, литератор, близкий к руководящим членам Северного общества.

22. М. Н. Загоскину

ГПБ, ф. 291, оп. 1, ед. 153, л. 1—2 об.

[1] Об М. Н. Загоскине см. примеч. 182 к АЗ.

[2] Об И. В. Сленине см. примеч. 167 к АЗ. Ф. Ф. Кокошкин (1773—1838), директор московских театров (1823—1831); Волжский и Андрей Ширяев, актеры московских театров.

[3] «Прециоза»— драма в 4 действ. П.-А. Вольфа, с хорами и балетами, муз. Вебера, пер. с нем. А. В. Иванова.

[4] «Федра, или Поражение Минотавра» — трагико-героический балет в 4 действ., соч. Дидло, муз. Кавоса и Турика.

[5] Истомина Авдотья Ильинична (1799—1848), балерина имп. балета (1815—1836).

[6] О К. П. Чернове, его дуэли и похоронах см. примеч. 9 к ЗВ.

[7] М. А. Милорадович (см. о нем примеч. 142 к АЗ), как председатель театрального комитета, играл ведущую роль в конфликте театральной дирекции с А. М. Колосовой, в результате которого 13 янв. 1825 г. она была уволена от службы, и только 1 окт. 1825 г. с нею был заключен новый контракт (Боцяновский В. Ф. К истории русского театра. Письма П. А. Катенина к А. М. Колосовой. 1822—1826. СПб., 1893, с. 49—52; см. также: Воспоминания А. М. Колосовой — Рус. вестник, 1884, № 4, с. 580—584).

23. В. В. Левашову

ЦГАОР, ф. 973, оп. 1, д. 74, л. 1—1 об.

Утренники. Пг., 1922, кн. 2, с. 75, с ошибочной датой: «17 января»

[1] О В. В. Левашове см. примеч. 180 к АЗ. Год в дате опреде-

ляется по времени первого допроса Штейнгейля в Петропавловской крепости.

[2] Результатом разрешения явилось письмо 24.

24. *Николаю I*

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 11, л. 74—87

Ист. сборник Вольной русской типографии в Лондоне. 1859, кн. 1, факс. изд. М., 1971, с. 101—125; ВД, т. 14, с. 181—191

[1] При отношении дежурного генерала Главного штаба А. Н. Потапова письмо было передано 1 июня 1826 г. в Следственную комиссию (ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 11, л. 73). К Потапову восходит первый по времени список письма, положивший, скорее всего, начало всем остальным. В авг. 1826 г. во время коронации Николая I Потапов дал ознакомиться с копией письма В. С. Филимонову (с 1817 г.— новгородский вице-губернатор, в 1822 г. вышел в отставку, в 1829—1831 гг. архангельский гражданский губернатор), которого он прочил в тот момент в правители своей канцелярии. Филимонов втайне от Потапова снял для себя копию с копии — она была обнаружена у него при аресте в 1831 г. в связи с Сунгуровским делом (см. об этом: Неводов Ю. Б. Секретное дознание о В. С. Филимонове. К истории распространения литературно-критических документов декабристов после 1825 г.— ЛН, т. 60, ч. 2, кн. 1, с. 571—582). В. С. Филимонов был литератором, приятелем В. А. Жуковского, печатался в «Полярной звезде»; судя по стихотворению «В. С. Филимонову», Пушкин считал его своим политическим единомышленником. В конце 1820-х гг. близким знакомым Филимонова был П. А. Вяземский. Можно предположить в связи с этим, что благодаря Филимонову письмо Штейнгейля стало известно в литературных кругах. Следующее по времени свидетельство распространения письма — список его, хранящийся в архиве Вяземских, с пометой: «Из бумаг кн. Петра Андреевича Вяземского». В пояснении к письму сын поэта П. П. Вяземский писал, что оно «ходило по рукам в 1835 г., в моем отрочестве сообщил мне его Аркадий Осипович Россетти именно в этом году. Помню, что тогда много говорили, что записка эта много повлияла на направление правительства в первый период царствования» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5667, л. 1—25). Список письма имел и А. И. Тургенев, он «доставил» его сыну Штейнгейля Вячеславу (письмо 125; это могло быть до 1845 г., когда А. И. Тургенев умер). Естественно предположить, что последним списком пользовался и сам декабрист, вернувшийся из Сибири, когда передавал свое письмо для напечатания в Лондон. От него же получил список А. Е. Розен; в 1884 г. он переслал его М. И. Семевскому (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2246, 3134). Со списка Розена была снята копия (там же, № 3135), послужившая наборным экземпляром для публикации письма в «Общественных движениях» (с. 475—492). К списку, хранившемуся в семье декабриста, восходит, очевидно, и экземпляр М. И. Топильского, по которому (и по списку, принадлежавшему К. П. Победоносцеву) была осуществлена первая публикация письма в России (Рус. архив, 1895, № 2, с. 161—176). Отметим еще четыре списка, сделанных до пер-

вой (заграничной) публикации письма, в 1830-х — нач. 1850-х гг.: ЦГИА, ф. 932, А. М. Дондукова-Корсакова, оп. 1, д. 500; ГБЛ, ф. 32, И. Е. Бецкого, 19.40; там же, ф. 214, № 53 (сборник П. А. Григорова); ЦГАОР, ф. 279, Якушкиных, оп. 1, д. 336. Остальные известные нам списки письма восходят, скорее, к его публикациям — см., например: ГПБ, ф. 859, Н. К. Шильдера, к. 17, № 33а; ЦГВИА, ф. 175, М. Ф. Бороздина, оп. 1, д. 2; ОПИ ГИМ, ф. 282. Коллекция гос. музея революции, д. 281.7; ИРЛИ, ф. 205, А. В. Никитенко, № 19733; там же, ф. 6, И. А. Анненкова, № 21; ГБЛ, ф. 203, ОИДР, 263.6, л. 1—32 об. и др. Карандашные подчеркивания и пометы на полях письма сделаны правителем дел Следственной комиссии А. Д. Боровковым при составлении им «Свода показаний членов злоумышленного Общества о внутреннем состоянии государства», представленного царю 6 февр. 1827 г. Значительная часть высказанных Штейнгейлем в письме положений о необходимости коренных преобразований в экономической, социальной и политической жизни России была включена в свод, причем, как правило, почти дословно (см.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. 1, особенно разделы: 5. Система правления, 6. Упадок гражданской части, 11. Недоимки, 12. Казенное хозяйство, 13. Торговля, 14. Состояние флота, 15. Военные поселения, 17. Заключение — с. 569—571, 573—574, 576).

[2] Речь идет о манифесте от 12 дек. 1825 г. С воцарением Константина Павловича связывались надежды на перемены, прежде всего в армии: уменьшение срока службы, смягчение дисциплинарных мер и др.

[3] Об М. М. Сперанском см. примеч. 26 к ЗВ, о Д. А. Гурьеве — примеч. 160 к АЗ.

[4] Министерства были учреждены в 1802 г. и реорганизованы М. М. Сперанским в 1811 г. (т. е. через 9, а не через 6 лет, как пишет Штейнгейль). Государственный совет учрежден 1 янв. 1810 г. Министерство полиции образовано в 1811 г., о его руководителе С. К. Вязмитинове см. примеч. 125 к АЗ. Министерство коммерции упразднено в том же 1811 г. Министерство просвещения и духовных дел учреждено в 1817 г., преобразовано в Министерство просвещения в 1824 г.

[5] Тильзитский мир и военный союз с Наполеоном был заключен Александром I 25 июня 1807 г. Об А. Коленкуре см. примеч. 24 к АЗ.

[6] В связи с огромным дефицитом государственного бюджета Сперанский в 1811 г. провел ряд финансовых мероприятий: были увеличены подушная подать, оброк с государственных крестьян, сбор с купеческих капиталов, косвенные налоги, был введен налог на дворянские имения. Комиссия для составления законов была учреждена еще в 1801 г., новая комиссия под председательством Сперанского создана в 1817 г.

[7] 6 авг. 1809 г. по инициативе Сперанского был издан указ, по которому чины с 8-го по 5-й классы могли даваться только лицам, имеющим аттестат об окончании университета или выдержавшим специальный экзамен.

[8] Таможенный тариф 1810 г. был протекционистским, тариф же 1816 г. снимал запрет на ввоз ряда иностранных товаров и значительно понижал пошлины на сырье, которое не вырабатывалось

в России. Еще дальше в этом направлении шел тариф 1819 г. В 1822 г. (Штейнгейль ошибочно указывает 1823 г.) правительство вынуждено было ввести новый протекционистский тариф.

[9] Постановлением 14 нояб. 1824 г. утверждались высокие пошлины на торговлю крестьян и мещан, крестьянам разрешалось в городах вести только мелочную торговлю — все это в интересах гильдейского купечества.

[10] Об И. Б. Пестеле см. примеч. 101 к АЗ. Злобин Василий Алексеевич (1750—1814), откупщик, один из главных поставщиков армии в 1812 г. Перетц Абрам Израилевич, петербургский купец, обанкротившийся в 1817 г. (Архив графов Мордвиновых, т. 6, с. 210—219).

[11] Герберги — питейные заведения с изображением государственного герба.

[12] Генрих III (1551—1589), французский король с 1574 г., при нем из-за религиозных войн и тяжелых поборов Франция была разорена.

[13] Дорожная повинность населения была заменена денежным сбором манифестом 11 февр. 1812 г.

[14] Траверсе Жан Франсуа де (1754—1830), маркиз, французский эмигрант, русский морской министр (1811—1828), член Государственного совета.

[15] Синявин (Сенявин) Дмитрий Николаевич (1763—1831), адмирал (с 1826 г.), герой морских сражений в русско-турецкую войну 1806—1812 гг. Своими самостоятельными действиями в Средиземном море вызвал неудовольствие Александра I и с 1813 г. был в отставке. В 1825 г. возвращен на службу, назначен командующим Балтийским флотом. Рожнов Петр Михайлович (1763—1839), контр-адмирал, с 1827 г.— главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. Соседнее государство — вероятно, Швеция.

[16] Балашев (Балашов) Александр Дмитриевич (1770—1837), в 1800-х гг. петербургский ген.-губернатор, в 1810—1819 гг.— министр полиции, в 1820—1825 гг. ген.-губернатор ряда центральных губерний. В 1822—1823 гг. он образовал в них в виде опыта губернские и уездные советы из местных чиновников и учредил новую должность председателя губернского правления. Его попытки преобразовать местное управление не имели продолжения.

[17] Имеются в виду проведенные М. М. Сперанским в 1822 г. реформы системы управления Сибири, которые укрепили местную администрацию.

[18] Энгельгардт Егор Антонович (1775—1862), писатель, директор Царскосельского лицея (1816—1823).

[19] Речь идет о волнениях крестьян Новгородской губернии и украинского казачества в 1817—1818 гг. Подавлением восстания военных поселян в Чугуеве летом 1819 г. руководил сам Аракчеев.

[20] Миних Бурхард Кристоф (1683—1767), гр., ген.-фельдмаршал, президент Военной коллегии при имп. Анне Ивановне. Веллингтон Артур Уэсли (1769—1852), герцог, английский полководец, победитель Наполеона при Ватерлоо в 1815 г., премьер-министр в 1828—1830 гг. О Ф. В. Ростопчине см. примеч. 129 к АЗ.

[21] О Н. И. Новикове см. примеч. 133 к АЗ.

[22] Имеются в виду «Английская конституция» Ж.-Л. Делольма, «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье, философские и экономиче-

ские сочинения И. Бентама, «Путешествие Пифагора, знаменитого самосского философа, или Картины древних славнейших народов» П.-С. Марешаля, «Антеноровы путешествия в Грецию и Азию с прибавлением разных известий о Египте» Э.-Ф. Лантье, «Любовные приключения кавалера де Фобласа» Ж.-Б. Луве де Кувре, «Кум Матвей, или Превратности человеческого ума» А.-Ж. Дюлорана. Все эти сочинения, иные — не одним изданием, появились в русских переводах в 1800—1820-х гг.

[23] Речь идет о либеральной акции Александра I, характерной для начала его царствования. В 1802 г. он ответил отказом на просьбу герцога Вюртембергского (см. о нем примеч. 18 к ЗВ) о пожаловании ему имения с крестьянами, но предоставил его в аренду «с тем, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы, подобно бессловесным животным» (Богданович М. И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869, т. 1, с. 97—98).

[24] Указ 20 февр. 1803 г. о свободных хлебопашцах предоставлял помещику возможность по соглашению с крестьянами отпускать их на волю с землей за выкуп. На основании этого указа до 1825 г. было отпущено на волю всего 47 тыс. крепостных (муж. пола).

[25] Имеется в виду крестьянская реформа 1816—1819 гг. в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях, в результате которой крестьяне получили личную свободу, но без земли и с ограниченным правом передвижения. Псковская губерния в 1817 г. была присоединена к лифляндскому и курляндскому генерал-губернаторству, отчего и возникли не оправдавшиеся впоследствии надежды, что реформа будет распространена и на нее.

[26] Фесслер Игнатий Аврел (1756—1839), немецкий писатель, в 1809 г. получил кафедру восточных языков и философии в Александро-Невской духовной академии. По обвинению в атеизме был лишен кафедры и выслан в Вольск Саратовской губернии, с 1813 г. жил в Саратове.

[27] Юнг-Штиллинг Иоганн-Генрих (1740—1817), немецкий писатель-мистик. Гион (де ла Мот Гион, или Гюйон) Жанна-Мари (1648—1717), зачинательница квиетизма во Франции, ее толкования Евангелия появились на русском языке во многих изданиях в нач. 1820-х гг., причем они даже рассылались по церквам и монастырям для обязательной покупки. Де Туш — мистический писатель, нам неизвестен. Штейнгейль упоминает это имя в том же контексте еще раз — в своих показаниях (ВД, т. 14, с. 177).

[28] См. примеч. 8 к письму 8.

[29] 1-е послание ап. Павла к коринфянам.

[30] См. об этом подробнее с. 119.

[31] В речи, произнесенной при открытии Польского сейма в Варшаве 15 марта 1818 г., Александр I дал понять, что со временем дарует конституцию и России. Восстание в Испании началось 1 янв. 1820 г., в Пьемонте — 10 марта 1821 г. В марте же началась Греческая война за независимость. Эти события изменили настроения царя.

[32] Александр I до 1822 г. оказывал поддержку восставшим грекам и отказался от нее только после Веронского конгресса Священного союза, принявшего решение о подавлении революции в Испании. Продолжать в этих условиях помогать грекам против «законного государя» — турецкого султана было невозможно. Вел. кн.

Константин Павлович получил свое имя в память византийского имп. Константина — политические планы Екатерины II предназначали ему престол будущей «Константинопольской империи», которая должна была образоваться после изгнания турок из Европы.

[33] Рескрипт Александра I от 21 авг. 1822 г. о закрытии всех тайных обществ (в том числе масонских лож) был вызван доносом М. К. Грибовского на декабристское тайное общество в марте 1821 г.

[34] 9-й том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина вышел в 1821 г. Он был посвящен второй половине царствования Ивана Грозного.

[35] «Волынский» и «Наливайко»— поэмы К. Ф. Рылеева, «Братья-разбойники» — отрывок из неоконченной поэмы А. С. Пушкина. Все три произведения увидели свет в альманахе А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда на 1825 г.» В «Северном архиве» (1825, № 21) были опубликованы «Записки о делах московских, веденные с 1598 г. Гримовским и представленные Сигизмунду III, королю польскому». Риего Рафаэль (1785—1823), подполковник, и Квирога Антонио (1784—1841), полковник, вожди Испанской революции 1820 г.

[36] Госснер Иоганн (1773—1858), пастор, приехавший в Петербург в 1820 г., мистик, директор Библейского общества Петербурга в 1820—1824 гг. Перевод его кн. «Дух жизни и учение Иисус Христова в Новом завете. Часть первая» (нач. 1824 г.) был запрещен, тираж сожжен, а сам он по указу от 15 апр. 1824 г. выслан из России, обвиненный в том, что при толковании евангельских текстов проповедовал безбожие и побуждал к мятежу (Греч Н. И. Записки моей жизни, с. 575—591; Пыпин А. Н. Указ. статья.— Вестник Европы, 1868, № 11, с. 260, 263—283).

[37] Об архимандрите Фотии см. примеч. 9 к ЗВ. Его «покаянница» и покровительница — гр. А. А. Орлова-Чесменская (см. о ней примеч. 142 к АЗ) передала ему значительную часть своего состояния. Дело Госснера привело к тому, что А. Н. Голицына сменил 15 янв. 1824 г. на посту министра народного просвещения А. С. Шишков. Именной указ ему от 17 ноября 1824 г. был связан с публикацией книги писателя и переводчика Евстафия Ивановича Станевича (1755—1835) «Беседа над гробом младенца о бессмертии души» (перв. изд. 1818 г.), направленной против мистических увлечений великосветского круга, которые разделял и Александр I. Иннокентий был сослан в Оренбург, Станевич уволен от службы, его книга конфискована и сожжена (Пыпин А. Н. Указ. статья.— Вестник Европы, 1868, № 11, с. 244, 248—255, № 12, с. 710—712). О запрещении Катехизиса архиепископа Филарета (СПб., 1823) за то, что тексты в нем были приведены по-русски, см. там же, № 12, с. 712—716.

[38] Имеется в виду указ 13 апр. 1825 г. «О воздержании духовных лиц от нетрезвой жизни» и циркуляр Синода, разосланный 31 авг. 1825 г., о введении «Особых одеяний жен и дочерей церковнослужителей».

[39] Подразумевается убийство Настасьи Минкиной (примеч. 11 к ЗВ). А. С. Шишков в первом же после своего нового назначения заседании Главного управления училищ заявил, что задача Министерства просвещения — оберегать юношество от «умствований» и «мечтаний».

[40] Павлов Михаил Григорьевич (1793—1840), профессор Московского университета.

[41] Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт и военный писатель, герой Отечественной войны 1812 г. Басня «Голова и ноги» была написана им в 1803 г. и широко распространялась в списках, как и другие его политические стихи, содержащие резкие выпады против властей (впервые опубл.: Рус. старина, 1872, № 4, с. 626—627). В ней изображен спор головы с ногами, которые устали ей повиноваться и на ее угрозы отвечают: «Коль ты имеешь право управлять. Так мы имеем право спотыкаться. И можем иногда, споткнувшись — как же быть? — Твое Величество об камень расшибить».

[42] Табель о рангах, изданный Петром I в 1722 г., устанавливал 14 степеней классных чинов по трем видам (военные, штатские и придворные). 8-й класс давал право на потомственное дворянство. Жалованная грамота городам, данная Екатериной II в 1785 г., определяла основы городского самоуправления. Все городское население разделялось по сословному и имущественному признаку на 6 разрядов, степень участия в городском управлении зависела от имущественного положения.

[43] Генрих IV (1553—1610), французский король с 1589 г. Сюлли Максимильен де Бетюн (1560—1641), канцлер, министр финансов и ближайший советник Генриха IV, укрепивший финансовое положение Франции.

[44] См. письмо 18.

[45] Штейнгейль недаром ссылается на эти страны: они стали особенно быстро развиваться после освободительных войн, приведших к созданию в них буржуазных республик, а в Гаити — и к отмене рабства.

25. В. В. Левашову

ЦГАОР, ф. 973, оп. 1, д. 74, л. 3—3 об.

26. В. В. Левашову

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 67, л. 11
ВД, т. 18, с. 174

[1] Об С. М. Семенове см. примеч. 185 к АЗ. Протокол очной ставки его со Штейнгейлем в следственном деле Семенова не сохранился. В результате настоящего письма Штейнгейля им вновь была дана очная ставка 22 марта (ВД, т. 18, с. 179). Тургенев Александр Иванович (1784—1845), историк, литератор и общественный деятель, директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий, где с 1819 г. служил Семенов.

27. В. В. Левашову

ЦГАОР, ф. 973, оп. 1, д. 74, л. 4—4 об.

28. *Николаю I*

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 11, л. 69—72 об.
Общественные движения, с. 493—495, с купюрами; ВД, т. 14, с. 191—193

[1] Фридрих II Великий (1712—1786), король Пруссии с 1740 г., крупный полководец, в результате захватнических войн вдвое увеличивший территорию Пруссии. Его отец — Фридрих Вильгельм I (1688—1740), прусский король с 1713 г., получивший прозвище «фельдфебель на троне».

[2] Речь идет о неудачной для Петра I битве под Нарвой с войсками шведского короля Карла XII 19 ноября 1700 г.

[3] Лука. 20.17.

29. *Е. М. Подушкину*

ЦГИА, ф. 1280, оп. 2, д. 213, л. 181—181 об., 184—184 об.

[1] Подушкин Егор Михайлович, плац-майор Петропавловской крепости.

[2] Об А. Я. Сукине см. примеч. 57 к ЗВ.

[3] Инвалид — Рыбаконенко Абрам Онофриевич, 37 лет, рядовой подвижной инвалидной 4-й роты, крестьянин Полтавской губ., участник Отечественной войны 1812 г., награжден серебряной медалью в память 1812 г. (там же, л. 181—182).

[4] Жена Рыбаконенко — Анна Авдеевна (там же, л. 182); Кусов Николай Иванович (1780—1856), купец первой гильдии, петербургский городской голова (1825—1833), казначей масонской ложи «Избранного Михаила», председатель правления Российско-Американской компании. Дальше в письме упоминаются его родные сестры П. И. Хлапонина (Хлопонина), П. И. Уварова и А. И. Ростовцева.

[5] Об Я. И. Ростовцеве см. примеч. 172 к АЗ, о К. И. Бистроме — примеч. 23 к ЗВ. Вел. кн.— Михаил Павлович; вследствие разговора с ним Я. И. Ростовцева и обнаружилось, вероятно, посредничество А. О. Рыбаконенко. В результате он был приговорен к наказанию шпицрутенами и назначен на службу в Кугскую инвалидную команду (ЦГИА, ф. 1280, оп. 2, д. 213, л. 208, 213).

Я. И. Ростовцев, судя по письмам к нему жены и сына Штейнгейля, постоянно помогал его семье советами, ходатайствами, устройством пособий, может быть, и материально (П. П. Штейнгейль благодарит его за «благодеяния», «родственную зоботливость», «предупредительность», В. В. Штейнгейль пишет о всегдашнем «теплом участии»— ЦГАОР, ф. 1155, оп. 1, д. 2171, 2173).

30. *Издателям «Северной пчелы»*

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 14, л. 58

[1] «Северная пчела» — ежедневная газета, издававшаяся в 1825—1864 гг. в Петербурге. До 1859 г. ее редакторами были Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч (см. о них примеч. 173 к АЗ).

[2] Видимо, Штейнгейль намеренно проставляет местом отправки письма Иркутск, а не Елань, чтобы не смущать адресатов. В пись-

ме 31 при дате фигурирует Елань, а в письмах 32—33, тоже издателям, — снова Иркутск.

[3] «Энциклопедический лексикон», одна из первых русских энциклопедий, выходившая в 1835—1841 гг. (17 томов из намеченных 24) в типографии петербургского издателя и книгопродавца Адольфа Александровича Плюшара (1806—1865). К письму Штейнгейль приложил «Замечания на статьи Энциклопедического лексикона» (там же, л. 59—67).— Обвинской В. Замечания на статьи Энциклопедического лексикона.— В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925, с. 113—120, с купюрами.

[4] «Библиотека для чтения», ежемесячный петербургский журнал, выходивший с 1834 г. под ред. О. И. Сенковского при издательстве А. Ф. Смирдина.

[5] Следующую статью — «Нечто о неверностях, проявляющихся в русских сочинениях и журнальных статьях о России и русском» (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп. 1826 г., д. 61, ч. 14, л. 78—85)— Штейнгейль направил в «Северную пчелу» 18 авг. 1836 г. Затем он дважды обратился в «Библиотеку для чтения» (письма 32 и 33). На уведомление ген.-губернатора Вост. Сибири С. Б. Броневского об отсылке первой рукописи Штейнгейля (8 авг. 1836 г.— там же, л. 21) А. X. Бенкендорф 25 сент. ответил, что считает «неудобным дозволять государственным преступникам посылать свои сочинения для напечатания в журналах; ибо сие поставит их в сношения, несоответственные их положению» (там же, л. 22). Все посланные В. И. Штейнгейлем сочинения остались в этом деле III Отделения. Запрет распространился и на остальных декабристов.

31. П. М. Бестужевой

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 142—143 об.

[1] Бестужева Прасковья Михайловна (1775—1846), мать декабристов Бестужевых.

[2] Об М. А. Бестужеве см. примеч. 32 к ЗВ. С 1839 г. он жил на поселении в Селенгинске.

[3] Возможно, Штейнгейль имеет в виду занятия отца декабристов Александра Федосеевича Бестужева (1761—1810), артиллерийского офицера, затем правителя дел президента Академии художеств, управляющего ее бронзолитейной мастерской.

[4] Об А. А. Бестужеве-Марлинском см. примеч. 18 к ЗВ.

[5] Речь идет о расставании при отъезде Штейнгейля из Петровской тюрьмы в 1836 г.

[6] О Г. И. Давыдове см. примеч. 103 к АЗ.

[7] Пестов Александр Семенович (1802—1833), подпоручик, член Общества соединенных славян, умер в Петровской тюрьме.

[8] Е. А. Бестужева (1792—1874), сестра декабристов, руководила после их ареста делами семьи: издавала сочинения А. А. Бестужева, вела переписку с братьями, помогала им материально. В 1847 г. приехала к ним в Селенгинск и жила там до 1858 г.

[9] Об Н. А. Бестужеве см. примеч. 47 к ЗВ. С 1839 г. он вместе с братом жил в Селенгинске.

[10] О К. П. Торсоне см. примеч. 66 к ЗВ. Он был поселен в 1836 г. в Акше, в 1837 г. перемещен в Селенгинск. О его душевной болезни см.: Воспоминания Бестужевых, с. 301—302.

32. Издателям «Библиотеки для чтения»

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 14,
л. 86—86 об.

[1] При этом и следующем письмах В. И. Штейнгейль отсылал «Отрывок из путешествия Ляха-Ширмы» — два своих перевода (там же, л. 87—106, 109—126). Оба остались неопубликованными (см. примеч. 5 к письму 30). В печати появился впоследствии лишь очерк о Шотландии (Маяк, 1841, ч. XIII, гл. III, с. 9—21). Ширма Христиан (1791—1866), профессор философии Варшавского университета в 1825—1831 гг., после восстания 1831 г. поселился в Англии. Своим путешествиям по Европе посвятил кн.: Anglia i Szkocya, przypomnienie z podrzy w roku 1820—1824 odbytej (Англия и Шотландия, воспоминания о путешествии в 1820—1824 гг. бывшем). Варшава, 1828, в 3-х т.

[2] «Отличное и весьма новое зрелище представляет так называемый Mathews at home, т. е. «Матвей дома», или — у себя,— говорится в одном из отрывков.— Этот Матвей — актер, но такой, который один занимает собою сцену, выходя на нее как автор и актер. Точным наблюдением странностей и причуд людских и замысловатым представлением их привлекает он каждый вечер многочисленное общество на свои спектакли и несколько часов забавляет приятнейшим и даже неподражаемым способом» (ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 14, л. 105—106).

33. Издателям «Библиотеки для чтения»

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 14,
л. 108—108 об.

[1] Имеются в виду школы взаимного обучения по методу английского педагога Дж. Ланкастера. Декабристы устраивали их в своих имениях для крестьян или в армии — для солдат.

[2] В предисловии к азбуке утверждалась необходимость начального образования и нравственного воспитания «бедных» (там же, л. 116—117).

34. А. Х. Бенкендорфу

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61,
ч. 70 (ДШ), л. 2—3

В архиве Фонвизиных сохранилась современная письму копия, рукой неуст. лица, с разночтениями — ГБЛ, ф. 319, 4. 49.

[1] Об А. Х. Бенкендорфе см. примеч. 186 к АЗ. Лестные слова о нем Штейнгейля, вполне объяснимые в контексте письма, базируются, надо полагать, и на впечатлении, которое он производил на фоне других следователей и судей декабристов; «Бенкендорф держался как светский человек, корректный в обращении»,— пишет о нем Ю. М. Лотман (Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1982, с. 140). Содержание и стиль этого и других писем к Бенкендорфу требовали соблюдения определенных норм обращения к официальным лицам.

[2] Тезоименитство Николая I — 6 декабря.

[3] О детях В. И. Штейнгейля см. примеч. 181 к АЗ.

[4] По всеподданнейшему докладу А. Х. Бенкендорфа от 25 дек.

1836 г. Николай I «изъявил всемилостивейшее согласие на перевод Штейнгейля на поселение в г. Ишим, и при сем случае его величество соизволил отозваться, что давно уже простил в душе как Штейнгейля, так и прочих государственных преступников» (Письмо А. Х. Бенкендорфа к ген.-губернатору Вост. Сибири С. Б. Броневскому от 30 дек. 1836 г.— ДШ, л. 4—5). Список этой «преинтересной бумаги» С. Б. Броневский послал С. Р. Лепарскому — опубл.: Рус. старина, 1899, № 11, с. 333—334.

35. А. Х. Бенкендорфу

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 10

[1] 14 февр. 1837 г. Штейнгейль был отправлен из Елани в Ишим, 5 марта проездом доставлен в Тобольск (ДШ, л. 7—8).

36. А. Н. Мордвинову

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 12—13

[1] Об А. Н. Мордвинове см. примеч. 193 к АЗ.

[2] См. АЗ, с. 135.

[3] Николай Штейнгейль в янв. 1828 г. был принят в Артиллерийское училище пансионером вел. кн. Михаила Павловича (см. письмо Я. И. Ростовцева к П. П. Штейнгейль от 28 нояб. 1827 г. о продвижении им ходатайства о приеме и ее ответные письма от 7 и 28 дек. 1827 г. и 2 февр. 1828 г.— ЦГАОР, ф. 1155, д. 3520 и д. 2171, л. 7—11 об). Дочери — Надежда и Людмила.

[4] Граф — А. Х. Бенкендорф.

[5] А. Н. Мордвинов во время Отечественной войны 1812 г. сражался, как и Штейнгейль, в рядах Петербургского ополчения, и Штейнгейль даже писал о его «неустрашимости» в своих «Записках касательно похода Санкт-Петербургского ополчения», ч. 1, с. 121. Результатом всеподданнейшего доклада Мордвинова 25 июля 1837 г. было определение Людмилы Штейнгейль пансионеркой Николая I в Екатерининский институт (ДШ, л. 14—15).

[6] Эта просьба Штейнгейля не имела последствий. Судя по отсутствию в деле соответствующих упоминаний, А. Н. Мордвинов умолчал о ней.

37. А. Н. Мордвинову

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 19

38. А. Н. Мордвинову

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 20—21

[1] Крижановский Северин (ум. 1839), подполк. польской армии, член Польского тайного общества, на поселении в Тобольске с 1830 г.; Фонвизин Михаил Александрович (1788—1854), отставной ген.-майор, член Северного общества, на поселении с 1832 г., в Тобольске с 1838 по 1853 г.; Анненков Иван Александрович (1802—

1878), поручик Кавалергардского полка, член Южного общества, на поселении в Туринске с 1838 г., в 1841 г. переведен в Тобольск; Ивашев Василий Петрович (1794—1840), ротмистр Кавалергардского полка, член Южного общества, на поселении в Туринске с 1836 г.; Басаргин Николай Васильевич (1799—1861), поручик, член Южного общества, на поселении в Туринске с 1836 г., в Кургане — с 1842 г.; Бригген фон дер Александр Федорович (1792—1859), отставной полковник, член Союза благоденствия, на поселении с 1828 г., в Кургане с 1836 г. О П. Н. Свистунове см. примеч. 61 к ЗВ. Он жил на поселении в Кургане с 1838 г., в Тобольске — с 1841 г.; Фохт Иван Петрович (1794—1842), штабс-капитан Азовского пехотного полка, член Южного общества, на поселении в Кургане с 1829 г.

[2] 6 окт. 1812 г. Штейнгейль и Мордвинов участвовали в сражении под Полоцком.

[3] Николай I вернулся из заграничного путешествия 27 сент. 1838 г.

[4] Следствием письма был запрос А. Х. Бенкендорфа, направленный 21 окт. 1838 г. к ген.-губернатору Зап. Сибири П. Д. Горчакову (см. о нем примеч. 194 к АЗ). Последний ответил 11 нояб. 1838 г., что считает перевод Штейнгейля в Тобольск возможным (ДШ, л. 22, 23). Судя по помете на следующем письме, в III Отделении были другого мнения. Признаков ответа на настоящее письмо Штейнгейля в деле нет. Скорее всего, это связано с увольнением А. Н. Мордвинова в нач. 1839 г. из-за известной истории с появлением (по его оплошности) портрета А. А. Бестужева-Марлинского в альманахе «Сто русских литераторов» (Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909, с. 119—120, 126).

39. А. Х. Бенкендорфу

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61,
ч. 70, л. 24

[1] Речь идет о словах Николая I при первом допросе Штейнгейля. Радостное событие — бракосочетание 2 июля 1839 г. вел. кн. Марии Николаевны (1819—1876) с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817—1852).

40. Л. В. Дубельту

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61,
ч. 70, л. 25—26

[1] Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), ген.-майор, сменил А. Н. Мордвинова на посту управляющего III Отделением (24 марта 1839—1856).

[2] В 1839 г. Главное управление Зап. Сибири и штаб Отдельного Сибирского корпуса были переведены из Тобольска в Омск.

[3] 24 янв. 1840 г. А. Х. Бенкендорф сообщил П. Д. Горчакову повеление Николая I о переводе Штейнгейля из Ишима в Тобольск (ДШ, л. 28). Дубельт 27 янв. 1840 г. предложил майору корпуса

жандармов Огареву объявить Штейнгейлю, что повеление последовало «согласно изъясненной им в письме ко мне просьбы» (там же, л. 29). Штейнгейль был доставлен в Тобольск 7 марта 1840 г. (там же, л. 32).

41. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 1—2

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 223

[1] П. Н. Михалев, выпускник тобольской гимназии 1841 г., позднее — исправник Березовского окружного земского суда. Пущин по выходе из тюрьмы в 1839 г. был поселен в Туринске, в 1842 г. переведен в Ялуторовск, где и прожил до амнистии.

[2] Вероятно, La gazette de Berlin.

[3] Михаил Иванович Топильский (1809—1873), муж Ю. В. Штейнгейль, товарищ герольдмейстера (1842), правитель канцелярии Министерства юстиции (1843), вице-директор (1845), директор (1850) Департамента Министерства юстиции, приспешник В. Н. Панина (см. сатирическое стихотворение о нем «Гибкий человек» в «Колоколе», 1860, л. 77—78, с. 653). Был раболепен, суетлив, завистлив (Колмаков Н. М. Граф Виктор Никитич Панин, министр юстиции. Биографический очерк.— Рус. старина, 1887, № 12, с. 775—776).

[4] Кавелин Александр Александрович (1793—1850), сенатор, в июле 1841 г. назначенный в Вильно председателем Особой комиссии для расследования антиправительственных действий учащихся поляков.

[5] Князь — П. Д. Горчаков.

42. А. Х. Бенкендорфу

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 34

[1] См. примеч. 5 к письму 36.

43. Л. В. Дубельту

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 41—42

[1] Историю высылки Штейнгейля в Тару см. в АЗ, с. 139 и примеч. 194. 12 июля 1843 г. П. Д. Горчаков отправил А. Х. Бенкендорфу следующее донесение: «По неоднократно доходившим до меня слухам (в основательности коих положительным образом удостовериться невозможно), что государственный преступник Штейнгейль исправляющим должность тобольского гражданского губернатора якобы допускается тайным образом к составлению служебных бумаг, отчего нечужд и влияния на дела управления, почел я полезным для отклонения всякого сомнения в таковом неуместном соучастии сего лица, впредь до разрешения Вашего сиятельства перевесть Штейнгейля в Тару, на что честь имею испрашивать должного утверждения» (ДШ, л. 35). На донесении помета А. Х. Бенкендорфа: «Доклад весьма хорошо сделал». 2 авг. 1843 г. Бенкендорф получил одобрение царя и 10 авг. сообщил П. Д. Горчакову об утверждении его решения (там же, л. 38). 26 июля Штейнгейль по-

лучил от председателя казенной палаты И. П. Бобылева, временно замещавшего тобольского гражданского губернатора М. В. Ладыженского, распоряжение в один час выехать в Тару. Он отказался его исполнить, ссылаясь на болезнь (23 июля он простудился в церкви и заболел «тяжелой горячкой» — воспалением легких). Горчаков, получив письмо Бенкендорфа от 10 авг. 1843 г. с одобрением царя, предписал выслать Штейнгейля в Тару в течение 7 дней. Штейнгейль выехал туда 15 сент. Подробности см. в письмах преподавателя тобольской семинарии священника Александра Ивановича Сулоцкого к ялуторовскому протоиерею Степану Яковлевичу Знаменскому от 4 авг. и 12 сент. 1843 г. (ЦГАЛИ, ф. 765, оп. 1, д. 116) и в письме П. С. Бобрищева-Пушкина к И. И. Пущину от 27 сент. 1843 г. (ГБЛ, ф. 243, 1.18, л. 59).

[2] Омск — резиденция П. Д. Горчакова, там же располагался штаб VIII округа Корпуса жандармов. Именно начальник округа ген.-майор Н. Я. Фалькенберг «доводил до сведения» П. Д. Горчакова, что Штейнгейль занимается «частным образом делами губернского управления». Это явствует из донесения Н. Я. Фалькенберга А. Х. Бенкендорфу от 24 июля 1843 г., в котором он поддерживает решение Горчакова о переводе Штейнгейля в Тару (ДШ, л. 41).

[3] 1 сент. 1843 г. Л. В. Дубельт просил М. В. Ладыженского «объявить Штейнгейлю, что я, к искреннему сожалению моему, не могу принять на себя ходатайства по его просьбе, как потому, что в Екатеринбург еще никто не был переводим из государственных преступников, так и по той причине, что распоряжение о перемещении его в Тару уже удостоено высочайшего утверждения» (ДШ, л. 43).

44. Л. В. Дубельту

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61,
ч. 70, л. 44—45

[1] В ответ на это письмо Л. В. Дубельт 15 сент. 1843 г. извещал В. И. Штейнгейля, что с разрешения А. Х. Бенкендорфа письмо его к жене «отправлено по принадлежности, а письмо к зятю, г. Топильскому, его сиятельство приказал уничтожить, отозвавшись, что судить о совершенстве или несовершенстве постановлений и недостатках управляющих лиц в Сибири предоставлено высшему начальству, а не ему, Штейнгейлю, который должен жить тихо и скромно, вознося благодарения к господу богу за настоящее свое положение: ибо он, Штейнгейль, по точной силе законов, подлежал смертной казни и избавлен от оной единственно милосердием государя императора и что если он, Штейнгейль, на будущее время дозволит себе неприличные ему рассуждения и вмешательство в дела, до него не касающиеся, то к удержанию его от этого будут приняты строжайшие меры» (ДШ, л. 47).

45. А. Х. Бенкендорфу

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61,
ч. 70, л. 52—53

Сохранились авторские копии писем 45, 48, 53, отосланные В. И. Штейнгейлем М. А. Бестужеву 20 авг. 1846 г. вместе с копиями других документов под общим названием:

«Переписка по случаю нападения генерал-губернатора Западной Сибири князя Горчакова» — ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 114—148 об.

[1] 15 сент. 1843 г. А. Х. Бенкендорф отослал это письмо на заключение П. Д. Горчакова, против которого оно было направлено (ДШ, л. 46). 5 окт. тот отвечал «на все эти восклицания» Штейнгейля, что терпел сочувственное отношение к последнему в доме губернатора Ладыженского (жена которого с детства была с ним знакома), «но вскоре Штейнгейль, человек пронырливый, дерзкий, знающий дело и не совершенно чистый по предшествовавшей своей службе при бывшем московском генерал-губернаторе, образом более или менее гласным стал участвовать в делах управления». Ладыженскому было указано, «сколь неуместен ему такой руководитель», однако напоминания и настояния повели только,— пишет Горчаков,— «к учреждению в Тобольске особенной канцелярии, никакими законами не установленной, видимо, для удобнейшей только там переписки бумаг, секретным образом составленных Штейнгейлем». Тогда Горчаков счел нужным «развесть Штейнгейля с губернатором», и допустить возвращение его в Тобольск, по его мнению, «решительно невозможно». В заключение Горчаков сообщил, что Штейнгейль сопротивлялся переселению до самого получения высочайшего на него подтверждения (там же, л. 49—51). Последнее обстоятельство особенно возмутило А. Х. Бенкендорфа, который отвечал 1 ноября 1843 г. Горчакову, что и без того находил в письме Штейнгейля «неприличные его положению и крайне дерзкие суждения», а теперь считает, что он «наказан недостаточно» и его следует «переместить в одну из отдаленных деревень» (там же, л. 54). Горчаков просил 26 нояб. этой меры не применять, поскольку его цель — удаление Штейнгейля «из места, где он был вреден, уже вполне достигнута» (там же, л. 55).

46. А. Х. Бенкендорфу

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 145—145 об.
Копия рукой В. И. Штейнгейля, отосланная им М. А. Бестужеву

[1] В деле Штейнгейля, где сосредоточена его переписка с III Отделением, нет ни самого этого письма, ни обычного сопровождения к нему представителя местной администрации. Мало вероятно, чтобы оно не дошло до адресата; остается предположить, что оно не было отправлено.

[2] Бенкендорф происходил из прибалтийских немцев. При Оттоне I (см. о нем примеч. I к АЗ), насаждавшем христианство в славянских землях, происходило завоевание и онемечивание края.

[3] 8 сент. 1843 г. родился цесаревич Николай Александрович (ум. 1865).

47. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 149—150

[1] Внук — Топильский Владимир Михайлович (1841—1904).

[2] Марфа Дмитриевна — жена М. В. Ладыженского (урожд. или в

1-м браке Рынькевич). Пребывание его в Петербурге после истории с высылкой Штейнгейля, видимо, было связано с переводом на новое место службы.

[3] Штейнгейль вспоминает стихотворение А. С. Пушкина «Телега жизни» («Хоть тяжело подчас в ней бремя...»), 1823 г. Впервые опубл. в Моск. телеграфе, 1825, № 1, с. 49.

[4] Е. Д. Ильинская (урожд. Старцева, ум. 1858), жена Д. З. Ильинского, друга декабристов (см. о нем примеч. 100 к ЗВ). Вторично вышла замуж за ссыльного поляка Кржечковского, гувернера в семье Старцевых (см. о ней: Воспоминания Бестужевых, с. 264—267).

48. А. Ф. Орлову

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 59—60 об.

Авторская копия письма, отосланная М. А. Бестужеву, имеет разночтения — ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 147—147 об.

[1] Об А. Ф. Орлове см. примеч. 196 к АЗ. Он сменил А. Х. Бенкендорфа, умершего 23 сент. 1844 г.

[2] Речь идет об М. Ф. Орлове (см. примеч. 62 к ЗВ).

[3] См. примеч. 1 к письму 45. Штейнгейлю было известно о предложении А. Х. Бенкендорфа из предписания П. Д. Горчакова М. В. Ладыженскому от 7 нояб. 1843 г. (Копия рукой В. И. Штейнгейля — ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 146 об.— 147).

[4] 3 янв. 1845 г. А. Ф. Орлов, запрашивая мнение П. Д. Горчакова в связи с этой просьбой В. И. Штейнгейля, писал, что находит перевод его обратно в Тобольск «неуместным», но не видит причины «отказывать ему в водворении в Тюмени» (ДШ, л. 62). 5 марта 1845 г. П. Д. Горчаков отвечал, что возражает против перевода В. И. Штейнгейля в Тюмень, поскольку, во-первых, это ближайший в Сибири город к России, он лежит на большой дороге, куда вообще запрещено водворять государственных преступников, «отчего сие перемещение было бы особенной милостью, которою никто еще из сих господ, далеко превосходящих его нравственностью, не пользуется»; во-вторых, «это снисхождение послужило бы примером бессилия местной власти над всеми государственными преступниками» и, в-третьих, благодаря тюменской ярмарке Штейнгейль «приобрел бы возможность свободного сообщения со всею Россиею — и обширное поле к козням, коими он в продолжение всей своей жизни отличался» (там же, л. 63). 8 марта 1845 г. А. Ф. Орлов уведомил П. Д. Горчакова о совершенном своем согласии с его мнением (там же, л. 64).

49. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 151—152 об.

[1] Вероятно, в своем письме М. А. Бестужев сообщил о том, что его мать и сестры, в февр. 1844 г. обратившиеся к царю за разрешением переселиться в Селенгинск, получили неожиданный для семьи отказ (в окт. 1844 г.). П. М. Бестужева продала к этому времени свое имение и вынуждена была поселиться с дочерьми у сына Павла в с. Гончарове Владимирской губ. Они прожили там около двух лет (1844—1845). (Чернов Г. И. Бестужев — 5-й.—

В кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1981, вып. 2, с. 110—112).
[2] Псалт. 38.5.
[3] Речь идет о смерти Николая Штейнгейля. Соломон (Саломон) Христиан Христианович (1797—1851), петербургский врач, хирург, академик.
[4] Что имеет в виду Штейнгейль, не удалось установить.
[5] Муравьев Александр Михайлович (1802—1853), корнет Кавалергардского полка, член Северного общества, осужден по IV разряду, на поселении с 1836 г. в Урике Иркутской губ., в 1844 г. разрешено служить в Тобольском губернском управлении. Вольф Фердинанд Богданович (1796—1854), штаб-лекарь 2-й армии, член Южного общества, на поселении с 1836 г. в Урике, в 1845 г. переведен в Тобольск, куда выехал из Иркутска 20 мая 1845 г.
[6] Journal des Débats — популярная французская газета либерального направления, основанная в 1789 г.

50. П. П. Штейнгейль

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 66—67 об.

Приложена писарская выписка из письма (отчеркнутые в тексте строки) с пометой А. Ф. Орлова: «Не посылать» (л. 65)

[1] Имя и фамилия Орлова выписаны крупными буквами, очевидно специально в расчете на то, что он прочтет этот и следующий абзац.
[2] Г. Г. Орлов (1734—1783), гр. (ошибочно назван князем), военный и государственный деятель, активный участник переворота 1762 г., возведшего Екатерину II на престол, ее фаворит; с 1772 г. утратил влияние при дворе, с 1775 г. — в отставке.
[3] К. Г. Разумовский (1728—1803), гр., ген.-фельдмаршал, последний гетман Украины, член Государственного совета, участник того же переворота.
[4] В сборнике списков декабристских произведений, составленном К. К. Сунгуровым, среди заметок и выписок В. И. Штейнгейля есть запись: «Указ о кулачных боях 21 июля 1726 года: И кто упадет, лежащих никого не били б» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2468, л. 116 об.). См.: ПСЗ I, СПб., 1851, № 4939.
[5] Е. Ф. Муравьева (урожд. Колокольцева, 1771—1848), мать декабристов А. М. и Н. М. Муравьевых.
[6] Брат — Г. П. Вонифатьев, Варвара Петровна — сестра П. П. Штейнгейль. Сестра Штейнгейля — вероятно, Марья Ивановна. Авдотья Петровна — скорее всего, жена И. В. Прокофьева (об отношении ее к Штейнгейлю см. письмо 129).

51. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 153—154

[1] Дата смерти Всеволода Штейнгейля неизвестна. Судя по письму 34, он был жив в 1836 г. — там Штейнгейль пишет о четырех сыновьях. Здесь при сопоставлении с только что умершим Николаем Штейнгейль говорит о Всеволоде как о давно умершем.

П. П. Штейнгейль писала Я. И. Ростовцеву 22 июня 1849 г., что двух детей схоронила на царской службе — очевидно, Николая и Всеволода (ЦГАОР, ф. 1155, оп. 1, д. 2173, л. 18—18 об.).

[2] Псалт. 90.12.

[3] См. примеч. 1 к письму 49.

[4] В 1838 г. к К. П. Торсону приехали мать Шарлотта Карловна (ум. в Селенгинске в авг. 1852 г. 88 лет) и сестра Екатерина Петровна Торсон, в 1857 г. вернувшаяся в Европейскую Россию.

[5] Приезжие — А. М. Муравьев и Ф. Б. Вольф (см. примеч. 5 к письму 49).

[6] Герцог М. Лейхтенбергский с 1844 г. был главноуправляющим корпуса горных инженеров, в этом качестве он посетил уральские заводы и представил отчет об их состоянии. Вообще же минералогия, горное дело и гальванопластика были его увлечением.

52. *В. А. Казадаеву*

ЦГАОР, ф. 1152, оп. 1, д. 54, л. 1

[1] Казадаев Владимир Александрович, почт-директор Вост. Сибири до 1846 г., в 1850-х гг. курский гражданский губернатор. Пущин писал Е. А. Энгельгардту 21 июня 1846 г., что «он человек очень добрый, инспекторствовал здесь два года по почтовой части, объехал всю Сибирь и познакомился со всеми нашими, рассыпанными по огромному пространству» (Пущин, с. 207). Пущин пересылал с ним письма братьям (там же, с. 206). Наверное, и Штейнгейль благодарит за почтовую оказию.

53. *А. Ф. Орлову*

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61,
ч. 70, л. 70—70 об.

[1] Василий Великий (Кесарийский, ок. 330—378), греческий церковный деятель, мыслитель и писатель, один из виднейших представителей патристики.

[2] Сообщая П. Д. Горчакову 1 июня 1846 г. о просьбе В. И. Штейнгейля, сопровожденной «неприличными его состоянию выражениями», А. Ф. Орлов приказывал объявить Штейнгейлю, «что просьба его о перемещении дотоле не будет уважена, доколе местное начальство не представит одобрительного о нем отзыва и не засвидетельствует, что он переменил беспокойный нрав свой, а с тем вместе внушить ему, дабы он излагал свои письма осторожней и что в противном случае он будет подвергнут строгому взысканию» (ДШ, л. 72).

54. *В. К. Кюхельбекеру*

ОПИ ГИМ, ф. 282, ед. 283, л. 83—84

[1] О В. К. Кюхельбекере см. примеч. 39 к ЗВ. С 1836 г. он жил на поселении в Баргузине, Акше и под Курганом; в янв. 1846 г. ему было разрешено временное проживание в Тобольске для лечения. Там он и умер 11 авг. 1846 г.

[2] Датируется по указанию тобольского адреса В. К. Кюхельбе-

кера, по времени его смерти и по упоминанию в тексте июльских дат.

[3] Местное начальство не имело права непосредственно передавать деньги ссыльным.

[4] Блохин Александр Дмитриевич, тарский городничий в 1840—1847 гг.

55. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 155—160

[1] Письмо это неизвестно. Все письма Батенькова Штейнгейль отослал в 1855 г. сыну (см. письмо 107), и они пропали вместе со всем архивом. 8 писем Батенькова известны по списку, хранящемуся в фонде «Русской старины» — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2468. 6 из них с купюрами опубл.: Рус. старина, 1889, № 8 (15/IV, 16 и 24/V, 4/VII 1856, 15/I и 4/III 1857). Неопубл. письма от 27/VII 1856 и 4/II 1857. В янв. 1846 г. Г. С. Батеньков по ходатайству коменданта Петропавловской крепости Ивана Никитича Скобелева (1778—1849) и по всеподданнейшему докладу А. Ф. Орлова был отправлен на поселение в Томск, прибыл туда 7 марта 1846 г. А. И. Якубовича (см. о нем примеч. 38 к ЗВ) старое ранение в голову привело к параличу ног и припадкам безумия, в связи с чем он был помещен 2 сент. 1845 г. в больницу в Енисейске и там на следующий день умер «от водяной болезни в груди».

[2] Это строфы 39 и 40 из «Тюремной песни» Г. С. Батенькова.— Илюшин А. А. Поэзия декабриста Г. С. Батенькова. М., 1978, с. 109—110. Отметим здесь, что письмо Батенькова в пересказе Штейнгейля не совпадает с текстом письма Батенькова к «неизвестному» от 1846 г. (Рус. пропилеи. М., 1916, т. 2, с. 41—44). Поэтому неправ М. К. Азадовский, который, опираясь на этот пересказ, считает «совершенно бесспорным», что адресат письма к «неизвестному» — Штейнгейль (ЛН, т. 59, ч. 1, с. 770).

[3] О которой из племянниц Штейнгейля идет речь, трудно сказать. Известно, что у старшей из его сестер Т. И. Яковлевой были две дочери (ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 315, л. 218—218 об.).

[4] Т. е. в подражение Александру I, который с юности мечтал избежать короны (примеч. 4 к письму 146) и в последние свои годы часто говорил об этом. Однако Николаю I такие настроения не были свойственны.

[5] П. П. Неелов — ревизор почтовой части в Вост. Сибири.

[6] Мост (Благовещенский, позднее Николаевский) с Адмиралтейской стороны на Васильевский остров был открыт в 1851 г., железная дорога из Петербурга в Москву тогда же, Исаакиевский собор освящен в 1858 г., храм Христа Спасителя — в 1883 г.

[7] Перефразированы последние строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно, и некому руку подать...», 1840 г.: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,— такая пустая и глупая шутка...»

[8] Кроме своих писем (№ 45—46, 48, 53) Штейнгейль послал Бестужеву в копиях следующие документы: отношение П. Д. Горчакова к А. Х. Бенкендорфу о переводе Штейнгейля в Тару от 12 июля 1843 г., извещение Л. В. Дубельта Штейнгейлю от 15 сент. 1843 г. с отзывом Бенкендорфа на письмо к нему Штейнгейля (письмо 44), предписание П. Д. Горчакова М. В. Ладыженскому от

27 ноября 1843 г., в котором излагалось предложение Бенкендорфа от 1 ноября 1843 г. (примеч. 1 к письму 45) и предписание тобольского гражданского губернатора К. Ф. Энгельке тарскому городничему А. Б. Блохину от 28 июня 1846 г., которым до него доводился отзыв А. Ф. Орлова на письмо к нему Штейнгейля (письмо 53).— ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 144, 146—147, 148 об.).

[9] «Отзыв» Л. В. Дубельта см. в примеч. 1 к письму 44.

[10] Речь идет о последнем из документов, перечисленных в примеч. 8.

[11] Имеется в виду все тот же «отзыв» Дубельта.

[12] После смерти в 1842 г. матери И. А. Анненкова Анны Ивановны Анненковой ему было отказано в просьбе установить опеку над ее имуществом. Этим в корыстных целях воспользовались непрямые наследники (Анненкова, с. 304—305).

[13] Это сочинение Штейнгейля неизвестно.

[14] Кузин — возможно, Василий Козмич (1804—1848), коммерции-советник в Петербурге. Воронин — скорее всего, Степан Дмитриевич, член Общества любителей коммерческих знаний. Штейнгейль, некогда сам член этого общества, был, наверное, знаком с ними еще до восстания.

[15] 400 р. ассигнациями или 114 р. 28,5 к. сер. в год Штейнгейль стал получать в 1845 г. До этого с 1835 г. он получал вдвое меньше, т. е. 200 р., или 57 р. 14 к. сер. в год (ЦГВИА, ф. 1, оп.I, д. 15687, л. 16 об.).

[16] Окружной — может быть, окружной судья в Таре Федор Алексеевич Ананьин. Должность окружного начальника там же в 1844—1848 гг. была вакантна, кто его заменял — не удалось установить.

[17] Афанасий (Протопопов Александр Федорович, 1785—1842), архиерей Сибирский и Тобольский (см. о нем: Сулоцкий А. И. Преосвященный Афанасий Тобольский.— Рус. архив, 1881, № 3—4). Комиссия духовных училищ образована в 1808 г. для заведования духовно-учебными заведениями, занималась в основном составлением их уставов. Ликвидирована в 1839 г.

[18] Речь идет о Сергее Семеновиче Уварове (1786—1855), министре народного просвещения (1834—1855), авторе теории «официальной народности» и приведенной Штейнгейлем известной формулы. Указом 1 июля 1846 г. ему был дарован титул графа. «Маяк» — ежемесячный петербургский журнал (1840—1844), отличавшийся ретроградным направлением. Карикатуру на Уварова не удалось найти.

[19] Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), кн., ген.-фельдмаршал, с 1844 г.— главнокомандующий войск на Кавказе и кавказский наместник.

[20] Военный министр — А. И. Чернышев (см. о нем примеч. 179 к АЗ), жестоко и грубо вел себя как член Следственной комиссии над декабристами, содействовал осуждению брата, З. Г. Чернышева, члена Южного общества, с целью отнять у него семейный майорат (Якушкин, с. 110—111, 588—589).

[21] Здесь какое-то недоразумение: у М. С. Воронцова был только один взрослый сын Семен (1823—1882), штабс-капитан л.-гв. Преображенского полка; он не мог быть произведен в губернские секретари.

[22] Бестужевка, или сидейка — двухколесный кабриолет изобретения М. А. Бестужева, у которого была экипажная мастерская.

[23] Катерина Дмитриевна — Ильинская. Заседатель земского суда в Таре — Лапин Павел Дмитриевич.

[24] Рудко Василий Иванович, заседатель Тарского земского суда.

[25] Константин Николаевич (1827—1892), вел. кн., сын Николая I, ген.-адмирал.

[26] Литке Федор Петрович (1797—1882), адмирал, мореплаватель, географ, президент имп. Академии наук, воспитатель вел. кн. Константина Николаевича.

[27] О П. И. Рикорде см. примеч. 203 к АЗ. Л. И. Рикорд (урожд. Коростовцева, 1794—1883), его жена, писательница, общественная деятельница.

56. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 161—162 об.

[1] Муравьев (впоследствии Муравьев-Амурский) Николай Николаевич (1809—1881), гр., ген.-губернатор Вост. Сибири (1847—1861), значительно расширивший русские владения на Дальнем Востоке. При нем улучшилось положение ссыльных декабристов. Его отец — Н. Н. Муравьев (1775—1845), новгородский губернатор (1814—1815), статс-секретарь с 1818 г., управляющий I Отделением с. е. и. в. канцелярии (1826—1832); автор работ по археологии и нумизматике, поэт.

[2] Кроме старшей Елены в Селенгинск к Бестужевым приехали сестры Мария и Ольга (р. между 1793—1796, ум. обе в 1889). Они приняли те же ограничения, что были предусмотрены для жен декабристов.

[3] Речь идет об М. И. Топильском. Неприязнь к нему Штейнгейля привела в последующие годы к разрыву их отношений.

[4] «Современник» — журнал, основанный в 1836 г. А. С. Пушкиным, с 1847 г. издавался Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым при участии Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова и был, как известно, органом революционно-демократической мысли. «Отечественные записки» — журнал, издававшийся в 1839—1867 гг. А. А. Краевским, популярный благодаря участию до 1846 г. В. Г. Белинского, с 1847 г. — либеральный орган.

[5] Владыка — Георгий Ящуржинский (1775—1852), хиротонисан 24 авг. 1824 г.; с 1845 г. — архиепископ Тобольский и Сибирский.

[6] Е. Д. Ильинской, которая в Петровской тюрьме вместе с мужем изучала с помощью декабристов философскую и политическую литературу (В о с п о м и н а н и я Б е с т у ж е в ы х, с. 266).

[7] См. примеч. 58 к ЗВ.

57. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 163—164

[1] Имеется в виду возможное вмешательство России в европейские дела в связи с революционными событиями 1848 г.

58. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 165—166 об.

[1] Дочь Штейнгейля Ю. В. Топильская.

[2] Штейнгейль не совсем точно цитирует стихотворение Василия Григорьевича Рубана (1742—1795) «Что прежде был порок под именем обман...», 1769.— См.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975, с. 109.

[3] Бечаснов (Бечасный) Владимир Александрович (1802—1859), прапорщик 8-й артиллерийской бригады, член общества Соединенных славян, на поселении с 1839 г. в с. Смоленщине Иркутской губ.

59. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 167—168 об.

[1] П. А. Словцов (1767—1843), основоположник сибирского краеведения, с 1821 г.— инспектор народных училищ Сибири. Умер в Тобольске.

[2] Причина эта неясна.

[3] «Новую эру» М. А. Бестужев, как видно из дальнейшего текста, связывает с появлением Н. Н. Муравьева.

[4] В. В. Штейнгейль, подпоручик пехотного полка короля Неаполитанского, в марте 1849 г. был прикомандирован к л.-гв. Егерскому полку (ЦГАОР, ф. 1155, д. 2171, л. 19).

[5] А. Ф. Бригген служил в Курганском окружном суде; 24 апр. 1848 г. он был произведен в коллежские регистраторы.

60. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 169—170

[1] Сестра жены — Варвара Петровна Вонифатьева; о племяннице дополнительных сведений нет.

61. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 104, № 14, л. 171—172 об.

[1] Жена А. М. Муравьева с 1839 г.— Жозефина Адамовна (урожд. Бракман, р. ок. 1814).

[2] И. А. Анненков назначен и. д. заседателя Тобольского приказа о ссыльных 14 марта 1849 г.

62. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 605, № 14, л. 173—174 об.

[1] Палы — луга и пастбища, выжженные для лучшего роста травы.

[2] Екатерина Павловна — см. о ней примеч. 113 к АЗ.

[3] Штейнгейль имеет в виду, что оба они воспитывались в Морском корпусе.

[4] Англия помогала войскам неаполитанских Бурбонов, изгнанных в начале итальянской революции 1848—1849 гг. из Сицилии; в мае 1849 г. они вновь овладели островом.

[5] О разговоре с Н. С. Мордвиновым Штейнгейль упоминает в АЗ, относя его там к 1812 г. (см. с. 102). Об И. Ф. Крузенштерне см. примеч. 91 к АЗ. Как известно, Крузенштерн в своем кругосветном путешествии не дошел до устья Амура, но был уверен, что Сахалин не отделяется от материка проливом. Излагая свои соображения, он ссылался на такое же мнение английского капитана Бротона (Штейнгейль запамятовал фамилию).— Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М., 1950, с. 109, 207. Головнин Василий Михайлович (1776—1831), мореплаватель, вице-адмирал, совершил два кругосветных путешествия в 1807—1809 гг. и 1817—1819 гг.

63. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 175—176 об.

[1] В марте—декабре 1849 г. И. И. Пущин, пользуясь разрешением выехать на лечение, побывал у многих ссыльных товарищей.

[2] Сыновья Штейнгейля были отправлены в составе л.-гв. Егерского полка в заграничный поход для подавления венгерского национально-освободительного движения.

[3] Людмила — дочь Штейнгейля.

[4] Институтки — дочери С. П. и Е. И. Трубецких Елизавета (в замуж. Давыдова, 1834—1918) и Зинаида (в замуж. Свербеева, 1837—1924), принятые в Иркутский девичий институт.

[5] К. К. Кузьмина, директриса Иркутского девичьего института, тетка Ж. А. Муравьевой, воспитательница дочери Н. М. Муравьева. За три дня до смерти говорила о ее приближении и приготовилась к концу (Пущин, с. 230).

64. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 177—178

[1] Вел. кн. Михаил Павлович умер 28 авг. 1849 г. Перед отправкой сыновей в заграничный поход П. П. Штейнгейль писала Я. И. Ростовцеву, что у нее нет средств на их экипировку, и просила исходатайствовать вспомоществование у вел. кн. Михаила Павловича (ЦГАОР, ф. 1155, д. 2171, л. 25—25 об.).

65. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 179—180 об.

[1] Т. е. через III Отделение.

[2] См. примеч. 5 к письму 63. Обстоятельства смерти К. К. Кузьминой могли наводить на мысль о самоубийстве.

[3] Возможно, об этой попытке женитьбы М. А. Бестужева идет речь в кн.: Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977, с. 564.

66. Н. Н. Анненкову

ИРЛИ, ф. 93, оп. 6, № 64

[1] Об Н. Н. Анненкове см. примеч. 197 к АЗ.

[2] Просьба Штейнгейля была передана через ген.-губернатора Зап. Сибири Густава Христиановича Гасфорда (1794—1874), сменившего в 1851 г. П. Д. Горчакова. 9 янв. 1852 г. А. Ф. Орлов отвечал, что передает ему решение о переводе Штейнгейля, но если тот «впоследствии не оправдает оказываемой ему милости», то следует опять перевести его в Тару (ДШ, л. 77—78 об.). На представлении Гасфорда помета: «Граф предоставляет совершенно на его волю. Ежели Штейнгейль исправится, то можно. Пусть испытает, и ежели опять будет дурак, то пусть возвратит в Тару и уведомит (?) графа» (там же, л. 77). В февр. 1852 г. Штейнгейль вернулся в Тобольск (см. письмо 136).

67. А. Ф. Бриггену

ИРЛИ, отд. поступления, № 2587, л. 1—2
Лит. вестник. М., 1903, кн. 6, с. 129—131, с купюрами

[1] Декабристу Семенову, советнику Тобольского губ. правления, он умер 10 июня 1852 г.

[2] Поручения связаны, возможно, с судебным делом, возбужденным против Бриггена как заседателя Курганского окружного суда за его якобы «противозаконные действия» по расследованию убийства крестьянина Михаила Власова, руководителя крестьянских волнений в Курганском уезде в 1843 г. Бригген доказывал, что с Власовым расправились сельские власти. Дело Бриггена было в 1850 г. передано в Сенат и решилось только к осени 1852 г. (см. подробнее: Тальская О. С. Декабрист А. Ф. Бригген.— Уч. зап. Барнаульского гос. пед. ин-та. Барнаул, 1972, т. 18, с. 66—67). Бывший судья в Кургане — Александр Петрович Забелин (до 1851 г.). Дмитриев, вероятно, Виссарион Степанович, с 1854 г.— заседатель Ишимского окружного суда.

[3] Виноградский Александр Васильевич, председатель губернского правления в Томске (1840-е гг., 1855—1859), в Тобольске (1853—1855), тобольский губернатор (1859—1863).

[4] Иван Михайлович — скорее всего, Погадаев, туринский уездный почтмейстер; директор — Чигиринцев Порфирий Матвеевич, директор училищ Тобольской губ.

[5] В. А. Жуковский (ум. 12 апр. 1852 г.) был близким другом А. Ф. Бриггена.

[6] Источника цитации не удалось установить.

[7] Новый окружной судья в Туринске — Резанов Владимир Алексеевич (в 1840-х гг.— заседатель земского суда в Таре). Городничим в Туринске до 1854 г. значится по адрес-календарю Алексей Данилович Воденииков, с 1855 г.— Алексей Астафьевич Ротов.

[8] Общий друг — возможно, Л. И. Филатов, упоминаемый в письмах 87 и 100 также в сожалительных тонах. Сведений о нем найти не удалось.

[9] Ф. В. Шабанова, хозяйка дома в Тобольске, у которой жил Штейнгейль.

[10] При Наполеоне III газета получила характер официоза.

68. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 1—2 об.

[1] Коги-Нур (Кохинур) — один из самых больших бриллиантов, вывезен из Индии в Англию.

[2] Имеется в виду Пущин.

[3] Пиленков Николай Степанович, коммерции советник, купец-миллионер, дядя П. П. Ершова.

[4] Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861), кн., ген.-адъютант, с начала Крымской войны до авг. 1854 г. командующий пехотными корпусами, действовавшими на Дунае и побережье Черного моря, затем главнокомандующий Южной армией, а после высадки союзников в Крыму — Крымской армией. С февр. по авг. 1855 г. руководил обороной Севастополя.

69. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 3—4 об.

[1] Тобольский кремль, где располагались присутственные места, находится на высоком холме.

[2] М. И. Муравьев-Апостол (1793—1886), отставной подполковник, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества, на поселении с 1829 г., с 1836 г.— в Ялуторовске; его семейство — жена, Марья Константиновна (урожд. Константинова, 1811—1883), и воспитанницы — Августа Павловна Созонович и Анна Матвеевна Бородинская. И. Д. Якушкин (1793—1857), отставной капитан, член Союза благоденствия и Северного общества, на поселении с 1836 г. в Ялуторовске. Он приезжал на две недели в Тобольск для лечения. Его сын — Евгений Иванович Якушкин (1826—1905), впоследствии известный общественный деятель, юрист, дважды — в 1853—1854 и в 1855 гг.— приезжал в Сибирь как межевой ревизор, для свидания с отцом. Вдова — Ж. А. Муравьева. А. М. Муравьев умер 24 ноября 1853 г., его семья выехала из Сибири летом 1854 г.

[3] Речь идет о занятиях спиритизмом.

[4] 18 ноября 1853 г. в Синопском сражении П. С. Нахимов уничтожил турецкую эскадру и взял в плен ее командующего Осман-пашу. В ответ на это 22 декабря английская и французская эскадры вместе с турецкими кораблями вошли в Черное море.

[5] Второе из упомянутых лиц — Александр Серебряков, сын квартирной хозяйки Штейнгейля Ф. В. Шабановой (см. письмо 84). Он служил у частных лиц в Томске и позднее благодарил Батенькова за советы, попечение и участие в его судьбе (ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 32 об.).

70. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 5—6 об.

Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 265—266

[1] Судя по письму 72, речь идет о маркизе Николае Александровиче де Траверсе (1829—1869), лицеисте выпуска 1850 г., камер-

юнкере, чиновнике особых поручений при томском губернаторе (1851—1854). Он проезжал через Тобольск в Петербург, где состоял при Министерстве внутренних дел. В 1862 г. был арестован за связи с Герценом, в заключении сошел с ума. Далее в письме под «приезжим» имеется в виду он же. Батеньков передал с ним Штейнгейлю деньги.

[2] Гедеон — израильский судья, победивший, по библейской легенде, с 300 воинами 135 тыс. неприятелей — идолопоклонников. Штейнгейль вспомнил о нем, очевидно, в той связи, что последние победы русских войск — 14 нояб. под Ахалцыхом и 19 нояб. при Башкадыкларе — были одержаны над втрое превосходящими их по численности турецкими армиями. Эти успехи и вызвали изменения тона иностранных газет.

[3] Под одной скобкой Штейнгейль разумеет общий III разряд, по которому они с Батеньковым были осуждены.

[4] Согласно библейской легенде, семь эфесских отроков скрылись от гонений на христиан в пещере, где их замуровали, чтобы уморить голодом; однако они просто заснули и проспали 187 лет, после чего вышли из пещеры и рассказали о своем подвиге потомкам. Батеньков же, как известно, 20 лет провел в строгом одиночном заключении в Петропавловской крепости.

[5] Речь идет, видимо, о взяточничестве.

[6] Ершов Павел Петрович (1815—1869), женился третьим браком на дочери ген.-майора Е. Н. Черкасовой. Андроникова Ольга Васильевна, приятельница декабристов с того времени, когда жила в Туринске, где Пущин снимал у нее квартиру, позднее переехала в Тобольск.

[7] Евлампий (Пятницкий Петр, 1794—1864), архиепископ Тобольский и Сибирский (1852—1856).

71. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 5—5 об.

[1] Францев Дмитрий Иванович (ум. 1854), тобольский губернский прокурор.

[2] Возвращаясь из Петербурга, Н. Н. Муравьев останавливался в феврале в Ялуторовске у Пущина (Пущин, с. 268).

[3] Г. Х. Гасфорд женился вторым браком на Надежде Николаевне Львовой, дочери инженера Николая Федоровича Львова (1800—1871), до 1851 г. бывшего председателем Казанской казенной палаты, с 1854 г.— Пермской.

[4] Имеется в виду манифест Николая I от 9 февраля 1854 г. о разрыве дипломатических отношений России с Англией и Францией.

[5] В февральских номерах «Моск. ведомостей» (1854, 4—11 февр., № 15—18) в разделе «Иностранные известия» печаталась статья «Правота России» бакалавра гражданского права J. Mosely («Russia in the right, or the other side of the Turkish question»), вышедшая в Лондоне отдельной брошюрой. Автор подвергал в ней разбору взаимные требования России и Турции и призывал соотечественников к беспристрастному взгляду на Россию.

[6] Е. И. Якушкин был в Томске по своим ревизорским делам.

72. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 13—20

Летописи, кн. 3, с. 367—369

[1] 4 и 8 мая — дни рождения и именин Пущина.

[2] Иов, 2. 10. Библейский Иов олицетворяет собой веру и терпение в перенесении всех несчастий, которыми испытывает его бог.

[3] Якушкин Вячеслав Иванович (1823—1863), старший сын И. Д. Якушкина, служил с 1854 г. чиновником особых поручений при Н. Н. Муравьеве.

[4] Тобольским гражданским губернатором с 1854 г. стал Виктор Антонович Арцимович (1820—1893), с июля 1858 г.— калужский губернатор, один из либеральных деятелей крестьянской реформы. Личность «над» — Г. Х. Гасфорд. В. А. Арцимович участвовал в ревизии Н. Н. Анненкова, при котором состоял старшим чиновником, и был свидетелем разнообразных злоупотреблений в системе управления Зап. Сибири.

[5] В мае 1854 г. началась первая экспедиция Н. Н. Муравьева с целью колонизации Амура.

[6] Корицкий, секретарь начальника VIII округа корпуса жандармов в Омске. Колен фон Карл Яковлевич, тобольский жандармский полковник, находился в приятельских отношениях с декабристами. Сеймур Джордж Гамильтон (1796—1880), английский дипломат, посланник в Петербурге (1851—1854), после разрыва дипломатических отношений с Англией в февр. 1854 г. покинул Россию.

[7] К. И. Иванов (ум. 1887), военный инженер, впоследствии ген.-лейтенант, с 1852 г. муж Ольги Ивановны Анненковой (1830—1891), дочери декабриста. Ехал в Петербург на новую службу.

[8] Судя по упоминаниям в последних строках этого письма и в начале письма 75, речь идет о письме к Пущину его лицейского друга контр-адмирала Федора Федоровича Матюшкина (1799—1872) от 5 марта 1854 г. (Пущин, с. 267—268). Он снабжал Пущина записками политического характера и обсуждал в переписке с ним политические вопросы.

[9] Милютин Д. А. История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 г. СПб., 1852—1853, т. 1—5.

[10] Послание ап. Павла к евреям, 10. 35.

[11] Смалькова — сестра ялуторовского городничего Андрея Григорьевича Белоусовича. Ее информация была неверной: «Слухи о столкновении в Черном море не имели никакого основания» — писали газеты (Моск. ведомости, 1854, 1 апр., № 39). «Наполеон»— французский винтовой корабль, прибывший в апр. в Галлиполи (Моск. ведомости, 1854, 24 апр., № 49), скорее всего, слух касался его.

[12] П. И. Рикорд был назначен начальником двух дивизий Балтийского флота, соединенных для защиты Кронштадта от англо-французского флота.

73. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 21—24

Летописи, кн. 3, с. 369—370

[1] Ольга Васильевна — Андроникова.

[2] Генерал — Írometти Александр Карлович (1793—1877), коман-

дующий 24-й пехотной дивизией со штабом в Тобольске, дружески расположенный к декабристам. П. Д. Горчаков с нач. Крымской войны до июня 1855 г. находился при М. Д. Горчакове.

[3] Масловский — может быть, Иван Васильевич, становой пристав Пермского земского суда, в 1854 г. переведенный на ту же должность в Камышлов Пермской губ.

[4] В. А. Арцимович выехал из Петербурга на новое место службы 28 мая. Родные — родственники его жены Анны Михайловны (урожд. Жемчужниковой).

[5] Н. И. Пущин (1803—1874), брат И. И. Пущина, член консультации при Министерстве юстиции.

[6] Высоцкий — сын сосланного в 1827 г. поляка И. С. Высоцкого, члена согласия при тайном обществе Военных друзей. Василий Панаев, художник, учитель рисования, декабристы содействовали его устройству на службу и в Академию художеств (Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 177, 228—229).

[7] Порфирий Матвеевич — Чигиринцев.

[8] Черн.— не удалось установить.

74. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 8

75. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 25—32
Летописи, кн. 3, с. 370—372

[1] Наталья Дмитриевна — жена М. А. Фонвизина (урожд. Апухтина, 1805—1869). В 1853 г. Фонвизину разрешено было вернуться из Сибири, 30 апр. 1854 г. он умер в своем имении Марьино под Бронницами. Павел Сергеевич — Бобрищев-Пушкин (1802—1865), член Южного общества, на поселении с 1832 г., с 1840 г.— в Тобольске. Марья Дмитриевна — дочь Д. И. Францева, уехавшая вместе с Н. Д. Фонвизиной из Сибири. Нарышкины — Михаил Михайлович (1798—1863), полковник, член Союза благоденствия и Северного общества, и его жена Елизавета Петровна (урожд. гр. Коновницына, 1801—1867), вернувшиеся из Сибири через Кавказ в 1844 г. и жившие в своем имении Высокое Тульского уезда.

[2] И. Д. Якушкина.

[3] 16 мая 1854 г. неудачно для русских кончилось сражение под Каракалом, а 17 мая — штурм форта Араб-Табие под Силистрией. Оттон I (1815—1867), греческий король (1832—1862), обязался соблюдать строгий нейтралитет после того, как в Греции высадились союзные войска для защиты от нее Турции.

[4] Анненков Иван Иванович (1835—1886), сын декабриста, юнкер Прусского полка, служил в Ревеле.

[5] Тенгоборский Людвиг Валерианович (1793—1857), экономист и статистик, дипломат, автор кн. «Essai sur les forces productives de la Russie» (М. и СПб., 1854—1858) и ряда брошюр, посвященных Крымской войне.

[6] О деятельности Н. Н. Муравьева на Амуре см.: Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский (Материалы для биографии). М., 1891, т. 1—2.

[7] Речь идет об А. В. Виноградском, до прибытия В. А. Арцимовича управлявшем губернией.

[8] Чиновниками особых поручений при В. А. Арцимовиче ехали в Тобольск выпускники Александровского лицея 1853 г. Федор Александрович Анненков (1834—1899) и бар. Александр Федорович Штакельберг (1833—1898). Штейнгейль называет их внуками, поскольку его сын Вячеслав был в это время инспектором лицея.

[9] Ректор Тобольской духовной семинарии — архимандрит Порфирий, преосвященный — Евлампий.

[10] 28 мая ген.-фельдмаршал кн. Иван Федорович Паскевич (1782—1856), главнокомандующий русской армией, при рекогносцировке под Силистрией был контужен и уехал из армии.

[11] Видимо, слова из упомянутого выше анекдота.

[12] Нил (Исакович Николай Федорович, 1799—1877), с 1853 г.— архиепископ Иркутский. Парфений (Попов Петр, 1811—1873), епископ Томский и Енисейский (1854—1860).

[13] А. В. Ентальцева (урожд. Лисовская, 1790—1858), вдова декабриста А. В. Ентальцева (1788—1845), с 1830 г. на поселении с ним в Ялуторовске, после его смерти ей не разрешено было выехать из Сибири.

76. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 33—34

Летописи, кн. 3, с. 373

[1] Василий Дмитриевич — Францев, столоначальник в общей канцелярии при военном губернаторе и Забайкальском областном правлении. «Письмецо», судя по малому объему и помете о получении тем же числом, что и настоящее письмо,— от С. Я. Знаменского, от 7 июня 1854 г. (ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 39).

[2] В следующем письме этот рассказ опровергается.

[3] О методах, которыми архиепископ Нил склонял бурят к крещению, см.: Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848—1854. СПб., 1889, с. 24—25.

[4] Натянутые отношения между Волконскими и Трубецкими в последние годы их жизни в Иркутске прорываются намеками в письмах С. Г. Волконского и С. П. Трубецкого к Пущину (Летописи, кн. 3, с. 97, 100, 322). Молчанов Дмитрий Васильевич, начальник отделения Главного управления Восточной Сибири. В 1850 г. М. Н. Волконская, рассчитывая на его быструю карьеру, выдала за него 15-летнюю дочь Елену (во 2-м браке — Кочубей, в 3-м — Рахманова, 1834—1916), вопреки воле С. Г. Волконского. Через год Молчанов был обвинен во взяточничестве и только в 1856 г. признан невиновным. В 1854 г. он заболел прогрессивным параличом, затем сошел с ума и умер в 1857 г. Декабристы относились к нему недоброжелательно, а устроенный М. Н. Волконской брак дочери вызывал их неодобрение — вероятно, это было одной из причин охлаждения между Волконскими и Трубецкими (судя по тому, что от их «несогласия» мысль Штейнгейля перешла на Молчанова), тем более что с годами, как известно, в характере М. Н. Волконской все резче проявлялась жестокость и надменность. Вот как ту же информацию передавал Пущину П. С. Бобрищев-Пушкин: «По приезде не только Молчанов, но и Нелинька не были

приняты в доме М[уравьева]. Это страх огорчило Мар[ью] Ник[олаевну],— так что она несколько дней прохворала. Теперь, я думаю, кается, что не послушала ничьих советов» (ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 50).

[5] Казимирский Яков Дмитриевич, плац-майор в Чите и Петровском Заводе, ген.-майор, с 1852 г.— начальник жандармского округа в Омске, друг многих декабристов, в том числе Пущина.

77. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 111—118

Летописи, кн. 3, с. 373—376

[1] Имеется в виду В. Д. Францев, рассказы которого оказались неверны (критяне, по античным мифам,— лжецы).

[2] Бибиков Александр Илларионович (1826—1899), племянник декабриста М. И. Муравьева-Апостола, с 1852 г.— чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири. Генерал (в этом и следующем письме) — Я. Д. Казимирский.

[3] Об О. И. Анненковой см.: Анненкова, с. 190—192. «Она своими тихими флегматичными манерами очень напоминает отца»,— писал М. С. Знаменский (там же, с. 190).

[4] Людовик XVIII (1755—1824), король Франции с 1814 г., считал свое царствование с 1793 г., когда был казнен по приговору Конвента Людовик XVI. 29 лет — это время правления Николая I, смысл цифры 27 неясен. «Семнадцать дней» — период междуцарствия с 27 ноября 1825 г. В манифесте о восшествии Николая I на престол 12 дек. 1825 г. говорилось: «Время вступления нашего на престол считать с 19 ноября 1825 г.» (день смерти Александра I).

[5] В апр. 1854 г. Австрия заключила оборонительно-наступательный союз с Пруссией, в июне — две конвенции с Турцией. Николай I ожидал военного вмешательства Австрии.

[6] 2 июня 1854 г. Ф. Ф. Матюшкин был назначен исполняющим должность главного командира Свеаборгского порта и военного губернатора Свеаборга, 10 ноября — членом Морского генерал-аудиториата, позднее стал адмиралом, сенатором.

[7] Волконская Софья Григорьевна (1786—1868), сестра декабриста С. Г. Волконского, жена министра двора фельдмаршала П. М. Волконского. Приехала навестить брата, больше года прожила в Сибири и много путешествовала.

[8] Наталья Дмитриевна — Фонвизина. Н. Я. Фалькенберг — жандармский генерал. Штейнгейль оговорился — он пишет о декабристе П. И. Фаленберге (см. о нем примеч. 63 к ЗВ), поселенном в с. Шушенском Минусинского о. Енисейской губ. (см. об этом же след. письмо). Об А. А. Суворове см. примеч. 62 к ЗВ, впоследствии он стал ген.-губернатором Прибалтийского края.

[9] В. М. Зданевич, штаб-лекарь Тобольской врачебной управы.

[10] Брат жены — Г. П. Вонифатьев. Один из его сыновей, Николай Григорьевич, в 1870—1880-х гг. был членом Петербургской судебной палаты, судьба другого неизвестна. Изида — древнеегипетская богиня жизни и здоровья.

[11] Арцимович Антон Антонович (1832—1910), впоследствии сенатор.

[12] Панин Виктор Никитич (1801—1874), министр юстиции (1839—1860), один из столпов николаевского режима.

[13] Г. Х. Гасфорд отметил В. А. Арцимовича во время ревизии Н. Н. Анненкова.

[14] Т. Ф. Прокофьев, тобольский гражданский губернатор (1851—1854).

78. *И. И. Пущину*

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 241—252

Летописи, кн. 3, с. 376—379

[1] Перифраз пословицы: «сума даст ума».

[2] Штейнгейль вспоминает А. З. Зиновьева, очевидно, в связи с сообщением Пущина о проезде через Ялуторовск П. В. Зиновьева (Письма Г. С. Батенькова, с. 250).

[3] Речь идет о первых действиях В. А. Арцимовича по управлению губернией (Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904, с. 17—22). «Определенное» откупом — вероятно, открытое подношение откупщиков.

[4] Свидание — В. А. Арцимовича с Г. Х. Гасфордом в его резиденции в Омске. Предсказание касалось отношения последнего к подчиненным (см. письмо 77).

[5] Морачевский Михаил Патрикеевич (Петрович), сослан по делу Сунгуровского тайного общества, заведовал канцелярией Тобольского приказа общественного призрения.

[6] Софья Григорьевна — Волконская. Иннокентий (Кульчицкий Иван, 1680—1731), первый иркутский епископ.

[7] Балакшина Енафа Филипповна, жена ялуторовского купца Николая Яковлевича Балакшина, друга и посредника декабристов.

[8] Бар. К. К. Врангель 17 июля 1854 г. разбил турок на Чингильских высотах, а кн. В. О. Бебутов 24 июля с 18 тыс. человек разгромил при Курюк-Дара 60-тыс. турецкую армию.

[9] Угрозы Австрии вынудили Николая I снять осаду Силистрии и вывести войска из Молдавии и Валахии, куда в авг. 1854 г. вступили турки, а затем австрийцы. Экспедиция в Крым была окончательно решена на военном совещании союзников 14 августа.

[10] Сопоставляются Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869), кн., адмирал, начальник войск в Крыму (1853 — февр. 1855), просчетам которого русская армия была обязана многими поражениями, и настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Александр (Павлович Андроник Иванович, 1798—1874), отказавшийся сдать монастырь, несмотря на его двукратную бомбардировку.

[11] П. Д. Жилин (1789—1854), советник Тобольского губернского правления, друг тобольских декабристов.

[12] Осуществив в дек. 1851 г контрреволюционный переворот, Наполеон III распустил законодательное собрание.

[13] Тесть Г. Х. Гасфорда — Н. Ф. Львов (см. примеч. 3 к письму 71).

[14] Комедия М. И. Веревкина, 1785 г.

[15] Очевидно, П. С. Бобрищев-Пушкин сообщил об успешном окончании первой амурской экспедиции. Шубин Иван Павлович, с 1855 г. товарищ военного губернатора Семипалатинской области.

[16] В с. Бешкиль (см. письмо Ф. Ф. Соколова к Пущину от 24 окт. 1854 г.: ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 403—404).

[17] Австрия, не вступая в войну, занимала враждебную России позицию, а Пруссия, тяготясь политическим давлением России, не оказывала ей поддержки. Проф. Бидерман Фридрих-Карл (1812—1901), немецкий публицист, политический деятель и историк, сторонник объединения Германии в империю.

[18] И. И. Шиллинг, председатель Тобольского губернского суда.

[19] М. Д. Францева.

[20] Имеются в виду приглашения от губернатора, губернаторша — А. М. Арцимович, Lwoff — Львова Маргарита Васильевна (урожд. Куломзина, ум. 1866), теща Г. Х. Гасфорда.

[21] Перечислены живущие на поселении в Ялуторовске вместе с Пущиным М. И. Муравьев-Апостол, Е. П. Оболенский (см. о нем примеч. 27 к ЗВ), Н. В. Басаргин и А. В. Ентальцева.

[22] Дело по обвинению камер-юнкеров Е. П. Балабина (в тексте ошибочно — Балкашин) и кн. И. С. Гагарина, а также И. М. Мартынова и С. С. Джунковского в самовольном пребывании за границей, невозвращении оттуда и вступлении в орден иезуитов рассматривалось в Государственном совете, приговор о первом был утвержден 2 дек. 1853 г., остальных — 25 февр. 1854 г.

79. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 261—263

Летописи, кн. 3, с. 379—380

[1] Речь идет о П. Д. Жилине, получившем прозвище стенографа за постоянную помощь декабристам в переписке бумаг и печатных изданий. О книге, переданной Шемякиным, см. след. письмо.

[2] Т. е. от китайцев.

80. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 269—272

Летописи, кн. 3, с. 380—381

[1] Францева Екатерина Васильевна (1811—1881).

[2] Юшков Андрей Андреевич, лекарь Тобольской врачебной управы.

[3] П. С. Бобрищев-Пушкин занимался в Тобольске врачеванием.

[4] Типяков Василий Михайлович, хирург, инспектор Тобольской врачебной управы.

[5] Повесть И. С. Тургенева, написанная в 1852 г., с нач. 1853 г. начала распространяться в списках, опубл. только в 1855 г.

[6] Крепость в проливе Бомарзунд сдана союзной флотилии 3 авг. 1854 г.

81. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 10—11 об.

Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 266—267

[1] Перечисленные ниже события и имена откомментированы в соответствующих по хронологии письмах к И. И. Пущину.

[2] А. В. Виноградский.
[3] Генерал — Я. Д. Казимирский.
[4] Владыка — Парфений (Попов).

82. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 327—332
Летописи, кн. 3, с. 381—383

[1] Проезжая через Ялуторовск для свидания с Г. Х. Гасфордом в Омске, В. А. Арцимович уклонился от знакомства с декабристами.

[2] Сказание — Записки о восстании (см. об этом также в письме 116, где Штейнгейль называет их «пьесой»).

[3] На пути в Европейскую Россию у Пущина гостила М. А. Дорохова (1811—1887), начальница Иркутского девичьего института, невеста умершего в февр. 1854 г. декабриста П. А. Муханова. Она ехала к его родным, мечтая быть им полезной, но их отношения не сложились. В 1855 г. она стала начальницей Нижегородского девичьего института.

Беседа митрополита Московского Филарета была произнесена на освящении храма Богородицы, «Взыскательницы погибших», в Тюремном пересыльном замке 2 сент. 1854 г.— Моск. ведомости, 1854, 11 сент., № 109.

[4] Союзная армада начала высадку в Крыму 2—5 сент. 1854 г., 8 сент. состоялось первое сражение.

[5] Брат П. Н. Свистунова — Алексей Николаевич (1808—1878), камергер, с 1854 г.— член Военного совета Военного министерства. Битва — очевидно, сражение при Курюк-Дара. Барятинский Александр Иванович (1814—1879), ген.-адъютант, начальник главного штаба войск на Кавказе (1853—1854), впоследствии наместник Кавказа (1856—1862), фельдмаршал.

[6] Путятин Евфимий Васильевич (1803—1883), адмирал, возглавлял дипломатическую миссию в дальневосточной экспедиции на фрегате «Паллада» (1852—1855), заключил благоприятный для России русско-японский договор 1855 г. в Симоде.

[7] Вероятно, Штейнгейль называет так тобольского лекаря Зябницкого.

83. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 505—508
Летописи, кн. 3, с. 383—384

[1] Далее выясняется, что Пущин передал через Петра Петровича Попова, заседателя Тобольского окружного суда, письмо Штейнгейлю с просьбой ускорить дело об усыновлении, начатое ссыльным Семенченко (см. письма 84, 86, 89, 96).

[2] Барцов Михаил — ученик Тобольской гимназии выпуска 1855 г. (см. письмо 85). Демидовский — т. е. воспитывающийся в гимназии на демидовскую стипендию.

[3] Подразумевается Д. В. Молчанов, заболевший прогрессивным параличом, и судьба Е. С. Молчановой.

[4] Имеется в виду проезд В. А. Арцимовича через Ялуторовск.

[5] 5 окт. 1854 г. союзники сильно бомбили Севастополь, пытаясь взять его ускоренной атакой, но стойкость русских войск заставила их перейти к осаде города.

[6] Очевидно, Пущин переслал или пересказал Бобрищеву-Пушкину письмо М. К. Юшневской к нему от 4 окт. 1854 г., в котором она описала обстоятельства внезапной смерти 30 сент. П. И. Борисова и самоубийства его брата (ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 385—388). См. о Борисовых примеч. 95 к ЗВ. В 1839 г. они вышли на поселение, с 1841 г. жили в д. Малой Разводной под Иркутском.

[7] Речь идет о деле Петра Петровича Ширкова, тобольского купца 3-й гильдии (см. письма 85 и 95).

84. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 12—13 об.

[1] До Парфения (Попова) епископом Томским и Енисейским был с 1841 г. Афанасий (Соколов Андрей Григорьевич, 1796—1868), в 1853 г. переведенный в Иркутскую епархию.

[2] А. К. Дометти.

[3] Беседу Филарета см.: Моск. ведомости, 1854, 26 окт., № 128.

[4] Фекла Васильевна — Шабанова, Саша — Серебряков. Сосулин (Сасулин) Степан, томский откупщик-виноторговец, приятель Г. С. Батенькова.

85. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 571—574
Летописи, кн. 3, с. 384—386

[1] Врангель Александр Егорович (1833—1910?), бар., выпускник Александровского лицея, с 1853 г. — чиновник Министерства иностранных дел, в июне 1854 г. назначен в Семипалатинск областным стряпчим уголовных и гражданских дел. Второй барон — А. Ф. Штакельберг. Жемчужников Владимир Михайлович (1830—1884), поэт (один из создателей Козьмы Пруткова), чиновник особых поручений при В. А. Арцимовиче (март 1854 — апр. 1855), брат его жены.

[2] Исправляющий должность прокурора после смерти Д. И. Францева — Жемчужников Николай Аполлонович (1817—1879), тобольский стряпчий казенных дел.

[3] Речь идет о деле П. П. Ширкова.

[4] Максутин Дмитрий Петрович (ум. 1889), кн., лейтенант, помощник капитана Петропавловского порта на Камчатке, участвовал в отражении англо-французской эскадры, пытавшейся 18—24 авг. 1854 г. завладеть портом, командирован с депешами об этом к Н. Н. Муравьеву, а от него — в Петербург, по пути заезжал в Ялуторовск.

[5] «Неразгаданное» — последствия войны для России. Штейнгейль вспоминает обращенные к нему слова Николая I при первом допросе после ареста (см. с. 135).

[6] Н. С. Знаменский (ум. 1899), воспитанник Фонвизиных, смотритель Тобольского духовного училища (1852—1858).

[7] Строки из стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», 1812 г.

[8] У К. И. Иванова в Петербурге были отец, мать (ум. 25 июня 1855 г. — см. письмо К. И. Иванова к Пущину от 21 июля 1855 г.:

ГБЛ, ф. 243, 2.1, л. 7), брат Андрей Иванович (1822—1888), полковник, и незамужняя сестра (Анненкова, с. 191).

[9] Очевидно, П. П. Попов предложил отправить с ним это письмо к Пущину.

86. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 631

Летописи, кн. 3, с. 386

[1] Речь идет о деле Семенченко.

[2] Т. е. представление Н. Н. Муравьева о награде защитников Петропавловского порта (Барсуков И. П. Указ. соч., с. 376—380). Письмо попало к П. С. Бобрищеву-Пушкину от Пущина, а тот получил его от Я. Д. Казимирского (см. письмо Я. Д. Казимирского к Пущину от 20 ноября 1854 г.— ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 551).

[3] В ноябре 1854 г. в Военный совет был введен Петр Андреевич Данненберг (1782—1872), ген.-лейтенант, участник Инкерманского сражения.

[4] 4 декабря — именины Варвары.

87. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 635—638

Летописи, кн. 3, с. 386—387

[1] Строки из «Горя от ума». Письмо отправлено, очевидно, с Е. В. Францевой и Н. С. Знаменским.

[2] Все годы поселения в Томске Батеньков прожил в семье исправника Николая Ивановича Лучшева.

88. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 14—15 об.

[1] Эйсмут (Эйсмот) Иосиф Болеславович, ссыльный поляк, живший в Тобольске. Анна Павловна — его жена (урожд. Масленикова), сестра О. П. Лучшевой.

[2] Е. И. Трубецкая умерла 14 окт. 1854 г.

[3] Т. е. с 14 дек. 1825 г.

[4] В. М. Жемчужников — сын Михаила Николаевича Жемчужникова (1788—1865), сенатора. Александр Васильевич — Виноградский.

[5] А. М. Лобковский — с кон. 1850-х гг. участковый заседатель в Тобольском земском суде.

89. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 725—727

Летописи, кн. 3, с. 387—388

90. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 7, с. 729—732

Летописи, кн. 3, с. 388—389

[1] А. М. Муравьевым.

[2] Очевидно, Пущин передал рассказ о защите Петропавловска из письма к нему С. Г. Волконского от 14 ноября 1854 г. (Летописи, кн. 3, с. 104—106).

[3] О деле скопцов Гавасиных см. письма 95, 117, 118, 123, 125; см. также: Пущин, с. 306—307.

[4] Имеются в виду Австрия и Пруссия, державшиеся враждебного нейтралитета.

[5] О деле Загибалова см. также письмо 92.

91. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 16

92. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 3—4

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 224—225

[1] Николай Яковлевич — Балакшин.

[2] О деле Загваздиных см. письма 111 и 118.

[3] В конце января одновременно с сообщениями о военных потерях Англии в газетах появились известия о возможных переменах в английском кабинете министров. 2 февраля тори Абердин был сменен на посту премьер-министра лидером вигов Пальмерстоном, которому было поручено сформировать новый кабинет.

[4] Протасов Николай Александрович (1799—1855), обер-прокурор Синода (1836—1855).

93. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 17—18 об.

[1] Кувичинский Кесарь Дмитриевич, тобольский полицмейстер, после окончания Тобольской гимназии в 1836 г. служил учителем.

[2] Перефразированная пословица: «Не горшок угодник, стряпуха» (т. е. умение).

[3] Цитата из Стихиры самогласной Иоанна Дамаскина из Чина погребения мирских человек.

[4] Фраза из VII письма М. П. Погодина: «Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа (мая 27. 1854)».— Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны, 1853—1856. М., 1874, с. 118. Сравнивается с соч. Ф. В. Ростопчина «Мысли вслух на Красном крыльце с приложением письма Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве». М., 1807.

[5] Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854, т. 1—4.

94. А. Ф. Бриггену

Лит. вестник, 1903, кн. 6, с. 131—132

[1] Можно предложить, что обсуждается поведение В. А. Арцимовича. Ниже речь о нем же.

[2] После столкновений с П. Д. Горчаковым в 1850 г. А. Ф. Бриг-

ген был переведен из Кургана в Туринск. В письме, о котором идет речь, он просил вернуть его в Курган. 3 марта 1855 г. разрешение было получено. Особа, огорчившая Бриггена,— вероятно, Г. Х. Гасфорд (см. письмо А. Ф. Бриггена к П. Н. Свистунову от 15 апр. 1855 г.— Летописи, кн. 3, с. 84—86). В большом доме — у В. А. Арцимовича.

95. *И. И. Пущину*

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 5—5 об.
Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 225—227

[1] О. И. Иванова.

[2] П. Ф. Анжу (см. о нем примеч. 205 к АЗ) в юности служил под началом П. И. Рикорда. Его жена — Ксения Ивановна (урожд. Логинова, 1807—1870), воспитанница П. И. Рикорда, вдова английского путешественника Кокрена (Cochrane John Dundas, ум. 1825).

[3] В февр.-марте 1855 г. из Екатеринбурга и Тобольска на Амур к весеннему сплаву и далее на Камчатку двигалась артиллерия для защиты берегов Дальнего Востока.

[4] В ноябре 1853 г. был образован Сибирский комитет для обеспечения русской торговли с Китаем. В нач. 1855 г. представитель Н. Н. Муравьева в комитете Николай Романович Ребиндер (кяхтинский градоначальник, зять декабриста С. П. Трубецкого) выехал в Петербург для доклада комитету и Министерству финансов по вопросу о большей свободе кяхтинской торговли с Китаем. Его предложения с некоторыми ограничениями были приняты. (См. об этом: Струве Б. В. Воспоминания о Сибири, с. 162—165). Устав компании «Золотое руно» утвержден 21 декабря 1854 г. (С.-Петерб. сенатские ведомости, 1855, 21 янв., № 6).

[5] Томский дедушка — Г. С. Батеньков. Может быть, речь шла о нездоровье, которое мучило его с начала весны, на что он и сам жаловался (Рус. старина, 1889, № 8, с. 336).

[6] Сашинька — Ребиндер Александра Сергеевна (1830—1860), дочь С. П. Трубецкого, в нач. 1855 г. уехала с мужем в Европейскую Россию. Ее сын Сергей (1851—1882) оставался на попечении С. П. Трубецкого в Иркутске.

[7] Башмаков Флегонт Миронович (ок. 1775—1859), участник восстания Черниговского полка, с 1838 г. на поселении в Кургане, в 1853 г. переведен в Тобольск.

[8] Вакар Александр Алексеевич, управляющий Тобольским приказом о ссыльных с 1852 г.

[9] М. И. Топильскому.

[10] Щербаков — возможно, Федор Илларионович, заседатель в окружном суде в Таре, богатый купец.

[11] Клушин Павел Николаевич (1814—1886) — пермский гражданский губернатор, был женат на дочери П. Д. Горчакова Евдокии Петровне.

[12] Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич, 1800—1875), с 1848 г. архиепископ Херсонский и Таврический, известный богослов и церковный оратор. Последняя из его речей, о которых пишет Штейнгейль,— «Речь, произнесенная <...> в Одесском Преображенском соборе, января 11-го 1855 г., после напутственного мо-

лебствия греческому батальону, пред отправлением его из Одессы в Севастополь» (Санкт-Петерб. ведомости, 1855, 12 февр., № 32).

[13] Шабо, владелец пансиона в Петербурге, один из преемников аббата Ш.-Д. Николя. В пансионе учились преимущественно дети аристократов. «По мнению моему,— писал Ф. Ф. Вигель,— учение там было плохое,— по-прежнему аристократическое: после французской литературы, только уже новейшей, главными предметами были танцы и фехтование» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892, ч. 6, с. 23).

96. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 6—7 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 227—229

[1] Подразумевается смерть Николая I, последовавшая 18 февр. 1855 г.

[2] В приказе по войскам 19 февр. 1855 г. Александр II передавал обращенные к ним последние слова Николая I: «Благодарю славную верную гвардию, спасшую Россию в 1825 году, равно храбрые и верные армию и флот». Те же слова повторены были в приказе по гвардейским и гренадерским полкам (Рус. инвалид, 1855, 20, 22 февр., № 39, 40).

[3] Возможно, эти слова отвечают на выраженную И. И. Пущиным надежду на освобождение. Так, 7 марта 1855 г. он писал И. Д. Якушкину: «Я ничего не загадываю, но и не удивлюсь, если скажут: отправляйтесь куда знаете» (Пущин, с. 285).

[4] Знаменский Степан Яковлевич (1806—1877), соборный протоиерей в Ялуторовске (до 1854 г.), затем в Омске, и его сыновья Михаил (1833—1892), учитель рисования в Тобольске, и Николай.

[5] По-видимому, речь идет о стихотворении П. Л. Лаврова «Отзыв на манифест», более известном под названием «Русскому царю» (Вольная русская поэзия XIX в. Л., 1959, с. 619—629, 835). В пользу такого предположения говорит то, что Штейнгейль называет упомянутое произведение «поэзией» (в следующем абзаце), а также то, что пишет о нем же, судя по совпадающим оценкам, Я. Д. Казимирский И. И. Пущину 27 апр. 1855 г.: «Стихи не дурны, но фантастического много. Нет легче, как, сбоку смотря на кучера, критиковать его; а попробуй сам сесть на козлы да взять в руки 6-ть вожжей, так лошади понесут и экипаж набок. Нет совершенства в мире и не может быть полного счастья в мире» (ГБЛ, ф. 243, 2.5). О широком распространении стихотворения в списках см. в его первой публикации: Былое, 1907, № 2, с. 288—296. В сб. «Вольная русская поэзия XIX века» стихотворение предположительно датируется янв.—апр. 1855 г. (позже времени написания настоящего письма), однако Е. Г. Бушканец в более поздней работе датирует стихотворение апр. 1854 г. (Бушканец Е. Г. Н. А. Добролюбов и нелегальная поэзия периода Крымской войны. Казань, 1961, с. 9).

[6] Полковник — К. Я. Колен. Вложение Пущина было адресовано, вероятно, Анненковым или Свистуновым.

[7] Имеются в виду уже упоминавшиеся политические письма М. П. Погодина.

[8] И. Д. Якушкин находился в это время в Иркутске. Речь идет

о посланной в Главный совет женских учебных заведений просьбе художника В. Панаева предоставить ему место учителя рисования и чистописания в Иркутском девичьем институте.

97. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 8—9 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 229—230

[1] Штейнгейль имеет в виду возвращение из Сибири.

[2] Вероятно, речь идет о решении Штейнгейля не распространять упомянутый в письме 96 «Отзыв».

[3] Надо полагать, Пущин писал Штейнгейлю о новом царствовании то же, что Г. С. Батенькову 28 марта 1855 г.: «Что-то оно скажет в делах общественных. Покамест ничего не выражается. Как будто только вставлен один зубец вместо другого» (Пущин, с. 285).

[4] Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870), министр внутренних дел с 1852 г.; первый министр, смененный Александром II (в авг. 1855 г.).

[5] Брок Петр Федорович (1805—1875), министр финансов (1852—1858).

[6] Вел. кн. Константин Николаевич, управляющий Морским министерством (с 1853 г.) и флотом (с 23 февр. 1855 г.), либерал, один из ведущих деятелей буржуазных реформ. В подведомственном ему органе «Морской сборник» внедрял начала гласности.

[7] И. А. Анненковым.

[8] Барцов Иван Дмитриевич, исправник Ялуторовского земского суда.

98. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 19—20 об.

[1] Известная своим критическим взглядом на Россию книга А. Кюстина «La Russie en 1839». Paris, 1843. L'Indépendence Belge, интернациональная газета, выходившая в Брюсселе, ее субсидировало русское правительство.

[2] Кесарь — Кувичинский.

[3] Т. е. со днем Благовещения (24 марта).

99. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 10—11 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 230—232

[1] И. Д. Барцова.

[2] Вероятно, это упоминаемый ниже письмоводитель архиепископа Евлампия.

[3] Две записки о восточном вопросе, возможно, Б. Н. Чичерина: «Восточный вопрос с русской точки зрения» (Трубецкой С. П. Записки князя С. П. Трубецкого. СПб., 1907. Приложения, с. 123—153) и «Священный союз и австрийская политика» (Ист. сборник Вольной русской типографии в Лондоне, 1859, кн. 1, с. 145—164). Автор двух других — М. П. Погодин (Историко-политические письма..., с. 70—93).

[4] Жилин А. Л., асессор в Тобольской губернской строительной и дорожной комиссии, прежде — учитель в Ялуторовске.

[5] 20 февр. 1855 г. Александр II читал во дворце прощальный указ по военно-учебным заведениям, которыми он заведовал с 1849 г. Начальника Главного штаба по Военно-учебным заведениям Я. И. Ростовцева он поблагодарил и расцеловал (Санкт-Петерб. ведомости, 1855, 17 марта, № 60).

[6] А. Ф. Штакельберг.

[7] Речь идет об английском переводе кн.: Ranke L. Die römischen Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im 16 und 17 Jahrhundert. London, 1847—1848.

[8] Вероятно, Штейнгейль имеет в виду сообщение в разделе «Иностранные известия» о распоряжениях испанской королевы Изабеллы в связи с кончиной испанского инфанта дон Карлоса. (Санкт-Петерб. ведомости, 1855, 18 марта, № 61). До тех пор русское правительство не признавало королеву Изабеллу, вступившую на престол вместо своего дяди дон Карлоса.

[9] Ожидаемый манифест в связи с восшествием на престол был дан Александром II к Пасхе, 27 марта. Содержание его было вполне традиционно. Амнистия декабристам последовала лишь в авг. 1856 г.

[10] Лобри де Петр (1796—16 марта 1855), зять М. И. Топильского.

100. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 12—15 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 232—235

[1] Бирюлев Николай Алексеевич (1829—1882), кап.-лейтенант, флигель-адъютант, герой севастопольской обороны.

[2] Речь идет о пункте XIII Манифеста 27 марта 1855 г.: «Уменьшить также одною третью число ударов розгами, к коим присуждены осужденные за маловажные преступления...» (Санкт-Петерб. ведомости, 1855, 31 марта, № 68). «Предшествующим» манифестом Николая I (1 янв. 1826 г.) преступники, приговоренные к телесному наказанию и ссылке в Сибирь, от наказания освобождались.

[3] 19 февр. 1855 г. в речи к Государственному совету Александр II привел известные слова Николая I, характеризующие состояние России: «Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот» (Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. 1, с. 140—141).

[4] Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869), главноуправляющий путей сообщения (с 1842 г.), как и Бибиков, один из наиболее непопулярных деятелей николаевского царствования. Был сменен Александром II в окт. 1855 г. Отношение к ним царя воспринималось как признак перемены политического курса.

[5] См. примеч. 3 к письму 99.

[6] Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866), поэт, писатель, переводчик. В Литературном отделе Моск. ведомостей 7 апр. 1855 г. была напечатана его «Ода на восшествие на престол его императорского величества государя императора Александра Второго».

[7] Папкевич Александр Иванович, исправляющий должность прокурора в Тобольском губернском правлении с 1855 г.

[8] Норов Авраам Сергеевич (1795—1869), министр народного просвещения (1854—1858), писатель. В. И. Штейнгейль читает его «Путешествия» по Сицилии, Палестине, Египту и Нубии. СПб., 1853—1854, в 5 т.

[9] С апр. 1855 г. В. М. Жемчужников служил в Стрелковом полку императорской фамилии.

[10] Молчанов Константин Ефимович, инспектор Тобольской врачебной управы в 1840-х гг. Трифонов — возможно, Леонтий Григорьевич, заседатель в Ялуторовском окружном суде.

[11] Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), министр внутренних дел (1841—1852), министр уделов (1852—1856). Дядя В. М. Жемчужникова. Рескриптом 25 окт. 1854 г. на него возлагалось образование Стрелкового полка императорской фамилии.

[12] В февр. 1855 г. А. П. Ермолов был избран Московским дворянским собранием начальником губернского ополчения. Правительство заранее предприняло попытку снять его кандидатуру. Через ген.-губернатора А. А. Закревского ему был задан вопрос: если его изберут, он, вероятно, откажется? В ответном письме Ермолов писал, что считает долгом не уклоняться от выборов, но не удивится, если после вынужденного 24-летнего бездействия его признают негодным к службе. Письмо было оглашено в дворянском собрании и разошлось во множестве списков (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1899, т. 13, с. 381—382).

[13] Алексеев Денис Прохорович, помощник почтмейстера в Ялуторовске, с сент. 1855 г. — почтмейстер в Нерчинском заводе.

101. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 16—17

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 235—236

[1] В. М. Жемчужников, проезжая через Ялуторовск, познакомился с тамошними декабристами.

102. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 18—19 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 236—237

[1] А. Л. Жилиным.

[2] Екатерина Федоровна — Непряхина, тобольская жительница, близкая приятельница Н. Д. Фонвизиной, с которой они сошлись на почве религиозно-нравственных исканий.

[3] В письмах этого времени Пущин жаловался, что «набил оскомину», говоря о политике (Пущин, с. 286, 288).

[4] Речь идет о письме Ф. Ф. Матюшкина к Пущину от 25 марта или 3 апр. 1855 г. — оба были получены Пущиным 28 апр. и содержали оценку политической ситуации (ГБЛ, ф. 243, 2.27). Матюшкин, кстати, посылал Пущину вместе с письмом записку о Крымской войне, приписываемую принцу Наполеону Бонапарту, принявшему в 1854 г. участие в крымском походе и известному в этот период своими либерально окрашенными речами. Скорее всего, именно об этой записке идет речь ниже. Однако авторство ее определялось неверно, что видно из упоминания о ней в письме К. И. Иванова

к Пущину от 12 мая 1855 г.: «<...> на днях она вышла из цензуры, это та самая брошюра, которую приписывали принцу Наполеону» (ГБЛ, ф. 243, 2.1, л. 3).

[5] А. Ф. Штакельберг передал, очевидно, похвалы, с которыми В. М. Жемчужников отозвался о ялуторовских декабристах в письме к В. А. Арцимовичу. Последнему в связи с объездом губернии предстояло вновь быть в Ялуторовске, где в 1854 г. он уклонился от знакомства с декабристами, боясь продемонстрировать внимание к ним.

[6] Струве Бернгард Васильевич (1828—1889), председатель Иркутского губернского правления (1850—1855). После выхода в отставку Струве был у Пущина, и они беседовали о порядках в административном управлении Восточной Сибири (Письма Г. С. Батенькова, с. 269).

[7] Видимо, Пущин вернул Штейнгейлю рукописи, полученные последним от письмоводителя архиепископа Евлампия, и просил переписать их для него.

[8] Румянцев Павел Дмитриевич, председатель Тобольской казенной палаты.

[9] Сестра А. В. Ентальцевой — Лисовская Ольга Васильевна (1808—1861). Пущин писал о Ентальцевой, имея в виду возможную амнистию: «Я не знаю даже, куда она денется, если вздумают отпустить. Отвечала, что никого родных не имеет, хотя я знаю, что у нее есть сестра и замужняя дочь. Она и мне никогда об этом не говорит. Тут какая-то семейная тайна» (Пущин, с. 303). Дочь А. В. Ентальцевой от первого брака была воспитана родственниками отца в неприязни к матери.

103. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 21—22 об.

[1] Можно предположить, что Батеньков процитировал в письме к Штейнгейлю 19-ю строфу из своей «Тюремной песни» (в частности: «Пройдут и пробудят народы, Игрой покроют неба своды, Прольют рекой млеко и мед» — Илюшин А. А. Поэзия декабриста Г. С. Батенькова, с. 104). В 1855 г. Батеньков дважды цитировал строки из этого произведения в письмах к Пущину (Сибирь и декабристы. Вып. 2, с. 203, 210).

[2] Имеется в виду Наполеон III (1809—1873), французский император (1851—1870).

[3] Речь идет об указе, подписанном Александром II 18 апр. 1855 г.: «Об изменении в форме мундиров гражданского ведомства» (Моск. ведомости, 1855, 10 мая, № 56).

[4] Вторая амурская экспедиция двинулась тремя эшелонами, первый достиг назначения 5 мая, второй — под руководством Михаила Семеновича Корсакова (1826—1871), подполковника, состоявшего при Н. Н. Муравьеве, впоследствии его преемника (1861—1871), — 28 мая. Волконский Михаил Сергеевич (1832—1909), сын С. Г. Волконского, чиновник особых поручений при Н. Н. Муравьеве. Анненков — Федор Александрович.

[5] Арбузов Александр Павлович (1811—1878), капитан I ранга, с 1853 г. — помощник камчатского военного губернатора, впоследствии адмирала Завойко Василия Степановича (1809—1898). В авг.

1854 г. участвовал в столкновении с англо-французским десантом у Петропавловска, доказывал, что в успехе этого дела ему принадлежит решающая роль. Не сошелся с В. С. Завойко и был отставлен от должности, после чего поступил волонтером на фрегат «Аврора». В нач. мая 1855 г. навестил Пущина (Письма Г. С. Батенькова, с. 260, 304).

Гастингс Уоррен (1732—1818), ген.-губернатор Британской Индии (1773—1785), расширил владения Ост-Индской компании, увеличил ее доходы, но был отозван и судим за тираническое управление и превышение власти.

[6] Имеется в виду Епанчин Иван Петрович (1791—1875), вице-адмирал, с 1855 г.— председатель Морского генерал-аудиториата.

[7] Возвращаясь в марте 1855 г. из Иркутска в Селенгинск, Н. А. Бестужев простудился и 15 мая умер.

[8] А. П. Прокофьева — жена И. В. Прокофьева (см. письмо 129).

[9] Марья Ивановна — вернее всего, сестра Штейнгейля. В этом случае свидания — с семьей Штейнгейля в Петербурге.

104. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 20—21

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 237—238

[1] Нестором лицея Штейнгейль называет Е. А. Энгельгардта. Вместе со своим письмом он пересылает его письмо к Пущину от 23 марта 1855 г., которое привез В. М. Зданевич (ГБЛ, ф. 243, 4.39, с пометой о получении 6 июня).

[2] Речь идет об отражении атаки на Севастопольские укрепления 9—11 мая 1855 г. (Рус. инвалид, 1855, 18 мая, № 106).

[3] Каталинский Павел Петрович, надзиратель, затем учитель рисования и немецкого языка в Тобольской гимназии.

105. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 22—23 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 238—240

[1] Масленикков — ссыльнокаторжный.

[2] Пунктом IV манифеста от 27 марта 1855 г. снимались недоимки с разных крестьян, поселенных на казенных землях (значит — и в Сибири). В манифесте не указаны конкретно крестьяне, сосланные помещиками.

[3] Ф. У. Околов-Кулак, начальник Сибирского округа Главного управления почт в Тобольске. Штейнгейль должен был говорить с ним о деле Д. П. Алексеева, вскоре переведенного почтмейстером в Нерчинский завод.

[4] Сплав вооружения, а также первых поселенцев действительно был затруднен мелководьем.

[5] 8 мая 1855 г. Н. И. Пущин был назначен членом общего присутствия Строительного департамента Морского министерства с оставлением членом консультации Министерства юстиции.

[6] М. Д. Францева хлопотала в это время в Петербурге об устройстве своих сестер и братьев и жила у О. И. Ивановой.

[7] Врангель Фердинанд Петрович (1796—1870), адмирал, уче-

ный, мореплаватель, известный своими прогрессивными взглядами. Назначен управляющим Морским министерством 18 мая 1855 г. (Сев. пчела, 1855, 26 мая, № 113).

[8] Денис Прохорович — Алексеев.

[9] 12 мая 1855 г. войска союзников заняли Керчь и Еникале, 15—17 мая были обстреляны Бердянск и Геническ (Рус. инвалид, 1855, 18, 22, 24, 25 мая, № 106, 110—112).

[10] У Толбухина маяка в 16 верстах от Кронштадта стояли на якоре суда союзного флота (Санкт-Петерб. ведомости, 1855, 21, 22, 24 мая, № 109—111).

[11] Так называет Штейнгейль Г. Х. Гасфорда. Слухи, которые передает Штейнгейль здесь, а также в письме 106, оказались ложными. Как писал Пущину 22 июня Я. Д. Казимирский, «хотели было сделать из мухи слона, да нельзя — никак не приходится» (ГБЛ, ф. 243, 2.5).

[12] Рушковский (Рошковский) Адольф, ссыльный по делу Конарского, живший в Ялуторовске. О его семье см.: Летописи, кн. 3, с. 146. Почекунин Иннокентий Васильевич, чиновник особых поручений при Г. Х. Гасфорде.

[13] См. письмо 65.

[14] Возвращается, вероятно, записка, присланная Матюшкиным.

106. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 24—25 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 240—242

[1] См. примеч. 11 к письму 105.

[2] Манифестом 21 мая 1855 г. регентом в случае смерти царя объявлялся вел. кн. Константин Николаевич (Рус. инвалид, 1855, 28 мая, № 115).

[3] А. И. Барятинский 6 июня 1855 г. назначен состоять при Александре II.

[4] Поклевский-Козелло Альфонс Фомич, чиновник особых поручений при ген.-губернаторе Восточной Сибири. Ему была поручена развозка спирта с винокуренных заводов, на чем он и разбогател (Струве Б. В. Воспоминания о Сибири, с. 15—16).

107. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 23—24 об.

[1] После отъезда Н. И. Лучшева исправником на прииски в кон. 1854 г. Батеньков принял на себя попечение о вдове его брата Ольге Павловне (урожд. Маслениковой) и ее детях Константине и Анатолии. Это было связано для него с материальными затруднениями. После амнистии О. П. Лучшева с детьми приехала к Батенькову в Калугу.

[2] Возможно, имеется в виду один из 70 апостолов, ученик и спутник ап. Петра, собиравший по его поручению пожертвования неимущим христианам.

[3] Брайт Джон (1811—1889), английский политик, оратор, ведущий деятель парламентской оппозиции, выступавшей против Крымской войны. В речи на заседании нижней палаты парламента заявил, что был против начала войны, говорил о ее тяжести для страны и

народа, призывал кончить войну и возвратить мир Европе (Моск. ведомости, 1855, 9 июня, № 69).

[4] 6 июня после 4-й бомбардировки Севастополя союзники штурмовали бастионы Корабельной стороны, но были отбиты. Убито свыше 530 человек, ранено около 3400 (Рус. инвалид, 1855, 15 июня, № 130). Со стороны союзников убито около 2400 человек и ранено около 4600 (Богданович М. И. Восточная война 1853—1856 годов. СПб., 1876, т. 3, с. 387). Пелисье Жан Жак (1794—1864), маршал, главнокомандующий французских войск в Крыму.

[5] Муравьев Николай Николаевич (Карский, 1794—1866), ген. от инфантерии, наместник Кавказский (1854—1856).

[6] Александр Васильевич — Виноградский; Милордов Николай Петрович, председатель Тобольского губернского правления, в 1852—1855 гг. занимал ту же должность в Томске.

[7] Речь идет об А. Серебрякове.

108. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 26—27 об.
Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 242—243

[1] Мешалкина Матрена Михеевна, ялуторовская мещанка, ведущая хозяйство у Пущина. В нач. июня 1855 г. ее разбил паралич.

[2] Иннокентий (Вениаминов Иван Евсеевич, 1797—1879), епископ Камчатский (1840—1868), впоследствии митрополит Московский и Коломенский.

[3] Речь идет, очевидно, о передаваемых иностранными газетами слухах, что «Франция охотно придала бы будущему миру наименование «Парижского» и что для выяснения общественного мнения и мнения правительств других стран в Париже готовится конференция (Санкт-Петерб. ведомости, 1855, 11 июня, № 127).

[4] Добронравов Павел Михайлович, ехавший в Тобольск на место советника от Министерства юстиции в Совете Главного управления Зап. Сибири.

[5] Слухи о перемирии с Шамилем не имели оснований. Сын Шамиля Джемал-Эддин был возвращен отцу в обмен на русских пленных в марте 1854 г. Корпус Муравьева в Закавказье (ск. 40 тыс. человек) весной 1855 г. оттеснил турок к Эрзеруму и блокировал гарнизон Карса (33 тыс. человек). У. Ф. Уильямс — английский советник командующего гарнизоном Вассиф-паши.

109. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 28—29 об.
Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 243—244

[1] Очевидно, письмоводитель архиепископа Евлампия, упоминаемый в письме.

[2] П. Д. Румянцева.

[3] Е. П. Оболенский меньше чем за месяц похоронил двух младших сыновей, второй умер 6 июля 1855 г. (Письмо Я. Д. Казимирского к Г. С. Батенькову от 7 июля 1855 г.— ГБЛ, ф. 20, 11.36).

[4] 8 июля — день приноса Казанской иконы в Тобольск.

110. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 25—26 об.

[1] Соколов — возможно, упоминаемый в письмах 112 и 128 Философ Алексеевич.

[2] Именинница — Ольга Павловна Лучшева (именины Ольги — 11 июля). Анна Павловна — Эйсмут.

111. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 30—31

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 244—245

[1] «Что будет, то будет, а будет то, что бог даст» — слова Богдана Хмельницкого, взятые А. А. Бестужевым как эпиграф к VII главе его повести «Ревельский турнир» («Полярная звезда на 1825 год», с. 96). В письме к И. И. Пущину от 18 июля Я. Д. Казимирский приводил слова из письма дочери Волконских Е. С. Молчановой из Петербурга, «что есть полная надежда на общее возвращение». В связи с намерением Пущина отправить дочь Анну (в замуж. Палибина, 1842—1863) к М. А. Дороховой в Нижегородский девичий институт Казимирский замечал: «Я думаю, что вам самим придется везти в Нижний Аннушку, а потому не торопитесь отправкою: кажется, что 30 августа (день тезоименитства Александра II — Н. З.) или зимний путь должен решить вашу участь» (ГБЛ, ф. 243, 2,5).

[2] Черемшанский Евграф Макарович, врач Тобольской духовной семинарии. Его сын Иван, выпускник Тобольской гимназии, в 1860-х гг.— врач Тобольского приказа общественного призрения.

[3] А. Ф. Штакельберг.

[4] Речь идет о кн.: Мундт Теодор. La Guerre pour la mer Noire. Leipzig, 1855.

[5] П. С. Нахимов погиб в Севастополе 30 июня 1855 г.

112. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 27—28 об.

[1] 4 авг. 1855 г. командующий войсками в Крыму М. Д. Горчаков, следуя желанию царя и без всякой надежды на успех, предпринял сражение на Черной речке (попытку взять Федюхинские высоты) с целью отвлечь противника от Севастополя. По официальным данным, потери русских составили свыше 8 тыс. человек, по неофициальным — 10 тыс. Реад Николай Андреевич (1793—1855), ген. от кавалерии, член Государственного совета, командир 3-го пехотного корпуса. Вревский Павел Александрович (р. 1808), бар., ген.-лейтенант, ген.-адъютант, командированный Военным министерством для доставления сведений о положении дел в Крыму. Третий генерал — П. В. Веймарн, начальник штаба группы войск, находившихся под командой ген. Реада.

113. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4,37, л. 32—34 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 245—247

[1] Пущин посылал друзьям летом 1855 г. брошюры иностранных авторов — о Крымской войне и Венских конференциях (Письма Г. С. Батенькова, с. 262—263).

[2] Вяземский П. А. Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient publiées par P. d'Ostafiewo. Lauzanne, 1855.

[3] См. примеч. 1 к письму 111.

[4] См. примеч. 1 к письму 112. Донесение М. Д. Горчакова см.: Рус. инвалид, 1855, 12 авг., № 175.

[5] «Слово» было произнесено в Одесской Успенской церкви 17 июля 1855 г. по возвращении Иннокентия из Севастополя, оно посвящалось героической обороне города.

[6] Левшин Дмитрий Сергеевич (1801—1871), ген.-майор, инспектор учебных карабинерных полков и заведений военных кантонистов, состоял при Департаменте военных поселений.

[7] Татаринов Александр Алексеевич (ум. 1886), доктор медицины, писатель, синолог, первый русский консул в Чугучаке (1855—1859). Вследствие разгрома русского консульства и фактории городскими низами с целью грабежа вынужден был скрыться в ближайший пограничный пост Бахты.

[8] У Д. В. Молчанова к этому времени отнялись ноги и появились признаки сумасшествия. Мария Николаевна — Волконская, получившая разрешение выехать в Москву для лечения.

[9] Речь идет об Н. Н. Муравьеве (Карском) и Н. Н. Муравьеве (Амурском).

114. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 35—36

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 248

[1] Е. И. Якушкин летом 1855 г. приезжал навестить отца.

[2] Генерал — Д. С. Левшин. Он и П. С. Бобрищев-Пушкин одновременно воспитывались в училище колонновожатых Н. Н. Муравьева.

115. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 29—30 об.

[1] Матф. 10.22.

[2] Притчи. 1.7.

[3] Гей-Люссак Жозеф Луи (1778—1850), известный французский химик и физик.

[4] См. примеч. 2 к письму 58.

[5] Призывая в 1852 г. к восстановлению империи, Наполеон III сказал: «Говорят, что империя поведет за собой войну. Нет! Империя — это мир!» (Цит. по: Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. М., 1959, т. 18, с. 382).

[6] Ядринцев Михаил Яковлевич (ум. 1856), сибирский купец, управляющий частными делами по откупам, хороший знакомый и работодатель Штейнгейля, последние годы жизни жил в Тюмени, ранее — в Тобольске.

116. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 37—38 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 248—250

[1] Речь идет о книге бельгийского писателя Виктора Жоли (1807—1870), редактора журнала «Sancho»: Mensonges et realités de la guerre d'Orient. Par Victor Joly. Bruxelles, 1855. Пущину ее должен был выслать Ф. Ф. Матюшкин, как явствует из его письма от 3 апр. 1855 г. (ГБЛ, ф. 243, 2.27).

[2] 27 авг. 1855 г. Севастополь был оставлен русскими войсками.

[3] Скорее всего, имеется в виду Я. И. Ростовцев, возможно, названный так Александром II во время чтения приказа по военно-учебным заведениям 20 февр. 1855 г. (см. примеч. 5 к письму 99). В прессе эти слова не появились, но могли дойти до Сибири в пересказе. Может быть также, что Штейнгейль вспоминает слова благодарности, которыми Николай I заключил разговор с Ростовцевым накануне восстания декабристов: «Наградой тебе — моя дружба» (Рус. старина, 1889, № 9, с. 636). Содержание разговора Ростовцев передал К. Ф. Рылееву, а тот — Штейнгейлю.

[4] См. письмо 82 и примеч. 2 к нему.

[5] Речь идет о незаконных детях, Марии и Андрее, впоследствии Бароновых (см. о них письмо 139).

[6] В конце лета 1855 г. М. К. Юшневская получила разрешение выехать из Сибири. Она двинулась в путь только 20 декабря. Суть инцидента между нею и Штейнгейлем, происшедшего вследствие рассказа декабриста И. С. Повало-Швейковского (ум. 1845), не ясна. По упоминаниям в декабристской переписке можно догадываться, что ссора случилась в 1836 г. при отъезде Штейнгейля из Петровского Завода (Письмо Ф. Б. Вольфа к Фонвизиным, 11—12 ноября 1836 г.— В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975, с. 281; письмо М. К. Юшневской к К. П. Ивашевой, 16 окт. 1836 г.— ГБЛ, ф. 112, 5788.6, л. 6). Штейнгейль, видимо, имел обыкновение подтрунивать над Юшневской (декабрист Н. А. Загорецкий, например, описывал М. М. Нарышкину 31 авг. 1842 г. свой сон, в котором видел Штейнгейля, рассказывающего «какой-то анекдот о Марье Казимировне»— ГБЛ, ф. 133, 5824.11).

[7] Речь идет о возможности для А. В. Ентальцевой, подобно М. К. Юшневской, выехать из Сибири и о прошении на имя шефа жандармов А. Ф. Орлова.

[8] Сент-Анж Фарио де (1787—1860), французский публицист, печатал статьи по военным вопросам в Journal des Débats. Полководец — М. Д. Горчаков, допустивший бесполезное кровопролитие на Черной речке 4 авг. 1855 г.

117. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 39—40 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 250—252

[1] Очевидно, Пущин писал, что он сделал бы на месте Александра II («второй»).

[2] М. Д. Горчаков пытался представить Н. А. Реада виновным в поражении на Черной речке, тогда как Реад лишь исполнял преступные в военном отношении инструкции Горчакова (Тарле Е. В. Крымская война.— Соч. М., 1959, т. 9, с. 437—447).

[3] Вероятно, Корчемкин Михаил Васильевич, екатеринбургский купец 1-й гильдии, член Тобольского тюремного комитета.

[4] Речь идет о материальной помощи Штейнгейлю или о возможном приработке для него. Рюмин — возможно, Михаил Якимович, в 1844 г.— вице-директор Департамента Министерства юстиции (в то время, когда зять Штейнгейля — М. И. Топильский был правителем канцелярии министерства; именно с ним Штейнгейль не желал поддерживать отношения), в 1855 г.— обер-прокурор Общего собрания московских департаментов Сената.

[5] Пирогов Н. И. Вопросы жизни.— Мор. сборник, 1856, № 9, с. 559—597. Список еще не опубликованной статьи послал Пущину Н. И. Пущин с письмом от 4 июня 1855 г. (ГБЛ, ф. 243, 3.4).

[6] Имеется в виду статья М. П. Погодина, посвященная приезду в Москву Александра II — Моск. ведомости, 1855, сент., № 109.

[7] Надеждин Николай Иванович (1804—1856), критик, историк. Слух о том, что он автор «Политических писем», не имел основания.

118. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 41—42 об.
Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 252—253

[1] В. В. Штейнгейль женился в ноябре 1855 г. на Людмиле Петровне Анжу (1834—1897).

[2] Ир — одно из действующих лиц «Одиссеи», бедняк, попрошайка.

[3] В сент. 1855 г. союзный флот высадил десант под Новороссийском, но минные заграждения помешали ему прорваться к Николаеву. В середине октября англо-французская эскадра бомбардировала Кинбурн, крепость была взята, но произвести высадку и занять Николаев союзники не решились.

[4] Семенов — возможно, Григорий Иванович, столоначальник канцелярии совета Главного управления Зап. Сибири.

119. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 43—44 об.
Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 253—254

[1] Шешуков Андрей Трофимович, заседатель Нижнеудинского земского суда (кон. 1840-х гг.). Рекомендуемый ему ходатай — вероятно, Беляев Николай Иванович, регистратор 5-го департамента Сената (1840—1850-е гг.).

[2] Е. В. Путятин, окончив кругосветное плавание, прибыл в Николаевск к Н. Н. Муравьеву, который был вынужден отдать в его распоряжение единственный маленький речной пароход для возвращения в Сибирь по Амуру, а сам остался в Николаевске.

[3] В июле 1857 г. А. Ф. Штакельберг привез сына Штейнгейля Андрея в Петербург и в августе определил его в ревельскую гимназию с намерением в дальнейшем перевести его в Дерпт. Однако после женитьбы в 1858 г. Штакельберг отказался от своих обязательств. В янв. 1859 г. он объявил Штейнгейлю, что не в состоянии содержать долее его сына в пансионе.

120. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 45—46

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 254

[1] Речь идет о деле карелки Анны Егоровны Меотц, бывшей лютеранки (см. письмо П. С. Бобрищева-Пушкина к Пущину от 10 ноября 1855 г.— ГБЛ, ф. 243, 1.20, л. 46, 48; см. о ее деле также письма 123, 125, 126).

[2] Коханович, ген.-майор, начальник гарнизона крепости Кинбурн, сдавшийся в плен вместе со всем гарнизоном (Богданович М. И., Восточная война..., т. 4, с. 187—189).

[3] Корф Федор Христианович, ген.-лейтенант, начальник резервной уланской дивизии. Вследствие собственной оплошности потерял под Евпаторией в сент. 1855 г. свой отряд (ок. 220 человек ранеными и убитыми). Был выслан из армии (там же, с. 180—182).

121. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 47—48 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 254—256

[1] Вести относились к Е. В. Путятину и Н. Н. Муравьеву (см. примеч. 2 к письму 119).

[2] С. И. Сененко — см. ниже, в этом же письме.

[3] О каком распоряжении пишет Штейнгейль, установить не удалось.

[4] Юноша — А. Ф. Штакельберг.

[5] Свое управление Морским министерством и флотом вел. кн. Константин Николаевич начал с объективной и тщательной ревизии ведомства. Одновременно он обновлял чиновничий аппарат.

[6] В 1852 г. по инициативе главноуправляющего II Отделением с. е. и. в. канцелярии Д. Н. Блудова был создан комитет для разработки устава гражданского судопроизводства, закончивший свою работу в 1857 г. (Джаншиев Г. А. С. И. Зарудный и судебная реформа. М., 1883, с. 24—33).

[7] Беседа касалась, скорее всего, обязательств Н. Н. Анненкова по выплате денег за полученные по разделу между родственниками имения И. А. Анненкова, которые он не выполнял (См. письмо И. А. Анненкова к О. И. Ивановой от 9 июня 1855 г.: Анненкова, с. 254—255). «Сущие разбойники» — писал об этих родственниках К. И. Иванов Пущину 12 мая 1855 г. (ГБЛ, ф. 243, 2.1, л. 4).

122. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 31—31 об.

[1] Письмо приписано к письму А. Серебрякова (л. 32 об.)

[2] Е. В. Путятин прошел из Японии в Николаевск, несмотря на столкновения с английскими военными судами.

[3] М. Я. Ядринцевым.

123. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 49—50 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 256—257

[1] 16 ноября Пущин должен был отвечать на письмо Штейнгейля от 10 ноября. Дивизионный начальник — Ф. Х. Корф. Чернышев — Александр Иванович, военный министр.

[2] 3 окт. 1855 г. Александр II подписал манифест и указ Сенату о рекрутском наборе с 15 нояб. по 21 дек. 1855 г. (Рус. инвалид, 1855, 12 окт., № 221). Всеобщее одобрение — рекрутскому набору.

[3] Речь была произнесена Иннокентием при проезде Александра II в Крым через Одессу 23 окт. 1855 г. (Моск. ведомости, 1855, 10 нояб., № 135).

[4] Иннокентий (Вениаминов).

[5] О П. Г. Ольденбургском см. примеч. 113 к АЗ.

[6] Траверсе — Николай Александрович; Паткуль Александр Владимирович (1817—1877), командир л.-гв. Павловского полка, ген.-майор свиты Александра II.

124. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 51—52 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 257—258

[1] Николай Николаевич, вел. кн. (1831—1891), третий сын Николая I, 25 янв. 1856 г. женился на принцессе Александре Петровне Ольденбургской.

[2] Давыдов Алексей Козьмич (1790—1857), директор Морского кадетского корпуса (1855—1857).

125. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 53—54 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 258—261

[1] Гарнизон Карса капитулировал 16 нояб. 1855 г., после чего армия Омер-Паши отошла к Сухуму, а в февр. 1856 г. отплыла в Трапезунд.

[2] П. С. Бобрищев-Пушкин жил у П. Н. Свистунова.

[3] Имеется в виду 25-летие польского восстания 1830—1831 гг. (началось 17 нояб. 1830 г. в Варшаве). Сенатор — И. Ф. Паскевич, командующий русскими войсками при подавлении восстания, затем наместник Царства Польского.

[4] П. И. Рикорд.

[5] Краснокутский Михаил Гаврилович, окружной начальник в Таре (1851—1854).

[6] См. письмо 24 и примеч. 1 к нему.

[7] В Revue des deux Monde, 1855, т. 11 была помещена статья Сент-Рене Талландье «La Siberie au dix-neuviéme siècle» — обзор нескольких записок путешественников по Сибири. На с. 632 передается рассказ Ганстена (из кн.: Reise-Erinnerungen aus Sibirien, von Christoph Hansteen, Leipzig, 1854) о встрече в Енисейске с неким капитаном Пущиным, декабристом. Поскольку текст обзора довольно глухой, то лицо, сообщившее об этом Пущину, могло предпо-

ложить, что речь идет о нем (сам Пущин, вероятно, понял бы, что это не так). В действительности Ганстен рассказывает в своей книге (см. с. 109) о встрече с Н. С. Бобрищевым-Пушкиным, ошибочно передав фамилию «Пушкин» как «Пущин».

[8] Т. Ф. Прокофьеве.

[9] Н. В. Басаргиным.

[10] Вероятно, речь идет о двух номерах журнала «Sancho», где в окт.-нояб. 1855 г., должно быть, была перепечатана «Декларация» В. Гюго против Наполеона III, написанная 17 окт. 1855 г. (Hugo V. Oeuvres complètes. Paris, б. г., т. 31, с. 208—209).

126. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 55—56 об.

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 261—262

[1] До этого времени В. А. Арцимович был исправляющим должность тобольского губернатора.

[2] Имеется в виду очередная выдача пособия от казны.

[3] Первый в Сибири университет появился только в 1888 г. в Томске, хотя его проекты существовали с нач. XIX в.; до 1860-х гг. предполагалось, что он будет в Тобольске (см.: Первый сибирский университет.— Вестник Европы, 1879, № 11).

[4] Декабрист В. Л. Давыдов умер 24 окт. 1855 г. в Красноярске.

127. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 33—34 об.

[1] См. примеч. 3 к письму 125.

[2] Указом от 23 нояб. разрешалось принимать в университеты неограниченное число студентов.

128. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 35—36 об.

[1] Троватор — Трубадур (от итал. trovatore). Слова из партии Манрико в опере Дж. Верди «Трубадур», 1853 г. (сцена перед казнью).

[2] «Маремьяна-старица» — Пущин, которого друзья называли так за постоянные хлопоты о других (от пословицы: «Маремьяна-старица обо всех плачется») и даже придумали слова «маремьянство» и «маремьянствовать». Судя по упоминанию Пущина в письме к Н. Д. Фонвизиной, благотворителем был кто-то из Ялуторовска (Пущин, с. 297).

129. О. В. Андрониковой

ОПИ ГИМ, ф. 279, ед. 10, л. 50—51 об.

Приложен конверт с пометой А. Г. Достоевской о получении этого письма от А. П. Созонович

[1] С сент. 1856 г. О. В. Андроникова жила в Твери у дочери А. А. Казанской (см. письма О. В. Андрониковой к Пущину: ГБЛ, ф. 243; 1.2, л. 9—12).

[2] Т. е. «преткновение».

[3] П. С. Бобрищев-Пушкин с братом в янв. 1856 г. получили разрешение вернуться в Тульскую губ., в имение их сестры Марии Сергеевны Бобрищевой-Пушкиной (1809—1868). Они выехали 1 февр. 1856 г.

[4] В. А. Андроников (1826—1882), сын О. В. Андрониковой, чиновник Тобольского губернского управления. Дальше речь идет о предполагаемой женитьбе И. И. Шиллинга.

[5] Петр Павлович — Ершов, Фекла Васильевна — Шабанова.

130. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 37—38 об.

Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 267—268

[1] Ответ на письмо Г. С. Батенькова от 15 апр. 1856 г. (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2468, л. 94—96; Рус. старина, 1889, № 8, с. 340, с купюрами).

[2] 16 мая Батеньков отвечал, что письмо Штейнгейля от 3 февр. 1855 г. получено, а затерялся ответ на него (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2468, л. 96).

[3] Речь идет о супругах Ядринцевых. В день кончины,— пишет Батеньков, М. Я. Ядринцев «непременно требовал показать ему тот листок, где написано о мире; с усилием зрения прочел и, перекрестясь, произнес уже последнюю молитву и благодарение» (Рус. старина, 1889, № 8, с. 340).

[4] Батеньков писал: «Есть много, мой милый друг, удостоверений, что в нынешнее лето располагаются отпустить нас, и даже выражено желание увидеть и разглядеть» (там же).

[5] Имеются в виду Александр I и Александр II.

[6] Штейнгейль подразумевает роль М. Н. Волконской в судьбе дочери (Батеньков писал, что ей «довелось уже понести крест едва ли не в ту же меру, как и родителям» — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2468, л. 95 об.).

131. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 39—40 об.

[1] См. письмо Батенькова к Штейнгейлю от 16 мая 1856 г.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2468, л. 96—98 об.; Рус. старина, 1889, № 8, с. 340—341, с купюрами.

[2] Батеньков писал, что наказание, их постигшее, ему казалось сначала «вопиющею несправедливостью, притом кое-как приподнимался в уровень, а теперь уже смешно было бы отталкивать от себя понесенный крест» (Рус. старина, 1889, № 8, с. 341).

[3] В ответном письме от 4 июля 1856 г. Батеньков сообщил, что «это передали проезжие» (там же, с. 343).

[4] Микромегас — герой одноименной философской повести Вольтера. В сравнении с земными жителями он, инопланетянин, так велик, что с трудом может разглядеть их в лупу.

[5] Миллер Николай Иванович (р. 1809), директор Александровского лицея (1853—1877).

6 Статья эта появилась в окт. 1856 г. (Тридечный. Замечания старого моряка.— Мор. сборник. 1856, т. 25, № 12, смесь, с. 1—9. Ответ на статью Вс. Мельницкого «Адмирал Петр Иванович Рикорд и его современники».— Там же, 1856, т. XX, № 2, часть неофиц., с. 219—308).

7 А. Н. Лещов (1827—1902), столоначальник канцелярии совета Главного управления Западной Сибири.

132. Александру II

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 81—82 об.

1 Лука. 4.18 (во отраду — на свободу).

2 Ответа на это письмо Штейнгейль не получил и с явным нажимом выражал в АЗ уверенность, что царь его и не видел (см. с. 141). Это, конечно, не так, и в деле в III Отделении содержатся следующие документы, связанные с настоящим письмом: 1) 25 окт. 1856 г. по распоряжению царя письмо препровождается В. А. Долгорукову, и тот просит представить ему «доклад с соображениями» (ДШ, л. 80); 2) Доклад и справка от 1 нояб. 1856 г. с напоминанием, что на просьбу А. П. Елагиной о возвращении Г. С. Батенькова в Москву царь санкционировал отказ В. А. Долгорукова, «дабы не предоставить Батенькову бóльшей милости против других декабристов и не подать им повода к подобным же просьбам», на основании чего III Отделение считает и для Штейнгейля жительство в столицах невозможным, если царь не сделает для него исключения. Просьба о возвращении медали решительно отклоняется, так как знаки отличия и чины «никому из декабристов при всемилостивейшем ныне прощении их возвращены не были» (там же, л. 84—85); 3) Делопроизводственная записка: «По этому докладу никакого распоряжения делаемо не было, но вскоре после того ему дозволено было проживать в С.-Петербурге» (там же, л. 83); см. примеч. 1 к след. письму.

133. Я. И. Ростовцеву

ЦГАОР, ф. 1155, оп. 1, д. 2175, л. 1

1 Эта просьба не побудила Я. И. Ростовцева обратиться наверх. Он написал В. А. Долгорукову только 26 нояб. 1856 г., чтобы переслать ему письмо Вяч. Штейнгейля от 16 нояб., в котором тот просил Ростовцева о ходатайстве: «дозволить мне приютить отца у меня в доме и успокоить последние дни его злополучной жизни» (ДШ, л. 93—95). Однако его просьбу опередило настойчивое ходатайство шефа Вяч. Штейнгейля, попечителя лицея принца П. Г. Ольденбургского. Он писал В. А. Долгорукову 22 нояб. 1856 г.: «<...> нахожу, что запрещение престарелому отцу его въехать в С.-Петербург, лишая 76-летнего старца возможности соединиться с семейством и пользоваться необходимыми в его летах попечениями детей, уничтожает некоторым образом для него благодеяние всемилостивейшего прощения <...>» (там же, л. 88—88 об.). На доклад об этом ходатайстве последовало 25 нояб. 1856 г. высочайшее разрешение, о чем 27 нояб. В. А. Долгоруков и известил Ростовцева (там же, л. 96).

134. И. А. Анненкову

ИРЛИ, ф. 6, № 12, л. 1—2 об.

[1] К Штейнгейлю приехали оба сына — Вячеслав и Владимир (ДШ, л. 87).

[2] Именно нерешительность и медлительность, свойственные И. А. Анненкову, задержали его в Сибири — сначала боязнь зимнего пути, затем болезнь и слабость после нее, в результате Анненковы выехали только в июле 1857 г.

[3] Генерал — А. К. Дометти или Я. Д. Казимирский.

[4] Штейнгейль имеет в виду попечение об оставленной в Тобольске семье.

135. И. А. Анненкову

ИРЛИ, ф. 6, № 12, л. 3—4 об.

[1] Ф. М. Башмакову еще в 1853 г. было разрешено выехать из Сибири — по ходатайству его дальнего родственника А. А. Суворова (слухи о назначении последнего не оправдались). Но он по старости остался в Тобольске, где и умер. С нач. 1856 г. ему должны были помогать родственники (Пущин, с. 317—318).

[2] Румянцева — жена П. Д. Румянцева. О Маше см. письмо 190. Кроме этого нам известно о ней только то, что она «умерла замужем в Сибири» (из письма А. П. Созонович к А. Г. Достоевской от 16 июня 1879 г.— ГБЛ, ф. 93. II, 8.65, л. 2 об.).

[3] Имеется в виду дача Н. И. Пущина на взморье под Петербургом, однако в марте Пущин жил в самом городе, что было разрешено в связи с его болезнью (Пущин, с. 316).

[4] Дети Анненковых Владимир (1831—1897), Николай (1837—1872) и Наталья (1842—1894).

136. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 181—186 об.

[1] По предложению Первой Амурской компании М. А. Бестужев взялся сплавить грузы по Амуру до Николаевска, а затем отправиться в Америку для заказа там пароходов и других коммерческих операций. Поездка в Америку не состоялась, но Бестужев совершил плавание по Ингоде и Шилке, затем по Амуру до Николаевска, где он провел осень и зиму 1857—1858 гг. (см. подробнее: Азадовский М. К. Путевые письма декабриста М. А. Бестужева (Забайкалье и Амур).— Забайкалье. Чита, 1952, кн. 5, с. 206—242).

[2] Рейнеке Михаил Францевич (1801—1859), вице-адмирал, гидрограф, с 1855 г.— председатель Морского ученого комитета, директор гидрографического департамента. Товарищ М. А. Бестужева по Морскому кадетскому корпусу.

[3] См. письмо 65.

[4] См. письмо 66. Кузен — И. А. Анненков.

[5] Возможно, здесь описка, и имеется в виду Разгильдяев Анемподокл Александрович, сын майора Разгильдяева Александра Ивановича, с семьей которого был дружен в Акшинской крепости В. К. Кюхельбекер (в 1842 г. семья переехала в Кяхту).

[6] Митрополит Московский — Филарет; о Евгении (Казанцеве) см. примеч. 200 к АЗ.

[7] Из донесения тверского губернатора явствует, что, приехав

в Тверь, Штейнгейль остановился в гостинице Миллера, а на другой день переехал в дом надв. советника Казанского, где жил до 3 нояб., когда переехал в Колпино (ДШ, л. 87). Казанский Гавриил Петрович, член Строительной и дорожной комиссии в Твери, зять О. В. Андрониковой; о Платоне (Казанском) см. примеч. 201 к АЗ.

[8] Извещение III Отделения о разрешении на въезд датировано 26 нояб. (ДШ, л. 90—92), т. е. сын прискакал немедленно.

[9] А. В. Голенищев, ген.-лейтенант, состоящий по Морскому министерству; Н. Ф. Ломен, командир 6-го рабочего экипажа Балтийского флота, сын Ф. Я. Ломена (ум. 1882), вице-адмирала.

[10] Богданович Лука Федорович (1779—1865), адмирал, член Адмиралтейств-совета.

[11] О Колзаковых и И. М. Бегичеве см. примеч. 121 к АЗ.

[12] Может быть, Северюков Александр Федорович, ген.-майор, состоящий по Морскому министерству.

[13] Шулепниковы: Александра Сергеевна (в замуж. Готовцева, 1787—1866), игуменья Петербургского Воскресенского монастыря (с 1845 г.), Михаил Сергеевич (1778—1842), директор Аудиториатского департамента Морского министерства (1837—1842), Роман Сергеевич (1782—1851), вице-директор Кораблестроительного департамента (1830-е гг.), Николай Сергеевич (ум. 1857).

[14] Григорий (Постников Георгий Петрович, 1784—1860), митрополит Петербургский с 1856 г., до 1826 г. был викарием Санкт-Петербургским.

[15] Афанасий (Соколов А. Г.), с 1853 г. архиепископ Томский, затем Иркутский, с 1856 г.— Казанский.

[16] Ф. П. Толстой (1783—1873), соученик Штейнгейля по Морскому корпусу, председатель Коренной думы Союза благоденствия, живописец, скульптор и медальер, вице-президент Академии художеств (1828—1859).

[17] А. И. Гинц, управляющий конторой Царско-Славянского имп. имения.

[18] Жена М. А. Бестужева с 1853 г.— Мария Николаевна (урожд. Селиванова, ум. 1867).

[19] Н. Н. Муравьеву-Амурскому.

137. В. В. Варгину

ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 1022, л. 6—7 об.

[1] О В. В. Варгине см. примеч. 165 к АЗ.

[2] Младшего брата адресата звали также Василий Васильевич.

[3] С. Ф. Суворов (1792—1866), товарищ статс-секретаря, управляющего I Отделением с. е. и. в. канцелярии, директор Инспекторского департамента.

[4] Речь идет о кн. А. А. Суворове, это был старый друг семьи Варгиных, «всегда с редким бесстрашием старавшийся защитить их от гонений военного министерства» (Л я с к о в с к и й В. Н. Указ. статья, с. 121 и примеч. 185 к АЗ).

[5] Т. е. в Петропавловской крепости.

138. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 41—42

[1] 7 мая 1857 г. Батеньков писал Пущину, будучи больным (Летописи, кн. 3, с. 43).

[2] Поездка Пущина в Киев не состоялась.

[3] Гонигман (Honigmann) Федор Иванович (1785—1872), ветеринарный врач дворцовой конюшенной конторы, в молодости служил в Томске, был в одной с Батеньковым масонской ложе (honig — сладкий, мед, mann — человек — нем.). Штейнгейль дает другое написание фамилии и в соответствии с ним русскую транскрипцию: Гонихман.

139. Александру II

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 97—97 об.

[1] 24 мая 1857 г. III Отделение обратилось с запросом в Министерство юстиции, 9 мая В. Н. Панин ответил, что просимые милости возможно дать, но «без каких-либо прав по наследству, по их происхождению», 11 июня 1857 г. Штейнгейль был об этом извещен, а 18 июня последовало соответствующее постановление Сената (ДШ, л. 98—102 об.). В 1875 г. Андрей Баронов, тогда штатный смотритель Торопецкого уездного училища (Псковской губ.), ходатайствовал о «предоставлении ему звания и фамилии его покойного отца». Прошение не имело успеха (ДШ, л. 143—145).

140. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 8, л. 288—291 об.
Летописи, кн. 3, с. 389—390

[1] Пущин послал Штейнгейлю 200 р. от малой артели, созданной декабристами при выходе на поселение для помощи нуждающимся товарищам (см. письмо 179).

[2] Наверное, имеется в виду жена Ф. П. Толстого Анастасия Ивановна (урожд. Иванова, 1816—1889). По всей видимости, она приводила Штейнгейлю пример своих и мужа небезуспешных хлопот за Т. Г. Шевченко, который и был освобожден месяц спустя.

[3] Извещение от 11 июня было подписано Александром Егоровичем Тимашевым (1818—1893), с 1856 г. — начальником штаба Корпуса жандармов и управляющим III Отделением.

[4] Имеется в виду женитьба И. И. Пущина на Н. Д. Фонвизиной (22 мая 1857 г.).

[5] Данзас Борис Карлович (1799—1868), выпускник Царскосельского лицея 2-го выпуска, сенатор (с 1851 г.).

[6] Николай Иванович — Пущин. Сведений о Николае Никитиче найти не удалось.

[7] О Н. И. Тургеневе см. примеч. 206 к АЗ.

[8] «Тобольские губернские ведомости» начали выходить в конце апр. 1857 г.

[9] См. примеч. 21 к письму 78. Гагарин Иван Сергеевич (1814—1882), чиновник Министерства иностранных дел, состоял при русских миссиях за границей. В 1842 году перешел в католичество,

в 1843 г. вступил в орден иезуитов, был священником, а не епископом. Его кн.: La Russie sera-t-elle catholique? (Будет ли Россия католической?). Paris, 1856, была переведена на несколько языков и вызвала большую полемику. Рецензия, подписанная: «Izalguier», имеет то же название, что и сочинение Гагарина,— Revue de Paris, 1857, № 9, с. 95—107.

141. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 43—44 об.

[1] Прокопович Феофан (1681—1736), проповедник и государственный деятель, сторонник петровских реформ. Цитируется его «Слово на погребение Петра Великого» (Панегирическая литература Петровского времени. М., 1979, с. 279).

142. В. В. Варгину

ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 1022, л. 4—5 об.

[1] Игнатьев Павел Николаевич (1797—1879), гр., петербургский военный ген.-губернатор (1857—1861).

[2] О В. Ф. Адлерберге см. примеч. 53 к ЗВ.

[3] В Мор. сборнике перевод Штейнгейля не появился. Возможно, он переводил Грина, которого упоминает в письме 147.

143. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 9, л. 51—52 об.

Летописи, кн. 3, с. 391—392

[1] Об отношении Пущина к Н. И. Тургеневу можно судить по его фразе в письме к Батенькову от 13 мая 1857 г.: «Я его не увижу, если он сам не отыщет, а он отыскивать не будет, как я полагаю, после напечатанной им книги» (Пущин, с. 320; см. еще там же, с. 332).

[2] В 1857 г. появились, кроме тобольских, «Иркутские губернские ведомости», их редактор — Спешнев Николай Александрович (1821—1882), петрашевец, вышедший по амнистии 1856 г. с каторги на поселение. Его брат — Спешнев Яков Тимофеевич (ум. 1865), воспитатель Александровского лицея (1844—1856), затем директор Училища глухонемых.

[3] Вероятно, Глинка Владимир Андреевич (1790—1862), член Союза благоденствия, избежавший следствия, затем главный начальник уральских горных заводов, ген. от артиллерии, сенатор, член Военного совета. Дальний родственник декабристов Кюхельбекеров.

[4] См. письмо 144.

[5] Францевой.

144. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 9, л. 95—96

Летописи, кн. 3, с. 392

[1] В. М Голицын (1803—1859), член Северного общества, осужден по VIII разряду, сослан в Киренск, затем служил на Кавказе,

с 1853 г. жил под надзором в Москве. Пущин по приезде из Сибири почти все время болел, его мучила слабость, одышка (см. его июльские письма: Пущин, с. 322—323).

145. Г. С. Батенькову

ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 1, ед. 81, л. 21,
список конца XIX в. рукой неуст. лица. Автограф хранился в музее г. Белева Московской обл. и погиб во время Великой Отечественной войны. Еще один список, ошибочно датированный 1887 г.,
1930-х гг.: ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 680
Летописи, кн. 3, с. 393

[1] Жену Ф. И. Гонигмана звали Софья Андреевна. Письма Гонигмана к Батенькову, с упоминанием, в частности, Штейнгейля, см.: ГБЛ, ф. 20, 11.5.

[2] Вероятно, упоминается Иван Михайлович Долгоруков (Долгорукий, 1764—1823), поэт, мемуарист, с которым Штейнгейль был дружен в Москве.

146. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 9, л. 123—124 об.
Летописи, кн. 3, с. 393—394

[1] М. И. Пущин (1800—1869), брат декабриста, капитан гвардии, участвовал в подготовке восстания 14 дек. 1825 г., осужден по X разряду, служил в Сибири и на Кавказе, в 1831—1855 гг. был на гражданской службе. Указом от 27 июля 1857 г. «во внимание к отличной службе и безукоризненному поведению» ему возвращено воинское звание, впоследствии он ген.-майор, с 1865 г.— комендант Бобруйской крепости.

[2] Этот слух не имел никаких оснований.

[3] Корф Модест Андреевич (1800—1876), выпускник Царскосельского лицея 1-го выпуска, директор Публичной библиотеки (1849—1861), с 1855 г.— председатель негласного комитета по надзору за книгопечатанием. Речь идет о 3-м издании его известной книги (СПб., 1857 г.; первые два — «не для публики»), фальсифицировавшей историю восстания декабристов. Пущин писал, что «с отвращением прочел ее» (Пущин, с. 327).

[4] В. П. Кочубей, ближайший друг Александра I, посланник в Константинополе, в 1802—1812 и 1819—1825 гг.— министр внутренних дел, с 1827 г.— председатель Государственного совета и Комитета министров. В письме к нему от 10 мая 1796 г. цесаревич Александр Павлович, впервые высказывая свое желание отказаться от престола, с презрением отзывался о «придворной сцене», о низостях и пресмыкательстве тех, кто занимает «высшие места» (Корф М. А. Указ соч., с. 3—6, 228).

147. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 9, л. 145—146 об.
Летописи, кн. 3, с. 394—395

[1] М. И. Пущин с женой Марией Яковлевной (урожд. Подкользиной, ум. 1895) 5 авг. 1857 г. приехал в Марьино (Пущин, с. 325, 433).

[2] По-видимому, поведение архиепископа Евлампия, о котором Штейнгейль писал в письмах 124 и 125, повело к тому, что 30 июля 1856 г. он был уволен из Тобольской епархии. Управлял позднее Свияжским монастырем.

[3] С учетом интереса Штейнгейля к естественным наукам можно предположить, что он занимался переводом какой-то статьи Джорджа Грина (1793—1841), английского математика и физика.

[4] Первый лист «Колокола», еженедельной газеты А. И. Герцена и Н. П. Огарева, вышел 22 июня (4 июля) 1857 г. В разделе «Правда ли?» восемь раз повторялся этот вопрос в связи с известиями о разных злоупотреблениях.

[5] Вел. кн. Константина Николаевича.

[6] Сазиков Игнатий Павлович (1795—1868), владелец серебряных изделий в Москве.

148. В. В. Варгину

ЦГАОР, ф. 1463, оп. 2, д. 1022, л. 2—3 об.

[1] Агент III Отделения 14 янв. 1858 г. доносил: «Кажется, что бар. Вл[адимир] Штейнг[ейль] не думает оставаться у сына, потому что он только что получил приглашение от одного богатого русского купца из Москвы, который зовет его приехать кончить свои дни в его семье, обещая ему даром весь комфорт, которого требует его преклонный возраст. Говорят, что он хочет принять это приглашение и попросить, чтобы ему разрешили въезд в Москву» (подлинник — на франц. яз.; ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, ед. 1979, л. 1). Имени купца агент не знал. Из сопоставления его донесения с публикуемыми письмами Штейнгейля к Варгину ясно, что этим купцом был Варгин. То, что Штейнгейль думал о принятии предложения, говорит о его положении в семье сына.

149. Д. И. Завалишину

ОПИ ГИМ, ф. 213, ед. 168, л. 1—4
Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее
П. И. Щукина. М., 1901, ч. 9, с. 372—374

[1] Д. И. Завалишин (1804—1892), лейтенант флота, член Северного общества, осужден по I разряду, на поселении с 1839 г. в Чите, после амнистии остался в Сибири.

[2] М. А. Бестужева.

[3] Родственная связь П. П. Штейнгейль с матерью и сестрой Завалишина неясна.

[4] Д. И. Завалишин был женат первым браком на дочери горного чиновника Семена Ивановича Смольянинова Аполлинарии (ум. 1847).

[5] У М. А. Бестужева было четверо детей: Елена (1854—1867), Николай (1855—1864), Мария (1860—1873) и Александр (1863—1876).

[6] Батеньков жил после амнистии в тульском имении своих друзей Елагиных, в с. Петрищеве.

[7] Речь идет о семье И. В. Прокофьева. Его сын Сергей ум. в 1848 г.

[8] Стихотворение И. М. Долгорукова «Жизнь» («Посмотришь на себя, посмотришь на людей...») кончается описанием болезней, немощи и одиночества старости (Долгоруков И. М. Соч. СПб., 1849, т. 2, с. 18—23).

[9] Преосвященный Якутский — Иннокентий (Вениаминов).

150. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 9, л. 256—257 об.
Летописи, кн. 3, с. 395—396

[1] Речь идет о смерти И. Д. Якушкина 11 авг. 1857 г. В. И. Якушкин, судя по упоминаниям в декабристской переписке, был сильно болен (Пущин, с. 320; Летописи, кн. 3, с. 135).

[2] 19 сент. 1857 г. в «С.-Петерб. ведомостях» (№ 202) было опубликовано донесение контр-адмирала Б. Д. Нордмана от 16 сент. о том, что военный корабль «Лефорт» 10 сент. утром перевернулся и пошел ко дну. Погибли 756 человек экипажа и 70 женщин и детей.

[3] Имеется в виду восстание сипаев в Индии в 1857 г.

[4] Товарищем министра М. И. Топильский не стал, но с уходом В. Н. Панина в отставку в окт. 1860 г. был назначен сенатором.

151. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.33, л. 45—46 об.

152. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 10, л. 85—86 об.
Летописи, кн. 3, с. 396—397

[1] Подразумеваются правительственные меры в отношении отмены крепостного права, последняя из них хронологически — преобразование 8 янв. 1858 г. секретного комитета в Главный комитет по крестьянскому делу.

[2] Служебные неприятности В. В. Штейнгейля, вызванные, в частности, проживанием у него отца, заставили его вскоре оставить место инспектора лицея.

153. В. Ф. Адлербергу

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70,
с. 106—107

[1] 3 февр. 1858 г. это письмо со своей сопроводительной В. Ф. Адлерберг переслал В. А. Долгорукову (ДШ, л. 105); таким образом устанавливается адресат.

[2] Через В. Ф. Адлерберга Штейнгейль переслал письмо 139 (см. письмо 142). Однако Адлерберг сообщал Долгорукову, что не помнит просителя, и недоумевал, почему письмо адресовано ему. Судя по следующей фразе, Штейнгейль предполагал, что Адлерберг помнит его поведение во время следствия.

[3] На письме В. Ф. Адлерберга — резолюция В. А. Долгорукова с предложением пригласить к нему Штейнгейля 6 февр. к 10 ч. утра. В справке, составленной для Долгорукова к этому визиту, высказывается предположение, что Штейнгейль просит в своем письме о возвращении ему чина подполковника (ДШ, л. 110). Содержание разговора с Долгоруковым Штейнгейль передает в АЗ (см. с. 142) и в следующих письмах. Последствий это прошение, в соответствии с высочайшим повелением, не имело. Однако когда А. Ф. Бригген обратился за разрешением носить медаль в память Отечественной войны 1812 г. и Кульмский железный крест, В. А. Долгоруков во всеподданнейшем докладе сообщил о такой же просьбе Штейнгейля — вероятно, опираясь на их разговор, поскольку отдельной просьбы Штейнгейля в его деле нет,— и разрешение носить медаль дано было обоим в один день — 5 марта 1859 г. (ДШ, л. 119 об.). Судя по письму 172, Штейнгейль, помимо прочего, просил об отмене юридического расторжения брака с женой.

154. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 1—1 об.

[1] Батеньков хотел переводить сочинение французского историка Ш. Лебо «Histoire du Bas Empire», 1756—1779, в 27-ми т. Он ошибочно предполагал, что этот труд собирался переиздавать Марий Иванович Броссе (1802—1880), академик, ориенталист (Летописи, кн. 3, с. 62).

[2] Речь идет о возвращении из казны денег, конфискованных у Батенькова при аресте (около 3 тыс. рублей). Он имел право получить их сразу же по приезде в Сибирь на поселение.

[3] Юноша — упоминаемый в переписке Батенькова. Александр Афанасьевич Молдавский, секретарь канцелярии Инженерного департамента. О Никандре дополнительных сведений нет.

155. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 10, л. 337а—338
Летописи, кн. 3, с. 397—398

[1] Огарев Николай Александрович (1811—1867), ген.-лейтенант, зав. редакцией «Российской военной хроники», член Артиллерийского комитета, двоюродный брат Н. П. Огарева.

[2] Анжу Федор Петрович (1842—1858), кадет Морского корпуса.

[3] Николаю Александровичу (1843—1865), цесаревичу.

[4] См. письмо 153.

156. И. И. Пущину

ЦГАОР, ф. 1705, д. 10, л. 303—304 об.
Летописи, кн. 3, с. 398—399

[1] Корф, бар., дочь бар. Василия Сергеевича Корфа (1807—1883).

[2] 17 апреля — день рождения Александра II.

157. М. Н. Бестужевой

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 187—189 об.

[1] Бенардаки Дмитрий Егорович (ум. 1870), откупщик, золотопромышленник.

[2] В июне 1858 г. Александр II ездил на север России. Вел. кн. Константин Николаевич уехал в долгое заграничное путешествие в нояб. 1858 г. В нач. июня с горы Авасакса в 62 км от финляндского города Тонео видно незаходящее солнце.

[3] Г. С. Батеньков в нояб. 1857 г. поселился в Калуге, где купил дом, П. Н. Свистунов жил там с марта 1857 г. И. А. Анненков по возвращении из Сибири состоял чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе.

[4] Фролов Александр Филиппович (1804—1885), подпоручик, член Общества соединенных славян, осужден по II разряду. После амнистии поселился в Керчи. Его сын — Николай (р. 1847). Сын П. И. Фаленберга — Федор (р. 1846), служивший впоследствии в конной артиллерии. Жена А. Ф. Фролова — Евдокия Николаевна (урожд. Макарова, р. 1820).

[5] Собор был освящен в окт. 1858 г.

158. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 2—3

[1] Трузсон Николай Петрович, товарищ председателя Калужской палаты гражданского суда (1857—1858), потом калужский губернский прокурор. Был вызван в Петербург в Министерство юстиции. Батеньков писал о нем и Пущину (Летописи, кн. 3, с. 59—60).

[2] Об Н. И. Грече см. примеч. 173 к АЗ.

159. И. А. Анненкову

ИРЛИ, ф. 6, № 12, л. 5—6

[1] Бабушка Ненила — персонаж из стихотворения Н. А. Некрасова «Забытая деревня» (впервые появилось в печати в 1856 г.). Судя по письму 160, И. А. Анненков обещал Штейнгейлю помочь перебраться в Нижний Новгород.

[2] В янв. 1858 г. в Главный комитет по крестьянскому делу был введен министр юстиции и при нем М. И. Топильский.

[3] Анненкова избрали нижегородским губернским предводителем дворянства в 1861 г., а в 1858 г. он был назначен членом от правительства в губернском комитете по устройству быта помещичьих крестьян.

160. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 4—5 об.

[1] Штейнгейль боялся обременять собою семью сына (см. письмо 173). В это самое время он послал (может быть, с сыном) письмо А. А. Закревскому с вопросом, имеет ли он право приехать в Москву, раз ему разрешено жить в Петербурге, и может ли остаться там на жительство. Закревский запросил III Отделение 26 авг. 1858 г., а 29 авг. В. А. Долгоруков ответил ему, что «может быть дозволено

и в Москве», если Штейнгейль специально попросит о том III Отделение, а Закревский не видит к тому препятствий (ДШ, л. 111—112 об.). Такой просьбы не последовало.

[2] Речь идет о роли А. Ф. Орлова в возвращении Батенькову денег из казны (Летописи, кн. 3, с. 52, 54).

[3] 27 июля 1858 г. В. А. Арцимович был назначен губернатором в Калугу. Тезка — В. М. Жемчужников.

[4] А. В. Ентальцева умерла 24 июля 1858 г. в Москве (Пущин, с. 348).

[5] Пятковы были родственниками Батенькова со стороны матери. Наверное, речь о них зашла в связи с имущественными делами Батенькова (см. письма Батенькова к Ф. Н. Муратову: Рус. старина, 1889, № 8, с. 351—352).

[6] Штейнгейль ошибочно называет так жену П. Н. Свистунова Татьяну Александровну (урожд. Дуранову, ум. 1875).

161. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 6—7

[1] «По Литейной на углу Кирочной улицы, дом казенный» жил гр. А. А. Аракчеев (Аллер С. И. Руководство к отыскиванию жилищ по Санкт-Петербургу. СПб., 1824, с. 16).

[2] Е. П. Оболенский был женат с 1846 г. на Варваре Самсоновне Барановой (1821—1894), вольноотпущенной крестьянке, няне дочери Пущина.

162. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 8—9 об.

[1] В авг. и сент. 1858 г. Александр II предпринял поездки по внутренним губерниям России, во время которых высказывал свою волю о доведении до конца крестьянской реформы.

[2] В. А. Арцимович в крестьянском вопросе проявил себя человеком либеральным и деятельным. До него крепостнически настроенное калужское дворянство оттягивало организацию губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян.

[3] Имеется в виду подавление Англией восстания сипаев в Индии и Тайпинского восстания в Китае (1849—1864).

[4] Речь идет, вероятно, о русско-скандинавском градусном измерении, проводимом директором Пулковской обсерватории В. Я. Струве, начавшим публиковать результаты своего исследования в 1857 г. Мопертюи Пьер-Луи Моро (1698—1759), французский астроном и геодезист, автор работ о градусном измерении.

[5] Молитвословие из Триоди Постной (в страстную седмицу).

[6] Агафангел (Соловьев, 1810—1876), до 1857 г. — ректор Казанской духовной Академии, впоследствии архиепископ Волынский.

163. И. И. Пущину

ОПИ ГИМ, ф. 282, ед. 292, л. 35—36 об.

[1] Канкрин — вероятно, Валериан Егорович (1820—1861), гр., ген.-майор свиты Александра II, состоял по армейской кавалерии и Военному министерству.

[2] Московское дворянство стремилось освободить крестьян вовсе без земли, лишь «со строением», в связи с чем Александр II, обращаясь к нему 31 авг. 1858 г., объяснял, что дворяне «для своей же пользы должны стараться, чтоб вышло благо для крестьян», и что он под усадебной оседлостью понимает не одни строения, «но и всю землю» (Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903, т. 1, с. 337—338). В «Моск. ведомостях» речь не появилась.

164. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 10—11 об.

[1] Мария Александровна (р. 5 окт. 1853 г.), вел. кн., дочь Александра II.

[2] Ивашев Петр Васильевич (1837—1896), сын декабриста, артиллерист. Его сестра Мария Васильевна (1835—1897), с 1854 г. замужем за издателем и журналистом Константином Васильевичем Трубниковым (1829—1904). (См. о нем: Есин Б. И. Путешествие в прошлое. М., 1983, с. 82—118).

165. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 190—192 об.

[1] Суворов, как известно, искоренял «немогузнайство», приучая солдат к самостоятельному мышлению и находчивости.

[2] Александр Дюма-отец ездил по России с июня 1858 по февр. 1859 г. Результатом путешествия были 4 тома «Impressions de voyage. En Russie» и 3 тома «La Caucase» (Дурылин С. Александр Дюма-отец и Россия.— ЛН, т. 31—32, с. 518—562).

[3] Брюллов Карл Павлович (1799—1852), известный живописец, в 1842 г. приступил к работам для Исаакиевского собора, но выполнил их из-за болезни преимущественно на картонах, а заканчивал их художник П. В. Басин.

[4] Ф. П. Врангель в июне 1857 г. был уволен от должности управляющего Морским министерством и назначен членом Государственного совета.

[5] В авг. 1825 г. Ф. П. Врангель отправился в двухгодичное кругосветное плавание до Камчатки. Ф. П. Литке был ближайшим другом Врангеля.

[6] Огарева Мария Николаевна (урожд. Сеславина, 1816—1894).

[7] Дети В. П. Ивашева после смерти родителей воспитывались у его сестры Е. П. Хованской под фамилией Васильевы. Вторая упом. здесь дочь — Вера (в замуж. Черкасова, р. 1839).

[8] Лутковский Николай Петрович, начальник III Отделения Инженерного департамента (его тетка Е. С. Лутковская была замужем за В. М. Головниным).

166. Александру II

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 114—115

Имеется авторская копия письма с незначит. разночтениями, она приложена к письму 170: ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 59—59 об.

[1] Одновременно с уведомлением об амнистии 26 авг. 1856 г. Министерство внутренних дел предупредило III Отделение, что выезжающие из Сибири декабристы должны быть под надзором. 3 нояб. 1856 г. В. А. Долгоруков известил об этом тверского губернатора в связи с приездом Штейнгейля в Тверь. С тех пор он был под секретным надзором (ДШ, л. 86, 87, 91—92, 116).

[2] Александр II, в бытность свою наследником, объездил в 1837 г. часть Сибири, при этом участь ряда декабристов была смягчена в основном разрешением вступить в действующую армию на Кавказе.

[3] Имеется в виду Н. И. Тургенев.

[4] В справке III Отделения, представленной В. А. Долгорукову 10 дек. 1858 г., значится, что, по секретным донесениям о Штейнгейле, «он характера кроткого, чрезвычайно доброго, образ жизни ведет очень строгий и поведения весьма хорошего», но в «Соображениях» замечено, что возвратившиеся из Сибири на основании манифеста 26 авг. 1856 г. «все без исключения состоят под секретным надзором», поэтому освобождение от него Штейнгейля зависит от «монаршего милосердия» (ДШ, л. 116—117). На этих «Соображениях» помета В. А. Долгорукова: «Высочайше разрешено 12-го декабря». Тогда же был снят запрет на проживание в столицах (ДШ, л. 121).

Просьба Штейнгейля имела последствия не для него одного. На справке о числе вернувшихся из Сибири декабристов, осужденных по III—VII разрядам, помета В. А. Долгорукова о высочайшем разрешении «тех из них, о которых сведения вполне одобрительны, освободить от надзора на примере бар[о]на Штейнгейля» (там же, л. 117). Следующая справка от 13 дек. сообщает, что все они «в поведении одобряются». Таким образом, были освобождены от надзора Г. С. Батеньков, П. И. Фаленберг, М. К. Кюхельбекер, Ю. К. Люблинский и А. Ф. Бригген (там же, л. 118). В той же справке перечислены декабристы, осужденные военным судом и потому не отнесенные к разрядам, а также члены Оренбургского тайного общества — с них надзор тоже снимался.

167. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 12—12 об.
Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 268

[1] Н. А. Серно-Соловьевич (1834—1866), революционер-демократ. Александровский лицей закончил в 1853 г., затем служил в Государственной канцелярии, имел непосредственное отношение к Главному комитету по крестьянскому делу и поэтому был в курсе подготовки крестьянской реформы. В середине 1858 г. он составил смелую записку об отмене крепостного права и подал ее лично

царю во время его прогулки в Царском Селе. Вместо ожидаемых всеми репрессий Александр II передал ему благодарность, однако из столицы Серно-Соловьевич был отправлен в Калугу делопроизводителем губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. (Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, с. 42—44; Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 362—363).

168. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 13—14

[1] Барон — А. Ф. Штакельберг. Виктор Антонович — Арцимович. Н. П. Милордов содействовал возвращению батеньковских денег (см.: Письма Г. С. Батенькова, с. 277, Летописи, кн. 3, с. 54).

[2] Можно предположить, что речь идет о прохождении крестьянского вопроса.

[3] П. Н. Свистунов был избран в члены Калужского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян.

169. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 193—194 об.

[1] Вернувшись с Амура, М. А. Бестужев отправил Штейнгейлю несколько писем, критикующих амурскую политику правительства. Как явствует из письма 176, Штейнгейлю удалось первое из них, о котором здесь речь, довести до сведения царя. Содержание его известно только из пересказа Бестужева, писавшего Д. И. Завалишину 17 сент. 1860 г.: «<...> как ты ни обвиняй графа (Завалишин в это время выступил с серией статей, в которых всю вину за недостатки в освоении Амура возлагал на администрацию Н. Н. Муравьева — Н. З.), коренное зло есть: половинные меры и недостаток энергии в высшем правительстве» (ОПИ ГИМ, ф. 250, ед. 1, л. 29 об.).

В. С. Завойко с 1857 г. состоял членом Морского генерал-аудиториата. Он не разделял мнения Н. Н. Муравьева, что оплотом России на Дальнем Востоке должен стать Николаевск (см. об этом: Мусатов Б. И. Письма Михаила Бестужева к М. Ф. Рейнеке.— ЛН, т. 60, ч. 2, кн. 1, с. 234).

[2] Перефразированный афоризм Вольтера (Франсуа Мари Аруэ) из предисловия к комедии в стихах «Блудный сын» (1738): «Все жанры хороши, кроме скучного».

[3] Сестры Бестужевы в окт. 1858 г. вернулись из Сибири и поселились в Москве (Пущин, с. 354).

[4] Щепетов Тимофей Яковлевич, штаб-лекарь Петербургского военно-сухопутного госпиталя.

[5] См. примеч. 4 к письму 166. Однако I и II разряда это не коснулось, о чем Штейнгейль, видимо, не знает.

[6] Белоголовый Николай Андреевич (1834—1895), врач, автор воспоминаний о декабристах, уроженец Иркутска.

170. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 57—58

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 262—263

[1] Это письмо и письмо 172 Пущин переслал Г. С. Батенькову. Ему адресована запись Пущина на л. 57 настоящего письма: «Пока мой добрый Павел писал тебе (П. С. Бобрищев-Пушкин исполнял роль секретаря при Пущине в связи с его плохим самочувствием — Н. З.), принесли почту. Посылаю тебе документы барона и отдаю их в потомственное твое владение. Кажется, он с ума сошел, наш doyen d'age (старейшина — франц.). Крепко тебя обнимаю, добрый друг».

[2] О Ф. В. Булгарине см. примеч. 173 к АЗ.

[3] К письму приложена копия с письма 166 Александру II.

[4] Имеются в виду предстоящие даты: 19 февр.— годовщина восшествия Александра II на престол, 17 апр.— день его рождения.

[5] Знак отличия беспорочной службы за 15 лет. В 1858 г. было предположено оставить его как награду за 40 лет службы и более.

171. А. Е. Тимашеву

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 120

[1] Накануне по вызову А. Е. Тимашева Штейнгейль был у него (см. письмо 172). Упоминаемый документ — вид на жительство с исключением столиц, который Штейнгейль просил сменить на новый паспорт, в соответствии с отменой ограничений (ДШ, л. 121—121 об.).

172. И. И. Пущину

ГБЛ, ф. 243, 4.37, л. 60—61

Записки ОР ГБЛ, вып. 36, с. 263—264

[1] Алексей Андреевич — возможно, Рябинин, родственник Пущина со стороны матери (урожд. Рябининой), московский уездный предводитель дворянства.

[2] Пущины: Анна Ивановна (ум. 1867), Варвара Ивановна (1804—1881), Евдокия Ивановна (в замуж. Бароцци, ум. 1860), Елизавета Ивановна (1806—1860), Екатерина Ивановна (в замуж. Набокова, 1791—1866).

[3] См. примеч. 3 к письму 153.

[4] Отзыв Пущина на это письмо см. в его письме к Батенькову от 25 марта 1859 г. (Пущин, с. 358).

173. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 15—16

174. А. Е. Тимашеву

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 44—45

[1] В «Соображениях» III Отделения, представленных Тимашеву, высказывалась та мысль, что поскольку Штейнгейль уже возвратился, ни прогонных денег, ни единовременного пособия ему не следует

выплачивать, а можно вновь назначить пособие от казны в прежнем объеме. Высочайшее разрешение на это получено 1 мая 1859 г. (ДШ, л. 124—128).

175. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 27—28 об.

[1] К. Ф. Гонигман (в замуж. Юргенсон, 1833—1859) и С. В. Юргенсон (р. 1855) (см. письма Ф. И. Гонигмана к Батенькову: ГБЛ, ф. 20, 11.5, л. 5 об., 17).

[2] Это адрес фильтров городского водопровода.

[3] И. И. Пущин умер 3 апр. 1859 г., 7 апр. его похоронили. На погребении кроме родных были М. И. Муравьев-Апостол, П. С. Бобрищев-Пушкин, Е. И. Якушкин и М. А. Дорохова (см. письмо П. С. Бобрищева-Пушкина к М. М. и Е. П. Нарышкиным от 8 апр. 1859 г. с извещением о смерти Пущина: ГБЛ, ф. 133, 5819. 3, л. 2 об). У Е. П. Оболенского умерла дочь Мария (р. 1858).

[4] О Д. А. Щепине-Ростовском см. примеч. 32 к ЗВ. В 1857 г. он выехал из Сибири и поселился под Ростовом в с. Ивановке, своем имении, затем жил в Ростове Ярославском. В. А. Бечаснов остался на месте своего поселения.

[5] Погодин Василий Васильевич (ум. 1863), в 1820-х гг. сослуживец Батенькова по управлению военными поселениями, в 1850-х гг. присутствующий сенатор в общем собрании Варшавских департаментов. Батеньков гостил у него летом 1860 г. (см. о нем: Батеньков Г. С. Воспоминания по поводу некролога — День, 1863, 6 февр., № 7).

[6] Возможно, Батеньков хотел познакомить Штейнгейля с Валерианом Александровичем Бекманом (1802—1870), томским гражданским губернатором в 1850-х гг., ген.-майором (см. письмо 187).

[7] Я. С. Скропышев (1832—1898), с марта 1855 г. чиновник особых поручений при В. А. Арцимовиче, с ним переехал в Калугу, с нач. 1860-х гг. — начальник отделения в канцелярии министра государственных имуществ.

176. М. А. Бестужеву

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 197—198 об.

[1] Имеется в виду поэма английского поэта Эдуарда Юнга (1683—1765) «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (кн. 1—9, 1742—1745).

[2] В связи с упоминанием ниже камчатских событий и А. П. Арбузова можно предположить, что «барином» Штейнгейль называет, как и в письме 169, камчатского военного губернатора В. С. Завойко.

[3] Ватраков — сведений о нем найти не удалось.

[4] Об И. Бухарине см. примеч. 40 к АЗ.

[5] Речь идет о том письме Бестужева, на которое Штейнгейль отвечал 29 янв. 1859 г.

[6] М. Ф. Рейнеке умер 16 апр. 1859 г. во Франкфурте-на-Майне.

[7] См. об этом: Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, т. 1, с. 228—237.

177. *М. А. Бестужеву*

ИРЛИ, ф. 604, № 14, л. 195—196 об.

[1] Предыдущее письмо, написанное накануне, помечено 20 мая.

[2] 25 июня — день рождения Николая I. Речь идет о памятнике ему работы П. К. Клодта на Исаакиевской площади.

[3] Д. А. Щепин-Ростовский умер 22 окт. 1858 г. в Шуе. А. Н. Сутгоф (см. о нем примеч. 33 к ЗВ) к 1856 г. — прапорщик Кубанского егерского полка, позже заведовал фехтовальной школой в Москве, служил смотрителем и управляющим на кавказских курортах. И. А. Анненков получил в это время свою часть имения в Пензенской губ.

[4] П. И. Фаленберг в 1859 г. вернулся из Сибири и поселился в с. Иванковцах Проскуровского уезда Подольской губ., где служил управляющим.

178. *Г. С. Батенькову*

ГБЛ, ф. 20, 13. 34, л. 19—19 об.

179. *Е. И. Якушкину*

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 730, л. 1—2

[1] После смерти Пущина Е. И. Якушкин взял на себя ведение дел малой артели. Н. Н. Булич (1824—1895), историк русской литературы, профессор Казанского университета, уроженец Сибири.

[2] Штейнгейль умер 79 лет.

[3] А. Ф. Бригген умер 26 июня 1859 г. в Петербурге. О Н. Р. Цебрикове см. примеч. 84 к ЗВ. Въезд в столицу с освобождением от надзора был ему разрешен в 1855 г.

180. *Г. С. Батенькову*

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 20—20 об.

[1] Ф. П. Врангель.

[2] Русская модификация фамилии Гонигман.

[3] Т. е. вопрос столь же неясный, как судьба Италии, где только что закончилась война, усилилось революционное движение и шла борьба за объединение страны.

[4] И. И. Пущин.

181. *А. Е. Тимашеву*

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 131

[1] Штейнгейль вновь обратился с просьбой о выплате ему прогонных денег на дорогу из Сибири и пособия, которое он не получал со времени своего возвращения, объясняя просьбу тем, что при недостаточном состоянии сына ему совестно обременять его еще собою. Ходатайства Штейнгейля в деле нет, но его просьба изложена во всеподданнейшем докладе В. А. Долгорукова от 29 авг. 1859 г. (ДШ, л. 129—130). Из справки к докладу явствует, что неполученное пособие составляет 266 р. 83 $^1/_2$ к., а прогонные деньги составили бы 156 р. 69 1/2 к., всего 423 р. 53 к. «Соображения» III Отделения содержат ту мысль, что 76-летний Штейнгейль «уже

недолго будет обременять правительство», поэтому в его крайне стеснительном положении «полагалось бы возможным исходатайствовать для него испрашиваемые монаршие милости». Однако милости были оказаны в половинном размере. На докладе помета В. А. Долгорукова: «Высочайше повелено дать в пособие двести руб. сер. и тем дело кончить; деньги же истребовать из государственного казначейства». А. Е. Тимашев препроводил Штейнгейлю эти 200 р. при письме от 16 сент. 1859 г. (ДШ, л. 137).

182. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 730, л. 3

183. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 730, л. 4—5 об.

184. П. А. Ефремову

ИРЛИ, ф. 103, оп. 2, № 87, л. 1

[1] П. А. Ефремов (1830—1907), библиограф, литературовед, друг Е. И. Якушкина, корреспондент А. И. Герцена.

[2] Письмо датируется по содержанию: упоминаемый в нем брат адресата — Александр Александрович Ефремов, начальник III Отделения Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, пересылал, очевидно, для Штейнгейля в III Отделение причитающиеся ему деньги. О получении их А. Е. Тимашев известил Штейнгейля 16 сент. (см. примеч. 1 к письму 181).

[3] К письму приложен список указа Александра I от 31 авг. 1825 г. с повелением Синоду составить правила о «благоприличном духовным лицам одеянии».

185. А. Е. Тимашеву

ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70, л. 138

186. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 21—22

Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 268—269

[1] После капитуляции в авг. 1859 г. Шамиль был привезен в Петербург, а затем отправлен на поселение в Калугу.

187. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 23—24 об.

[1] В. А. Бечаснов умер 11 окт. 1859 г. Он — «особенный товарищ», потому что был вместе со Штейнгейлем и Батеньковым в Свартгольме. Об М. К. Кюхельбекере см. примеч. 40 к ЗВ. Он остался после амнистии в Барнауле, месте своего поселения, где и умер.

[2] У Е. П. Оболенского после смерти младшей дочери Марии родилась в 1860 г. дочь Ольга.

[3] Геллерт Христиан (1715—1769), немецкий поэт и моралист. Мораль басни «Зеленый осел» в том, что все новое сначала забавляет, а потом приедается (осла выкрасили в зеленый цвет, и народ ходил за ним «с великим удивлением», но вскоре перестал замечать).

188. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 25—26

[1] Федор Иванович — Гонигман.

[2] Флегонт Миронович — Башмаков.

[3] Батеньков переводил книгу французского историка А. Токвиля «L'ancien régime et la révolution» (Paris, 1856). Перевод не был напечатан.

[4] Неясно, какое издание имеет в виду Штейнгейль: в «Рус. вестнике» соответствующей статьи нет. («Рус. ведомости» выходили только с 1863 г.).

189. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 27—28 об.

[1] Батеньков ехал в Варшаву к В. В. Погодину.

[2] Т. е. царь.

[3] См. примеч. 3 к письму 93. Нил Сорский (ок. 1433—1508), церковный и общественный деятель, мыслитель. Слова В. А. Жуковского — возможно, перифраз строки «В твоей любви — святая благодать!» из его стихотворения «Государыне вел. кн. Александре Федоровне на рождение вел. кн. Александра Николаевича», 1818 г.

[4] См.: Жизнеописание Эзопа.— В кн.: Басни Эзопа. М., 1968, с. 37.

[5] 11 мая 1860 г. Сибирский комитет рассмотрел записку Н. Н. Муравьева-Амурского о разделении Вост. Сибири с выделением Приморской области под управление своего ген.-губернатора. Проект был отвергнут, а М. С. Корсаков действительно назначен председателем Совета при ген.-губернаторе Вост. Сибири (Барсуков И. П. Указ соч., с. 578—591).

[6] «Ешь пирог с грибами да держи язык за зубами».

[7] Анненковы провели за границей 4 месяца.

190. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 730, л. 6—7 об.

[1] Е. И. Якушкин служил в 1860-х гг. управляющим Ярославской палатой государственных имуществ. В это время по адрес-календарю в Ярославле значится лишь один Черкасов — Иван Гаврилович, городской пристав.

[2] Инспектор — Рейхель Алексей Казимирович (1833—1871), с 1862 г.— проф. химической технологии и декан института.

191. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 29—30

[1] Марья Николаевна — Горлова, дочь Н. П. Горлова, томского,

затем иркутского вице-губернатора, вместе с Батеньковым основавшего в 1818 г. в Томске масонскую ложу. Дружественные письма М. Н. Горловой к Батенькову см.: ГБЛ, ф. 20, 11.17.

192. *Е. И. Якушкину*

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 730, л. 8—9

193. *Е. И. Якушкину*

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 730, л. 10—11

[1] Очевидно, речь идет о рождении младшего сына Е. И. Якушкина Евгения (1860—1930), впоследствии педагога, филолога.

[2] Щепкин Николай Михайлович (1820—1886), сын актера М. С. Щепкина, издатель и общественный деятель (см. письмо 201).

194. *Е. И. Якушкину*

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 730, л. 12—12 об.

[1] П. В. Анненков (1812—1887), писатель, критик, биограф и издатель А. С. Пушкина. Вероятно, речь идет о статье Штейнгейля «Заметка старика» — Сев. пчела, 1860, 29 дек., № 289.

195. *Г. С. Батенькову*

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 31—32

[1] С. П. Трубецкой умер 22 нояб. 1860 г. в Москве.

[2] И. С. Трубецкой (1843—1874), сын декабриста, студент Московского университета. Свербеев Николай Дмитриевич (1829—1859), с 1856 г. — муж З. С. Трубецкой, чиновник Главного управления Вост. Сибири.

[3] Т. Я. Щепетову.

[4] М. М. Нарышкин после амнистии жил в Москве. Он и его жена были постоянными вкладчиками малой артели.

196. *Г. С. Батенькову*

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 33—34

[1] Адмирал — П. Ф. Анжу.

[2] М. П. Погодин восторженно приветствовал приближающееся к концу «великое земское дело о крестьянах» (Сев. пчела, 1861, 28 февр., № 48).

197. *Г. С. Батенькову*

ГПБ, ф. 49, № 22, л. 3—3 об.

[1] Вероятно, речь идет о крестьянских волнениях, связанных с введением Положений 19 февр. 1861 г.

[2] О поручении Н. Д. Пущиной см. след. письмо.

198. Н. Д. Пущиной

ИРЛИ, ф. 606, № 19, л. 1—2 об.

[1] Письмо написано в тот же день, что и предыдущее.

[2] В ознаменование заслуг Я. И. Ростовцева в подготовке крестьянской реформы его вдова с нисходящим потомством была возведена в графское достоинство. Детям декабристов-князей 30 авг. 1856 г. даровано княжеское достоинство. Самим же декабристам 10 сент. 1856 г. было возвращено только потомственное дворянство, без титулов и прав на прежнее имущество.

[3] Из письма Н. Д. Пущиной к Е. П. Оболенскому от 15 мая 1861 г. (там же, л. 3—4), при котором она пересылала настоящее письмо, выясняется, что Штейнгейль обещал ей содействовать в деле преобразования тобольского Ивановского мужского монастыря в женский со школой для девочек духовного звания.

199. Г. С. Батенькову

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3133, л. 1

[1] М. И. Семевский (1837—1892), историк, редактор-издатель журн. «Рус. старина», корреспондент А. И. Герцена.

200. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 35—36

[1] Е. С. Кочубей — дочь С. Г. Волконского, вторично вышедшая замуж после смерти Д. В. Молчанова.

[2] Намек на строки К. Ф. Рылеева из поэмы «Наливайко»: «Но где, скажи, когда была Без жертв искуплена свобода?».

201. Е. И. Якушкину

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 730, л. 13

202. Г. С. Батенькову

ГПБ, ф. 49, № 22, л. 1—2 об.

[1] Речь идет о кн.: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861, т. 1—2 (о Н. И. Трескине: т. 2, с. 167—170, 200, 248). Об использовании Корфом сведений, предоставленных ему Батеньковым письменно, см.: Корф М. А. Письмо к А. Ф. Бычкову, 18 мая 1861 г.— Рус. старина, 1902, т. 1, с. 149—150. Мнение Штейнгейля об Н. И. Трескине см.: Дум высокое стремленье, с. 34—37.

[2] Об И. Б Пестеле см. там же, с. 34—38.

[3] А. П. Анжу (ум. 1888), В. В. Нотбек (1825—1894), впоследствии генерал, начальник Тульского оружейного завода.

[4] Головнин Александр Васильевич (1821—1886), министр народного просвещения с дек. 1861 до 1866 г., с его именем связаны пореформенные преобразования в этой области.

203. М. И. Семевскому

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3138, л. 1

[1] Письмо без обращения, но несомненно адресовано М. И. Семевскому (находится в архиве журн. «Рус. старина»).

204. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 37—38 об.

[1] Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890), министр финансов с 23 янв. 1862 до 1878 г., осуществил в своей области ряд буржуазных реформ.

205. Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.34, л. 39

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. М. И. Семевский — Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.11, л. 1—2

[1] К письму приложена вырезка из газ. «Современное слово», 1862, 23 сент., № 93, с некрологом М. И. Семевского «Кончина барона Владимира Ивановича Штейнгейля».

[2] Приведем отрывок из ответного письма Г. С. Батенькова к М. И. Семевскому от 29 сент. 1862 г., в котором содержатся нигде более не повторяющиеся сведения о дружбе декабристов: «Еще с начала столетия я стал знать дядю покойного, Ивана Федоровича, с ним же самим началась моя приязнь в 1822 году, и мы видались только из года в год, когда я приезжал в Москву. Вторую половину 1826 и первую 1827 мы прожили вместе в Свартгольме, в общем бедствии, истинно как родные. Разлученные потом, ничего не знали друг о друге до 846 года, и тогда по прибытии моем в Томск первое полученное мною письмо было от Владимира Ивановича из Тары, после чего мы переписывались постоянно через власти. Тысяча верст была между нами. Встреча в Тобольске в 1856 продолжалась истинно один час. Он сидел в повозке отъезжая, а я приехал. Наконец, в П[етер]бурге виделись дважды.

Изволите видеть, что очень мало и отрывочно мы жили вместе. Впрочем, я не отказываюсь написать какие могу воспоминания» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 135, л. 1—1 об.).

Обещание свое Батеньков, насколько известно, не исполнил. О своих письмах к Штейнгейлю (и об ответных) он писал Семевскому, что они «вовсе не литературные и никому не могут быть интересны» (там же, л. 2). 21 нояб. 1862 г. Семевский отвечал: «<...> я был и теперь убежден, что они должны быть сохранены все до последней записочки, как святыня — для нас и потомства. Видя же те чувства, с какими генерал... впрочем, не хочу договаривать, скажу только, что я писал под влиянием глубокой грусти о потере знаменитого старца <...>» (ГБЛ, ф. 20, 13.11, л. 4—4 об.).

2. Вяч. В. Штейнгейль — Г. С. Батенькову

ГБЛ, ф. 20, 13.35, л. 1—2

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗ — Автобиографические записки В. И. Штейнгейля

Анненкова — Воспоминания Полины Анненковой. Красноярск, 1977

ВД — Восстание декабристов. Материалы. Т. 1—17

ГБЛ — Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина

ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Гос. публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

Дружинин — Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933

ДШ — Дело III Отделения по наблюдению за В. И. Штейнгейлем (ЦГАОР, ф. 109, I эксп. 1826 г., д. 61, ч. 70)

ЗВ — Записки о восстании В. И. Штейнгейля

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома)

Летописи, кн. 3 — Летописи Гос. литературного музея. Декабристы. М., 1938, кн. 3

ЛН — Литературное наследство

Мемуары декабристов — Мемуары декабристов. Северное общество. Сост. В. А. Федоров. М., 1981

Общественные движения — Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905, т. 1

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Гос. исторического музея

Письма Г. С. Батенькова — Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. Из архива Елагиных. М., 1936

Пущин — Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956

ЦГАВМФ — Центр. Гос. архив военно-морского флота

ЦГАЛИ — Центр. Гос. архив литературы и искусства СССР

ЦГАОР — Центр. Гос. архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и гос. управления СССР

ЦГВИА — Центр. Гос. военно-исторический архив СССР

ЦГИА — Центр. Гос. исторический архив СССР

ЦГИАМ — Центр. Гос. исторический архив г. Москвы

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

(после фамилий указаны номера писем)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

9(С)15
Ш 88

Ш88 Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма.— Издание подготовлено Н. В. Зейфман и В. П. Шахеровым.— Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985.— 608 с., ил.— (Серия «Полярная звезда»).

В томе впервые печатается точный текст «Записок» В. И. Штейнгейля — важнейшего мемуарного источника по истории движения декабристов, а также все известные его письма, большая часть которых ранее не публиковалась.

Ш $\frac{0505010000—52}{М141(03)—85}$ 62—85 9 (С) 15

В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЬ. Сочинения и письма.
Т. I. Записки и письма
Художник серии А. М. Муравьев. Художник О. Ю. Шипилова. На форзаце композиция по литографии К. Хейнцмана «Вид на манеж и Кремлевский сад», 1820-е гг. На фронтисписе В. И. Штейнгейль, литография О. И. Эстеррайха, 1823 г.

Редактор А. В. Глюк. Художественный редактор Е. Г. Касьянов. Технический редактор А. В. Пономарева. Корректор С. Г. Калмыкова.

ИБ № 1014

Сдано в набор 18.10.84. Подписано в печать 7.05.85. НЕ 04102. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура академическая. Высокая печать. Усл. печ. л. 32,02. Уч.-изд. л. 36,54 (с фронт.). Усл. кр.-отт. 32,50. Тираж 50 000 экз. Заказ 1976. Цена 4 р.

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000, Иркутск, Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда». 664009, Иркутск, Советская, 109.

4 р.

ИРКУТСК 1985